ОЧЕРКИ

ПРОСТОНАРОДНАГО ЖИТЬЯ-БЫТЬЯ

въ

ВИТЕБСКОЙ БѢЛОРУССІИ

и

ОПИСАНІЕ ПРЕДМЕТОВЪ ОБИХОДНОСТИ.

(Этнографическія данныя).

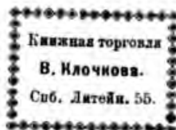
Съ географическимъ видомъ Витебской губерніи и четырьмя чертежами въ текстѣ.

Составилъ

Н. Я. Никифоровскій.

ВИТЕБСКЪ.
Губернская Типографія.
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 іюня 1895 года.



Пограничныя губерніи:

А—Б Псковская.

Б—В Смоленская.

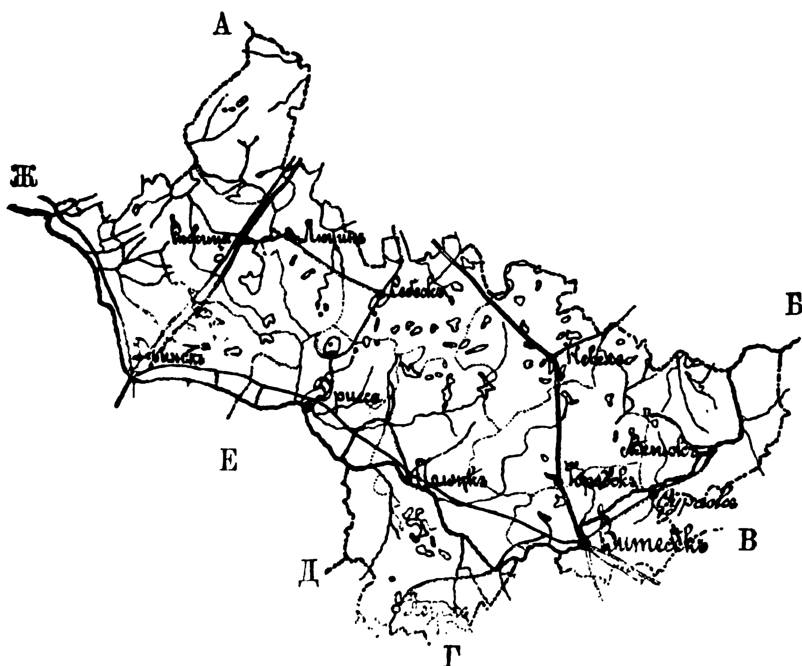
В—Г Могилевская.

Г—Д Минская.

Д—Е Виленская.

Е—Ж Курляндская.

Ж—А Лифляндская.



Географическій видъ Витебской губерніи.

Отъ составителя.

Ставъ горожаниномъ съ давнихъ поръ и сносясь съ селомъ, какъ рѣдкій гость его, я каждый разъ вижу, что текущее житье-бытье простолюдина Витебской Бѣлоруссіи, разсматриваемое въ связи съ предметами такъ называемой обиходности, какъ-то спѣшно видоизмѣняется: одни предметы заново вошли въ обиходность, другіе утратили прежнюю обыденность и встрѣчаются все рѣже и рѣже, третьи, за очевидною непригодностью, вышли изъ употребленія и не попадаются болѣе, даже какъ „заваляшціе“. Свѣжій обозрѣватель настоящей жизни, незнакомый съ памятнымъ строемъ ея при дѣдахъ и отцахъ, въ такомъ видоизмѣненіи не найдетъ ничего необычнаго: ѣстъ мужикъ чистый ржаной хлѣбъ, кое-когда пшеничные пироги домашняго изготовленія, изрѣдка пьетъ чай изъ собственнаго самовара, одѣвается въ фабричныя ткани, обувается въ стройные сапоги, живетъ въ чистой избѣ со струганымъ поломъ, имѣетъ кое-какую столярную мебель, лавочную утварь и посуду, выѣзжаетъ въ мастерскомъ, даже расписанномъ экипажѣ, на сытой лошади, которая убрана ременною сбруей—тутъ все обычно, заурядно, какъ и быть должно! Но тотъ же обозрѣватель да вспомнитъ со мною, что за 33 приблизительно года передъ симъ текущая обиходность далеко не была такою: тщедушный землячокъ продовольствовался мякиннымъ хлѣбомъ, или половинни-

комъ [1]), запивалъ первою подручною водой, изрѣдка—острымъ квасомъ, одѣвался въ разную домотканку, нашивалъ почти безсмѣнные лозовики [2]) на ногахъ, грузный треухъ и колпакъ—на головѣ, рѣдкія радости и сплошное горе переживалъ въ мрачной, курной хаткѣ, гдѣ въ то же время ютилъ подростающее поколѣніе житейскихъ пособниковъ, начиная отъ собственныхъ дѣтей и кончая будущимъ сальникомъ [3]), подателемъ шубки, молочка или тутъ же выращивалъ того малорослаго „бычанка́“ [4]), на которомъ впослѣдствіи то вспахивалъ и убиралъ поле, то подъ дуговою и шлейною запряжкою галопировалъ въ ближайшій городъ, или мѣстечко... Эту именно обиходность, повидимому, круто ушедшую въ даль, я желалъ бы возстановить предъ современнымъ обозрѣвателемъ быта простолюдина, того быта, про который не то иронически, не то страдальчески онъ частенько повторялъ слѣдующее излюбленное сказаніе: „Прышѐвъ Богъ до тэй до пе́клы [5]), ды й пыта́итца [6]) у дъя́бла: якъ ту́тыцька маисця [7]), чѐрцюхно?—Няшто, Госпыди, якъ-ни-якъ [8]) мадѐишь [9])... такъ са́мо й наша жицця̈: якъ-ни-якъ мадѣишь!..“

Пользуясь выгодами мѣстнаго старожила, давняго сельчанина, личнаго свидѣтеля прежняго житья-бытья простолюдина, свидѣтеля обновившихъ бытъ основъ, я постараюсь высказаться бытописательскимъ словомъ о трехъ существенныхъ сторонахъ—пищѣ, одеждѣ и жильѣ—съ относящимися къ нимъ предметами обиходности. При этомъ я ограничу бытописаніе двумя только смежными десятилѣтіями, на рубежѣ которыхъ стоитъ историческое 19 февраля 1861 года: въ первомъ изъ нихъ можно прочесть „послѣднее слово“ крѣпостническаго строя; во второмъ же, близкомъ къ прерванному строю, обновленная жизнь пока-что не очень далеко отходила отъ прежней. Что же касается топографической части бытописанія, то здѣсь не будутъ имѣть мѣста такъ называемые инфляндскіе уѣзды [10]) и сѣверныя окраины Велижскаго, Невельскаго и Себежскаго уѣздовъ Витебской губерніи, послѣднія потому именно,

что бытъ и жизнь тамошняго простолюдина всегда были ближе къ быту и жизни сосѣдей-великоруссовъ, живущихъ въ пограничныхъ губерніяхъ—Смоленской и Псковской.

При описаніи обиходности, при перечисленіи разнообразныхъ предметовъ ея, мнѣ, по необходимости, нужно будетъ называть ихъ мѣстными реченіями. Въ этомъ случаѣ, по силѣ умѣнья, я постараюсь передать ихъ фонетически '') и тутъ же объяснять приводимыя реченія.

Существеннымъ недостаткомъ настоящаго бытописанія является отсутствіе рисунковъ и чертежей въ подлежащихъ мѣстахъ текста: пока-что помѣщеніе ихъ превышаетъ наличную возможность. Но я считаю долгомъ отмѣтить, что значительная часть подлежащихъ описанію предметовъ можетъ быть встрѣчена въ мѣстномъ музеѣ, въ распоряженіи собирателей-этнографовъ и въ житейскомъ употребленіи. Между прочимъ, послѣднее обстоятельство можетъ свидѣтельствовать, насколько текущая обиходность отдалилась отъ воспоминаемой и чѣмъ сказалась треть столѣтія на обновленномъ бытѣ и жизни простолюдина.

При богатствѣ этнографическихъ данныхъ, между прочимъ, и о Витебской Бѣлоруссіи, настоящее бытописаніе, въ возможно полномъ видѣ, появляется въ этнографической литературѣ пока-что впервые. Отмѣчая эту особенность, не допуская въ то же время ни малѣйшей тенденціозности, составитель имѣетъ честь представить въ настоящихъ очеркахъ сырой этнографическій матеріалъ.

Н. Я. Никифоровскій.

1 января 1894 года.
Витебскъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.
Отъ составителя . . . . I—III.

А.

Ѣжа, ѣди(е)во, поя(ѣ)духа; прорва, жратва, момна.

I. Хлѣбныя изготовленія . . . . . . 3.
II. Стра́вы и ва́ри(е)вы . . . . . . 11.
III. Скы(о)ры(о)мя̀ц(т)ина, пячисты . . . 21.
IV. Случайныя кушанья . . . . . . 25.
V. Мы(о)канѝна . . . . 32.
VI. Ды(о)ба̀вы, или ды(о)кла́ды . . . . 35.
VII. Ласо̀ники и пы(о)ласу̀нки . . . . 36.
VIII. Хлѣбъ въ печеньи и употребленіи . . 39.
IX. Существенныя требованія стряпни . . 43.
X. Стряпуха . . . . 50.
XI. Сроки ѣды 55
XII. Образъ ѣды 60

Страницы.

XIII. Питье и питейные предметы . . . . 65.
XIV. Столовая посуда . . . . 73.
XV. Варѐвная посуда и природы . . . . 77.
XVI. Консервная посуда . . . . . . 83.
XVII. Молочная посуда . . . . . . 87.
XVIII. Питейная посуда . . . . . . 89.
XIX. „На заѣдки и запивки“ . . . . . 94.

Б.

Одѣцц(тт)я, обуцц(тт)я и приборы.

I. Мужская одежда . . . . . . 103.
II. Женская одежда . . . . . . 115.
III. Мужская и женская обувь . . . . . 122.
IV. Мужскіе и женскіе прибо́ры (уборы) . . 126.
V. Дорожные и случайные приборы . . . . 134.
VI. Складища и схо́вы. . . . . 136.
VII. Столовое и спальное бѣлье . . . . . 141.
VIII. Прядильные матеріалы передъ прядивомъ . 145.
IX. Нитка . . . . 150.
X. Сно̀ва (основа) . . . . 156.
XI. Навивка на ставъ (станъ) . . . . . 159.
XII. Тканье . . . . 163.
XIII. Обработка ткани . . . . 167.
XIV. Рабочіе предметы при ткани, одеждѣ, обуви и украшеніяхъ . . . . 171.
XV. Творцы одѣцц(тт)я, обу̀цц(тт)я и прибо́ры(о)въ; крэвчики, шѐвчики . . . . 184.
XVI. „На накѝдки“ . . . . 193.

Страницы.

В.

Жилле, сялиба и будовля.

I. Передъ хатки(о)й . . . . . . 213.
II. Хатка снаружи . . . . 218.
III. Хатка снутри . . . . 229.
IV. Сѣнки и исц(т)ёпка, или прѝзба, прійзба . 251.
V. Хля(ѣ)вы̀ (скотникъ, обора; дя(е)нникъ) . 256.
VI. Клѣц(т)ь и повклѣц(т)ь . . . . . 262.
VII. Токъ, рѝга, ре́я . . . . 268.
VIII. Пуня и клуня . . . . 282.
IX. Ла́зня (баня) . . . . 288.
X. Загорожи . . . . 301.
XI. „Звышь то̀го“ . . . . 307.

Г.

Тамъ-сямъ, вокругъ да около.

I. Въ хаткѣ, сѣнкахъ и исц(т)ёпкѣ . . 313.
II. Предметы освѣщенія . . . . . 331.
III. Подручные рабочіе инструменты . . . 340.
IV. Въ хлѣву . . . . 351.
V. Въ возовнѣ . . . . 363.
VI. Сбруя и упряжь . . . . . . 378.
VII. Въ остальныхъ усадебныхъ строеніяхъ . . 386.
VIII. „Во саду-ли, въ огородѣ“ . . . . . 410.
IX. „У пча(е)линцу“ . . . . . . 424.
X. На пашнѣ . . . . 433.
XI. На покосѣ . . . . 455.
XII. Въ лѣсу; лѣсные дары . . . . . 466.
XIII. При водѣ . . . . 482.

Страницы.

XIV. На рыболовлѣ . . . . 492.
XV. На охотѣ . . . . 516.
XVI. Тамъ же нынѣ . . . . . . 535.
Послѣсловіе . . . . 548.
Выноски и примѣчанія . . . . . I—CXLIX
Замѣченныя погрѣшности . . . . CLI—CLIV

ОЧЕРКИ
ПРОСТОНАРОДНАГО ЖИТЬЯ-БЫТЬЯ
въ Витебской Бѣлоруссіи
и
описаніе предметовъ обиходности

(Этнографическія данныя).

А.

Ѣжа, ѣдиво, поядуха, прорва, жратва, момна [12]).

„Кылй-бъ ня дюрка у рóци, дыкъ-бá ходйвъ чиловѣкъ у злó-ци [13])... Ны кишкý тольки й працýимъ...“ [14]) (изъ множества мѣстныхъ присловій о ѣдѣ).

Подъ приведенными именами отдѣла слѣдуетъ разумѣть не только пищу всѣхъ разновидностей—скоромную, постную, густую, жидкую, обыденную, праздничную, дорожную, но и образъ приготовленія и потребленія ея. Такъ-какъ ѣда и питье состоятъ въ тѣсной связи другъ съ другомъ, то вслѣдъ за перечисленіемъ съѣдобныхъ предметовъ будетъ сказано о предметахъ питія съ присоединеніемъ подлежащей посуды и нѣкоторой утвари, насколько послѣдняя примыкаетъ къ потребляемымъ предметамъ.

I. Хлѣбныя изготовленія.

1. Главный предметъ ѣды дома и въ дорогѣ, въ будни и въ праздникъ, въ заурядной и парадной жизни, нерѣдко первый и послѣдній, другими словами—единственный предметъ ѣды—есть хлѣбъ. Мѣстный простолюдинъ почтительно называетъ его—„хлѣбушко насýчный“ [15]); въ разновидностяхъ и разномѣстномъ упо-

требленіи онъ бываетъ: а) чистый. Этотъ хлѣбъ приготовляется изъ одной только ржи, сперва провѣянной на току, а потомъ тщательно обтолоченной въ ступѣ, такъ же тщательно „перепо́лутой“ [16]) послѣ сушки въ печи, передъ мелевомъ, и просѣянной чрезъ густое рѣшето муки. Если тѣсто для такого хлѣба слегка подсолено и не предстоитъ потомъ надобности омакивать хлѣба въ соль, послѣдній получаетъ названіе пирога: подъ этимъ именемъ онъ служитъ при парадномъ и праздничномъ употребленіи, отчасти въ дорогѣ и при поднесеніи, въ видѣ „дара“, почетнымъ лицамъ.— Потребители чистаго хлѣба бывали рѣдки, и достаточно сказать, что такой-то „ѣсь [17]) чистый хлѣбъ“, чтобы въ окружищѣ о немъ заговорили, какъ о богачѣ. Ступенью ниже почитался хлѣбъ

б) „градо́вый, или градо́вка“ [18]). По экономическимъ ли, или „скваль́жнымъ“ [19]) цѣлямъ, рожь не особенно тщательно провѣвалась на току, по крайней мѣрѣ, наиболѣе тонкая „пилюха́“ не отдѣлялась отъ нея: въ такомъ видѣ рожь поступала въ печную сушку, мелево, и непросѣянная послѣ него мука шла на хлѣбное тѣсно.—Потребители „градо́вки“ не могли почесться бѣдняками; многіе изъ нихъ имѣли благоустроенное относительно хозяйство, даже кое-какія деньги; вообще же они почитались „сто́ищими“ [20]) людьми, которымъ многіе завидовали.

в) „Пушнэй“ хлѣбъ, или „пушнинка“ (въ шутку прибавлялось слово—святая) приготовлялся буквально изъ непровѣянной ржи, которая, однако, при помощи метелъ, освобождалась послѣ молотьбы отъ мелкой соломки, колосьевъ, глиняныхъ комьевъ, и ли же, будучи провѣяна, снова соединялась съ своею мякиною и „пилюхо́й“ и въ такомъ видѣ поступала въ жернова; мука просѣвалась чрезъ рѣдкое рѣшето и шла на тѣсто.—Потребители и такого хлѣба не могли почесться крайними бѣдняками: они всетаки ѣли „оржанину“ [21]), хотя ихъ хлѣбу никто не завидовалъ, по крайней мѣрѣ, не желалъ себѣ.

г) „Пыловэй“ хлѣбъ, онъ же „пыловушка“, есть тотъ, въ составъ котораго вошла лишь половинная часть ржи, а другую половину составили: ячмень, овесъ, гречиха, даже пшеница, взятые то порознь, то, въ свою очередь, смѣшанные въ извѣстныхъ доляхъ. Изрѣдка въ смѣси попадалась гороховая и бобовая мука; но ею только дѣлалась „замѣса“ [22]), а не уторъ: въ послѣднемъ такая мука препятствуетъ должному окисленію тѣста, „подходу“ его, и парализуетъ ржаной вкусъ хлѣба.—Не взирая на почтенный составъ „пыловушки“, на видимо питательныя части ея, послѣдняя не имѣла повседневнаго употребленія, такъ-какъ скоро пріѣдалась; потребленіе же ея прямо свидѣтельствовало о ржаномъ недородѣ.

д) „Бульбянэй“ хлѣбъ состоитъ [23]) изъ половинныхъ долей— ржаной муки и мятаго, или на теркѣ перетертаго сырого картофеля, предварительно очищеннаго. По всей справедливости, этотъ хлѣбъ слѣдовало бы назвать „пыловымъ“; но такого названія онъ не имѣетъ въ средѣ потребителей.—Кто отвѣдывалъ этого хлѣба, тотъ признаетъ, что пріятный вкусъ его и бѣлизна не уступаютъ лучшимъ сортамъ печенаго хлѣба, и нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторые сельскіе интеллигенты потребляютъ „бульбянэй“ хлѣбъ наравнѣ съ простолюдиномъ. Но у послѣдняго онъ является „насущнымъ“, вызывается нуждою, недородомъ ржи и другихъ хлѣбовъ, а потому—и подневольнымъ, пріѣдается „прикріиць“ [24]), какъ говорятъ, тѣмъ болѣе, что онъ скоро черствѣетъ и тогда теряетъ не только вкусъ, но и бѣлизну.

е) Послѣдній хлѣбъ, къ которому приводила семью и отдѣльныхъ лицъ безысходная нужда, вопіющая бѣдность, періодическіе хлѣбные недороды, есть хлѣбъ „мякинный“, или мякинка“ (шутливое дополненіе—святая), тотъ именно, о которомъ давній простолюдинъ, не „ображая Бога“ [25]), простодушно иронизировалъ такъ: „по ёмъ кылй и чертъ пыбягйць, дыкъ ногу зыскабиць“!.. [26])

Этотъ послѣдній жалкій хлѣбъ состоялъ изъ большей половины то овсяной, то ячменной, то пшеничной мякины, которая перемалывалась совмѣстно съ ржаными зернами; въ болѣе же бѣдственныхъ случаяхъ тутъ бывало такъ мало ржи, что она служила чѣмъ-то въ родѣ клея для скрѣпленія мякинныхъ частицъ. Ясно, что „мякѝнка", какъ и потребители ея—„мякѝнники"—вызывали одно лишь сожалѣніе даже со стороны завѣдомыхъ окрестныхъ бѣдняковъ, а сколько-нибудь зажиточныхъ сердобольцевъ подвигали на подаяніе бѣднякамъ настоящаго хлѣба.

ж) На страницахъ давней, хотя и не ускользнувшей изъ воспоминаній старожиловъ и личныхъ свидѣтелей простонародной жизни значатся такъ называемые „болѣзныи годы̀" [27]). Кромѣ холерныхъ, оспенныхъ, тифозныхъ и другихъ эпидемій, кромѣ скотскихъ падежей, разорительныхъ событій 1812, 1831 и 1863 гг., подъ ними разумѣются помѣстные хлѣбные неурожаи и, слѣдовательно, голода́, но какіе? сравнительно слабыми можно считать голодовочныя проявленія послѣдняго по Россіи хлѣбнаго недорода! По удостовѣренію „живой гра́ммы" [28]), голодающіе, напримѣръ, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ потребляли хлѣбъ изъ лебеды, болотнаго „бобовника", древесныхъ гнилушекъ, дополняя къ этому торфъ и глину. Первые два предмета, какъ и другія подъ руками растенія, у прибѣднившихся составляли нерѣдкое прибавленіе къ мукѣ для весенняго хлѣба и въ болѣе счастливые годы.

2. Выше упомянуто, что подсоленное тѣсто для чистаго хлѣба даетъ пирогъ. Къ этому нужно прибавить, что солка касается лишь того комка тѣста, который предназначенъ для пирога: въ въ этомъ будетъ все его отличіе отъ остальныхъ хлѣбовъ. Понимаемый такъ „пирогъ" печется не только изъ чистаго тѣста, но и изъ другихъ родовъ его, даже изъ „мякѝнки". Кромѣ житейской практики, въ томъ удостовѣряетъ и шуточное присловье— „Господи, благослови! изъ чего хлѣбъ, изъ того и пироги!" Однако, выше всѣхъ „пироговъ" стоитъ „пшённый", приготовлен-

ный изъ домашней пшеничной муки. Недостаточно очищенныя зерна пшеницы, не вымытыя отъ головни, перемолотыя въ ручныя жернова, заторъ безъ дрождей, плохой подходъ тѣста и неумѣлое мѣсиво, часто превращаютъ „пшённый пирогъ" въ хлѣбъ, едва-ли лучше ржаного.

Тамъ, гдѣ стряпуха знаетъ свое дѣло, или гдѣ набѣжалъ не заурядный случай, пирогъ бываетъ „крепа́ный", т. е. съ начинкою. Обыкновенно „крепа́нкой" служатъ: внутренности убойнаго животнаго, творогъ, рубленыя яица, замасленная гречневая каша, а въ постные дни—та же каша, грибы и даже мелкорыбица.

3. Ни одно почти хлѣбное печенье не обходится безъ „лопуновъ" [29]). Комъ тѣста, величиною въ кулакъ, нѣсколько просаливается, распластывается по величинѣ домашней сковороды, на которой и ставится въ печь, на подготовленные уголья. Когда „лопу́нъ" запекся сверху и снизу, его кладутъ „допека́цца" въ печное устье; на сковороду же и уголья поступаетъ тѣмъ временемъ новый. Если „лыпуны́" пекутся для путевыхъ и вообще не домашнихъ нуждъ, то при печеньи они смазываются масломъ или саломъ; но этого не дѣлается тогда, когда „лопу́нъ" предназначенъ для замѣны хлѣба, который не можетъ выпечься къ очередной ѣдѣ.—Толщина „лыпуна́" бываетъ пальца въ два.

4. Но если „лопу́нъ" распластанъ значительно тоньше, хотя и толще блина, то онъ называется „сочнёмъ". Печенье „сычня̀", какъ и употребленіе его, совершенно сходны съ „лыпуно́мъ"; недоѣдки того и другого идутъ въ помощь хлѣбу, при новой очередной ѣдѣ.

5. Намазанный тонкимъ слоемъ „припёки" и съ нею вновь запеченный, „сочень" даетъ извѣстный лакомый „ля̀пинь" [30]), или „ля̀пникъ", составляющій отдѣльное блюдо въ домашней ѣдѣ и служащій путевымъ, даже гостиннымъ надобностямъ. Такъ, груда „ляпинёвъ" посылается матери, сестрѣ, брату, относится роднѣ при „про́видкахъ" [31]) и проч.—„Припёкой" служитъ: а) жидкій

творогъ со сметаною, б) мятый картофель съ нею же, или съ масломъ, съ саломъ, съ яицами, в) чистая сметана и г) толченый макъ, конопля, въ постные дни. Удачнымъ приготовленіемъ „ляпышка" слѣдуетъ считать то, когда „припёка" не отстаетъ отъ него.

Перечисленныя доселѣ изготовленія получаются передъ самымъ печеньемъ хлѣбовъ, изъ вполнѣ готоваго ржаного тѣста, т. е. замѣшаннаго и подошедшаго въ квашнѣ. Но немало изготовленій идетъ изъ него и до „замѣсы", т. е. изъ тѣста „утво́рнаго", только лишь вскисшаго. Такъ, чаще всего пекутся:

6. Драчёны. Уторное тѣсто для драчёнъ замѣняетъ отчасти дрожди. Если уторной кислоты пока недостаточно, то ее можно сдѣлать наскоро, подливъ въ тѣсто квасу, квашеной сыворотки. Кромѣ того драченное тѣсто разбавляется моло́комъ и взбалтывается различною мукою—ржаною, овсяною, ячменною, гречневою, пшеничною, а въ бѣдныхъ случаяхъ—гороховою и бобовою. Это тѣсто не доводится, однако, до жидкости блиннаго, хотя и дѣлается значительно жиже хлѣбнаго; на сковороду оно свободно вычерпывается ложкой.—Каждая испеченная „драчёнина" сверху смазывается масломъ, саломъ, а въ постъ—медомъ, если послѣдній водится дома, и всѣ онѣ накладываются грудою въ рѣшетѣ, запасной сковородѣ, подходящей доскѣ, или на подостланной холстинѣ. „Ла́сыи [32]) драчёны", составляя отдѣльное „заѣдочное" кушанье, остаются „ла́сыми" и въ пути.—Часто драчены пекутся прѣсными, не на уторномъ тѣстѣ; но тогда онѣ бываютъ почти всегда пшеничными, на молокѣ.—Заурядная величина „драчёнины" и толщина ея можетъ быть приближена къ „ляпню" безъ „припёки".

7. „Ла́дки" пекутся изъ одинаковаго съ драченами тѣста. Онѣ не смазываются сверху, подобно драченамъ, и, подобно имъ, служатъ „заѣдочнымъ" блюдомъ, но при какой-нибудѣ „моканинѣ" [33]); въ дорогу онѣ не берутся.

8. „Крывя̀ники“—драчены и „ла́дки“—пекутся изъ того же уторнаго тѣста, взболтаннаго различною мукой, къ чему прибавляется еще кровь убойнаго животнаго. Послѣдняя часто подолгу хранится въ запасѣ, какъ для „крывя̀никывъ“, такъ и для различныхъ кислыхъ кушаній.

9. Наконецъ, уторное хлѣбное тѣсто употребляется для „расчи̇̀нныхъ блиновъ“—ржаныхъ, овсяныхъ, ячменныхъ, пшеничныхъ. Какъ и слѣдуетъ быть, тѣсто разводится до жидкости обыкновеннаго блиннаго тѣста.

10. За исключеніемъ гороховой и бобовой муки, блины пекутся изъ всякой остальной и отъ нея получаютъ свое названіе—ржаныхъ, овсяныхъ, „я̀чныхъ, гречи̇̀шныхъ, пшённыхъ“ блиновъ. Обыкновенно всякое тѣсто для блиновъ заторяется въ специальной квашнѣ, съ вечера, безъ дрождей: къ утру оно вскисаетъ и готово на блины, печенье которыхъ начинается на первыхъ угольках затопленной печки, длится во все время стряпни и едва заканчивается передъ загребомъ жара въ печурки, именно потому, что и для самой скромной семьи ихъ требуется не мало, блиновъ 10—15 на человѣка, приблизительно. Если блины предназначаются для путевыхъ надобностей, они имѣютъ „припёку“, совершенно одинаковую съ „припёкой ля̀пнёвъ“; тогда же они складываются надвое, припёкой внутрь, или вчетверо. Внѣ путевыхъ надобностей блины сбрасываются со сковороды на холстину, разостланную на лавкѣ, скамьѣ, обернутой кадкѣ, рѣшетѣ, гдѣ въ видимомъ безпорядкѣ, но въ цѣляхъ охлажденія, лежатъ до окончанія стряпни. Только тогда они укладываются въ рѣшето грудою, стопою, гдѣ покоятся до ѣды ихъ съ „мокани̇̀ной“,—что почти всегда составляетъ первое блюдо первой ѣды.

Знатоки мѣстной простонародной жизни утверждаютъ, что по роду (му̀ка́) блиновъ можно опредѣлить обычныя и незаурядныя положенія дома. Такъ: а) овсяные блины, затворенные съ вечера, указываютъ на обычное теченіе семейной жизни; б) тѣ же блины,

приготовленные на овсяной цѣжѣ, указываютъ на неожиданность— болѣзнь одного изъ членовъ семьи, отлучку; в) ржаные блины пекутся въ ожиданіи пріѣзда близкихъ родственниковъ; г) ячменные тогда, когда накапунѣ, или за день пеклись другіе; д) гречневые— исключительно на масленицѣ, и е) пшеничные—въ поминальные дни. Со всѣмъ этимъ можно и не согласиться, но нельзя отрицать жизненной правдивости послѣднихъ двухъ утвержденій.

Блины всѣхъ родовъ пекутся въ обрѣзъ, т. е. примѣнительно къ потребностямъ семьи на одну, много—двѣ дневныя ѣды, и къ другому дню не оставляются, подобно другимъ хлѣбнымъ печеньямъ.

11. Весьма рѣдко, по большей части, въ выдающіеся дни Великаго поста (1, 9, 17, 25 марта, въ среду 4-й и субботу 6-й нед.) приготовляются „прѣсняки"—прѣсные хлѣбы, „лопунѝ и сочнѝ" изъ ржаной, или домашней пшеничной муки. Въ остальныхъ случаяхъ они пекутся при хлѣбномъ „пирапёкѣ" [34]), за невозможностью одолжиться обыкновеннымъ хлѣбомъ, и для немногихъ любителей „присняцѝны".

12. Еще рѣже встрѣчались „бубáшки" (черепенники), именно потому, что приготовленіе ихъ требуетъ дрождей и умѣнья пользоваться послѣдними,—что было недоступно сельской стряпнѣ воспоминаемаго времени. Поступая въ домъ вмѣстѣ съ „сѝтникомъ, обаранками, пéрниками" [35]) изъ мѣстечекъ и городовъ, „бубáшки" вмѣстѣ съ ними служили „лáсыми" предметами.

13. Значительно замѣняли и по внѣшнему виду сходны были съ хлѣбными печеньями „бульбѝники" или „гỳльбишники", обыкновенно приготовляемые изъ очищеннаго мятаго картофеля, въ тѣсто котораго прибавлялось небольшое количество муки, ради клейкости, яица, сметана, творогъ, для лучшаго вкуса. Приготовленные и запеченные въ видѣ „лопунóвъ и сочнёвъ, бульбяники" разрѣзались на части, складывались въ плошку и, слегка залитые масломъ, или сметаною, ставились въ печь до ѣды.—Это любимое кушанье ста-

рообрядцевъ (въ Ловожской в., Полоцк. у.) перешло и въ дома мѣстнаго крестьянства.

II. Стравы и варивы.

Подъ общимъ именемъ „стравъ или пытрáвъ и вáривъ“ слѣдуетъ разумѣть обыденныя кушанья различныхъ видовъ, гдѣ преобладающими, или исключительными долями оказываются предметы растительные (трава). Хотя понятіе „вáрево“ содержитъ въ себѣ весь кругъ вареныхъ кушаній, однако, оно скорѣе можетъ быть отнесено къ жидкимъ кушаньямъ, скоромнымъ и постнымъ одинаково,—къ теплымъ больше, чѣмъ къ охолодѣвшимъ.

14. Столъ мѣстнаго простолюдина трудно представить безъ „капусты“, подъ которою, однако, не должно понимать капусты въ собственномъ смыслѣ: послѣдней здѣсь бываетъ только доля, часто незначительная, а нерѣдко и того нѣтъ—рубленая свекла въ смѣси съ морковью, рѣпой и брюквой—вотъ мѣстная „капуста“! Подобно чистому хлѣбу, наиболѣе желательною является „капуста“ изъ чистой свеклы, безъ примѣсей.—На дневныя надобности „капусты“ берется добрая четверть „варéвныго“ горшка, который до верху наливается водой, по вкусу присаливается и приставляется къ огню. Въ скоромные дни сюда кладутся: то сало, то мясо, какъ свѣжее, такъ и приготовляемое въ прокъ, а за неимѣніемъ ихъ, вбрасываются „сквáрки“, или кладется немного „топлёнаго“ сала, но уже послѣ кипѣнья горшка; въ постные же дни—нѣсколько грибовъ, мелкая рыба, кусокъ судака, селедки или вливается двѣ-три ложки конопляного масла; въ случаѣ же недоступности ихъ, „капуста“ приправляется толченою коноплей, которая придаетъ бѣлизну „стрáвѣ“. Послѣднимъ, но рѣшительно необходимымъ дополненіемъ „капýсты“ служитъ „заколóта“—жидкое тѣсто, на подобіе блиннаго, для нѣкоторой сгущенности кушанья и уничтоженія дикаго вкуса „капусты“,—что обыкновенно дѣлается при наступленіи болѣе спокойнаго кипѣнья горшка.—Несмотря на мо-

лочное довольство, „капуста“ не приправляется сметаною, ни даже молокомъ, ни „подсмéциннемъ“ [36]): изъятіе составляютъ масленичные дни, или обиліе молочныхъ запасовъ при отсутствіи мясныхъ.

15. Что сказано о „капустѣ“, то цѣликомъ относится и къ разновидностямъ ея, которыми бываютъ: а) „буракѝ—сячёныи, крышёныи, мочёныи“, отварные;—б) „боцвѝнне“—стебли и листья свеклы, раннею лѣтнею порой;—в) маковые листья, иногда—рѣпа; г) „шныць“—молодые листочки извѣстнаго (кажется, зонтичнаго) растенія, весьма рано появляющагося на жирныхъ мѣстахъ, и д) „кислѝца“—щавель. Изъ перечисленныхъ разновидностей „капусты“ надлежащую кислоту имѣютъ только „мочёныи бураки“ да щавель; остальныя пріобрѣтаютъ таковую при помощи кваса, сыворотки и, рѣдко—уксуса, уже во время варки.

Если позволяетъ возможность, „капуста“, какъ и многія другія кушанья, обильно приправляется лукомъ, который всегда подъ рукою, а въ парадныхъ случаяхъ—и перцемъ. Послѣдняя приправа вызываетъ то шутливое, то укоризненное замѣчаніе: „у злыднихъ живемъ, а съ перцымъ ядёмъ!“.

16. Вмѣсто „капусты“ готовится изрѣдка „пóливка, а́бо юшка“ [37]). Это кислое кушанье состоитъ изъ кваса, бурачнаго разсола, разбавленнаго уксуса, кислой сыворотки, жидкой овсяной цѣжи, приправленныхъ „заколóтой“.—„Пóливка“ имѣетъ всѣ дополнительныя части „капусты“, т. е. мясо, сало, мелкорыбицу и проч.

17. Подобно „капустѣ“, „холоднѝкъ“ есть родовое названіе кислаго кушанья изъ ботвиньи, свеклы, „шныци“ и даже щавеля. Обыкновенно предметы для „холоднику́“ отвариваются, мелко рубятся, разводятся окисляющими приправами (квасомъ, сывороткой, уксусомъ) и дополняются крошенымъ лукомъ, огурцомъ, или пустоцвѣтомъ его. „Холоднѝкъ“ не имѣетъ „заколóты“, потребляется въ холодномъ видѣ и можетъ быть немедленно же приготовленъ

изъ запасенныхъ комьевъ ботвиньи, свеклы и проч., которые заготовляются съ утра, или наканунѣ; они часто забираются въ поле и на луга, гдѣ „холодникъ“ можетъ быть готовъ минутъ въ пять.— Такъ называемый „бялёный [38]) холодникъ“ употребляется рѣдко, едва ли чаще „бялёный капусты и поливки“.

18. Жидкій овсяный кисель, занимающій средину между „поливкой“ и настоящимъ киселемъ, называется „жу́ромъ, жури́хой“. Онъ готовится на одну, много—двѣ ѣды, потребляется теплымъ, при рѣдкомъ дополненіи то коровьяго, то постнаго масла. По охлажденіи „журъ“ не даетъ даже сноснаго киселя: тогда онъ поступаетъ на второстепенныя надобности—въ собачье и свиное корыто.

19. Мѣстный кисель бываетъ исключительно овсяный, хотя и не всегда изъ овсяной муки, которая полностью уходитъ на блины: для киселя идутъ „вы́сѣвки“, т. е. овсяныя отруби. Онѣ наливаются теплою водой, ставятся на ночь въ теплое мѣсто и утромъ выжимаются руками, или ложкой на рѣшетѣ: получается „цѣдъ“, составляющій единственную основу киселя. Смотря по надобности, кисель можетъ быть сваренъ гуще и рѣже,—что происходитъ отъ большаго или меньшаго развода цѣжи водой. Любимый кисель вездѣ одинъ и тотъ же—въ бѣдномъ домѣ и въ богатомъ: и тамъ и здѣсь онъ потребляется и теплымъ, и холоднымъ, съ масломъ, молокомъ, сытою, и безъ нихъ,—потребляется въ будни и въ праздникъ, при заурядной и при гостиной жизни. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что кисель замѣтно фигурируетъ въ пословицахъ, поговоркахъ, въ пѣсняхъ и припѣвкахъ мѣстнаго простонародья и что къ нему относится не мало простонародныхъ примѣтъ.

20. Мѣстная солодуха въ своемъ составѣ не имѣетъ ничего солодоваго: въ приготовленіи она нѣсколько сходится съ мѣстнымъ пирогомъ безъ дрождей, т. е. свой кисло-сладкій вкусъ пріобрѣтаетъ естественнымъ броженіемъ и своевременнымъ повариваніемъ.

Если позволяетъ домашняя возможность, для солодухи отдѣляется тонкая ржаная мука: она разводится прѣсною водой и до нѣкотораго окисленія ставится въ теплое мѣсто, послѣ чего солодушное тѣсто или, вѣрнѣе—брага поступаетъ въ вольный печной духъ. Въ дальнѣйшемъ многое зависитъ отъ умѣнья стряпухи: во время слѣдуетъ вынуть горшокъ изъ печи, быстро охладить солодушное тѣсто при помощи снѣга и льда, снова поставить въ печь и снова же спѣшно охладить. Когда все это сдѣлано и когда тѣсто не допущено до остраго окисленія, тогда получается желанная, „ла́сая“ солодуха: остывшая, она подается въ числѣ „заѣдковыхъ“ кушаній. Отдѣльные „ласуны̀“ мокаютъ въ нее хлѣбъ, даже намазываютъ хлѣбныя порціи, особенно, когда въ солодуху положено было немного меду; дѣти же обыкновенно лакомятся солодушною пѣнкою, дочиста вытираютъ хлѣбомъ и вылизываютъ миску, въ которой подавалась солодуха.

Обычнымъ временемъ потребленія солодухи почитаются посты—рождественскій и великій, когда, кстати, подъ руками есть много холодильныхъ предметовъ. Нѣтъ надобности говорить, что солодуха—исключительно постное кушанье.

21. „Крупе́ня“, или же—„кру̀пникъ“ есть супъ изъ ячменной, гречневой и ржаной крупы; послѣдняя употребительна лишь около Ильина дня, когда изъ молодой, отчасти зеленой ржи начинаются первыя хлѣбныя изготовленія: печется новый хлѣбъ, блины, варится каша. „Крупе́ня“ начинаетъ серію прѣсныхъ „стравъ“ и, подобно „капустѣ“, считается обыденнымъ кушаньемъ, то смѣняя первую на день, то дополняя ее, какъ второе блюдо. Если выраженіемъ „одъѐсь капусту“ обозначается половина ѣды, то словами „одъѐсь крупе́ню“—конецъ ея. Застольное присловье утверждаетъ, что „капуста и крупе́ня — ро̀дныи браце́ни“, и это говоритъ не только о близости кушаній другъ къ другу за столомъ, но и однообразномъ ихъ приготовленіи, составѣ. Дѣйствительно, сюда идутъ тѣ же „доба́вы“ сала, мяса, грибовъ, рыбы и проч.,—та

же четвертая часть горшка крупы; „капу́сную заколо́ту" тутъ довольно часто замѣняютъ нѣсколько картофелей, сперва переваренныхъ, а потомъ растертыхъ ради „путря̀нысци" [39]) кушанья, нѣкоторой сгущенности его. Это не будетъ походить на подобные же городскіе супы, на счетъ густоты которыхъ простолюдинъ иронизируетъ такъ: „крупи̂на зы крупи̂ный гыня̀итца зъ дуби̂ный".— „По́сныя крупе́ня" и „бялёныя" подаются часто холодными, особенно, за второю и третьею ѣдой.

22. „Бялёный кру̀пникъ" и „кру̀пникъ сальный" приготовляется значительно жиже „крупе́ни"—то по недостатку крупы, то по разсчетливости, и служитъ закусочнымъ кушаньемъ, подается на „захлѝбку". Это не будетъ чисто молочный, или сальный супъ: онъ варится постнымъ и, послѣ кипѣнья, заливается то молокомъ, то саломъ: послѣдній и будетъ собственно „кру̀пникъ".

23. „Бу̀льба, гу̀льба"—картофельный супъ, въ которомъ имѣютъ мѣсто всѣ „доба́вы капусты и крупе́ни" и который потребляется теплымъ и холоднымъ. Если „бу̀льба несо́пкая" [40]) и семейный вкусъ не допускаетъ пластиковыхъ кусковъ картофеля, послѣдній растирается въ горшкѣ поваренною ложкой,. колотовкой, спеціальнымъ толкачемъ, а при особенной твердости картофеля, онъ вычерпывается изъ горшка, „толчется въ ступѣ", или деревянной мискѣ, и потомъ снова выворачивается въ горшокъ. „Бульба" бываетъ и „бялёныя", подобно „холоднику, крупе́ни" и др.

24. „Мо́рква"—чистый изъ моркови супъ, куда для „путря̀нысци" прибавляется нѣсколько картофелей. Подобно предыдущему, суповой матеріалъ растирается то въ горшкѣ, то въ чашкѣ и потомъ заливается молокомъ, или, иногда, остается постнымъ: „доба́вы" предыдущихъ „стравъ" тутъ не имѣютъ мѣста.

25. Изрѣдка варятся то рѣпа, то „гарбу̀зъ" [41]), то „пыстырна́къ", къ которымъ прибавляется картофель и которые заливаются молокомъ: приготовленіе и потребленіе ихъ совершенно

сходны съ „мо́рквый“. Слѣдуетъ дополнить, что всѣ эти кушанья слишкомъ временныя: первыя два имѣютъ мѣсто въ теченіе августа, второй—до половины сентября, а послѣдній—раннею весной, не болѣе двухъ-трехъ разъ.

26. Гораздо дольше, чуть не во всю зиму, готовится „грыжа́нка“ [42]; по крайней мѣрѣ, потребленіе ея начинается при „старомъ молокѣ“ и затягивается при „новомъ“ [43]. Она не всегда бываетъ „бялёную“: изрѣдка варится съ „доба́вами“, иногда—постною; въ то же время къ ней не всегда прибавляется картофель. Будучи въ составѣ молочнаго кушанья, правильные кубики брюквы не „толкутся“ какъ картофель, морковь, рѣпа и тыква, а остаются одни и тѣ же въ молочной, мясной и постной „грыжа́нкѣ“.

Перечисленныя „стра́вы“ можно отнести къ разряду жидкихъ, хотя жидкость ихъ довольно относительная: четверть горшка крупы для „крупе́ни“, большая половина горшка картофелю въ „бу̀льбѣ“, такая же половина моркови въ „мо́рквы“ и проч. дѣлаютъ кушанья довольно густыми. Но разъ они потребляются съ хлѣбомъ, за ними удерживается названіе жидкихъ. Многія изъ нижеслѣдующихъ кушаній не будутъ, пожалуй, гуще, хотя безхлѣбное потребленіе ихъ почему-то выдѣляетъ изъ категоріи жидкихъ и сближаетъ съ густыми. Сюда принадлежатъ:

27. „Крупе́ня съ горо́хымъ, або́ зъ бо́бымъ“, приготовляемая въ постные дни. Крупа здѣсь исключительно ячменная, изрѣдка—перловая, варится съ нешелушеннымъ горохомъ, или бобомъ, и ко второй ѣдѣ достигаетъ густоты „каши чрезъ ложку“. Въ послѣднемъ случаѣ, особенно когда кушанье охлаждено, въ „кру̀пеню“ вливается одна—двѣ ложки коноплянаго масла.

28. „Зацѝрка“ приготовляется изъ пшеничнаго, гречневаго и ячменнаго тѣста—прѣсняка, которое протирается чрезъ рѣшето, или между рукъ, откуда падаетъ небольшими крупинками на столъ, на подостланную холстину. Когда крупинки провянутъ,

нѣсколько отвердѣютъ, тогда ихъ варятъ, хотя и недолго, какъ супъ,—съ масломъ, саломъ и изрѣдка—съ мясомъ.

29. То же тѣсто, мелко изрубленное ножомъ, сѣчкой и, въ свою очередь, завянувшее, даже засушенное, даетъ „сѣка́нку“, которая готовится подобно „запи́ркѣ“, съ однѣми и тѣми „доба́вами“.—Оба эти приготовленія часто дѣлаются заблаговременно и покоятся въ мѣшечкахъ на печи, и вблизи нея, чтобы тѣмъ дольше сберечь отъ порчи.

30. Мѣстная „мыкарёна“ есть довольно грубая, часто маловкусная, лапша изъ домашней пшеничной муки, подобно всѣмъ „бялёнымъ стра́вамъ“. заливаемая молокомъ. „Мыкарёна“ потребляется теплою, но предпочтительнѣе—холодною, и составляетъ одно изъ лакомыхъ „заѣдочныхъ“ кушаній, особенно, когда она приготовлена изъ фабричной муки; но послѣднее имѣетъ мѣсто въ зажиточныхъ домахъ, въ выдающіеся дни.

31. Клецки приготовляются изъ пшеничной, гречневой, ржаной и ячменной муки, то въ чистомъ видѣ, то въ смѣси, и оттого получаютъ свое названіе—пшенныхъ, грецкихъ и „миша́ныхъ“. Клецки, приготовляемыя спускомъ тѣста въ кипятокъ „чрезъ ложку“, мало распространены; гораздо обыденнѣе клецки „ката́ныи“ [14]). Обыкновенно густое прѣсное тѣсто для послѣднихъ раскатывается руками въ длинныя „катэлки“; онѣ разрѣзаются потомъ на маленькіе кусочки, округляются легкимъ катаньемъ въ рукахъ, или на столѣ и нѣкоторое время „вянутъ“, до вброса въ горшокъ. Это—простѣйшій видъ клецокъ, приготовляемыхъ, между прочимъ, въ постные дни; другой видъ ихъ—клецки съ „душа́ми“, подъ чѣмъ нужно разумѣть маленькіе кусочки свиного сала, старательно помѣщенные въ каждую отдѣльную „клёччину“. И тѣ и другія клецки, не превышающія величины грецкаго орѣха, вбрасываются въ кипятокъ,—что предупреждаетъ разваръ ихъ.—Клецки являются желаннымъ блюдомъ во всѣ дни, подобно киселю, бли-

намъ, кашѣ,—какъ теплыя, такъ и холодныя; онѣ составляютъ необходимое блюдо поминальныхъ дней.

Повидимому, клецки—густая „страва", но онѣ имѣютъ добрую треть „юшки" и потому причисляются къ жидкимъ.

32. Въ такомъ же точно положеніи находится и „гу̀ща"—супъ изъ подобія перловой крупы, обработанной домашними усиліями и болѣе извѣстной подъ именемъ „обтовка́ныго" ячменя. Подобно клецкамъ, „гу̀ща" имѣетъ треть „юшки", съ мясомъ не готовится, чаще первыхъ бываетъ „бялёныя" и потребляется теплою и охлажденною, даже и тогда, когда въ постные дни къ ней прибавляется то горохъ, то бобъ.

33. „Бовту̀ха" приближается къ густымъ кушаньямъ. Она бываетъ: пшеничная, ячменная, гречневая, даже овсяная и ржаная, отчего и получаетъ свое видовое имя. Приготовленіе „бовту̀хи" слишкомъ просто мука разводится холодною водой, присаливается и взбалтывается; послѣднее періодически повторяется во все время варки.—Внѣшнимъ видомъ „бовту̀ха" напоминаетъ переваренное блинное тѣсто; вкусъ же ея много зависитъ отъ „доба́въ"—сала, масла,—или отъ разбавленія молокомъ, на подобіе „бялёныхъ стравъ". Въ постные дни „бовту̀ха" готовится изъ гороховой и бобовой муки и тогда она потребляется только теплою.

34. То же приготовленіе на кипяткѣ, даетъ совершенно родственное кушанье—„колоту̀ху". Отъ умѣнья стряпухи зависитъ—не допустить то и другое кушанье до клейкаго сцѣпленія, до образованія комочковъ и подгара: тогда оба кушанья поступаютъ въ корыто.

35. Оба кушанья справедливѣе было-бы назвать „кулешо́мъ", если бы подъ послѣднимъ именемъ не состояло отдѣльное приготовленіе изъ ячменной, гороховой и бобовой муки. Мѣстный кулешъ по густотѣ занимаетъ средину между блиннымъ, примѣрно, тѣстомъ и густымъ овсянымъ киселемъ. Онъ потребляется теплымъ;

допущенный же до охлажденія, кулешъ даетъ новое кушанье—„бруски". Кулешъ—скромное семейное кушанье: въ парадные дни онъ не готовится и не подается случайному гостю.

36. „Брускѝ, а́бо стульцы" приготовляются изъ развареннаго гороха и боба, кои пропускаются чрезъ рѣшето, для очистки отъ шелухи. Полученный кисель охлаждается въ низкой посудѣ, гдѣ, сгустившись до нѣкоторой твердости, разрѣзается на небольшіе квадратики почти передъ подачей на столъ. „Брускѝ" бываютъ и не гороховые—изъ остатковъ кулеша; но всѣ они составляютъ постное кушанье и всегда потребляются приправленными постнымъ масломъ. „Брускѝ" чуть-ли не единственное кушанье, потребляемое не ложками, или руками, а спеціальными спицами, иногда о двухъ, или трехъ зубцахъ.

37. „Комы̀" бываютъ исключительно гороховые и бобовые, хотя изрѣдка встрѣчаются и картофельные. Нѣсколько разваренный, неошелушенный бобъ, горохъ, картофель „толчется" въ ступѣ, подсаливается, и изъ полученнаго тѣста дѣлаются шарики, не превышающіе величины кулака. Въ отдѣльныхъ приготовленіяхъ „комы̀" ставятся въ печь на сковородѣ, чтобы получить корку; но въ обыкновенномъ быту дѣло тѣмъ только и заканчивается: „комы̀" потребляются, какъ „заѣдки", или „пиракуска", въ томъ видѣ, какой они получили первоначально.—„Комы̀"—исключительно постное и, отчасти, путевое кушанье.

38. Мѣстная каша рѣдко готовится „чрезъ ложку"; по большей части, она бываетъ густа до того, что ложка съ трудомъ входитъ. Въ то же время каша не разнообразна: гречневая, ячменная, ржаная, картофельная, изрѣдка просовая, при чемъ, первыя двѣ обыденнѣе остальныхъ. Гречневая каша бываетъ „цалко́выя", т. е. изъ цѣльной крупы, и „дра́ныя"—изъ болѣе мелкой, или даже изъ „пыдпа́дкрупья" [15]); ячменная же каша—только изъ „драный" крупы и „пыдпа́дкрупья". Къ той и другой кашѣ прибавляется иногда немного мятаго картофеля: тогда получается болѣе лакомая

„каша съ бýльбый“. Чисто картофельная каша готовится рѣже предыдущихъ двухъ и по экономическимъ видамъ, и по пріѣдливости ея. Что же касается двухъ послѣднихъ, то онѣ готовятся еще рѣже: ржаная имѣетъ мѣсто около Ильина дня, а „пруси-нáя“ [16]) не всегда доступна, такъ-какъ крупу нужно обязательно покупать. При урожаѣ тыквы, на короткое время появляется „гырбузóвыя каша“: она почти всегда молочная, что не бываетъ съ остальными видами каши, обыкновенно приправляемой то масломъ, то саломъ.

Какъ извѣстно, каша составляетъ одно изъ любимыхъ кушаній простолюдина, наравнѣ съ блинами и киселемъ; но отъ частаго приготовленія ея приходится воздерживаться потому, что это вызываетъ расходъ на замасливанье,—что и утверждено поговоркой: „наварилъ каши—масла не жалѣй!“

39. Мятый картофель, разжиженный молокомъ, или „подсмéсциннимъ“, да четырьмя-пятью яицами, выложенный на плошку средней величины, отстоявшійся въ „вольномъ духу“ до нѣкоторой густоты и получившій зарумяненную пѣнку, даетъ вкусную „бульбяныю іéчню“. Она подается на столъ въ числѣ „заѣдковыхъ“ кушаній и потребляется съ хлѣбомъ и безъ него, по желанію ѣдоковъ.

40. „Бульбяныя іéчня“ бываетъ и тогда, когда очищенный картофель мелко разрѣжется и получитъ „добáвы“ предыдущаго кушанья. Дальнѣйшее изготовленіе и потребленіе этой „іéчни“ совершенно одинаково съ предшественницей. Кстати: она стоитъ значительно ниже первой и на столѣ появляется сравнительно рѣже.

41. Вмѣсто гречневой и ячменной (дубовая каша) въ нѣкоторые дни готовится „гýща“-каша, которая отличается отъ своей сродницы только тѣмъ, что не имѣетъ жижи. Въ поминальные дни она замѣняетъ иногда кутью дома, при церковномъ и кладбищенскомъ поминаньи, называясь ея именемъ. Такая кутья при-

правляется масломъ, или саломъ, а въ постные дни варится съ горохомъ или бобомъ.

42. Специальная „куцця" готовится изъ цѣльныхъ пшеничныхъ зеренъ въ поминальные дни и во всѣ три коляды, которыя поэтому и принимаютъ ея имя: „пéршія [47]) куццѝ, быгáтыя, голодныя" [48]). Приготовленіе кутьи, какъ и потребленіе ея, обставлено множествомъ примѣтъ и повѣрій, о которыхъ здѣсь неумѣстно говорить.—Если есть собственныя пчелы, или семейный достатокъ позволяетъ купить меду, кутья приготовляется съ сытой; въ противномъ случаѣ она удобряется то коровьимъ, то постнымъ масломъ. Какова ни была бы кутья, она подается на столъ первою и всегда холодною.

43. При отсутствіи нужнаго для кутьи матеріала, но при спѣшности дѣла, мелко разрѣзываются баранки и въ такомъ видѣ потребляются въ сытѣ, или сахарной водѣ. Эта „куццѝ" считается значительно ниже пшеничной, но выше кутьи-„г*у*щи".

44. „Л*а*сыя кул*а*га" заканчиваетъ рядъ „стравъ". Она приготовляется изъ всѣхъ почти ягодъ, даже яблокъ и грушъ, но чаще всего изъ безкостныхъ ягодъ—черники, „пьянѝки" [49]), брусни́ки, клюквы. Ягоды варятся вмѣстѣ съ отборною мукой въ закрытомъ, по возможности, горшкѣ, до густоты киселя. То же бываетъ и съ костистыми ягодами—сливами, вишнями, черемхой, калиною, хотя первыя кое-когда предварительно отдѣляются отъ косточекъ и тогда только смѣшиваются съ мукой. Если позволяютъ средства, въ „кул*а*гу" кладется немного меду, или сахару: тогда послѣдняя намазывается, или вымакивается хлѣбомъ, „сочнѝми", блинами, подобно солод*у*хѣ.—„Кул*а*га" подается на „заѣдки" теплою и холодною.

III. Скырым*я*цина, пяч*и*сты.

Въ разсчетливыхъ хозяйствахъ, а такими можно почесть почти всякое крестьянское, не пропадаетъ ни одна часть убойнаго

животнаго: находитъ употребленіе въ томъ, или другомъ кушаньѣ, приготовляется въ томъ, или другомъ видѣ. Такъ, кровь идетъ на „крыва́ники“—блины, аладьи, колбасы, или въ „по́ливку“; грудныя внутренности подъ общимъ именемъ „пичанёвъ“—въ „стра́вы“, или на жаркое; брюшныя внутренности опять же въ „стравы“, или въ „ныдиваники“ [50]; голова, ноги—на холодное и проч. Даже самцовыя ядра зажариваются, правда, мужчинами самолично и поѣдаются ими до вылиза сковороды. Уже это одно указываетъ на возможное разнообразіе скоромныхъ приготовленій; но тутъ же нельзя упускать изъ виду и молочныхъ, которыя лѣтнею, особенно, порой замѣняютъ мясныя. На рубежѣ постныхъ и скоромныхъ „стравъ и пячистъ“ стоятъ:

45. „Іе́чни—смажиныи, или тушёныи и пражиныи“. Изъ нихъ вторая есть обыкновенная сковородная яичница, доведенная до твердой густоты; первая же—смѣсь сладкаго молока со взболтанными яицами (5 яицъ на бутылку молока); жидкость присаливается и въ плошкѣ, мискѣ, горшкѣ ставится въ „вольный духъ“, гдѣ и запекается до средней густоты, но не до ноздреватости. Обѣ яичницы подаются теплыми и холодными. О послѣдней нужно сказать, что она не оскорбитъ вкуса даже прихотливаго потребителя, и не даромъ она подается на „заѣдки“, какъ у богача, такъ и бѣдняка, при наиболѣе парадномъ случаѣ.

46. Подъ общимъ именемъ „пячи́стъ“ слѣдуетъ понимать большіе куски зажареннаго мяса, или цѣлое животное, какъ: гусь, утка, курица, поросенокъ и проч. „Пячи́сто“ бываетъ: а) „тушёныя“, когда зажаривается въ закрытой посудѣ,—б) „смажиныя“, когда запекается на открытой сковородѣ, или желѣзномъ листѣ и в) отварное, вынутое изъ „стравы“ и нѣкоторое время простоявшее въ жаркой печи. Самымъ лучшимъ считается „тушёнка“, потому что вмѣстѣ съ нею „тушитца“ и напитывается жиромъ добавляемый сюда картофель; тушёнка обильно приправляется

лукомъ и перцемъ,—чего нѣтъ на половину въ „смажинкѣ“.

47. Подобно „пячѝсту“ приготовляются „пичанѝ“—грудныя внутренности, къ которымъ относятся и почки. „Пичанѝ“ готовятся во многихъ „стравахъ“, подобно мясу, салу, и др. „Пичанёвыя пячѝсто“ употребляется и холоднымъ,—что рѣдко бываетъ съ настоящимъ „пячѝстымъ“.

48. Послѣ жаркѝхъ важнымъ праздничнымъ блюдомъ считаются „кывбасы“, которыя бываютъ: а) „мисовэи“, б) „пичанёвыи“ и в) „кривавники“ [51]). Онѣ заготовляются иногда передъ осенними „дѣдами“ [52]) и, сберегаемыя то въ мясномъ разсолѣ, то въ зерновомъ хлѣбѣ, служатъ на надобности въ поминальный день, заговѣнье, въ праздники Р. Хр.; остатки доживаютъ до „товстый субботы“. По большей части, однако, колбасы заготовляются въ концѣ рождественскаго поста, при убоѣ откормленныхъ свиней, мясо и сало которыхъ идетъ главнымъ образомъ на колбасы.—Колбасный матеріалъ крошится довольно крупными кусками, приправляется обильно лукомъ, перцемъ и набивается при помощи бутылочнаго горлышка въ свиныя, или бараньи кишки, признаться, несовсѣмъ аккуратно очищенныя. За исключеніемъ послѣдняго и продолжительной лежалости иногда, мѣстныя колбасы не оскорбятъ вкуса.

При надобности, колбасы зажариваются на сковородѣ, или „затушивыютца“ въ „прижанѝнѣ“: въ томъ и другомъ случаѣ онѣ протыкаются иголкой, чтобы не лопались и не разваливались.—Въ холодномъ видѣ колбасы употребляются только въ дорогѣ.

49. Всѣ не мясныя колбасы называются „кѝшкыми“, иногда—„выдиваными кѝшкыми“. Начинкою такихъ колбасъ служитъ: а) гречневая каша со „скваркыми“, или мелко покрошеннымъ саломъ и б) съ тѣмъ же саломъ прѣсное густое тѣсто изъ пшеничной, гречневой, ячменной и даже овсяной муки. „Кѝшки“ рѣдко зажариваются на сковородѣ, а по большей части запекаются въ жир-

ной „тушёнкѣ“, или отвариваются въ наиболѣе жирной „стравѣ“; подобно колбасамъ, часто протыкаются иголкой.

Въ полушляхетскихъ домахъ начинка подслащается и даже смѣшивается съ яблоками и ягодами. Каково ни было бы приготовленіе „кишикъ“, онѣ составляютъ лакомое „заѣдковое“ кушанье.

50. Желудокъ свиньи, овцы и теленка, начиненный гречневою кашей, называется „киндюко́мъ“, или „трибухо́мъ“. Онъ запекается на сковородѣ, или въ открытой плошкѣ, часто переворачивается, поливается жиромъ и протыкается иголкой, для вывода паровъ. Подобно гречневой „кишки“, начинка „киндюка“ подслащается, а самъ онъ потребляется исключительно теплымъ, при „заѣдкахъ“.

Гречневая начинка въ колбасѣ и желудкѣ рѣдко бываетъ заранѣе приготовленною кашей: чаще всего она приготовляется наскоро и есть—сырая крупа, разбавленная водой, а при сальномъ довольствѣ—жидкимъ саломъ.

51. Кишки и желудокъ, посильно очищенные, обваренные на рѣшетѣ и покрошенные потомъ, даютъ извѣстныя „вантро̀бки“, отъ которыхъ получаетъ свое имя и „страва“, куда онѣ поступаютъ вмѣсто мяса, или сала. „Вантробки“ не даютъ жира и кушанье задабривается запаснымъ саломъ.

52. Тѣ же кишки и, въ особенности желудки жвачнаго животнаго, обваренные, искрошенные и „затушиныи“ вь жидкомъ тѣстѣ, даютъ лакомыя „книги“, или „книгывки [53]). Это кушанье имѣетъ сильный специфическій вкусъ и не всѣмъ нравится, а потому оно приготовляется для немногихъ любителей „книжнаго ѣдива“.—„Книги“ потрѐбляются теплыми холодными, примѣнительно ко вкусу любителей.

53. Мѣстное холодное называется „сцю̀днимъ“ и приготовляется изъ головки и ножекъ убойнаго животнаго. Какъ извѣстно, онѣ сперва продолжительно варятся и „отпаривыютца“ въ закрытомъ горшкѣ: полученный густой бульонъ, раздробленное варкою

кое-какое мясо и нѣкоторыя косточки размѣщаются въ миски и застуживаются—получается густой, твердый „сцюдинь“, лакомое, праздничное кушанье и богача и бѣдняка. „Сцюдинь“ подается или первымъ, или послѣднимъ, при чемъ онъ сперва разрѣзается въ мискѣ на мелкіе брусочки, подобно „стульцымъ“, обильно посыпается перцемъ и вычерпывается ложками.

При значительномъ числѣ семьянъ и при гостиномъ сборѣ, „сцюдинь“ заготовляется изъ нѣсколькихъ „ходовъ“, подъ чѣмъ разумѣются всѣ четыре ноги животнаго; въ скромныхъ бобыльскихъ хозяйствахъ на это идетъ только „полхода“, лишь бы „потѣшить душаньку“.

Наиболѣе почтеннымъ, любимымъ „сцюдянёмъ“ считается свиной; далѣе слѣдуютъ: поросячій, овечій, телячій, козій и коровій. Но выше всѣхъ стоитъ „гусячій сцюдинь“, приготовляемый изъ гусиныхъ головокъ, оконечностей крыльевъ и ножекъ. Разумѣется, этотъ послѣдній доступенъ тѣмъ немногимъ хозяйствамъ, гдѣ водятся гуси и гдѣ убой ихъ производится одновременно.

IV. Случайныя кушанья.

Къ разряду случайныхъ кушаній слѣдуетъ причислить тѣ часто несложныя кушанья, которыя созидаются наскоро, часто безъ помощи огня, или и при воздѣйствіи огня, но когда послѣдній разведенъ для другихъ надобностей и цѣлей. Такъ, напримѣръ, печеный картофель во всѣхъ случаяхъ—на конопасномъ ночлегѣ, на пастьбѣ, при овинной и банной топкѣ, въ загребной печуркѣ и проч.—является случайнымъ кушаньемъ, какъ брюква и свекла, приготовленныя подобнымъ же печеньемъ. Случайныхъ кушаній слишкомъ много; но чаще другихъ встрѣчаются слѣдующія:

54. „Цюпки“, или „муры“—общеизвѣстная тюря. Онѣ дѣлаются: а) на разсоленной водѣ, или квасу, куда „цюпютца, цюрутца“ [5*]) хлѣбные остатки, корки, сухари, мелко искрошенный

иногда лукъ и даже огурецъ;—б) на „бѐрьки“ [55]) и кленовомъ соку, куда уже не входятъ ни лукъ, ни огурецъ;—в) на медовой и сиропной сытѣ, гдѣ въ прихотливыхъ и богатыхъ случаяхъ „цюпютца“ даже пшеничныя печенья;—г) на овсяномъ, присоленномъ „цѣди“ и д) на различныхъ молочныхъ приготовленіяхъ—сладкомъ молокѣ, „пыстыàлки“, сывороткѣ и „посмѐцинню“. Во всѣхъ случаяхъ кушанье будетъ называться „цюпкыми“ только тогда, когда въ избранную жидкость именно „нацюплинъ“ хлѣбъ небольшими кусочками, которые и вычерпываются ложкой.

Какъ очевидно, „цюпки“ могутъ имѣть мѣсто дома, на работѣ и въ пути. Можно было бы сказать, что это кушанье бѣдняковъ, убогихъ; но приходится свидѣтельствовать, что оно употребляется и довольно зажиточными поселянами въ самые, повидимому, небѣдные дни, употребляется, какъ на молокѣ, такъ и на водѣ.

55. „Цюпки“ на водѣ, квасу, древесномъ сокѣ и сывороткѣ, переваренныя съ ничтожными „добàвами“ и безъ нихъ, называются „рулàми“, или „чикулàдый“ [56]). Вполнѣ готовые „рулѝ“ имѣютъ видъ кулеша, потребляются теплыми, при чемъ любители ѣдятъ ихъ съ хлѣбомъ. Это шляхетское кушанье, слабо распространенное въ крестьянской средѣ, не готовится стряпухой на общесемейныя надобности: кто его любитъ и привыкъ, тотъ готовитъ самолично для себя. Но на отъѣзжей работѣ, внѣ дома, „чикулàду“ приходится видѣть артельнымъ кушаньемъ.

56. „Мочѐники“ весьма близко подходятъ къ „цюпкымъ“, но отдѣльное кушанье они составляютъ въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда потребитель пользуется жижею той или другой „стравы“: сюда опускаются корки, сухари и недоѣденные куски хлѣба. Послѣ размягченія хлѣбные куски поочередно вычерпываются и служатъ, какъ обыкновенный хлѣбъ при жидкомъ кушаньи. Болѣе существенное и частое употребленіе „мочѐники“ имѣютъ за общимъ столомъ, въ жидкихъ кушаньяхъ: ими пользуются старики и лю-

бители, которые и опускаютъ въ миску подходящіе куски хлѣба. Тутъ „мочёники“ являются индивидуальною собственностью, и отецъ, наприм., воспользуется „мочёникомъ“ сына съ согласія послѣдняго.

57. „Пра́жиный хлѣбъ“ получается такъ: хлѣбная порція омакивается въ воду, квасъ, цѣжу, сыворотку, по вкусу посыпается солью и въ наклонномъ положеніи приставляется къ печному устью, противъ пламени. Черезъ короткое время порція нагрѣвается, а верхняя сторона ея подпекается и готова къ услугамъ потребителя „пра̀жиныго хлѣба“.

58. Подобно хлѣбу, лакомки балуютъ себя „пра̀жинымъ“ горохомъ и бобомъ: передъ тѣмъ же пламенемъ на сковородѣ, или въ черепкѣ ставится „пра̀жиныя“. Какъ только зерна начнутъ „по̀кыць“ —[57]) кушанье готово, и потребители спѣшатъ ѣсть горячія зерна.

59. „Муньде́ры“ есть неочищенный вареный картофель, который въ ручную, при помощи ногтей, „лу̀питца“ отдѣльнымъ потребителемъ, для собственнаго рта. Очищенный картофель омакивается въ соль и съѣдается съ хлѣбомъ. Нѣтъ спора, что „муньде́ры“ составляютъ столовое блюдо, но они являются случайнымъ кушаньемъ для отдѣльныхъ потребителей, когда тѣ отъ нечего дѣлать урвутъ одинъ-другой картофель, отваренный и предназначенный къ „лупкѣ“ на какое-нибудь картофельное приготовленіе.

60. Не менѣе случайнымъ, хотя и непрочнымъ кушаньемъ слѣдуетъ считать яйцо, яблоко, грибъ, двѣ-три рыбки, запеченныя потребителемъ на уголькахъ въ печуркѣ, или въ печномъ устьи, при помощи пламени.

61. „Цыбуля“ [58]) доступна лѣтнею порой и есть лишь перья и стволы лука, которые мелко крошатся, изрѣдка „толкутся“ въ мискѣ спеціальнымъ толкачикомъ и присаливаются. Въ такомъ

видѣ „цыбуля“ потребляется съ хлѣбомъ. При спѣшности дѣла бываетъ проще: перья складываются пучкомъ, омакиваются въ соль и потребляются въ прикуску съ хлѣбомъ.

62. Въ одинаковой мѣрѣ случайнымъ является потребленіе рѣдьки. Старики ѣдятъ ее перетертою на теркѣ; остальные—изрѣзанною пластиками и посоленною, или въ прикуску, при чемъ она омакивается въ соль, подобно луку.

63. Молочныя разновидности въ сыромъ видѣ опять же являются случайными кушаньями, какъ, напримѣръ: „солодкое“ молоко, „пыстыялка“ [59]) съ творогомъ и безъ него, „сырква́ша, посмѐцинне, моло́зиво, то́пленый и отхо́длый тво́рыгъ“ [60]), а также сметана и масло на хлѣбѣ, сыръ и „сы́рница“ [61]) въ прикуску съ хлѣбомъ.—Признаться, мѣстное хозяйство не очень балуетъ семьянъ, и молочныя потребленія, именно въ „прикуску и прихлибку“, являются наиболѣе случайными.

64. Въ рождественскій и, преимущественно, великій постъ случайнымъ кушаньемъ можно считать толокно и несложныя изготовленія изъ него. Какъ извѣстно, для полученія толоконной муки, чистый овесъ сперва парится въ горшкѣ, потомъ высушивается въ жаркой печи и поступаетъ въ жернова. Когда мука освобождена отъ отрубей, она готова на потребленіе: полученное толокно поѣдается муко̀ю, густымъ тѣстомъ и жижею. Въ первомъ случаѣ лакомки насыпаютъ толокно въ карманъ, откуда даже за работою время-отъ-времени вычерпываютъ рукою; во второмъ же мука разводится на соленой водѣ и вычерпывается, подобно кашѣ, ложками, или выбирается руками. По большей части, толоконное тѣсто сперва мнется въ рукѣ и, получивъ видъ палочки, откусывается „глыта́никыми“. Такимъ образомъ, въ указанномъ видѣ толокно становится застольнымъ, а изрѣдка—путевымъ кушаньемъ.

65. Разведенное на соленой водѣ по густотѣ похлебки толокно даетъ опять же застольное и путевое блюдо—„путру“ [62]),

или „болтонку", которая вычерпывается ложками и потребляется съ хлѣбомъ, подобно всѣмъ жидкимъ кушаньямъ. „Путра", или „болтонка" не имѣетъ опредѣленнаго мѣста въ ряду подаваемыхъ кушаній: ее потребляютъ въ началѣ, срединѣ и концѣ ѣды; иногда же она служитъ просто „хлускый" для одного-двухъ потребителей.

67. Подобно густому толокну, въ постные дни приготовляется „суслы", или „кынопельныи комы". Для этого обыкновенная конопля толчется въ ступѣ съ лукомъ и солью: полученное густое тѣсто скатывается въ шарики, или продольныя палочки, величина которыхъ не бываетъ больше того, сколько можетъ захватить горсть. „Суслы" опять же не имѣютъ опредѣленнаго мѣста въ застольной и путевой ѣдѣ, хотя тамъ и здѣсь онѣ потребляются въ прикуску съ хлѣбомъ.

Приготовленіе „суслывъ", слишкомъ простое само по себѣ, имѣетъ ту особенность, что весьма часто является случайнымъ даже при данной ѣдѣ: договорится кто-нибудь до „суслы"—и, пока доѣдается очередное кушанье, стряпуха минутъ въ десять изготовитъ послѣднюю и подаетъ на столъ. Если же „сусла" предположена къ изготовленію раньше и если желательно придать ей лучшій вкусъ, то конопля предварительно поджаривается, или, по крайней мѣрѣ, круто засушивается.

68. При посѣщеніи городовъ и мѣстечекъ сельчане видятъ за еврейскимъ столомъ „цымусъ"—густую „тушёнью" брюкву съ мясомъ, или масломъ. Это кушанье, на мѣстный взглядъ, „брыдкыя" [63]), кое-гдѣ, однако, воспроизводится для немногихъ, скорѣе любопытныхъ потребителей, и такимъ образомъ является случайнымъ. Источникъ подражанія, непривычка употреблять сладкое мясное кушанье не даютъ „цымусу" возможности распространиться въ простонародной стряпнѣ; потребители же его шутливо увѣряютъ, что „цымусъ-гутъ" [64]) слѣдуетъ ѣсть по-жидовски—въ шапкахъ и безъ крестнаго знаменія...

69. Случайными по времени, а нерѣдко и по мѣсту, можно назвать грибныя изготовленія. Мѣстная кухня вѣдается съ грибами: а) въ грибной „юшки", когда малочисленность ихъ должна удовлетворить спросу значительной семьи; тутъ получается уха, въ которой грибы плаваютъ такъ, что ложечная ловля ихъ нѣсколько трудна;—б) въ „тушёнки", если достаточное количество грибовъ позволяетъ набить ими плошку, горшокъ, дополнить послѣдніе при укипѣ, не прибавляя воды, и в) въ видѣ „добавы", когда сырой, или сушеный грибъ кладется въ ту и другую постную „стра́ву". Въ этомъ случаѣ сухой грибъ толчется иногда въ порошокъ, или мелко крошится. Зажаренныхъ на сковородѣ грибовъ нельзя встрѣтить, потому что такое изготовленіе вызываетъ расходы на масло.

Въ „юшки и тушёнки" можно найти всѣ съѣдобные грибы; однако, боровики, „козлы и мыхывикѝ" [65]), по большей части, засушиваются въ прокъ, на постъ. При отсутствіи ихъ, засушиваются и черные грибы, извѣстные подъ именемъ „оба́бкывъ".

Грибные консервы, въ видѣ маринованныхъ, засоленныхъ грибовъ, неизвѣстны здѣсь; изрѣдка только можно встрѣтить „мочёныи" грузди и волнушки, которые чуть-чуть доживаютъ до рождественскаго поста, потому что имъ слишкомъ мало удѣляется соли.

Вареные такъ и иначе грибы невѣроятно засаливаются и обильно приправляются лукомъ, а въ роскошныхъ случаяхъ—перцемъ. Въ скоромные дни въ грибы кладется очень скромный кусочекъ масла, или ложка сметаны; въ постный же день грибы остаются буквально постными. Въ тѣ и другіе дни грибы, однако, потребляются довольно охотно и жаркими и холодными.

70. Еще болѣе случайными бываютъ рыбныя изготовленія, такъ-какъ не вездѣ и не всегда можно имѣть рыбу. Подобно грибамъ, рыба встрѣчается а) въ „юшки", б) въ „тушёнки" або [66]) сма́жинки" и в) сушеная, или вяленая; подобно имъ, засали-

вается, приправляется лукомъ, перцемъ и потребляется охотно, какъ теплою, такъ и холодною.

Рыбныя изготовленія совершенно не знаютъ масла: въ вареную оно не идетъ, а о жареной рыбѣ мѣстная кухня не имѣетъ даже понятія. Крупная рыба подается, правда, безъ ухи и не въ „смàжинки"; но это не жаркое изъ рыбы, а только добрый кусокъ, сперва варившійся, а потомъ выложенный на тарелку и отстоявшійся въ печи, или на холодѣ.

Мѣстная вяленая рыба рѣдко бываетъ такою въ собственномъ значеніи; это скорѣе запеченная въ вольномъ духу рыба. Обыкновенно, предварительно очищенная, выпотрошенная и немного посоленная, она запекается въ печи на разостланной соломкѣ. Вяленая такимъ пріемомъ рыба поступаетъ потомъ „добавою къ страви", или потребляется въ прикуску съ хлѣбомъ.

71. Рыбные „сцюдини" обязательно приготовляются въ постные поминальные дни, или какъ запасное блюдо въ рождественскій и великій посты, когда подъ руками есть Богоданные холодильники—морозецъ, ледъ и снѣгъ. Въ приготовленіи и потребленіи рыбный „сцюдинь" почти тотъ же, что и мясной, хотя рыба здѣсь не „цирюшйтца", а сберегается цѣльною и захолаживается въ той же посудинѣ, въ которой варилась.

72. Мелкая, часто сборная рыба, изрубленная сѣчкою и для клейкости перемѣшанная съ мукой, даетъ извѣстныя „гáлки"—рыбныя клецки. Въ „гáлки" поступаютъ почти всѣ части мелкорыбицы, съ головою включительно; сюда же, въ тѣсто, кладется, почтенное количество луку и перцу,—что отчасти скрадываетъ горечь отъ неряшливо вынутой желчи и потроховъ. „Гáлки" предпочтительнѣе употребляются холодными, даже доведенными до „сцюдиня"; но онѣ одинаково лакомы и въ горячемъ состояніи, а потому почти всегда составляютъ „заѣдковое" кушанье.

Сказанное о рыбныхъ приготовленіяхъ имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ есть озера, рѣки и свой рыбакъ. Множество семей знаетъ

рыбу одинъ разъ въ году—въ рождественскій сочельникъ, для котораго рыба заблаговременно покупается въ ближайшихъ городахъ и мѣстечкахъ и хранится иногда цѣлыя недѣли.

73. Въ короткій промежутокъ между 6 и 15 августа раза два-три готовится „паринный“ горохъ и бобъ въ стручьяхъ. Эти послѣдніе собираются зелеными, складываются въ горшокъ, покрываются широкими листьями какого-нибудь огороднаго растенія, обливаются слегка водой и ставятся въ вольный духъ. Короткое время горшокъ стоитъ обыкновеннымъ образомъ, а потомъ перевертывается дномъ вверхъ. Когда горохъ, или бобъ „спаритца“, ему даютъ остынуть; на столъ онъ подается холоднымъ на „заѣдки“, при чемъ потребители ѣдятъ его, какъ спаржу, высосомъ не только зеренъ, но и стручковой мякоти, въ особенности гороховой.

V. Мыканина.

Подъ именемъ „мыканины“ разумѣется полужидкое, полугустое приготовленіе, предназначаемое для моканья блиновъ „сочневъ“ и даже хлѣба, безъ которыхъ оно не употребляется и, слѣдовательно, не составляетъ самостоятельнаго кушанья. „Мыканинъ“ можетъ быть многое множество; но болѣе распространенными являются слѣдующія:

74. Скоромная „прижанина, приженина, приженя“ [67]). Она представляетъ соусъ, разведенный тонкою ржаною, овсяною, или даже пшеничною мукой, въ которомъ во множествѣ находятся кусочки свиного сала „скабки“, а въ подходящіе дни—цѣлыя кольца колбасъ. Все это вмѣщается въ плошку, или миску, заправляется лукомъ и перцемъ и подъ накрышкою ставится въ печь, при концѣ стряпни. Тутъ „прижанина смягниць“ [68]) до подачи на столъ: она подается первою, немедленно послѣ раскладки блиновъ, или „сочневъ“, передъ каждымъ затрапезникомъ. Въ гостиныхъ случаяхъ, изрѣдка въ дни заговѣнья и разговѣнья заготовляются

двѣ и три „*ла*тки прижан*и*ны“, по одной на каждую ѣду; всѣ онѣ подаются на столъ жаркими.

Благодаря заботливому приготовленію, наивозможному распару сала, „ск*а*быкъ“ и колбасы, „прижан*и*на даетъ пахъ“, который царствуетъ надъ запахомъ другихъ кушаній и далеко до ѣды дразнитъ аппетитъ. „Прижан*и*на“, какъ и составныя части ея, вымакивается,—какъ о томъ сказано будетъ ниже.

75. Постная „прижанйна“—тотъ же соусъ, иногда на селедочномъ разсолѣ, въ который помѣщается мелко искрошенная селедка, растертый картофель, или грибы. Эта „прижанйна“ чаще бываетъ слегка кислою, потребляется и холодною, при чемъ прикрашивается ложкою постнаго масла, или коноплянымъ молокомъ.

76. „Мыканйна бульбяныя“ бываетъ и скоромною и постною. Въ первомъ случаѣ растертый картофель разбавляется коровьимъ молокомъ, закрашивается то сметаною, то коровьимъ масломъ, иногда—разболтаннымъ яйцомъ; во второмъ же—конопляньмъ, или маковымъ молокомъ, селедочнымъ разсоломъ и ложкою-двумя постнаго масла. Эта „мыканйна“ потребляется теплою и служитъ къ одной только первой ѣдѣ.

77. Молочная „мыканйна“ приготовляется изъ свѣжаго растертаго творога, немного разбавленнаго сладкимъ молокомъ и сметаною. Эта „мыканйна“, разумѣется, всегда холодная, немного присаливается. Но если есть нелюбители подсоленнаго молока, то для нихъ „мыканйна“ отдѣляется въ особую миску, или же въ общей оставляется незасоленный уголокъ ея.

78. Исключительно на масленой недѣлѣ приготовляется „мыканйна-сырница“ изъ крѣпкаго соленаго творога, запасеннаго лѣтомъ. Если она подается теплою, то растертый творогъ разбавляется коровьимъ масломъ, холодною—тотъ же творогъ разводится сметаною.

79. Чисто сметанная „мыканйна“ доступна лишь наиболѣе зажиточнымъ домамъ, при большомъ молочномъ хозяйствѣ. Сметана тутъ подается и сырою и „оттоплиный“, при чемъ послѣдняя считается значительно выше первой.

80. „Топлёныя сало со сква́ркыми“ и безъ нихъ весьма нерѣдко бываетъ „мыканйный“. Зато „топлёныя“ коровье масло рѣдко бываетъ ею, развѣ на масленицу, и то у наиболѣе достаточной семьи.

81. „Кынопе́льныи и ма́чныи мыканйны“ приготовляются изъ толченой конопли, или мака. Гуща разводится водой и присаливается по семейному вкусу, при чемъ изрѣдка дополняется растертымъ лукомъ. Впрочемъ, маковое приготовленіе дѣлается иногда и сладкимъ: гуща разводится сытой. Но это доступно состоятельнымъ семьямъ и пчеловодамъ.

82. Вполнѣ жалкою, является „мыканйна изъ силяццо́вый жйжки“, называемой иногда „ля́комъ“. Эта „мыканйна“, дешево покупаемая у селедочныхъ торговцевъ, обыкновенно подается на столъ въ мискѣ въ томъ неприкосновенномъ видѣ, въ какомъ она вычерпана изъ сельдяной бочки,—въ бѣдномъ, а иногда и въ зажиточномъ домѣ. Небрезгливый простолюдинъ потребляетъ ее съ аппетитомъ, не уступающимъ аппетиту при ѣдѣ другихъ „мыканинъ“.

83. „Куля́жныя мыканина“ является почти единственною, потребляемою при „заѣдкахъ“, тогда-какъ всѣ другія начинаютъ ѣду. Это происходитъ отъ того, что она не солится, а скорѣе прислащивается то медомъ, то сахаромъ. На „куля́жную мыканйну“ приходится смотрѣть, какъ на жидкую „куля́гу“: и тамъ и здѣсь— одинъ и тотъ же матеріалъ; да и потребляется она, подобно „кулаги“, теплою и холодною.

84. Жидкій медъ и дешевка-патока (мутный сиропъ) кое-когда являются „мыканйный“. Первый имѣетъ обязательное употребленіе у пчеловодовъ 1 авг., въ день памяти мучениковъ Мак-

кавеевъ: медъ подается на „заѣдки“, при чемъ, вмѣсто блиновъ и хлѣба, омакиваемымъ предметомъ бываютъ свѣжіе огурцы [69]).

VI. Дыбавы, или дыклады.

85. Всѣ дополнительные къ кушаньямъ предметы называются „присмáкыми и зыкрáсыми“. Хотя оба понятія почти тождественны и хотя случается, что одинъ и тотъ же предметъ является то „присмáкымъ“, то „зыкрáсый“, однако, въ житейскомъ употребленіи между ними существуетъ нѣкоторая разница, а именно: а) всѣ дополненія, отъ которыхъ кушанье становится вкуснѣе и питательнѣе, слѣдуетъ считать „присмáкыми“, напримѣръ: мясо, сало, рыбу, грибы, картофель, лукъ и перецъ; б) „зыкрáса“ скорѣе видоизмѣняетъ внѣшній видъ кушанья, хотя и не остается безъ вліянія на его вкусъ, составляя часто необходимую часть кушанья, какъ-то: соль и молоко въ супахъ, „зыколóта“—въ „капусти“, „цѝскыныя бульба“—въ „крупéни“, ради „путрѧнысци“ и проч.

86. Въ близкомъ родствѣ съ приведенными дополненіями состоитъ „волóга“—жидкій жиръ. масло скоромное и постное, сало, молоко изъ толченой конопли, сметана, для удобренія густыхъ, по преимуществу, кушаній: каши, киселя, клецокъ, кулеша и др. „Волóга“ помѣщается въ кушанье по окончательномъ изготовленіи его, часто уже за ѣдой, и касается только той миски, изъ которой предстоитъ ѣсть. Нерѣдко случается, что каша, напр., удобренная „волóгый“ и на половину съѣденная, по требованію семьи, еще „пыдвылáживыитца“ при „доѣдкахъ“.

87. Весьма часто скоромною „волòгый“ являются „сквáрки“ или „шкварки“—вытопки внутренняго свиного, говяжьяго, овечьяго и гусинаго сала—въ кисломъ, прѣсномъ, густомъ и жидкомъ кушаньи. Кромѣ того „сквáрки“—потребляются въ прикуску съ хлѣбомъ,—что составляетъ случайное кушанье, или служатъ просто лакомствомъ и для дѣтей, и для взрослыхъ, когда поѣдаются голикомъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ „скварки“ оставляются въ сальной „мыканѝни“,

откуда извлекаются подобно другимъ твердымъ частямъ ея (см. ниже гл. XII).

88. Гдѣ только производится стряпня, тамъ долженъ быть такъ называемый „приваръ, приварыкъ“—что составляетъ: крупу всѣхъ родовъ и муку—пшеничную, ячменную, овсяную, гречневую, гороховую, бобовую, которая поэтому и называется „приварковый“. Обиліе „приваркывъ“ и возможное чрезъ то столовое разнообразіе ставятъ хозяйство на завидную высоту.

89. Сальные и, въ особенности, мясные консервы извѣстны подъ общимъ названіемъ „скырымяцины“. Смотря по частямъ, „скырымяцина“ бываетъ: а) „окарыкъ“—шея животнаго, б) „лытка“—стегно его, в) „кумпякъ“, или „кунпякъ“—то же стегно, округленное, съ отдѣленною костью, или просто увѣсистый кусокъ филея,—г) „скабки“ (шкабки. шкабырцины)—позвонковыя и реберныя части въ порціяхъ, д) „королёвыи мысы“ (по иному произношенію—носы)—колѣнная часть съ хрящами и сухожильемъ и е) „ноги“—голени животнаго. „Лытка и кунпякъ“, вывѣтренные и даже выкопченные, называются „вындлиный“. Въ послѣднемъ видѣ мясо употребляется въ Пасху, отваривается въ дорогу.

90. Замѣтною „дыбавый“ въ постные дни служатъ „малюшки“ и въ прѣсномъ, и въ кисломъ кушаньи. Эта сушеная мелкорыбица весьма дешева, а потому доступна почти во всякомъ хозяйствѣ. „Малюшки“ помѣщаются въ кушанье въ слишкомъ скромномъ размѣрѣ, и ихъ правильнѣе причисляютъ къ „присмакымъ“.

VII. Ласоники и пыласунки.

Подъ этимъ названіемъ извѣстно множество съѣдобныхъ предметовъ, относящихся къ категоріи лакомствъ, такъ или иначе доступныхъ простолюдину. Какъ и подобаетъ, „ласоники и пыласунки“ не есть спеціальная пища, т. е. они не служатъ питаніемъ,

а только лакомятъ потребителя, какъ кремъ, дессертъ. Въ этомъ смыслѣ „ласо́никыми“ можно назвать нѣкоторыя заѣдковыя кушанья, особенно, подслащенныя, какъ фрукты, плоды, ягоды, находящіеся подъ руками и составляющіе мѣстное производство. Но это слишкомъ обыденно, почти всегда и у всякаго можетъ быть и въ рукахъ, и въ зубахъ. Поэтому „ласо́ники“ будутъ тѣ только съѣдобные предметы, которые пришли извнѣ, издали, и въ текущемъ быту не попадаются; по большей части, потребленіе ихъ ограничивается покушкою, пробою. Сюда слѣдуетъ причислить предметы изъ городовъ, мѣстечекъ, ярма́рокъ, пріобрѣтенные покупкою, или чрезъ родственныя руки лакействующей и вообще прислужной братіи доставленные изъ помѣщичьяго и священническаго дома.

91. Пирогъ—бѣлый развѣсной хлѣбъ, покупаемый у базарныхъ торговцевъ, или сгибень-калачъ, окончательно исчезающій съ мѣстныхъ базаровъ. Какъ извѣстно, тотъ и другой хлѣбъ совершенно постные, слегка подсоленные.

92. „Ку́хынъ“—пшеничная лепешкоаовальной съ заостренными концами формы, достаточно извѣстная жителямъ Витебска, гдѣ „кухановыя“ производство пока-что не увяло. „Ку́хыны“ попадаются: а) простые, безъ посыпки тѣста,—б) съ чернушками, когда верхняя сторона посыпана ими,—в) съ конопелькой, когда одна, или обѣ стороны посыпаны ошелушенной коноплей,—г) тѣсто „кухына“ на скоромномъ и на постномъ маслѣ и—д) съ яицами—хрупкіе, разсыпчатые. Неизмѣнно, съ давнихъ поръ, копеечная цѣна „кухына“ вошла въ мѣстную поговорку.

93. Въ той же почти разновидности по приготовленію тѣста пріобрѣтаются „обаранки“ опять же достаточно извѣстныя въ губерніи [7]). Баранки бываютъ: постныя, на маслѣ, яицахъ, съ чернушками, съ макомъ.

94. „Бубашки, или бублики“—известные череночники, приготовляемые постники, слегка подсоленными, но безъ всякихъ добавленій.

95. „Ситникъ, ситница“—полубѣлый, ситный хлѣбъ съ тминомъ, или чернушками, подобно „пирогу“, покупаемый у базарныхъ торговцевъ.

96. „Перьники“, или „пыпраники“—медовые пряники, а въ болѣе роскошныхъ случаяхъ—извѣстныя вязейскія коврижки, или подобіе ихъ, мѣстный поддѣлокъ.

97. Мелкіе пряники ярко-бѣлаго и розоваго цвѣта, съ легкимъ запахомъ мяты, во множествѣ раскупаемые на „кирмашахъ“.

98. „Маковники и инбирники“—слащавое приготовленіе то изъ мака, то изъ имбиря, въ ромбоидальной формѣ, при незначительной толщинѣ маковой и имбирной пластинки.

99. „Гугыль“ и „смаженыя рѣдька“—исключительно еврейское и для евреевъ приготовленіе. Какъ извѣстно, первый есть соединеніе мелкихъ пшеничныхъ шариковъ, переваренныхъ въ меду, или сиропѣ, а вторая—шинкованная рѣдька съ пряностями, поджаренная въ меду.

100. „Солодкіи струки“—извѣстный плодъ, дешево покупаемый въ бакалейныхъ лавкахъ, на лоткахъ и въ ярмарочныхъ палаткахъ.

101. „Цукерки“ [71]) различныхъ видовъ и цѣнности, пріобрѣтаемыя тамъ же.

102. „Фиги“ (винныя ягоды), „разынки“ (изюмъ), „мигдаль“ (миндаль), черносливъ, „лоскіи“ орѣхи изрѣдка попадаютъ въ мѣстные „пыласунки“.

103. Слѣдуетъ упомянуть еще о „мочёныхъ дуляхъ“ [72]), покупавшихся весьма дешево (на 1 коп. 5 штукъ) въ рядахъ съ фруктами и на ярмарочныхъ столикахъ.

104. Кусочекъ, даже огрызокъ сахару, иногда загрязнившійся въ карманѣ вторичнаго, или третичнаго хозяина, запачканный мухами, а также недоѣдокъ пирожнаго, въ видѣ „пыласу́нка“, переходили изъ чертоговъ въ курныя хатки.

Перечисленнымъ далеко не исчерпывается „пыласу́нкывый“ матеріалъ: что́ не пріобрѣтается за деньги, то поступаетъ въ домъ мѣною, прибавкою къ торговой сдѣлкѣ, или подаркомъ. Такимъ образомъ „ласо́ники и пыласу́нки“ мелькаютъ въ домѣ, въ рукахъ простолюдина, тѣмъ болѣе, что всякій прибывшій изъ города и мѣстечка обязательно привозитъ какой-нибудь съѣдобный „гостинецъ“, а возвратившійся съ „кирмашá“ доставляетъ „кирмашёвыя“ 73).

Но „ласо́ники и пыласу́нки“, по большей части, преподносимые на „поку́шку“, доставляютъ скорѣе нравственное удовлетвореніе: удовлетворена любознательность по отношенію къ лакомому предмету, удовлетворено и то чувство, по которому не забытъ дателемъ свой, близкій человѣкъ. Неустающая потребность физическаго питанія не удовлетворяется этимъ, а требуетъ хлѣба и кушаній; поэтому, вскорѣ же послѣ тѣхъ и другихъ „ласо́никывъ“ приходится сноситься съ неизмѣннымъ кормильцемъ—„хлѣбушкый насу́чнымъ“. Умѣстно будетъ обратиться къ нему же съ дополнительнымъ словомъ бытописателя и снова поговорить о хлѣбѣ, какимъ онъ бываетъ отъ затора въ квашнѣ до исчезновенія во рту потребителя.

VIII. Хлѣбъ въ печеньи и употребленіи.

Каковъ ни былъ бы по свойству муки предполагаемый хлѣбъ—чистый, градо́вый, пушнэй, половэй, бульбянэй, мякинный—хлѣбная основа, подъ именемъ „утво́ры“, имѣетъ преобладающее количество ржаной муки, именно потому, что она скорѣе даетъ правильную „ки́силь“ тѣсту. Если квашня исправна, пришлась по дому и по стряпухѣ, „утво̀ра, или учи́на“, дѣлается часовъ за

10—12 передъ печеньемъ хлѣбовъ,—что происходитъ послѣ полудня, отъ 3—8 час. вечера [74]). Нѣкоторыя причуды квашни требуютъ: а) чтобы она установлена была на одежную подстилку—шубу, армякъ, балахонъ; б) чтобы слегка теплая вода пропускалась въ нее чрезъ рѣшето, а въ крайнемъ случаѣ—чрезъ ладонь и пальцы лѣвой руки стряпухи; в) чтобы „учйнныя" мука всыпалась руками стряпухи; г) чтобы „утвóра" [75]) взбалтывалась спеціальной колотовкою, которая должна оставаться въ ней, и д) чтобы квашня была прикрыта опять же верхнею одеждою, въ такомъ разсчетѣ: если подъ квашней женская одежда, на квашнѣ должна быть мужская, и наоборотъ. Тѣ же причуды квашни требуютъ, чтобы она занимала неизмѣнное мѣсто отъ „утвóры до замѣсы" и чтобы съ нею во все время, до выскреба тѣста, вѣдалось одно лицо.

Къ утру, часа за два до печенья хлѣбовъ, „утвóра" даетъ „расчйну"—вскисшее жидкое тѣсто. Тогда квашня съ подстилкою и покрышкою перемѣщается на лавку, скамью, или на спеціальный „крижъ": тутъ совершается „замѣса" тѣста, т. е. сгущеніе его надбавочною мукой и ручнымъ обстоятельнымъ мѣсивомъ. Послѣ этого тѣсто „подхóдицъ", и квашня остается въ покоѣ до приготовленія печи къ посадкѣ хлѣбовъ.

Каждая мѣстная „булка" печется въ 8—20 ф., за исключеніемъ прѣсняковъ и „поскрóбыша",—что зависитъ отъ семейныхъ привычекъ; отъ тѣхъ же привычекъ зависитъ и форма „булки"—совершенно круглая и овальная [76]). Снаровка стряпухи позволяетъ ей брать для „булки" почти безошибочное количество тѣста, которое она перекинетъ надъ квашней нѣсколько разъ съ руки на руку и опускаетъ на лопату. Послѣдняя обязательно имѣетъ „подсыпку", или „подсцйлку": первою бываютъ различныя отруби, даже мякина—овсяная, гречневая, а второю—широкіе листья нѣкоторыхъ овощей, листья клена [77]), аира. На лопатѣ „булка" получаетъ надлежащую выправку въ формѣ, при чемъ поверхность

ея выглаживается мокрыми руками той же стряпухи; въ послѣднемъ видѣ „булка“ поступаетъ въ печь.

За послѣднимъ хлѣбомъ печь закрывается заслоною; но стряпуха слегка отскребаетъ оставшееся на стѣнкахъ и днѣ тѣсто, изъ котораго лѣпитъ „поскрóбышъ“. Вѣсъ и величина его случайныя, но потребители—всегда дѣти [78]).

Маленькій кусочекъ „поскрóбкывыго“ тѣста съ руки бросается въ уголъ квашни, для удержанія „кйсили“; туда же помѣщается колотовка, и квашня устанавливается на свое обычное мѣсто въ избѣ, сѣняхъ, клѣти, на легкой подстилкѣ и съ такою же покрышкой.

Вынутые изъ печи хлѣбы немедленно же, по нѣскольку разъ, „отмачиваются“ холодною водой и покрываются холстиной, или легкою одеждой, до окончательнаго охлажденія. Если хозяйственная необходимость заставитъ употребить жаркій хлѣбъ, пока остальные находятся въ печи, или еще не остыли, такой хлѣбъ не принято разрѣзывать ножомъ, а нужно раздроблять ложечной рукояткой, или ломать, иначе не задастся остальной хлѣбъ. Только вполнѣ остынувшій хлѣбъ подпадаетъ подъ ножъ. Но тутъ каждая отдѣльная часть хлѣба является единицею и съ незначительною натяжкою можетъ быть подведена подъ бытописательскую нумеровку.

105. Подносимый на столъ хлѣбъ имѣетъ слѣдующія названія: булка, бýкытка и букóтка, бóхынъ. Какъ сказано выше, вѣсъ отдѣльнаго хлѣба колеблется между 8—20 ф.; наибольшая серединная высота его бываетъ отъ 3—5 вершковъ, при діаметрѣ въ 7—10 в. (въ кругломъ хлѣбѣ). Сооруженіе увѣсистыхъ хлѣбовъ обыкновенно объясняютъ тѣмъ, что они не такъ скоро плѣсневѣютъ, даютъ больше мякиша, вкуснѣе мелковѣсныхъ, подобно тому, какъ кушанье изъ большого горшка вкуснѣе кушанья изъ малаго.

106. Тотъ, на чьей обязанности лежитъ „хлѣборѣзъ", прикладываетъ хлѣбъ къ лѣвой сторонѣ груди ребромъ, выпуклостью къ правой рукѣ, и, держа въ послѣдней ножъ, перекрещиваетъ вершину „бо́хына" и отрѣзаетъ „покромку", или „горбу́шку, горбы́ль". Послѣдній кладется крѣпкозубымъ дѣтямъ и возрастнымъ. Если же „покромка" кладется передъ замужнею женщиной, то обыкновенно шутливо приговаривается: „вотъ табѣ кромка на Хомку" (Ѳома—сынъ). У малозубыхъ и лакомокъ она дѣлается „мочёникымъ", подобно коркамъ и засохшимъ кускамъ.

107. Дальнѣйшія хлѣбныя порціи называются „лу́стыми, лу́сткыми и скибкыми", примѣнительно къ семейнымъ и индивидуальнымъ привычкамъ. Первыя есть порціи отъ средины хлѣба къ его краю, гдѣ онѣ значительно толще, а вторыя прогоняются отъ края въ край хлѣба и вездѣ имѣютъ равномѣрную толщину. „Скибки" чаще всего имѣютъ мѣсто при ѣдѣ въ „сухымя́тку" [79]), когда онѣ посыпаются солью, или когда хотятъ получить „пра́жиный хлѣбъ".

108. Какъ бы ни былъ незначителенъ хлѣбный отрѣзъ, остатокъ хлѣба называется „краю́хый, краю́шкый". Впрочемъ, это названіе правильнѣе примѣняется къ остатку половинной части цѣльнаго хлѣба.

109. Остатокъ разрѣзываемаго хлѣба называется „окра́йкымъ". Часто не превышая величины „покро́мка", онъ имѣетъ одинаковое съ нимъ мѣсто и употребленіе, при чемъ, при подачѣ его многодѣтнымъ, шутливо желаютъ, „кабъ бывъ окра́йчикъ!" [80]).

110. Обычай требуетъ, чтобы хлѣбная порція, какъ и надбавка къ ней, съѣдалась вся, до подбора крошекъ включительно. Но разныя случайности заставляютъ иногда покидать недоѣдки, которые подъ именемъ „кува́лычкывъ, кусане́й, куса́никывъ", съ ясными слѣдами зубовъ на послѣднихъ, вмѣстѣ съ крошками, собираются въ отдѣльную миску, корытце, рѣшето уже при уборкѣ

стола послѣ ѣды. Эти „кувалки и кусаники“ имѣютъ потомъ многостороннее употребленіе: лучшая часть ихъ подается дѣтямъ при неочередной ѣдѣ; ихъ потребляютъ возрастные при „хлуски“, въ „моченикыхъ“; они подаются незначительнымъ нищимъ, любимымъ животнымъ, для отманки и приманки собаки, или поступаютъ въ квасникъ.

111. Отдѣльные потребители кое гдѣ раздробляютъ хлѣбную порцію на кусочки, „какъ въ ротъ взять“, называемые „глинкалями“, „глыняникыми“ или „глытанями, глытаникыми“. Общій обычай стоитъ, однако, противъ „глинкалевъ“, потому что тутъ отдѣляется немало крошекъ, кои, по меньшей мѣрѣ, нежелательны.

112. Всегда и вездѣ почтительное отношеніе простолюдина къ хлѣбу-кормильцу исключаетъ всякую возможность швырять его, или лѣпить хлѣбныя „катэлки“ [81]). Къ тому въ раннемъ возрастѣ пріучаются и дѣти: въ играхъ, при осязательномъ недоразумѣніи, вызвавшемъ драку, они откладываютъ хлѣбъ въ сторону и, управившись съ противникомъ, почтительно берутъ его въ руки для ѣды... Но есть неизбѣжные случаи непочтительнаго, повидимому, отношенія къ хлѣбу—перебросъ хлѣбнаго куска черезъ домъ при пожарѣ [82]), поджариванье его на пламени при насморкѣ [83]), вырѣзка разныхъ фигуръ изъ коркъ, для лѣкарственныхъ, чародѣйскихъ цѣлей, приготовленіе изъ мякиша шариковъ, при подачѣ скоту съ какимъ-нибудь снадобьемъ; наконецъ, приставшій къ ножу хлѣбъ отскребается, мнется подолгу въ шарики, обыкновенно подаваемые при изжогѣ. Но такое употребленіе хлѣбныхъ частей имѣетъ отдѣльную подкладку, часто суевѣрныя причины и цѣли, далеко отступающія отъ непочтительности къ кормильцу и вообще легкомысленнаго отношенія къ нему.

IX. Существенныя требованія стряпни.

Общежитейское положеніе удостовѣряетъ, что производитель есть наиболѣе тонкій оцѣнщикъ личнаго производства. И перво-

труженикъ „насу́чныго“ умѣетъ цѣнить то, надъ чѣмъ онъ потратилъ время и силы. Неудивительно поэтому, что на току, въ амбарѣ, при мелевѣ, часто единичное зерно поднимается и бросается въ кучу, въ мѣшокъ, въ рукавъ жернова,—что пролитая на землю капелька крови убойнаго животнаго вызываетъ нѣкоторое сожалѣніе,—что кусочекъ сала, или мяса, отпавшіе при „чварто́вцы“ [84]), считаются „гу́бою“ и немедленно подбираются. Та же поразительная бережливость въ отношеніи пищевыхъ предметовъ видна и въ стряпнѣ: иногда будетъ поднята упавшая крупинка, соляной кристалликъ, тщательно подобранъ нюшокъ просыпанной муки и проч. Все это граничило бы съ безпримѣрною скаредностью, если бы тутъ не выражалось идейнаго почитанія дара Божія, понесенныхъ на пріемъ его трудовъ и усилій. Что послѣднее справедливо, можно видѣть изъ того, что поднимающій отдѣльное зерно и крупинку не останавливается, напр., въ щедрой подачѣ зернового хлѣба и крупы, когда то приходится сдѣлать во имя Христово, или по другимъ житейскимъ обязательствамъ. Съ такимъ предварительнымъ взглядомъ приходится смотрѣть на мѣстную стряпню, бережливое веденіе которой, безъ ущерба дѣлу, могло бы послужить примѣромъ и не для сельской кухни.

Если нужная мука не требуетъ просѣва, она поступаетъ въ приготовленіе въ неприкосновенномъ видѣ, въ размѣрахъ, не превышающихъ потребности, для чего существуетъ та или другая условная мѣра—четверикъ, „лубка“, миска, ковшъ, ложка. Если же мука требуетъ просѣва, то онъ будетъ сдѣланъ начисто: оставшіеся на рѣшетѣ комья перетрутся руками, въ свою очередь, просѣются, и только невозможные изъ нихъ останутся при высѣвкахъ, которыя пойдутъ то на лепешки въ квасникъ, то на удобреніе свиной „мѣшинки“, то на „куриное тѣсто“, то въ телячій кулешъ [85]). Разбиваемое, напр., блинное тѣсто не расплескивается въ „блинницѣ“, а неизбѣжный натекъ его къ той и другой сторонѣ немедленно исправляется ложкой, пальцемъ. Та же бережли-

вость не позволяетъ пролить на сторону одной капли вычерпываемаго блиннаго тѣста: капля можетъ задержаться развѣ на сковородномъ борту; но тутъ она сливается и запекается съ блиномъ. Когда тѣсто вычерпано до дна, „блинница“ сейчасъ же выполаскивается, при чемъ, первичные помои идутъ на „зыколо̀ту“, а вторичные и третичные—на удобреніе и приправу свиной „мѣшинки“, или ими пополняется квасникъ, „ныливаитца квасъ“. Квашня не подвергается подобной мойкѣ, чтобы оставить „кисиль“ [33]), и дѣло ограничивается только легкимъ отскребомъ тѣста отъ стѣнокъ и колотовки. Зато отскребъ отъ лопаты, вода, которою заглаживались хлѣбы и въ которой потомъ вымывались руки стряпухи, вмѣстѣ съ остатками подсыпки обязательно идутъ въ „мѣшинку“, а не выливаются въ грязные помои.

Какъ извѣстно, единственною покупною крупой бываетъ гречневая, да изрѣдка—просовая. Та и другая крупа не имѣетъ мучнистыхъ осажденій, подобно ячменной, а потому она кое-какъ и кое-когда смывается передъ вареніемъ, тѣмъ болѣе, что такая крупа прошла немало Богъ вѣсть какихъ рукъ. Съ крупой ячменной и перловой, приготовленной дома и заранѣе разсортированной („цалковыи, драныи крупы, пыдпа́дкрупье“), подобной перемывки не дѣлается, потому что чрезъ это утрачивается цѣнное на крупѣ мучнистое осажденіе; вода же, особенно при кипѣньи, вынесетъ на верхъ случайно оставшіяся мякинныя и отрубныя частицы, которыя, безъ малаго ущерба кушанью, могутъ быть сняты при „шумо́вли“. Такимъ образомъ крупа поступаетъ въ горшокъ и кушанье почти въ неприкосновенномъ видѣ, въ какомъ она находилась въ крупохранилищѣ.

Въ связи съ этимъ стоитъ наивозможный разваръ кушаній, при чемъ крупу трудно бываетъ узнать, какъ и помѣщенный туда картофель, который въ упрямыхъ случаяхъ даже растирается; мясо же и сало распадаются на кусочки. Кромѣ продолжительнаго варенія, по возможности, подъ покрышкою, цѣль развара дости-

гается тѣмъ, что въ горшокъ сразу укладываются всѣ части предположеннаго кушанья; только тогда послѣдній наливается водой и приставляется въ печь. Когда кушанье готовится со скоромью, или даже и съ постными „дыба́выми", первый „сплывъ" его въ печи еще нѣсколько терпимъ—не нужно будетъ „шумыва́цъ"; но послѣдующіе „сплывы" внимательно предупреждаются и самая „шумо́вля" останавливается. Когда же „печь загребется"[67]) и заслонится", кушанье стоитъ въ ней подъ накрышкой до опорожненія горшка. Отъ всего этого кушанье пріобрѣтаетъ желанную густоту; при недостаткѣ же послѣдней, она создается искусственно: въ ячменный, напр., супъ добавляется немного ячменной муки, въ гречневый—гречневой.

Простолюдинъ никогда не забываетъ, что „густая каша дѣтей не разгоняетъ", а потому на столѣ его появляется именно „густая каша". Густота, распаръ и желанный вкусъ ея достигаются слѣдующими усиліями: когда крупа отчасти распарится и на сгустившейся кашѣ станетъ прочная корка, горшокъ перевертывается въ печи вверхъ дномъ. Такимъ онъ остается до времени потребленія каши, чему предшествуетъ отмачиванье горшка холодною водой, чтобы каша свободнѣе отстала отъ горшечныхъ стѣнокъ.—Каша рѣдко потребляется холодною—съ постнымъ масломъ, конопляннымъ и коровьимъ молокомъ, съ сытою; если же она предназначена для ѣды съ коровьимъ масломъ, или жидкимъ саломъ, то держится все время въ печи и къ послѣдней ѣдѣ густѣетъ до крайней возможности.

Такъ называемыя „пирано́чныи стра́вы" почитаются лакомыми, и за ними гоняется большинство семьянъ. Къ сожалѣнію, отъ текущихъ дневныхъ кушаній остаются къ другому дню слишкомъ скромные недоѣдки; все-таки они бережливо отогрѣваются и на другой день подаются на „покушку", безъ всякихъ новыхъ дополненій.—Скоромныя „пирано́чныи стравы" на самомъ дѣлѣ слишкомъ хороши и даже лакомы.

Картофельнымъ изготовленіямъ предшествуетъ чистка картофеля, которая подъ повсюднымъ терминомъ „скресь бўльбу" составляетъ почтенный отдѣлъ трудовъ стряпухи. Здѣсь картофельная кожица отскребается концомъ ножа; имъ же бережливо высверливаются дуплистыя части картофеля. Такой трудъ довольно медлененъ и кропотливъ: гарнецъ картофеля, напр., можетъ быть очищенъ однѣми руками болѣе, чѣмъ въ часъ; за то здѣсь сберегается добрая четверть его. Въ тѣхъ же видахъ несуповой картофель отвариваётся, „лупится" въ ручную, при помощи ногтей, и тогда только мнется. Остающіеся „отскрёбы и лупи̇ны", бережно собираемые въ кучи, поступаютъ потомъ на удобреніе свиной „мѣшинки".

Сырой молодой картофель не требуетъ „скрёбки", потому что нѣжная кожица его почти совершенно отстаетъ при обмываньи, особенно, если помѣшать предварительно [8]) палкою въ посудинѣ, въ которой онъ вымывается. Тутъ получатся сырые „лупи̇ны", которыя поступаютъ по принадлежности, а очищенный картофель только и теряетъ ихъ.

Облупливанье при помощи ножа дѣлается только надъ брюквою, рѣпою и тыквой; остальные овощи „скрябўтца", подобно картофелю. Эти „лупи̇ны" отпариваются и поступаютъ въ „мѣшинку", или, удобренные „по̇спый", даются тому и другому домашнему животному, какъ отдѣльный кормъ,—что обыкновенно въ изобиліи бываетъ во дни приготовленія „капусты" на зимў.

Чисто молочныя „стравы" не имѣютъ мѣста, потому что молоко, по возможности, сберегается на творогъ, масло и сыворотку, или потребляется сырьемъ. Подъ именемъ „бялёныхъ, забѣлиныхъ" онѣ приготовляются только въ наиболѣе молочную пору, при чемъ кушанье буквально бѣлится, т. е. заливается незначительною долей молока. „Вялёными стравыми" бываютъ: ячменный, перловый и гречневый супъ, картофельный, брюквенный, морковный

взваръ и лапша. Всѣ онѣ готовятся вполнѣ постными до полнаго перевара и заливаются молокомъ послѣ кипѣнья, а въ наиболѣе бережливыхъ случаяхъ—при самой подачѣ кушанья на столъ.

Такъ какъ исключительнымъ матеріаломъ стряпни являются растительные предметы, то во всѣ кушанья входитъ очень много соли. На непривычный вкусъ такія кушанья приторны изъ-за пересола; но въ этомъ, повидимому, и сказывается особенное достоинство ихъ: послѣ ѣды обильно пьется, чрезъ что, между прочимъ, не упадаетъ животъ... Той же обильной солки не лишены и „бялёныи стравы“.

Рыбныя приготовленія не могутъ почесться особенно приманчивыми: мелкая, напр., рыба совершенно не чистится и не потрошится. Давая желчную и кишечную горечь, такая рыба даетъ въ то же время довольно крѣпкую уху, помогающую скорѣйшему захолаживанью рыбнаго приготовленія,—что важно для образованія „сцюдиня“; горечь же можетъ подавляться обильнымъ дополненіемъ лука и перца. Что касается шелушныхъ нечистотъ, то небрезгливые потребители примиряются съ ними гораздо скорѣе, чѣмъ съ кишечными нечистотами.—Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что лукъ и перецъ, даже „струковэй“, входятъ во многія кушанья, при чемъ, за неимѣніемъ настоящаго перца, послѣдній удобно замѣняется „дикимъ перцемъ“, приземистымъ трилистнымъ растеніемъ чернолѣсья, дающимъ нѣкоторое подобіе перечной горечи, запаха и вкуса.

При значительномъ составѣ семьи, когда приходится имѣть дѣло съ ведерными и болѣе горшками, послѣдніе вкатываются въ печь и вынимаются оттуда при помощи особаго валька, чрезъ что облегчается подъемъ грузныхъ горшковъ. Но и при такомъ вспоможеніи все-таки трудно и опасно перемѣщать горшки: въ виду этого послѣдніе сразу, до конца стряпни, устанавливаются въ печи на опредѣленныя мѣста. Въ размѣщеніи горшковъ по отношенію къ огню, въ подгребѣ къ нимъ и отгребѣ угольевъ, въ отливѣ и

доливѣ каждаго горшка, періодическомъ мѣшаньѣ того и другого кушанья,—что продѣлывается на значительномъ разстояніи [89])—таится почтенная снаровка стряпухи, у которой не „сплувѐць горщо̀къ“ даже и тогда, когда „печка то́питца у рызва́лку“ [90]).

Если главные горшки остаются въ печи неподвижными отъ начала до конца стряпни, то вспомогательные къ нимъ меньшіе удобно могли бы перемѣщаться. На самомъ дѣлѣ и эти горшки передвигаются только тогда, когда изъ-за нихъ трудно, напр., долить и отлить большой горшокъ, или пригрести къ нему и отгрести уголья. За исключеніемъ указанныхъ случаевъ, вспомогательные горшки не разстаются съ печью, подобно основнымъ,—что подтверждаетъ увѣреніе стряпухъ, будто цѣльность вкуса, чистота кушанья и правильный разваръ его только и могутъ достигаться непрерывнымъ нахожденіемъ горшка въ печи во все время стряпни.

Къ похвальнымъ сторонамъ стряпного дѣла необходимо отнести довольно частое умыванье рукъ стряпухи, а также и то, что всякая стряпная посудина обязательно ополаскивается водою даже и тогда, когда она была вымыта раньше. Къ сожалѣнію, посудная мойка и, ближайшимъ образомъ—горшковъ производится спѣшно, точно надоѣвшая обрядность, при чемъ они высыхаютъ отъ мокроты въ печи, или на лавкѣ, въ „горшечномъ углу“. Оттого на стѣнкахъ горшковъ остаются „прилі́пы“, которые не даютъ цѣльнаго вкуса новому кушанью, или помогаютъ проквасу его. Столовая посуда нѣсколько счастливѣе: миски и ложки не только вымываются, но и вытираются, что въ значительной мѣрѣ уничтожаетъ „прилі́пы“. Зато частое употребленіе и мытье деревянныхъ, напр., мисокъ и ложекъ даетъ послѣднимъ безсмѣнную влажность, отъ которой онѣ кваснѣютъ и пріобрѣтаютъ специфическій запахъ, такъ легко отличаемый въ „горшечномъ углу“.

Таковы въ главныхъ чертахъ существенныя требованія стряпни. Къ сему можно прибавить развѣ то, что каждое кушанье, по

крайней мѣрѣ, „стрàвы и вàривы“ готовятся не въ обрѣзъ, а съ запасцемъ, на случай прибытія сторонняго лица—гостя, путника, нищаго,—или на случай неожиданнаго расширенія семейнаго аппетита. И дѣйствительно, часто является непонятнымъ, почему одна и та же семья, при одинаковыхъ трудовыхъ условіяхъ и при однообразно-точныхъ срокахъ ѣды, въ иной день прiѣдаетъ всѣ изготовленія дочиста и непрочь-бы отъ „подбавки“, тогда-какъ въ другой день отъ каждаго кушанья получаются остатки, которые идутъ „у пиранóчныи стравы“. Это обстоятельство не ускользаетъ, однако, отъ „цямкыго“ [91]) простолюдина и пóясняется такъ: если за ужиномъ всѣ кушанья потреблены безъ остатка, на другой день слѣдуетъ ожидать вёдреной погоды, получились остатки—погода будетъ ненастная... [92]).

X. Стряпуха.

Очень возможно, что сдѣланное перечисленіе кушаній заставитъ предполагать, что описываемый столъ содержателенъ въ количественномъ такъ же, какъ и качественномъ отношеніи и что кухонныя производства достаточно разнообразны. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ—поможетъ отвѣтить болѣе тѣсное ознакомленіе съ простонароднымъ житьемъ-бытьемъ середового дома въ будничный, святочный и гостиный день, по крайней мѣрѣ, тогда лаконическимъ „да и нѣтъ“ не приходится отвѣчать. Но скроменъ ли, пышенъ ли, разнообразенъ ли будетъ столъ такого дома, или спустился онъ до поражающаго убожества въ домѣ бѣдняка—тамъ и здѣсь выдѣляется неустанный трудъ и неоцѣняемая по достоинству хлопотливость семейной стряпухи. И не со вчерашняго дня повелось такъ, а съ того затерявшагося въ сѣдой дали времени, когда послѣдовало раздѣленіе труда на мужской и женскій, и на которое имѣются лишь смутныя указанія въ произведеніяхъ народнаго творчества—сказкахъ и пѣсняхъ, болѣе опредѣленныя—въ

пословицахъ и поговоркахъ и совершенно шаткія—въ клочкахъ уцѣлѣвшей обрядности. Что же они говорятъ? Сказка лаконически передаетъ: баба пекла, баба варила, баба подала и при этомъ совершенно умалчиваетъ, сколько времени потрачено бабой, чтобы приготовить печенье да вареніе, сколько предварительныхъ трудовъ, хлопотъ и лишеній понесено, пока, наконецъ, она не исполнила своей работы. Тутъ приходится только опереться на слова присказки, утверждающей, что „скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается...“ Ничуть не больше того говоритъ и пѣсня. Стоитъ припомнить, ну, хотя пѣсенныя выспрашиванья волочебниковъ [93]) за поздравительный трудъ, гдѣ, между прочимъ, они говорятъ:

„А въ пячй пырысй рыскырачилыся—[94])
Ѣсь ягó намъ нызначилыся!..“ [95])

И здѣсь полное умолчаніе о томъ, какими заботами и трудами обставлено было воспитаніе „пороря“, убой его, потрошенье, чистка, начиниванье, зажариванье: все это приходится возстановлять въ памятованіи по условнымъ пріемамъ житейской практики; какъ гости, волочебники только знаютъ „рыскырачныя пырысй въ пячй“ и не признаютъ даже за трудъ подачу его... Знакомые съ многочисленными пословицами и поговорками, относящимися къ стряпнѣ и лично къ стряпухѣ [96]), не могутъ отрицать, что труды и хлопоты послѣдней не только не выставляются напоказъ, какъ заслуга передъ семьей, а напротивъ подлежатъ полунасмѣшливому пересуду и считаются трудами послѣдней важности: „съ кочергой—не съ сохой!“—говорятъ обыкновенно при сравненіи трудовъ стряпухи съ трудами пахаря. А между тѣмъ житейская практика обставляетъ работу стряпухи многими и многими требованіями, пріуроченными къ стряпному углу. Зайти да посмотрѣть бы въ этотъ несовсѣмъ почетный уголъ!..

Грязна, напр., рубашка, на бѣльѣ и одеждѣ дырья, засоренъ до крайности полъ, помутнѣли отъ копоти и мухъ стекла, виситъ

ли по всему потолку и въ углахъ густая паутина, или подоспѣетъ другая подходящая неисправность—со всѣмъ такимъ нестроеніемъ мирятся семьяне: но не останется незамѣченнымъ запоздалое приготовленіе ѣды. недостача кушанья, недоваръ, переваръ, проквасъ, охлажденіе его, „сплывъ" жира, случайный уголекъ, соломинка, прутикъ и нитка, незамѣченное въ картофелѣ дупло, нечисто вымытая, недостаточно вытертая ложка и многое другое. За все это ложится отвѣтственность на стряпуху, которая тутъ же выслушиваетъ то прямыя, то косвенныя укоризны, а при острыхъ случаяхъ—выдерживаетъ пословичный „пересолъ на спинѣ". Если она хозяйка, старшая въ домѣ, то, пожалуй, ее укоритъ одинъ мужъ; не то со стряпухами, почти всегда опальными—невѣсткой и снохой: кромѣ открытыхъ „шпиликъ" [97]), нестѣсняемыхъ укоризнъ и брани, онѣ принуждены бываютъ переносить множество молчаливыхъ, но ѣдкихъ укоровъ. Такъ, на глазахъ злополучной стряпухи медленно вытаскивается изъ кушанья уголекъ, прусакъ, мышиный „калтешъ" [98]), соломинка—изъ хлѣба, которые тутъ же укладываются на столѣ; спѣшно поданная, можетъ быть, и недостаточно вымытая, вытертая ложка всесторонне и подолгу разсматривается владѣльцемъ, а потомъ самолично обмывается и вытирается имъ передъ ѣдой.

Это одна сторона незавидной доли стряпухи, не всегда и не вездѣ имѣющая жизненное мѣсто; другая, непредотвратимая сторона—чисто физическія усилія. Изъ предыдущаго видно было отчасти, во что обходится хлѣбное печенье, обязательное разъ, или два въ недѣлю. Не менѣе сложными трудами обставлены и всѣ ежедневныя дѣянія той же стряпухи. Въ то время, когда послѣ ужина семьяне отправляются „одъ сто̀лу къ по́лу" [99]), она сперва возится съ уборкою посуды, потомъ кладетъ въ печь дрова, ставитъ туда же вымытые горшки, мететъ избу, стираетъ столъ, кормитъ домашнюю собаку и, заслонивъ печь, вершаетъ свои хлопоты тогда, когда по избѣ разносится ревучій храпъ со свистомъ. Засыпая подъ „сладостный вопль и стонъ" семьянъ, стряпуха просыпается

до прекращенія его и немедленно же принимается за подготовительныя работы: чиститъ картофель, цѣдитъ цѣжу, мѣситъ тѣсто; сбѣгаетъ иногда за водой разъ-другой, въ амбаръ и кладовую—за необходимыми предметами; когда же дрова разгорятся въ печи, она вкатитъ туда ведерные горшки и дополнительные къ нимъ—меньшіе, слѣдитъ за кипѣньемъ кушаній, что приковываетъ къ стоянью у пылающей печки и наводитъ извѣстную „вочакъ сляпоту, головки ломоту“ [100]). Если при этомъ бываетъ печенье блиновъ, или подобныхъ изготовленій изъ хлѣба, торчанье передъ печью удлиняется, съ чѣмъ вмѣстѣ удлиняется и гибельное вліяніе на здоровье печного жара.

Семьяне оставляютъ постели почти тогда, когда стряпуха прикончитъ свое дѣло и заслонитъ печь; но никто не приступитъ къ продолжительной работѣ безъ завтрака: послѣдній долженъ быть готовъ во что бы то ни стало къ предразсвѣтному времени и стряпуха спѣшитъ убрать столъ, выкатываетъ горшки, наливаетъ и подбавляетъ кушанья, а послѣ ѣды опять же убираетъ горшки, столъ, перемываетъ посуду, мететъ избу и проч. Повидимому, все это не очень большой трудъ; но непрерывность его, производство однѣми безсмѣнными руками и продолжительная „тыпытня“ [101]) скоро отзываются и на молодой, дюжей женщинѣ; не даромъ же она, присѣвъ на короткое время на лавку, произноситъ неподражаемое, сердечное „ху-у-ту-у!“ понятное только тѣмъ, кто бывалъ въ положеніи стряпухи.

Ложки не успѣваютъ иногда „прывяць“ [102]) послѣ мойки, а семьяне уже начинаютъ тереться около стола: подходитъ обѣденная пора—для стряпухи новыя хлопоты по уборкѣ стола, разливу и подачѣ кушаній, новая мойка посуды, стирка и проч. Потрудившіеся или праздные члены семьи могутъ прилечь послѣ обѣда для отдыха; стряпуха же, прикончивъ уборку, отдыхаетъ только за женскою работой—шитьемъ и пряжей, отъ которыхъ не замедлитъ оторваться, когда семьяне снова соберутся къ столу полдничать: новая

уборка стола, новыя хлопоты съ кушаньями и посудой. По мѣрѣ того, какъ одиночныя и общія позѣвыванья начинаютъ вызывать ужинъ, стряпуха еще разъ приступаетъ къ неизмѣнной работѣ своей и ею заканчиваетъ трудовой день послѣ всѣхъ односемьянъ.

Такъ проводитъ стряпуха будничный день зимою, когда прибавочная женская работа вся дома, подъ руками, и притомъ— легкая. Но тотъ же день лѣтомъ значительно разнится отъ зимняго: послѣ слишкомъ ранней стряпни и разсылки завтрака по рабочимъ угламъ, она спѣшитъ туда же и сама, становясь на лугу и нивѣ обычнымъ рабочимъ членомъ. Въ чемъ она не натрудитъ себя здѣсь, то сугубо, на счетъ личныхъ силъ, дотянетъ при печи, надъ горшками, запущенной посудою, которая изъ рабочихъ угловъ вечеромъ соберется домой. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что на обязанности стряпухи лежитъ сварить кулешъ для телячьяго пойла, отпарить свиную „мѣшинку", напоить и накормить тѣхъ и другихъ.

Въ праздничные и гостиные дни, когда всѣ семьяне имѣютъ полный отдыхъ, одна стряпуха не имѣетъ доли его, а работаетъ чуть не въ удвоенной мѣрѣ. Правда, тутъ она можетъ располагать нѣкоторымъ вспоможеніемъ женщинъ-семьянъ. А если таковыхъ нѣтъ, если она принуждена работать на стараго, да на малаго, если она въ домѣ „чужъ-чужанинъ" [103]) среди золовокъ, деверей при свекрѣ и свекрови во главѣ? При томъ же многія изготовленія—хлѣбъ, блины, каша, солодуха—требуютъ, чтобы надъ ними отъ начала до конца работали однѣ руки.

Въ заключеніе нелишне имѣть въ виду стряпуху-мать, окруженную малолѣтними дѣтьми, или такую, у которой непутный мужъ, требующій иногда за собою почти дѣтскаго ухода: тогда тяжелое положеніе неоцѣняемой по достоинству труженицы становится сугубо тяжкимъ. Въ большихъ семьяхъ, при достаточной наличности женскаго персонала, стряпня можетъ чередоваться то

по-недѣльно, то по-мѣсячно. Но и этотъ сравнительно короткій срокъ не замедлитъ сказаться на стряпухѣ нѣкоторою „полинялостью“ [101]): пока она въ работѣ, передъ печью, румянецъ не сходитъ съ пылающаго лица, а какъ опустится на отдыхъ, такъ и видно, что она „слиняла“. Самая ѣда стряпухи слишкомъ непутна: присаживаясь къ общему столу, усталая, съ перебитымъ аппетитомъ, она позже другихъ принимается за ѣду и раньше отстаетъ отъ нея.

Неустанная труженица творитъ свое дѣло день-въ-день, мало слышитъ похвалъ и много—порицаній; она не доѣдаетъ, не досыпаетъ. На округляющихся лицахъ семьянъ, на румяномъ цвѣтѣ ихъ она, пожалуй, можетъ видѣть плоды трудовъ своихъ; но вѣдь это не припишется трудамъ и усиліямъ стряпухи; напротивъ, всѣмъ, какъ и труженицѣ, очевидно, что утромъ она принималась за пустой горшокъ, а вечеромъ разставалась опять же съ пустымъ горшкомъ... цѣлодневный трудъ и хлопоты такимъ образомъ безслѣдно пропали!..

XI. Сроки ѣды.

Благодаря кормленію почти исключительно растительною пищею, рабочій и гулевой простолюдинъ не прочь поѣсть при всякой подходящей возможности. Это можно видѣть не на дѣтяхъ только, за безвременную, частую ѣду прозванныхъ поросятами („дяцёныкъ — што пыросёныкъ: тольки пыдывай!“), но на степенныхъ старичкахъ, какъ и на лицахъ средняго возраста, которымъ тоже—„тольки пыдывай!“ Однако, для настоящей, правильной ѣды существуютъ точные, съ незапамятныхъ поръ установленные, сроки, когда всѣ семьяне, или значительная часть ихъ, собираются къ домашнему столу и сообща трапезуютъ. Показателями этихъ сроковъ въ отдѣльной семьѣ, какъ и цѣлой деревнѣ, служатъ: привычка, положеніе солнца на небѣ и деревенскій хронометръ, во образѣ пѣтуха. Подъ руководствомъ ихъ создаются четыре срока дневной

ѣды, въ будни и въ праздникъ, хотя въ разговѣнье, особенно же заговѣнье, къ нимъ прибавляются еще и новые [105]).

Первая дневная ѣда есть „снида́ння“, которое безсмѣнно во весь круглый годъ бываетъ между 6—8 часами утра. За этою ѣдой не засиживаются подолгу, сколько потому, что тутъ, по большей части, подается одно лишь кушанье, столько и потому, что каждый затрапезникъ не чувствуетъ пока надлежащаго позыва къ ѣдѣ и что каждый спѣшитъ къ работѣ. Зимою, при относительномъ досужествѣ, „снида́ння“ бываетъ приблизительно чрезъ часъ послѣ общаго просыпленія; лѣтнею же порой оно разграничиваетъ первыя двѣ „упра̀жки“ [106]) и длится приблизительно столько, сколько требуется на отдыхъ и ѣду упряжной лошади,—что займетъ около часа. На „сниданння“ подается теплое, жидкое кушанье, потребляемое, конечно, съ хлѣбомъ; тамъ же, гдѣ домашняя нужда не позволяетъ „вары̀ рызваривыць“ [107]), довольствуются „цюпкыми“, или хлѣбомъ въ „сухымя̀тку“, запивая водой, квасомъ.

Такъ называемый „привалыкъ“ послѣ „снида́ння“ дѣлается только лѣтнею порой, чтобы дать упряжной лошади полный часовой отдыхъ; но это бываетъ у немногихъ отдѣльныхъ лицъ. Вообще же, пока свѣжи силы, каждый рабочій членъ спѣшитъ къ той и другой дѣятельности, и въ промежуткѣ между „сниданнимъ“ и обѣдомъ должна быть исполнена главная часть предположенной дневной работы.

Обѣдъ составляетъ вторую, но основательную дневную ѣду. Онъ бываетъ между 10—11 ч. утра и нѣсколько растягивается. Послѣднее зависитъ отчасти отъ свободнаго послѣ него времени, отчасти же отъ обязательнаго потребленія двухъ и болѣе кушаній, особенно, въ святочные и поминальные дни. Приблизительнымъ срокомъ отъ начала обѣда и до конца его слѣдуетъ считать „ла́дныю часину,“ [108]),—что соотвѣтствуетъ часу-двумъ въ будни и въ праздникъ.

Къ обѣду собираются всѣ, кто работаетъ вблизи дома, и только работающимъ въ отдаленныхъ уголкахъ обѣдъ приносится на мѣсто. При пашенной, сѣнокосной и жнивной толокѣ“ [109]), обѣдъ, какъ и всѣ первыя три ѣды, происходитъ на мѣстахъ работъ, куда кушанья и посуда доставляются изъ хозяйскаго дома. Выгодное вообще вспоможеніе толочныхъ пособниковъ становится тягостнымъ именно изъ-за необходимости таскать изъ дома объемистую посуду съ кушаньями часто на далекое разстояніе.

Послѣобѣденный отдыхъ въ видѣ сна почитается совершенно необходимымъ, и не спятъ развѣ дѣти, пастухи, невѣсты-дочери да стряпухи. Съ незначительною натяжкой можно увѣрять, что полдень застаетъ простолюдина въ обязательномъ снѣ.

Въ промежутокъ между 3—4 ч. пополудни бываетъ „полу́динь“—третья дневная ѣда. Подобно „сниданню“, и эта ѣда не затягивается, особенно, лѣтнею порой, потому что тутъ подается опять же одно только кушанье, а освѣженныя силы тружениковъ и рабочихъ лошадей позволяютъ спѣшить къ работѣ почти съ утреннею энергіей. Зимнею порой, когда „полу́динь“ заканчивается почти въ сумерки и когда не имѣется работы, мужчины приваливаются на отдыхъ вплоть до ужина; женщины же въ это время прядутъ, или отправляютъ другія женскія работы.

Послѣдняя дневная ѣда есть „вячёря“, которая бываетъ около 7—9 ч. вечера. Ею заканчивается дневная дѣятельность простолюдина, и повсюдное выраженіе „вячёря й спаць“—вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности: послѣ ужина нѣкоторое время работаютъ стряпухи да пряхи, остальные же семьяне отправляются послѣ краткой молитвы „одъ сто́лу къ полу“.

За „вячёрій“ потребляются лишь остатки дневныхъ кушаній; за отсутствіемъ же таковыхъ созидаются кушанья случайныя, которыми нерѣдко бываютъ „хлѣбъ да вода“ („молодецкая ѣда“). За этою ѣдой обыкновенно присутствуютъ всѣ семьяне,—что лѣтомъ составляетъ единственный полный сборъ семьи въ теченіе

цѣлаго дня. Тутъ старшіе и вообще семьяне выслушиваютъ отчетъ въ произведенныхъ работахъ; тутъ же дѣлается распорядокъ работъ на завтрашній день. Лѣтомъ „вячéря“ проходитъ нѣсколько скорѣе, чѣмъ зимою: конопасы спѣшатъ увести и пристроить лошадей на ночлегъ, пастухи—скорѣе прилечь, чтобы не опоздать утреннимъ выгономъ скота, проработавшіе весь день и ожидающіе того же и завтра—спѣшно уходятъ спать; только стряпуха нѣкоторое время хлопочетъ надъ уборкою посуды да надъ главными заготовленіями для стряпни на слѣдующій день.

Въ такомъ неизмѣнномъ порядкѣ проходитъ дневная ѣда въ будни, въ праздникъ, лѣтомъ и зимой. Незначительныя уклоненія въ данномъ домѣ, въ деревнѣ и общинѣ не могутъ приниматься въ расчетъ, какъ мѣстныя, слишкомъ случайныя, и это непремѣнно должно имѣть какія-нибудь основательныя причины. Но есть случаи, когда отступленіе неизбѣжно, когда оно дѣлаетъ продовольственную жизнь совершенно непохожею на обычную. Къ нимъ слѣдуетъ отнести особые праздничные, поминальные дни и семейныя торжества.

Въ такъ-называемыя „коляды“ существенною ѣдою бываетъ только „вячéря“; къ ней главнымъ образомъ направляется домашняя стряпня. Если кое-что готовится на другія очередныя „ѣжи“, то готовится въ скромныхъ размѣрахъ, для избранныхъ потребителей; большинство же не ѣстъ до зари, особенно, въ рождественскую и крещенскую коляду. Нѣчто подобное бываетъ въ „дяды“: слишкомъ скромная ѣда за завтракомъ и обѣдомъ и отсутствіе полдника, выдвигаютъ „вячéрю“ изъ ряда обыкновенныхъ по обилію, спеціальности кушаній и по обстановкѣ; въ то же время, въ „радыницу и троецкіи дяды“, вечерняя ѣда бываетъ скромнѣе будничной, потому что поминныя кушанья потребляются частію за обѣдомъ, частію на могилахъ сродниковъ, куда семьяне отправляются послѣ полудня.

Выдающіяся семейныя событія—родины, крестины, свадьба, похороны—видоизмѣняютъ не только кушанья, но и время потребленія ихъ, по преимуществу. Стоитъ вспомнить, что возвращеніе, напр., кумовей съ новокрещеннымъ, прибытіе свадебныхъ поѣзжанъ, какъ и выносъ покойника, почти всегда зависятъ не отъ воли хозяевъ и домашняго распоряженія. А между тѣмъ и хозяева и гости принуждены поджидать младенца, поѣзжанъ, изготовленія гроба—и очередная ѣда тутъ поневолѣ отходитъ далеко отъ очередного срока.

При заурядной будничной жизни, а отчасти праздничной и торжественной, существуетъ извѣстная „хлу̂ска"—спѣшная, скромная ѣда, когда потребитель съѣдаетъ два-три „глыманѝ" хлѣба, блина и т. под. Разумѣется, чаще всего „хлу̂сюць" дѣти, по нѣскольку разъ между одной и другой ѣдой; то же дѣлаютъ и пастухи въ полѣ. Но и проголодавшійся рабочій „хлу̂сиць" въ ожиданіи ѣды, старикъ и старуха—по немощи, стряпуха—чтобы не тошнило; отправляющійся на отхожую полевую работу „тро́ху [110]) хлу̂сиць, кабъ ни було́ на ще́ сэрца" [111]). Наконецъ „хлу̂ска" принимаетъ видъ новой, пятой ѣды, когда тотъ же рабочій во время послѣдней „зыпражки" присядетъ на короткій срокъ для отдыха и кстати потребитъ скромные остатки полдничной ѣды,—что составляетъ уже „пыдвячёрыкъ". Какъ очевидно, „пыдвячёрыкъ" имѣетъ временное (лѣтнею порой) и случайное (остатокъ кушанья) употребленіе, дабы легче было возвращаться домой съ „поро́зный" посудою. Въ отдѣльныхъ случаяхъ „пыдвячёрыкъ" дѣлается на ходу, при возвращеніи съ работы.

За исключеніемъ приведенной случайности (остатокъ кушанья), эта ѣда обращается въ обычную „хлу̂ску", какъ на короткомъ присѣстѣ, такъ и во время слѣдованія домой.

XII. Образъ ѣды.

Въ такъ называемыхъ старожитныхъ домахъ обыкновенно дѣлаются нѣкоторые подступы къ общей ѣдѣ. По мѣрѣ того, какъ

столъ прибирается ложками, хлѣбными порціями, а въ иные дни и блинами, семьяне умываютъ руки и подходятъ къ столу. Старшій въ семьѣ читаетъ молитву вслухъ, или про себя; въ послѣднемъ случаѣ личнымъ примѣромъ онъ призываетъ къ тому же остальныхъ. Послѣ молитвы каждый садится на опредѣленное за столомъ мѣсто, при чемъ способные управляться съ ложкой дѣти помѣщаются при матеряхъ, то „станькомъ“ [112]) на лавкѣ, то на поставленной на нее колодкѣ. Тутъ, на живомъ примѣрѣ взрослыхъ, они усваиваютъ принятыя въ домѣ и окрестномъ быту застольныя правила и приличія, извѣстныя подъ именемъ „люцкысци“, или „людàнысци“ [113]), которая, между прочимъ, требуетъ:

1. Чтобы каждый затрапезникъ отломилъ кусочекъ хлѣба отъ своей порціи и, посыпавъ слегка солью, успѣлъ съѣсть его прежде, чѣмъ на столѣ появится первое кушанье. Въ этомъ случаѣ хлѣбный кусочекъ не превышаетъ одного „глытàника“.

2. Потребная для личныхъ надобностей соль берется изъ солонки исключительно ложкой [114]), при чемъ она (соль) посыпается на столъ съ правой стороны потребителя въ маленькую кучу. Къ концу ѣды эта куча исчезнетъ безслѣдно, чему помогаетъ закусыванье хлѣбомъ и солью послѣ каждаго кушанья.

3. Поставивъ на столъ кушанье, хозяйка-стряпуха и сама присаживается. По ея слову—„принимàйцися!“—ложки и руки застольниковъ направляются по принадлежности.

4. Употребленіе отдѣльныхъ тарелокъ неизвѣстно въ простонародномъ застольи, и всѣ трапезующіе ѣдятъ изъ общей миски, или тарелки.

5. Чтобы не было пролива кушанья на столъ, каждый черпаетъ несовсѣмъ полную ложку, обтираетъ ее о край миски и, на пути ко рту, держитъ подъ ложкой тотъ кусокъ хлѣба, отъ котораго откусываетъ. Такимъ образомъ, „пусциць пуцики“ [115]) и вообще капнуть на столъ почти невозможно: это могутъ сдѣлать

развѣ дѣти, хмѣльные, или тѣ, кого нечаянно толкнули: но и при такомъ невольномъ проливѣ кушанья, неисправность все-таки подлежитъ нѣкоторому порицанію и не останется незамѣченною.

6. Послѣ пріема кушанья съ ложки послѣдняя тщательно облизывается, по большей части, кладется на столъ и рѣдко держится вертикально; слѣдуетъ обстоятельное пережевыванье пищи и „захлйбъ“ ея половинною долею ложки потребляемаго, напр., жидкаго кушанья. Благодаря несоразмѣрной величинѣ мѣстныхъ ложекъ, дѣти и подростки схватываютъ съ нихъ пищу особымъ манеромъ, поворачивая ложку передъ ртомъ всѣми тремя сторонами поочередно. Поэтому ложка у нихъ и не выходитъ изъ рукъ, пока данное кушанье потребляется.

7. Каково ни было бы жидкое кушанье, но сперва вычерпывается только „жйдишъ“ его, при чемъ тутъ имѣютъ преимущественное мѣсто „мочёники“; когда же затрапезники дошли до „гусцежа̀“ [116]), послѣдній потребляется почти безъ хлѣба, подобно кашѣ.—Подонные остатки въ мискѣ предоставляются дѣтямъ.

8. Обыкновенные „сёрбы и чавкй или цмя̀ки“, при ѣдѣ [117]) бываютъ иногда слишкомъ рѣзки и производятъ замѣтный, своеобразный шумъ. Но есть отдѣльные дома, гдѣ принято не „сёрбыць“ и пережевывать пищу съ сомкнутыми губами: тогда и застольная тишина бываетъ поразительною.

9. При навычномъ отломѣ и откусываньи хлѣба, отъ него рѣдко отпадаютъ крошки. Упавшія на столъ бережно собираются мякишемъ, или пальцами; упавшія же на полъ, по возможности, немедленно поднимаются, и невольный виновникъ набожно цѣлуетъ поднятую крошку и что произноситъ: „выбача́й, Бóжинька!“ [118]) относя обращеніе именно къ хлѣбу.

10. Если кушанье готовилось съ мясомъ, или саломъ, то предназначенные для очередной ѣды куски ихъ подаются въ ку-

шаньи. Прежде, чѣмъ приступить къ потребленію его, „присмàкъ“ вынимается изъ миски на тарелку, или на спеціальное „дóно“ [119]), гдѣ въ ручную разрѣзается на мелкіе кусочки, которые потомъ вбрасываются въ миску. Въ иныхъ случаяхъ придерживаемый лѣвою рукою кусокъ мяса, при помощи правой, разрѣзается надъ миской. Трапезующіе довѣряютъ чистотѣ рукъ того, кто рѣжетъ мясо, или сало, и потребляютъ кушанье безъ всякой брезгливости. Смотря по обстоятельствамъ, сало иногда растирается въ мискѣ ложкой, или спеціальнымъ толкачикомъ: тогда оно уже не вѣдается съ руками, признаться, не всегда опрятными.

Семья принялась за кушанье, но никто не позволитъ себѣ вычерпнуть мясного и сальнаго кусочка, пока хозяйка не произнесетъ: „чамỳ ни бирицё!“ Тактичность обязываетъ каждаго вычерпнуть ни больше, ни меньше остальныхъ; дѣтямъ же не предоставляется самостоятельнаго вычерпыванья „присмакъ“: они пользуются послѣдними изъ ложекъ матерей.

11. Подобнымъ же образомъ идетъ потребленіе и различныхъ „пячѝстъ“. Мясо, за столомъ, посыпается разрѣзанное солью и перцемъ и то вычерпывается изъ посудины ложками, то выбирается пальцами, при чемъ отдѣльному потребителю не возбраняется погружать свой кусочекъ въ „подлѝву“ [120]), скромные подонки которой тщательно вытираются хлѣбомъ,—благодаря чему посудина снимается со стола почти чистою.

Если при „пяч*и*сты“ много „подл*и*вы“ и затрапезники затрудняются, мокать ли прежде хлѣбъ, брать ли мясо съ „подл*и*вый“, или послѣднюю вымакивать въ концѣ, хозяйка разрѣшаетъ недоумѣніе, когда говоритъ: „пыспробỳйця подливы!“ или: „чамỳ ни мясо съ подливый!“, или же: „подл*и*ву пыслà! Первое и послѣднее указываютъ на моканье хлѣба въ „подл*и*ву“, а второе—на потребленіе ея вмѣстѣ съ мясомъ, при чемъ, то и другая вычерпываются,—какъ въ „крупѐни“. „Капк*и* [121]) и пуцики“ тутъ еще менѣе возможны: „подлѝвы“ берется немного, а ложка

выносится изъ миски со всевозможною предосторожностью, т. е. подолгу обтирается о край миски и поддерживается снизу „кусáнимымъ“, которымъ каждый разъ и вытирается.

12. Потребленіе „мыкан*и*ны“ происходитъ въ ручную, т. е. омакиваемые предметы погружаются туда не ложкою, а рукою. Если при этомъ „мыкан*и*на“ коснулась пальцевъ, послѣдніе немедленно же облизываются. Въ виду того, что мокапье блинами встрѣчается чаще, чѣмъ другими предметами, то о немъ слѣдуетъ сказать отдѣльно. Потребитель отрываетъ четверть блина и, свернувъ его трубочкой, опускаетъ въ „мыкан*и*ну“ открытой стороной, при чемъ старается захватить трубочкой и гущу, которою въ „прижан*и*нѣ“, напр., бываютъ колбасные, сальные и мясные кусочки. Въ большинствѣ въ ротъ поступаетъ вся четверть блина, особенно, при началѣ ѣды; но въ концѣ ея трубочка омакивается и потребляется въ два пріема.

13. Очень рѣдко бываетъ, когда чашка снимается со стола съ недоѣденнымъ кушаньемъ: это возможно лишь при вечерней ѣдѣ; обыкновенно же затрапезники потребляютъ кушанье до дна. Что же касается наиболѣе лакомыхъ кушаній съ „пяч*и*стыми“ включительно, то они потребляются до тщательнаго вытиранья и вылизыванья посудины, которая при мойкѣ даетъ мясной запахъ, едва улавливаемый собачьимъ чутьемъ.

14. Въ потребляемыхъ предметахъ затрапезники видятъ первые дары Божьи и неукоснительно вѣрятъ, что Податель ихъ незримо наблюдаетъ за поведеніемъ трапезующихъ и отношеніемъ къ дарамъ. Съ этой точки зрѣнія праздные разговоры, бранныя и площадныя рѣчи строго преслѣдуются за столомъ. Дѣтская нескромность и нарушеніе застольныхъ правилъ немедленно и тутъ же наказываются ударомъ ложки по лбу. Только по выходѣ изъ-за стола договариваются невымолвленные „жарты [122]), мыцюг*и*“ [123]), или заканчиваются споры, прерванные за столомъ. Та же своеобразная скромность и почтительность къ дарамъ Божьимъ сопро-

вождаетъ и незастольную ѣду,—какъ то можно видѣть при полевыхъ работахъ, при путевыхъ закускахъ и проч.

15. „Заѣдки и захлибки“ вершаютъ общую ѣду за обѣдомъ и ужиномъ. О наличномъ матеріалѣ ихъ сказано выше; къ тому слѣдуетъ прибавить, что „захлибки“ потребляются или совершенно безъ хлѣба, или съ незначительною прикуской его, и что они желательны тогда, когда за ѣдою преобладали густыя кушанья.

16. Поднимаясь съ мѣста, каждый затрапезникъ нижнимъ ребромъ правой руки троекратно „жигнáиць“ [124]) то мѣсто стола, гдѣ лежалъ его хлѣбъ, и читаетъ короткую молитву. Общая потрапезная молитва читается еще рѣже, чѣмъ передъ ѣдой, за исключеніемъ колядныхъ и поминальныхъ дней, въ которые обязательно слѣдуетъ общая молитва, или, по крайней мѣрѣ, одновременное отправленіе ея.

17. Выходъ изъ-за стола съ непроглоченнымъ жевкомъ, а тѣмъ болѣе выносъ хотя бы и незначительнаго кусочка его, чтобы доѣдать послѣдній, строго порицается застольными правилами. Этого выноса не дѣлается даже ради собаки, или другого призрѣваемаго животнаго: окончена ѣда, вышли изъ-за стола семьяне и помолились Богу,—тогда, пожалуй, каждый воленъ снять со стола свой или чужой недоѣдокъ и поступить съ нимъ по усмотрѣнію. Въ связи съ этимъ, по возможности, избѣгается подачка хлѣба, даже обобранной кости кошкѣ и собакѣ во время ѣды—и сельскіе „кўцки да кицки“ [125]) знаютъ это и терпѣливо выжидаютъ выхода хозяевъ изъ-за стола.

18. Послѣобѣденное умыванье рукъ есть обычай сравнительно немногихъ пожилыхъ мужчинъ. Но это же становится обязательнымъ для всѣхъ семьянъ послѣ ужина въ заговѣнье.

19. Свои семьяне, даже дѣти, не благодарятъ старшихъ послѣ ѣды, хотя въ Лепел. и Дрисс. у. встрѣчаются почтительные примѣры выраженія благодарности: всѣ младшіе по возрасту

члены семьи цѣлуютъ руки хозяина и хозяйки. То же дѣлаютъ и гости такого же возраста. Такое выраженіе благодарности позаимствовано отъ разсѣянныхъ тамъ и здѣсь бывшихъ шляхтичей.

XIII. Питье и питейные предметы.

Изъ приведенныхъ данныхъ о пищѣ отчасти можно видѣть, что ея потребляется немало не только въ теченіе дня, но и за отдѣльною ѣдой, видимыми показателями чего служатъ почтенныхъ размѣровъ опорожненные горшки да не менѣе внушительныхъ размѣровъ животы потребителей, при чемъ „хлѣбушко насу́чный" проходитъ чрезъ всю ѣду, отъ начала до конца. За исключеніемъ помянутыхъ тамъ же изъятій, видно было, что и вся остальная пища состоитъ изъ растительныхъ предметовъ, потребленіе которыхъ должно выигрывать количественностью. Такимъ образомъ уже одно это вызываетъ на соотвѣтственное потребленіе питья; густота же кушаній, обильная солка ихъ и такая же солка каждаго заѣдковаго кусочка хлѣба увеличиваетъ потребность, чрезъ что количественность питья не уступаетъ ѣдѣ, а то—и превышаетъ послѣднюю. Многочисленные, часто глубокіе послѣ ѣды „ры́ги да и́ки" [126]) прямо указываютъ на безотложную необходимость питья; та же необходимость „пі́тыньки" [127]) проходитъ чрезъ весь недолгій срокъ отъ одной ѣды до другой, сопровождаетъ „просо́нній-ку" [128]) и не оканчивается съ отощаніемъ живота, когда человѣкъ бываетъ, „якъ хортъ"... [129]).

1. Разумѣется, главнымъ питейнымъ предметомъ приходится считать воду, которая въ при-рѣчныхъ и при-озерныхъ мѣстахъ получается изъ этихъ водовмѣстилищъ, кстати, предпочитаемыхъ остальнымъ. Нѣсколько ниже стоитъ „криничная и узно́рная" [130]) вода, хотя лѣтнею, напр., порой она охотнѣе пьется только изъ-за ея студености. Гдѣ нѣтъ ни той, ни другой воды, окрестное на-

селеніе довольствуется водою изъ „мочўлъ“ [131]), прудовъ, болотинъ и мелководныхъ колодцевъ, находящихся подъ руками. Въ потребленіи послѣдней воды, весьма часто съ окрашивающимъ цвѣтомъ, съ водяными тлями, отдѣляемыми каждый разъ процѣживаньемъ, [132]) съ жуками и головастиками, вылавливаемыми иногда уже дома [133]), сказывается какое-то необъяснимое упорство, по которому простолюдинъ не хочетъ итти дальше дѣдовской воды и колодцевъ, кое-какъ сработанныхъ отцами. Этой водой предковъ онъ продовольствуетъ себя, свой скотъ и пока не додумывается до лучшей. „Вода брўды ня дяржӥць“ [134]),—говоритъ онъ,—а потому не брезгаетъ иногда и такой „мочўльной“ водой, гдѣ спасались отъ зноя и вылеживались свиньи... Въ такихъ бѣдноводныхъ мѣстахъ сточная вода, какъ весенняя, такъ и дождевая, считается наиболѣе цѣнною, и ею пользуются, пока то́ возможно. Но и въ мѣстахъ болѣе счастливыхъ, т. е. при-рѣчныхъ, при-озерныхъ и по сосѣдству съ родниками, та-же сточная вода замѣняетъ остальную, особенно, если добываніе ея укорачиваетъ водоносный путь.

Въ суровыя зимы, когда бѣдныя водовмѣстилища вымерзаютъ окончательно и когда за настоящею водою приходится ѣздить и ходить на далекое разстояніе, нужда пригоняетъ къ „талой“ водѣ изъ снѣга и льда. Въ такое время всевозможныя теплыя помѣщенія обильно уставляются свободною посудой, гдѣ таетъ снѣгъ и ледъ, поднашиваемый дѣтьми; тѣми же предметами пополняются и „варе́вныи“ горшки. Едва ли нужно говорить, что умыванье рукъ и лица дѣлается тутъ однимъ только снѣгомъ...

2. Хороша ли или нехороша вода, а все же самый „плохой квасъ лучше воды“. Вопреки другой пословицѣ, — „чимъ съ худымъ квасымъ, дыкъ лѐпи [135]) зъ водой“—простолюдинъ охотнѣе пьетъ его, чѣмъ воду. Главное требованіе отъ мѣстнаго вкуса—острая, почти уксусная кислота его, способная „во́чи дерць“ [136]).

Въ этихъ видахъ квасъ устаивается подолгу, пока не получитъ желанной кислоты.

Наиболѣе распространеннымъ является хлѣбный квасъ, который бываетъ: простой и „зъ-подъ-крукá“ [137]). Для того и другого кваса предварительно заготовляются „квасйны“—печенья изъ отрубей, простой отваръ послѣднихъ, плѣсневѣлый хлѣбъ, или хлѣбныя корки, недоѣдки. „Квасйны“ помѣщаются въ квасникъ и пропорціонально (какъ 5 : 1) наливаются теплою водой. Остальное предоставляется времени. По мѣрѣ того, какъ квасъ спиваютъ, убыль его пополняется водой, и добавляются новыя „квасины“. Съ теченіемъ времени послѣднія нерѣдко занимаютъ уже большую половину квасника... Этотъ простѣйшій квасъ бѣло-мутнаго цвѣта вычерпывается сверху, при чемъ плѣсень предварительно разгребается кружкой, или сдувается въ сторону при питьѣ.

Квасъ „зъ-подъ-крукá“ не имѣетъ существеннаго отличія отъ предыдущаго; онъ только чище перваго, потому что не черпается, а „тòчитца“, т. е. выцѣживается изъ квасника чрезъ „гвозь со шпунтóмъ“ [138]). Соломенные маты на днѣ квасника удерживаютъ „квасины“ и въ значительной мѣрѣ дистиллируютъ квасъ.

При болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ квасъ задѣлывается на зажаренныхъ сухаряхъ: тогда онъ принимаетъ красноватый цвѣтъ и считается наилучшимъ.

3. Фруктовые квасы по кислотѣ удовлетворяютъ мѣстному вкусу; но они не имѣютъ „тỳку“ [139]) хлѣбнаго кваса, а потому стоятъ ниже его и менѣе распространены. Въ употребленіи встрѣчается только: а) яблочный и б) брусничный. Первый дѣлается изъ высушенныхъ „пылявỳшикъ и пàдылицъ“ [140]), а второй—изъ „замóченной“ недозрѣлой брусники: зрѣлая, чистая брусника идетъ на „кулáгу“.

4. Весеннею порой лакомымъ напиткомъ бываетъ „бéрька“—сокъ отъ подрубленной березы—и „клянóвикъ“—сокъ клена. Гдѣ

много есть „бе́рьки", послѣднюю наливаютъ въ боченки, которые на мѣсяцъ закапываютъ въ землю: получается острый квасъ, едва уступающій уксусу. „Кляно́викъ", добываемый въ скромномъ количествѣ, чаще всего составляетъ лѣкарство для гусятъ въ пору цвѣтенія ржи, когда они страдаютъ головною опухолью: его даютъ пить гусятамъ и примачиваютъ головы.

5. Кислая сыворотка—слишкомъ лакомый напитокъ, которымъ пользуются рѣдко и немногіе, такъ какъ сыворотка уходитъ полностію на кислыя кушанья, да и въ самыхъ молочныхъ хозяйствахъ всегда сберегается нѣкоторый запасъ ея.

6. Точно также рѣдкимъ, хотя для отдѣльныхъ лицъ и искомымъ напиткомъ являются кислые разсолы—бурачный, капустный, огуречный. Къ нимъ обыкновенно прибѣгаютъ послѣ перепоя и при желудочномъ затвердѣніи; такимъ образомъ поименованные напитки скорѣе могутъ почесться лѣкарственными.

7. Въ воспоминаемое время еще не исчезло, хотя и близко было къ исчезновеніе т. наз. „про́стыя" ячменное пиво, приготовлявшееся на спеціальныхъ пивоваренныхъ заводахъ, или домашними средствами, къ осеннимъ и зимнимъ празднествамъ. Въ послѣднемъ случаѣ оно называло́сь „покровскимъ, зми́тровскимъ, михайловскимъ, микольскимъ". Тутъ пиво часто варилось нѣсколькими семьями сообща въ огромныхъ котлахъ, или же складчинный матеріалъ отдавался въ ближайшіе пивоваренные заводы, откуда складчики получали пиво пропорціонально выданному матеріалу [141]).

Пиво, о которомъ идетъ рѣчь, могло быть только праздничнымъ, гостинымъ напиткомъ. Въ похвалу его слѣдуетъ сказать, что, не одуряя головы, оно служило пріятнымъ, лакомымъ, здоровымъ напиткомъ; тѣмъ же оставалось оно и при употребленіи съ хлѣбомъ въ „цюпкыхъ", или при „сухымя̀тки".

8. Какъ старшій братъ „про́стыго" пива, извѣстно было тогда же пиво „марцо́выя" [142]). Кромѣ густоты, болѣе темнаго цвѣта и нѣкоторой слащавости, пиво это больше пѣнилось, а при

бутылочной закупоркѣ, давало много газовъ, вызывавшихъ потомъ у потребителей пріятную отрыжку. „Марцовыя" пиво приготовлялось только на заводахъ; отсюда оно поступало въ дома потребителей, какъ рѣдкій напитокъ, для дорогихъ гостей, а старикамъ напоминало давнюю бражку, уже не имѣвшую мѣста въ вспоминаемое время.

9. Съ проведеніемъ д.-в. желѣзной дороги въ 1866 г. „простыя" пиво стало замѣняться „баваровымъ", сперва въ придорожныхъ мѣстахъ, а потомъ не замедлило пробраться и въ отдаленные уголки губерніи. Подобно „марцовыму", при этомъ пивѣ состоитъ т. наз. „черное", достаточно извѣстное въ текущемъ употребленіи.

10. Рѣдкимъ, лакомымъ напиткомъ почитались дешевые „медки" и сладкіе квасы, добываемые въ городахъ и мѣстечкахъ. Ими обыкновенно угощались слишкомъ дорогіе гости и лица, какъ-то: священники, становые, писаря, тесть и теща, невѣста. На смѣну имъ вмѣстѣ съ баварскимъ и чернымъ пивомъ выступили сомнительные лимонады и еще болѣе сомнительные „екатеринославскіе" квасы, давность коихъ беззастѣнчиво возводится къ 20—40-мъ годамъ.

11. Въ бытописуемое время простолюдинъ вѣдался съ холоднымъ потребленіемъ перечисленныхъ напитковъ и только по наслышкѣ зналъ да изрѣдка мимоходомъ видѣлъ, какъ употребляютъ „сладкіи чай съ сыхырями" [1]), подъ которыми онъ разумѣлъ чай и кофе безразлично. Знаменательный фактъ: при сформированіи Веляшковичской вол., Вит. у., самоварными піонерами здѣсь были—самоваръ волостного писаря да корчмаря; къ концу же бытописуемаго срока на крестьянскихъ празднествахъ (свадьба въ д. Цыколовѣ) начинаетъ появляться самоварный чай, который тогда заваривался въ самоварѣ же, безъ правильной, а теперь даже дикой, засыпки: въ двадцати-стаканный, примѣрно, самоваръ всыпалась добрая горсть чаю—и тогда самоваръ наливался водою

и подогрѣвался... Если чай заходилъ въ домъ случайно (при посредствѣ лакействующихъ родственниковъ, или подаркомъ), то онъ состоялъ лишь запаснымъ предметомъ, не употреблявшимся и тогда, когда „треба було́ гру̂дки пупа́рицьˮ; [144]) какъ извѣданные, сподручные предметы, послѣдней надобности успѣшнѣе удовлетворяли различныя лѣкарственныя травы, коренья, или пользованіе иными, далеко нерастительными, предметами [145]). При надобности, подходящія снадобья варились, или лучше „топи̂лисиˮ въ закрытомъ горшкѣ, а полученный отваръ употреблялся то теплымъ, то жаркимъ: это и есть единственный поводъ и мѣсто употребленія жаркихъ напитковъ. Та́къ, при „ко́лькахъˮ [146]) отваривался сборъ колючихъ растеній (чертополохъ, татарникъ, лопу̂шникъ и сродныя имъ), при горловыхъ боляхъ—„горля̂нкаˮ (пчёлки), грудныхъ—центавріумъ и бобовникъ, желудочныхъ—мята, при явно простудномъ недомоганіи, „брали на по̀тыˮ отваръ липоваго цвѣта, малину (сушеныя ягоды, или стебель малины) и проч.,—что достаточно извѣстно по народной медицинѣ [147]).

12. За исключеніемъ воды и кваса, перечисленные напитки лишены той популярности, какую имѣетъ водка, и ни одинъ изъ нихъ не блистаетъ разнообразіемъ именъ, какія придаются той же водкѣ: „водица оржина́я (въ шутку—святая), оржану̂шка, по́сница, висялу̂шка, горку̂шка, зыбяру̂шка, окы̂нница“ и проч. Обилію именъ отвѣчаетъ и обиліе дѣйствій, связанныхъ съ потребленіемъ водки: „хапиць, пираки̂ныць, забиць му̂шинку [148]), заки̂ныць у шулуме́йку [149]), свисныць, дерныць, дирбалы̂зныць, скывацъ шилоˮ [150]) и проч. Въ разнообразіи именъ и дѣйствій водки, а также и въ выражаемыхъ ими иносказаніяхъ скрыты воздѣйствія ея на потребителей, которыми бываютъ: малъ и старъ, богачъ и бѣднякъ, удрученный горемъ и тотъ, кому хорошо повелось, труженикъ и бездѣльникъ. Нужно ли говорить о мѣстѣ и времени потребленія? И это не поддается какому-либо оформленію: гдѣ и когда есть потребитель, тамъ возможно и потребленіе. Но во времени, мѣстѣ потребленія,

въ именахъ водки и иносказаніяхъ о потребленіи ея какъ будто что-то намѣренно скрыто, точно потребители чего-то боятся, или совѣстятся. Думается, причины этого можно отчасти видѣть въ многочисленныхъ разсказахъ о происхожденіи водки, гдѣ прямо говорится о сатанинскомъ началѣ ея [151]), а отчасти и въ конечномъ воздѣйствіи водки на неумѣреннаго потребителя, когда тотъ доходитъ до сатанинскихъ навожденій.

Постоянные и временные потребители водки обыкновенно не имѣютъ дома водочныхъ запасовъ; при той и другой надобности водка „сыскивается“, т. е. потребители посылаютъ за ней, или „разыскивается“, когда они отправляются на мѣсто водочной продажи, чтобы тамъ же и распить ее. Подобно острымъ квасамъ, „забористыя, мо̀цныя“ [152]) водка занимаетъ первое мѣсто, и чтобы заурядная водка стала таковою, ей даютъ перечный и „гылга́нный“ [153]) настой; водка съ другимъ настоемъ и водка подслащенная стоятъ ниже, и потребители мало вѣдаются съ ними.

Самые жадные потребители водки рѣдко позволяютъ себѣ пить и безъ „аршина“ [154]) и не изъ бутылки, или другой неузкогорлой посудины. Единственное изъятіе бываетъ при многочисленности гостей: тогда водка наливается въ миску и вычерпывается оттуда рюмкой, или спеціальнымъ ковшикомъ, о которомъ сказано будетъ ниже.

Наблюдавшіе за потребителями водки не откажутся припомнить, что одни изъ нихъ выпиваютъ порцію стремительнымъ взмахомъ посудины, другіе дѣлаютъ это по частямъ—половину, треть посудины, третьи выпиваютъ порцію медленно отъ начала до конца, точно смакуютъ каждый глотокъ. Этотъ послѣдній пріемъ только отчасти имѣетъ здѣсь мѣсто: настоящее питье водки, всегда и вездѣ однообразное, дѣлается со „смако̀вкый“ и можетъ быть приравнено къ голубиному питью воды (непрерывная тяга), съ тою разницею, что голова пьющаго медленно закидывается назадъ, пока питейная посудина не приметъ почти перевернутаго

положенія, чрезъ что оттуда выкатится послѣдняя капля. При погонѣ за этою каплей самый скромный потребитель обыкновенно шутливо говоритъ, что „пьяницу и капля дорога". Другую особенность питья составляетъ морщенье, которое будетъ замѣтно у людей „пріобыклыхъ" такъ же, какъ и рѣдкихъ потребителей, при чемъ, какъ бы въ оправданіе, всѣ говорятъ: „якъ ето пьяницы пьюць, ня мòрщутца?!.." Вообще же водочные компанейцы и, ближайшимъ образомъ, тотъ, кто на очереди, явно и скрыто, но неупустительно слѣдятъ за рюмкою и наливомъ, а по опорожненіи ея, стремительно отставляютъ послѣднюю подальше отъ себя, при чемъ уже глаза обращены будутъ не въ сторону рюмки.

Если кто не „зыживáиць" [155]) водки, то при компанейскомъ застольномъ питьѣ онъ все-таки обязанъ принять налитую рюмку и „пригубиць" [156]), произнеся обычный привѣтъ: „буцця здоровеньки усѝ!" или сказать то-же очередному сосѣду [157]). Принятую рюмку онъ возвращаетъ потомъ наливающему, который нѣсколько пополняетъ ее и передаетъ въ очередь. Въ этомъ случаѣ не только не удивитъ, а напротивъ похвальнымъ окажется врученіе рюмки кому-нибудь изъ старшихъ, уважаемыхъ и любимыхъ лицъ: сынъ вручаетъ отцу, матери, жена мужу и проч. Эти послѣдніе выпиваютъ ее не въ счетъ своей очередной рюмки.

Смотря по обстановкѣ и водочному довольству, первоначальное питье бываетъ иногда „узáпырнымъ", т. е. выпивается по двѣ рюмки сряду, при чемъ первой рюмкѣ предшествуетъ осѣненіе себя и даже принятой водки крестнымъ знаменіемъ. При дальнѣйшемъ питьѣ уже имѣютъ мѣсто упрашиванья и „примусы", [158]) съ одной стороны, а съ другой—отнѣкиванье и напускной куражъ, обыкновенно заканчивающіеся потребленіемъ новой рюмки водки; далѣе слѣдуютъ различные причиты и прибаутки, традиціонныя шуточныя движенія, въ родѣ: опрокидыванья выпытой рюмки на темя, поцѣлуй въ дно ея и проч.

XIV. Столовая посуда.

Въ скромномъ хозяйствѣ, или при хлопотливомъ положеніи семьи, можно обойтись довольно ограниченною посудою: одна и та же миска, слегка вымытая, годится для всѣхъ кушаній очередной ѣды,—одна и та же ложка, старательно облизанная, или вытертая хлѣбнымъ кусочкомъ, да богоданныя вилки о пяти зубцахъ, позволяютъ управиться со всѣми кушаньями. Набѣжитъ незаурядный случай—гостинный, толóчный—немедленно же можно одолжиться у сосѣдей нужнымъ количествомъ мисокъ и ложекъ, если только гости, или толочане не догадались прибыть со своими, напр., ложками,—что въ воспоминаемое время кое-гдѣ важивалось. Въ виду сказаннаго, приходится лишь слегка упомянуть о немногочисленной столовой посудѣ.

1. „Сольнйца, или сольнйчка“ имѣетъ здѣсь чистый типъ русской солонки: четыре дощечки вверху и внизу связаны нѣжными обручиками; внизу вставное дно, вверху—наклонная шарнирная крышка. Задняя стѣнка значительно выше остальныхъ, съ прорѣзью въ верхней части; двѣ же боковыя дощечки идутъ отъ задней къ лицевой съ постепеннымъ пониженіемъ. Узорная рѣзьба на дощечкахъ и даже обручикахъ проста и однообразна: то мелкіе вырѣзы косыхъ крестовъ, ромбовъ, то зубчатые вырѣзы, то неглубокіе выдолбы. Вмѣсто такой, „стóищій [159]) сольнйцы“, нерѣдко можно увидѣть берестовую и деревянную кубышку со вставнымъ дномъ, безручный ковшъ, маленькую мисочку и плошку, или горшечный и кувшинный черепокъ, которые для прочности и даже красоты обвиваются берестою.

Какова ни была-бы солонка, она не снимается со стола и въ свободное время находится безотлучно при хлѣбѣ. Для стряпныхъ надобностей соль держится отдѣльно, въ случайной посудинѣ.

2. Миски встрѣчаются глиняныя и деревянныя. Между первыми различаются: простыя миски, скорѣе—плошки, и „пыливáныи“ [160]); деревянныя миски бываютъ „долбéжныи“ [161]) и точеныя, сработанныя на токарномъ кружалѣ, или „стáнѣ“, гдѣ вытачиваются колесныя ступицы. Почти всѣ глиняныя миски для прочности увиваются берестою, или же вверху и внизу скрѣпляются тонкими обручиками. „Долбежныи“ миски не имѣютъ надлежащей красоты: [162]) онѣ нѣсколько кривы, не совсѣмъ гладки, зато отличаются прочностью и сработаны „зъ вѣдымныго дрéва“ [163]).

Величина мисокъ, емкость ихъ разнообразится до безконечности: начинаясь „мйсищій“ и постепенно умаляясь, она доходитъ до „мйсыньки и мисульки“. Въ послѣднемъ видѣ посуда служитъ надобностямъ маленькихъ дѣтей, а иногда замѣняетъ питейный ковшъ. Относительно емкости мисокъ можно установить слѣдующее: на шесть взрослыхъ потребителей перваго (жидкаго обязательно) кушанья употребляется миска емкостью въ гарнецъ. „Долбéжныи“ миски бываютъ значительно меньше и могутъ служить надобностямъ одного, двухъ лицъ.—Подобно всякой деревянной посудѣ, часто сносящейся съ жидкостями, деревянныя миски отъ времени чернѣютъ, пріобрѣтаютъ глянецъ и типичный проквашенный запахъ.

3. Глиняныя и деревянныя „талéрцы“ мелькаютъ среди столовой посуды и на столѣ появляются при мясныхъ кушаньяхъ: въ нихъ только подается и разрѣзается мясо. Прикончена послѣдняя работа, мясо врошено въ миску—и сполоснутая „стрáвый“ да вытертая хлѣбомъ тарелка оказывается лишнею на столѣ, откуда она тогда же и снимается. Только при ѣдѣ „пячйстыхъ“ тарелка служитъ настольною посудой: разрѣзанное въ ней мясо вычерпывается и выбирается, какъ и изъ миски.

Тарелка отправляетъ многоразличныя хозяйственныя службы: она замѣняетъ питейный ковшъ, ею отмѣряется крупа и мука, прикроется горшокъ, въ ней приготовится нѣжное мѣсиво для

первичнаго корма поросятъ, изъ нея подастся нищему „збо́жже, зе́рниты“ [164]) и проч.

4. Вмѣсто тарелки, для разрѣзыванья мяса и сала, употребляется спеціальное „до́но“, которымъ бываетъ иногда небольшая квадратная доска (см. выноску 119). Подобно тарелкѣ, „до́но“ ополаскивается кушаньемъ надъ мискою, вытирается хлѣбомъ и, при мытьѣ столовой посуды, вымывается и „шару́итца“ [165]) наравнѣ съ нею.

5. Пословица утверждаетъ, что „сухая ложка ротъ деретъ“; въ дополненіе къ этому можно сказать, что мѣстная ложка способна сдѣлать то же и несухою... Сработанная наскоро, примитивными инментами, она шероховата, царапаетъ губы, а что хуже всего—имѣетъ широкіе бока и не входитъ въ ротъ,—что неудобно при ѣдѣ киселя и другого липкаго кушанья. Рослые мужчины и тѣ, кого судьба наградила широкимъ ртомъ, изловчаются внести ложку въ ротъ по самое „цавьё“ [166]); женщины же и, въ особенности, дѣти не могутъ сдѣлать этого и принуждены, во первыхъ, черпать далеко неполную ложку, а во вторыхъ—спускать съ нея кушанье въ ротъ „по-тро́хи, да по-во́льки“,—какъ о томъ упоминалось выше.

Въ употребленіи встрѣчаются ложки трехъ типовъ: овальныя, широкобокія [167]), напоминающія бубноваго туза, и круглыя, послѣднія употребляются значительно рѣже, отчасти потому, что не выдерживаютъ нажима и отламываются при ручкѣ во время черпанья густого кушанья и, въ особенности, при мятьѣ картофеля, „воло́жиный“ каши и проч. Наибольшая длина своеручной столовой ложки не превышаетъ 6 вер., наименьшая длина круглыхъ исключительно покупныхъ ложекъ равна 4 вер. Если судьба заноситъ въ домъ металлическую ложку, то послѣдняя хранится, правда, какъ предметъ любопытства, какъ скарбъ, или на случай пріема интеллигентнаго гостя; пользоваться же ею никто не пожелаетъ, потому что такая ложка имѣетъ недостаточную вмѣстимость, а

главное—держитъ жаръ,—что обязываетъ затрапезника дуть на эту ложку дольше и сильнѣе, чѣмъ на деревянную.

6. Пуская въ ходъ богоданную вилку, простолюдинъ шутливо увѣряетъ, что „ѐтыю са́мыю видэлку Богъ перши дурува́въ". Однако, и обычная вилка кое-гдѣ встрѣчается, какъ въ застольномъ употребленіи, такъ и при стряпнѣ: такъ, при помощи ея, вынимается изъ горшка и миски жаркое мясо, придерживается при разрѣзываніи его. Внѣ этой службы вилка покоится въ сторонѣ, потому что мясо и другіе съѣдобные предметы обыкновенно потребляются ложками и руками.

Подобно металлической ложкѣ, вилка появляется въ домѣ только случайно—подаркомъ, или находкою; и, подобно ей, служитъ предметомъ любопытства, увеличиваетъ скарбъ, да подается при угощенія важнаго гостя.

7. Гораздо чаще можно встрѣтить „пярчо́вку" [68]), которая появляется на столѣ въ парадныхъ случаяхъ. Она бываетъ почти всегда съ крышкою: жестяная коробочка,—помадная банка, бутылочка, деревянная и берестовая кубышка, низкій рожокъ и деревянный токарный графинчикъ, задешево покупаемый на базарахъ и въ лавкахъ.

8. Какъ посуда для коровьяго масла при ѣдѣ, „маслёнка" появляется на столѣ развѣ тогда, когда подана жаркая бульба въ „муньдерыхъ", при чемъ, ею бываетъ: мисочка, тарелка и вообще мелкая каменная посуда. Но въ запасливомъ хозяйствѣ имѣется нарочитая для пасхальнаго стола „маслёнка", часто деревянная кубышка, которая разъ въ годъ появляется на столѣ, пропутешествовавъ предварительно вмѣстѣ съ пасхальными снѣдями въ приходскую церковь. По опорожненіи, такая „маслёнка" покоится въ иномъ домѣ въ „божницѣ" во весь годъ.

Перечисленная столовая посуда въ полномъ наборѣ можетъ встрѣчаться весьма рѣдко: миска, изрѣдка, тарелка и ложки только и могутъ почесться столовыми завсегдатаями. Для нихъ

существуетъ двоякая мойка: обыденная, на скорую руку и парадная; при послѣдней мойкѣ посуда „шарýитца“ хвощомъ, пескомъ, соломою и мочалой. Такъ и иначе вымытая посуда не всегда вытирается, а высыхаетъ обернутою на столѣ, на лавкѣ, на припечкѣ, или въ нарочитой „грáдкѣ“, придѣланной къ стѣнѣ, гдѣ ложки, напр., затыкаются, подобно тому, какъ стамески и напильники въ мастерской.

9. Для путевыхъ недомашнихъ надобностей кушанье помѣщается въ „кýбличекъ“—небольшое ведерко (емкость—гарнецъ, или два) съ двумя ушками и крышкою, въ срединѣ которой есть гнутая ручка; чрезъ послѣднюю и ведерныя ушки проходитъ задвижка. „Кýбличекъ“ удобно переносится и одновременно служитъ хранилищемъ кушанья и мискою.—Если кушанье подоспѣло вóвремя, отправляющійся на работу беретъ его тогда же; нѣтъ—оно будетъ доставлено въ рабочій уголъ въ свое время именно въ „кýбличкѣ“,—что обыкновенно возлагается на дѣтей.

XV. Варевная посуда и привады. [169])

Значительная часть стряпной посуды пріобрѣтается покупкою въ городахъ, мѣстечкахъ и на ярмаркахъ, или мѣною на разные хозяйственные продукты у проѣзжихъ горшечниковъ и только деревянные предметы, необходимые при стряпнѣ, сооружаются домашними усиліями, по мѣрѣ умѣнья. Покупная и мѣновая посуда бываетъ: желѣзная, глиняная и деревянная. Первое мѣсто занимаетъ:

10. „Чигýнъ, или цыгýнъ“ [170])—чугунный котелъ въ одно-два ведра, примѣнительно къ составу семьи, душъ на пять, на десять. Въ немъ готовится первое кушанье на цѣлодневныя надобности; въ другомъ такомъ же „чигунѣ“ и на тотъ же срокъ готовится второе кушанье. Такимъ образомъ изо-дня-въ-день въ „варéвномъ“ употребленіи бываютъ два „чигунѝ—кислый и прѣсный“, почти никогда незамѣняющіе другъ друга.

11. Тамъ, гдѣ пріобрѣтеніе „чигуно́въ“ затруднительно, они замѣняются соотвѣтствующими глиняными „гырщка̀ми“ [171]), которые еще строже разграничиваются на кислые и прѣсные.

12. Необходимымъ спутникомъ каждаго „чигуна́ и гырщка́“ бываетъ „отлѐвышъ, или отлѐвникъ“—котелъ и горшокъ, почти на половину меньше основного. „Отлѐвышъ“ служитъ запасомъ для пополненія основного горшка при выкипѣ, сплавѣ и вообще—на всякій случай;—въ немъ же иногда держится теплая вода для мытья посуды и долива того и другого кушанья послѣ ѣды.

Употребленіе маленькихъ „чигу̀ньчикывъ, гырнулёвъ и гарну̀лькывъ“ [172]) можно встрѣтить развѣ въ приготовленіи „ка̀шиньки“ дѣтямъ, больнымъ, да на несподручной службѣ—съ незначительными крохами „зыкрасъ, присма́къ, воло́гъ“, при „оттапливаньи“ лѣкарственныхъ травъ и въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда приходится „кидать горшки“ [173]) больному.

13. „Ла́тка“ (плошка) встрѣчается наравнѣ съ большими горшками и, подобно имъ, отъ ведерной вмѣстимости доходитъ до ёмкости питейнаго ковша. Главнымъ образомъ въ „ла́тцы пра́жутца и ту̀шутца разныи пячи̇сты, іе̇чни, прижани̇ны“, которыя въ ней же и подаются на столъ. Кромѣ того „ла́тка“ часто замѣняетъ миску при подачѣ жидкихъ кушаній, при разливѣ „сцюдянёвъ“, а также служитъ и другимъ стороннимъ надобностямъ, подобно тарелкѣ.

14. Маленькихъ сковородъ, или съ готовыми при нихъ ручками, нельзя встрѣтить при мѣстной стряпнѣ; напротивъ, наибольшія сковороды, поставляемыя въ печь при помощи чепелы, имѣютъ преимущественное распространеніе: съ такой сковороды получится порядочный блинъ, на ней удобнѣе помѣстить объемистую „смажёнку“, ею же можно прикрыть и „широче́нный [174]) горщо̀къ“, когда требуется „упа́рицъ стра́ву“. На столѣ сковорода появляется только съ „пра̀жиный іе̇чній“, рѣже—съ зажаренною колбасой. Кромѣ указанной службы, сковородой прикрывается всякая холод-

ная посудина, на ней подается вода и зерна курамъ, цыплятамъ, молоко и кормъ—„подсоскамъ“ [175])—поросятамъ; только кошки и собаки не допускаются къ сковородѣ.

15. При печеньи блиновъ и другихъ хлѣбныхъ изготовленій при сковородѣ состоитъ: „подмáзка, мазилка“, которою бываетъ: кусочекъ свиного сала, иногда завернутый въ тряпочку, прилаженную къ небольшой деревянной рукояти, или кусочекъ воска, придѣланный такимъ же образомъ, при постныхъ печеньяхъ.

16. Подобно столовой вилкѣ, „бляха“ (противень) заносится въ мѣстную кухню довольно рѣдко и случайно: подаркомъ, дешевою покупкою на толкучкѣ, или кое-какимъ домашнимъ изготовленіемъ изъ попавшагося куска листового желѣза.

17. „Мыкоцёръ, или макитру“—обыкновенный гладкій глиняный бабочникъ—можно причислить къ поваренной посудѣ потому только, что въ немъ изрѣдка мнется жаркій картофель, неразварившаяся морковь, творогъ на „мыканину“, растирается макъ и конопля. Если „макитра“ изъ горшечной глины не „поливнáя“, въ ней кушанье ставится въ вольную печь: тогда „макитра“ появляется и на столѣ, какъ миска и плошка.

18. „Шумóвка“ [176]) попадается слишкомъ рѣдко, да и пользованье ею несовсѣмъ сподручно, потому что въ печи горшокъ стоитъ отъ стряпухи довольно далеко. Если набѣжитъ необходимость „шумувáць“ кушанье, то это дѣлается при помощи „полòника“.

19. „Полòникъ“ [177])—спеціальная большая ложка на длинной рукояти (общая длина его 1 ар. 6 в. и болѣе, изъ коихъ 4 в. приходятся на ложку) [178])—совершенно необходимъ при стряпнѣ: при посредствѣ его отливается въ „отлѐвышъ“ и дополняется главный горшокъ, подсаливается, кладется всякая „добàва“, отвѣдывается кушанье и вычерпывается въ миску, при подачѣ на столъ.

20. „Поварéшка“ [179]) отличается отъ „полòника“ сравнительно меньшими размѣрами, вѣсомъ (общ. дл. 10 в., овалъ ея $2^1/_2$ в., глуб. 1 в.) и крючкомъ въ концѣ „цавья̀“, для привѣса на гвоздь, край горшка, посудины. „Поварешка“ служитъ только для вычерпыванья кушанья въ мисьу и рѣдко, не въ примѣръ предшественнику, для растиранья „добавъ“ въ горшкѣ, да вычерпыванья на сковороду блиннаго тѣста.

Внѣ специальнаго употребленія „полòникъ и поварéшка“ служатъ питейною посудой, взамѣнъ ковша, а состарившись, съ трещинами и выщербами, еще долго остаются въ амбарѣ и клѣти для вычерпа зернистаго хлѣба, крупы, муки, при складищахъ которыхъ они замѣняютъ савокъ.

21. Нельзя не согласиться, что ухватъ, кочерга и чепела при стряпной посудѣ то же, что соль при хлѣбѣ, ложка—при кушаньи, и эти три главныя орудія стряпни трудно представить другъ безъ друга, почему и мѣстонахожденіе ихъ въ печномъ углу безразлично называется „вылшникымъ, кычарóгникымъ, чипéльникымъ“. Примѣнительно къ горшкамъ и сковородѣ, „вѝлки“ и чепела на длинныхъ, довольно прочныхъ деревянныхъ насадкахъ (чéренахъ), бываютъ нѣсколькихъ величинъ; что же касается всегда единственной кочерги, то оконечность ея изрѣдка бываетъ желѣзною, а сплошь и рядомъ она—вся деревянная: то крючковатый самородокъ, то кусокъ колеснаго обода съ готовою дыркой, куда скоро и удобно можно вправить насадку. Въ виду того, что деревянная кочерга скоро можетъ сгорать, крючковатый конецъ ея почти всегда покоится въ помойной посудинѣ, или же часто обливается водой. Кочерга употребляется только при послѣднемъ загребѣ угольевъ въ печурки; во время же печной топки уголья подъ сковороду и къ горшкамъ пригребаются ухватомъ и чепелой.

22. Отъ загребной кочерги слѣдуетъ отличать „кисялёвку“— легкую деревянную кочергу, крючковатый самородокъ; употребляю-

щуюся для размѣшиванья киселя въ печи, а изрѣдка—и другихъ жидкихъ кушаній. „Кисялёвка“ покоится отдѣльно отъ „кычарёгъ“, воткнутая въ стѣнную дыру, или привѣшенная на гвоздь.

23. Для удобнаго перемѣщенія грузныхъ горшковъ по печному „пóду“ употребляется „котýлка, или котка“—короткая чурка съ правильной выемкой по рединѣ, имѣющая видъ оси съ двумя глухими колесами по краямъ. При пользованіи этою „прирáдый“, въ выемку кладется ухватный черенъ—и „горщóкъ ѣдиць“,—каковое выраженіе нашло себѣ мѣсто въ нѣсколькихъ загадкахъ о путешествіи горшка въ печь и обратно.

24. Маленькія „нóчвычки“ [180]) употребляются при стряпнѣ рѣже, чѣмъ такое же корытце [181]): послѣднее дѣлается съ толстыми стѣнками и дномъ, почему сѣчка не такъ скоро пробьетъ ихъ, какъ первыя. Длина корытца рѣдко превышаетъ 12 вер., а ширина 4 в.; но этого вполнѣ достаточно, чтобы управиться съ сѣчкою, а при случаѣ—растолочь и растереть матеріалъ для предположеннаго кушанья. Въ послѣднемъ случаѣ употребляется „тывкáчикъ“—пестъ вершк. въ 6 длиною, тупой конецъ котораго не превышаетъ діаметра въ 2 вер. „Тывкáчикъ“ держится отдѣльно и, подобно „кисялёвцы“, виситъ при стѣнѣ на привязанномъ къ нему снуркѣ.

25. Мѣстная сѣчка бываетъ одноручною и двуручною. Она одинаково служитъ стряпнѣ и для приготовленія свиной „сѣчинки“ въ небольшомъ количествѣ и на скорую руку.

26. „Тáртка“ (терка) почти всегда изготовляется домашними усиліями, при помощи гвоздя и молотка, изъ случайнаго куска жести. При стряпнѣ она служитъ только къ тому, чтобы натереть картофеля въ хлѣбное и блинное тѣсто; но разъ въ годъ, къ пасхальной ветчинѣ, на ней трется хрѣнъ. Въ остальное время любители и беззубые трутъ на ней рѣдьку, лакомки—морковь и брюкву.

27. „Дежка-хлѣбница“ обязательно имѣется въ самомъ бѣдномъ хозяйствѣ. Почти всегда она дѣлается съ нѣсколькими клепками изъ чернаго дуба, которыя правильно размѣщены среди остальныхъ—еловыхъ, или сосновыхъ,—и имѣетъ плотно пригнанную крышку съ узкими краями. Въ краткомъ описаніи трудно передать все, что народная жизнь связываетъ съ квашней: объ этомъ не мало говорится при описаніи обрядностей, въ сказкахъ, пѣсняхъ, загадкахъ, даже пословицахъ и поговоркахъ, кои вошли въ различные этнографическіе сборники. А потому, не прерывая описанія, приходится вспомнить лишь слѣдующія существенныя требованія: а) новую „хлѣбницу“ слѣдуетъ задобрить, поставивъ на сутки рядомъ со старою на одну подстилку и подъ одною покрышкой,— б) завести въ ней „кйсиль“, в) никогда не вымывать и не выскребать ея снаружи и внутри, г) не запарить и не захолодить водой, е) держать на строго опредѣленномъ мѣстѣ подъ прикрышкою и на подстилкѣ и ж) ни въ какомъ случаѣ не одолжать въ сторонній домъ [182]): квашня капризна, обидчива—станетъ давать плохой хлѣбъ.

Величина квашни слишкомъ разнообразится: начиная отъ двухъ-гарнцевой емкости при заторѣ, она доходитъ до четвериковаго и больше затора. Неизмѣнно общимъ остается лишь одно: высота квашни должна быть совершенно одинакова съ діаметромъ устья.

28. Для замѣса тѣста квашня почти всегда переносится къ лѣвой сторонѣ печного устья, подъ „конь“, и тутъ устанавливается на спеціальный „крижъ“ изъ досокъ, поставленныхъ ребромъ. Она находится здѣсь до окончательной уборки и потомъ относится на постоянное мѣсто.

29. Хлѣбная колотовка неизмѣнно покоится въ „хлѣбницѣ“. Для хозяйственныхъ нуждъ—при битьѣ масла, расколотѣ въ горшкѣ картофеля, моркови, тыквы, муки въ кулешѣ—употребляется

отдѣльная колотовка, нѣсколько меньше хлѣбной, хотя и имѣющая одинаковый видъ съ нею.

30. Маленькая квашня, спеціально предназначенная для блиннаго тѣста, есть извѣстная „дёжка-блйнница". Она встрѣчается рѣже первой—блины можно заторить въ мискѣ, въ горшкѣ—и не вызываетъ ухода и предосторожностей квашни.

XVI. Консервная посуда.

Расчетливое, а то и убогое, крестьянское хозяйство заставляетъ пользоваться всякою посудой: пока она нова, посуда служитъ спеціальнымъ надобностямъ; устарѣла, получила трещины, выбоины—идетъ на второстепенную, далеко не привычную службу; свободна посуда отъ прямого назначенія—ей дается временное, опять же непохожее на обычное. Ничтожный, повидимому, черепокъ отъ боковой части горшка, едва вмѣщающій ложку воды, и тотъ можетъ пойти въ дѣло. При всемъ этомъ нѣкоторая посуда имѣетъ исключительное назначеніе хранить консервы и довольно рѣдко отступаетъ отъ своего назначенія. Сюда относится деревянная посуда.

31. „Пирарѣзъ"—половина распиленной 40, или 20-ти ведерной „кўфы" [183]) изъ подъ водки и пива. Онъ первоначально служитъ для закваса и храненія на зиму капусты, или для соленья мяса, въ большихъ хозяйствахъ, а въ свободное время въ немъ содержится вода дома и въ банѣ. Когда же одряхлѣвшій „пирарѣзъ" протекаетъ, тогда въ немъ хранится хлѣбная и „привáркывыя" мука, крупа, скромный (пшеница, конопля) и излишній запасъ зернового хлѣба.

Постепенно уменьшаясь, „пирарѣзъ" доходитъ до „пирарѣзичка", величиною въ гарнецъ,—что зависитъ отъ величины распиленнаго боченка.

32. Совершенно одинаковую службу съ „пирарѣзомъ" несетъ „силядёвка, или силяццóвка"—сельдяная бочка, задешево поку-

паемая въ городахъ, мѣстечкахъ и корчмахъ. Эта бочка не распиливается, а служитъ въ томъ видѣ, въ какомъ она поступила въ домъ, т. е. безъ верхняго дна.

33. „Пирарѣзъ" неминуемо имѣетъ болѣе узкое дно и широкое съ незначительнымъ выгибомъ отверстіе. Подобная посудина съ прямыми сторонами, двумя ушками, плоскою покрышкой, запирающеюся въ ушкахъ деревянною задвижкою, даетъ извѣстный „свéзикъ". Онъ приготовляется нарочно для соленья мяса и сала. Емкость „свéзика" не превышаетъ двухъ четвериковъ и, подобно „пирарѣзу", уменьшается до „свéзичка". Въ послѣднемъ случаѣ, при вмѣстимости ниже четверика, посудина принимаетъ имя „фáски", особенно, когда занята масломъ и творогомъ въ прокъ; но при храненіи „топлёныго" сала удерживаетъ обычное имя „свéзичка".

34. Извѣстная одноручная и двуручная „шаёнка" служитъ самымъ разнообразнымъ надобностямъ: ею черпается вода, въ ней переносится кушанье въ рабочіе углы, хранится свиная „мѣшинка", а въ обратномъ случаѣ—кровь убойнаго животнаго и внутренности, творогъ, масло и скромныя сбереженія мяса.

35. „Пирарѣзъ, свéзикъ и шаёнка" имѣютъ дно уже отверстія. Къ этой же категоріи посуды приходится отнести и „чарплò"—небольшую клёпчатую посуду на длинной рукояти для черпанья воды изъ прорубей и зернового хлѣба изъ закромовъ. На службѣ „чирплá" можно встрѣтить „шаёнку" съ отпиленной ручкой, „бочурóнку" съ выбитымъ дномъ и маленькій „пирарѣзичикъ" [184]).

36. Изъ глиняныхъ посудъ для консервовъ первое мѣсто принадлежитъ „слóйку" [185])—большой банкѣ, для храненія „топлёныго" сала, масла, творогу, меда. Ради прочности, „слóикъ" обвивается берестой при первомъ же появленіи въ домѣ и тогда онъ

весьма рѣдко ставится въ легкій печной духъ. Часто случается, что такой „слóикъ“ переживаетъ 50 лѣтъ.

37. Обвитый берестою „гырлàчъ“ [186]) служитъ по стольку же и тѣмъ же надобностямъ, какъ и „слóикъ“.

38. Точно такъ же обвивается берестою то новый, то подержанный горшокъ. Подъ именемъ „бириснѧ̀“ [187]) онъ служитъ всѣмъ главнымъ надобностямъ двухъ предыдущихъ и наравнѣ съ ними несетъ многія второстепенныя службы. Между прочимъ, всѣ три посудины замѣняютъ „бóйку“ при битьѣ масла, или служатъ для храненія наиболѣе дорогихъ сѣмянъ—мака, конопли, крупнаго боба и гороха, цѣнной крупы, которою является просовая, ржаная и гречневая.

39. „Кырчáга, кырчàжка“ есть плетеная посудина изъ соломы и распластанной тонкой лозы съ накладною крышкой того же плетенья, имѣющая форму молочной кринки, или короткошейнаго графина. Она бываетъ около аршина въ вышину и можетъ вмѣстить четверикъ и болѣе крупы, для храненія которой главнымъ образомъ предназначается. Большія „кырчáги“ имѣютъ по бокамъ лозовыя ручки, для болѣе удобнаго переноса ихъ съ мѣста на мѣсто [188]).

40. Изъ того же матеріала плетется „сивáлка“, формою напоминающая низкій „свéзикъ“ безъ крышки, и вмѣщающая нѣсколько меньше четверика (6—7 гарнц.). „Сивáлка“ имѣетъ спеціальное назначеніе при хлѣбномъ посѣвѣ; но такъ какъ, по миновании краткосрочной службы, она надолго остается праздною, то и поступаетъ, между прочимъ, на консервы для сыпучихъ предметовъ, подобно „кырчáгѣ“.

41. Одинаково съ „сивáлкый“ извѣстна „лỳбка“—лубяная, или изъ тонкой, драной доски, почти четвериковая посудина безъ крышки, съ узкою въ видѣ обруча накладкой вверху и внизу. Существенное отличіе „лỳбки“ отъ другихъ деревянныхъ и плетеныхъ посудинъ состоитъ въ томъ, что отверстіе ея не шире и не

ўже дна. Между прочимъ, „у лўбцы“ хранится на парадный случай тонкая ржаная и пшеничная мука.

42. У пчеловодовъ имѣется „лйпывка-довбе́жинка“ со вставнымъ дномъ, прямая кадка, для храненія меда. Она дѣлается не только изъ липоваго, но и изъ другихъ мягкодревесныхъ стволовъ—ольхи, осины, березы и ели. Когда попадается дерево потолще, стволъ его идетъ на сооруженіе довольно большихъ кадокъ (выс. 2 ар., діам. свыше арш.), которыя удерживаютъ названіе „лйпывки“, хотя сдѣланы не изъ липы, и служатъ для храненія сыпучихъ тѣлъ.

43. По величинѣ „лйпывки“, нерѣдко превосходящей последнюю, сооружается „до́шникъ, или до́щникъ“—клёпчатая изъ толстыхъ досокъ посудина съ двумя-тремя иногда желѣзными обручами вмѣсто деревянныхъ, для храненія муки и зернового хлѣба, въ помощь закромамъ. Если „до́шникъ“ безъ дна, то онъ прочно и навсегда уставляется на землю въ клѣти, при чемъ внутри и снаружи основаніе его обмазывается глиною,—что, при высотѣ „до́шника“ и прямизнѣ стѣнокъ, дѣлаетъ его рѣшительно недоступнымъ для крысъ и мышей. Ту же выгоду имѣетъ и перемѣщаемый „до́нный до́шникъ“.—Служа, по большей части, хранилищами зернового хлѣба, „до̑шники“ только изрѣдка могутъ считаться консервною посудою въ ряду перечисляемой теперь и скорѣе должны быть отнесены къ амбарной посудѣ.

44. Форма мѣстнаго „пыйка́“ колеблется между „све́зыкывый“ посудой и прямосторонней „лўбкый, лйпывкый“. Служа мѣрною единицей [189]), „паёкъ“ въ то же время служитъ посудиной для храненія сыпучихъ тѣлъ, особенно, лѣтнею порой, когда не требуется его спеціальной службы. „Паёкъ“ бываетъ клёпчатый и „долбе́жный“. Въ послѣднемъ случаѣ онъ сходствуетъ съ „лйпывкый“.

45. „Гарчо̑вка“ отличается отъ своего патрона только емкостью, составляя лишь восьмую часть его, хотя въ то же время

имѣетъ болѣе разнообразный видъ: высоту и ширину обыкновеннаго гарнца, большую ширину при незначительной высотѣ; изрѣдка встрѣчаются „гарчо́вки“ и четырехъугольныя, изъ досокъ, и „плятýшки“—изъ соломы и лозы.

XVII. Молочная посуда.

Какъ ни скромно данное хозяйство, однако же, его трудно представить безъ коровки, молоко которой нерѣдко служитъ единственною скороминой для семьи. А разъ въ домѣ есть коровка, ради молочныхъ продуктовъ существуетъ и отдѣльная, немногочисленная, правда, посуда; она остается и тогда, когда приниженное положеніе заставитъ довольствоваться какою-нибудь козою. Въ зажиточномъ и бѣдномъ хозяйствѣ обязательною молочною посудой состоитъ:

46. „Доёнка“—деревянная посуда съ прямыми стѣнками, вмѣстимостью не превышающая „кýбличка“. Одна клепка „доёнки“ нѣсколько удлинена и даетъ ручку, какъ у „шаёнки“; противоположная клепка съ самородкомъ-рыльцемъ цилиндрической формы, просверленнымъ насквозь, рѣзко отличаетъ посудину отъ всякой другой. Слѣдуетъ признать, что „доёнка“—единственная посуда, содержимая, по крайней мѣрѣ, внутри съ наибольшею чистотой, и что она ни на какія другія надобности не употребляется, даже въ праздныхъ случаяхъ, во время передоя.

При „доёнкѣ“ безотлучно состоитъ тряпочная цѣдилка, опять же не въ примѣръ прочимъ предметамъ содержащаяся опрятно и не употребляемая на стороннія надобности.

47. „Гырла́чъ“ составляетъ вторую и съ тѣмъ вмѣстѣ последнюю молочную посуду, почти нераздѣльную съ „доёнкый“. Слѣдуя поговоркѣ—„изъ большого не вывалится“—въ самомъ скромномъ хозяйствѣ обыкновенно имѣются кринки вмѣстимостью въ гарнецъ, и рѣже—съ меньшею вмѣстимостью, между прочимъ,

на тотъ случай, что она можетъ пригодиться на многочисленныя второстепенныя надобности.

48. Въ житейскомъ употребленіи весьма мало различаются понятія—„гырла́чъ и жбано́къ“, по крайней мѣрѣ, послѣднее почти всегда замѣняетъ первое. На самомъ дѣлѣ „жбанко́мъ“ слѣдуетъ назвать рылистый съ ручкою кувшинъ, въ молочномъ хозяйствѣ изрѣдка замѣняющій кринку.

Обычная служба кринки и кувшина достаточно извѣстна; второстепенная же служба ихъ сто́итъ нѣкотораго упоминанія. Такъ, за отсутствіемъ ведеръ, при наскоро сооруженныхъ изъ веревочекъ перевѣслахъ, на коромыслѣ и въ рукахъ, они прогуляются за водой, съ кушаньями—въ рабочіе углы; заткнутые тряпкой, клочкомъ сѣна или соломы, сопутствуютъ отхожему рабочему то съ водой, то съ квасомъ; „я̀гыдники“ [190]) выходятъ съ ними многія версты за сборомъ ягодъ; отхожіе ночлежники сварятъ въ нихъ грибы и другое кушанье. Наконецъ и дома они послужатъ складочнымъ помѣщеніемъ для сухихъ ягодъ и грибовъ, для рѣдкихъ сѣмянъ, крупы, муки, яицъ; въ нихъ же на скромные случаи заготовляется квасъ и т. под.

49. Гдѣ молочное хозяйство поставлено нѣсколько шире, тамъ имѣется „бо́йка“—высокая, но узкая кадочка [191]) съ клепчатою же накладной крышкой, съ круглою дыркой по срединѣ послѣдней. „Бо́йка“ или „мыслобо́йка“ служитъ спеціальнымъ надобностямъ, для сбиванія масла. Приготовленная сметана вливается въ „бо́йку“, туда же на пестѣ опускается „крестовѝкъ“—двухвершковой ширины и четырехвершковой длины дощечки, крестообразно сложенныя. Одинъ конецъ песта прочно укрѣпленъ въ срединѣ „кресто́вика́“, а другой черезъ крышку выходитъ наружу.—Подъемъ и опущеніе послѣдняго помогаютъ сбивать масло въ довольно короткій срокъ.

Въ простѣйшихъ случаяхъ масло бьется въ горшкѣ, мискѣ, „макѝтры“, при помощи ложки, или небольшой колотовки. Это

замедляетъ дѣло; но терпѣливая стряпуха, или приставленное ею лицо, ущемивъ между ногъ посудину со сметаною, да непрерывно вертя ложкою въ одну сторону, получаетъ черезъ часъ-два, а иногда и болѣе, то дорогое „масе́лко“, которое пойдетъ на разныя хозяйственныя надобности, или въ продажу.

50. Всякій одноручный, или двуручный горшокъ называется „горну̀шкымъ“. Какъ извѣстно, „горну̀шикъ“ не бываетъ большихъ размѣровъ, не превышаетъ гарнца. Варить въ немъ приходится рѣдко, развѣ „ка́шечку“ для дѣтей, и служба его чисто консервная—для храненія сметаны, масла, жидкаго сала, меда, или болѣе цѣнныхъ сыпучихъ предметовъ.

XVIII. Питейная посуда.

51. Домашнимъ резервуаромъ для воды служитъ „кадь“. Эта клепчатая посудина разнообразится по объему и по внѣшнему виду, хотя собственно „кадь“ имѣетъ широкое сравнительно съ отверстіемъ дно. Она стоитъ то прямо на полу, на землѣ, то на подложенныхъ плахахъ, то на ножкахъ, которыми бываютъ три продолженныя внизъ клепки,—то изрѣдка на лавкѣ. Настоящая „кадь“ вмѣщаетъ не менѣе трехъ „судо́въ“ [191]) воды; ниже этой вмѣстимости та же посудина называется „каду̀шкый“: кадка съ послѣднимъ именемъ служитъ второстепеннымъ надобностямъ, а иногда—и мѣрою.

52. Послужною сестрой кадки состоитъ „ра̀жка“—водоносное ведро съ двумя ушками, перетянутыми веревочнымъ, или лыковымъ перевѣсломъ. Водоносное ведро—не слишкомъ точная мѣра, расходящаяся съ обыкновенною ведерною, и ее правильнѣе называютъ „ра̀жичкый“.—При двухъ ведрахъ состоитъ неразлучнымъ спутникомъ „коро̀мисилъ“—грубое, но легкое орудіе, накладываемое на одно только плечо.

Служба ведеръ такъ разнообразна, что трудно указать мѣсто, гдѣ бы не воспользовалась ими житейская надобность. Кромѣ

прямой обязанности, ведро служитъ для переноса кушаній, питей, при сборѣ ягодъ, грибовъ, консервѣ ихъ; въ праздное ведро укладывается молочный и мясной консервъ, запасная „мѣшинка, сѣчинка“, для свиней, готовится пойло для телятъ и стельныхъ коровъ; оно берется на ночлеги и въ отхожіе рабочіе углы, гдѣ „живоцѝнка“ [193]) и хозяева ея пьютъ поочередно. Наконецъ, то же ведро несетъ позорную службу, когда замѣняетъ грязную лохань, дѣтскій урильникъ и проч.

53. Черпательною мѣрою воды и кваса служитъ „кóнывка“—клепчатая кружка, имѣющая дно немного уже отверстія. Одна изъ мелкихъ клепокъ „кòнывки“ дѣлается съ прорѣзною ручкою. Емкость „кóнывки“, принимаемая за „квáрту“, на самомъ дѣлѣ, значительно превосходитъ эту мѣру жидкости. Вообще слѣдуетъ помнить, что простолюдинъ не гоняется за точностью домашней питейной мѣры, основательно утверждая, что „душа мѣру знаетъ“. Поэтому мѣрная емкость „кóнывки“ колеблется между одною-двумя бутылками (квартами). Подобно всякой почерпной питейной посудинѣ, „кòнывка“ почти не разлучается съ кадкою: она то плаваетъ въ водѣ, то стоитъ на крышкѣ, если только послѣдняя есть на кадкѣ, и только изрѣдка—на сосѣдней лавкѣ, или скамьѣ.

54. Гораздо лучше „кóнывки“ служитъ ковшъ, который выдалбливается и вырѣзается изъ древесной чурки. Онъ примыкаетъ къ кадкѣ еще тѣснѣе, потому что имѣетъ на концѣ ручки крючекъ, которымъ привѣшивается на кадочный край, рѣдко—на сосѣдній крюкъ [194]).

55. Глиняная кружка съ ручкой называется „кỳхликымъ“. Эта покупная посудина встрѣчается значительно рѣже и хранится на случай поднесенія питья болѣе почетнымъ посѣтителямъ. Емкость „кỳхлика“ не превышаетъ полуторыхъ бутылокъ, зато не бываетъ менѣе одной. Въ послѣднемъ случаѣ „кỳхликъ“ является мѣрною единицей—„квáртый“.

Когда черпательною посудой, хотя и временно, явился одноручный горшечекъ, за нимъ удерживается имя „кўхлика“.

Въ наиболѣе расчетливыхъ случаяхъ „кўхликъ“ обвивается берестою и тогда онъ несетъ нескончаемо долгую службу, подобно всѣмъ „бирасцёнкымъ“.

56. Настоящая „блишинàя [195]) квàрта“, равная одной бутылкѣ, заносится въ домъ только покупкою. Вслѣдствіе этого и въ виду непрочности, „квàрта“ не пользуется распространенностью, а скорѣе мелькаетъ только среди остальной посуды. Еще рѣже мелькаетъ мѣдная „квàрта“, которая въ домѣ, даже въ цѣлой деревнѣ, будетъ единственною мѣдною посудиной.

57. На службѣ черпательной посуды можно встрѣтить „большую квáрту“, или „пывгарчóвку“—жестяную двухбутылочную посудину, подобно „квàртѣ“, зашедшую случайно. Житейское употребленіе „пывгарчóвки“ почти незамѣтно, и гдѣ таковая имѣется, она стоитъ цѣлые годы безъ прямого употребленія, служа второстепеннымъ, отдаленнымъ надобностямъ, какъ складище для денегъ, мелкихъ вещей и проч.

58. Главною, основною мѣрою и хранилищемъ водки, а также и другихъ жидкостей—уксуса, постнаго масла, чистаго дегтя, ворвани, окрашивающаго раствора, лѣкарственнаго снадобья, нюхательнаго табаку и проч.—является общеизвѣстная „бутэлька“, или „сулéйка“. Изъ всѣхъ ходячихъ посудинъ бутылка весьма рѣдко обвивается берестой, именно потому, что чрезъ это скрадывается содержимое ея.

59. Что сказано о „бутэльцы“, какъ общераспространенной посудѣ, цѣликомъ можно отнести и къ „пóвштопу“, цѣлому „штòпу“, которые неизмѣнно остаются застольною, разливною посудой.

60. Для храненія и перевозки водки, какъ и другихъ жидкостей, всевозможныя „бўтли“ [196]) несподручны, потому что обязываютъ къ осторожности, которую часто весьма трудно бываетъ

соблюсти. Попавъ въ домъ довольно случайнымъ путемъ, „бу̀тля“ остается праздною посудиной долгіе годы, пока не выручитъ сторонній пріобрѣтатель, или пока кто-нибудь не разобьетъ ея по неосторожности.

61. Для храненія и перевозки жидкостей свыше бутылки гораздо сподручнѣе общеизвѣстный и распространенный „глякъ“— пузырчатая глиняная посудина съ маленькимъ горлышкомъ, съ одной, или двумя ручками при немъ. Величина „гляко́въ“ слишкомъ разнообразна: начиная отъ ведернаго, можно встрѣтить крохотный „глячёнычикъ“, емкостью въ сотую ведра; дешевизна же посудины позволяетъ обзавестись ею въ нѣсколькихъ экземплярахъ: одинъ для водки и пива, другой для масла, дегтя и проч. Расчетливая бережливость не замедлитъ обвить „глякъ“ берестою, и тогда послѣдній служитъ нескончаемо долгіе годы.

Лѣтнею порой „глякъ“ съ квасомъ или водой путешествуетъ въ отхожіе рабочіе углы, при чемъ онъ значительно лучше другой посудины хранитъ питье.

62. Если бы „бочѐныкъ, или бочу̀рка“ не разсыхались отъ празднаго стоянья, то они могли бы совершенно затмить „бу̀тлю и глякъ“ на предметъ содержанія водки, уксуса, кваса, воды; къ сожалѣнію, „бочѐныкъ“ каждый разъ требуетъ замочки и запарки. Кромѣ того онъ не можетъ вмѣщать остальныхъ жидкостей—масла, дегтя, ворвани и проч.

Форма и величина „боче́нкывъ“ нѣсколько разнообразна: такъ а) встрѣчаются обыкновенные боченки отъ трехъ ведеръ до гарнца, б) плоскіе боченки послѣдней мѣры съ воронкою, мысикомъ у дна и в) баклажки—низкіе, но широкіе боченки вмѣстимостью отъ одной до двухъ четвертей ведра. „Бочу̀рки“ всѣхъ видовъ затыкаются „шпу̀нтымъ“—деревяннымъ, плотно подогнаннымъ гвоздемъ, затычкою.

По большей части, всѣ боченки дѣлаются изъ дуба, а послѣдніе два типа имѣютъ то въ клепкѣ, то въ днѣ рыльце и гнутую ручку.

63. Небольшой ливеръ и лейка появляются въ домѣ временно, случайно, особенно первый. Нѣтъ ихъ—водка, напримѣръ, и пиво разливаются по бутылкамъ прямо чрезъ боченковую воронку надъ подставленною миской, или корытцемъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ настоящей водочной носудины и набѣжала необходимость „сбѣгать за водкой" [197]), или пивомъ, послѣднія приносятся въ кувшинѣ, кринкѣ, горшечкѣ, банкѣ, откуда разливаются въ принятую рюмку, или другую питейную посуду. При гостиномъ и толочномъ сборѣ, водка наливается прямо въ миску, откуда вычерпывается принятою рюмкой,—что значительно ускоряетъ одѣленіе гостей.

64. Если судьба занесла въ домъ стаканъ, или фарфоровую чашку, то они, разумѣется, остаются внѣ спеціальнаго употребленія, а блюдутся на случай поднесенія питья интеллигентному посѣтителю, замѣняютъ рюмку (водка наливается по „рубяжкй") [198]), или же въ нихъ помѣщаются мелкіе предметы, бездѣлушки и деньги. Въ этомъ случаѣ стаканъ и чашка покоятся въ потайныхъ мѣстахъ сундука и „кубла" и часто по цѣлымъ годамъ не видятъ свѣта Божьяго...

65. Нормальною чаркой почитается та, емкость которой равна половинѣ извѣстной „сотки". Подъ разными, часто иносказательными именами („кручо́къ, кіёкъ, пыпира́шка" [199]), мѣрка, аршинъ, „аршйникъ" и проч.), принятая чарка бываетъ: стеклянная, жестяная, фарфоровая, глиняная и деревянная. Послѣдній видъ чарки весьма часто встрѣчается въ формѣ маленькаго ковшичка, съ крючковатою, или прямою [200]) ручкой (общая длина 3¼ в., ручки—1¼ в., длина отверстія 1¾ в., ширина его—1¼ в., при глубинѣ ⅝ вер.). Какова ни была бы принятая чарка, у подгулявшихъ бражниковъ, при мирной, житейской по-

пойкѣ, она обращалась въ „сарѐбриную", а будучи подаваема компанейцу съ ладони, стаивала на „зылотэй блю̀ди",—въ чемъ удостовѣряетъ слѣдующая стародавняя пѣсня, теперь—увы!—не раздающаяся болѣе при подобномъ бражничаньи... Часто нестройными, зато сердечными, голосами компанейцы пѣвали:

„Ча̀ричка мыя̀, сарѐбриныя,
Ны зылотэй блю̀ди пыста̀влиныя!..
Кому чару пиць, тому здра̀ву быць!..
Пиць ча̀ру (такому-то—имя и отчество чередного)
На многiи—многiи лѣты!.. [201]).

XIX. «На заѣдки и запивки» [202]).

Такъ ѣлось и пилось въ бытописуемое время и такими предметами обиходности обставлялось удовлетворенiе первой жизненной потребности простолюдина Витебской Бѣлоруссiи... Съ тѣхъ поръ, повинуясь незыблемымъ велѣнiямъ Творца, земной шаръ не одинъ разъ совершилъ свой круговой обходъ и перевертъ, и за это время не одинъ миллiонъ наземныхъ предметовъ призвался къ новой, или обновленной жизни, не одно бытiе смѣнилось другимъ, оставивъ по себѣ то осязательный, то неуловленный слѣдъ. Въ послушномъ подчиненiи волѣ Творца повсюду проявилась и воля людская: въ одномъ мѣстѣ палъ лѣсъ, въ другомъ—высохло болото, въ третьемъ—ничтожный, повидимому, пустырь началъ давать нѣжный пирогъ, въ четвертомъ—остатняя „подзолица" [203]) произвела тонкую рубашку; тамъ протянулись „желѣзныя струны", почти съ быстротою молнiи передающiя человѣческое слово на тысячи верстъ, здѣсь пробѣжалъ сказочный „конь, подъ которымъ земля дрожитъ, изъ ушей дымъ валитъ, изъ ноздрей пламя пышетъ", или же, управляемый умомъ и волею человѣка, пронесся въ заоблачной выси „огненный змѣй"... Что произошло съ многомиллiонной единицей мiрозданiя, то же, въ соотвѣтственной мѣрѣ, сказалось и на маленькой частичкѣ этой единицы, которой (частички)

касается настоящее бытописаніе.—Обращаясь тѣснѣйшимъ образомъ къ темѣ отдѣла, не упуская изъ виду безсмѣннаго существованія „дюрки у роци“ и чрезъ то неуставаемой потребности въ пищѣ и питьѣ, приходится лишь свидѣтельствовать, что удовлетвореніе этой потребности не удержалось въ стародавнихъ устояхъ, какъ не удержались многіе предметы обиходности, прямо и косвенно примыкающіе къ ѣдѣ и питью. Переживаемая дѣйствительность поможетъ подтвердить это данными, поставляемыми самою жизнью.

Еще весною 1869 г. мелкій тогда бакалейный торговецъ м. Сиротино, Полоцкаго уѣзда, (Гирша Сухорукій) иронически удостовѣрялъ, что „теперь мы можемъ обойтись безъ настоящихъ пановъ—у насъ завелись новые“, и при этомъ разсказалъ, какъ нѣсколько крестьянъ, при закупкахъ къ Пасхѣ, потребовали отпустить имъ „тòго жёвтыго, што паны у пирогъ кладуць“ (шафранъ), и какъ удивленный торговецъ, „отпустивъ желтый товаръ, взялъ за него слишкомъ красную цѣну“... Теперь, чрезъ 25 лѣтъ, подъ своимъ подлиннымъ именемъ, шафранъ желтитъ не только дрождевой, часто пышный пшеничный пирогъ, но и его не менѣе пышную спутницу, бабку; расцвѣченные сверхъ того „разынкыми и мигдáлыми“ [204]), оба они мелькаютъ не въ пасхальномъ только коробѣ, одинъ разъ въ году появляясь при приходской церкви и затѣмъ—на столѣ, но и въ нерѣдкіе дни празднествъ и семейнаго торжества. Если кому-нибудь трудно пріобрѣсти шафранъ, онъ съумѣетъ сдѣлать желтою хотя поверхность пирога и бабки, густо наслоивъ ихъ яичнымъ желткомъ. Такимъ образомъ упоминаемый въ 1 гл. пирогъ сдвинутъ съ первенствующаго мѣста и, подъ названіемъ „пытлюваныго, [205]) сóлиныго хлѣба“, составляетъ только наиболѣе добротный сортъ его въ праздники, торжества и поминальные дни, когда въ церкви и на кладбищѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ „кокòры“ [206]), а не пирога. Дешевизна бѣлой пшеничной муки, доступные пути къ пріобрѣтенію ея и выработанное умѣнье обращаться съ пшеничными печеньями сдѣлали то, что кромѣ пирога

и бабки на праздничномъ столѣ простолюдина стали обычными и никого не удивляющими бѣлые пшеничные блины, „налѐсники [207]), грибки“ [208]), блины „крипа́ныи“ и „сырники“ [209]).

Въ свою очередь не ново тамъ же появленіе мясныхъ и сырныхъ „га́лыкъ, или кувдуно́въ“ [210]), а также появленіе котлеты, извѣстной подъ именемъ „сячёныго мяса“, „ныдива́ный рыбы“ [211]) (преимущественно—щуки), по крайней мѣрѣ, немногіе затрапезники встрѣтятъ ихъ, какъ предметъ любопытства. Проводниками этихъ предметовъ на крестьянскій столъ обыкновенно являются крестьянскіе выходцы на временную, или долгосрочную службу въ города и къ сельскимъ интеллигентамъ, какъ-то: работницы, няни, кормилицы, кухарки и состарившіеся повара. Благодаря имъ и еще болѣе—сосѣдству пришлыхъ лицъ, въ значительной мѣрѣ развилось приготовленіе мясныхъ и другихъ консервовъ, между которыми не могутъ уже считаться послѣдними мѣстное соленье и копченье окороковъ, колбасъ, гусей, утокъ, баранины, —что достаточно извѣстно базарнымъ покупателямъ-горожанамъ, какъ извѣстны прочные сыры крестьянскаго изготовленія, отчасти напоминающіе голландскіе, даже и по внѣшнему виду значительно отступающіе отъ обычныхъ сыровъ—треугольниковъ.

Съ наплывомъ и разселеніемъ въ губерніи прибалтійскихъ латышей, на крестьянскомъ столѣ, между прочимъ, начала мелькать латышская „пўтра“ [212])—слишкомъ простое и весьма скоро приготовляемое кушанье. Правда, непривычный вкусъ „пўтры“, опять же несовсѣмъ привычные сроки потребленія ея, наблюдаемые у проводниковъ новаго кушанья при такихъ, или иныхъ житейскихъ сношеніяхъ, значительно отталкиваютъ простонародье отъ „настоящей путры“ [213]); но тутъ же, въ силу подражательности, крестьянская стряпня создаетъ уже самобытное, но пока-что безыменное кушанье, занимающее средину между „путрой“ и фаршмакомъ... [214]).

Посѣтители сельскихъ лавочекъ, нынѣ довольно часто мелькающихъ въ бойкихъ мѣстахъ, не откажутся припомнить, что,

кромѣ необходимыхъ въ сельскомъ быту предметовъ (мука, крупа, соль, постное масло, сельди, табакъ, спички, колесная мазь и проч.), въ нихъ можно встрѣтить и довольно разнообразные предметы лакомствъ: пряники, конфекты, мармеладъ, грецкіе и турецкіе орѣхи, сладкіе струки и т. под. Что же касается ярмарочныхъ привозовъ, то здѣсь предметы лакомствъ наполняютъ десятки балагановъ, составляя нерѣдко единственный предметъ торговли. Выше сомнѣнія, что присутствіе лакомствъ въ лавочкахъ и на ярмаркахъ вызывается потребительскимъ спросомъ, и бытописателю остается отмѣтить лишь тотъ фактъ, что сельскіе потребители лакомствъ покупаютъ послѣднія не на „покўшку" только, не ради того, чтобы „отбываться кирмашёвымъ", а чтобы поѣсть, поблажить себя досыта. Для этого иной лакомка наполнитъ лакомствами платокъ и, бродя по „кирмáшу", да на пути въ домъ, прiѣдаетъ дочиста. Эта манерность лакомиться, издавна извѣстная въ городахъ и пригородахъ [215]), теперь пробралась въ села, и проводниками ея являются отпускные, или молодые выслужившіеся солдаты, да городскіе бывальцы—фабричные, подмастерья и т. под. молодой людъ—совсѣмъ нежелательный просвѣтитель сельской молодежи, мужской—по преимуществу. Въ значительномъ числѣ родительскихъ сѣтованій, между прочимъ, не послѣднее мѣсто занимаютъ и сѣтованія на крайне разорительную привязанность дѣтей-подростковъ къ „ласóникымъ и пыласўнкамъ".

Вошедшія въ текущую обиходность кушанья привели туда кое-какую культурную посуду. Такъ, въ домѣ простолюдина начинаетъ мелькать не только фарфоровая тарелка, но и „бѣлый повмйсыкъ", такая же миска съ ручками (ваза), глиняные и жестяные бабочники и другія формочки для пшеничныхъ печеній, мелькаютъ и питейныя посудины изъ фарфора: кружки, чашки, рюмки. Съ развитіемъ и лучшей постановкой гончарныхъ издѣлій, и, въ особенности, когда отдѣльные предприниматели [216]) пытались выдѣлывать изъ мѣстной глины разнообразную культурную посуду,

отличавшуюся отъ бѣлой фарфоровой только цвѣтомъ (черный, кирпично-желтый и смѣшанный), стали нерѣдкостью вазы съ ручками, полмиски, тарелки, блюда, кружки, кувшинчики и чайная посуда. Благодаря конкурентному подъему этихъ издѣлій и относительно изящной отдѣлкѣ, дешевизна и красота ихъ послужили первыми причинами къ замѣну кривобокихъ, грузныхъ мисокъ; къ этому не замедлила еще подоспѣть и подражательность. Въ первое время дѣло не обходилось безъ комическихъ приключеній: такъ, развальная и вмѣстительная рукомойная чашка появлялась на мѣстѣ деревянной и глиняной, а извѣстная спальная посудина, кстати, удобная для захолаживанья студеня, киселя и приготовленія „мыканины“, являлась на столѣ съ тѣми и другою... [217]).

Несправедливо было-бы завѣрять въ томъ, будто перечисленныя кушанья и въ связи съ ними новые предметы приросли къ обиходности простолюдина; напротивъ, пока-что они только „мелькають“ въ обиходности, которая все еще продолжаетъ вѣдаться и даже не можетъ обойтись безъ стародавнихъ. Но и такого мельканья уже достаточно, чтобы новые предметы обиходности рано ли, поздно ли замѣнили стародавнія, или же привились къ жизни, не умаляя и не уничтожая прежнихъ, и лучшимъ подтвержденіемъ этого служитъ распространеніе самовара и чаепитія. Нѣтъ слова, для двухъ третей простонародья послѣднее дѣло все еще недоступно, составляя предметъ потайныхъ, завистливыхъ желаній, хотя въ наиболѣе парадномъ положеніи дома такое желаніе можетъ быть выполнено кое-гдѣ уже и сосѣдскимъ одолженіемъ. Если для чисто домашнихъ надобностей трудно обзавестись мѣднымъ и даже жестянымъ (предѣльная цѣна его 1—2 руб.) самоваромъ, то обзаведеніе глинянымъ и жестянымъ чайникомъ въ послѣднее время не представляетъ затрудненій, какъ не представляетъ того же пріобрѣтеніе кое-какого чаю и сахару. За неимѣніемъ чая, но при необходимости „пáрицъ грудки“, въ такихъ чайникахъ, даже при самоварѣ, можно заварить подручныя травы—мяту, горлянку,

буквичный листъ, липовый цвѣтъ, чаберъ, или поджаренныя винныя ягоды [218]).

Кромѣ различныхъ предпринимателей, въ видѣ подрядчиковъ, скупщиковъ и вообще „бывальцевъ“ изъ мѣстнаго простонародья, въ числѣ первыхъ обзаводятся самоваромъ волостные старшины, старосты, сборщики, а вслѣдъ за ними и тѣ, кто подостаточнѣе, кто водитъ съ ними хлѣбосольныя сношенія, или кто „бéрицъ на пыхи“ [219]). Къ сожалѣнію, даже у такихъ стародавнихъ чаепійцъ дѣло съ чаемъ пока что стоитъ довольно безпорядочно: чай пріобрѣтаётся дешевый, иногда слишкомъ сомнительнаго происхожденія, заваривается помногу, переваривается „до вѣниковъ“ и потомъ, съ густотою чуть-ли не темнаго пива, заливается молокомъ въ стаканѣ... Слѣдуетъ ожидать, что ознакомленные съ правильнымъ заваромъ чая отслужившіеся выходцы (б. кухарки, горничныя, няни, кормилицы) и солдаты помогутъ сельчанину исправить неумѣлое чаепитіе, которое въ отдѣльныхъ случаяхъ принимаетъ видъ „пуншепитія“, такъ-какъ въ чай вливается рюмка-двѣ водки... [220]).

На парадныхъ, праздничныхъ сборищахъ, въ зажиточныхъ домахъ, нерѣдко можно встрѣтить красное и бѣлое вино, пріобрѣтаемое не бутылками только, а цѣлыми „анкàркыми“, [221])—можно встрѣтить домашнюю наливку, ромъ, коньякъ и ликеръ—къ чаю. Пригородные (Селютской вол., Вит. у.) дачники 1891 г. и ближайшихъ къ нему лѣтъ удостовѣряютъ въ сказанномъ, присоединяя къ сему, что въ одномъ случаѣ, новобрачные, напр., принимали домашнюю встрѣчу и поздравленіе съ шампанскимъ... Послѣднее не можетъ считаться чѣмъ-нибудь новымъ: еще въ 70-хъ годахъ двое братьевъ—Суховиловъ (Бѣльской вол., Пол. у.), извѣстные въ то время желѣзно-дорожные комиссіонеры, поставщики дровъ и шпалъ, прокатили на „заморскихъ шипучкахъ“ не только громадный заработокъ, но и свое родовое крестьянское достояніе... Случайные посѣтители питейныхъ заведеній въ бойкихъ пунктахъ не могли

не замѣтить, что, на ряду съ простыми напитками, тутъ можно увидѣть нѣкоторый запасъ разныхъ наливокъ, ликеровъ и винъ: очевидно, присутствіе ихъ вызывается спросомъ потребителей-сельчанъ.

Къ слову объ употребленіи баварскаго и чернаго пива остается присоединить развѣ то, что современный простолюдинъ знаетъ обстоятельно „пару, полдюжину и дюжину пивъ“, а при-дорожные (дв.-вит. ж. д.) сельчане научились пользоваться уже цѣльными „бочёникыми бѝра“, поставляемаго изъ Риги и Двинска, по заказу потребителей, на путевыя станціи,—научились различать пиво по игристости и безошибочно узнавать мѣсторожденіе его по вкусу...

Съ проведеніемъ въ житейское, хотя бы даже и рѣдкое, употребленіе „пивъ, винъ и сипу́чикъ“ 222) ворвались неожиданными гостями: нѣсколько чуждая обрядность питья, причеты и привѣтствія. Воспоминаемые, напр., бражники, банкетные компанейцы, какъ дѣти одной матери, пивали изъ одной „ча̀рички“, поочередно привѣтствуя другъ-друга наисердечными пожеланіями: „буць здоровиникъ, сватокъ, братокъ! буцця здоровиньки уси! зы здоровійка ва́шія!“ (отвѣтное привѣтствіе: „пи ны здорбвійка! сахырцымъ у душу́—мылоточкымъ у гылову̀!“) 223). А когда тѣ же бражники-братья доходили до нѣкоторой косности языка, не позволявшей выговаривать полностью цѣпкое (по произношенію) привѣтствіе, обѣ стороны, то поочередно, то хоромъ нескончаемое число разъ вторили легко произносимое и глубоко-сердечное „дай-жи, Божа“!.. и этими словами, въ задушевномъ произношеніи которыхъ особеннымъ манеромъ вибрировалъ голосъ чуть-ли не въ десяткѣ нотъ, оказывалось все, чего желали, но чего не въ состояніи были вымолвить стороны!..

Точно разъединившіеся братья, собутыльники текущаго времени нерѣдко пьютъ изъ розничныхъ рюмокъ, или стакановъ, и хорошо еще, если вымолвятъ чуждое—„буць сабѣ“! (отвѣтъ: „ты

сабѣ!“) [224]); чаще всего питье обходится безмолвнымъ кивкомъ головы назадъ и подмигиваньемъ на налитую посудину, или опять же чуждымъ чоканьемъ, т. е. прикосновеніемъ своей посудины къ компанейскимъ,—что дѣлается иногда при общемъ подъемѣ посудинъ, а чаще—одинъ собутыльникъ прокатится донышкомъ своей посудины по налитымъ посудинамъ товарищей и стремительно опорожнитъ собственную; вслѣдъ за нимъ сдѣлаютъ то же и товарищи... Это значитъ, что землячокъ научился „чўкыцца“!.. [225]).

Б.

Одѣцця [226]), обуцця и приборы.

„Кылѝ-бъ ня ѣжа, ды ни одéжа, дыкъ-ба опрóгся чиловѣкъ лежа... [227]). Што у посцѐли, тоя и у косцéли... Уси ягó приборы [228])— лáпци, ды обóры“... (изъ множества мѣстныхъ пословицъ объ одеждѣ и обуви).

Не опережая заботъ о „хлѣбушки насýчнымъ“, но и не отставая отъ нихъ, у бытописуемаго простолюдина проходятъ равномѣрныя же заботы объ одеждѣ и обуви, и тогда только онъ относится успокоительно къ теченію жизни, когда его „нутрё сыто, а цѐло (тѣло) прикрыто“. На этомъ бы и поставить обычное бѣлорусское—„хулà (хвала) Табѣ, Божухно“!.. [229]). Однако, съ неуловленныхъ людскою памятью „сѣдыхъ временъ“ ведется такъ, что иногда и невполнѣ сытый, недостаточно прикрытый человѣкъ не останавливается на приконченныхъ, повидимому, заботахъ о прикрытіи тѣла: подчиняясь ли условнымъ требованіямъ среды, или въ силу такой и иной подражательности, личной прихотливости, искателю хочется, чтобы тѣльная покрышка была выше заурядной или чтобы она разила сторонній глазъ. Такимъ образомъ на концѣ заботъ о существенномъ явно и скрыто выростаютъ новыя—о на-

радности, пригожествѣ одежды и обуви. Это послѣднее, не чуждое и простолюдину Витебской Бѣлоруссіи, онъ называетъ общимъ именемъ „прибóрывъ“.

Въ виду сказаннаго, вслѣдъ за описаніемъ одежды и обуви, разграниченія ихъ на празднично-парадныя, будничныя и, въ особенности, на мужскія и женскія, бытописательское слово неизбѣжно коснется и тѣхъ немудреныхъ, правда, нарядовъ и украшеній, кои примыкаютъ сюда, какъ обиходные предметы. Что же касается мѣстнаго приготовленія одежды и обуви, а также сподручныхъ предметовъ, при помощи которыхъ происходитъ безхитростное, почти примитивное изготовленіе той и другой, то перечисленіе и описаніе таковыхъ займетъ свое подлежащее мѣсто. Въ то же время не останется обойденнымъ указаніе на исчезнувшіе, или исчезающіе предметы настоящаго отдѣла, какъ и на положеніе ихъ среди предметовъ текущей обиходности.

I. Мужская одежда.

1. Рубашка русскаго покроя, т. е. съ косымъ воротомъ и весьма узкимъ ($^1/_4$ вершка) воротникомъ, у взрослыхъ и дѣтей безразлично называется [230]) сорочкою. У первыхъ она едва спускается до колѣнъ, у послѣднихъ же. „бяштóникывъ“ [231]), доходитъ почти до пятъ. Разумѣется, при своеобразной, въ то же время неминуемой подпояскѣ, сорочка, какъ и другая одежда, значительно укорачивается, при чемъ у взрослыхъ она доходитъ только до половины стегна, а у дѣтей—до колѣнъ, имѣя лицевую сторону нѣсколько ниже задней.—Воротникъ сорочки, края воротного отверстія и даже края вольныхъ рукавовъ, по большей части, обшиваются узкою ($^1/_4$ вер.), сине-красною тесемкою фабричнаго изготовленія, при чемъ, въ видѣ эполетъ, на плечи нашиваются иногда такого же цвѣта „наплéччики“—узкія (1 верш.) тесьмы отъ воротника до рукавнаго пришива, а подъ мышки тогда же подшиваются ромбоидальные „пылики“ [232]) изъ кумачной, ровной ткани·

Обыкновенно сорочка застегивается съ лѣвой стороны, на оконечностяхъ воротника, одною пришивною пуговицей фабричнаго изготовленія [233]).

Таковъ общій типъ сорочки, употребляющейся въ пограничныхъ и близлежащихъ къ Смол. и Псков. г. мѣстахъ, и отклоняющійся нѣсколько къ юго-западу, гдѣ ужѐ прерывается и цокуновское произношеніе ея—„сорóцка“.—Будничная сорочка шьется изъ домашняго холста средней толщины, праздничная и парадная—изъ такого же, но болѣе тонкаго холста, „набóйки“, пестрядины, въ роскошныхъ же случаяхъ—изъ ситца и кумача. Для прочности, а также и теплоты, болѣе тонкая сорочка съ внутренней стороны дѣлается съ „подшивами“, которые едва доходятъ до половины груди и спины: вверху они пришиваются при воротникѣ или вшиваются внутрь его, а внизу пристрачиваются чуть замѣтнымъ швомъ.

2. „Кывнярóвка“, въ болѣе полонизированныхъ мѣстахъ извѣстная подъ именемъ „кошу̀ли, кошу̀льки“, распространена повсюду и даже уживается рядомъ съ сорочкою. Эта рубашка изъ бѣлаго, исключительно домашняго холста, бываетъ различной тонкости, и на мужчинѣ средняго роста и тѣлосложенія даетъ слѣдующія, точныя измѣренія: при четырехъ полотнищахъ [231]), длина рубашки отъ воротника до подола составляетъ 1 арш. и 5 верш., а ширина по подольному рубцу нѣсколько превышаетъ 2 арш. и 4 верш.; длина рукава равна 10 вер., а ширина его въ пришивѣ—15-ти, въ вольномъ концѣ, по рубцу—6—7 вершкамъ; по срединѣ груди отъ воротника идетъ прямой воротъ въ 4 вер., который почти всегда обнажаетъ узкую полосу груди; въ заключеніе рубашку вершаетъ „ковнéръ“, имѣющій по длинѣ 10, а по высотѣ 2 верш. и дающій рубашкѣ имя. Въ мѣстѣ пришива къ „кывняру̀“ рубашка становится относительно узкою потому только, что здѣсь она собирается во множество складокъ, вшитыхъ въ основаніе воротника и, кстати, всегда служащихъ богатымъ гнѣздилищемъ паразитовъ...

У сорочки воротникъ обыкновенно состоитъ изъ одной ткани съ корпусомъ рубашки; у „кывнярòвцы“ же онъ дѣлается изъ значительно тончайшаго холста, а въ щегольскихъ случаяхъ— даже изъ коленкора, потому именно, что, при верхней одеждѣ, выпускается наружу, при чемъ узенькіе концы его кое-какъ стоятъ. То же бываетъ и при повязкѣ шеи платкомъ, или шарфомъ. Въ остальныхъ случаяхъ широкій, никогда не накрахмаливаемый воротникъ спадаетъ самъ собòю при основаніи шеи и такимъ образомъ является отворотнымъ.

Впрочемъ, для наиболѣе будничныхъ надобностей, „кывнярòвка“ шьется съ болѣе узкимъ воротникомъ, минимальная ширина котораго едва доходитъ до 1 вер. При повязкѣ шеи платкомъ, или шарфомъ, такой воротникъ отстаетъ отъ нихъ, такъ что между платкомъ и воротникомъ остается замѣтная полоса обнаженной шеи.

Воротникъ застегивается ординарною только застежкою, которою бываютъ: а) пришивныя къ основанію его съ того и другого конца нитяныя плетушки, б) пришивныя же кромки какой-нибудь ткани, или прочные, но тонкіе рубцы одежды,—в) одна пуговица—покупная, или швейнаго производства, застегивающаяся то прорѣзною, то нитяною петлей,—г) цвѣтная ленточка, или обрывокъ цвѣтной матеріи, продѣтые чрезъ прорѣзныя петли на концахъ воротника, и д) покупная, дешевая запонка („шпонька“) въ тѣхъ же петляхъ. Область употребленія той или другой застежки невозможно разграничить, такъ какъ одно и то же лицо нерѣдко носитъ рубашки съ различными застежками.

Дѣтскія „кывнярòвки“ отличаются отъ возрастныхъ только болѣе узкимъ воротникомъ, при чемъ, у „бяштóникывъ“ онѣ доходятъ до пятъ, какъ и сорочки.

Рубашки того и другого типа обыкновенно носятся „на вы̀пуску“, при неизбѣжномъ опоясываньи, и только въ при-шляхетныхъ мѣстахъ (въ Лепел., Дрис. и Полоц. у.) „кывнярòвка“

встрѣчается вправленною въ портки. Послѣднее несовсѣмъ удобно: длинная до колѣнъ рубашка и значительная ширина ея дѣлаютъ стегна неуклюже-широкими, точно туда запрятана легкая одежда. Впрочемъ, у постоянныхъ носителей вкладной „кывнярòвки“ она дѣлается значительно короче и ўже.

3. Подобно рубашкамъ, портки бываютъ „кывнярòвыи“ и „бизковнѐрныи“. Первые считаются болѣе парадными и шьются изъ ровной ткани. Въ мѣстахъ, гдѣ встрѣчается вкладная рубашка, такіе портки имѣютъ съ правой стороны одинъ мелкій „кишéнь“ [235]) для склада и ношенія мелкихъ предметовъ. Если портки предназначены для выпуска поверхъ обуви, то нижнія части ихъ оканчиваются короткою незатѣйливою бахромой, которая есть ничто иное, какъ оконечность ткани, откуда вынуто до десятка уточныхъ нитокъ, а концы основы связаны пучками, нитокъ въ пять каждый.—Высота „кывнирà“ штановъ не бываетъ шире полвершка; обхватная же ширина его въ поясницѣ, для средняго мужчины, свыше 1 ар. и 2 вер., при общей длинѣ въ 1 арш. 4 вер. Впереди воротникъ портковъ застегивается на одну крупную пуговицу („гузикъ“)—покупную, костяную, случайно попавшуюся мѣдную, или кожаную, сработанную дома изъ куска старой подошвы [236]).

Кромѣ портковъ изъ ровнаго бѣлаго холста, шьются „штанѝ“ изъ набивного холста и пестрядины; для зимнихъ же надобностей изъ—домотканаго, сваленнаго сукна. Каковъ ни былъ-бы матеріалъ, портки и штаны всегда одинаковы по длинѣ, ширинѣ и той удивительной глубинѣ, по которой „гузéнне“ [237]) является шире поясницы и, благодаря неумѣлости закройщицъ-бѣлошвеекъ, имѣетъ позади какой-то отвислый мѣшокъ. „Гузéнне“ играетъ довольно почетную роль въ суевѣрно-предразсудочной жизни: такъ, треніемъ его вылѣчивается „осурóченное“ [238]) молодое животное и даже дѣти.

4. „Бизковнѐрныи“ портки называются „матýзными“, или просто—„мытузáми“, отъ той веревки, при помощи которой они стягиваются, или распускаются въ поясницѣ, какъ стягиваются и распускаются нѣкоторые мѣшки, служащіе мелкимъ надобностямъ. Такъ какъ „мытузы̀“ изготовляются для будничнаго, домашняго употребленія, то óни шьются наскоро, даже изъ кусковъ разносортныхъ тканей, и никогда не имѣютъ кармановъ. При надобности, „матýзныя“ веревочка не развязывается—и „мытузы̀“ спускаются и поднимаются волокомъ...

Что сказано о порткахъ возрастныхъ, то цѣликомъ мо́жно сказать и о порткахъ мальчиковъ, при извѣстной обрядности, одѣваемыхъ году на седьмомъ. Общимъ у тѣхъ и другихъ является ношеніе портковъ, которые, покоясь на крестцѣ и бедрахъ, впереди спускаются ниже живота.

5. Необходимымъ дополненіемъ рубашки и портковъ является какая-нибудь опояска. Появленіе безъ шапки и босикомъ не удивитъ стороннихъ такъ, какъ появленіе безъ опояски, которою наскоро бываетъ веревочный обрывокъ, путо, или даже лыко. Къ такой крайности приходится, однако, прибѣгать слишкомъ рѣдко, потому что, въ домѣ и въ пользованіи отдѣльнаго лица всегда есть по нѣскольку поясовъ.—Рубашечный „пыя̀съ“, всегда „плицюшѐвый“, или „плисця̀нка“, значительно у́же тѣхъ, которыми опоясываются верхнія одежды, хотя длина его всегда равна длинѣ послѣднихъ, а именно—два поясничныхъ обхвата и полъ-аршинные концы съ кистями. Каковъ ни былъ бы рубашечный поясъ, онъ опоясывается по выпускной рубашкѣ довольно низко—по направленію портковой поясницы, при чемъ весь животъ остается надъ поясомъ.

Узорность поясовъ и ширина ихъ довольно условныя: есть самодѣльные пояса въ полтора верш. шириною и есть пояса въ четверть дюйма, по внѣшнему виду, едва отличающіеся отъ тонкаго снурочка; у иныхъ поясовъ узоры настолько чисты и хороши,

что съ трудомъ вѣрится въ ручное, домашнее производство поясовъ.

„Плисцàнки и тканыи пыясы“ дѣлаются, по большей части, изъ смѣшанныхъ нитокъ—суконныхъ и льняныхъ, окрашенныхъ въ различные цвѣта. Такіе пояса гораздо прочнѣе чисто шерстяныхъ, хотя и уступаютъ послѣднимъ въ изяществѣ и мѣстной оцѣнкѣ. „Плисцàнки“ дѣлаются въ ручную, при помощи двухъ-трехъ деревянныхъ вилочекъ, тогда какъ тканые пояса изготовляются на обыкновенномъ ткацкомъ станкѣ, или подобіи его—на вбитыхъ въ стѣну, или въ землю колышкахъ, на кои натягивается поясная основа.

Не будетъ ошибки въ увѣреніи, что среди мѣстныхъ одеждъ пояса являются наиобильнѣйшими: невѣста, напр., заготовляетъ ихъ въ такомъ количествѣ, что поясовъ достаетъ на личныя и мужнія надобности и на одѣленіе многочисленныхъ сватовъ и новой родни. Кромѣ того пояса поступаютъ во множествѣ „офàрыми“ [239]) въ окрестныя церкви, каплицы и костелы.

Какъ ни хороши пояса домашняго изготовленія, покупные считаются болѣе нарядными и ими опоясывается самая верхняя одежда—лѣтняя и зимняя.

6. Вмѣсто поясовъ наиболѣе положительныя лица пользуются „дàгый, дàжкый“—узкимъ ремешкомъ съ мѣдною, или желѣзною „спрàжкый“. Обыкновенно „дàга“ имѣетъ длину только въ ординарный обхватъ поясницы.

7. Въ мѣстахъ при-шляхетныхъ можно встрѣтить „кымизэльку“—жилетку домашняго изготовленія (изъ набивного, пестрядиннаго и вообще цвѣтного холста и сукна), застегивающуюся то пуговками, то петличными крючками, то снурочками. Ношеніе „кымизэльки“ не исключаетъ ношенія рубашечнаго пояса, или ремня.

8. Въ зимнюю и вообще холодную пору часто можно видѣть ношеніе нагрудника—довольно толстой накладки на грудь изъ плотной холстины, или сукна, которая сверхъ того подбита толстымъ слоемъ пакли, или шерсти, вмѣсто ваты; изрѣдка встрѣчается нагрудникъ изъ куска той, или другой шкуры. Во всѣхъ случаяхъ онъ имѣетъ слѣдующія части: низкій воротникъ, застегивающійся позади пуговкою, крючками, пришивными снурочками,—боковые снурки или тесемки, для продѣванія той и другой руки, и болѣе длинныя, свободныя тесьмы, или снурки, которые соединяются и связываются на спинѣ. Длина нагрудника не заходитъ ниже грудной оконечности, ширина же еле-еле касается обоихъ боковъ.

9. Первая по обиходности и главная по распространенности верхняя одежда есть „насо́въ“, который встрѣчается двухъ типовъ—съ низенькимъ, едва замѣтнымъ воротникомъ и „кывнярóвый“—съ высокимъ, откладнымъ воротникомъ. Въ покроѣ и вообще внѣшнемъ видѣ обоихъ „насóвывъ“ такая рѣзкая разница, что приходится разсматривать ихъ порознь. Общее между ними—только холщевая ткань, которая, начинаясь съ ровнаго гладкаго холста, доходитъ до причудливо узорной—въ ромбы, елочки, насыпные бугорки, узорныя полосы и проч.—да ослѣпительная бѣлизна,—что зависитъ отъ умѣнья „ткахъ“ бѣлить холсты безъ общеупотребительныхъ бѣлильныхъ предметовъ.

а) Низковоротный „насóвъ“ шьется спеціальными деревенскими портными въ талію и спускается только до колѣнъ. Спинка и задъ „насóва“ цѣльные, полы же, съ клиньями по бокамъ, пришивныя, и только изрѣдка составляютъ одно цѣльное съ грудью. Узкій воротникъ, лацкана, полы, рукава и карманныя отверстія его обкладываются довольно толстымъ синимъ снуркомъ, который вверху и внизу кармана бываетъ фигурно перевитъ. У наиболѣе щеголеватыхъ лицъ тѣмъ же снуркомъ узорно украшена и грудная часть „насóва“. Такой „насóвъ“ обязательно застегивается у во-

ротника и поясницы, а также и на срединѣ между ними, на самодѣльныя, нитяныя, шарообразныя пуговицы.—Употребленіе его значительнѣе въ окраинахъ, на границѣ со Смол. и Псков. губ., хотя съ незначительными измѣненіями этотъ „насо̀въ" можно встрѣчать по всему Вит. и отчасти—Полоцк. уѣзду. Въ тѣхъ же окраинахъ встрѣчается „синяцинный насо̀въ" изъ ровной ткани синяго цвѣта.

б) „Кывняро̀вый насо̀въ", или собственно балахонъ, не шьется въ талію, какъ первый, и скорѣе похожъ на легкій халатъ съ широкими полами. Длина этого „насо́ва" на средній ростъ не превышаетъ 1 арш. 13 вер., при подольной ширинѣ въ 4 ар. и 4 вер. Онъ шьется въ три полотнища, изъ наиболѣе широкой ткани; но подольную ширину увеличиваютъ довольно широкія клинья.—Обыкновенная длина рукавовъ не превышаетъ 12 вер., при чемъ въ пришивѣ они имѣютъ около 13, а въ вольномъ концѣ—около 8 вер. Ни кармановъ, ни снурочныхъ обшивовъ „кывняро̀вый насовъ" не имѣетъ, и вверху застегивается на одну какую-нибудь пуговицу, съ лѣвой стороны. Выдѣляющеюся особенностію „кывняро́выго насо́ва" является откладной воротникъ, длина котораго бываетъ около 12, а ширина—около 3 вер. Онъ пришивается къ корпусу такъ, что при застежкѣ (правымъ лацканомъ, въ углу котораго есть прорѣзная петля) концы не доходятъ другъ до друга вершка на два,—что составляетъ т. наз. „кывняро̀вую разйньку" [240]).

Оба „насо́вы" непремѣнно опоясываются, но не такъ, какъ рубашка, а значительно выше—по срединѣ живота; появленіе же „на лю̀ди" съ неподпоясаннымъ „насо̀вымъ" равносильно появленію на улицѣ въ халатѣ.

Подобно предыдущему „кывняро̀вый насовъ" бываетъ не только „синяцйнный", но и другихъ цвѣтовъ, при чемъ встрѣчаются желтые, коричневые и розовые „насо̀вы", хотя такой цвѣтъ ихъ

можетъ считаться лишь половиннымъ (бѣлая основа и цвѣтной утокъ).

Что носятъ возрастные, то носятъ и дѣти—„насо́вы“ того же покроя и ткани, при чемъ на долю ихъ выпадаютъ остатки и концы послѣдней.

10. Гдѣ распространено употребленіе „насо́ва“, тамъ носится „знѝзыкъ“—короткая одежда той же ткани и покроя, едва доходящая до половины стегна. Подобнымъ же образомъ и „кывняро́выму насо́ву“ соотвѣтствуетъ „спо̀дыкъ, испо́дыкъ, подыспыдыкъ“, надѣваемый, какъ и главный „кулько́мъ“ [241]).

Изъ названія послѣднихъ двухъ одеждъ видно, что онѣ есть нижнія, носимыя подъ другими одеждами. Къ этому остается прибавить, что „знѝзыкъ и подыспыдыкъ“ подпоясываются отдѣльнымъ поясомъ и имѣютъ значеніе сюртука, тогда какъ „насо̀въ“—значеніе верхняго пальто.

11. Сермяжныя одежды совершенно сходствуютъ съ балахонными въ покроѣ, длинѣ, разшивкѣ и разновидностяхъ, т. е. сермяги бываютъ кафтаннаго покроя „кывняро̀вые, знѝзки и спо̀дки“. Матеріаломъ для нихъ служитъ ткань то изъ чистаго сукна, то изъ смѣшаннаго, гдѣ на половину, или въ меньшихъ доляхъ соединены нитки суконныя и льняныя. Въ общемъ употребленіи встрѣчаются сермяги двухъ цвѣтовъ—бѣлыя и сѣрыя, съ оттѣнками, не доходящими, однако, до чисто чернаго цвѣта [242]). Въ сѣверо-восточныхъ окраинахъ цвѣтъ ихъ бываетъ „синяцѝнный“, а въ различныхъ мѣстныхъ уголкахъ можно изрѣдка увидѣть и другіе цвѣта, даже желтый.

Если кафтанная сермяга изъ чисто бѣлаго сукна, она обшивается синимъ снуркомъ какъ и „насо́въ“ того же типа; такая же обшивка синимъ снуркомъ, кое-гдѣ мелькаетъ и на свѣтло-сѣрой сермягѣ. По большей части, однако, темныя сермяги обшиваются въ подлежащихъ мѣстахъ тонкою кожей, которою почти вся грудь расцвѣчивается зубчатыми и ажурными узорами. „Кыв-

нярóвыи“ сермяги не имѣютъ обшивки, хотя въ отдѣльныхъ сермягахъ изрѣдка на верхней окраинѣ воротника нашивается коекакой цвѣтной снурокъ.

Подобно балахонамъ, сермяги всѣхъ видовъ застегиваются на шарообразныя пуговицы изъ кожи; но это же не исключаетъ опояски ихъ отдѣльнымъ поясомъ.

Слѣдуетъ дополнить, что мѣстныя одежды не знаютъ ни подкладки, ни покрышки, а состоятъ изъ ординарной ткани, которая только въ воротникѣ да обшлагахъ складывается иногда вдвое.

12. Въ покроѣ, длинѣ и украшеніяхъ шубы ничѣмъ не отличаются отъ балахоновъ и сермягъ, при чемъ при нихъ состоятъ короткія „шубчёнки“, соотвѣтствующія „знизкымъ и подыспыдкымъ“. Шубы кафтаннаго покроя имѣютъ узорныя изъ кожи нашивки на короткомъ воротникѣ, лацканахъ, груди, обшлагахъ и около дѣйствительныхъ, или фальшивыхъ кармановъ. Послѣдняя, т. е. карманная нашивка, часто служитъ единственнымъ отличіемъ женской шубы отъ мужской, если не считать рукавнаго отворота, или пестрой опушки на рукавахъ и вдоль верхней полы.

Воспоминаемая шуба есть исключительно нагольная; когда же она поизносилась и загрязнилась, то поверхъ ея всегда надѣвается чистая сермяга, или балахонъ [243]).

Несмотря на присутствіе въ шубѣ шарообразныхъ кожаныхъ пуговицъ, она въ свою очередь обязательно опоясывается отдѣльнымъ, наиболѣе прочнымъ и красивымъ поясомъ.

Помимо названія „шубчёнки“, захудалая, износившаяся шуба принимаетъ названіе „шубарóнки, кыжушчёнки“ [244]) и въ такомъ видѣ служитъ послѣднимъ, а часто и совершенно несроднымъ надобностямъ: она является постельною покрышкою, подстилкою, подушкою, подстилкою и покрышкою квашни и проч.

13. Пятипалыя перчатки, извѣстныя подъ именемъ „скарпéтыкъ“, или „шкарпетыкъ“ [245]), совершенно неупотребительны:

здѣсь ихъ не умѣютъ вязать, также какъ и носить. Единственнымъ прикрытіемъ рукъ отъ зимней стужи служатъ покупныя кожаныя рукавицы да самодѣльныя „испóтки" [246]). Эти послѣднія бываютъ двухъ видовъ—сшивныя, изъ остатковъ домашняго сукна, и вязаныя на деревянныхъ прутьяхъ изъ грубыхъ суконныхъ нитокъ, свойлоченныхъ потомъ домашними усиліями.

14. Для прикрытія головы не только зимнею, но и лѣтнею порой служила извѣстная „маргéлка"—бѣлая войлочная шляпа, имѣющая видъ низко усѣченнаго конуса, съ завороченными вверхъ небольшими краями. Эта шляпа замѣтно выходитъ изъ употребленія. Другой видъ „маргéлки", уже болѣе не встрѣчающейся, напоминалъ скуфью съ округлыми сторонами; она не имѣла загиба, а была съ ровно отрѣзанными краями. Обѣ „маргéлки" носились въ томъ видѣ, въ какомъ вышли изъ рукъ мастера, т. е. безъ лентъ и украшеній.

15. Подобно „маргéлкымъ", изъ остатковъ одежнаго сукна приготовлялись безкозырьковыя шапки конической формы и формы усѣченнаго конуса. Онѣ были почти всѣхъ сермяжныхъ цвѣтовъ—бѣлыя, свѣтло-сѣрыя, темныя, и изрѣдка—на кое-какой подкладкѣ. Грубая кройка, а еще болѣе—грубое шитье ихъ позволяли употреблять такія шапки только въ домашнемъ быту: имѣя кое-гдѣ пришивные наушники и даже отворотъ надъ шеей, эти шапки хорошо, однако, служили зимнею порой.

16. Совершеннѣе „маргелыкъ" по внѣшнему виду и убранству почитался „брыль"—высокій войлочный колпакъ съ небольшими полями, которыя хотя и загибались вверхъ, но не приставали къ стѣнкамъ тульи, какъ у „маргèлки" перваго типа. Поверхъ полей, при самомъ основаніи, „брыль" опоясывался или тесьмой изъ яркой матеріи, или ажурною тесьмой изъ лошадиныхъ волосъ; послѣдняя оканчивалась сзади кистями, въ которыя искусно и прочно вплетались мелкіе кусочки краснаго, а изрѣдка и синяго сукна.

„Брыль“ не бывалъ бѣлаго цвѣта, но не доходилъ и до темнаго; желательнымъ цвѣтомъ его въ юго-восточной окраинѣ являлся коричневый.

17. Послѣднею теплою шапкою, теперь совершенно исчезнувшею, слѣдуетъ считать „облову̂ху“. Она приготовлялась домашними усиліями изъ овчинныхъ кусковъ и покрывалась остатками сермяжнаго сукна болѣе темнаго цвѣта. „Облову̂ха“ имѣла видъ конуса, съ выемкой впереди, и совмѣщала шапку съ наушниками и пришивнымъ къ ней воротникомъ,—что дѣлало ее незамѣнимою въ зимнюю пору. При легкой погодѣ, наушники и воротникъ поднимались вверхъ, и тогда они становились опушкою „облову̂хи“. Въ исключительныхъ случаяхъ они бывали изъ лисьяго хвоста, или бѣличьяго мѣха и дѣлали шапку значительно наряднѣе.

Настоящая „облову̂ха“, сшитая на бараньемъ мѣху, подбитая паклей, покрытая толстымъ сукномъ и вмѣстившая какую-нибудь дорожную поклажу, вѣсила свыше 5 фунтовъ [247]).

Угождая вкусу носителей „облову̂хи“, городскіе и мѣстечковые шапочники изготовляли плоскодонныя „облову̂хи“—мѣховыя и ваточныя шапки съ наушниками и пришивнымъ воротникомъ. Изящное, повидимому, шитье, болѣе приличное сукно и подобранный мѣхъ не очень-то заманивали потребителей, которые охотнѣе вѣдались съ своею грузною, но за то прочною и теплою „облову̂хый“.

За исключеніемъ послѣдней, всѣ перечисленныя шапки носились во весь годъ, по крайней мѣрѣ, пожилыми мужчинами; болѣе молодые щеголи пріобрѣтали лавочныя козырьковыя шапки на лѣтнее время. Такая шапка часто справлялась одинъ разъ въ жизни и, бережно содержимая, черезъ десятки лѣтъ поступала въ другія руки, по наслѣдству, или надѣвалась умершему владѣльцу ея, при „обра́жаніи нябо̂щика“ [248]).

18. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ носятъ нагрудники и „кымизэльки“, нерѣдко можно видѣть употребленіе „капэлюша“—соло-

менной, лозовой и лыковой шляпы съ полями, и въ видѣ „маргелки". Эту чисто лѣтнюю шляпу изготовляютъ досужіе пастухи на мѣстѣ паствы, откуда они возвращаются потомъ съ двумя шапками—„капэлюшимъ" на головѣ и прежнею—въ рукѣ, или карманѣ. Обыкновенно „капэлюшъ" едва переживаетъ лѣто и заканчиваетъ свой вѣкъ игрушкою у дѣтей, покрышкою на пугалѣ, или на „шумѣтникѣ" [249]).

19. Для будничныхъ надобностей женская рубашка шьется изъ довольно грубаго, хотя и ровнаго холста. Она бываетъ: а) „бизковнерный", сбирающеюся на шеѣ при помощи снурка, на подобіе мужскихъ „мытузовъ", и б) съ такимъ узкимъ воротникомъ, который правильнѣе было бы назвать обшивкой. Та и другая рубашка воротниковою частью ложится на основаніе шеи и даетъ здѣсь густыя складки. По большей части, первая рубашка имѣетъ вольные рукава; вторая же имѣетъ короткіе обшлага, застегивающіеся на одну нитяную пуговицу швейнаго производства. Кромѣ того наплечники и основанія рукавовъ дѣлаются съ поперечными тесьмами, изрѣдка нашивными, чаще же всего—уточными, при чемъ наплечная тесьма шире, но короче, тогда какъ рукавная уже и чуть не обходитъ вокругъ всего рукава.—Послѣднею разностью между той и другой рубашками остается слѣдующее „матузныя" не имѣетъ воротного разрѣза, тогда какъ у „обшивной" онъ есть и гораздо длиннѣе, чѣмъ въ мужской (свыше 5 вершк.).

Длина рубашекъ остается условною, хотя и не бываетъ ниже середины голеней; ширина же ихъ довольно общая—два полотнища съ подрукавными вставными полосами,—что равняется 2 ар. и 2 вер. въ подолѣ. Длина рукавовъ не превышаетъ 11 вер.; ширина же ихъ въ пришивѣ колеблется между 12 и 13 вер., а въ обшлагѣ—между 4 и 5 вер., въ окружкѣ [250]).

20. Той же длины и ширины бываетъ парадная „кывнеровыя" рубашка, имѣющая широкій откладной воротникъ. Здѣсь наплечники и рукава значительно шире, чѣмъ у предыдущихъ,

при чемъ рукава обязательно оканчиваются цвѣтными, или тонкоматерчатыми обшлагами. У болѣе достаточныхъ лицъ эта рубашка бываетъ цѣльная, изъ коленкора, тонкаго „кўжилю"; у остальныхъ же она дѣлается съ „надтǒчкыми", или „на пудмурǒвцы" [251]) т. е. верхняя половина ея будетъ изъ коленкора, или „кўжилю", а нижняя—изъ случайнаго, иногда и очень грубаго холста.

Воротникъ „обшивнэй и кывнярǒвый" рубашки рѣдко застегивается на пришивную пуговицу, а по большей части—на запонку, или стягивается лентою и обрывомъ цвѣтной матеріи.

Дѣтскія рубашки дѣвочекъ, пока тѣ ходятъ безъ юбокъ, отличаются отъ общихъ женскихъ только длиною—доходятъ почти до пятъ и всегда опоясаны, при чемъ поясъ лежитъ поверхъ живота, не такъ какъ у мальчиковъ того же возраста, которые носятъ его подобно возрастнымъ мужчинамъ.

21. Простая домашняя юбка изъ бѣлаго холста называется „споднйцый". Не въ примѣръ рубашкѣ, она довольно широка—въ 4 полотнища; длина же ея такова, что обнажаетъ третью часть голеней, и на средній ростъ не бываетъ длиннѣе 1 ар. 4 вер.; въ поясницѣ она стягивается двумя пришивными тесьмами, или поясками. Кромѣ общаго вида дѣвическая „споднйца" обособляется тѣмъ, что имѣетъ подолъ съ уточною каймою краснаго цвѣта, въ 1 вер. шириною, иногда узорно-прихотливо сработанною. Замужнія женщины и старухи только донашиваютъ такія „споднйцы" [252]).

22. Маркость „споднйцы" и другія причины заставляютъ охотнѣе пользоваться въ будничной жизни „набǒйкый"—юбкою изъ набивного холста различнаго сорта (кужилю, пáчиси) и различныхъ цвѣтовъ. Длина и ширина „набǒйки" совершенно одинакова съ длиною и шириною „споднйцы".

23. Гораздо изящнѣе ихъ „сыянъ"—юбка со спеціальнымъ тканьемъ, гдѣ основа и утокъ имѣютъ синія, красныя и даже желтыя нитки въ перемежку съ бѣлыми. Занесенное въ припѣвку

выраженіе—„у Лявониxи сыянъ зъ пылысамъ“—ясно характеризуетъ его полосатую цвѣтистость, хотя нельзя отрицать, что „сыянъ“ тчется „у мачинки, у клятушки, у кукушки, у ялушки“ [253]) и проч. „Сыянъ“ носятъ дѣвушки и молодыя замужнія женщины, по преимуществу, лѣтнею порой.

24. Для зимнихъ надобностей дѣлается „дрылихъ“ [254])—полусуконная юбка изъ спеціальной ткани, гдѣ бѣлыя и окрашенныя нитки, шерстяныя и льняныя, даютъ „дрылихывую“ матерію, весьма отличную отъ всѣхъ остальныхъ домотканокъ. Эта ткань не войлочится, подобно сукну, а изрѣдка ворсируется домашними скребками.

У „дрылиха и сыяна“ спереди дѣлаются вставки изъ бѣлаго холста, длиною около 8, а шириною около 6 вер., обыкновенно прикрываемыя фартукомъ.

25. При „споднйцы, набойки, сыяни“ и даже „дрылихи“ состоятъ иногда „колты“—жалкія подобія „кулькомъ“ сшитыхъ кофточекъ, которыя скорѣе безобразятъ, чѣмъ красятъ нижнюю одежду. „Колты“ застегиваются только у воротника на одну пуговку; полы же ихъ, едва доходящія до поясницы, или въ постоянной распашкѣ, или подтыкаются за юбочную подпояску.—Въ воспоминаемое время „колты“ встрѣчались рѣдко, у выходцевъ изъ помѣщичьихъ дворовъ, у городскихъ выходцевъ да шляхетскихъ сосѣдокъ.

26. Исчезнувшій изъ употребленія „кітликъ“ плотно облегалъ спину и грудь и внѣшнимъ видомъ нѣсколько напоминалъ жилетку и корсетъ безъ роговинъ. „Кітликъ“ есть та именно шнуровка, о которой сохранились слѣдующія пѣсенныя упоминанія:

„Прыдай, маця, ялывицу [255])—
Купи минѣ шнуровицу:
Въ минѣ .... трасутца—
Зъ минѣ мальцы смяютца“!... [256]).

Зажиточныя щеголихи справляли „китликъ“ изъ парчи; лица же по-бѣднѣе шили его изъ какой-нибудь яркой матеріи, или изъ лучшихъ домотканокъ,—чрезъ что обычный покрой его не измѣнялся. Подобно корсету, „китликъ“ зашнуровывался позади, на груди лежалъ ровною безпрорѣзною гладью, внизу же, вокругъ таліи, имѣлъ пришивную опояску, по толщинѣ не уступавшую средней колбасѣ. Эта опояска изъ домашней ткани какъ-то странно сочеталась съ парчей, или цвѣтнымъ ситцемъ „китлика“.

„Китликъ“ справлялся разъ въ дѣвической жизни и донашивался потомъ въ первые годы замужества, или же непосредственно послѣ него поступалъ въ „схòвы“ для наслѣдницы.

27. Употребленіе „хвыртухà“ имѣетъ крайности: то онъ носится въ парадныхъ случаяхъ, то въ наиболѣе грязныхъ положеніяхъ. Такъ въ него собираются грибы, нѣкоторыя ягоды, валежникъ, щепы, картофель, овощные листья для корма животныхъ и проч.

Нарядный фартукъ дѣлается изъ всѣхъ юбочныхъ льняныхъ тканей, при чемъ подолъ его заканчивается яркою уточною тесьмой, какъ въ „сподницы, сыàни и дрылихи“. Длина фартука на 2 вер. меньше юбочной; ширина же равна только полотнищу.

28. Въ домашнемъ быту дѣвушки ходятъ съ открытыми головами, или на короткое время прикрываютъ ихъ легкими платками „у набрóску“; остальныя женщины имѣютъ на головѣ безсмѣнный днемъ и ночью платокъ, который повязывается „кыптурóмъ“ [257]), въ видѣ шапочки, или два конца его, одинъ разъ перевязанные позади, видимо распадаются въ стороны плечъ. Въ томъ и другомъ случаѣ платокъ складывается надвое, въ треугольникъ, и концы тупого угла спадаютъ на шею. Этотъ главный платокъ, называемый „хýстый, хýсткый“, почти всегда квадратный, дѣлается изъ тонкой домотканки, отъ бѣлаго до „сынного“ цвѣта, съ коймами и безъ нихъ. Если полотнище узко, то ихъ

сшивается полтора и болѣе, при чемъ мѣсто сшива становится почти незамѣтнымъ, благодаря умѣнью скрыть это,—единственному умѣнью въ данномъ случаѣ, такъ-какъ остальныя швейныя работы не отличаются тонкостью швовъ и всегда даютъ уродливо толстый рубецъ.

Въ послугахъ съ этою „хўстый“ состоятъ еще двѣ-три: небольшая, накидная на плечи, большая для покрышки головы и плечъ при выходѣ и выѣздѣ, и сравнительно малый, ручной платокъ, свернутый трубочкою. Наплечный платокъ домашней ткани имѣетъ иногда коймы отъ 1—2 вер. ширины, кое-какое „бахрóцця“ [35]), а изрѣдка—и узорную вышивку: по угламъ только, на складной половинѣ, или по всему полю. Этотъ платокъ, сложенный вкось надвое и накинутый на плечи, подъ подбородкомъ перевязывается одинъ разъ длинными концами, которые потомъ и спускаются на грудь. Благодаря неудачной окраскѣ узорныхъ нитокъ, неумѣлому мытью, красивый платокъ принимаетъ окрашивающій оттѣнокъ и изъ бѣлаго становится то мутно-краснымъ, то мутно-синимъ. Большой выходной платокъ, вершающій „одѐцце“, бываетъ только накиднымъ, при чемъ, длинные концы его, перекинутые на груди крестообразно, поддерживаются свободною рукой, и только при долгой дорогѣ, въ зимнюю пору, да необходимости править лошадью, или вообще работать руками, одинъ конецъ обводится вокругъ шеи и подтыкается подъ подбородкомъ. Что же касается ручного платка, то значеніе его въ рукахъ довольно трудно указать—ни потъ, ни носъ имъ не вытирается—и на такой платокъ приходится смотрѣть, какъ на одинъ изъ „прибóрывъ“.

У зажиточныхъ лицъ всѣ помянутыя „хўсты“ бываютъ фáбричныя—бумажныя, шерстяныя и дешево-шелковыя; большинство же пользуется домотканками, которыя, совмѣстно съ фабричными, по величинѣ и давности бываютъ: „хўсты, хўстычки, хустэльки, хусцéнки и—шмóтки, шмотчёнки“.

Не будетъ погрѣшности въ увѣреніи, что, подобно поясамъ, платки—наиболѣе многочисленная одежда на одномъ и томъ же лицѣ,—что можно видѣть при полномъ дорожномъ одѣяніи каждой женщины.

29. Дѣвушки воспоминаемаго времени носили „вянóкъ“ изъ парчевой, по преимуществу, а также и другой ярко-цвѣтной матеріи. „Вянóкъ“ обыкновенно довольно плотно прилаживался на голову и крѣпко держался при самыхъ порывистыхъ движеніяхъ. Основою его были: стѣнки стараго ситечка, лубокъ, береста, склеенный холстъ, которые сперва обшивались снаружи и внутри холстомъ; вѣночная же матерія накладывалась потомъ только на наружную сторону. При заурядной жизни „вянóкъ“ не имѣлъ украшеній; но тотъ же „вянóкъ“ обильно украшался по наружной сторонѣ живыми и искусственными цвѣтами, а также лентами сзади, когда дѣвушка шла въ немъ вѣнчаться.

Правда, дѣвушки начинали носить „вянокъ“ съ довольно ранняго возраста, году на 10-мъ; но настоящій „вянóкъ“ справлялся только одинъ разъ въ дѣвической жизни, по достиженіи брачнаго возраста, и, подобно „кітлику“, послѣ замужества, поступалъ въ новыя наслѣдственныя руки. Умершая дѣвушка обязательно убиралась въ личный „вянóкъ“, въ которомъ ее и погребали.

Высота вѣночныхъ стѣнокъ, кстати, совершенно равномѣрныхъ, не превышала 3 вер.; верхъ же вѣнка оставался открытымъ и обнажалъ голову сверху.

30. На смѣну вѣнка молодыя замужнія женщины надѣвали „намётку, обмётку“ изъ бѣлой коленкоровой, или особенно тонкой домашней ткани. Высота „намётки“ не превышала вѣночной; уборъ также плотно прилаживался по головѣ, но имѣлъ закрытую верхушку и двѣ спадающія позади полосы изъ той же матеріи, по ширинѣ равныя „намёточному“ околышу, непрерывнымъ продолженіемъ котораго онѣ и служили.

„Намётка“—праздничный нарядъ. Подобно вѣнку, она справлялась одинъ разъ въ жизни, донашивалась въ старости, а по смерти собственницы ее надѣвали умершей.

31. Пожилыя, маловолосыя женщины носятъ „чапъ, чапе́цъ, или коптӯръ“—довольно неуклюжій чепчикъ изъ домотканки, стягивающійся „матӯзнымъ“ порядкомъ позади,—независимо отъ безсмѣннаго головного платка, который только изрѣдка снимается на ночь. Появленіе въ одномъ только „коптурӯ“ считается неприличнымъ даже среди домашнихъ. Но тотъ же чепчикъ изъ ситца, кумачу и шерсти составляетъ выходной головной уборъ.

32. Благодаря сосѣдству старообрядческихъ женщинъ (въ Ловож. в. и Жарцахъ, Пол. у.), употребляющихъ весьма изящную головную повязку, гдѣ совмѣщается чепчикъ и платокъ, и тамошнія бѣлорусскія нарядницы изрѣдка пользуются тою же повязкою. Приготовленіемъ послѣдней завѣдуютъ отдѣльныя модистки: по мѣрѣ головы онѣ складываютъ головной платокъ („волоснйкъ“) шапочкою и сшиваютъ, при чемъ концы платка скрадываются въ изящно расположенныхъ складкахъ. Несмотря на долголѣтнее сожительство и доступную переимчивость, повязка имѣетъ слабое распространеніе среди сосѣдокъ-бѣлоруссокъ, и ее чаще всего употребляютъ бывшія у старообрядцевъ батрачки [259]).

33. Вся верхняя женская одежда такъ мало разнится отъ мужской, что по-смѣнное пользованье ею составляетъ заурядное дѣло. Однако, въ наиболѣе зажиточныхъ домахъ мужская и женская одежда нѣсколько обособляется, при чемъ послѣдняя имѣетъ: а) кафтанный, въ талію, покрой,—б) болѣе низкіе воротники въ „кывняро́выхъ“ одеждахъ,—в) преобладающую узорность на груди и около кармановъ,—г) опушку (въ шубѣ) на рукавахъ, правой полѣ и подолѣ. Кромѣ того одежда шьется подлиннѣе мужской и при ней не состоятъ въ послугахъ „знйзки и подыспыдки“ всѣхъ сортовъ, по крайней мѣрѣ, при выходныхъ случаяхъ [260]).

Ш. Мужская и женская обувь.

34. Главную, повсюдную обувь составляютъ лапти—лозовые, лыковые, берестовые и изрѣдка пакляные, изъ тонкихъ витушекъ пакли [261]). Тамъ, гдѣ есть много лозняка, у сельчанъ всегда найдутся поражающіе запасы лозовой коры для лаптей: полосы коры, свернутыя въ кольца и нанизанныя на повязь, привѣшиваются на повѣтныя и сѣнныя стѣны; увидишь ихъ во множествѣ на чердакѣ, въ углахъ и подъ стрѣхами, вмѣстѣ съ вѣниками. Когда наступитъ надобность, нужное количество колецъ замачивается въ теплой водѣ и поступаетъ въ издѣліе; точно также замачиваются передъ обуваньемъ и сработанные лѣтомъ лозовые лапти, запасъ которыхъ, въ свою очередь, бываетъ довольно значителенъ. „Лозо́вики"—слишкомъ „про́стыи лапци": полосы широки, коекакъ прилегаютъ другъ къ другу, подошва ординарна, носки мелки и коротки. Благодаря всему этому, „лозо́вики" изнашиваются дня въ три и могутъ служить на домашнія надобности и при полевой работѣ.

35. „Про́стыи" лыковые лапти, изъ молодой липовой коры и вяза, нѣсколько долговѣчнѣе лозовыхъ, хотя, подобно имъ, работаются наскоро, такъ же незатѣйливо и, въ свою очередь, служатъ только будничнымъ домашнимъ надобностямъ, да при недалекихъ отхожихъ работахъ. Матеріалъ для простыхъ лыковыхъ лаптей пріобрѣтается то лично, въ подходящемъ лѣсу, то покупается въ мѣстечкахъ и на ярмаркахъ: „мотушкыми", цѣльными „трубкыми" и „луццимъ" [262])—тонкими, длинными липовыми жердочками съ корою на нихъ, которая потомъ снимается дома, послѣ распаренія ихъ въ печи,—что имѣетъ мѣсто зимою.

36. „Кывярзнѝ" [263]) значительно прочнѣе и изящнѣе „лозо́викывъ и про́стыхъ" лаптей. Они дѣлаются изъ болѣе узкихъ, ровныхъ лыковыхъ полосъ, иногда на спеціальной колодкѣ, имѣютъ болѣе глубокіе носки, отдѣльныя ушки для „оборыкъ" и двойную-

тройную подошву, для прочности подшитую паклей. Такіе лапти ужé бывают выходными—въ церковь, „у люди“ и въ дальній путь.

37. Совершеннѣе всѣхъ лыковыхъ лаптей—„пыхлопнѝ“. Они дѣлаются изъ ровныхъ гладкихъ полосъ, полудюймовой ширины, на колодкѣ, при чемъ, темная поверхность лыковой коры предварительно соскребается. Это придаетъ „пыхлыпня̀мъ“ особенную бѣлизну, гармонирующую съ бѣлизною одежды.—Кромѣ благоустроенныхъ носковъ, вершковой высоты „быкывико̀въ, быковицъ“ [264]) съ правильными ушками и „зыпя̀ткывъ“, эти лапти имѣютъ прочную подошву, густо переплетенную пакляными плетенками, или тонкими веревочками. „Пыхлопни“ составляютъ только праздничную, парадную обувь и, будучи сберегаемы больше остальныхъ лаптей, служатъ нѣсколько лѣтъ.

Такъ какъ производство „пыхлопнёвъ“ нѣсколько сложно, то они изготовляются уже спеціальными мастерами этого дѣла и сбываются на ярмаркахъ, или торговцамъ деревянными издѣліями. Если купленные „пыхлопни“ безъ пакляной подшивки, послѣдняя „пыдвира̀итца“ [265]) самими владѣльцами.

38. Лапти изъ берестовыхъ полосъ и веревочные (изъ пакли) встрѣчаются довольно рѣдко, хотя такіе лапти противостоятъ мокротѣ больше, чѣмъ всѣ предыдущіе. На слабую распространенность ихъ вліяютъ двѣ причины: а) лѣнь на предметъ добыванія и обработки бересты, а также выдѣлки изъ пакли веревокъ, и б) необходимость часто отрѣзывать оттрепавшіеся куски бересты и веревокъ,—съ чѣмъ постоянно хлопочутъ лапотники при изнашивающейся обуви.

39. Необходимою принадлежностью лаптей, а также и кожаной обуви, являются онучи и только изрѣдка—чулки. Примѣнительно ко времени года онучи бываютъ: а) „пырца̀нки“ и б) „сукóнки“. Первыя получаются изъ куска домашняго холста, а вторыя—изъ сермяжнаго сукна. Заурядная длина отдѣльной

„онучины“ бываетъ около 12, а ширина около 9 вер.—Умѣнье обертывать ноги онучами пріобрѣтается очень рано: уже 10-лѣтнія дѣти могутъ скоро и довольно изящно сдѣлать это, при чемъ, складки и загибы не „мýліюць“ [266]) ногъ. Впрочемъ, для лучшаго спокойствія ногъ, послѣднія предварительно обертываются „пыдонýчикыми“—кусками холста значительно меньше онучъ, обхватывающими только ступни.

На этомъ, однако, не заканчиваются заботы о спокойствіи ноги: дно лаптя и другой обуви обыкновенно устилается соломенною „подсцилкый, сцелькый“.

40. Вмѣсто онучъ зимнею и вообще холодною порой кое-гдѣ можно встрѣтить „панчóхи“—суконные чулки до-колѣнной длины. „Панчóхи“ вяжутся изъ грубыхъ „сучёныхъ“ нитокъ грубыми же „пруткáми“, подобно „испоткымъ“, и войлочатся домашними усиліями.

41. Еще рѣже встрѣчаются „носки“—короткіе нитяные чулки, сработанные не менѣе грубо. Эти послѣдніе носятся только мужчинами, при сапожной обуви. Такъ какъ мѣстныя мастерицы не всегда умѣютъ задѣлать пятку и тѣмъ придать чулку его обыкновенный видъ, то, по большей части, онѣ вяжутъ длинный мѣшокъ, который пріобрѣтаетъ чулочный видъ только на ногѣ...

42. Лапотная обувь неизбѣжно требуетъ „обóръ, или обóркывъ“, которыми въ крестообразномъ видѣ увиваются ноги поверхъ онучъ, отъ лаптя до колѣнъ почти. При каждомъ лаптѣ должно быть двѣ „обóрины“, или лучше—два конца цѣльной „обóры“, продѣтой чрезъ запяточное и боковыя ушки лаптя. Вся „обóра“ съ двумя ея концами имѣетъ около 5 ар. длины.

Будничныя „обóры“ есть тонкія веревочки изъ пеньки, по преимуществу; болѣе парадныя, къ лучшимъ лаптямъ и даже башмакамъ, дѣлаются въ видѣ узкихъ поясовъ ровнаго цвѣта; преобладающими, однако, являются черныя шерстяныя „обóры“. Отсюда, несомнѣнно, ведетъ происхожденіе извѣстная фраза—„за-

*би*ць цяцёрку у черныхъ обóркыхъ",—что на языкѣ сельскихъ ловеласовъ означаетъ приволокнуться, овладѣть женщиной.

43. „Оборкыми" увиваются не только онучи, суконные чулки, но и мягкіе „вáлинцы", когда послѣдніе замѣняютъ при лаптяхъ онучи и чулки. Болѣе „кылàныи вáлинцы" [267]) носятся отдѣльно, и ими пользуются, по преимуществу, зимою; лѣтомъ же ихъ носятъ старики, больные да конопасные ночлежники.

„Вáлинцы" дѣлаются дома захожими „шипувáлыми" [268]) изъ всякой шерсти; тутъ иногда пускаются въ дѣло старыя суконныя одежды, шубные обрывки, старые войлоки изъ хомутовъ, черезсѣдельниковъ и проч.

44. Въ западныхъ окраинахъ, а въ послѣднее время и повсемѣстно, можно встрѣтить „пáстылы"—кожаные полубашмаки, стягиваемые въ носкахъ и вообще прикрѣпляемые къ ногамъ при помощи „обòркывъ", а иногда—короткихъ ремешковъ. Эту обувь носятъ исключительно мужчины, по большей части, лѣтнею порой.

45. Люди зажиточные, а также и живущіе на „пыхи", на праздничные и парадные случаи обзаводились „бóтыми" изъ чернаго и рыжаго товара. Въ воспоминаемое время „боты" бывали только „рантывыми" [269]), на низкихъ, но широкихъ „подбóрыхъ" [270]), густо подбитыхъ прочными широкошляпными гвоздями, или неменѣе прочными подковами; тѣ и другія оставляли довольно рѣзкій слѣдъ на дорогѣ и на полу. „Рáнтывыи бòты" почему-то бывали не цѣльными, а „пр*и*швыми", при чемъ, на самой срединѣ всхода изъ голенища въ „пр*и*шву" врѣзывался отчетливый язычекъ, почему такіе сапоги извѣстны были подъ именемъ—„бòтывъ зъ изыкáми".

Заказчики и мастера не гонялись за стройностью „бòтывъ"; послѣдніе должны быть только просторны. Зимою это выгодно, а лѣтомъ лишній просторъ можно убавить обильною „подсцилкый". Поэтому наиболѣе любимыми „бòтыми" считались „осташ*и*" [271])—

прочные, неуклюже-просторные сапоги, покупаемые на мѣстныхъ ярмаркахъ и въ лавкахъ.

Благодаря обильной смазкѣ чистымъ дегтемъ и саломъ, а также и бережливости, „бо̀ты" служили владѣльцамъ нерѣдко во всю ихъ жизнь и несовсѣмъ поношенными переходили къ наслѣдникамъ.

46. За исключеніемъ „па̀стылывъ" женщины носили одинаковую съ мужчинами обувь—лапти всѣхъ видовъ и сапоги, при чемъ, одни и тѣ же, напр., сапоги можно бывало видѣть сегодня на отцовскихъ, а завтра на дочернихъ ногахъ. Такъ было въ скромномъ обиходѣ. При большей зажиточности, женщины справляли черные и рыжіе „чиравики"—мелкіе башмаки, подобно лаптямъ, носившіеся съ „оборкыми", для которыхъ по сторонамъ и позади имѣлись пришивныя ушки.—Кажется, „чиравики" сберегались еще дольше, чѣмъ „боты", и нетрудно бывало встрѣтить семью, гдѣ внучка донашивала „ба̀бины чиравики"...

47. Щеголихи воспоминаемаго времени носили „пувсапо́жки"—башмаки, поднимавшіеся до голеней, съ разрѣзомъ впереди, который стягивался снурками, или тоненькими ремешками. „Пувсапо́жки" не отличались стройностью современнаго башмака и не бывали одноножными; все-таки они были изящнѣе неуклюжихъ „чиравикывъ" и дѣлались изъ черной, сравнительно мягкой, кожи. Наилучшими считались „козло́винькіи пувсапо́жки".

Несмотря на обычную бережливость, эти башмаки не имѣли долговѣчности первыхъ, нужно полагать, потому, что они дѣлались изъ менѣе прочнаго, хотя и красиваго товара, и что мастера спѣшили отвѣтить спросу на красивую обувь въ ущербъ прочному ея изготовленію.

IV. Мужскіе и женскіе приборы (уборы).

На счетъ личной бѣдноты въ одеждѣ и обуви мѣстный простолюдинъ создалъ множество пословицъ и поговорокъ, изъ

которыхъ приведенная выше иронически утверждаетъ, будто „*уси яго* приборы—лапци ды оборы“. Разумѣя подъ „приборыми“ дополнительныя украшенія къ той и другой, приходится, однако, утверждать, что иронизирующая пословица умѣстна только при довольно ограниченныхъ положеніяхъ. Такъ, сказанное объ одеждѣ и обуви отчасти позволяетъ видѣть, что онѣ относительно разнообразны; не менѣе разнообразны и тѣ дополненія къ нимъ, безъ которыхъ, правда, можно обойтись, но которыя съ незапамятныхъ временъ составляютъ то необходимую принадлежность одежды и обуви, то прихотливое къ нимъ украшеніе. Къ такимъ именно дополнительнымъ, отчасти уборнымъ предметамъ, принадлежатъ:

48. Шейная „хустэлька“ у мужчинъ—фабричный, цвѣтной платочекъ (квадратный аршинъ), сложенный шалью и два раза окруживпіій шею. Хотя при повязкѣ его узелъ приходится спереди, подъ подбородкомъ, но при дальнѣйшемъ ношеньи онъ не замедлитъ очутиться на сторонѣ и даже позади,—чему обыкновенно носители не придаютъ значенія. „Хустэлька“ повязывается въ праздничные, парадные дни, какъ зимой, такъ и лѣтомъ, и послѣ того часто не снимается по нѣскольку дней сряду, даже на ночь, несмотря на лѣтнюю, или избяную теплоту.

Женихъ и шафера повязываютъ „хустэльку“ по-женски, т. е. накидываютъ вдвое сложенный платокъ на шею, при чемъ уголъ его спускается на спину, а длинные концы одинъ разъ перевязываются подъ подбородкомъ. Въ такомъ видѣ „хустэлька“ покоится на верхней одеждѣ до окончанія первыхъ брачныхъ празднествъ.

Въ суровые холода, при дальнемъ пути, поверхъ одежды повязывается „большая хýста“, которая, при „безковнéрный“ одеждѣ и при колпакѣ, замѣняетъ воротникъ и наушники.

49. Съ появленіемъ шарфовъ [272]) „хустэлька“ начала вытѣсняться „шаликымъ“—покупнымъ шарфомъ, вязанымъ и тканымъ. „Шаликъ“ видимо пришелся по вкусу, и мѣстные щеголи усердно

носятъ его въ самые знойные дни, обвертѣвъ вокругъ шеи раза два и спустивъ концы на грудь.

50. Потребители нюхательнаго табаку обязательно носятъ „нысов*и*чку“—плохонькій платочекъ, или такой же кусочекъ холста. Главнымъ образомъ въ „нысов*и*чку“ завертывается табакерка, или рожокъ, которые обыкновенно хранятся въ карманѣ, за пазухой, или заткнутые подъ рубашечный поясъ. Спеціальной цѣли—вытиранью носа—„нысов*и*чка“ почти не служитъ, и „нющц*ы*“ обходятся въ этомъ случаѣ при помощи пальцевъ, руки, рукавовъ и одежной полы.

51. Примѣнительно къ потребности „курц*ы*“ безотлучно носятъ „капшу́къ“, или „кисѐту“—небольшой холстинный, или ситцевый мѣшочекъ, въ устьѣ стягивающійся снурками. Въ щегольскихъ случаяхъ „капшу́къ“ имѣетъ въ нижнихъ углахъ двѣ пришивныя кисточки; подобными кисточками заканчиваются и стягивающіе снурки.

„Капшу́къ“ предназначается собственно для храненія курительнаго табаку, съ которымъ, однако, почти всегда покоятся: кремень, кресало, трутъ, спички и даже „п*и*пка“ съ необходимыми при ней—„цыбук*о*мъ и чи̂сцикымъ“ [273]). Подобно „нысов*и*чцы“, „капшукъ“ носится въ карманѣ, за пазухой и за рубашечнымъ поясомъ. Весьма рѣдкостные „курц*ы*“—женщины—имѣютъ тотъ же „капшукъ“, который онѣ носятъ безотлучно при себѣ, а болѣе частые изъ нихъ „нющц*ы*“ имѣютъ одинаковую съ мужчинами „нысов*и*чку“.

52. Къ рубашечному поясу у мужчинъ обыкновенно привѣшиваются три предмета: калита, ножъ и мѣдный гребешокъ, на отдѣльной ремешковой привязи каждый, при чемъ калита находится среди нихъ на видномъ мѣстѣ. Калита есть почти квадратная (стороны верш. по 3), плоская кожаная сумочка, закрывающаяся спереди удлиненною заднею стѣнкой; эта послѣдняя бываетъ украшена большими мѣдными „гу́зикыми“, и чѣмъ больше послѣд-

нихъ, тѣмъ калита цѣннѣе, наряднѣе. Обыкновенно она служитъ для храненія такъ назыв. „карманныхъ денегъ“ и въ то же время—наиболѣе цѣнныхъ мелкихъ вещей. Такъ, „картэвники“ и другіе игроки, носятъ здѣсь карты, „*би*рьки, тронки“ [274]); чаровники—тайные предметы, вѣрующіе простаки—талисманы и т. под.

53. Каковъ ни былъ бы носильный ножъ—складной, или прямой—онъ обязательно покоится въ кожаномъ чехлѣ, съ правой стороны. Кромѣ чехольнаго ушка, чрезъ которое продѣвается ножъ, къ послѣднему ушкомъ же прикрѣпляется свыше-аршинный, узкій (1/8 вер.) ремешокъ, другимъ концомъ привязанный къ черенку ножа. Это позволяетъ работать ножомъ, не отвязывая послѣдняго, и въ то же время сберегаетъ его отъ потери.

54. Слѣва отъ калиты привѣшивается мѣдный „грибинéцъ“, обыкновенно задешево пріобрѣтаемый у тряпичниковъ и мелкихъ торговцевъ. Этимъ густымъ гребешкомъ пользуются очень рѣдко, въ исключительныхъ обстоятельствахъ; для приведенія же волосъ въ порядокъ служатъ большія деревянныя гребенки и „щéци“, изготовляемыя домашними мастерами довольно грубо. „Щèци“ дѣлаются изъ лучшей щетины, мягкіе концы которой, перевязанные проволокой, или бичевкою, и залитые перетопленною смолою, даютъ рукоять.—Внѣ этой потребности гребенка и „щеци“ служатъ для расчесыванья льна и пеньки.

55. На одной привязи съ тѣльнымъ крестомъ, хотя и не вмѣстѣ съ нимъ, виситъ мѣдная ложечка, для вычерпыванья ушной сѣры. Эта ложечка обыкновенно недорога и пріобрѣтается у тряпичниковъ и мелкихъ торговцевъ.

56. Рядомъ съ крестомъ на отдѣльной ременной „почёпцы“ виситъ при голомъ тѣлѣ извѣстная мошенка—кожаный мѣшокъ, выработанный изъ бараньей и козловой „мошенки“ личными домашними усиліями, или же сшитый изъ выкроенныхъ полосъ кожи. Подобно „кышукỷ“, устье мошенки стягивается узкими

ремешками, которые проходятъ или чрезъ пришитые вверху кольца и ушки, или чрезъ небольшія прорѣзи.—Мошенка служитъ для храненія болѣе крупныхъ денегъ въ пути и вообще внѣ дома.

57. Въ 50-хъ годахъ еще можно было видѣть кое-гдѣ употребленіе „чирéслиникывъ"—широкихъ мѣшочныхъ поясовъ изъ кожи, на пряжкахъ, которые спеціально предназначались для ношенія значительной звонкой монеты. Подобные же, хотя и болѣе короткіе пояса на пряжкахъ, нашивались подъ колѣнами, на верху икры. Служа одинаковымъ съ „чирéслиникыми" цѣлямъ, такіе пояса назывались тѣмъ же именемъ. Какъ естественно и ожидать, поясные „чирéслиники" оставались скрытыми подъ одеждой поясами, ножные же покоились на голомъ тѣлѣ, подъ портками.

58. У мужчинъ изрѣдка можно было увидѣть серьгу то въ томъ, то въ другомъ ухѣ. Она была больше заурядныхъ женскихъ и отличалась отъ нихъ помѣщеннымъ внутри ободка крестомъ. Мужскія серьги встрѣчались серебряныя и мѣдныя и пріобрѣтались онѣ у тряпичниковъ и офеней. Продѣтая въ ухо въ ранней молодости, серьга безсмѣнно носилась во всю жизнь и не вынималась даже при погребеніи.

59. Молодой мужчина обыкновенно обзаводился „пярсцёнкомъ"—серебрянымъ, или мѣднымъ кольцомъ; но носилъ его только до женитьбы,—что и служило примѣтою холостого мужчины.

60. Женскіе „прибóры" гораздо многочисленнѣе и во многомъ не имѣютъ сходства съ мужскими. Они неразлучны при домашнемъ туалетѣ также, какъ и парадномъ, когда нужно „причипурѝцца" [275]), не отстать отъ людей. Какъ ни скромна жизнь, какія препятствія ни подставляютъ житейскія положенія, все-таки у каждой женщины найдутся кое-какіе „прибóры", доставшіеся преемственно, по наслѣдству, подаренные и пріобрѣтенные лично на потайныя сбереженія.—Въ 29 п. упомянуто было о ручномъ платкѣ,

который при выходахъ составляетъ первую уборную потребность. Этотъ платокъ, свернутый трубочкою, неизмѣнно покоится свернутымъ и въ складищѣ, такъ что за цѣлогодичное потребленіе онъ развернется развѣ только для поправки, не болѣе двухъ разъ, хотя въ рукахъ побываетъ въ десяткахъ случаевъ.

61. „Истужки, устужки“ (ленты) всяческихъ цвѣтовъ, преимущественно же—ярко-красныя составляютъ необходимыя украшенія при невѣстиномъ вѣнкѣ, рубашечной застежкѣ у женщинъ также, какъ и мужчинъ, и при заплетеніи косы у дѣвушекъ. Въ послѣднемъ случаѣ „истӯжка“ называется „укóсникымъ, закосникымъ“.

62. Болѣе скромное мѣсто, но совершенно на одинаковой службѣ занимаютъ „похи̇стки“—ленточные обрѣзки и обрывки опять же яркой матеріи. Въ совершенной старости „истӯжки и похи̇стки“ подолгу продолжаютъ служить дѣвочкамъ при играхъ „у ля̀льки“ [276]), или же поступаютъ въ личное складище.

63. Подъ общимъ именемъ „краль“ шейныя ожерелья довольно разнообразны, начиная отъ зеренъ чуть не бисерныхъ и доходя до орѣховой величины. Среди множества иногда и очень дорогихъ „краль“ встрѣчаются: а) „прóстыи кра̀ли“—дешевыя, разноцвѣтныя бусы, пріобрѣтаемыя у тряпичниковъ и офеней;— б) „гырна̀ты“, зерна которыхъ имѣютъ грани и темновишневый цвѣтъ;—в) „крыва̀выи ма̀цицы“—гладкія зерна того же цвѣта; г) „пярловыи ма̀цицы“—фальшивыя и дѣйствительныя жемчужныя зерна, и д) „брушты̀нъ, или брӯштынтъ“—фальшивый и настоящій янтарь. Чѣмъ больше на шеѣ „мотко́въ“ тѣхъ, или иныхъ „краль“, тѣмъ наряднѣе и завидливѣе для другихъ становится мѣстная щеголиха.

Пріобрѣтеніе наиболѣе дорогихъ „краль“ является нѣсколько загадочнымъ: у тряпичниковъ и офеней ихъ не бываетъ; въ то же время не покупаются онѣ и въ лавкахъ, гдѣ можно попасть на фальшивыя. А между тѣмъ на шеѣ то одной, то другой наряд-

ницы мелькаютъ: жемчугъ, янтарь и другія цѣнныя „кра́ли“. Нужно полагать, что, помимо наслѣдственности и дара, такія „крали“ переходятъ изъ рукъ въ руки неуловимою торговлею, гдѣ продавцами и покупателями бываютъ однѣ и тѣ же мѣстныя щеголихи.

64. За исключеніемъ креста въ нижней части ободка, мужскія серьги не имѣютъ другихъ дополненій и всегда бываютъ гладкими. Женскія серьги („подвѣски“) [277]), напротивъ, узорчаты, со вставными камнями, которые на самомъ дѣлѣ есть только „стекля̀русы“ различныхъ цвѣтовъ. По достоинству металла серьги не заходятъ выше серебряныхъ; но и такія серьги составляютъ „приборы“ весьма ограниченнаго числа зажиточныхъ щеголихъ: остальныя довольствуются мѣдными и изъ различнаго сплава серьгами.

Женскія серьги составляютъ такую необходимость, что безъ нихъ трудно представить 10-ти-лѣтнюю дѣвочку, какъ и немощную старуху, которая въ воспоминаемое время погребалась съ этимъ „прибо́ромъ“.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о промыканіи ушей. Мѣстная, отчасти шутливая поговорка утверждаетъ: „кыля̀ серьги прымыка́юць, дыкъ завсёды больно бува́иць“. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ—могутъ свидѣтельствовать тѣ, кто переносилъ эту боль, и сторонній наблюдатель принужденъ вѣрить, что въ этомъ нѣтъ ничего опаснаго и что, для облегченія незначительной на самомъ дѣлѣ боли, есть стародавнія вспоможенія. Вотъ они: а) самое удобное время для промыканія ушей есть первыя три дня Страстной недѣли до полудня четверга включительно; б) промыкать должна родная вдовая бабка, или сторонняя женщина ея лѣтъ и положенія; в) лучше всего дѣлать промыканье безъ свидѣтелей, или при ограниченномъ числѣ ихъ, и г) какъ свѣжую рану, такъ и во все время, до заживленія, весьма полезно при-

мачивать молокомъ кормилицы, въ особенности, молокомъ родной матери.

65. Послѣднимъ женскимъ „приборомъ" слѣдуетъ считать „пярсцёнки", которые почти всегда бываютъ гладкими кольцами и не заходятъ выше серебряныхъ. Дѣвушки начинаютъ носить кольца при первыхъ положительныхъ данныхъ, что онѣ стали невѣстами, продолжаютъ носить ихъ въ положеніи засватанныхъ и заканчиваютъ ношеніе въ пору старческихъ подступовъ (присловье: „40 лѣтъ—бабій вѣкъ"). Куда обыкновенно дѣваются вѣнчальныя кольца—трудно отвѣтить: ни женщины, ни тѣмъ болѣе мужчины не носятъ ихъ послѣ замужества.

Вмѣсто мѣдныхъ, бронзовыхъ и серебряныхъ колецъ въ воспоминаемое время употреблялись кольца оловянныя—домашней работы и покупныя,—кольца желѣзныя, стальныя, и всѣ они бывали исключительно гладкими.

Дѣти и молодежь украшали пальцы соломенными кольцами, гдѣ умѣлая рука строила въ узлѣ довольно красивую повязь. Того же возраста дѣвушки украшали шею и подкистья рукъ нѣсколькими „мыткáми краль" изъ зрѣющей брусники, клюквы, калины, рябины и др. ягодъ. Всѣ такія украшенія не переживаютъ сутокъ и на другой день обильно валяются въ „шмяццѣ" и другихъ непотребныхъ мѣстахъ.

66. Съ давнихъ поръ мужчины, женщины и дѣти въ рубашечной застежкѣ нашивали „шпоньки"—простѣйшія запонки со вставными въ лицевую сторону цвѣтными стеклами. Наравнѣ съ другими уборными, недорогими предметами, „шпóньки" поступали въ обиходность отъ тряпичниковъ, офеней, или покупались въ мелочныхъ лавченкахъ и „шàхвыхъ" [278]). Изрѣдка встрѣчались и самодѣльныя „шпоньки"—двѣ, по преимуществу, металлическія пуговки меньшаго размѣра, соединенныя одна съ другой ушками.

V. Дорожные и случайные приборы.

Всѣ „прибóры“ данной категоріи не составляютъ украшеній, подобно предыдущимъ, и могутъ быть разсматриваемы, какъ дорожныя и другія складища, безъ которыхъ, однако, трудно представить путника и вообще отлучающагося изъ дому. Такими „прибòрыми“ слѣдуетъ считать:

67. „Кошѐль, или пихцѐль“ [279])—футлярную съ надвижною крышкой корзину изъ чистой бересты, или лыкъ, и изъ лозовыхъ прутьевъ, перевитыхъ соломою, подобно „сѣвалцы, кырчаги“ и др. предметамъ того же плетенья. Величина „кышилà“ довольно неопредѣленна: начинаясь съ величины, едва превышающей калиту онъ доходитъ до 12-ти-вершковой ширины, при высотѣ въ 8 и толщинѣ 4 вер. Самые маленькіе „кышалѝ“ [280]) нашивались на груди посыльными, сборщиками на храмы, тогда какъ наибольшіе изъ нихъ служили путевымъ надобностямъ и покоились въ экипажѣ. Носильный „кошѐль“ почти всегда имѣетъ слѣдующую, неизмѣнно однообразную величину: ширина 8 вер., высота 6 и толщина 3 вер. Въ двухъ нижнихъ углахъ и двухъ верхнихъ придѣланы ушки, чрезъ которыя и подъ основаніемъ „кышилà“ проходитъ „почёпка“—веревка, или тесьма, поясъ, для ношенія на плечѣ. Длина глухой „почёпки“ устанавливается сразу такъ, чтобы носильный „кошѐль“ покоился у поясницы, будетъ ли онъ за спиною, или сбоку.

„Кошѐль“ служитъ для склада дорожной провизіи и внѣ этого ни на какія другія надобности не употребляется, а виситъ на стѣнѣ. „Кошѐль“ носятъ только мужчины.

68. За неимѣніемъ „кышилà“, при продолжительной отлучкѣ, когда вмѣстѣ съ харчами нужно брать бѣлье, путникъ несетъ „торбѐшку“—холстинный мѣшокъ, устье котораго стягивается „мотỳзнымъ“ порядкомъ, или завязывается то пришивною, то вольною веревкой, другой конецъ которой подтыкается подъ поясъ спереди;

вершина „торбе́шки“ покоится на томъ, или другомъ плечѣ, а остальная часть—на спинѣ. Такой образъ ношенія „торбе́шки“ видимо отличаетъ путника отъ нищаго и пастуха, которые носятъ ее при боку, у пояса, при чемъ устье послѣдней открыто, а глухая „поченка“ покоится на противоположномъ плечѣ.

69. Когда пѣшеходъ отправляется въ особенно дальній и продолжительный путь, то свои харчи, бѣлье, одежду, обувь и другіе „пожитки“ онъ несетъ въ „хытулѣ“, который есть увеличенная „торбешка“ съ закрытымъ устьемъ, носимая на спинѣ при помощи ремней, поясовъ, тесемъ. Эти послѣдніе, привязанные къ нижнимъ угламъ „хытуля“, перекрещенные иногда на груди, переходятъ по плечамъ и соединяются позади съ устьемъ „хытуля“. Въ такомъ видѣ носятъ „торбы“ мѣстные нищіе; но у послѣднихъ онѣ имѣютъ открытое устье и служатъ только для ссыпки подаваемаго зернового хлѣба.

70. Молодъ ли, старъ ли путникъ, онъ непремѣнно имѣетъ какую-нибудь „уручину, кіекъ, пыпирашку“,—деревянную палку, иногда съ самородною головкой внизу [281]), а иногда съ желѣзнымъ наконечникомъ, которымъ бываетъ то спеціально приготовленная „нысадка“, то насадочный обломокъ ухвата, кочерги, чепелы, навозныхъ вилъ и проч., или банка отъ косы и другого какого-нибудь рабочаго инструмента.

71. Изрѣдка можно увидѣть „торбе́шку и хотуль“ у путницъ; но онѣ рѣдко носятъ ихъ по-мужски и чаще—подъ мышкою, придерживая рукою. Въ сравнительно большихъ переходахъ женщины несутъ харчи и „пожитки“ въ большихъ платкахъ. Обыкновенно переносимое кладется въ средину раскрытаго платка и завертывается двумя противоположными концами его: въ такомъ видѣ ноша помѣщается на срединѣ спины, а два свободные конца платка связываются на груди, пройдя предварительно—одинъ черезъ плечо, а другой подъ мышкою.

72. При незначительномъ переходѣ, но при объемистости ноши, переносимые предметы связываются всѣми четырьмя концами платка и тогда узелъ называется „ванзэлкымъ“. Послѣдній покоится на плечѣ, на головѣ, и поддерживается руками.

Указанными путевыми „прибóрыми“ поставляется слишкомъ рѣзкая грань между путникомъ и путницею: менѣе странною будетъ женщина въ какой-нибудь „облову̀хи“, чѣмъ съ „кышалёмъ“ у пояса; тою же странностью отличено будетъ ношенье „ванзэлка“ мужчиною. Несмотря на очевидную необходимость, путница не пойдетъ съ „уру̀чиный“: послѣднею воспользуется развѣ немощная старуха, увѣчница, блажная, или ожидающая нападенія собакъ.

VI. Склади́ща и схо́вы [282]).

Для храненія холста, носильнаго и другого бѣлья, одежды, обуви, а также и мелкихъ предметовъ, въ каждомъ домѣ имѣются отдѣльныя хранилища, извѣстныя подъ безразличнымъ именемъ „склáдищъ и схóвывъ“. Немногочисленныя, слишкомъ простыя и условно однообразныя хранилища эти, однако, вполнѣ удовлетворяютъ потребностямъ, замѣняя комоды, гардеробные шкафы, ящики и шкатулки. Первымъ, повсюднымъ и, главное, общедоступнымъ хранилищемъ является:

73. „Ку̀билъ“—большая клёпчатая кадка [283]) съ двумя ушками вверху, съ накладною крышкою, запирающеюся деревянною задвижкой, на трехъ ножкахъ, которыя есть продолженныя внизъ клепки. Проходя чрезъ оба ушка и по верхнему „дóну“, задвижка тупымъ концомъ задерживается при одномъ ушкѣ; другой же конецъ ея, по выходѣ изъ ушка, запирается висячимъ замкомъ, входящимъ въ сдѣланную пробоину. Такъ какъ „ку̀билъ“ одновременно замѣняетъ комодъ, шкафъ, шкатулки и проч., то въ немъ можно найти бѣлье, одежду, обувь, мелкія вещи и съѣдобные предметы изъ категоріи „пыласу̀нкывъ“.—„Ку̀билъ“ есть исключи-

тельно женское хранилище, хотя матери и жены сберегаютъ въ немъ дѣтское, а также и мужнино бѣлье, одежду и обувь. „Кўбилъ“ справляется дѣвушкѣ-невѣстѣ и съ накопленнымъ приданымъ ея. при извѣстныхъ церемоніяхъ, отвозится въ мужній домъ, при концѣ брачныхъ празднествъ [284]).

Подобно другимъ кадкамъ, „кўбилъ“ не употребляется на второстепенныя надобности, а какъ-то незримо исчезаетъ изъ обихода послѣ долгосрочной, однообразной службы.

74. „Скрыня, скрынька“, встрѣчаемая значительно рѣже „кўбла“, служитъ одинаковымъ съ нимъ потребностямъ въ болѣе зажиточныхъ домахъ. Это сундучное хранилище, по вмѣстимости не менѣе „кўбла“, бываетъ то съ плоскою, то съ округлою крышкою, запирается висячимъ и внутреннимъ замкомъ и изрѣдка окрашено снаружи и обито тонкими желѣзными полосами. Въ болѣе роскошныхъ случаяхъ внутри „скрыни“ дѣлаются „прискр нки“—небольшіе по бокамъ ящички съ отдѣльными при нихъ крышками, для склада мелкихъ вещей, а въ подъемной крышкѣ, въ свою очередь, дѣлается „пріящикъ“, куда обыкновенно засовываются холсты въ „трубкахъ“ и подобные предметы.

Пріобрѣтеніе „скрыни“ составляетъ событіе не только въ домѣ, но и въ деревнѣ: любопытные собираются на осмотръ сундука нѣсколько дней сряду и поздравляютъ владѣльцевъ точно такъ же, какъ и при покупкѣ лошади, коровы.

75. Когда нѣтъ ни „кўбла, ни скрыни“, имущество сберегается въ „ванзэлкыхъ“, которые обыкновенно покоятся то въ клѣти, то на „пôлу“ [285]), то привѣшенными къ стѣнѣ. Эти „ванзэлки“ часто имѣются въ домѣ и при существованіи настоящихъ хранилищъ: тогда въ нихъ помѣщаются болѣе объемистые предметы, какъ, напр., шубы, армяки, обувь и вообще что погрубѣе и погрязнѣе. Личное имущество наемныхъ работниковъ и работницъ, приживальцевъ и бобылей, а также стариковъ, хранится обыкновенно въ „ванзэлкыхъ“.

76. Являясь именемъ собирательнымъ, понятіе „бялйзна“ имѣетъ, однако, тѣсное и широкое значеніе, что видно изъ буднично-житейскихъ выраженій: а) „ёсь ны бялйзни, б) скидывáць бялйзну, в) сцирáць бялйзну“. Въ первомъ случаѣ разумѣется одна женская рубашка въ періодѣ регулъ, во второмъ—мужское и женское бѣлье при смѣнѣ, въ третьемъ—бѣлье и одежда въ стиркѣ. Въ общемъ „бялйзный“ приходится считать не бѣлье только, а и всѣ холстинныя издѣлія, гдѣ прошла иголка съ ниткою и гдѣ мытье и бѣленье сдѣлали свое дѣло.

77. Другое собирательное имя—„лóйно, или ланнё“—принадлежитъ связкѣ перемываемаго бѣлья; но оно одинаково относится къ вороху и складищу грязнаго бѣлья, одежды, „сцйрыкъ“ [286]) и другихъ предметовъ изъ холста, при чемъ отдѣльная вещь есть „лонйна“.

78. „Трáнты (дрáнты)—брáнты, или транцё“ составляютъ отдѣльную категорію поношенной и, отчасти, уже порванной одежды и бѣлья. Выраженіе: „тресь трáнтыми“ всегда означаетъ ношеніе порванной, не починенной одежды.

79. Доношенное до крайней возможности „транцё“ причисляется къ категоріи „шарпóцця“. Обыкновенно „шарпóцця“ не подлежитъ правильной починкѣ, т. е. тутъ не накладываются заплаты, и образовавшіяся прорѣхи наскоро заметываются, или оставляются на произволъ. Тѣмъ не менѣе „шарпóцце“ все-таки продолжаетъ носиться до послѣдней возможности.

80. Когда же такая возможность прошла, „шарпóцця“ дѣлается „старйзный“ и перестаетъ служить специальнымъ надобностямъ: холщевая „старйзна“ ожидаетъ тряпйчника, а сермяжная и шубная нѣкоторое время состоятъ безсмѣнною подстилкою въ постели, подъ кадками и на нихъ, подстилкою для новорожденныхъ животныхъ, покрышкою вспотѣвшихъ лошадей, а потомъ начинаетъ валяться на „шумéтникыхъ“, въ собачьихъ логовахъ и, наконецъ, „пы за-вгóлли“ [287]).

81. „Трапо́цця“ (отъ тряпка) имѣетъ нѣсколько значеній. Такъ, этимъ именемъ обозначается: а) собраніе тряпокъ, служащихъ стирками;—б) всякая льняная ткань, доведенная до „шарпо́цця“ и приготовленная на стирки;—в) уничижительное названіе лишней женской одежды, хотя-бы послѣдняя составляла даже праздничный нарядъ.

82. Отъ „трапо́цця“ нужно отличать „скума́цця“—небольшіе куски холста, сукна, овчины и фабричной ткани, оставшіеся обрѣзками при кройкѣ. Эти „скуматы̀“ тщательно сберегаются и идутъ потомъ отчасти на „ла̀пики“ [284]), отчасти на обшивки, на мелкіе предметы, какъ „капшу̀къ“, или служатъ „похя̀сткыми“.

Другой видъ „скума̀цця“ составляютъ одежные куски то висящіе пока при одеждѣ, то оторванные отъ нея.

83. Мелкіе куски болѣе дорогой ткани, ленты, различныя женскія украшенія и мелочныя вещицы составляютъ „пыдрыбя̀зы, пыдрыбя̀ззя“, которое копится поколѣніями и переходитъ отъ бабки ко внучкѣ. Принимаемое въ такомъ видѣ „пыдрыбя̀ззя“ составляетъ необходимую имущественную собственность каждой женщины, и владѣтельница его время-отъ-времени копошится въ многочисленныхъ узелкахъ, коробочкахъ, „пу̀шкыхъ“ [289]), перебираетъ свое „пыдрыбя̀ззя“ въ одиночку и коллективно и тѣмъ коротаетъ праздное подъ часъ время, тѣмъ болѣе, что тутъ можетъ быть широкій просторъ для личныхъ и стороннихъ воспоминаній при каждомъ предметѣ.—Обѣщаніе показать и перебирать „пыдрыбя̀ззя“ нерѣдко успокаиваетъ капризныхъ дѣтей, а послушнымъ скромникамъ бываетъ заслуженною наградою.

Кстати добавить: въ иномъ „пыдрыбя̀ззи“ можно встрѣтить весьма рѣдкіе предметы ручного и неручного производства, цѣнныя находки, состоящія изъ кла̀довыхъ монетъ, металлическихъ и костяныхъ издѣлій,—что, по справедливости, могло бы занять почетное мѣсто въ музейныхъ витринахъ... [290]).

84. Есть еще одинъ видъ складища—„мыртыхлясця, или мутрухлясця“ [391]). Оно отличается отъ предыдущаго развѣ меньшею цѣнностью собранныхъ предметовъ, тогда какъ обиліе и разнообразіе ихъ остаются тѣми. Кромѣ того „мыртыхлясця“ не подлежитъ такой охранѣ, какъ „пыдрыбяззя“, обыкновенно припрятываемое въ „кубилъ и скрыню“: по большей части, оно покоится въ мѣшкѣ, или узелкѣ, привѣшенномъ къ стѣнѣ. Въ этомъ складищѣ можно найти: матерчатые обрѣзки, клокъ шерсти, остатки недопряденной „кудѣли“, образцы льна и пеньки, различныя сѣмена въ отдѣльныхъ завязкахъ, мелкіе рабочіе предметы при женскомъ рукодѣльи и т. под. Въ свою очередь и такое складище изрѣдка подлежитъ пересмотру, хотя онъ вызывается скорѣе необходимостью разыскать нужный предметъ, чѣмъ времяпрепровожденіемъ и любопытствомъ.

85. Почти всѣ перечисленные „сховы“ и складища находятся въ исключительномъ завѣдываніи женщинъ; послѣдніе же два такъ и называются „жанόцкими“. Однако, нѣчто похожее на „пыдрыбяззя и мыртыхлясця“ имѣется и у мужчинъ,—что составляетъ неприкосновенное, совершенно особнячное складище ихъ, извѣстное подъ именемъ „пыдрыбязывъ“. Какъ естественно ожидать, тутъ собраны не пустяки какіе, а полезные подручные предметы: разные инструменты, гвозди, желѣзные куски, пружины, издѣлія изъ дерева, камни точильные, сорта сѣмянъ и проч. „Пыдрыбязы“ не подлежатъ праздному пересмотру, и послѣдній бываетъ только при отыскиваніи подходящаго, нужнаго предмета.

Кто присутствовалъ при разборѣ „пыдрыбяззя, мыртыхлясця и пыдрыбязывъ“, тотъ, несомнѣнно, удивлялся сочетанію предметовъ и безпорядочной укладкѣ ихъ. Когда идетъ раскладка предметовъ, послѣдніе, повидимому, вынимаются изъ упорядоченнаго складища; но когда тѣ же предметы кладутся обратно въ хранилище, то это дѣлается „загрёбымъ“, спѣшно, а потому предметы помѣщаются въ складище „шурымъ-бурымъ“. Слѣдуетъ оговориться,

что такой „шуръ-буръ“ присущъ всему простонародному имуществу, и чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ посмотрѣть на внутренность избы, на подворье и въ различныя хозяйственныя помѣщенія... Есть случаи, когда побывшій въ городѣ и привыкшій къ порядочности семьянинъ старается упорядочить домашній „шуръ-буръ“: всѣ его мѣропріятія считаются „выга́дыми да вымыслыми“, которымъ семьяне отказываются слѣдовать, и благое начинаніе сводится къ тому, что цивилизаторъ пристаетъ къ обычному домашнему „шу́ру-бу́ру“...

УII. Столовое и спальное бѣлье.

Столовое и спальное бѣлье слишкомъ бѣдно количественностью и разнообразіемъ: такъ первое ограничивается одною только скатертью, а второе—чуть-ли не наволочкой. Однако, въ благоустроенномъ домѣ, кромѣ этихъ предметовъ, попадается еще: постельный сѣнникъ, простыня и даже пологъ. Все это заслуживаетъ отдѣльнаго упоминанія и описанія.

86. „Ска́цирка, или убру́сыкъ“, дѣлается изъ болѣе нарядной узорной ткани, той именно, изъ которой шьются лучшіе „насѣвы“. Скатерть дѣлается по длинѣ домашняго стола; ширина же ея—два полотнища,—что въ свою очередь будетъ соотвѣтствовать ширинѣ стола, обыкновенно довольно узкаго. Въ праздничные и парадные дни скатерть разстилается по всему столу не только на время ѣды, но и помимо ея; въ будни же она, правда, находится на столѣ, но только ради прикрытія хлѣба и солонки отъ пыли, мухъ и кошекъ. Служа той и другой надобности въ теченіе приблизительно мѣсяца и перенеся множество „ка́пыкъ и пу́цикывъ“, временное за ѣдой вытиранье ложекъ и рукъ, скатерть становится грязнѣе многихъ окружающихъ предметовъ, хотя и продолжаетъ служить, почитаясь чище ихъ потому только, что лежитъ на столѣ, при „дарѣ Божьемъ“...

87. Въ мѣстахъ, близкихъ къ раскольничьимъ поселеніямъ, при парадномъ обѣдѣ, встрѣчается нѣчто похожее на пользованье салфетками, которыми здѣсь являются полотенца, обыкновенно накладываемыя хозяйкою на обѣ, спущенныя подъ столъ руки каждаго затрапезника [197]). Помимо салфеточной службы за столомъ, по увѣренію знатоковъ простонародной жизни, положенное на руки полотенце „связываетъ волю гостей и подчиняетъ ихъ хозяйской волѣ“.

Главная служба полотенцевъ, обыкновенно называемыхъ „ручникàми“, состоитъ въ вытираньи рукъ и лица послѣ умыванья. Такъ какъ руки умываются по нѣскольку разъ въ день и вытираются концами полотенца, то послѣдніе буквально чернѣютъ тогда, когда середина его чиста. По мѣрѣ дальнѣйшей службы „ручникá“, темень подымается къ серединѣ, а къ концу недѣли все полотенце становится немногимъ чище онучи: тутъ оно смѣняется и поступаетъ въ „ланнё“.

На надобности всей семьи удѣляется одно только полотенце, которое обыкновенно виситъ на срединѣ стѣны, противъ „пóлу и пылáць“, и снимается отсюда на самое короткое время. Въ баню оно не заносится: тѣло вытирается здѣсь бѣльемъ, то снятымъ, то приготовленнымъ для смѣны, чистымъ.

Тѣ же „ручникѝ“ съ узорными коймами, иногда отпущенными кистями, служатъ второстепеннымъ надобностямъ: невѣста опоясываетъ ими главныхъ сватовъ, въ числѣ „даровъ“ приподноситъ священнику; при домашнемъ траурѣ такой „ручникъ“ наполовину вывѣшивается за окно на 40 дней; имъ покрывается божница; наконецъ, „ручникъ“ служитъ однимъ изъ замѣтныхъ предметовъ, жертвуемыхъ по обѣщанію въ церкви, костелы, каплицы и на придорожные кресты.

Величина и убранство „ручниковъ“ не поддаются условной мѣрѣ: есть „ручники“ свыше 2-хъ саженной длины, при 12-ти вершковой ширинѣ, и есть такіе, что едва длиннѣе 1 арш., при 4

вершковой ширинѣ; есть „ручники“ съ бахрамой по концамъ, тканою, вышивною каймой, и есть совершенно гладкіе, безъ всякой каймы. Общимъ во всѣхъ полотенцахъ слѣдуетъ считать—ровное, безузорное тканье, какъ тканье на рубашечный холстъ.

88. „Навлéчка“ найдется при каждой постели. Если она служитъ наволочкою на подушку, то, подобно остальному бѣлью, занашивается до невозможной грязи, такъ какъ смѣняется не болѣе трехъ разъ въ году. Но не лучше судьба и той „навлéчки“, которая служитъ мѣшкомъ для сѣна и соломы и замѣняетъ подушку: она смѣнится развѣ тогда, когда начинка ея обратится въ невозможную труху, которую нужно высыпать.

Длина „навлéчки“ бываетъ отъ $1^1/_2$ до 2 ар., при соотвѣтственной ($1-1^1/_2$ ар.) ширинѣ, если только она предназначена на многосемейныя нужды; но тутъ же она легко замѣняетъ „сянникъ“ и идетъ подъ бокъ. Въ другихъ случаяхъ размѣры „навлéчки“ бываютъ нѣсколько скромнѣе, при чемъ она и наряднѣе, по крайней мѣрѣ, по краямъ идутъ узкія цвѣтныя полосы.

89. Настоящій „сяннйкъ“ бываетъ довольно почтенныхъ размѣровъ: сажень длиною и 2 ар. шириною. Онъ рѣдко набивается сѣномъ, которое хрупко и скоро „патрўшитца“ [293]); чаще всего набивкою служатъ: солома и „горóхвины“ [294]).

„Сянникъ“ составляетъ постельную роскошь, безъ которой обходится большинство: на нары постилается ржаная солома и „горòхвины“, которыя удобно служатъ спальнымъ надобностямъ.

90. Послѣдній видъ постилки вызываетъ необходимость въ „прысцинй, или прысцирàдлы“, которая, примѣнительно къ длинѣ и ширинѣ наръ, бываетъ поражающихъ размѣровъ и походитъ скорѣе на парусъ, чѣмъ на простыню. Въ крайности можно обойтись безъ простыни—и множество семей спокойно почиваетъ на незастланной соломѣ, или „горóхвиныхъ“.

91. Если возможно обойтись безъ простыни, то еще более можно обойтись безъ „кòлдры“ (одѣяла), которую, примѣнительно ко времени года и личнымъ потребностямъ, замѣняетъ лѣтняя и зимняя одежда, не только въ отлучкѣ, но и дома. Старая одежда обязательно несетъ такую службу въ самыхъ разнообразныхъ ночлежныхъ мѣстахъ—на печи, нарахъ, на землѣ, сѣновалѣ, въ овинѣ, полѣ и лѣсу, при конопасныхъ и другихъ ночлегахъ; но и новая одежда несвободна отъ одѣяльной службы, по крайней мѣрѣ, ночлежники-гости покрываются ею. Когда ночлежники спятъ „у пòкытъ“ [295]), и одною одеждою приходится покрыть двоихъ, то она обыкновенно кладется воротникомъ на ноги, а подоломъ на плечи, при чемъ, кромѣ этой покрышки, на ноги накладывается другая одежда опять же подоломъ вверхъ.

Лѣтомъ, или при комнатной духотѣ, одѣяльную службу можетъ исполнить и простыня, если таковая имѣется въ запасѣ и не употреблена на „ванзэлыкъ“.

Настоящая „кòлдра“ все-таки кое-гдѣ попадается, особенно въ мѣстахъ пришляхетныхъ. Она дѣлается изъ цвѣтной домотканки (ткань для „дрылиха и сыяна“) и „набóйки“, на подбивкѣ изъ пакли и на бѣлой холстинной подкладкѣ. Размѣры „кòлдры“ не превышаютъ размѣровъ обыкновеннаго одѣяла.

92. Гораздо чаще одѣяла и простыни можно встрѣтить пологъ, обыкновенно сшитый изъ бѣлаго, довольно грубаго холста, въ видѣ накладного на ящикъ чехла, который привѣшенъ къ балкамъ и потолку и со всѣхъ сторонъ закрываетъ постельное мѣсто. Главное назначеніе полога—защищать спящаго отъ мухъ, а потому онъ употребляется исключительно лѣтомъ: тутъ пологъ перемѣщается изъ избы то въ сѣни, то въ клѣть, то въ сарай. Въ остальное время года пологъ можно встрѣтить надъ супругами-младоженами и надъ „родихый“,—отчего послѣдняя называется „пылогóвый кумой“ [296]).—Гдѣ въ одеждѣ преобладаетъ „синяцѝна“, тамъ и спальное бѣлье приготовляется изъ синяго холста.

VIII. Прядильные матеріалы передъ прядивомъ.

Вся мѣстная домотканка строго раздѣляется на „пырця̀нину [297]) и суко̀нину“: первую составляетъ ткань изъ льняныхъ нитокъ, а вторую—изъ шерстяныхъ, даже и тогда, когда тѣ и другія нитки смѣшаны, по крайней мѣрѣ, эта ткань не имѣетъ отдѣльнаго названія. Такимъ образомъ исключительными прядильными матеріалами являются ленъ и овечья шерсть, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ и скромныхъ размѣрахъ тѣмъ же матеріаломъ бываетъ пенька, хлопчатая бумага, кроличья, козья и даже собачья шерсть,—о чемъ сказано будетъ ниже.

Когда снятый съ поля ленъ выдержалъ мочку, стилку, сушку, побывалъ потомъ въ мялкѣ и подъ трепалкою, тогда въ видѣ „вя̀зыкъ, повѣ̀сьмъ“ [298]), между прочимъ, онъ поступаетъ въ исключительное распоряженіе той женщины, которая переработаетъ его въ нитки, ткань, одежду. Первымъ приступомъ къ такой далеко некороткой работѣ является „разбо̀рка вя̀зки, или повѣ̀сма“, подъ чѣмъ нужно разумѣть развязыванье льняного кулька-сырца и раскладку льна въ подручномъ мѣстѣ, на какой-нибудь плоскости... Небезполезно будетъ присмотрѣться къ зачинающейся работѣ, тѣмъ болѣе, что, при глубокомъ вздохѣ, труженица вымолвила протяжныя слова—„блыгосло̀въ-ты [299])-ка-жъ, Бо́жухна!“—тѣ особенныя слова, которыми напутствуется безотложное рѣшеніе, трудная, дальняя дорога, невольное подчиненіе обстоятельствамъ... [300]).

Усѣвшись на лавкѣ, или на соотвѣтственной по ширинѣ и прочности скамьѣ, да подложивъ подъ себя большой деревянный гребень зубьями въ отвѣсъ съ предмета сидѣнья, будущая пряха беретъ только горсть льна и пропускаетъ ее чрезъ рѣдкіе гребневые зубья то однимъ, то другимъ концомъ, до тѣхъ поръ, пока расчесываемая горсть льна перестанетъ отдѣлять снизу гребня льняные клочья (расческа дѣлается снизу вверхъ, при чемъ всю работу справляетъ правая рука, а лѣвая придерживаетъ осно-

ваніе зубьевъ, или скидываетъ завязнувшіе клочья). Что сдѣлано съ первою „жме́нькый“, то же съ однообразною точностью будетъ сдѣлано и съ послѣдующими, пока не переберется все „повѣсмо“ и, значительно преобразованное, переложится на новое мѣсто. Отъ всей этой работы на полу подъ гребнемъ получается ворохъ вычесокъ, которыя обыкновенно переполнены кострикою. Для выдѣленія послѣдней, вычески встряхиваются потомъ при помощи веретена и, нѣсколько очищенныя, даютъ „вярьхо́вки, или верьхычись“—не особенно нѣжный матеріалъ на куделю, изъ нитей которой впослѣдствіи получается болѣе грубая ткань на будничныя надобности.

Вычесанныя льняныя горсти подвергаются новому чесанью болѣе густымъ деревяннымъ, но уже ручнымъ гребнемъ. Тутъ работа происходитъ „станько́мъ“, при чемъ льняная горсть держится на подъемѣ лѣвою рукой, и чесанье продолжается до тѣхъ поръ, пока гребень не перестанетъ отдѣлять вычесокъ. Давая болѣе нѣжные клочья льна съ меньшимъ количествомъ тонкой кострики, эти вычески, послѣ должнаго встряхиванья веретеномъ, даютъ „па́чись“—матеріалъ для тонкихъ, правда, и мягкихъ, хотя и непрочныхъ нитокъ. Полученная впослѣдствіи ткань изъ „пачиси“ идетъ, однако, на болѣе парадное бѣлье и одежду.

Вслѣдъ за этою ческой достаточно очищенный ленъ выдерживаетъ послѣднюю—ческу головными „ще́цими“, о которыхъ помянуто было выше. Въ этомъ случаѣ придерживаемая лѣвою рукою горсть льна распластывается на столѣ, лавкѣ, скамьѣ и продолжительно разглаживается, чтобы извлечь остатки кострики и измельчать волокна [301]). Незначительныя вычески со „щець“ поступаютъ „у па́чись“, а вполнѣ очищенный ленъ, подъ именемъ „ку́жиля“, даетъ первосортный матеріалъ для прядива. Гдѣ въ распоряженіе пряхи поступаетъ льна побольше, тамъ онъ сортируется по длинѣ и цвѣту, при чемъ сѣрый и синеватый „ку́жиль“

идетъ на швейныя и поясныя нитки, или же таковыя отдаются потомъ въ окраску.

Грубые хлопья съ неменѣе грубою кострикою, отдѣлившіеся изъ-подъ трепалки, даютъ „оттрéпыши“ (отрёпки), которые въ свою очередь по нѣскольку разъ встряхиваются веретеномъ, для отдѣленія кострики, и служатъ потомъ матеріаломъ для прядива нитокъ на грубыя ткани для мѣшковъ и „дяру̀гъ“ [302]) разныхъ. Невозможныя для прядива вычески смѣшиваются съ отрепками, т. е. грубыми клоками льна, отбитыми трепалкою, и поступаютъ „у пáкулля“, которымъ обыкновенно конопатятъ стѣны, или набиваютъ упряжныя подушки; у ружейныхъ охотниковъ „пакулля“ идетъ на пыжи.

Четыре вида обработаннаго льна—„оттрéпыши, вярьхóчись, пачись и ку́жиль“—даютъ полный матеріалъ для портяного прядива. Каждый видъ спрядается отдѣльно, и нитки поступаютъ на отдѣльную ткань. Правда, „пáчись и вярьхо̀чись“ кое-когда смѣшиваются въ ткани, но такого смѣшенія нитокъ не можетъ быть въ „ку̀жили и оттрéпышихъ“.

Вполнѣ готовый видъ льна сперва распластывается на плоскости, а потомъ свертывается въ цилиндрическую трубку, высота которой не превышаетъ 8 вер., при толщинѣ вер. въ 6. Послѣ этого „кудéля“ привязывается къ прялкѣ—и начинается прядиво.

Глядя на готовую „кудѐлю“, а въ особенности, на первую попавшуюся „руча̀йку“, знатоки весьма легко опредѣляютъ не только возрастъ пряхи, но и нѣкоторыя душевныя особенности ея. Такъ, „оттрéпышную кудéлю“ прядутъ: начинающія дѣвочки-дѣти, „блажныя“ и старухи. У первыхъ двухъ нитка неровна—то толще, то тоньше, у послѣднихъ, какъ отчасти и „блажныхъ“, въ нитку впрядается много кострики, хотя старухи выводятъ обыкновенно болѣе ровную нитку. „Вярьхóчисную кудéлю“ прядутъ дѣ-

вочки отъ 10 до 14 л. и пожилыя женщины съ ослабленнымъ зрѣніемъ. Первыя весьма старательно выбираютъ кострику зубами и рукою, „ращёвкывыюць“ комья и норовятъ вытянуть, по возможности, тонкія нитки, подобныя кужельнымъ: такія нитки не даютъ въ ткани горбинъ. Помимо множества кострики, у вторыхъ пряхъ комья запрядаются усиленнымъ верченьемъ промежъ пальцéвъ лѣвой руки вышедшаго комка; но пока это закончится, веретено сдѣлаетъ нѣсколько оборотовъ—и въ этомъ мѣстѣ нитка будетъ круче.—„Пáчисную кудéлю“ поручаютъ возрастнымъ дѣвушкамъ, уже начавшимъ прясть „кýжиль“, или такимъ пряхамъ, которыя отстали отъ „кужéльныго“ прядива. Равномѣрная толщина нитки, такая же крутизна ея, безусловное отсутствіе хотя бы и скрытыхъ комьевъ—вотъ непремѣнныя условія этой пряжи, кстати, весьма нѣжной и несовсѣмъ прочной. Всяческое уклоненіе свидѣтельствуетъ о какой-нибудь ненормальности пряхи, которая то задумалась, то потрясена набѣжавшею невзгодою.—„Кужéльныя кудѐля“ требуетъ опытной, молодой и живой пряхи, которою можетъ быть вполнѣ зрѣлая дѣвушка, неуходившаяся молодуха, или „дявýщія“ [303]), обыкновенно не желающая отстать отъ молодыхъ дѣвушекъ. Словомъ, за такое прядиво берутся тѣ, у кого „молодая кровь бьетъ ключомъ“, или кто хочетъ молодиться. Вспоминая про дни молодости, увядающая женщина иногда съ глубокимъ вздохомъ говоритъ, что и она „колѝ-то прáла кýжиль“... На понятномъ житейскомъ языкѣ это означаетъ, что она не только умѣла тонко и скоро прясть, но что она дѣлила особенныя и преимущественныя удовольствія „кужѐльницъ“: хаживала на посидѣлки, гдѣ, кромѣ заурядныхъ „обгòныкъ“ [304]) въ прядивѣ, пользовалась нестѣсняемымъ правомъ игръ, шутокъ въ совмѣстномъ обществѣ подругъ и парней, обыкновенно набѣгающихъ на посидѣлки. Да позволено будетъ увѣреніе, что наисимпатичныя воспоминанія каждой пряхи относятся къ той порѣ жизни, когда она „прáла кýжиль“...

Съ шерстью дѣло обходится значительно проще: она только „рызскубàитца“ [305]) и сортируется по цвѣтамъ—бѣлая, черная и сѣрая. Если подоспѣли шерстобиты, и домашняя возможность позволяетъ нанять ихъ, разбивка шерсти поручается имъ; въ большинствѣ случаевъ къ этому дѣлу призывается и старъ и малъ: дружными усиліями семьяне „рызскубýць“ и разсортируютъ шерсть, изъ которой потомъ пряха свертываетъ „вóвну“, на подобіе льняной, точно также привязываетъ къ прялкѣ, хотя тутъ же обвертываетъ холстиною, платкомъ, чтобы не распадались части „вóвны“, обыкновенно слабо держащіяся другъ съ другомъ.

„Вóвна, вòвинка“ не имѣетъ такихъ избранницъ въ прядивѣ, какъ ленъ: прядиво ея доступно всѣмъ возрастамъ, лишь бы пряха умѣла выводить ровную нитку, которая по тонкости не доходитъ до „кужéльный“, зато не спускается и до грубой „отрѐпышный“. Мягкость прядильнаго матеріала, необходимая медленность прядива и ненадобность слюны для смачиванья выводимой нитки приманиваютъ къ работѣ тѣхъ, кто полѣнивѣе да постарѣе.

Пенька цѣликомъ уходитъ на веревки, или въ продажу. Только въ домахъ мѣстныхъ рыболововъ нѣкоторая часть ея удѣляется на нитки для сѣтей [306]). Кстати примолвить: пряхи неохотно берутся за прядиво пеньки сколько потому, что послѣднюю трудно довести до мягкости льна, а еще болѣе потому, что нитки поступаютъ потомъ въ распоряженіе рыболова, а не остаются на ткацкія надобности пряхи-ткача. Поэтому, весьма часто бываетъ что пеньковое прядиво исполняютъ сами же рыболовы, т. е. мужчины, исполняютъ на обыкновенной женской прялкѣ, не хуже многихъ пряхъ.

Въ немногихъ домахъ, гдѣ водятся „трусы̀“ [307]), или гдѣ умѣютъ пользоваться козьимъ пухомъ, старательно выщипываемымъ во время линьки, прядется кроличья и козья шерсть, изъ нитей которыхъ вяжутся потомъ „испòтки“, преимущественно въ кожаныя

рукавицы. Въ виду того, что та и другая шерсть короче овечьей, и нитки предназначаются на сравнительно грубыя издѣлія, онѣ прядутся значительно толще заурядныхъ шерстяныхъ, поступающихъ на ткань.

Прядиво ваты („бавэлны“) встрѣчается такъ рѣдко, что многія пряхи не имѣютъ о немъ даже и понятія. Тѣмъ не менѣе въ при-шляхетныхъ мѣстахъ „бавэлнины“ нитки домашняго производства идутъ на утокъ, на пояса, или же изъ нихъ вяжутся кое-какія пятипалыя перчатки. Если то же дѣлается въ остальныхъ мѣстахъ, то вата для прядива не покупается, а заходитъ въ домъ какъ-нибудь случайно—находкою, подаркомъ, мѣною. Еще рѣже, да и то по суевѣрно-предразсудочнымъ побужденіямъ, прядильнымъ матеріаломъ бываетъ шерсть какой-нибудь „кўдлы“ [308]). Эта шерсть, снимаемая съ собаки съ нѣкоторою „г*и*дысцю“ [309]), проходитъ всѣ превращенія обыкновенной овечьей шерсти, пока не перейдетъ въ нитки, въ вязальныя издѣлія, при чемъ производство работы, какъ и ношенье издѣлій отличается тою же „г*и*дысцій“. Разумѣется, что ко всему этому приводитъ исключительная нужда: такъ, нитки и поясковыя тесемки изъ нихъ на рукахъ, ногахъ и шеѣ носятъ тѣ, кто перепуганъ данною собакою, или вообще боится собакъ (д. Софоненки, Пол. у.), или тѣ, у кого не остается никакихъ средствъ для удаленія ножного пота. разъѣдающаго ножные пальцы до гніенія и нестерпимаго зловонія (м. Волынцы, Дрис. у.)... [310]).

Скромное, будничное имя нитки едва-ли можетъ передать стороннему наблюдателю про обширнѣйшій кругъ дѣятельности пряхи. А между тѣмъ съ этой скромной нитки, чуть осязаемой пальцами, зачинается цѣлозимняя работа пряхи, благодаря которой сперва тучнѣетъ веретено, растутъ пудовые клубки, растягивается вдоль стѣны и на ткацкомъ станкѣ нитяная паутина, къ веснѣ создается ткань, которая къ началу лѣта преобразуется въ разнообразное бѣлое полотно, пригодное на бѣлье, одежду, скатерть,

полотенце и др. надобности. Фабричное производство ткани начинается тоже съ нитки; но эта послѣдняя, выводимая силою, превышающею сотни человѣческихъ, разойдется по фабричнымъ угламъ, гдѣ дальнѣйшую обработку она получитъ при воздѣйствіи опять той же широкой силы. И все это будетъ сдѣлано скоро, прочно и красиво! Вполнѣ тождественныя требованія поставляетъ жизнь и той „живой фабрикѣ“, которая, во чтò бы тó ни стало, должна одѣть себя, семью, или продажею своего производства сколотить кое-какія сбереженія на „приборы“, на черный день,—завести личныя деньги. Какъ она достигаетъ всего этого—видѣть нетрудно: работа „живой фабрики“ вся на виду отъ начала до конца, и чтобы обстоятельнѣе ознакомиться съ нею, стоитъ присѣсть да посмотрѣть, какъ на перемѣнныхъ мѣстахъ пряжи—на лавкѣ, скамьѣ, нарахъ, лежанкѣ, случайной колодкѣ, завалинкѣ зачинается прядиво. Благо труженица усѣлась за прялку и, держа въ лѣвой рукѣ пустое веретено, правою кладетъ на себя предработный крестъ...

Задѣлъ нитки и первое появленіе ея на веретенѣ совершаются двояко: пряха выводитъ безъ веретена кое-какую нитку вершка въ 4 и, завертѣвъ ее на тонкой оконечности веретена, продолжаетъ выводить настоящую, начальный конецъ которой она навертываетъ у веретенной пятки. Такъ зачинается всякая нитка, кромѣ „кужѐльный“, и, отчасти, „пáчисный“. Въ кужельномъ прядивѣ то же начало бываетъ нѣсколько проще: вытянутый изъ „кудѐли“ тонкій клочекъ надѣвается на ослюненную оконечность веретена шапочкою; пальцы правой руки, при неуловимомъ нажимѣ льняной шапочки, закручиваютъ веретено въ то время, когда пальцы лѣвой руки продолжаютъ вытягиванье льняного клочка. Пряхамъ-малолѣткамъ „зычинаютъ веретено“ [311]) возрастныя, или же позволяютъ имъ воспользоваться кускомъ первой попавшейся нитки, одинъ конецъ которой завертывается у веретенной пятки,

а другой, послѣ „защёвка“ [312]) на носу веретена, прививается къ „кудѐли“.

За исключеніемъ шерстяной пряжи, носъ веретена обязательно ослюнивается, при чемъ, для упрощенія дѣла, пряха беретъ его въ ротъ. Въ послѣдующее время носъ веретена не остается сухимъ, и вертящіе пальцы правой руки время-отъ-времени подносятся ко рту, чтобы принять нужную для этого слюну. Въ свою очередь, хотя и значительно чаще, ту же слюну принимаютъ пальцы лѣвой руки, безотлучно покоящіеся у „кудѐльный бырода̀“ и вытягивающіе прядильные клочья. Такимъ образомъ слюна пряхи неразлучна съ ниткою отъ „зачала“ ея и до конца. Удостовѣряютъ [313]), что это сообщаетъ ниткѣ бо́льшую крѣпость, особенно, у молодыхъ пряхъ, но тутъ же обусловливаютъ, чтобы влажная пряжа была немедленно высушена, иначе „слюна переѣстъ пряжу“. Ясно, что при продолжительной и усердной работѣ, пряха расходуетъ невѣроятное количество слюны, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если къ концу работы голосъ ея хрипнетъ, а пальцы начинаютъ принимать уже какую-то сметанистую слюну. Въ помощь дѣлу, для вызова послѣдней, пряха держитъ при себѣ клюкву, калину, рябину и бруснику, изрѣдка потребляетъ по ягодкѣ, или же отхлебываетъ глотокъ квасу и воды, кои тутъ же у нея подъ руками. Пожилыя пряхи и старухи пользуются подручною водою вмѣсто слюны, т. е. омакиваютъ пальцы въ посудину; но за то ихъ пряжа почитается ниже ослюниваемой.

Въ прядильной работѣ главнымъ образомъ участвуютъ первые три пальца обѣихъ рукъ. Оттого нижняя кожа этихъ пальцевъ невѣроятно тончаетъ за время работы, при чемъ, отъ безустанной мокроты она какъ-то жалко морщинится и получаетъ болѣзненно-бѣлый цвѣтъ... Тутъ весьма часты и весьма возможны порѣзы ниткою и уколы кострикою до крови, особенно, лѣвой руки. Къ счастью, порѣзъ и уколъ почти не вызываютъ крови, потому что эта рука всегда остается нѣсколько приподнятою

вверхъ: она только млѣетъ и обязываетъ пряху періодически опускать или потряхивать ею.

При навычной ловкости и по мѣрѣ утолщенія пряжи на веретенѣ, послѣднее дѣлаетъ достаточное верченье для вывода нитки болѣе аршина, даже при закрутѣ его раза три. Такъ бываетъ съ „вярьхо́чисій и па̀чисій“; при „оттрѐпышный“ пряжѣ да при слабыхъ силенкахъ пряхи, веретенный закрутъ даетъ возможность пользоваться имъ гораздо кратчайшіе сроки, такъ что для вывода аршинной нитки нужно крутнуть веретено разъ 10 и болѣе. Далеко не то бываетъ съ кужельною, бойко-игривою пряжею: тутъ пряха иногда только одинъ разъ крутнетъ веретено, но крутнетъ его ладонями такъ, что оно буквально зажужжитъ и дастъ несчетные обороты, пользуясь чѣмъ, она спѣшно выдергиваетъ клокъ за клокомъ и выводитъ нитку аршина въ два и болѣе, до тѣхъ поръ, пока веретенная пятка не коснется пола и не остановитъ вертящагося веретена. Съ тою же бойкостью пряха проведетъ пальцами лѣвой руки отъ середины выведенной нитки къ кудельной бородѣ,—что обязательно завершится своеобразнымъ щёлкомъ, единственнымъ въ своемъ родѣ. Не отводя далеко лѣвой руки отъ „кудѐли“, пряха тутъ же наматываетъ на разставленные пальцы лѣвой руки выведенную нитку, а правою рукою въ то же время „сощёвкывыиць“ петлю съ конца веретена, на которое немедленно же навиваетъ свѣжій кусокъ нитки. Такъ, за каждымъ новымъ выводомъ нитки растетъ и тучнѣетъ веретено, а благодаря слюнѣ и общей тяжести, оно доходитъ до фунтового вѣса и уже обрываетъ нитку. Тогда грузное веретено отнимается отъ кудели и подъ именемъ „руча̀йки“ помѣщается въ теплое мѣсто: въ „пя-чу̀рку, на загнѐту“, приставляется къ заслонѣ, печному устью, или кладется на печь, на „со́пыху“, гдѣ обыкновенно просыхаетъ лучина и „подто́па“. Въ ожиданіи товарокъ, „руча̀йка“ сохнетъ и значительно облегчается, при чемъ пряжа начинаетъ слабо дер-

жаться на веретенѣ и, при неосторожности, готова спасть съ него.

Когда наберется „ручáикъ“ пять, ихъ туго наматываютъ на первую „ручáйку“, спрядывая концы, чтобы получить непрерывную нитку. Эту работу исполняетъ сама пряха однолично, приставивъ остріе ручайки къ лѣвому плечу, а пятку ея держа на ладони той же руки; въ то же время правою рукою она наматываетъ нитки „ручайки“ на растущій все болѣе и болѣе „прóсцинь“, пятка котораго покоится на стегнѣ. Если есть возможность, то сматываемая „ручáйка“ приставляется наклонно къ оконному углу, гдѣ на подоконникѣ имѣется стародавняя ямочка для веретенной пятки, или же такую „ручáйку“ придерживаютъ дѣти—любители этого дѣла.

Для „прóсня“ употребляется наиболѣе длинное веретено. Впрочемъ, въ благоустроенномъ хозяйствѣ, для этого имѣются отдѣльныя веретена, подлиннѣе и толще прядильныхъ.

Готовый „прóсцинь“ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими продолжаетъ покоиться въ мѣшкѣ, непремѣнно въ сухомъ мѣстѣ, пока не наступитъ время навить нитки на клубокъ. Послѣднюю работу, какъ требующую значительной силы, иногда исполняютъ досужіе мужчины. Тутъ „прóсцинь“ уставляется на подоконникѣ, подобно „ручáйки“, или въ спеціальную стойку; держанье же его въ рукахъ поручается только тѣмъ, кто не станетъ зѣвать по сторонамъ и не „спýсциць прóсня“,—что крайне неблагопріятно отзывается на работѣ.—Здѣсь также стараются сдѣлать непрерывную нитку, для чего сопрядаютъ одинъ „прóсцинь“ съ другимъ и съ клубкомъ.

Кое-гдѣ „проснёвыи нитки“ наматываются на мотовило, которое бываетъ двухъ видовъ: а) лубяной сквозной цилиндръ и б) „рогýли“ [31])—двѣ струганыя палки длиною вер. въ 12, съ пробоинами посрединѣ, куда туго входитъ концами третья палка

почти аршинной длины. „Рогу́льныи“ концы направлены бывают въ разныя стороны.

Клубки и мотовила съ нитками, бережно завернутые въ холстину, или сложенные въ мѣшокъ, обыкновенно покоятся въ какомъ-нибудь сухомъ мѣстѣ. Отсюда они извлекаются лишь тогда, когда наступитъ время дальнѣйшей обработки нескончаемо длинной нитки.

Началомъ пряденья, хотя и несовсѣмъ точнымъ, слѣдуетъ считать первые дни рождественскаго поста, когда прикончится молотьба, подготовится ленъ да пройдутъ осеннія празднества и „госці́ны [315]). Прерываясь въ рождественскіе святки да въ послѣдніе дни масленицы, пряденье затягивается до половины Великаго поста, а при короткомъ мясоѣдѣ—и до Пасхи. Но та же работа послѣ Пасхи неминуемо свидѣтельствуетъ о домашнемъ замѣшательствѣ и въ общемъ напоминаетъ запоздалый отлетъ какой-либо одинокой перелетной птички... Отъ ранняго „дȯ-свицця“ [316]) до поздней ночи, съ небольшими перерывами во время ѣды и текущей хозяйственной работы, то при гнетущей тишинѣ, то подъ завыванье вѣтра и морозный трескъ, то при веселой бесѣдѣ, то подъ ругань и споръ, смѣхъ и плачъ, „вȯхи-крȯхи“ [317]) стариковъ и больныхъ, капризные дѣтскіе крики, къ которымъ присоединяются храпъ спящихъ, блеянье подпольной овцы да ягнятъ, кудахтанье куръ въ подпечьи и многое другое,—выпрядается безконечная, повидимому, нитка, та нитка, на которую такъ много ушло трудового времени, женскаго терпѣнья и, въ особенности, пряхиной слюны,—та нитка, что была свидѣтельницей многообразныхъ женскихъ думъ, житейскихъ и семейныхъ положеній пряхи, и которая потомъ одѣнетъ, отчасти обуетъ, всю семью, или, проданная, промѣненная, доставитъ труженицѣ нѣсколько копеекъ да кое-какіе „прибȯры“... Чтобы понять радость пряхи при выводѣ послѣдней нитки, нужно видѣть тѣ чисто дѣтскія продѣлки, которыми сопровождается конецъ дѣла: тутъ пряха швыряетъ сво-

бодныя веретена и послѣднюю „ручайку“ куда попало, ѣздитъ по избѣ верхомъ на прялкѣ, а если то пришлось на масленицѣ, такъ не преминетъ прокатиться на той же прялкѣ съ ближайшей горы... [318]).

X. Снова (основа).

Какъ нельзя съ точностію указать начала и конца пряденья, такъ нельзя сдѣлать того же относительно времени основы и послѣдующаго за нею тканья. Обыкновенно они слѣдуютъ другъ за другомъ, по возможности, скоро, дабы не „слёживались нитки“,— что въ среднемъ устанавливаетъ недѣльный промежутокъ, при условіи правильнаго теченія жизни. Такъ какъ конецъ пряденья является желательнымъ на масленицѣ, и многія пряхи управляются къ этому сроку, то общимъ, регулярнымъ временемъ основы слѣдуетъ считать первую недѣлю Великаго поста, по крайней мѣрѣ, большинство пряхъ дѣлаетъ ее въ это именно время.

Незнакомые съ производствомъ основы, посѣтители крестьянской избы удивятся множеству высверленныхъ на чистой „стѣнѣ“ [319]) дырьевъ, которыя правильно расположены на концахъ каждаго бревна, начиная отъ высоты лавки и кончая высотою вполнѣ возрастнаго человѣка. Если стѣна длинна, примѣрно, саж. въ 4—5, то такія же правильно расположенныя дырья будутъ и по срединѣ ея; двѣ-три дыры кромѣ того обязательно находятся въ срединныхъ бревнахъ той же стѣны, въ аршинномъ отступѣ отъ „кута́“. Все это, повидимому, нарушаетъ красоту лучшей стѣны и тѣмъ болѣе, что въ свободныя дырья почти всегда бываютъ воткнуты самые разнообразные предметы: ложка, „киселёвка“, мѣшалка, палочка, на которыя навѣшиваются не менѣе разнообразные предметы—цѣдилка, стирка, рѣшето, шапка, платокъ и проч. Въ иныя дырья втыкается тряпичный обрывокъ, клокъ шерсти, льна, вычесанныхъ волосъ, обмылокъ. Такъ бываетъ во весь круглый годъ, при самыхъ парадныхъ домашнихъ положеніяхъ.

Когда наступитъ время дѣлать основу, то дырья немедленно очищаются, очищается и вся стѣна, съ которой снимаются ручники, шапки, выбиваются временно деревянные крючья, для вѣшанья ихъ, и даже снимается лавка, если только она не прилажена къ стѣнѣ наглухо: послѣдняя остается оголенною въ буквальномъ смыслѣ, и на ней торчитъ развѣ подпотолочная полка. Тогда въ освобожденныя дырья вколачиваются полъ-аршинные колышки, спеціально предназначенные сюда и сберегаемые въ каждомъ домѣ изъ года въ годъ. Колышки удерживаютъ навиваемую основу, пока послѣдняя на стѣнѣ.

Всю работу по уборкѣ стѣны и вколачиванью колышковъ производитъ „снуваха" [320]) личными усиліями и рѣдко пользуется помощью свободныхъ прислужниковъ. Уложивъ „кросённыи клубки", или „уюшки" и мотовила на подостланную „старизну", она продѣваетъ въ „снувалку" по нити отъ каждаго клубка, связываетъ концы нитей и, надѣвъ петлей на „пычинальный коликъ", начинаетъ „снуваць", т. е. переходитъ вдоль стѣны отъ угла до угла и, при помощи „снувалки", туго накладываетъ на колышки парныя, тройныя и проч. нити зигзагами. Это метанье отъ угла до угла, при соблюденіи постепеннаго подъема и опусканія, а также и счета нитяныхъ накладокъ на колышки, составляетъ утомительно-однообразную работу, исключительную работу „снувахи". Слѣдующій расчетъ можетъ дать приблизительное понятіе о трудности такой работы. Полагая, что данная основа дѣлается на „12 стѣнъ" [321]), что разстояніе между противоположными колышками не превышаетъ 3 саж., что всѣхъ колышковъ только 13 и что ширина основы не болѣе 20 „пасымъ" [322]) (одно „пасмо" состоитъ изъ 10 „числинъ, числина"—изъ 3 нитокъ), приходится согласиться, что 600 нитей должны обойти и лечь на 13 колышкахъ и что для ординарной укладки только двухъ нитокъ сразу потребуется 12 полныхъ переходовъ, что (12 . 300) вызоветъ не менѣе 3600 метаній... Если нѣтъ свободнаго прислужника, „сну-

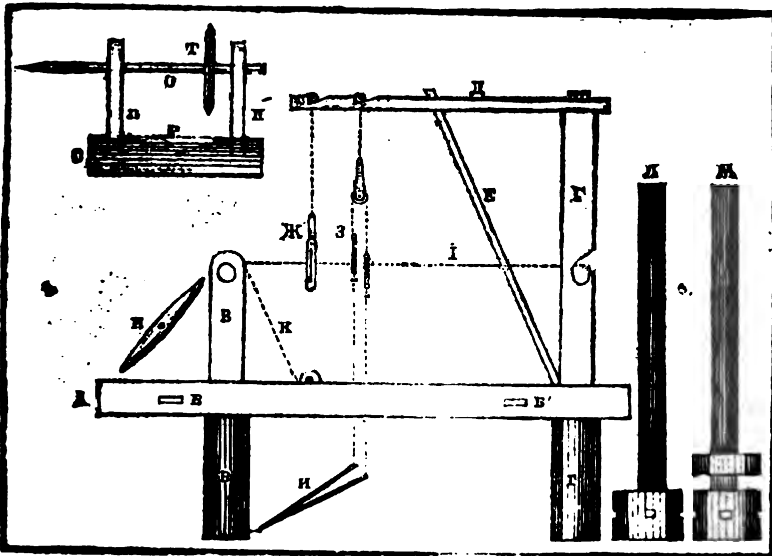
ва́ха“ время-отъ-времени должна отлучаться отъ стѣны, чтобы поправить клубки, или связать порвавшуюся нитку; тѣмъ временемъ она потеряетъ счетъ положенныхъ въ основу нитокъ, и тогда приходится сосчитывать ихъ въ цѣломъ „повѣсми“. Соглашаясь съ тѣмъ, что въ минуту можно сдѣлать 5 переходовъ, въ переводѣ на округленное время получится 720 мин., или 12 часовъ непрерывно-однообразной работы, отъ которой ноютъ ноги, млѣютъ руки, „смягнуць вусцинки“. Тягость работы увеличивается тѣмъ, что основа должна быть закончена и снята со стѣны въ тотъ же день, иначе въ нее ночью заберутся черти и перепутаютъ нитки [323]).

Завершенная основа остается нѣкоторое время на стѣнѣ для того, чтобы „обтянуться“ и чрезъ то удобнѣе сходить съ колышковъ. Снимая основу, „снува́ха“ придаетъ ей видъ тамбурной плетушки, а закончивъ дѣло, бьетъ ею по стѣнѣ троекратно [324]) и потомъ небрежно бросаетъ на полъ, какъ надоѣвшую, опостылѣвшую работу. По освобожденіи стѣны отъ колышковъ и приведеніи ея въ обычный видъ, плетушка поднимается съ мѣста и укладывается въ мѣшокъ, въ которомъ и покоится до навивки на станокъ.

Основа изъ шерстяныхъ нитокъ требуетъ тѣхъ же метаній „снува́хи“ отъ угла къ углу, тѣхъ же счетовъ накладываемыхъ на колышки нитокъ. Шерстяная ткань бываетъ значительно уже льняной, и основа для нея могла бы быть сдѣлана значительно скорѣе; на самомъ дѣлѣ шерстяная основа затягивается дольше вслѣдствіе относительной слабости нитокъ: „снува́ха“ движется медленнѣе, чтобы не порвать нитокъ, и все-таки она весьма часто принуждена бываетъ останавливать работу и связывать порвавшіяся нитки. Только „ручниковыя сно́ва“, которая на половину у́же бѣльевой и одежной, приканчивается вдвое скорѣе другихъ основъ.

XI. Навивка на ставъ (станъ).

При благопріятныхъ условіяхъ, основа навивается на кросны чрезъ недѣлю и раньше. Но эта работа такъ тѣсно соединена со станомъ, что необходимо дать предварительное описаніе мѣстнаго „кросинныго ста́ву“, кстати, имѣющагося даже въ бобыльскомъ домѣ и обыкновенно сооружаемаго личными усиліями мужчинъ, потому что одолженіе его въ пору повальнаго тканья затруднительно и приравнивается къ одолженію квашни (см. примѣч. 182). Для лучшей же наглядности, здѣсь помѣщенъ чертежъ правой стороны наиболѣе совершеннаго стана съ неизбѣжною спутницею его— „сука́лкый, сука́йлый“, находящеюся въ верхнемъ лѣвомъ углу чертежа.



(Отдѣльныя части „ста́ва и сука́лки“ [325]): а—колода, б—пробоина для „сидѣльный“ лавочки, б¹—пробоина для скрѣпы обѣихъ сторонъ стана, в—передняя плаха-стойка, г—задняя плаха-стойка, д—неподвижная перекладина, е—упорка къ ней, ж—„на́билица“,

з—„ниты зъ бирўлькыми“ надъ ними, и—„пыножй, і—„цыны“ въ основѣ, к—готовая ткань, навитая на жердочку, л—передняя „колóдка“, м—задняя „колóдка“, н—передній „потȁшвичъ“, о—плаха-колода „сукáлки“, п и п[1]—неподвижныя стойки „сукáлки“, р—корытце (выдолбъ) для цѣвокъ, с—„сцёринъ“, т—„кóло“; вертикальные „пунктиры“—тонкія веревочки къ „нáбилицѣ и нитамъ“, а отъ послѣднихъ къ „пыныжȁмъ“; горизонтальный „пунктиръ“—основа и свѣжая ткань по сю сторону берда) [326]).

Главную часть стана составляютъ двѣ равномѣрныя „колоды“ (брусья почти саженной длины и 4-хъ-вершковой толщины). Въ 4 верш. отъ заднихъ и въ 15-ти отъ переднихъ оконечностей брусья имѣютъ узкія (1 вер.), вертикальныя (5 вер.) пробоины, куда неподвижно входятъ 4 плахи, почти на аршинной высотѣ отъ основанія стесанныя въ доски, соотвѣтственно толщинѣ и длинѣ пробоинъ. Заднія плахи-доски бываютъ вышиною около 2½ арш., тогда какъ переднія едва доходятъ до 1 арш. и 10 верш. Кромѣ указанныхъ пробоинъ, въ переднихъ оконечностяхъ брусьевъ, непосредственно передъ стойками, есть еще горизонтальныя, куда довольно туго входятъ концы „сидѣльный“ лавочки; другія двѣ горизонтальныя пробоины находятся по сю сторону заднихъ стоекъ (въ 10—12 верш. отъ оконечностей): въ эти пробоины опять же довольно туго входитъ концами или тонкій брусъ, или подходящая доска,—что вмѣстѣ съ лавочкою прочно сдерживаетъ „колоды“ и, слѣдовательно, обѣ стороны стана.—Отъ вершины заднихъ стоекъ идутъ двѣ горизонтальныя перекладины, одними концами плотно прикрѣпленныя къ вершинамъ, а свободными протягивающіяся параллельно „колодамъ“, почти до переднихъ стоекъ, образуя съ задними повернутую назадъ букву г. Для прочности и большей неподвижности, перекладины и стойки соединены наклонными упорками аршинной длины, идущими отъ средины къ срединѣ, или длинными упорками, нижніе концы которыхъ туго вправлены въ углы соединеній „колодъ“ съ задними стойками, какъ на чертежѣ.

Свободные концы перекладинъ имѣютъ неглубокія вырѣзки на верхней сторонѣ: сюда накладываются жердочки, для привѣса къ нимъ „нáбилицы и нѝтывъ зъ бирỳлькыми“.

Брусья, плахи, перекладины, упорки, грузныя сами по себѣ, будучи плотно соединены лавочкою и „поперечкою“, даютъ главную основу кросенъ, и послѣднія устойчивы въ любомъ мѣстѣ. Но эту устойчивость вершаютъ еще двѣ равномѣрной длины „колодки“: одна изъ нихъ помѣщается концами въ кругообразныхъ вырѣзахъ позади заднихъ стоекъ, а другая—въ такихъ же вырѣзахъ передниxъ стоекъ, при самой вершинѣ послѣднихъ [327]). Такъ какъ стойковые вырѣзы находятся на одинаковой высотѣ, то и помѣщенныя въ нихъ „колодки“ покоятся въ станѣ на равномѣрной высотѣ.—Обѣ „колодки“ дѣлаются съ головками, длина которыхъ не превышаетъ 4 верш., при такомъ же діаметрѣ [328]). Эти головки просверливаются, или пробиваются насквозь, крестообразно, для вклада и дѣйствія „пытáшвичими“. Въ сказанномъ только и есть общее между двумя „колодками“; въ остальномъ онѣ нѣсколько разнятся: такъ, остовъ передней „колодки“ стесывается до конца, тогда какъ въ задней имѣется другая, болѣе узкая головка, то образующая съ пробоиною пазъ, то помѣщающаяся на противоположномъ концѣ „колодки“. Общая длина „колодокъ“ не превышаетъ 1 арш. и 10 верш., хотя часть ихъ между стойками будетъ не свыше 1 арш. и 4 верш.,—что вполнѣ равно разстоянію, занимаемому лавочкою и поперечиною для скрѣпы обѣихъ сторонъ стана.—Въ такомъ видѣ станъ готовъ для навивки основы, и вся работа по установкѣ его въ нужномъ мѣстѣ не превышаетъ 10 минутъ.

Пока основа покоится въ мѣшкѣ, или остается привѣшенною на время въ избѣ, „исцёпкѣ“, сѣняхъ, въ клѣти, даже въ сараѣ, устанавливается „кросинный ставъ“, круглый годъ стоявшій прежде прислоненнымъ въ углу сѣней, въ сараѣ, подъ повѣтью, или подъ широкой стрѣхой какого-нибудь строенія. Благодаря естественному

грузу, относительной крѣпости указанныхъ соединеній и широкимъ ножкамъ, станъ прочно держится въ любомъ мѣстѣ; неровности же пола, или земли легко устраняются полѣнными, досчатыми и кирпичными подкладками. Какъ бы тамъ ни было, но готовый станъ въ этомъ видѣ въ каждомъ мѣстѣ представляетъ „рыгоззё“ и въ первое время разитъ зрѣніе.

Навивка основы на заднюю „колòдку“ имѣетъ слѣдующіе подступы: прежде всего одинъ конецъ основы разрѣзается, и нитки продѣваются чрезъ привѣшенное бердо, по двѣ въ „трисцѝну“ [329]), а потомъ чрезъ „нйты“, по одной ниткѣ въ каждый; вслѣдъ за этимъ нитки перегораживаются „цынáми“—тонкими лучиночками—во всю ширину основы. Впрочемъ, послѣднее дѣлается лишь тогда, когда концы навиваемой основы, связанные по 10, примѣрно, нитокъ, прикрѣплены къ пруту и вмѣстѣ съ нимъ вложены въ продольную выбоину „колóдки“ [330]). Сказанное доселѣ о навивкѣ составляетъ наиболѣе трудную часть ея, собственно потому, что здѣсь приходится три раза продѣвать одну и ту же нитку—чрезъ бердо, одинъ и другой „нитъ“, а потомъ разъединять ихъ „цынами“ и укрѣплять къ пруту и колодкѣ,—исключительно однѣми руками. Уже послѣ этого становится необходимою сторонняя помощь: пока навивальщица накатываетъ основу на заднюю „колодку“, ея пособникъ расплетаетъ основу, слѣдитъ за правильнымъ проходомъ нитокъ чрезъ бердо, „нйты и цынѝ“, поправляетъ послѣдніе и посильно заботится о томъ, чтобы основа была, по возможности, натянута и чрезъ то ложилась бы на „колодку“, какъ можно туже. Въ этомъ періодѣ навивная работа идетъ довольно скоро, и остановки возможны развѣ при разрывѣ нитки да выправкѣ „сукурỳцины“ [331]); проходя же чрезъ равномѣрныя „трысцѝны“ берда, „нйты и цынѝ“, основа правильно укладывается на переворачиваемую „колóдку“, отъ чего послѣдняя постепенно толстѣетъ и, при длинной основѣ, въ 12 стѣнъ, сравнивается съ толщиною головки.

Когда такимъ образомъ навивка доведена до конца, остатокъ основы прикрѣпляется по сю сторону берда къ „припу̊снику", на который она надѣвается то неразрѣзаннымъ концомъ, то „па́смычкыми". Въ послѣдующее время „припу̊сникъ" входитъ въ продольную выбоину передней „колодки" и помогаетъ навертывать на нее ткань; сейчасъ же онъ находится въ 4 верш. отъ берда и прикрѣпленъ къ ней поясомъ, или тонкою веревкой. „Обѣдви колодки уту̊живыютца пыта̊швичими", однимъ концомъ вставляемыми въ колодочныя головки. Задній „пота́швичъ"—довольно длинный шестъ—концомъ упирается въ брусъ стана, подъ рукою ткущаго; передній же (н—на черт.), короткій, послѣ нужнаго поверта колодочной головки, привязывается къ тому же правому бруску. Навитая и вытянутая основа вполнѣ приспособлена къ тканью, которое немедленно же и зачина́ется.

Какъ ни проста, повидимому, навивка, она требуетъ не менѣе продолжительной работы, чѣмъ основа [332]), хотя и имѣетъ то преимущество, что можетъ оставаться недоконченною къ другому и третьему дню: ночныя шалости чертей не повредятъ навивки...

XII. Тканье.

Отъ ткацкаго станка, кратко описаннаго въ предшествующей главѣ, получаетъ свое имя дальнѣйшая работа съ ниткою, отъ основы до превращенія послѣдней въ ткань. Тогда понятными становятся будничные термины: а) „снува́ць кро́сны, б) сыма́ць кро́сны, в) ставиць кро́сны, г) виць кросны и д) ткаць кро́сны". Подъ послѣднимъ терминомъ и извѣстна собственно ткацкая работа, о которой приходится сказать сравнительно мало.

Какова ни есть уточная нитка—льняная, шерстяная, цвѣтная, гладкая, т. е. некрашеная—она должна быть одинаковой толщины съ ниткою основы, иначе получается неровная ткань, которой всемѣрно избѣгаютъ мѣстныя ткачихи. Передъ поступленіемъ въ челнокъ уточная нитка навивается на цѣвку при помощи „су-

калки, или сука́йлы“, каковая работа всегда охотно и въ перебой исполняется дѣтьми. Такимъ образомъ ткачихѣ можно работать безостановочно, если только не предстоитъ поднимать упавшаго челнока, связывать порвавшейся нитки, расправлять „су́кырытки“. Частое передвиженіе „нитывъ, цыно́въ“, поверты „коло̀докъ пота́швичими“, наматыванье ткани на скалку, какъ и пропускъ челнока сквозь основу, подъемъ и опущеніе „нитывъ“ при помощи „пыножо́въ“ [333]) и неизбѣжный ударъ бердомъ за каждою уточною ниткою—уже составляютъ необходимыя стадіи ткацкой работы, всю суть ея. При навычной ловкости, энергіи ткачихи и обязательной спѣшности работы, это дѣлается такъ скоро, что наблюдатель едва успѣваетъ прослѣживать за многообразными движеніями ткачихи, при чемъ, движеніе „слизю́тынькыго“ челнока, внутри котораго помѣщена цѣвка съ уточною ниткой, представляется чуть-ли не волшебнымъ, по крайней мѣрѣ, толчки его тою и другою рукой едва уловимы!.. Ближайшимъ образомъ ткацкая работа идетъ такъ: нажавъ, примѣрно, одинъ правый „поно̀жъ“ („поно́жу“) [334]) и тѣмъ приподнявъ соотвѣтствующій „нитъ“ вмѣстѣ съ половинною частью продѣтой сюда основы, ткачиха образуетъ отверстіе въ основѣ между бердомъ и „припу́сникымъ“; чрезъ это отверстіе справа влѣво скользнетъ челнокъ. Уловивъ его и проведенную сквозь основу нитку, она той и другой рукою нѣсколько натягиваетъ ее, пока не нажметъ лѣваго „пыныжа̀“ и не прибьетъ нитки бердомъ. Первая уточная нитка заткана, а между нею и бердомъ снова получилось отверстіе, чрезъ которое челнокъ скользнетъ обратно и проведетъ сквозь основу вторую уточную нитку: новый нажимъ праваго „пыныжа̀“, новый прибой бердомъ, и такъ до конца ткани... Только и слышны: легкій шумъ поднимаемой части основы, скрипъ неисправныхъ „биру́ликъ“ да парный ударъ берда, при чемъ, второй ударъ нѣсколько слабѣе перваго... „Мару́дныя [335]) ѐтыя работа“,—говорятъ ткачихи; но чтобы понять „мару́днысь“, стоитъ припомнить, что, при самомъ спѣшномъ дви-

женіи ткачихи, она можетъ пропустить въ минуту не болѣе 5-ти уточныхъ нитокъ на ровной ткани. Переводя это на болѣе осязательныя данныя, приходится предложить слѣдующій счетъ: въ 1 вер. „кужельный“ ткани не менѣе 50 уточныхъ нитокъ; на затокъ ихъ требуется не менѣе 10 минутъ; такимъ образомъ, чтобы соткать 12 стѣнъ (36 саж.), потребуется 288 часовъ, или непрерывныхъ 12 сутокъ!...

Такъ относительно скоро можетъ быть соткана только „кужельныя“ ткань, гдѣ нитки имѣютъ наивысшую прочность. Всѣ остальныя ткани вызываютъ довольно частыя остановки, потому что нитки ихъ скорѣе рвутся. Цвѣтныя ткани и ткани съ перемежающимися цвѣтными утоками, сверхъ того, обязываютъ ткачиху къ отдѣльному счету и къ смѣнѣ челноковъ (съ тою и другою цвѣтною ниткою). Все это значительно замедляетъ работу, и пресловутыя „12 стѣнъ“ могутъ быть закончены въ мѣсяцъ, въ два, считая рабочій день въ 10 часовъ да остановки и отлучки по хозяйственнымъ и семейнымъ дѣламъ.

Когда ткацкая работа подошла къ концу, т. е. когда „зыткáльникъ“ на временныхъ привязяхъ подошелъ къ „нітымъ“, при чемъ ужé вынуты и „цыны“, тканье почитается оконченнымъ: ткачиха спѣшно отнимаетъ прутъ, выдергиваетъ остатокъ основы изъ „нітывъ“ и берда и спѣшно заплетаетъ „пáсмы“ при концѣ ткани, а остатки основы, вершка въ 4, также спѣшно отрѣзаетъ. Непосредственно за симъ она начинаетъ буквально неистовствовать, подобно тому, какъ и при окончаніи прядива: разбрасываетъ по избѣ „припýсникъ, зытыкальникъ, пытáшвичи, пáбилицу, ниты, бирульки, пыножй“, бердо, шесты, челнокъ, цѣвки, а потомъ ѣздитъ верхомъ на одной и другой „колодкѣ“ по избѣ, сѣнямъ, по двору [326]), подобно тому, какъ дѣти ѣздятъ на палочкахъ и хворостинахъ... Правда, такое поведеніе ткачихи имѣетъ суевѣрную подкладку; но его хочется приравнить къ тому состоянію насѣдки, когда послѣдняя, сорвавшись съ гнѣзда послѣ утомительнаго си,

дѣнья, спѣшитъ размяться—мечется въ стороны, купается и вообще исполняетъ наскоро многоразличныя движенія.

Только что законченная ткань и грузныя кросны остаются нѣкоторое время въ томъ видѣ, въ какомъ покинула ихъ ткачиха, т. е. ткань частью безпорядочно виситъ на передней „колодкѣ", а частью лежитъ на полу между кроснами, кои на этотъ разъ высматриваютъ какъ-то особенно жалко. Въ такомъ положеніи кросны, новый холстъ и другіе предметы не остаются даже на часъ: ткань свертывается въ „трубку", поднимаются разметанные предметы, а кросны разбираются и уносятся на свои обычныя мѣста.

Слѣдуетъ дополнить, что для бѣленья и вообще удобнѣйшей управки съ тканью, послѣдняя дѣлится на „скуты" [237]) при самомъ производствѣ ткацкой работы; такъ 12-ти стѣнная ткань будетъ имѣть около 4 „скутовъ", гранью между которыми служитъ уточный пропускъ въ четверть вершка. Когда „скутъ" отрѣзанъ, концы его кое-какъ зарубаются, или заметываются черезъ край, чтобы ткань не распускалась при бѣленьи, или какъ сукно, при валеньи.

Чисто суконная и даже смѣшанная (шерстяная и льняная нитка) ткань можетъ быть сработана руками не одной ткачихи; за то всякая льняная ткань отъ зачальной нитки въ прядивѣ и до укладки послѣдней уточной на кроснахъ обязательно производится руками одного лица. Если прислушаться къ существующимъ на этотъ счетъ увѣреніямъ, то выходитъ, что такая ткань будетъ „спорка, носка, не отойдетъ отъ дома", ее не будутъ портить мыши, моль и проч. Но всѣ эти убѣдительныя увѣренія только маскируютъ приторное отношеніе къ ослюненной ниткѣ, по которому, напр., родная мать неохотно тчетъ выпряденныя дочерью нитки, и наоборотъ.

Пока нитки и ткань не вѣдались съ бѣленьемъ, онѣ называются „суровыми" и въ этомъ состояніи служатъ многообразнымъ

лѣчебнымъ надобностямъ; въ особенности важны отрѣзанные концы основы: повязкою порѣзаннаго пальца останавливается кровотеченіе, успокаивается ломота, треніемъ и повязкою молодого животнаго предупреждаются или излѣчиваются „суро́цы“,—накладкою въ видѣ корпіи, успѣшно заживляются раны и проч. Но самымъ дорогимъ „су́ровыхъ концо́въ“ почитается то, что они даютъ наилучшій матеріалъ для „обыдённика“ [338]). Обыкновенно дѣти развертываютъ эти „концы“ и раздираютъ въ клочья, подобно шерсти: изъ такой „куде́ли“ прядутся нитки, которыя потомъ идутъ на отдѣльную ткань, или плетенье.

Другимъ не менѣе цѣннымъ продуктомъ тканья является „пу́хликъ“—довольно нѣжный пушокъ, обильно отдѣляющійся отъ нитокъ при движеніи берда и „ни́тывъ“, и наслоившійся подъ кроснами. „Пу́хликъ“ собирается и хранится для тѣхъ же лѣкарственныхъ надобностей, что́ и „концы“, и изъ него получаются нитки для „обыдённика“. Къ сожалѣнію, цѣлительная сила „концовъ и пу́хлика“ дѣйствительна до того времени, пока ткань не поступила въ бѣленье,—ослабляется по мѣрѣ бѣленья и совершенно пропадаетъ, когда ткань поступила на одежду... [339]).

XIII. Обработка ткани.

Единственною послѣдующею обработкою льняной ткани служитъ бѣленье „скуто́въ“, а шерстяной—войлоченье ея. То и другое дѣлается просто, домашними усиліями, хотя войлоченье въ сукновальняхъ бываетъ исправнѣе и предпочитается домашнему.

Подъ безразличнымъ именемъ „бѣли“ [340]) льняная ткань въ „скута́хъ“ прежде всего варится и прѣетъ въ жаркомъ щелокѣ не менѣе сутокъ, а потомъ разстилается на открытомъ мѣстѣ по травѣ, въ направленіи отъ востока къ западу, подъ солнечнымъ припекомъ: время-отъ-времени высохшая „бѣль“ снова поливается щелокомъ, или омакивается въ него, и потомъ снова же разсти-

лается. Такъ, чередуясь съ прѣніемъ въ жаркомъ щелокѣ, мочкою, поливкою и разстилкою, новая „бѣль жлýкцитца“ [341]) съ недѣлю и только послѣ этого вымывается и колотится валькомъ въ открытой, чистой водѣ, чему, однако, предшествуетъ мочка ткани, здѣсь же. Когда разъѣдающая ткань „жлýкта“ (она же—„лугъ“) удалена, тогда начинается второй періодъ обработки, во время котораго „бѣль бѣлитца“, т. е. несчетное число разъ омакивается въ чистую воду, поливается ею, разстилается, перевертывается, выдерживаетъ ночную росу, дождикъ и проч. Такая работа довольно продолжительна: начинается она съ конца апрѣля, а заканчивается въ началѣ іюня, и стоитъ въ зависимости отъ вёдреныхъ дней въ это время. Усердно-продолжительное бѣленье касается наиболѣе тонкихъ, или узорныхъ тканей—„кужéльныхъ и пáчисныхъ“—да и тѣ окончательной бѣлизны достигаютъ въ одеждѣ и бѣльѣ, послѣ неоднократной стирки; ткань „вярьхóчисныя и оттрéпышныя“, какъ болѣе слабая, не можетъ выдержать такого бѣленья, а какъ грубая, идущая на послѣднія надобности, даже и не требуетъ его: достаточно вымыть ткань раза два въ открытой водѣ, выколотить валькомъ и высушить привѣсомъ на изгороди, подобно бѣлью. Точно также слегка перемывается и всякая цвѣточная ткань, чтобы не отмыть краски. Такъ и иначе изготовленная „бѣль“ скатывается при помощи валька и каталки въ увѣсистыя „трýбки“ и до надобности покоится въ складищѣ, составляя „добро“ [342]) даннаго хозяйства, показной предметъ рукодѣльницы и наслѣдственное достояніе, потому что, скопляемыя „трубки“ могутъ спокойно вылеживать десятки лѣтъ.

Обработка шерстяной ткани значительно легче и скорѣе: представляется затрудненіе войлочить и ворсировать ее въ сукновальнѣ, то и другое можно сдѣлать дома. Ткань помѣщается въ ступу, или корыто, поливается время-отъ-времени жаркою водой и подвергается дѣйствію нѣсколькихъ ручныхъ толкачей. Послѣ 3—5 толченій сукно значительно свойлочится, по крайней мѣрѣ,

нитки перестаютъ расходиться. Ворсировка же достигается продолжительнымъ чесаньемъ мокрой ткани „щѐцими“, или скребницею. А чтобы ткань не садилась, ее растягиваютъ вдоль стѣны и прибиваютъ въ разныхъ мѣстахъ гвоздями, или же туго накатываютъ на скалку. При всемъ томъ, узкая сама по себѣ шерстяная ткань (400 нитокъ въ основѣ), еще болѣе съуживается отъ войлоченья и теряетъ почти пятую часть уточной ширины. Можно утвердительно сказать, что вполнѣ готовая шерстяная ткань рѣдко превышаетъ 12-ти-вершковую ширину.—Въ увѣсистой „трубкѣ“ готовое сукно покоится рядомъ съ льняными тканями.

Смѣшанная ткань (льняная и шерстяная), предназначаемая обыкновенно для верхней одежды, войлочится слегка, исключительно домашними средствами; но та же ткань, приготовленная на „дрылихъ“, остается безъ войлоченья, потому что уточная окраска можетъ слинять, да и не нужна грузная ткань для такой одежды, какъ „дрылихъ“.

Льняная „синяцѝнная“ ткань получается двояко: или а) нитки предварительно красятся въ синильномъ заведеніи, или б) туда отдается готовая и, отчасти, выбѣленная ткань; тутъ она то окрашивается въ ровный цвѣтъ, то набивается узорами и полосками. Шерстяная „синяцѝна“ получается отъ окраски вполнѣ готоваго, т. е. предварительно свойлоченнаго и сворсированнаго сукна. Какъ бы ни была сработана та и другая ткань, она не вѣдается съ указанною выше обработкой: льняная „синяц*и*на“ долгое время носится даже безъ обычной бѣльевой мойки, и послѣднюю, весьма легкую, вызоветъ развѣ крайнее загрязненіе бѣлья и одежды; старательнѣе вымывается она уже на закатѣ службы, когда приблизятся къ „стар*и*зни“ и значительно выцвѣтетъ... Суконная „синяц*и*на“, какъ и всякая „сукóнина“, не знаетъ даже и такой перемывки: единственными мойщиками ея бываютъ—дождь и слякотный снѣгъ, а сушильщиками—теплая изба, баня, открытое на-

дворье, или же выдержка мокрой „сукóнины“ на себѣ, въ той увѣренности, что „Богъ вымочилъ—Богъ и высушитъ“... [343]).

Для мелкихъ, часто щегольскихъ издѣлій, подготовляется „синь и красъ“ [344]), подъ чѣмъ слѣдуетъ разумѣть синія, красныя, желтыя, зеленыя и другихъ цвѣтовъ нитки, окрашенныя въ красильныхъ заведеніяхъ, а больше — домашними средствами. Мѣстныя рукодѣльницы достаточно знакомы съ окрашиваньемъ и умѣютъ сдѣлать это довольно прочно. Такъ, остатки яичной краски изъ сандала могутъ служить для полученія розовой краски; изъ настоя шелухи лука получается кирпичная краска; кора „крушинника“ [345]), или цвѣтъ „дивáнны“ [346]) даютъ нѣжно-канарейчатую краску, отваръ молодыхъ листьевъ березы—зеленую и проч. [347]). Какая краска удобнѣе пристаетъ ко льну, какая къ шерсти, какъ предупредить, такъ называемую, выцвѣтаемость—составляетъ секретъ деревенскихъ красильщицъ.

Приглядываясь къ большинству домотканокъ, особенно, на будничной одеждѣ, не приходится сказать похвальнаго слова мастерицамъ: ткань груба, неровна, недостаточно выбѣлена, или свойлочена. Зато на праздничной, щегольской одеждѣ удается видѣть такую ткань, производство и обработка которой могутъ спорить съ фабричными, и не хочется вѣрить, что она сработана толстокожими пальцами, вѣдавшимися съ „оттрѐпышими“,—сработана на грубомъ „крòсиннымъ стáву“. Къ сожалѣнію-ли, нѣтъ-ли, но только размножающіеся дешевые ситцы и вообще бумажныя фабричныя издѣлія остановили дальнѣйшій ростъ и производство чудныхъ домотканокъ, которыя, для личныхъ нуждъ, пока-что выдѣлываются въ западной части губерніи. На этихъ тканяхъ все-таки можно видѣть слѣды и предѣлъ терпѣливаго, умѣлаго производства мѣстныхъ работницъ.

Кто потрудился прослѣдить работу „живой фабрики“ отъ „задѣла кудéли“ до укладки вполнѣ готовой „трубки“ въ складище, кто далъ всему производству надлежащую оцѣнку, тотъ

поймет, во что обходится местная одежда, часто для порядочной семьи сооружаемая однѣми руками,—поймет единственный въ своемъ родѣ глубоко-сердечный вопль и отчаянное сѣтованіе, когда безпутный мужъ или сынъ пропьетъ, промотаетъ одежду,—не осудитъ „неразумной бабы“ [348]) за голошенье съ причитаньями, какъ надъ покойникомъ, когда злодѣйская рука посягнетъ на „скуты, трýбки“ и одежду! [349]) Вѣдь тутъ вопитъ, сѣтуетъ и голоситъ труженица, понесшая неустанный семи-мѣсячный трудъ въ связи съ многочисленными физическими и нравственными ограниченіями... Въ то же время нельзя осудить горделивой радости „неразумной бабы“, когда она раскладываетъ передъ „сястрицыми [350]) трýбки“, показываетъ таковыя присяжнымъ сватамъ, какъ приданое, или когда видитъ, что старъ и малъ въ семьѣ одѣты плодами трудовъ ея,—что, кромѣ убранства стола скатертью, божницы—ручникомъ, плоды трудовъ красуются тамъ, гдѣ возносится общая молитва къ Подателю благъ!..

XIV. Рабочіе предметы при ткани, одеждѣ, обуви и украшеніяхъ.

Въ различныхъ мѣстахъ отдѣла и раньше уже́ упомянуто было о нѣкоторыхъ предметахъ, служащихъ при производствѣ ткани, сооруженія одежды, обуви и украшеній; къ сказанному остается сдѣлать лишь немногія дополненія. Но и тѣ предметы, о которыхъ будетъ упомянуто впервые, только въ незначительномъ составѣ могутъ почесться спеціальными; большинство же ихъ оказывается съ многостороннею примѣнимостью, съ неопредѣленною спеціальностью, и въ этомъ случаѣ нелегко разобраться, гдѣ первичная и гдѣ второстепенная служба предмета. Стоитъ, напр., припомнить стригольныя ножницы для овецъ, безспорно, спеціальныя даже по внѣшнему строенію. Казалось бы, отслуживъ краткосрочную службу разъ-два въ году, имъ можно покоиться больше остальныхъ предметовъ; а между тѣмъ житейская нужда тамъ и

здѣсь призываетъ ихъ къ далеко несродной службѣ: мужчины пользуются ими, когда нужно „подсѣчьца“ [351]), взамѣнъ шила острымъ концомъ просверливаютъ незначительныя дырья, вмѣсто циркуля дѣлаютъ кружки для экипажнаго узора (въ спинкѣ и головкахъ саней), отрѣзаютъ лапотныя отрёпки, надоѣдливый „скумàтъ“ и мн. др.; тѣ же ножницы у женщинъ полностію замѣняютъ швейныя (при кройкѣ, отрѣзахъ), концами ихъ протыкаются и прорѣзываются одежныя петли, „скурыцяны̀и гу̀зики“ [352]), при помощи лезвія „скрибѐтца бу̀льба“, или, взамѣнъ ножа, тотъ и другой конецъ избороздитъ зудящую голову „сястрѝцы, дочу̀шки, мамки“, когда тѣ обоюдно „ищутца, сòчутца“... [353]). Если, примѣнительно къ сему, разсмотрѣть разнообразную службу поясного „нòжика“ у мужчинъ, то скорѣе трудно будетъ указать область, гдѣ нѣтъ мѣста его службѣ: несчетно служа при удовлетвореніи первой жизненной потребности—ѣдѣ, „нòжикъ“ состоитъ неразлучнымъ орудіемъ при хозяйственныхъ подѣлкахъ, гдѣ замѣняетъ топоръ, долото, буравъ, стружокъ, столярную циклю, а музыкальные мастера имъ же сооружаютъ скрипку и дуду „себѣ на славу и добрымъ людямъ на потѣху“...

Разумѣется, всѣ подобные предметы могутъ быть помянуты и разсмотрѣны не въ одной урочной категоріи, а тамъ, гдѣ сказывается болѣе замѣтная служба ихъ, или гдѣ они чаще подъ руками.—Въ настоящей главѣ подходящіе предметы займутъ мѣсто лишь послѣ чисто спеціальныхъ, между которыми состоятъ:

1. Деревянная „пра̀лица“, состоящая изъ двухъ неравныхъ досокъ, соединенныхъ между собою подъ прямымъ угломъ, при чемъ, во время пряденья, бòльшая доска занимаетъ вертикальное, а меньшая—горизонтальное положеніе: на послѣдней обыкновенно сидитъ пряха. При ближайшемъ разсмотрѣніи досокъ обнаруживается слѣдующая разница: начинаясь вверху довольно тонко и имѣя равномѣрную ширину до перехвата [354]), вертикальная доска постепенно утолщается къ основанію въ то же время, ниже пере-

хвата, она постепенно суживается такъ, что въ основанiи имѣетъ только треть и менѣе вершинной ширины. Въ свою очередь и горизонтальная доска въ соединенiи имѣетъ наименьшую ширину, хотя и наибольшую толщину, а потомъ постепенно расширяется и тончаетъ. Большинство мѣстныхъ прялокъ, кстати, сработанныхъ, по возможности, легко (наиболѣе грузная вѣситъ 3 ф.), не имѣетъ постепеннаго утолщенiя досокъ, а въ той и другой, при соединенiи, во внутренней сторонѣ, сдѣлано по нѣсколько „уступцывъ“ [355]), напоминающихъ крыльцовыя ступеньки. Это отчасти краситъ прялку; но мастера стараются дать ей и дальнѣйшiя украшенiя: такъ вершина стойки и конецъ сидѣнья имѣютъ изгибистые вырѣзы, а часть стойки, ниже перехвата, имѣетъ сверхъ того правильные вырѣзы съ обѣихъ сторонъ. Совмѣстно съ этимъ верхняя часть стойки, имѣющая до перехвата не менѣе 10 верш., дѣлается съ пробоиной посрединѣ и 3—4-мя зарубками по тому и другому ребру: въ пробоину вдѣвается веревочка арш. въ 2, которая по сю сторону стойки задерживается глухимъ узломъ и служитъ для увязки „кудѐли“, а реберныя зарубки удерживаютъ веревочку. По мѣрѣ уменьшенiя „кудѐли“ веревочка перемѣщается и стягиваетъ остатки пряжи.

Обыкновенно стойка и сидѣнье соединяются толстыми концами: въ послѣднемъ дѣлается пробоина, въ которую наглухо входитъ и задѣлывается конецъ стойки. Но такая прялка всегда уступаетъ самородку, который нарочно разыскивается въ лѣсу. Тутъ стойкою является истесанный стволъ дерева, а сидѣньемъ—соединенная съ нимъ часть корня. Правда, розыскъ и, въ особенности, обработка прялки („кыпыня̀, кыпынца̀“) [356]) значительно труднѣе; за то она болѣе противостоитъ всевозможнымъ невзгодамъ, а масленичное катанье на такой прялкѣ гораздо удобнѣе и не приноситъ ей поврежденiя...

Сооруженiю прялки и стройной обработкѣ ея отдается наиболѣе лучшее время изъ жизни парня, къ которому онъ прила-

гаетъ всю свою мастеровую снаровку, потому что большинство прядокъ есть рукодѣльный даръ преднолагаемаго жениха невѣстѣ, любящаго брата—сестрѣ. Но какъ изящно ни сработана прялка, она не окрашивается, подобно кроснамъ, хотя отъ времени и пріобрѣтаетъ кое-какой мутный, неопредѣленный цвѣтъ, даже глянецъ, какъ пріобрѣтаютъ ихъ многіе предметы, вѣдающіеся съ избяною копотью, заносомъ пыли и пачканьемъ мухъ, потому что въ свободное время (отъ Великаго поста до заговѣнья 14 ноября) она ютится на „горѣ“ [357]), или воткнута будетъ въ какую-нибудь щель между разошедшимися стѣнными бревнами сѣней, клѣти, „исцёпки“, гдѣ къ омутнѣнію ея есть достаточно причинъ...

Въ переживаемое время традиціонная прялка начинаетъ вытѣсняться изящною, легкою и по цѣнѣ доступною самопрялкою, такъ обильно сбываемою захожими токарями на базарахъ и ярмаркахъ, и не найдется, пожалуй, деревни, пригороднаго и примѣстечковаго дома, гдѣ не было бы самопрялки, съ которою знакомы даже начинающія пряхи. Въ воспоминаемое же время самопрялка составляла такой диковинный, рѣдкій предметъ, что для осмотра ея, какъ и прядива на ней, стекались близкія и окрестныя пряхи. При этомъ, зрители не хотѣли вѣрить въ прочность нитокъ, которыя бывали недостаточно ослюненными и не вѣдались съ навивкою на веретено, хотя тутъ же и отдавали уваженіе тонкой, ровной и спѣшно выводимой ниткѣ.

2. Нераздѣльно съ прялкою состоитъ „вирьцянó“—то отструганное ножомъ изъ березоваго, ольховаго и кленоваго дерева, то сработанное на кружалѣ, или при помощи „смычкá“ [358]). Первое бываетъ грузно, криво и шероховато, несмотря на шлифовку ножомъ и ребромъ стекла, второе—всегда ровно, гладко и изящно: постепенное утолщеніе веретена и, въ особенности, токарно-вырѣзные, или нажимочные черные кружки [359]) дѣлаютъ его даже красивымъ.

Длина прядильнаго веретена колеблется между 6-ю и 8-ю вершками; длина же „проснёвыго“ веретена и веретена для сученья ниток доходитъ до 10 вершковъ.

Кромѣ обычной службы веретено употребляется при закалываньи поросятъ: острый конецъ его стремительно проходитъ въ грудную полость и помогаетъ убить животное почти моментально. Если присоединить къ сему встряску выческовъ, проколъ ткани для петли да пользованіе веретеномъ при выворотѣ и очисткѣ тонкихъ кишекъ для колбасъ, вмѣсто подходящаго прута, то будетъ исчислена вся главная и сторонняя служба веретена, внѣ которой оно покоится въ веретенной связкѣ вмѣстѣ съ товарищами тѣ же сроки и въ тѣхъ же мѣстахъ, что и прялка.

3. Для удобнѣйшаго сматыванья „ручáикъ“ на „прóсцинь“ и, въ особенности, послѣдняго на клубокъ и мотовила, въ запасливыхъ домахъ имѣется „стойка“—деревянное сооруженіе, предназначенное для установки въ немъ веретена съ пряжею. Основаніе стойки состоитъ изъ 10-ти-вершковой грузной плахи, лежащей плоскою стороной; въ концы верхней округлой стороны плахи прочно вдѣланы два колышка верш. въ 6 длиною, соединенные вверху горизонтальною перекладиной. Въ разныхъ мѣстахъ послѣдней дѣлаются сквозныя дырочки, для прохода тонкаго конца веретена, а противъ нихъ небольшія углубленія въ плахѣ, для установки веретенной пятки. Той же цѣли, съ неменьшимъ удобствомъ, служитъ дѣтская „садибка“ [360]) и даже рѣдкое рѣшето. Въ послѣднемъ веретенная пятка входитъ въ какое-нибудь очко, а острый конецъ кладется въ наклонномъ положеніи на ребро рѣшетной рамы [361]).

4. Нитки наматываются на клубокъ и мотовила при посредствѣ юрка (вьюрка)—4-хъ вершковой тонкой цилиндрической палочки. Въ полвершкѣ отъ того и другого конца дѣлаются надрѣзы палочки до половины ствола, но въ противоположныхъ другъ отъ друга направленіяхъ, и просверливаются тонкимъ шиломъ

по сердцевинѣ только до надрѣза. Входя въ юрокъ съ одного конца и обойдя половину ствола его изгибомъ, нитка выходитъ въ противоположный конецъ. Проходъ нитки чрезъ тонкія дырочки юрка, при извѣстномъ нажимѣ на нитку пальцевъ правой руки, дѣлаетъ то, что нитка туго наматывается на клубокъ, или мотовило, расправляются нитяныя „сỳкырытки“ и выпадаетъ мелкая кострика, такъ и иначе вошедшая въ нитку.

5. Въ концѣ IX гл. о „ниткѣ“ сказано было, что вполнѣ готовыя нитки переводятся на клубки и мотовила, которыми бываютъ „уюшки и рогỳли“. Къ этому слѣдуетъ добавить, что для кросинныхъ собственно надобностей нитки наматываются на клубки и „уюшки“; на „рогỳли“ же—тѣ нитки, что предназначаются въ окраску, или нитки сучёныя. Къ слову объ „уюшкахъ“ нужно присоединить, что на нихъ не „слѐживаются“ [362]) нитки, какъ въ клубкахъ, быстрѣе наматываются и сматываются. Поэтому, при подходящей возможности, въ ткацкомъ хозяйствѣ обзаводятся нѣсколькими „уюшками“, на сооруженіе которыхъ идетъ свободный лубокъ изъ саней, старой „лỳбки“, или же обездонѣвшая „липывка“.—Въ среднемъ „уюшка“ представляетъ сквозной цилиндръ, высота котораго не превышаетъ 8, а діаметръ 5 вершковъ.

6. При основѣ рѣшительно нельзя обойтись безъ „снувàлки“—тонко сработанной деревянной лопаточки, наибольшая длина которой не превышаетъ 6 вер., изъ коихъ свыше 4 вер. занимаетъ рукоять „снувàлки“. Широкая сторона послѣдней ($1^1/_2$ вер.) имѣетъ 5 тонкихъ сквозныхъ дырочекъ—4 въ угольныхъ оконечностяхъ, а 5-ю въ срединѣ ихъ. Какъ видно было раньше, „снувàлка“ помогаетъ накладывать нитки основы на колышки.

7. Уточныя нитки навиваются на „цѣвку“—тонкую, сквозную трубочку, длиною верш. въ 4. Повсюднымъ матеріаломъ для цѣвокъ служатъ: стебли малинника, молодые побѣги калины, клена и—рѣдко, почему-то неохотно—подходящія колѣнья тростника. При помощи тонкаго прутика мягкая сердцевина малинника, ка-

лины и клена довольно скоро выдавливается, даже дѣтьми, а потому запасъ цѣвокъ почти всегда превышаетъ надобность, при чемъ, цѣвки изъ малинника являются преобладающими. За неимѣніемъ подъ руками малинника, довольствуются для той же надобности цѣвками изъ ствола чернобыльника.

Когда нитка навита на цѣвку до размѣровъ внутренней челночной ширины, готовая „уто́чка“ [363]) продѣвается тонкимъ деревяннымъ прутикомъ и помѣщается въ челнокъ, при чемъ, удлиненные концы прутика довольно свободно входятъ въ угловыя углубленія челнока съ внутренней стороны, гдѣ удобно вертятся при раскрутѣ „уто́чки“.

8. Для навивки уточной нитки на цѣвку единственнымъ снарядомъ бываетъ „сука́лка“, или „сука́йла“, которая имѣетъ слѣдующее построеніе: основаніемъ „сука́лки“ служитъ 10-ти вершк. плаха—„коло́да“, при радіусѣ въ 3 верш., обращенная округлою стороною кверху (на черт.—о), въ срединѣ которой есть выдолбленное по длинѣ цѣвокъ корытце (р); оно можетъ вмѣстить до 10 свободныхъ цѣвокъ и одну-двѣ „уто́чки“. Въ оба верхніе конца плахи вставлены неподвижныя стойки въ 8 верш.; (п и п'), при самой вершинѣ просверленныя насквозь: сюда входитъ „сцёринъ“ (с)—гладкая палка, общая длина которой около 11 верш., съ пазами въ тѣхъ мѣстахъ, что̀ входятъ въ колонныя пробоины. По выходѣ изъ пробоины, лѣвый конецъ „сцёрина“ постепенно утончается и принимаетъ видъ острой оконечности веретена: сюда именно надѣвается цѣвка; а чтобы она не спадала при верченіи „сцёрина“, то на послѣднемъ, передъ цѣвкою, прочно привязанъ короткій (вер. въ 3) снурочекъ, конецъ котораго накладывается на вздѣтую цѣвку и сначала осторожно завивается; послѣ этого верченье идетъ скорѣе. Готовая „уто̀чка“ сдергивается со „сцёрина“ и поступаетъ по принадлежности. Главная же часть снаряда есть „ко́ло“ (т)—досчатый кружочекъ съ діаметромъ около 5 верш., съ пробоиною въ центрѣ, чрезъ которую проходитъ „сцёринъ“.

Въ 2 вер. отъ правой стойки „кóло“ неподвижно держится на „сцёрину“.—Весьма рѣдко бываетъ, что „кóло“ дѣлается заново: по большей части, имъ бываетъ старое дно шайки, или небольшого боченка, но не ведерное, которое въ данномъ случаѣ велико, а главное—составное, не цѣльное.

Таково въ общемъ построеніе „сукàлки“, совершенно необходимой при ткацкой работѣ. Незначительными уклоненіями отъ этого можно назвать: отсутствіе въ нѣкоторыхъ „сукáлкыхъ“ корытца да положеніе „кола“ на „сцёрину“, особенно, когда расшатались скрѣпы, выпали клинья: тогда, наскоро приходится утверждать его въ случайномъ мѣстѣ.

Когда цѣвка надѣта на „сцёринъ“ и закрѣплена снурочкомъ, навивальщикъ сплевываетъ въ правую горсть свою и влажною ладонью ведетъ поперекъ „сцёрна“, сверху внизъ, отчего послѣдній вмѣстѣ съ „кóлый“ приходитъ въ вращательное движеніе, и такъ до конца навивки; сторонній зритель только и видитъ—верченье колеса, стержня и „утóчки“, движеніе правой руки сверху внизъ, періодическое поплевыванье въ правую горсть, а изрѣдка—и въ колонныя пробоины, если здѣсь начался „скрипъ несмазанныхъ колесъ“, да слышитъ шумъ и трескотню, напоминающіе мельницу... Тѣмъ временемъ лѣвая рука навивальщика безотлучно придерживаетъ цѣвку и направляетъ на нее навиваемую нитку.

Если нѣтъ дѣтей—всегдашнихъ любителей „сучйць цѣвки“, эту работу исполняютъ сами ткачихи и даже солидные мужчины съ неизмѣннымъ поплевываньемъ въ горсть и стойковыя пробоины... [364]).

Кромѣ спеціальнаго назначенія, „сукàлка“ служитъ для сученья небольшихъ трощеныхъ нитокъ и снурковъ, когда тò нужно сдѣлать наскоро, неожиданно. Все остальное время она покоится въ полномъ забытьи гдѣ-нибудь въ углу подъ лавкою, подъ „пóлымъ“, или на чердакѣ.

9. При описаніи кросенъ упомянуто обо всѣхъ частяхъ ихъ и о сподручныхъ предметахъ, необходимыхъ при ткацкой работѣ. Къ этому остается кое-что прибавить о сооруженіи „нйтывъ“, которые для всякой ткани вяжутся изъ крѣпкихъ сученыхъ ниток на широкой (2 вер.) длинной дощечкѣ, подобно сѣти [365]), и состоятъ изъ двухъ равномѣрныхъ половинъ, входящихъ петлями другъ въ друга; противоположныя, узловыя стороны, прикрѣпленныя къ прочнымъ снурочкамъ, обыкновенно надѣваются на прутья въ палецъ толщиною, по длинѣ равные берду и „цынáмъ“. Нижніе прутья „нйтывъ“ соединены съ „пыныжáми“ при посредствѣ привязныхъ веревочекъ, верхніе же—съ „бирýльками“, привѣшенными къ жердочкѣ, лежащей на перекладинахъ (д) [366]); къ другой такой жердочкѣ привѣшено бердо, заключенное въ „нáбилицу“, которая представляетъ двѣ горизонтально лежащія одна надъ другою рамы, съ пазами внутри, боковыми связами которыхъ (рамъ) служатъ два подвижные шипа, въ 9 вер. каждый, прошедшіе въ оконечныхъ (вертикальныхъ) пробоинахъ рамъ снизу вверхъ: къ жердочкѣ собственно привѣшиваются верхніе концы этихъ шиповъ, опять же при посредствѣ привязныхъ веревочекъ. Кстати дополнить: всѣ привязи, которыми удерживаются „нйты, нáбилица, пыножй“ и др., не задѣлываются наглухо, а соединяются и связываются петлями, чтобы, при надобности, можно было поднять, сократить, удлинить привязь.

Бердо приготовляется отдѣльными мастерами и пріобрѣтается покупкою. Оно одинаково служитъ при тканьѣ гладкой и узорной ткани. Тутъ берда различаются только по длинѣ ихъ и густотѣ „трйсцинъ“,—что условными нарѣзками и обозначено на боковой рамѣ каждаго берда. По нарѣзкамъ узнается, во сколько „пáсымъ“ (см. X гл. этого отд.) бердо и, отчасти, для какой ткани оно пригодно, т. е. для „кýжиля-ли, пáчиси, вéрхычиси“, или для „дярýжный“. Послѣднее осязательнѣе опредѣляется густотою „трйсцинъ“ и толщиною каждой изъ нихъ.

По окончаніи надобности, берда, „на̀билица, ниты, бирульки, цыны, припу̀сники, пыта̀швичи“ и др., со всѣми привязами къ нимъ, соединяются въ одну связку и, привѣшенные въ недоступномъ для мышей мѣстѣ, покоятся до новаго тканья.

10. Для „нитывъ“ и не-ткацкихъ надобностей употребляются сученыя нитки, которыя бываютъ: „пырця̀ныи“ и суконныя. Первыя, исключительно швейныя, частью продажныя, приготовляются изъ несовсѣмъ бѣлаго, хотя и прочнаго льна,—изъ подручной пеньки; вторыя же—изъ худшей шерсти, „быковинъ и подпу̀ззя“ [367]), и идутъ на „испотки, носки“ и чулки. Тѣ и другія нитки выпрядаются отдѣльно отъ ткацкихъ, парными „руча̀йкыми“, трощатся на клубокъ и сучатся исключительно веретеномъ. Ближайшимъ образомъ сученье „пырця̀ныхъ“ нитокъ производится такъ: усѣвшись при жердочкѣ (полатной, при-печной, даже колыбельной) или при стѣнномъ крюкѣ, да помѣстивъ трощеный клубокъ въ посудину съ водою, сучильщица (изрѣдка—сучильщикъ) завиваетъ конецъ на веретенѣ, перекидываетъ „трощёнку“ [368]) чрезъ жердочку, такъ что клубокъ и веретено очутятся по обѣ стороны ея, и закручиваетъ ладонями, подобно тому, какъ это дѣлается при бойкомъ прядивѣ „кужеля“. Пока веретено дѣлаетъ нужное верченье, сучильщица держитъ руками ту и другую сторону нитки, подергиваетъ вверхъ и внизъ, отчего веретенный закрутъ передается по ту сторону жердочки, почти до клубка. Если часть „трощёнки“ ссучилась до требуемой крутизны, она наматывается на веретено, а для новаго сученья отпускается новая доля трощеныхъ нитокъ. Въ такомъ однообразномъ порядкѣ сучатся нитки отъ начала до конца.

Отъ двухъ „руча̀икъ“ нитокъ, насыщенныхъ водой, веретено грузнѣетъ: тогда „сучёнка“ обрывается, и въ дѣло пускается новое веретено. Сученымъ ниткамъ не даютъ сохнуть на веретенѣ: онѣ наматываются въ „моту̀шки“ на рѣшетѣ, на оконечности стола и, въ особенности, на „рогу̀льнымъ“ мотовилѣ, при чемъ онѣ раздѣ-

ляются „пáемыми“. Тутъ сученыя нитки высыхаютъ и, снятыя съ мѣста, поджидаютъ бѣленья, которое ничѣмъ не разнится отъ бѣленья холста; за такими нитками даже удерживается преимущественное названіе „бѣли“.

Въ досужее время вполнѣ готовая „бѣль“ наматывается на клубокъ, основою котораго служитъ свернутое кольцомъ и засушенное гусиное горлышко, куда предварительно положены бываютъ одна-двѣ горошинки. По звуку перекатывающихся въ горлышкѣ горошинъ швея узнаетъ сортъ нитокъ, заранѣе разграниченныхъ ею. Вмѣсто горлышка, тряпочки, щепочки и т. под. предметовъ, основою клубка бываетъ иногда потайная ассигнація, золотая и серебряная монета, кои желательно уберечь на „горькую годину“, скрыть отъ семейныхъ алчниковъ. Эти своеобразные „схóвы“ иногда совершенно неожиданно обогащаютъ наслѣдниковъ, или случайныхъ владѣтелей драгоцѣннаго клубка...

Сученье суконныхъ нитокъ обходится безъ воды, иногда и безъ жердочки, своеобразнымъ и крайне медленнымъ пріемомъ: когда при веретенной пяткѣ есть кое-какая сученая завязь на веретенѣ, послѣднее установляется наклонно на колѣнѣ и вертится правою рукой, какъ при прядивѣ, въ то время, когда трощеныя нитки сучатся подъ пяткою, но не длиннѣе того, какъ можетъ отвести ихъ лѣвая рука. Эта работа длится недѣлями, зато ссученыя нитки навиваются съ веретена прямо на клубокъ; онѣ бѣлятся и войлочатся уже въ издѣліи.

11. Воспособляющими предметами при шитьѣ являются: а) „вощи̂ны“—кусочекъ бѣлаго, желтаго и цвѣтного воска („чѐрни“); въ образованіе послѣдняго входитъ, по преимуществу, жжёная пробка и печная сажа; „вощинами“ обязательно вощится всякая швейная нитка;—б) „ныпàрстыкъ“ [369]), употребляемый немпогими, впрочемъ, швеями, и то—„бяздòникъ“; в) точно также рѣдко употребляются „ножни̂чки“: овальныя выкройки въ бѣльѣ и простѣйшей одеждѣ не имѣютъ мѣста, а отдѣлить нужный кусокъ

холста и вырѣзать клинья можно и ножемъ; въ крутыхъ же случаяхъ—стригольными ножницами, кстати, встрѣчающимися значительно чаще швейныхъ; д) еще рѣже употребляется „прасъ“ [370]), для заглаживанья грубыхъ швовъ, и это возможно тогда, когда онъ прибылъ въ домъ случайно: по большей части, швы расправляются ударами молотка; е) дѣвушки и вообще молодыя швеи кое-когда пользуются довольно тонкими иголками при шитьѣ отборныхъ тканей; но такъ какъ грубые пальцы ихъ съ трудомъ управляются съ такими иголками, то и тонкія издѣлія сшиваются иголками средней толщины, большинство же швей обходится довольно толстыми иголками, чрезъ которыя удобно можетъ проходить прочная нитка. Въ каждомъ хозяйствѣ поэтому обязательно имѣется „ширшàтка“—наибо̀льшая иголка, въ другихъ мѣстахъ употребляющаяся для штопанья суконныхъ чулковъ и рукавицъ. Когда нужно сдѣлать штопку тѣхъ же предметовъ, мѣстныя швеи пользуются деревянною иголкою, довольно тонко выструганною изъ клена и другихъ крѣпкихъ деревьевъ.

12. Единственнымъ вязальнымъ снарядомъ служатъ „пруткѝ“—покупныя спицы наибольшей толщины. Чаще всего такими „прутка̀ми“ бываютъ прутиковыя спицы, посильно отструганныя и отглаженныя.

13. Для колоченья бѣлья на открытой водѣ употребляется короткій (12 вер.) „пра̀никъ“: онъ имѣетъ гладкія стороны и на одномъ концѣ ручку. Для катанья же высушеннаго бѣлья и холстовъ дѣлается отдѣльный „пра̀никъ съ кыча̀лкый“. Кромѣ сквозной вырѣзной ручки онъ имѣетъ еще съ нижней стороны, во всю длину, поперечныя вырѣзныя грядки. Оба „пра̀ника“ работаются дома и оба одинаково грубы и тяжелы.

14. При плетеньи всевозможныхъ поясовъ, особенно, „плиспя̀нык“, употребляются „рогу̀льки“—деревянныя вилочки, ножка которыхъ имѣетъ около 8 вер., а собственно вилочки—2 вер. Нужныя для пояса нитки обыкновенно висятъ клубочками, а

ткань прикрѣпляется къ вилочкамъ, кои держатся нѣсколько на откосѣ, при чемъ ножка вилочекъ упирается въ грудь, въ животъ. Это позволяетъ исполнять работу сидя, стоя и даже на ходу.

15. Для витья „обо̀ръ" и веревокъ всѣхъ видовъ употребляются „кручкй"—деревянные самородки съ подходящимъ сучкомъ [371]). Ножка орудія не превышаетъ 6 вер., а длина крючка —2 вер. Витье при помощи крючковъ пріурочиваетъ работающаго къ опредѣленному мѣсту, такъ какъ начальный конецъ веревки долженъ быть укрѣпленъ неподвижно.

При витьѣ обязательно бываетъ два крючка: завертываясь въ одну сторону вмѣстѣ съ паклей, пенькой, льномъ, крючки перемѣщаются съ руки на руку, чтобы перевить скрученныя половины. Когда издѣліе готово, его первоначально „смýнюць" [372]), т. е. клокомъ свободной пакли, тряпкой поводятъ взадъ и впередъ, чтобы смягчить витушку, а потомъ обжигаютъ пушистые отскоки, быстро поводя по ней лучиннымъ пламенемъ. Послѣ обжога слѣдуетъ новая „смýнька".

„Рогýльки и кручкй" разграничиваютъ область мужскихъ и женскихъ работъ по отношенію къ одеждѣ и обуви. Иные видятъ въ этомъ разницу душевнаго склада и жизни того и другого пола: „рогýльки" обращены наружу—онѣ отталкиваютъ, тогда какъ „кручки" забираютъ, притягиваютъ предметъ; первыя не требуютъ постояннаго при работѣ мѣста, вторые же обязательно привязываютъ къ нему [373]).

16. Вспомогательными орудіями при плетеньи лаптей являются—колодка и кочетыкъ. Первая есть оструганная по длинѣ и ширинѣ ноги ровная плаха, съ округленными кое-какъ концами, а второй—изогнутое, плоское шило (въ желѣзномъ кочетыкѣ), или, соотвѣтственно ему, отструганная палочка. Колодка употребляется при плетеньи только „кывярзнёвъ да пыхлапнёвъ", потому что простѣйшіе лапти, сооружаемые спѣшно, могутъ быть спле-

тены на глазомѣръ; а если онѣ будутъ нѣсколько неравномѣрны, такъ и въ этомъ не бѣда: лапти носятся около дома и скоро. Другое дѣло кочетыкъ: безъ него трудно сплести даже „лозо́вики“.

17. Кожаная обувь, сбруя и другія, часто мелкія надобности вызываютъ присутствіе въ домѣ шила, которымъ, по большей части, бываетъ не настоящее сапожное шило (изогнутое), а подходящій желѣзный гвоздь, однимъ концомъ вправленный въ черенокъ, случайную палочку. И этимъ шиломъ, при надобности, можно сдѣлать необходимые проколы въ обуви, сбруѣ, „гу̂зикыхъ“, притти въ помощь иголкѣ при починкѣ шубы и рукавицъ, можно сработать калиту, чахолъ, „шрытовни̂цу [374]) (у ружейныхъ охотниковъ) и, наконецъ, сработать дуду (у дударей). Если такое шило состоитъ изъ наиболѣе длиннаго гвоздя, толстой проволоки, употребляется одинаково и для прожиганія деревянныхъ предметовъ (чубука, свирѣли, голосниковъ дуды, грабельной головки и проч.), то оно называется „жига́лый“.

18. Для остальныхъ уборныхъ предметовъ не имѣется воспособляющихъ орудій. Такъ, волосяные ажуры къ „брылямъ“ плетутся исключительно руками, безъ оригинала даже; вѣнки, какъ видно было изъ описанія, опять же сооружаются по навыку и умѣнью, какъ и „обмётки“. Только „ки̂тлики да колты“ кое-гдѣ составляли исключеніе: для нихъ имѣлись кое-какія бумажныя выкройки, или мѣрки изъ бумажныхъ и холстинныхъ полосъ. Но это важивалось у завѣдомыхъ закройщицъ и портнихъ, къ которымъ и обращались носительницы „китлика и ко́лты“.

XV. Творцы одѣцця, обуцця и приборывъ; крэвчики, шевчики [375]).

Кто творцы „одѣцця, обу̂цця и приборывъ“—въ значительной мѣрѣ отмѣчено въ различныхъ мѣстахъ отдѣла. Здѣсь приходится завѣрить, что носители простѣйшей одежды, обуви и украше-

ній есть вмѣстѣ и творцы ихъ, и что наибольшій трудъ и хлопоты на сторонѣ женщинъ, по крайней мѣрѣ, сооруженіе одежды всецѣло принадлежитъ имъ отъ начала до конца. Если же этотъ великій трудъ дѣлится между мужчинами и женщинами, то они или чередуются, или мѣняются, и только изрѣдка дополняютъ труды другъ друга: „ёнъ", напр., сплететъ лапти, „инà [376]) сдѣлаетъ къ нимъ парадныя „обóрки (плицюшёвыи), къ ея лаптямъ онъ свиваетъ веревочныя оборки; онъ выстружитъ вилочки, она сработаетъ на нихъ „кутасóвый пыясъ"; [377]), онъ смастеритъ прялку, веретено, гребень, щетку и станъ со всѣми принадлежностями, она спрядетъ, оснуетъ, сотчетъ, выбѣлить ткань и сошьетъ изъ нея бѣлье и почти всю балахонную одежду; онъ сдѣлаетъ одинъ и другой „прáникъ", она вымоетъ, выколотитъ на водѣ бѣлье и одежду и выкатаетъ ее послѣ сушки и проч. Но рядомъ со всѣмъ этимъ производство одежды и обуви нѣсколько спеціализируется: такъ, во время продолжительныхъ и многократныхъ приваловъ на паствѣ, пастухъ плететъ лозóвики, съ парою-двумя которыхъ у пояса или за плечами онъ возвращается домой; если въ пастушескихъ послугахъ состоитъ дѣвочка-подростокъ, она дѣлаетъ то же, хотя болѣе спеціальную ея работу составляетъ плетенье поясовъ да „обóрыкъ". Какъ бы тамъ ни было, практика указываетъ, что пастухи являются чуть ли не единственными творцами запасныхъ лаптей. Остальные виды ихъ работаются какъ-то незримо, по мѣрѣ надобности, и нерѣдко въ ущербъ текущей, часто немаловажной работѣ: „оральбитъ" [378]) и другой подходящій рабочій продлитъ время отдыха на полѣ, или укоротитъ таковой дома, когда подоспѣла нужда сплести новые лапти. Но также незримо создается бѣлье и балахонная одежда—между дѣломъ, на рабочемъ привалѣ, и сторонній зритель не можетъ примириться съ тѣмъ, что такъ можно сооружать долговѣчное бѣлье и одежду; на самомъ дѣлѣ такъ: годовая пропорція ихъ бываетъ въ обрѣзъ и не простирается свыше трехъ смѣнъ бѣлья и

двухъ верхней одежду, а въ исключительныхъ положеніяхъ семьи и того меньше, какъ удостовѣряетъ поговорка—„съ плечъ, да въ печь“—и какъ тò приходится видѣть на дѣтяхъ, которыя ходятъ голикомъ, или подъ покрышкою одежды возрастныхъ, пока мать отстираетъ наскоро и высушитъ единственную ихъ рубашку; возрастные при такомъ положеніи ходятъ подъ покрышкою собственной верхней одежды...

Приведенное положеніе есть, конечно, исключительное; въ общемъ бѣльевая и одежная запасливость стоитъ выше харчевой, и эту запасливость начинаетъ невѣста, не зная даже гадательно, кто будетъ носителемъ изготовляемой ею одеждь, или лучше—кому она будетъ шить бѣлье и одежду изъ готовыхъ въ ея складищѣ „трўбыкъ“. Такъ и иначе, при построеніи легкихъ одеждъ, женщина является въ домѣ бѣлошвейкою и портнымъ вмѣстѣ. Если она навычна и вѣдалась съ этимъ дѣломъ раньше, то умѣлою рукою она выкроитъ нужные клинья, вставки, „пыликй, наплéчики“ и рукава съ частями ихъ; въ противномъ случаѣ, или при полномъ незнаніи закройнаго дѣла „не въ службу, а въ дружбу“, сдѣлаетъ то же сосѣдка, какая-нибудь „цётычка“ и, въ особенности, „мамка-кормйцилка“, да тутъ же и приметаетъ разрозненныя части. Остальное довершатъ иголка да вощеная нитка, иногда чрезъ долгіе сроки, при набѣжавшей необходимости.

О красотѣ и изяществѣ работы бѣлошвейки не заботятся, а многія изъ нихъ не имѣютъ даже и понятія: все дѣло сводится къ тому, чтобы поскорѣе прикончить работу и чтобы шитье было прочно въ швахъ. Въ погонѣ за послѣднимъ онѣ не обращаютъ вниманія на отвислые клинья, иногда поставленные не на мѣстѣ, на образовавшійся тамъ и здѣсь мѣшокъ въ угловыхъ соединеніяхъ швовъ; толстымъ же рубцамъ не придаютъ особеннаго значенія, несмотря на то, что рубцы нестерпимо „мўліють“, и что болѣе терпящіе отъ нихъ мужчины совершенно безплодно сѣтуютъ

на своихъ бѣлошвеекъ, у которыхъ найдется безспорный отвѣтъ, что и „паны̀ но́сюць рубцы̀“. Впрочемъ, при толщинѣ холстовъ, предназначаемыхъ на будничныя одежды, трудно уйти отъ „му̀лкихъ“ рубцовъ, а волей-неволей приходится мириться съ ними и терпѣливо выжидать, пока обветшалость одежды да неоднократная мойка ея не смягчатъ сколько-нибудь постылыхъ рубцовъ. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что и сама судьба приходитъ на выручку: заворотные швы появляются только въ мѣстахъ сшива клиньевъ, надточекъ, вставокъ въ рукавахъ и при воротникѣ, тогда какъ „пола къ полѣ“ [379]) пришивается чрезъ край, причемъ отъ послѣдующей за симъ растяжки „полъ“, прибоя молоткомъ и каталкой, или такимъ и инымъ разглаживаніемъ, рубецъ исчезаетъ почти безслѣдно, и сшивныя стороны представляютъ едва замѣтное соединеніе [380]). Немногимъ краше бываетъ и съ тѣми одеждами, шитье которыхъ поручается завѣдомымъ мѣстнымъ портнымъ, по крайней мѣрѣ, и тутъ не обходится безъ уродливыхъ швовъ, тѣмъ болѣе что портные вѣдаются съ грубѣйшею тканью сермяжною, рядною—и неохотно берутся за шитье тонкоматерчатой одежды.

Прочность ткани и швовъ позволяетъ обращаться съ бѣльемъ и льняною одеждою гораздо смѣлѣе, чѣмъ то бываетъ у горожанъ, при обращеніи съ фабричными холстами, и ближайшимъ образомъ сказывается это на мытьѣ бѣлья и нѣкоторой одежды. Какъ извѣстно, мыло появляется въ крестьянскомъ домѣ въ незначительныхъ запасахъ, на незаурядныя нужды: для мытья колыбельнаго дитяти, обмыванія родихи, для мытья рукъ и лица, когда нужно показаться „у люди“, или какъ лѣкарственный предметъ [381]); даже банное мытье головы, по большей части, обходится безъ мыла, и чистота послѣдней достигается ногтевою скребкой. Когда приходится быть бережливымъ на мыло въ приведенныхъ положеніяхъ, то о расходѣ его при мытьѣ бѣлья и одежды едва-ли можетъ быть и рѣчь. Кромѣ воспособляющей „жлу̀кты“,

прѣнія въ жаркой печи, для достиженія бѣлизны, примѣняется единственный житейскій пріемъ—„живокόстъ“ (живая кость), т. е. приложеніе къ дѣлу ручныхъ и вообще физическихъ усилій, какъ то: продолжительное стиранье въ корытѣ, въ открытой водѣ, мощный выкрутъ мокраго бѣлья, неменѣе мощное и продолжительное колоченье „прáникымъ“ и послѣдующая за симъ сушка на открытомъ мѣстѣ, которая, кстати, будетъ допущена тогда лишь, когда выкручиваемое бѣлье станетъ выдѣлять вполнѣ чистую воду. Слѣдуетъ признать, что „живокόстъ“ дѣлаетъ то же, что и мыло; если же бѣлье и одежда будутъ нѣсколько темнѣе, чѣмъ при мыльномъ мытьѣ, такъ это не составитъ большой бѣды: носить будутъ свои люди, среди „нâщиницывъ“ [3'2]).—Чтобы сберечь бѣлье и одежду, „мыцёхи“ не особенно часто балуютъ ихъ мытьемъ—разъ-два въ году и, преимущественно, въ безснѣжную и ведреную пору года. При самомъ старательномъ примѣненіи къ дѣлу „живокόста“ зимняя стирка даетъ половинные результаты и къ ней приходится прибѣгать изрѣдка, работать надъ ограниченнымъ „лойнόмъ“.

Исключивъ покупные „прибόры“, или одинъ лишь матеріалъ для нихъ, приходится повторить, что носители „прибόрывъ“ есть и непремѣнные творцы ихъ. Это такъ обыденно, что материнскіе, напр., уборы на дочери будутъ менѣе цѣнны, чѣмъ собственные, личнаго изготовленія, и послѣдніе составляютъ большій предметъ любопытства, даже и тогда, когда сработаны относительно проще. Въ виду сего щеголи и щеголихи спѣшатъ „причупурйцца у сымодѣлку“, если недостаетъ покупныхъ „прибόрывъ“, потому что чужіе могутъ быть узнаны: такіе предметы почти наперечетъ, ихъ уже видѣли на другихъ. Калита, ножный чахолъ, волосяной ажуръ на колпакѣ, узорный чубукъ у курильщика, и проч., какъ и многочисленные уборы у женщинъ должны быть личнаго производства. Сработанные несовсѣмъ удачно сегодня, завтра могутъ быть поправлены по указанію знатоковъ, или же передѣланы заново, по

пріобрѣтеніи снаровки. На „приборы“ покупные нѣсколько иной взглядъ: если таковые поступили по наслѣдству, прочнымъ подаркомъ [383]), то на новомъ владѣльцѣ они такъ же цѣнны и интересны, какъ и на первоначальномъ; но тѣ же уборы, добытые одолженіемъ, находящіеся во временномъ пользованіи родного дитяти даже на общій взглядъ то же, что и одолженная „самодѣлка“. Возможнымъ, хотя и нежелательнымъ снисхожденіемъ обставлено пользованіе одолженными лентами для украшенія невѣстина вѣнка [384]), потому что таковыхъ требуется до десятка, а это не всякому доступно, да и куда дѣвать потомъ лишнія, ненужныя ленты.

Сооруженіе верхней одежды и кожаной обуви поручается спеціальнымъ мастерамъ, которые извѣстны подъ именемъ „кравцо́въ и шавцо́въ“. Гдѣ и когда они выучиваются мастерству—указать трудно: по большей части, они—незадачливые, недоучившіеся ученики портного или сапожника, усвоившіе лишь манерность мастера ломаться и кичиться, да нѣкоторые несовсѣмъ похвальные навыки его —пьянство и легкомысленное отношеніе къ чужой собственности. Уже на свободной профессіи, послѣ долгаго опыта, они пріобрѣтаютъ портняжную и сапожную выправку, съ которою и готовы къ услугамъ деревлянъ. За малыми исключеніями, „кравцы̀ и шавцы̀“—полные бездомники и безродники. Если же у нихъ есть кое-какіе бобыльскіе домишки и родня [385]), то они все-таки предпочтутъ, или безразлично отнесутся и къ чужому дому и къ чужимъ людямъ. Такимъ образомъ нельзя погрѣшить увѣреніемъ, что „кравцы̀ и шавцы̀“ есть мастеровые кочевники, готовые явиться въ любой домъ, въ любое мѣсто, хотя область кочевья ихъ невелика, обнимаетъ лишь десятокъ деревень [386]), гдѣ они и осѣдлые жильцы знакомы другъ другу съ давнихъ поръ. Въ дополненіе къ общей характеристикѣ того и другого мастерового остается вспомнить единодушную притяжимость ихъ къ рюмкѣ и безцеремонное отношеніе къ заказамъ, къ выполненію ихъ, и въ этомъ

отношенiи сапожные мастера какъ будто опередили своихъ сотоварищей, портныхъ. Мѣткiя, ходячiя присловья касательно этого говорятъ такъ: „якъ шавéцъ“ (пьянъ и бѣденъ),—„зъ копылля доло̀въ“ (пьянъ такъ, что не удержался на мѣстѣ) и—„усё, шго обйлля—шилля ды копылля“... Изъ этого очевидно, что почитая „шавца́“ отмѣннымъ пьяницею, простонародье считаетъ его неимѣющимъ другой собственности, кромѣ одного-двухъ шильевъ да столькихъ же колодокъ, и то потому, что ничтожная цѣнность имущества не позволяетъ пустить его на пропой. По той же причинѣ имущество „шавца̀“ не можетъ имѣть посягателей, и бѣдное орудiе мастерства его годится развѣ такому-же мастеру, какъ и онъ; но послѣднему некуда дѣваться отъ собственнаго „шилля-копылля“... Практическая жизнь подтверждаетъ, что и „кравцы“ недалеко ушли отъ своихъ сотоварищей, и бывали случаи, что наниматели портного выкупали единственный цѣнный инструментъ его—портняжныя ножницы, иначе приглашенный мастеръ оставался, „какъ безъ рукъ“ [387]).

При такихъ условiяхъ да при слабыхъ связяхъ съ домомъ и родней мастера спѣшили на зовъ, потому что это обезпечивало имъ сытный прокормъ, спокойный уголъ и, кромѣ того, предоставляло возможность промачивать горло на зарабатываемыя деньги, которыя по частямъ, но полностью уходили въ ближайшую корчму. Если столовая и квартирная обстановка была хороша, мастеръ растягивалъ работу; наниматели же не особенно сѣтовали на это, потому что продовольствiе было свое, а плата чрезъ медлительность не возвышалась. Одно смущало нанимателей—мастеровая нечистота на руку; но за мастерами на этотъ случай слѣдили и возрастные, и дѣти. Это крайность: отдѣльныя лица справляли дѣло честно, по мѣрѣ умѣнья, а портные почему-то управлялись съ работами раньше сапожниковъ.

При появленiи мастеровъ въ домѣ, послѣднiй значительно преображается: портные всецѣло завладѣвали единственнымъ въ

домѣ столомъ и „кутнимъ“ мѣстомъ, а сапожники занимали ближайшее къ сему мѣсто на лавкѣ. Тамъ и здѣсь начинаютъ мелькать необычные въ домѣ предметы—ножницы, вощёнки, „пасмы“ разрѣзанныхъ нитокъ, мѣловые кусочки или оструганный уголь, дратва, щетина, колодки, сапожный ножъ, кромки и обрѣзки; къ этому присоединятся бойкіе отмахи рукъ, постукиванье молоткомъ, ножницами по рубцу, или не менѣе бойкое отрѣзыванье ими ткани и молодцеватое бросанье на столъ. При игривомъ настроеніи мастера или чтобы избыть тоску за однообразною работой, онъ открыто запоетъ пѣсню или нескончаемо мурлычитъ таковую, рѣшительно не справляясь съ семейною обстановкою и расположеніемъ хозяевъ къ пѣснѣ, и къ мурлыканью [368]).

Такъ, отрѣзъ за отрѣзомъ, шевъ за швомъ—портной сошьетъ кафтанную съ орнаментами и простую безъ нихъ сермягу, сошьетъ и шубу, пристроивъ къ той и другой кожаныя шарообразныя пуговицы, сошьетъ, пожалуй, и кафтанный „насовъ“, или на добрую память, выкроитъ таковой и наставитъ домашнюю швею, какъ и гдѣ помѣстить клинья и вставки, какъ сшить „полы“ и зарубить. Соотвѣтственно сему, въ своей области. сапожникъ соорудитъ „боты и чиравики“, то заново, то однѣ головки, „подложитъ подметки, поправитъ подборы, подошьетъ ранты и проч., по вкусу нанимателей и согласно окрестнымъ требованіямъ. Здѣсь мастера не имѣютъ надобности въ ординарной, окончательной мѣркѣ: тѣ, кому исполняется работа, всегда подъ руками, а потому, къ обоюдному удовольствію и пользѣ дѣла, одежду и обувь можно примѣрять десятки разъ. Прикончена работа, сведены счеты—наниматели и мастеровые разстаются, какъ свои люди, съ выраженіемъ взаимной благодарности [369]); а если у мастера удержались только „шилля-копылля“, такъ хозяева дадутъ ему на дорогу и кое-какихъ харчей.

Обращаясь къ платной оцѣнкѣ трудовъ „шевчика-кравчика“, приходится свидѣтельствовать, что она крайне бѣдна. Такъ, за

пошитье сермяги брался четвертакъ, мужской шубы—30—40, а женской—40—50 коп. Плата же за шитье балахона едва доходила до 15 коп... Плата сапожнику была нѣсколько выше: такъ за вполнѣ новые „бóты" онъ получалъ 75 коп. и даже рубль, за головки—50—60 коп., за подметки—10—20 коп., за „чиравѝки"—полтинникъ, „пувсапóжки"—50—60 коп. Что же касается остáльныхъ, значительно меньшихъ сапожныхъ подѣлокъ, то онѣ и по сейчасъ называются „гривенничными да пятачкòвыми". При всемъ томъ обѣ стороны бывали довольны и этою платой, принимая въ расчетъ нанимательское продовольствіе и полную постановку матеріала, начиная отъ ткани и кожи и кончая швейными, дратвенными нитками да щетиной къ дратвѣ.

Кромѣ кочующихъ „шѐвчикывъ-крэвчикывъ", такіе же мастеровые бывали осѣдлыми, при чемъ и самое поведеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ представляло значительную разницу. Нуждаясь въ услугахъ портного и сапожника, деревенскіе заказчики не совсѣмъ охотно сносились съ осѣдлыми мастерами уже потому, что тѣ брали дороже; будучи же завалены заказами, они затягивали работу, при чемъ, за потерею мѣрки, исполняли заказъ по памяти, а если они бывали падкими на чужое добро, такъ убавляли матеріалъ, замѣнивали его, или, за давностью заказа, послѣ проволочекъ, обращали въ собственность,—что съ особенною выразительностью проявлялось въ дѣйствіяхъ сапожниковъ. Сельчане не надѣляли этихъ мастеровыхъ ласкательными именами „шѐвчикывъ-крэвчикывъ", а просто—„щавѐцъ, кравѐцъ". Въ особенности несносными бывали тѣ „шавцы" изъ дворовыхъ прислужниковъ, которые охотно, повидимому, брались за заказъ, но могли выполнять его лишь между дѣломъ, иногда и тайкомъ. Такими подручными „шавцáми" обыкновенно бывали кучера, помощники ихъ да „скарбòвыи" [390]) различныхъ видовъ. Уже одинъ подступъ къ нимъ чего-нибудь стоилъ; отступъ же—и того дороже. Въ случаѣ затраты товара, или другого злоупотребленія съ нимъ, тяжба съ

мастеромъ не приводила ни къ чему, а часто была и невозможною, и хорошо еще, если отдавшій, напр., свои „бо́ты подкàныць подметки“, чрезъ долгіе сроки получалъ обратно голенища... А между тѣмъ нужда, порывы къ щегольству заставляли искать и вѣдаться съ такими „шавцàми“, потому что настоящіе „шавцы“ были рѣдки.—По освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, „шавцы“ вдругъ какъ-то замелькали: это были разошедшіеся дворовые, едва доступные раньше деревенскимъ заказчикамъ; но они недолго мыкались среди другихъ кочующихъ мастеровыхъ и какъ-то незримо затерялись среди болѣе достойныхъ товарищей.

Остается упомянуть еще о „шипувалыхъ“, единственныхъ въ воспоминаемое время поставщикахъ „маргѐлыкъ и брылёвъ“. Правда, выдѣлка этихъ предметовъ составляла лишь часть ихъ валильнаго производства: какъ и теперь, они, главнымъ образомъ, приготовляли валенки и войлоки; но, состоя бывало на кочевомъ мастерствѣ, подобно портнымъ и сапожникамъ, они далеко не походили на сотоварищей ни навыками, ни имущественнымъ положеніемъ. Такъ, сами „шипувáлы“, орудія мастерства, а часто и готовое производство, перемѣщались въ собственныхъ экипажахъ, на собственныхъ лошадяхъ. А что всего отмѣннѣе—они составляли маленькія артели [391]). Ничего подобнаго не было въ жизни „шѐвчикывъ-крэвчикывъ“, которые бродили въ одиночку, въ сопутствіи деревянной палки, а если имъ и доводилось „подъѣхать“ съ попутнымъ милостивцемъ, такъ это послѣднее (милость) сейчасъ же узнавалось: облагодѣтельствованный торчалъ позади экипажа, свѣсивъ внизъ и назадъ свои ноги... Такъ обыкновенно „подъѣзжаютъ“ изъ милости и притомъ—относительно небольшое разстояніе...

XVI. На „накидки“ [392]).

Такъ одѣвался, обувался, убиралъ себя простолюдинъ Витебской Бѣлоруссіи и при посредствѣ такихъ именно обиходныхъ

предметовъ удовлетворялъ онъ второй жизненной потребности... Съ тѣхъ поръ и эта существенная сторона жизни не удержалась въ прежнихъ устояхъ, а измѣнилась чуть-ли не больше, чѣмъ измѣнилось удовлетвореніе первой потребности, по крайней мѣрѣ, въ текущую жизнь незримо, относительно медленно, но прочно и для всякаго осязательно вторглись слѣдующія положенія житейскаго опыта и мудрости народной: а) „нихто ня вѣдыиць, якъ хто обѣдыиць“, б) „нихто ни видáвъ, якъ Богъ нылитáвъ“ [293]), „никто то ня видиць, што у табѣ (внутри тебя), а кóжныму (каждому) виднóшно (видно), што ны табѣ“, г) „по одежкѣ встрѣчаютъ...“ д) „ѣсть ниже средствъ, а одѣваться выше средствъ“ [294]). Если къ кодексу приведенныхъ положеній прибавить обычное стремленіе даже невполнѣ сытаго человѣка къ показности, вспомнить, что захолустный прежде простолюдинъ сталъ вѣдаться съ лицами самыхъ разнообразныхъ положеній, видѣть ихъ вокругъ себя и за предѣлами родного гнѣзда, то преобразованіе въ одеждѣ, обуви и украшеніяхъ покажется не только неудивительнымъ, а скорѣе—вытекающимъ изъ естественнаго хода дѣлъ, или какъ неизбѣжная дань времени и обстоятельствамъ. Иные вопросы—насколько такое преобразованіе соотвѣтствуетъ потребностямъ простолюдина и какъ оно уживается съ остатками стародавней жизни? Нужно ли оно и насколько? Отвѣтъ на это можетъ дать ближайшее ознакомленіе съ простонароднымъ бытомъ, жизнью и съ предметами обиходности,—сравненіе прошедшаго съ настоящимъ. Не ради отвѣта на поставленные вопросы, не ради сожалѣнія о прошедшемъ и восхваленія переживаемаго, приходится провести параллель между утрачивающимися стародавними устоями и неотразимо находящими новыми.

Давніе посѣтители праздничныхъ сборищъ, церкви и ярмарокъ, одѣтые въ бѣлую балахонную, или сермяжную одежду, бѣлые соотвѣтственно сему липовики, имѣя на головѣ бѣлыя же то „маргéлки“, то „обмётки“, только и могли представлять одно

„свѣтлое море одеждъ, обуви и головной покрышки", и эта бѣлизна какъ-то отрадно сочетавалась съ бѣлизною души и сердца всегда прямодушнаго, безхитростнаго простолюдина. Правда, коегдѣ мелькнетъ бывало темный „брыль да кызыркбвка" на головѣ отдѣльнаго мужчины, цвѣтная „хўстка" или вѣнокъ на головѣ женщины, мелькнетъ и цвѣтная домотканка на верхней одеждѣ; но это только мелькнетъ и не нарушитъ гармоніи бѣлизны. То же впечатлѣніе бѣлизны оставалось и тогда, когда живое свѣтлое море станетъ расходиться живыми же ручейками по окрестнымъ дорогамъ и тропамъ въ мирныя пристани свои (дома́) [395]). Совершенно обратное впечатлѣніе получается отъ современнаго сборища въ церковь, на ярмарку и игрища: тутъ, среди подавляющаго разнообразія домотканокъ, покупныхъ матерій на платьяхъ, козырьковыхъ шапокъ, платковъ да черной кожаной обуви, бѣлый балахонъ, „насо́въ" и ли́повики мелькаютъ только, но мелькаютъ, какъ отторгнутые члены семьи, какъ чужіе межъ своими. Ту же пеструю рознь во внѣшнемъ видѣ приходится видѣть и тогда, когда толпа собравшихся на празднество вереницами и группами покидаетъ сборище и расходится по домамъ.

При болѣе внимательномъ осмотрѣ текущаго „одѣцця, обўцця и прибо́рывъ", нестрота толпы остается пестротою и на отдѣльномъ лицѣ, по крайней мѣрѣ, сочетаніе розничныхъ предметовъ въ одеждѣ, обуви и украшеніяхъ позволяетъ видѣть это. Такъ, „ру́ськыя" рубашка съ косымъ воротомъ, но болѣе высокимъ воротникомъ, обложенными и болѣе широкими тесьмами, прошла уже изъ края въ край; почетная прежде „кывнярбвка" убавила высоту воротника на половину и болѣе, и признать въ ней таковую можно развѣ по серединному, прямому вороту. Кромѣ того обѣ рубашки уже сдѣлались будничными; про парадный случай имѣется кумачная съ обшивами рубашка, носимая „на вынуску" при распашной верхней одеждѣ. Эта рубашка не всегда

опоясывается домашнимъ, или покупнымъ поясомъ, а выходитъ внизу изъ подъ жилетки, сработанной мастерски на швейной машинѣ. Если щеголь одинъ изъ зажиточныхъ, то у него надѣты будутъ опять же мастерски сшитые брюки, то вправленные въ бутылочные сапоги со складками, на высокихъ каблукахъ, съ неизбѣжнымъ скрипомъ, или же будутъ выпущены поверхъ сапоговъ, „щиблéтывъ“, изъ коихъ послѣднія, съ резинными сторонами, достаточно извѣстны современнымъ деревлянамъ, и носятся онѣ мужчинами и женщинами безразлично. Къ тому, что сказано о щеголѣ въ праздничномъ нарядѣ, остается присоединить, что верхнею одеждою тутъ бываетъ получившій права гражданства и теперь извѣстный и старому и малому—„спиньжáкъ“, изрѣдка—городское пальто и даже сюртукъ. Весь такой нарядъ вершаетъ „кызырькóвка“, домашній „капэлюшъ“, или же широкополая шляпа и котелокъ, конечно, съ чужой головы, пріобрѣтенный у городского старьевщика, или подаренный „добрымъ бариномъ“...

Если присмотрѣться къ парадной и даже не-парадной женской одеждѣ и обуви, то разница между теперешнею и давнею будетъ еще рѣзче. Правда, рубашки прежнихъ типовъ („кывнярóвки и мотузки“) остаются тѣми же и теперь; многія изъ нихъ имѣютъ и „пудмурòвки“; но къ нимъ уже прочно пристала рубашка—„бизрукáвка“, сравнительно недавно ненавистная деревлянамъ, по крайней мѣрѣ, ношеніе ея городскими выходцами и служилыми у интеллигентовъ лицами уже слабо осмѣивается. Если въ будни, на работѣ, необходима болѣе прочная изъ домотканки юбка, то внѣ этого, а тѣмъ болѣе при парадномъ положеніи, ситцевая юбка уже становится обычною принадлежностью „одѣцця“; при болѣе лучшемъ матеріальномъ положеніи молодой нарядницы, на праздничные и парадные случаи найдется юбка съ кофтою изъ яркой шерстяной матеріи: обѣ онѣ будутъ обшиты въ подолахъ лавочными тесемками; такими же тесемками будутъ обшиты бор-

ты, рукава и воротникъ кофты. Все это сработано или на швейной машинѣ [196]), или же въ ручную, но опытною, знающею мастерицей. Соотвѣтственно парадно-праздничной юбкѣ съ кофтою, изъ коихъ послѣдняя шьется въ талію, на головѣ, плечахъ и въ рукахъ нарядницы будутъ не менѣе цѣнные, яркіе платки фабричнаго изготовленія—бумажные, шерстяные и полушелковые. Что же касается обуви, то молодыя и пожилыя нарядницы и знать не хотятъ стародавнихъ „чиравіќывъ“, а вѣдаются только съ настоящими „пувсанóжкыми“ да ботинками на резинахъ, съ обязательнымъ скрипомъ и высокими каблуками.—Обиліе готовой, недорогой одежды въ размножившихся магазинахъ и лавкахъ позволяетъ щеголихамъ пріобрѣсти такое и иное пальто на ватѣ, на подкладкѣ, съ мѣховымъ иногда воротникомъ. Сшитое изъ дешеваго драпа, сукна и менѣе цѣнной матеріи, но весьма изящно и въ талію, такое пальто не имѣетъ уже ничего общаго съ давними балахонами, сермягами и шубами [197]).

Такимъ образомъ мужчина и женщина переживаемаго времени могутъ „причипурі́цца“ въ фабричныя ткани, получившія при шитьѣ щегольскую обработку, а голову и ноги—покрыть неменѣе изящными фабричными и ручными издѣліями. Если на одеждѣ встрѣтится домотканка, то таковая по покрою и обработкѣ приблизится къ городской портняжной, такъ что и тутъ дѣти и внуки давняго простолюдина будутъ далеко не похожими на своихъ предковъ. Въ этомъ отношеніи какъ-то посчастливилось верхнему пальто съ клапаномъ позади и безъ клапана, но съ двумя рядами пуговицъ впереди и, въ особенности—извѣстному „спиньжаку́“. Теперь уже достаточно извѣстно, что эта кургузая, совершенно чуждая одежда неудержимымъ токомъ забралась въ отдаленные сельскіе углы, что ею уже прикрывается и старъ и малъ, а въ самое недавнее время щегольской „спиньжакъ“ замелькалъ на плечахъ нарядницъ [198]), отличаясь отъ мужского только обильнымъ тесемочнымъ обшивомъ по всѣмъ краямъ и около трехъ

пиджачныхъ кармановъ. Нѣтъ сомнѣнія, что настояще пока мельканье пиджаковъ на женщинахъ не замедлитъ завоевать себѣ полноправіе, подобно тому, какъ это произошло и у мужчинъ тѣмъ болѣе что кургузый пиджакъ еще и до сего времени порицается въ простонародномъ обиходѣ и ношеніемъ его возмущается не одна чисто русская душа [329]), въ каковомъ порицаніи, какъ кажется, и таится наибольшая живучесть „спиньжака"... Правда, носители пиджака пріурочили къ нему неизбѣжную опояску какъ по верхней одеждѣ, а при рабочемъ и бѣдномъ положеніи сермяжный и балахонный пиджакъ вершаетъ лапотную обувь... Нелѣпое сочетаніе пиджака, лаптей и юбки съ платкомъ на головѣ слишкомъ очевидно; это сознаютъ сами носители, и все-таки пиджакъ неудержимо расходится дальше и дальше.

Легкій доступъ къ козырьковымъ шапкамъ, т. е. дешевизна, повсюдная встрѣча съ ними на базарахъ у шапочниковъ и лавкахъ, съ присоединеніемъ относительнаго изящества въ отдѣлкѣ, сдѣлали то, что почти всѣ прежнія шапки смиренно упокоились на огородныхъ пугалахъ, или на „шумéтникыхъ". Нераздѣльно съ этимъ вошли въ употребленіе мастерскія зимнія шапки то изъ неопредѣленнаго мѣха, то изъ мишурнаго барашка, которыя и вытѣснили „обловýхи, брылй и маргéлки", такъ успѣшно защищавшіе бывало не только голову, но уши и шею носителей. Пробѣлъ въ закрытіи послѣднихъ весьма кстати сталъ пополнять башлыкъ, который пришелся по потребностямъ деревлянъ такъ, что теперь едва-ли можно встрѣтить семью, гдѣ не имѣлось бы одного-двухъ башлыковъ, и съ ними, какъ и съ пиджаками, уже начинаютъ имѣть дѣло и женщины.

До сего времени шла рѣчь объ одеждѣ и обуви, насколько тѣ присущи и необходимы при удовлетвореніи второй жизненной потребности. Если отцы и дѣды современныхъ щеголей грѣшили тяготѣніемъ къ убранству своей скромной одежды и обуви, то сродное сему тяготѣніе у внуковъ становится чуть-ли не по-

вальнымъ, благодаря нетруднымъ путямъ къ пріобрѣтенію щегольскихъ „дыба́въ и прибо́рывъ", повсюдному соблазну и развивающейся страсти къ щегольству у подростающей молодежи. На эту несовсѣмъ отрадную тему можно привести множество комическихъ, часто печальныхъ положеній, и всѣ они только и доказываютъ, что простолюдинъ Витебской Бѣлоруссіи спѣшитъ „щилига́ць" [400]), спѣшитъ „чупуры́цца", спѣшитъ оборвать неподавляемыя требованія желудка, насущныя хозяйственныя требованія, лишь бы не отстать отъ другихъ, или щегольнуть больше окружающихъ.

Помнится, что давними носителями палокъ бывали только старики да увѣчники различныхъ видовъ. Подходя къ церкви, даже къ дому, куда нужно было войти, они оставляли своихъ „ко́нивъ" гдѣ-нибудь у церковной ограды, или при сѣняхъ, и только наиболѣе немощные не разставались со спутниками. При большомъ стеченіи богомольцевъ, среди которыхъ найдется немало немощниковъ, такіе „спутники" покоились группами въ ожиданіи хозяевъ и, служа предметомъ не щегольства, а необходимости, не могли имѣть посягателей, тѣмъ болѣе, что представляли грубый, хотя и прочный шестъ, чуть-чуть отструганный и прилаженный по росту и потребностямъ немощника. Между современною мужскою молодежью ношеніе палокъ („ля́сыкъ [401]), тро́стыкъ") уже имѣетъ видъ щегольства, и съ такими тросточками молодые щеголи развязно входятъ въ церковь и въ домъ... Не хотѣлось бы думать, что въ этомъ сказывается бережливость, опасеніе за цѣлость палки, которая, по большей части, сработана самолично, изъ обыденнаго дерева; не думается также, что щеголю жаль потраченныхъ трудовъ; скорѣе и вѣрнѣе—имъ руководитъ показность трудовъ.—Какова палка щеголя, такъ заботливо охраняемая, не стоило бы и описанія, если бы онъ не билъ на показность ея наравнѣ съ другими „прибо́рыми". На простѣйшій случай уборною тростью служитъ гладкая жердочка поясной длины, при

толщинѣ большого пальца, съ которой кора снята то спиралью, то колечками, то угловыми и ромбоидальными фигурками: послѣ сушки кора прочно держится на палкѣ. Но тѣ же мѣстныя деревья и нѣкоторая мастерская снаровка позволяютъ имѣть и болѣе нарядную, отчасти раскрашенную палку. Такъ, сырая грушевая жердочка, освобожденная отъ коры, даетъ темно-желтую „трôстку“, при чемъ правильные сучки, срѣзанные потомъ, сообщаютъ ей сучковатость; того же цвѣта палку даетъ стволъ кустарника „волчьихъ ягодъ“,—ольха—красноватую,—липа, осина, кленъ—ярко-бѣлую. Если досужій щеголь пожелаетъ придать палкѣ узорность, то сдѣлать это онъ можетъ прикладываніемъ къ отдѣланной жердочкѣ раскаленнаго желѣза. Подобная узорность и сучковатость выращивается годами изъ древесныхъ стволовъ дуба, клена, ясеня, вишни и яблони: для этого весною дѣлаются на стволѣ небольшіе надрѣзы, или выемки коры, кои заростаютъ потомъ надлежащими бугорками. Разумѣется, выше всѣхъ такихъ „трôстыкъ“ стоитъ покупная, несомнѣнно, лакированная, съ головкою и ручкой изъ кости или рога—и щеголи обзаводятся таковою при подходящей возможности.

Въ положеніи щеголя переходъ отъ тросточки къ перчаткамъ составляетъ всего одинъ шагъ. И дѣйствительно, мужская молодежь обзаводится, между прочимъ, пятипалыми изъ черной лайки перчатками, которыми и щеголяетъ на праздничныхъ и ярмарочныхъ сборищахъ, не снимая ихъ не только въ церкви, стороннемъ домѣ, но даже и собственномъ, если только тамъ есть чужіе люди...

О распространенномъ ношеніи „пярсцёнкывъ“ едва-ли нужно говорить: таковые не служатъ только знакомъ холостого человѣка, а, украшая почти каждый палецъ той и другой руки, указываютъ на нарядность, или погоню за нею. И жутко становится за щеголя, когда видишь, что украшенная „пирсн̂янъ“ рука не умѣетъ сдѣлать правильно христіанскаго крестнаго знаменія [402]...

Въ последнее время у мужской молодежи начинають мелькать дождевые зонтики, съ которыми щеголи появляются на праздничныя и ярмарочныя сборища даже и тогда, когда въ зонтикѣ не предвидится надобности. Мало того: для лучшаго сбереженія дорогого предмета, иной щеголь не рѣшится раскрыть зонтика и тогда, когда попалъ подъ дождь, когда по настоящему слѣдовало бы укрыть одежду и шапку отъ мокроты. Только въ рѣдкіе случаи солнечнаго припека щеголь раскроетъ зонтикъ, чтобы предохранить привычное тѣло отъ зноя, а загорѣлое до крайности лицо—отъ загара... Пока-что ни дождевой, ни солнечный зонтикъ не мелькаютъ въ женскихъ рукахъ; но можно съ вѣроятностью ожидать, что это не замедлитъ войти въ обиходность сначала нарядную, а потомъ и заурядную.

Ясно, что щеголь не станетъ вѣдаться съ давнею калитой и мошенкой, для наполненія которыхъ у него не станетъ, пожалуй, давнишнихъ средствъ. Всѣ свои неширокіе достатки онъ размѣщаетъ уже въ „пуртунѐцику" [102]), который задешево и легко можно пріобрѣсти въ любой мелочной лавченкѣ, у офеней и тряпичниковъ. Вмѣстѣ съ изящнымъ казнохранилищемъ тотъ же щеголь обзаводится и другимъ, неменѣе дешевымъ предметомъ щегольства—портпапиросникомъ, въ которомъ по-смѣнно держитъ то курительныя снадобья, то деньги, смотря по тому, что водится, или кое-какъ держится. Слѣдуетъ признать, что въ числѣ другихъ неблаговидныхъ навыковъ куренье табаку мужскою молодежью является чуть-ли не повальнымъ зломъ, съ которымъ родители не могутъ и не умѣютъ бороться. Это зло тѣмъ разорительнѣе, что щеголи-сынки не хотятъ знать простого табаку, не хотятъ знать и стародавней „пипки"; они пріучаются курить покупныя папиросы, пріучаются пользоваться „картўзный тыбáкый" [104]), изъ которой многіе научились „круцѝць цыгáрки" [105]). Если же такой табакъ пойдетъ въ трубку, то ею будетъ или извѣстная „агличàнка" [106]), или болѣе изящная покупная трубка съ

чубукомъ. Не въ стародавнемъ „кыпшуку“ будетъ храниться „картузныя тыбака“, а въ „блишанэй пушцы“ [107]), изъ которой щеголь предварительно поѣлъ конфекты... Проводниками въ простонародную обиходность „смолѐння картузный тыбаки“ [108]) являются „ученые“ сынки сельчанъ, деревенскіе выходцы и, въ особенности, отслужившіеся, или отпускные солдатики, т. е. тѣ именно лица, въ отношеніи которыхъ родительская воля и силы оказываются вдвое слабѣе.

Въ дополненіе къ сказанному о „прибо́рыхъ“, какъ и вспомогательныхъ къ нимъ предметахъ, остается присоединить, что сельскій щеголь почему-то особенно гонится за гармоникой, пріобрѣтеніе которой не составляетъ затрудненій, какъ то̀ было раньше. На праздничныхъ и ярмарочныхъ сборищахъ гармонику можно увидѣть въ рукахъ не только знатока и любителя музыкальнаго дѣла, но и такого, который только умѣетъ „широчѐй гармо́нь разве́сь“ [109]) да нажать клапаны...

Что сказано о мужскихъ исключительно „прибо́рыхъ“, то же въ соотвѣтственной мѣрѣ можно сказать и о женскихъ, хотя послѣдніе, повидимому, ограниченнѣе и непритязательнѣе. Благодаря сельско-школьному и стороннему, случайному воздѣйствію, деревенскія дѣвушки научились пользоваться тамбурнымъ производствомъ, а также и канвовымъ шитьемъ. Поэтому подолы, рукава, воротники многихъ одеждъ и полотенца имѣютъ вышивные узоры, кое-какихъ пѣтуховъ, или другихъ животныхъ, и вязаныя обшивки. Это слишкомъ не похоже на уборныя изготовленія бабушки и матери, которыя продолжительно и терпѣливо ткали на станкѣ узорныя кромки. Впрочемъ, и не на одномъ этомъ сказывается недостатокъ терпѣливаго отношенія къ рукодѣлью: такъ, самопрялка гонитъ нитку, и медленное обращеніе послѣдней въ ткань, по условіямъ ткацкой работы, уже составляетъ кару для современной ткачихи; нужно ли прилагать стародавнюю рачительность для орнаментовъ на простой „ху́стцы“, на фартукѣ,

когда первая, весьма доступная по цѣнѣ, найдется въ любой лавкѣ съ краснымъ товаромъ и будетъ отличаться всѣми достоинствами фабричнаго производства, а второй—уже не имѣетъ употребленія при парадной одеждѣ [410])?

Но фартукъ все-таки удержался при будничной одеждѣ, гдѣ его служба довольно мрачна (см. II гл., п. 27 отдѣла); зато упомянутый „вянóкъ" невозвратно исчезъ, и смѣло можно утверждать, что на нарядницу въ вѣнкѣ теперь сбѣжались бы смотрѣть, какъ на выходца съ того свѣта. Правда, невѣста убираетъ голову не такъ, какъ другія дѣвушки; но это будетъ не прежній вѣночный уборъ, а легкій и низкій чепчикъ, обильно украшенный цвѣтами, бантиками и лентами. Въ зажиточныхъ же семьяхъ невѣстинъ головной уборъ, какъ и фата къ нему, покупаются вполнѣ готовыми изъ модныхъ, галантерейныхъ магазиновъ и лавокъ...

Все это, какъ и многое другое, поступивъ въ личное пользованіе „готовенькимъ", не можетъ имѣть той цѣны, какую имѣла давняя домотканка и вообще ручное производство. Что это такъ, видно изъ бережливаго отношенія къ одеждѣ и обуви. Давнишнія охранительницы одежды тщательно „зацурóвывали" [411]) каждую прорѣху, а если таковая становилась невозможною для „цурóвцы", накладывали „лáпикъ за лáпикымъ", пока не наступила пословичная пора—„съ плечъ, да въ печь". Современныя охранительницы того же незнакомы съ „цурóвкый", по крайней мѣрѣ, онѣ не дѣлаютъ таковой въ фабричныхъ издѣліяхъ, предоставляя одеждѣ разрушаться по волѣ обстоятельствъ и отъ времени. Нѣчто подобное и съ обувью. Когда давніе носители „бóтывъ, чиравйкывъ и пувсапóжкывъ" отправлялись лѣтомъ въ церковь, или на ярмарочное сборище, то они почестно несли въ рукахъ, за спиною на палкѣ, свою дорогую „обýцційку", и только въ полуверстномъ разстояніи отъ мѣста слѣдованія присаживались для обуванья и, кстати, поправленія одежды. Такія прива-

лочныя мѣста довольно явственно обозначались потомъ прикатомъ и вытоптомъ травы, набросомъ „сцѝликъ“ [1]), старыхъ лаптей, въ которыхъ досюда шли путники, или же здѣсь весною и осенью временно оставлялись лапти, съ тѣмъ, чтобы на обратномъ пути снова переобуться. Такимъ образомъ неудивительно, что обувь переживала долгіе годы, а нерѣдко—и своихъ хозяевъ. Далеко не то видится у современныхъ щеголей и щеголихъ. Разъ они нарядно одѣлись, соотвѣтственно сему должны и обуться, и только давка тѣсной обуви можетъ пригнать богомольца, или „кирмашника“ пойти босикомъ, по примѣру бережливыхъ родителей и дѣдовъ. Но вѣдь это имѣетъ характеръ подневольной бережливости или, правильнѣе—кару за щегольство, въ силу котораго обувь шьется и покупается чуть-чуть по ногѣ...

Что покажетъ и чѣмъ похвастаетъ передъ „сястрѝцкми“ и присяжными сватами современная охранительница „одѣцця“ и творецъ „прибо́рывъ“? Нѣсколько фабричныхъ платковъ, платья изъ фабричной ткани, готовую изъ одежной лавки одежду?... Если тутъ есть нѣкоторыя стороны новизны, такъ зато честь и слава за нихъ всецѣло принадлежитъ фабрикѣ да родительскому, или мужнину карману. Остается показнымъ рукодѣльемъ поясъ, полотенце да скатерть; но, приходится повторить, на производство ихъ недостаетъ ни давняго умѣнья, ни давняго терпѣнья... И какими же жалкими покажутся всѣ эти домотканки, „трубки“, когда ихъ приходится видѣть рядомъ съ фабричными издѣліями! Какъ, въ свою очередь, грубы и неряшливы будутъ одежные рубцы бѣлошвеекъ, по сравненіи ихъ съ рубцами и строчками, даваемыми, напр., швейною машиною, подъ управленіемъ опытной руки!

Какъ очевидно, въ одеждѣ, обуви, украшеніяхъ и подсобныхъ къ нимъ предметахъ обиходности простолюдинъ зашелъ нѣсколько дальше, чѣмъ въ пищѣ и питьѣ. Хорошо ли это, или нехорошо—вопросъ другой; сейчасъ же приходится свидѣтельство-

вать, что въ отдѣльныхъ случаяхъ расточительность на „спрáвы„ ложится новымъ бременемъ на крестьянское достоянiе, такъ какъ на это уходятъ не только личныя сбереженiя щеголей и щеголихъ, находившiя бывало подспорное мѣсто въ домѣ, но сюда притягиваются обрѣзки и урывки семейнаго добра путемъ хищенiя, утайки и другими преступными средствами [113]);—приходится свидѣтельствовать, что кургузистость пиджачной одежды устанавливаетъ не сосѣдскую только, но и семейную рознь,—что нарядность и уборность ея ставитъ родителей и дѣтей въ иныя, принужденныя отношенiя [114]), по которымъ сыну и дочери какъ-то жутко произносить обычное задушевное „татка-мамка“, и они только выговариваютъ совсѣмъ плоское—„бацька-матка“,—по той простой причинѣ, что „сытый голоднаго только не разумѣетъ“, тогда-какъ щегольски одѣтый и убранный человѣкъ рѣшительно перестаетъ вѣдаться съ тѣми, кто по-бѣднѣе и проще одѣты-обуты... Если родители принуждены сѣтовать на возрастающую притяжимость дѣтей къ „ласóникымъ, пыласýнкымъ“, то имъ приходится сугубо сѣтовать и безсильно противостоять дѣтскому щегольству и расточительности на него, и, какъ безсильны они остановить развивающуюся предпрiимчивость разнообразныхъ производителей и сбытчиковъ новыхъ предметовъ обиходности, такъ немощны они преградить и тѣ пути, по которымъ щегольство и уборность новой формацiи проползаютъ въ сельскую жизнь.

В.

Жиллё, сялиба, будовля [415]).

„Чужая хата горѣй ка́та [416]); а якъ свыя ха́тка—што ро́дныя матка... Суди, Богъ, купи́ць одежку ши́тыю, а хатку—крытыю... Суди, Божа, разъ жани́цца и разъ сяли́цца"... (изъ множества мѣстныхъ пословицъ о жильѣ).

Приведенными пословицами далеко не исчерпывается простонародный взглядъ на „хатку", какъ мѣсто, гдѣ человѣкъ можетъ имѣть надежный, прочный пріютъ,—не исчерпывается и область желаній простолюдина по отношенію къ той же „ха́ткѣ". Во всякомъ случаѣ этими немногими пословицами намѣчаются наиболѣе существенныя желанія, а именно: а) имѣть свою „хатку", б) получить ее готовою и в) провести въ ней всю жизнь. Несомнѣнно, что равносильныя желанія присущи и каждому осѣдлому земножителю; но у мѣстнаго простолюдина они пріобрѣтаютъ особенную силу, и чтобы отчасти понять это, такъ стоитъ: а) присмотрѣться къ печальному положенію бездомника, б) прислушаться къ холодящимъ душу причитаніямъ невѣсты, когда въ силу брачныхъ условій она оставляетъ домъ, в) присмотрѣться

къ прощанью ея или рекрута со всѣми углами, порогами и застѣнками оставляемаго жилья и г) прислушаться къ не менѣе потрясающему душу голошенью надъ покойникомъ, когда остающіеся въ живыхъ родные его хотятъ вылить, между прочимъ, и скорбь по поводу окончательнаго разставанья съ „хаткый“. Но опытъ доказываетъ, что и временная разлука съ тою же „хаткый“ во всѣ сроки и во всяческихъ проявленіяхъ жизни простолюдина не остается безразличною: тамъ, вдали, сказывается тоска по темной, тѣсной „хȧтки“, такимъ же сѣнцамъ, неприглядному на сторонній взглядъ подворью и, какъ необходимому дополненію къ сему—по кривой березкѣ на гумнѣ, мутной лужайкѣ за огородомъ... Вспоминая все это, простолюдинъ таитъ неизмѣнное желаніе, какъ бы „домо́вки“ [417])...

Если, кромѣ того, прислушаться къ завѣтнымъ рѣчамъ на тему о „хаткѣ“, да присмотрѣться къ тому, что поставляетъ простонародная жизнь, такъ великое значеніе собственной, приспособленной къ жизни и долговѣчной „хатки“, какъ и обаяніе ея, будутъ значительно яснѣе. Такъ, въ числѣ задушевныхъ христіанскихъ благопожеланій простолюдина есть и такое, которымъ онъ „ко́жныму хращо́ныму зы̆чиць [418]) родйцца и помѐрць у своей хȧтцы“, а существующее на этотъ счетъ повѣрье категорически утверждаетъ, что родившійся и умершій въ одномъ и томъ же домѣ не уноситъ въ могилу тяжкихъ грѣховъ [419]), и что личное благополучіе человѣка есть прямое слѣдствіе благополучія „хатки“, которое передается преемственно [420])... Ближайшимъ проводникомъ въ жизнь всяческихъ благополучій служитъ то, если „хатка“ стоитъ на „дѣдывщини, или ба́цькывщини“ и, въ особенности, если она ютится на „своей вѣ̀чнысци, или вячнѝнки“, т. е. на собственной землѣ. Пусть дѣдъ и отецъ прожили преблагополучно, пусть и сыну живется не хуже ихъ, но если это проходитъ на „рі́нди“ [421]), то и всѣ блага „хатки“ остаются за настоящими владѣльцами „вячнѝнки“, а „рында́цили“ есть только

споспѣшники, такъ сказать, „кузнецы чужого счастья“... Поэтому „хатка“ и послѣднія хозяйственныя пристройки къ ней заботливо удерживаются на дѣдовскихъ и отцовскихъ мѣстахъ, а незначительныя злоключенія, перенесенныя здѣсь жильцами, всегда могутъ быть покрыты находящими въ разное время благополучіями: перемерли нынѣ отъ эпидеміи дѣти, зато было время, когда въ томъ же помѣщеніи въ два съ небольшимъ года выданы замужъ семейныя дѣвушки да переженились парни; нынче перепалъ скотъ, а между тѣмъ было время, что въ томъ же самомъ „хлѣви скотъ ни стывплявся“ [422]) и т. д.

Различная нужда, а въ томъ числѣ и крѣпостническая подчиненность заставляли иныхъ покидать „дѣдывщину да ба́цькывщину“. Теперь, конечно, невозможно стать душою въ то, что при данномъ положеніи переживалъ выселенецъ; но нетрудно понять и ту единственную въ своемъ родѣ радость, когда онъ снова возвращался на „старь“. Возвращеніе на „старь“, не потерявшее жизненнаго проявленія и въ переживаемое время, имѣло особенное примѣненіе вслѣдъ за актомъ 19 февр. 1861 г., когда къ стародѣдовскимъ мѣстамъ поспѣшили возвратиться многіе выселенцы. Кому не пришлось, или не приходится вернуться „на старь“, тѣ все-таки помнятъ „дѣдывщину да ба́цькывщину“ и чтятъ фамильные поселки немногимъ меньше, чѣмъ и могилы, предковъ [423]).

Въ противоположность сему отдѣльныя лица переходятъ „на новъ“, т. е. перемѣщаютъ усадьбу, положимъ, и на „дѣдывщини да бацькывщини“, но такъ, что это принимаетъ неузнаваемый видъ: домъ строится, напр., на „тыковйщи, или пу́нищи [424]) а остальныя строенія—примѣнительно къ дому, при чемъ на мѣстѣ избы станетъ огородъ, баня и проч. Къ такому положенію обыкновенно приводятъ выдающіяся событія: уничтоженіе построекъ пожаромъ, періодическая смертность членовъ семьи, скотскіе падежи, плохое разведеніе скота и проч. Но переходъ „на новъ“

бываетъ и иначе: новая семья (отдѣлившійся сынъ, братъ, племянникъ), пришелецъ, арендаторъ, свѣжій собственникъ купленнаго участка земли, селится на совершенно новомъ мѣстѣ, гдѣ предварительно расчищаетъ „пущу дрямущу“ [425]), или располагаетъ усадьбу на заросляхъ, на чистой полянѣ. Такая „новъ“ есть полная, безусловная—и нѣтъ ей другого имени.

Кто проѣзжалъ чрезъ мѣстныя села и деревни, тѣ не откажутся припомнить, что по числу крестьянскихъ усадебъ и, слѣдовательно, по числу отдѣльныхъ хозяевъ онѣ имѣютъ слишкомъ мало общаго съ великорусскими селами, слободами, деревнями: пять, четыре, три, даже двѣ усадьбы—вотъ мѣстная деревня! Деревня въ 10—20 домовъ уже называется „большою“, свыше того —„большѐнною, огромѐнною“ [426]). Деревня Загородно, Веляшков. вол., Вит. у., состоявшая въ воспоминаемое время изъ „40 дворовъ“, своею громадностью поражала не только окрестныхъ сосѣдей, но и самихъ деревлянъ, которые считали необходимымъ добавлять: „это—ня шутка“!.. Малоусадебность деревень имѣетъ отдаленныя и ближайшія причины, входить въ разсмотрѣніе которыхъ не представляется надобности; къ этому можно присоединить развѣ то, что по душевному складу простолюдинъ не совсѣмъ общителенъ, избѣгаетъ сосѣдскихъ столкновеній, такъ возможныхъ при сосѣдливомъ житьѣ-бытьѣ. Весьма мало будетъ погрѣшности въ увѣреніи, что, какъ дѣдъ, такъ и внукъ охотнѣе устраиваются „на одинóцы“, гдѣ сосѣдскія распри не имѣютъ мѣста и гдѣ необщительность простолюдина находитъ надежный пріютъ. Что эта притяжимость къ „одинóцымъ“ не нова, по привычкамъ простолюдина, въ томъ удостовѣряли еще крѣпостническіе „одинóцы“: исполняя желáніе своего крѣпостного, помѣщикъ разрѣшалъ выбирать „одинóцы“, которые частью и по сей день устояли, а иные имѣютъ ясные слѣды давняго или недавняго „сѐлища“. Переживаемое и ближайшее время указываютъ на то же: такъ, пріобрѣтатели земельныхъ участковъ селятся не иначе, какъ „оди-

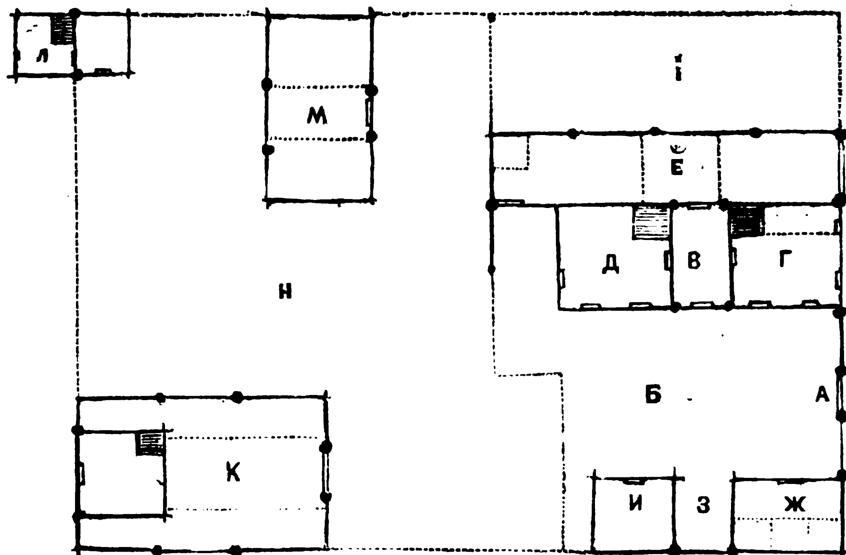
нȯцыми“, пусть это будутъ братья или другая близкая родня. При подходящихъ обстоятельствахъ, цѣлыя деревни недалекихъ отъ насъ временъ разбиваются „на одинóцы“, и лучшимъ выразителемъ сего можетъ служить б. дер. Залѣсье (на большомъ пути изъ м. Яновичъ въ с. Веляшковичи, Вит. у.), имѣвшая раньше около 10 крестьянскихъ усадебъ.

Такимъ образомъ существенными и желательными условіями для построенія „хатки“ являются: „вячнйна, дѣдывщина, или бáцькывщина, старь (для однихъ), новъ (для другихъ) и одинóцы“. Гдѣ, по волѣ судьбы, ни суждено селиться и жить простолюдину, онъ спѣшитъ устроиться съ жилыми и хозяйственными постройками въ то же самое время, когда ведетъ и свое крестьянское дѣло—пашетъ землю. Неширокій кругъ этихъ построекъ виденъ будетъ изъ послѣдующаго; совокупность же ихъ, какъ и прилегающая сюда усадебная площадь, имѣетъ поставленныя въ заголовкѣ отдѣла названія. Если эти названія замѣняются уменьшительными („жйллійка, сялйбинка, будывáннійка“), то ими не уменьшается область входящаго въ усадьбу, а только видоизмѣняется объемъ и вообще внѣшность его.

Самое опредѣленное показаніе всей „сялйбы“ даютъ „одинóцы“, гдѣ, по необходимости, приходится имѣть подъ руками все въ собственномъ хозяйствѣ, потому что однодеревляне могутъ, напр., дѣлиться нѣкоторыми постройками—баней, токомъ, сѣннымъ сараемъ и даже гумномъ (при сушкѣ сѣна). Къ совмѣстному пользованію перечисленными предметами прибѣгаютъ, однако, немногіе бобыли, захудалые „жйхыры“ [427]) да находящіеся во временномъ затрудненіи (по случаю пожара, разоренія отъ бури) настоящіе хозяева. Обыкновенно же деревенскій хозяинъ даже средней руки обзаводится полною „сялйбый“, дабы не „голйць вȯчи [428]) позыкый“ да „не раскидывать своего добра по чужимъ

угламъ". Во всѣхъ случаяхъ „стоіищыго жйхырства сялйба" имѣетъ слѣдующія части:

Чертежъ А.



(Отдѣльныя части „сялйбы": а—въѣздныя во дворъ ворота, б—подворье, в—сѣни, г—главная жилая изба, д—„прійзба, или исцёпка", е—„хлѣвы", ж—клѣть, з—повѣть, и— „повклѣць", і—садъ, или площадь огорода, к—токъ, л—баня, м—„пуня", н—площадь огородовъ и гуменныхъ лужковъ; наружные пунктиры и внутренніе межъ построекъ—изгородь; пунктиры внутри строеній—временныя перегородки (въ хлѣву), закрома (въ клѣти), отдѣленія токовища (въ току) и стороны сѣновала (въ „пуни"); зачерненные квадраты—печи въ теплыхъ строеніяхъ, перекрещенныя оконечности линій—срубныя соединенія бревенъ; кружки—заборные столбы съ пазами).

Нѣтъ надобности удостовѣрять, что приведенная планировка есть наиболѣе совершенное расположеніе „сялибы". Какъ видно

будетъ изъ послѣдующаго, вся крестьянская усадьба и отдѣльныя части ея далеко не подчиняются правильнымъ линіямъ чертежа, а на практикѣ размѣщаются или такъ, „какъ Богъ на душу положитъ", или какъ пригонятъ обстоятельства. Такъ, тѣсно другъ къ другу, располагаются только изба, хлѣвъ и клѣть, и въ размѣщеніи ихъ видится кое-какая ординарность, т. е. отдаленные хозяева и однодеревляне даютъ имъ одинъ и тотъ же распорядокъ, внѣшній и внутренній видъ. Что же касается остальныхъ усадебныхъ построекъ, то здѣсь вполнѣ оправдываются пословичныя сказанія: „всякій молодецъ—на свой образецъ", „кто во что гораздъ", и „моему нраву ни припятствуй"! Конечно, обычная предосторожность обязываетъ помѣщать подальше отъ дома такія строенія, какъ токъ и баня, изъ коихъ послѣдняя отстоитъ нерѣдко на версту отъ дома,—что зависитъ отъ положенія водовмѣстилища. Но тутъ же рядомъ можно встрѣтиться съ непонятною забывчивостью строительныхъ предосторожностей, когда токъ стоитъ на мѣстѣ „пуни" (м), тогда какъ послѣдняя, какъ и „клýня", если только она есть, помѣщены въ отдаленныхъ углахъ усадьбы. Въ особенности, такая задорная забывчивость встрѣчается въ расположеніи другъ къ другу сосѣдскихъ построекъ [129]).

Наиболѣе неустойчивымъ является расположеніе усадьбы и, главнымъ образомъ,—жилыхъ построекъ къ дорогѣ. Естественно ожидать, что послѣднія должны быть при дорогѣ, чтобы жильцамъ можно было бы хотя изрѣдка „и себя показать и на людей (проѣзжихъ, прохожихъ) посмотрѣть". Но, какъ кажется, за этимъ послѣднимъ деревлянинъ гоняется меньше всего. Что показать? Бѣдноту и грязь подворья, какъ и внутренность избы, кои сторонній можетъ видѣть чрезъ сквозной заборишко и окна? Семейныя „сварки, спирáння [130]) да дѣлежъ хохловъ"? Нѣтъ, уже лучше и не показывать этого! „Посмотрѣть"? Но кто же не знаетъ того, что „за посмотръ (да за просмотръ) деньги платятъ", иногда—и очень большія! Тамъ путникъ напросится на одол-

женіе, здѣсь—алчникъ приберетъ, что плохо лежитъ; нищіе и цыгане скрадутъ дитя, проѣзжіе подшибутъ его. И мало-ли подобныхъ невзгодъ упадетъ на придорожныхъ жильцовъ, какъ и на главныя части усадьбы.

Это одна сторона дѣла, такъ и иначе доступная къ примиренію. Но какъ совладать съ неумолимыми силами природы—зимнею и осеннею стужею, когда чрезъ плохо пригнанныя, недостаточно мшеныя бревна, изъ которыхъ, кстати, пташки повытаскали немало мху въ гнѣзда, станетъ врываться въ избу и „хыдунёмъ—хадиць“ [431]) вѣтеръ? А вѣдь очень возможно, что усадьба пришлась на „бнйдáни“ [432]), на юру!

Совокупность указанныхъ причинъ и, пока-что, недостатокъ общительности, или по мѣстному—„людáнысци“, [433]), дѣлаютъ то, что значительная часть жилыхъ построекъ: а) сторонится отъ дорогъ и б) закрывается холодными постройками, какъ щитами, отъ непобѣдимыхъ силъ природы. На непривычный взглядъ это можетъ показаться дикимъ, отзывающимся стародавнимъ невѣжествомъ. Но вѣдь за малыми изъятіями, тотъ же характеръ имѣютъ усадебныя расположенія новѣйшей формаціи жильцовъ, которыхъ не всегда можно упрекнуть въ „стародавнемъ невѣжествѣ“ и дикости.

Зная все это, едва-ли можно порицать простолюдина за его усадебный распорядокъ, и не лучше-ли завернуть въ его „сялибу“, какъ она есть, да присмотрѣться къ тому, что въ ней есть. „Завернуть“ сюда можно „гуменными, пызадкывыми“ [434]) путями: для сокращенія дѣла, такими путями пробираются свои люди—родня, сосѣди и сами семьяне. Но, на правахъ почестнаго, хотя и неожиданнаго гостя, сдѣлать это приходится иначе—чрезъ выѣздныя съ улицы ворота.

I. Передъ хаткой.

Въѣздныя съ улицы ворота есть не всегда тѣ „ворота тесовы“, о которыхъ гласитъ пѣсня: совершенно одинаковыя ворота

можно увидѣть на задворной сторонѣ, въ хлѣву, току, сараѣ, въ полевыхъ изгородяхъ и на выгонѣ. Это—двѣ неравномѣрныя колонны (брусковыя или круглыя), на саженномъ и болѣе разстояніи другъ отъ друга скрѣпленныя пятью-шестью тесаными досками, или столькими же жердочками. Болѣе длинная колонна нижнимъ концомъ помѣщается въ „пятникѣ", которымъ бываетъ то лежащая плаха, съ выдолбомъ въ верхней сторонѣ, то вкопанная въ землю старая ступица,—верхнимъ же концомъ колонна проходитъ сквозь надворотную перекладину, на высотѣ, какъ пройти возу сѣна. А чтобы ворота не распадались, то, для скрѣпленія горизонтальныхъ перекладинъ и колоннъ отъ длинной къ основанію короткой, въ наклонномъ положеніи, укрѣплена отдѣльная досчатая, или жердочная перекладина. Обѣ колонны плотно приходятся къ двумъ „шýлымъ" [435]), дающимъ широту воротъ и служащимъ для замёта, который по одну сторону доходитъ до избы, а по другую—до клѣти. Каковъ ни есть замётъ, составляющія его простыя стесанныя бревнышки или доски обыкновенно лежатъ горизонтально, другъ на другѣ, и прямо достигаютъ весьма часто саженной высоты. Если хозяинъ желаетъ сдѣлать свой „дворъ знитнымъ" [436]), то заборныя части будутъ приложены плотно, такъ что любопытный глазъ не можетъ проникнуть чрезъ щели. Въ этомъ случаѣ и ворота будутъ имѣть иное построеніе: воротныя доски, прикрѣпленныя внизу и вверху къ двумъ рамамъ и плотно соединенныя одна съ другою, какъ и съ колоннами, будутъ держаться вертикально, при чемъ высота ихъ будетъ нѣсколько больше заборной.

Къ слову о воротахъ, какъ и „фóрткыхъ" [437]), остается прибавить, что въ отдѣльныхъ случаяхъ и мѣстахъ встрѣчаются ворота „пырканныи" [438]) (въ пчельникахъ, садахъ) и соломенныя (въ хлѣвахъ), гдѣ тонкія „пыркáнинки" и солома плотно и крѣпко переплетаются промежъ горизонтальныхъ перекладинъ.

Площадь двора остается условною, хотя наименьшая величина ея бываетъ не ниже 9—12 кв. саж. Правда, въ бобыльскихъ усадьбахъ дворъ съуживается до площади въ 4 кв. саж. и менѣе, чтобы чрезъ то выиграть площадь огорода; но при такихъ домахъ часто не бываетъ хлѣва, клѣти, какъ и остальныхъ усадебныхъ построекъ,—чрезъ что нѣтъ надобности въ просторномъ подворьѣ и воротахъ, вмѣсто которыхъ достаточно калитки. Велика ли, или мала площадь двора, послѣдняя неминуемо убавляется „дровосѣчнымъ угломъ", собачьею конурою, временными изгородными постройками—для „засадки" откармливаемыхъ гусей, свиней и для „отсàдки" поросятъ—„отсóскывъ". Кромѣ того, на дворѣ почти безсмѣнно стоитъ водовозный, при отдаленности воды, и другой экипажъ, или лежатъ вороха соломы для постилки хлѣва впредь до помѣщенія таковой по принадлежности и мн. др.

Что же касается формы площади, то наиболѣе желательною является площадь квадратная. Если по условіямъ построекъ нельзя достигнуть этого, то заботятся о возможно правильномъ четыреугольникѣ площади,—что съ небольшими выступами и уступами построекъ почти всегда и достигается.

Чисторядность двора, въ свою очередь, остается условною, хотя слѣдуетъ признать, что нарушителей таковой есть всегда больше, чѣмъ охранителей, и что въ простонародномъ быту одинъ и тотъ же дворъ есть бѣлый и черный. Умыванье лѣтнею порой, выплескиванье грязныхъ помоевъ во весь годъ даютъ на дворѣ несмѣняемую влажность, которую вмѣстѣ съ другими слѣдами пребыванія вершаетъ скотъ да дождь. Если присоединить къ сему наносы съ дровосѣчнаго угла, соломы съ крышъ при вѣтрѣ, наносы навозной соломы изъ хлѣва, при слѣдованіи скота на водопой, на паству и обратно, наносы съ „шумѣтника", набросы при дѣтскихъ играхъ, куриные разгребы и рытье свиней, то недостаточная чисторядность двора будетъ вполнѣ обрисована.

Но если дворъ приходится на низинѣ, благодаря чему грязь удерживается здѣсь дольше, то такая нечисторядность бываетъ значительно больше. Тогда, въ помощь дѣлу, подворье устилается древесными стволами, случайными полѣньями, случайными кусками кирпичей и такими же камнями. Все это дѣлается не сразу, а по частямъ, какъ набѣжитъ необходимость, да такъ и остается на мѣстѣ, куда было положено... Набѣжитъ новая нужда, къ старому замащиванью прибавляется новое и т. д.

Тѣмъ не менѣе, къ воскресному и праздничному дню безпорядочность и неряшливость двора нѣсколько исправляются: при помощи граблей, метлы и „сдвигалки“ [439]) неряшливое насланіе двора будетъ прибрано къ хлѣвному подходу, а настилка выровнена. Тоже сдѣлано будетъ и при посѣщеніи именитаго, даже внезапнаго гостя: пока тотъ просидитъ въ избѣ да прикончитъ дѣло, кто нибудь изъ семьи спѣшно уберетъ дворъ и „зыхворосницъ“ [440]) его, такъ что гость будетъ выходить изъ дому по преобразованному двору...

Передъ входомъ въ сѣнныя двери приходится стать на „ганыкъ“ [441]), которымъ бываетъ или небольшой деревянный помостъ съ однимъ-двумя „уступцыми“, или широкій брусъ, одна двѣ плахи, или плоскій камень, даже старый, иногда разбитый жерновъ. Когда сѣнной порогъ довольно высокъ, а это такъ обычно ради того, чтобы въ сѣни не забиралась мелкота изъ домашнихъ животныхъ, то по другую сторону его, уже въ сѣняхъ, бываетъ соотвѣтствующій помостъ, или подкладка, особенно, если сѣни немощеныя.

Самая дверь бываетъ низка и узка (2 арш. 5 верш. высотою и 16—20 верш. шириною), и чтобы безнаказанно пройти чрезъ нее, такъ необходимо нагнуться, подобно тому, какъ это дѣлаютъ постоянные жильцы дома, у которыхъ сила этой привычки такъ развита, что, при наступленіи на „ганыкъ“ ногою, голова машинально наклоняется передъ двернымъ „ушакомъ“ [442])

и выпрямляется по ту сторону его. По силѣ привычки, такой поклонъ обязательно сдѣлаютъ жильцы и при другихъ положеніяхъ, лишь бы нога ступила на такой, или иной помостъ...

Въ простѣйшихъ случаяхъ сѣнная дверь есть нѣсколько досокъ, по возможности, плотно прилаженныхъ другъ къ другу и скрѣпленныхъ „иглицами“ [443]) со стороны сѣней, на двухъ гнутыхъ деревянныхъ петляхъ, вздѣтыхъ на деревянные крючья съ той же стороны. Вверху и внизу дверное отверстіе ограничивается заметными бревнами, а по сторонамъ—„шу̀линкыми“ съ парами для сѣнного замета. Все это вершаетъ туго вправленный колышекъ (8 верш.), при помощи котораго дверь „одхута̀итца и зыхута̀итца“ [444]); тутъ же, въ крайней доскѣ, недалеко отъ колышка, вбивается желѣзный „чѐпиль“, а противъ него, „въ шу̀лини“ —желѣзная „кля̀мка“, [445]) для болѣе прочнаго затвора двери и привѣса замка. Для запора той же двери съ внутренней стороны имѣется то деревянная, то желѣзная „засо̀вка“ которая иногда можетъ запираться и снаружи чрезъ косяковую пробоину особымъ желѣзнымъ ключомъ [446]). Но есть и другой видъ „засо̀вки“: съ внутренней стороны двери, на особомъ шарнирѣ, прилаживается нетолстый брусъ, или жердочка, кои другимъ концомъ входятъ въ отдѣльный крюкъ „шу̀линки“. При помощи веревочки, однимъ концомъ проходящей наружу чрезъ дверную доску, такая „засо̀вка“ можетъ подниматься и опадать въ гдѣздо между крючкомъ и „притылыкый“ [447]), или же это дѣлается рукою чрезъ сквозную прорѣзь двери.

Сѣнная дверь съ такими приспособленіями есть крайняя, хотя и нерѣдкостная. При лучшихъ условіяхъ, та же дверь будетъ вправлена въ косящатые брусья, будетъ на желѣзныхъ завѣсахъ и съ желѣзною задвижкой. Къ этому остается прибавить, что та и другая дверь отворяется внутрь сѣней и непремѣнно съ правой стороны.—Минуя небольшой проходъ сѣней, посѣтитель очутится передъ такою же дверью, ведущею внутрь хатки.

II. Хатка снаружи.

Хатка, куда приходится зайти посѣтителю, имѣетъ слѣдующія названія: „хоро́ма, хоро́мина, хацёнка, халу̀пка, хабу̀нька, хиба̀рка“ [448]) и мн. др. Въ этихъ разнообразныхъ именахъ хатки не всегда скрыты малообъемистость, неряшливость, относительная старость ея: по смиренію, иной назоветъ „халу̀пкою“ совершенно новую избу; другой, напротивъ, полуразваливающуюся хатку именуетъ „хоро̀минный“, или „пылацымъ“ [449]). Но подъ какимъ-бы именемъ ни выражено было понятіе хатки, всѣмъ понятно, что тутъ идетъ рѣчь о жиломъ помѣщеніи деревлянина, а преувеличенное названіе предмета, иносказаніе о немъ вызоветъ развѣ улыбку, а не недоумѣніе, не непонятливость. Съ такимъ предварительнымъ взглядомъ нелишне первоначально ознакомиться съ внѣшнимъ построеніемъ хатки, которое изъ края въ край, у богача и бѣдняка, „жи̂хыра“ и бобыля имѣетъ шаблонную однообразность.

Когда мѣсто для хатки облюбовано, когда по немъ пришлись и сказались благопріятными всѣ вѣковѣчныя на сей предметъ испытанія, и когда оно удовлетворяетъ строительнымъ требованіямъ, т. е. между прочимъ, имѣетъ нужную „рывня̀дь“ [450]), тогда къ дѣлу приступаютъ мастера, которые, послѣ традиціонныхъ подступовъ, кладутъ первый вѣнецъ [451]) непосредственно на землю и на нѣкоторое время прерываютъ работу—перепиваютъ и перекусываютъ. Нужно замѣтить, что эти фундаментныя бревна бываютъ значительно толще остальныхъ; послѣ вѣнечныхъ надрубовъ они оставляются съ болѣе удлиненными концами, примѣрно, равными ширинѣ будущей завалинки. Уже спустя „ла́дныю часинку“ [452]), въ которую вошелъ иногда и краткосрочный сонъ, мастера приступаютъ къ дальнѣйшей, безостановочной работѣ. Отъ ихняго „тяпъ да ляпъ“ дня въ три создается тотъ „корабъ“ [453]),

въ которомъ поплыветъ по великому житейскому морю крестьянская жизнь...

Правильность избяного четыреугольника достигается не при помощи плотничьяго наугольника, а „цимкàми“ [454]) мастеровъ, при чемъ, наиболѣе предусмотрительный, или нежелающій скомпрометировать себя мастеръ, пожалуй, сдѣлаетъ измѣреніе противолежащихъ угловъ какою-либо старою, достаточно обтянувшеюся веревкой: равно разстояніе однихъ противолежащихъ угловъ разстоянію другихъ такихъ же угловъ—правильность избяного четыреугольника достаточно опредѣлилась; если же вышла незначительная неточность, такъ стоитъ ли хлопотать объ исправленіи ея?—Точно также навычный, а тѣмъ болѣе начинающій мастеръ не станетъ возиться съ плотничьимъ отвѣсомъ, а вертикальное положеніе стѣнъ опредѣлитъ тѣми же „цимкàми“. Такимъ образомъ, изъ-подъ рукъ деревенскихъ плотниковъ можетъ выйти иногда дважды косая хатка: съ косымъ четыреугольникомъ и съ косыми стѣнами, даже и тогда, когда ненавычный плотникъ будетъ пользоваться надлежащими указаніями и нѣкоторымъ руководительствомъ настоящихъ мастеровъ.

Если спускъ бревенчатыхъ пазовъ и угловыхъ соединеній дѣлается небрежно, неумѣло, то часто глубокія щели между бревнами обильно уснащаются мхомъ, такъ какъ хатка должна быть прежде всего мшеною. Въ первый годъ, пока мохъ и бревна сыроваты, хатка держитъ достаточное тепло; на другой годъ, благодаря лѣтней высушкѣ и отчасти хищничеству мелкихъ пташекъ, несмотря даже на осѣданіе хатки, послѣдняя удерживаетъ лишь половину прежняго тепла. Здѣсь-бы умѣстно было притти на помощь съ конопаткой; но до этого додумываются немногіе, тѣмъ болѣе, что пакля употребляется на довольно разнообразныя надобности, какъ о томъ сказано было раньше [455]). Большинство жителей предоставляетъ дѣло времени: осядетъ хатка—бревна прилегутъ плотнѣе другъ къ другу, а тѣмъ временемъ снаружи и

внутри можетъ набѣжать случайная конопатка—и должное тепло придетъ само собою. Но пока оно придетъ, внутреннія щели хатки начнутъ конопатиться затычками вычесанныхъ волосъ, наскоро всткнутыхъ да такъ и забытыхъ тряпичныхъ обрывковъ, и, въ особенности, безчисленными семьями избяныхъ паразитовъ, съ которыми со второго года существованія хатки зачинается жестокая война, затягивающаяся до конца службы хатки... [456]).

На высотѣ пятаго вѣнца прорубаются окна (4—3 окна), кои бываютъ двухъ видовъ: меньшія—„болóнчитыи“ и бóльшія—„кватэрчитыи“ [457]). Въ тѣхъ домахъ, гдѣ хозяева „видѣли свѣтъ“, или „бéруць на пыхи“, послѣднихъ оконъ будетъ два, или, по крайней мѣрѣ, одно, при „кýци“; но гдѣ нѣтъ этого, тамъ и всѣ окна будутъ только „болóнчитыми“. Эти скромныя по размѣрамъ (предѣльною длиною ихъ можно считать 8 верш., а высотою—6 верш.) окна есть ничто иное, какъ равномѣрный прорубъ въ двухъ, лежащихъ другъ на другѣ бревнахъ, до двухъ третей каждаго бревна. По окончательномъ сооруженіи хатки, просѣки съ наружной стороны заставляются мѣрными „вокóшкыми“ съ остекленіемъ, гдѣ рама (8×6 верш.) имѣетъ по срединѣ вертикальную перегородку и куда стекла разъ навсегда вправлены въ рамочные пазы; съ внутренней же стороны тѣ же просѣки заволакиваются мѣрными досками, свободно отодвигающимися въ сторону. Эти волоковыя доски зимнею порою имѣютъ подобіе и значеніе „подвойныхъ вокóшикъ“, въ лучиночные вечера они прикрываютъ для любопытныхъ домашнее нестроеніе, кое-когда даютъ возможность произвести днемъ искусственную темноту [458]), а лѣтомъ, когда окна вынимаются окончательно и когда жильцы пользуются свѣтомъ непосредственно отъ свѣтоноснаго источника, волоковыя доски даютъ необходимую ради спасенія отъ мухъ темень, или же—защиту отъ лѣтнихъ холодовъ.

„Кватэрчитыи вокóшки“ зачинаются на той же высотѣ, т. е. съ пятаго вѣнца, и мѣстонахожденіемъ ихъ слѣдуетъ считать

обѣ стороны краснаго угла. Эти окна приходится назвать бо̂льшими лишь относительно: по внѣшнему виду они представляютъ квадратные прорубы, каждая сторона которыхъ равняется 12 верш., рѣдко—1 арш. Существенное отличіе большихъ оконъ состоитъ въ томъ, что они имѣютъ косящатыя „притылки", или, по крайней мѣрѣ,—двѣ боковыя стойки, въ пазы которыхъ плотно входятъ концы урѣзанныхъ бревенъ. Въ послѣднемъ случаѣ подоконникомъ является не подложенная доска, а стесанная, по возможности, гладко сторона бревна, какъ то́ бываетъ у „боло́нчитыхъ воко̂шикъ". Какъ замѣчено выше, большія окна составляютъ щегольство и даже роскошь дома; болѣе скромное положеніе, погоня за теплотою и нѣкоторая закоснѣлость пригоняютъ къ довольству одними только малыми окнами: тутъ меньше расходу на остекленіе, можно приладить волоковыя доски и нѣтъ надобности въ употребленіи соломенныхъ матовъ, какъ это необходимо зимнею порою, или же не вызываетъ построеніе „окѐйницъ" [459]).

Одновременно съ оконными просѣками идетъ капитальный просѣкъ для входной двери. Чтобы удержать разъединенныя бревна, концы сихъ послѣднихъ сдерживаются шипами (шипъ вколачивается въ нижнее бревно и входитъ въ соотвѣтственный пазъ верхняго). При окончательномъ сооруженіи хатки и при посадкѣ двери, дверной просѣкъ вершается тремя косяками. О высотѣ и ширинѣ готоваго просѣка нельзя устанавливать точной мѣры: въ иной хаткѣ просѣкъ позволяетъ пройти безъ наклона головы человѣку средняго роста; тамъ же, гдѣ гоняются за теплотой, этотъ просѣкъ будетъ немногимъ больше сѣнного. Въ томъ и другомъ случаѣ высота просѣка убавляется высокимъ порогомъ, и чтобы переступить послѣдній, приходится заносить ногу значительно выше обыкновеннаго [460]).

Количество вѣнцовъ въ выведенныхъ стѣнахъ опять же не поддается условному числу: тутъ все зависитъ отъ толщины бревенъ. Если бревна имѣютъ діаметръ въ 4 верш., то стѣны закан-

чиваются на 15 вѣнцѣ: тогда получится хатка болѣе средней вышины. Въ этомъ случаѣ послѣ 12—13 вѣнца кладутся три потолочныя „ба́льки“, кои потомъ закрываются однимъ-двумя заключительными вѣнцами. Когда такимъ образомъ выведены стѣны, на вершинныхъ бревнахъ уставляются кревы (4—5 паръ), то въ бревенные прорубы, то прибиваются къ бревнамъ прочными деревянными гвоздями. Въ дальнѣйшемъ слѣдуетъ настилка „ла̀тывъ“, кои въ соединеніи съ крёквами даютъ „поплётъ“, будучи прикрѣплены къ латамъ прутьями. Такое прикрѣпленіе „ла́тывъ“, весьма обычное въ остальныхъ строеніяхъ, гдѣ дѣло идетъ спѣшно, въ хаткѣ бываетъ значительно рѣже; обыкновенно „ла́ты“ прикрѣпляются къ кревамъ деревянными гвоздями.

Когда „поплётъ“ готовъ, по немъ стелется соломенная крыша, которая бываетъ: простая и „подъ щетку, или гребенку“ [461]). Послѣдняя, наиболѣе прочная и красивая вызываетъ отдѣльныхъ знатоковъ кровельнаго дѣла,—что для большинства недоступно и несовсѣмъ сподручно, особенно, если дѣло сводится къ скорѣйшему окончанію хатки. Гдѣ есть достатокъ хвойнаго лѣса и гдѣ умѣютъ дѣлать кое-какія драницы, соломою покрываются лишь верхнія половины крыши; остальныя же части ея настилаются драницами, для прикрѣпленія которыхъ служатъ настильные тонкіе брусья по линіи, гдѣ одинъ рядъ драницъ примыкаетъ къ другому. Такія типичныя крыши почему-то чаще встрѣчались у „казёнцывъ“ [462]) (Поддубье, Витеб. у., окрестности Спасскаго и Махирова, Пол. у.).

Доведенная до накрышки хатка „сто̀литца до̀шкыми“, т. е. постилается по балкамъ пилеными, а въ бѣдныхъ положеніяхъ тесаными досками, даже стесаными половинниками, но плоскою стороною внизъ; при чемъ, для прочности, каждая „до̀шка“, а половинникъ—по преимуществу, прибивается къ балкамъ однимъ, двумя или тремя деревянными гвоздями. Послѣднее является несовсѣмъ желательнымъ: дырчатая балка теряетъ долю прочности;

кромѣ того буравчатыя или долотныя дырья въ балкахъ не могутъ считаться благопріятными по чисто-суевѣрнымъ причинамъ [463]).

Со стороны „горы столь“ [464]) обильно настилается мхомъ, кострикою, усыпается слоемъ земли верш. на 2—3, втаскиваемою туда въ ведрѣ или мѣшкѣ, на веревкѣ. Земляное наслоеніе снова засыпается „кострóй“. Благодаря сему, хатка достаточно защищена сверху на предметъ выхода „скрозь столь“ избяного тепла, какъ и протока въ нее оттуда же внѣшняго воздуха. На послѣдній случай „гырá защйтывыитца“ съ фронтовой части крыши, т. е. забирается тонкими досками, не менѣе тонкими половинниками, или же заборными предметами—тонкими бревнышками, иногда слегка стесанными съ обѣихъ сторонъ. Но если фронтовая часть имѣетъ спускную крышу,—что проще и обыденнѣе, тогда „гырá“ защищена отъ вѣтра и холода наиболѣе желательнымъ образомъ.

Какъ въ хаткѣ, такъ и во всѣхъ другихъ строеніяхъ стороны крыши дѣлаются весьма „отвóными“ [465]), и въ соединеніи образуютъ прямой и даже тупой уголъ. Видимые недостатки такой крыши стараются объяснить тѣмъ, что по ней удобнѣе ходить при сгребаніи снѣга зимнею порой, что на ней задерживается дождевая влага, необходимая крышѣ послѣ сухихъ дней, и т. под. Вѣрно-ли это—не приходится оспаривать; но нельзя не примолвить, что мѣстные кровельщики боятся ползать по крутой крышѣ и дѣлаютъ ее „отвóный“ ради личныхъ удобствъ...

Вполнѣ законченная крыша вершается отдѣльною настилкою и насыпкою вдоль гребня кострики, для удержанія коихъ кладутся по гребню спеціальные кóзлы на аршинномъ и болѣе разстояніи другъ отъ друга. Кромѣ прямой цѣли, это придаетъ хаткѣ, какъ и другимъ постройкамъ, красоту и типичность, кои составляютъ обособленность то отдѣльной „сялйбы“, то цѣлой деревни,

гдѣ гребни крышъ увѣнчаны стройными, однообразными „рогўльками“ [466]).

Стрѣховые концы крыши, куда пришлись „комлёвыя“ части соломы, уравниваются лопатнымъ прибоемъ, или надрѣзываются косою, сѣчкою, большимъ ножомъ. Что же касается уравненія бревенныхъ концовъ по угламъ, то это дѣлается послѣ всѣхъ плотничныхъ и каменныхъ работъ, дѣлается глазомѣрною отпиловкою концовъ, топорнымъ обрубомъ „ны цямкй“,—что можно видѣть въ значительномъ большинствѣ строеній, а нѣкоторыя изъ нихъ, даже хатка, такъ и остаются до конца дней своихъ съ необрубленными углами.

Заботы о прочности и должайшей по возможности службѣ хатки обязываютъ щадить бревно, которое не стесывается ни снаружи, ни снутри: равняются и стесываются лишь сучковатости бревна и прилегающія къ нимъ мѣста, или дѣлается то же въ отношеніи кривыхъ бревенъ. Такимъ образомъ, мѣстная хатка есть бревенчатая въ полномъ значеніи слова, и изъятій окажется немного, развѣ въ позднѣйшихъ постройкахъ.

Обычнымъ строительнымъ матеріаломъ для хатки служатъ ель и сосна, которыхъ пока достаточно на мѣстныя надобности. Но гдѣ есть недостатокъ въ краснолѣсьѣ и подручнымъ является только чернолѣсье, тамъ встрѣчается хатка и другія хозяйственныя строенія изъ березовыхъ, даже „юдашёвыхъ бирвеннивъ“ [467]). Нѣтъ надобности удостовѣрять, что такія постройки недолговѣчны и тогда, когда бываютъ холодными; что же касается теплыхъ помѣщеній, то строительный матеріалъ изъ чернолѣсья едва цѣлѣетъ до 15 лѣтъ, послѣ чего онъ начинаетъ „трупѐхныць“ [468]), обращаться въ „пырохню“; даже въ первые годы онъ выпускаетъ губку за губкой не только снаружи, но и снутри, и это не похоже на хатку изъ краснолѣсья, гдѣ съ теченіемъ времени бревно крѣпчаетъ, особенно снутри, настолько, что въ него трудно вколотить желѣзный гвоздь, впустить буравъ и долото и только ниж-

ніе вѣнцы, соприкасающіеся съ землей (завалинки съ трехъ наружныхъ сторонъ) подгниваютъ скорѣе верхнихъ; но это можетъ случиться лишь въ такой срокъ, когда березовая, напр., хатка придетъ къ окончательному разрушенію.

Когда матеріаломъ для хатки были исключительно сосновыя, наиболѣе смолистыя бревна, и когда они заготовлены въ условную пору [469]), то нельзя удивляться, если хатка пріютитъ два и даже три поколѣнія, т. е. просуществуетъ около 100 лѣтъ. По общему удостовѣренію, позднѣйшій, хотя бы и довольно толстый, смолистый лѣсъ, не выдерживаетъ такой долговѣчности, и единственнымъ пока исключеніемъ служатъ при-двинскіе лѣса Вел. у. и, въ особенности, сосновый лѣсъ изъ тіостенскихъ дачъ, Гор. у., гдѣ почва придаетъ дереву особенныя строительныя достоинства, по крайней мѣрѣ, въ памятное время этотъ лѣсъ имѣлъ преимущественную цѣнность на лѣсномъ рынкѣ.

Чисто дубовой, ясеневой и кленовой хатки нельзя встрѣтить, сколько потому, что эти деревья не составляютъ большихъ, сплошныхъ лѣсовъ, а если и такъ, то доступъ къ нимъ труденъ, столько и потому, что строительная обработка крѣпкаго матеріала значительно труднѣе. „Хилый бѣлоруссъ“ и не гонится за упрямымъ строительнымъ матеріаломъ, употребляя его развѣ на „шулы“, на отдѣльныя части построекъ да на мелкія подѣлки—экипажныя, бондарныя и другія. Въ свою очередь, нельзя встрѣтить и „каминицъ“ [470]), до которыхъ и не думалъ доходить простолюдинъ воспоминаемаго времени, хотя тамъ и здѣсь видѣлъ ихъ въ господскихъ усадьбахъ и въ общественныхъ зданіяхъ (корчмы). Это вызывало не только непривычное грязное отъ начала до конца занятіе, какимъ на самомъ дѣлѣ является обработка кирпичей, но и спеціальныхъ знатоковъ каменной стройки,—вызывало много другихъ непонятныхъ расходовъ, а главное—могло ложиться давленіемъ на перемѣну вѣковѣчныхъ привычекъ: какъ тутъ приладить необходимыя внутреннія приспособленія, вколотить, напр., въ

стѣну деревянный гвоздь для ручника, высверлить дырья для „мувальныхъ“ надобностей.

По тѣмъ же причинамъ хатка не имѣетъ даже каменнаго фундамента и нижнимъ вѣнцомъ стоитъ непосредственно на землѣ. Если мѣсто задалось не съ сырымъ грунтомъ и если къ хаткѣ нѣтъ подтека, то фундаментный вѣнецъ продержится дольше; въ противномъ случаѣ первовѣнечныя бревна, послѣ нескончаемаго пороста губокъ и грибовъ, подгниваютъ—и хатка почти равномѣрно осѣдаетъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ тутъ проходитъ единственная въ своемъ родѣ картина: построивъ хатку въ красную пору жизни и, скажемъ, приспособивъ ее къ своему росту, въ дальнѣйшее время, по мѣрѣ осѣданія хатки и самого строителя, послѣдній, незамѣтно для себя и другихъ, до конца дней своихъ остается въ одномъ и томъ же отношеніи къ высотѣ хатки... Такъ, осѣданіе хатки предоставляется естественному теченію, и подгнившія бревна не замѣняются новыми, потому что строительнаго подвѣса зданій деревляне опасаются: скоростѣлая кладка стѣнъ и ненадежные скрѣпы ихъ при подъемѣ могутъ грозить разрушеніемъ постройки, которая нерѣдко не переноситъ снѣжныхъ залежей на крышѣ и средней бури... Впрочемъ, осѣданіе хатки еще не очень грозно, и только наиболѣе рослому приходится ходить въ ней согнувшись. Иное дѣло, когда у той же хатки начнутъ отгнивать наружные углы, да стѣны „кырыбáцютца“, но и тутъ жильцы не особенно горюютъ: мѣсто отпавшаго углового конца обильно замазывается глиною, а выперпіяся бревна подпираются снаружи, или снутри бревенчатыми подпóрками. Слѣдуетъ оговориться, что къ подпоркамъ хатки приводитъ захудалое „жйхырство“, или же извѣстная всѣмъ безпечность бобыля.

Скорѣйшему, по крайней мѣрѣ, неудержимому осѣданію хатки отъ нижнихъ вѣнцовъ весьма много способствуютъ три завалинки, изъ коихъ одна дѣлается со стороны хлѣва, а двѣ остальныя, болѣе благоустроенныя—съ фронтона и надворной стороны. Зани-

мая по меньшей мѣрѣ, высоту двухъ вѣнцовъ, завалинки медленно, но прочно гноятъ нижніе вѣнцы. Это знаютъ устроители хатокъ и всетаки не отстаютъ отъ завалинокъ, которыя существеннымъ образомъ защищаютъ фундаментъ отъ холода и вѣтра, но въ то же время даютъ самую удобную лавочку для сидѣнья и лежанья лѣтнею порой, такъ какъ благоустроенныя завалинки имѣютъ дерновую поверхность и, по возможности, оберегаются отъ куръ и свиней.

Обращаясь къ послѣднему требованію отъ хатки—размѣрамъ ея—приходится вспомнить, что обычная непритязательность простолюдина, скромныя требованія его, или лучше—способность и умѣнье „жиць, якъ ныбягйць“ [471]), довольно осязательно сказались на размѣрахъ хатки. Относительно скромности таковыхъ простолюдинъ разсуждаетъ, что „у цяснóци якъ-ни-якъ прыживёмъ, абы тóльки ни въ обйди“. Въ самомъ дѣлѣ: на что ему хата, которая своими размѣрами не подходитъ къ малорослости жильца? На что ему „стодòла ёдыкыя, стáйня, лядóвня, вывкывня?“ [472]) Вѣдь не „балы былювáць, ни пиры пирувáць“ приходится въ хаткѣ, а только „жиць-спыживáць [473]), ды дòбрыя ныживáць?!“ А такой рай можно сыскать не только въ хаткѣ, но и подъ елью, когда только есть „хлѣба край“.

Къ построенію скромной хатки, между прочимъ, приводитъ и сцѣпленіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ. Такъ, срубить „тóвстыю лясйнину“ нѣсколько трудновато и не всегда сподручно, а захудалая лошадка едва ли выволочетъ „тòвстыя, довгóя бирьвянó“ съ мѣста порубки; мастерамъ труднѣе поднимать на высоту такое бревно... Стачивать же бревна, какъ тó дѣлаютъ городскіе плотники при большихъ деревянныхъ постройкахъ, для хатки неудобно: сдѣлать это не всякій сможетъ, при томъ же въ хаткѣ окажутся лишнія щели, а главное—чрезъ то нарушается цѣлостность хатки и стройки ея [474]). Такимъ образомъ мѣстная хатка невольно остается въ скромныхъ размѣрахъ, и непривычный посѣтитель

удивляется имъ, когда познакомится съ наличностью хатки, т. е. съ составомъ жильцовъ, съ недвижимою и движимою принадлежностью ея. И жутко становится за человѣческое жилье, состоящее изъ одной комнаты, длина которой колеблется между 2 саж. 2 арш. и 3 саж., а ширина—того меньше, или же равна длинѣ [475]), при высотѣ въ 1 саж. и 4—8 вершковъ! А между тѣмъ жильцами такой хатки являются: человѣческая семья въ 5—10 душъ, семья куръ въ подпечникѣ, ягнята съ матерью, теленокъ и поросята—въ подпольи, въ морозную „стыдь“. Прибавивъ къ сему передвижные и неподвижные предметы—громадную печь, двойныя нары для спанья, лавки, скамья, столъ, ручные жернова, ступу, складища, свиное корыто и многочисленныя мелочи—приходится удостовѣрять, что отдѣльный жилецъ пользуется правомъ на слишкомъ скромное количество куб. фут. порочнаго воздуха хатки. Лѣтомъ, когда обитатели хатки могутъ разойтись по вольнымъ мѣстамъ—куры—на хлѣвныя и повѣтныя „курошесци“ [476]), подвоспитавшіяся четвероногія—въ поле и хлѣва, люди—въ рабочіе углы на день—въ сѣни, клѣть, сарай, въ открытое поле—на ночь: тогда и бѣдное содержаніе воздуха въ хаткѣ менѣе замѣтно, чѣмъ зимою, когда жильцы и подростающіе пособники ихъ, на день и ночь безсмѣнно, сойдутся въ закупоренномъ помѣщеніи, содержащемъ много-много 2880 куб. фут. воздуха! Если хатка хорошо замшена, а окна и дверь плотно пригнаны, то, къ ужасу жильцовъ, въ иной зимній вечеръ вдругъ и безпричинно гаснетъ завѣдомо сухая лучина [477]), или, по крайней мѣрѣ, „неясно горитъ (не будучи) полита злою свекровью...“ Неудивительно, что вся содержимость хатки имѣетъ специфическій „пахъ“, тотъ дивный „пахъ деревенщины“, который выдаетъ простолюдина вдали отъ хатки и домашней обстановки и съ которымъ онъ не разстается отъ колыбели до могилы... Непривычный посѣтитель долженъ приготовиться къ такому „паху“, не „гербывыць“ имъ во время пребыванія въ хаткѣ и не сѣтовать особенно, если „пахъ“ при-

вьется на нѣкоторое время къ одеждѣ, въ той увѣренности, что онъ не замедлить отстать...

Такова во внѣшнемъ построеніи бытописуемая хатка, подъ кровъ которой жильцы уже могутъ войти, если только при семъ готово внутреннее размѣщеніе и обычный распорядокъ крестьянской избы и, какъ послѣдняя сложена, устроена у единицы, точно такою же будетъ она у сотни и тысячи единицъ, разниствуя лишь положеніемъ входной изъ сѣней двери,—на что указываютъ чертежи А и Б (послѣдній помѣщенъ ниже): въ первомъ такой входъ приходится справа, а во второмъ—слѣва. Но отъ этого существеннымъ образомъ не измѣняется ни внѣшній видъ, ни тѣмъ болѣе внутренній распорядокъ хатки.

III. Хатка снутри.

Будетъ ли жилая изба помѣщаться справа, или слѣва, входная въ нее дверь обязательно открывается въ сѣни и въ сторону хлѣва (е на черт. А). Въ прибѣдненномъ состояніи хозяина и, особенно, при захолустномъ положеніи его, эта дверь будетъ отличаться отъ сѣнной развѣ только болѣе плотнымъ соединеніемъ досокъ да наилучшею пригнанностью къ „кысикамъ“: тѣ же деревянныя „гнуцики“ петли, тѣ же два деревянные крюка, для навѣшиванья двери, и тотъ же колокъ въ срединѣ крайней, противоположной отъ петель доски, для отвора и затвора двери. Но такая, вполнѣ деревянная дверь—очевидная крайность, вызванная предѣльнымъ убожествомъ, скаредностью, или невѣжествомъ, благодаря которому внукъ не сумѣлъ пойти дальше дѣдовской „дваринины“. Преобладающее большинство спѣшитъ устроить ее на двухъ желѣзныхъ „завѣсиныхъ“, которыя проходятъ рядомъ

съ „иглйцыми“ чрезъ всю ширину двери, для поддержанія чрезъ то лучшей скрѣпы досокъ,—и петли которыхъ ходятъ на прочныхъ желѣзныхъ крюкахъ. Въ свою очередь и колокъ-ручка замѣняется здѣсь спеціальною дверною „клямкый“. Несмотря на такую благоустроенность, избяная дверь не замедлитъ приблизиться къ простѣйшей сестрѣ своей: полусухія доски даютъ щели, которыя потомъ затыкаются клоками пакли и шерсти, или тряпичными обрывками; въ мѣстахъ же соединенія съ притолочными пазами щели бываютъ шире и глубже и, разумѣется, вызываютъ болѣе содержательныя затычки изъ пакли, шерсти и тряпокъ, коекакъ прикрѣпленныхъ то къ двери, то къ „косякáмъ“.

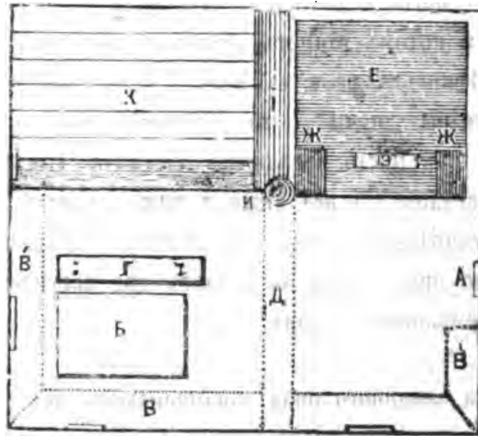
При входѣ въ хатку первое вниманіе посѣтителя останавливается на полу, который у двухъ третей деревлянъ былъ земляной: онъ такъ и назывался „зямлей“, каковое названіе пола, по привычкѣ, переходило и на „мосничный“ [478]) полъ, состоящій то изъ пиленыхъ досокъ, то стесанныхъ половинниковъ, уложенныхъ плоскою стороною вверхъ.—Благодаря первоначальной утрамбовкѣ, притаптыванію ходьбою и воздѣйствію внутренней теплоты, земляной полъ съ теченіемъ времени укрѣпляется настолько, что каблучные гвозди и подковки слабо отпечатываются на его поверхности, даже при „тынцы-плясыхъ“ [479]). Несомнѣнно, что глиняный полъ былъ бы значительно лучше; но отъ устроенія его многіе деревляне воздерживаются, между прочимъ, и потому, что упавшее, напр., дитя больнѣе ушибется, а съ глиняною посудиной выйдетъ и того хуже, между тѣмъ какъ то и другое паденіе будетъ безнаказаннѣе на чисто земляномъ полу. Скажутъ, что земляной полъ даетъ холодъ и сырость; но послѣдней простолюдинъ не замѣчаетъ, а въ огражденіе отъ холода, особенно зимнею порой, онъ устилаетъ полъ соломою.

Съ теченіемъ времени чисто земляной полъ становится ниже своего первоначальнаго устоя, и это происходитъ не отъ утапты-

ванія его, а отъ незамѣтнаго воздѣйствія на поверхность того скромнаго, часто мягкаго вѣничка, который сначала потѣшитъ тѣло въ банѣ, а потомъ станетъ „скакать по избѣ, хвыросцйць“ ее иногда по нѣскольку разъ въ день. Если присмотрѣться къ выносимой изъ избы „шу̀мы“, то значительная часть послѣдней будетъ состоять изъ чисто земляныхъ частицъ. Такимъ образомъ земляной полъ становится все ниже и ниже, и вступленіе въ какую-нибудь престарѣлую хатку обязываетъ входящаго опускать ногу значительно ниже, чѣмъ то̀ бываетъ при вступленіи въ новую съ такимъ-же землянымъ поломъ [480]).

На метеніи земляного пола заканчиваются всѣ заботы о чистотѣ его; но и доля досчатаго пола едва ли можетъ быть названа лучшею. Правда, онъ метется такъ же исправно, какъ земляной, при помощи вѣника, и съ него снимается почти все, что нанесено въ хатку обувью и босыми ногами. Но тутъ же за продолжительные сроки, на полу толстою корою наростаетъ слой грязи, образуются даже грязевые бугорки, такъ что названіе досчатаго пола „зямлей“ можетъ имѣть немного преувеличенія. Заботливыя хозяйки принимаютъ періодическія мѣры для сведенія половой грязи: поливъ предварительно полъ водою и размочивъ слой грязи при помощи заступа, желѣзной лопаты, вѣничнаго и метельнаго голика, онѣ сводятъ грязь, а дальнѣйшими усиліями достигаютъ и нѣкотораго просвѣтленія пола. Этотъ немалый трудъ допускается разъ, много два въ году; но такъ-какъ къ существующему въ избѣ „па̀ху“ мытье пола придаетъ новый, на нѣсколько дней слишкомъ сыростный „пахъ“, и такъ-какъ новое загрязненіе пола не замедлитъ возобновиться, то можно считать что мытьемъ пользуются далеко не всѣ деревенскіе полы, а иные не знаютъ таковаго во все время своего скорбнаго служенія...

Чертежъ Б.



(Отдѣльныя части хатки: а—входная дверь изъ сѣней, б—столъ, в, в, в,—лавки, г—„пирадо́къ“, д—„поли́ца“, е—печь, ж, ж—„я̀мки“, з—мѣсто печного устья и загнета, и—„конь, конёвый стовбъ“, і—лежанка, к—„полъ“; четыре прорѣзи въ лицевой и лѣвой стѣнахъ—окна).

Въ приведенной планировкѣ хатки [481]), неподвижныя части ея подлежатъ разсмотрѣнію и описанію въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. „Ла́вы“, или лавки. Какъ извѣстно, лавками служатъ наиболѣе широкія, часто тщательно соструганныя доски. Длина лавокъ зависитъ отъ длины и ширины стѣнъ; что-же касается собственной ихъ ширины, то она не бываетъ меньше 6, хотя и не превышаетъ 10—12 верш. Будучи поднята на высоту, доступную для сидѣнія человѣка средняго роста, лавка обоими концами упирается въ угловыя части стѣнъ, однимъ же ребромъ она плотно прилегаетъ къ стѣнѣ. Для лучшаго устоя, лавка опирается серединною частью на неподвижно укрѣпленный столбикъ. Полная лавка, т. е. протягивающаяся изъ конца въ конецъ, находится только при „чистой стѣнѣ“; другая лавка, начинаясь отъ крас-

наго угла, иногда доходитъ только до „полу“ (к); третья же лавка, которую во многихъ домахъ замѣняетъ передвижная скамья, зачинается отъ лѣвой стороны двери и въ углу соединяется съ главною. Этотъ уголъ и есть тотъ стряпной, горшечный уголъ, о которомъ упоминалось раньше (см. отд. А, гл. II). Лавки замѣняютъ стулья, кресла, диванъ; въ подходящихъ случаяхъ онѣ служатъ кушеткою и кроватью. Будучи пригодными на неисчислимыя житейскія потребы, лавки служатъ: а) однимъ изъ главныхъ притоновъ для дѣтскихъ игръ; б) на нихъ и при нихъ проходятъ многочисленныя домашнія работы; в) тутъ коллективно и въ одиночку переживается набѣжавшая радость, выплакивается свѣжее и давнее горе; г) на нихъ посидѣльницы выводятъ тѣ безконечныя нитки, которыя впослѣдствіи „соскутàюць“ и стараго и малаго,—выводятъ подъ собственныя пѣсни и „рёги мальцывъ“ [483]); д) сидя при почетномъ „куцù, купцы“ выглядываютъ дорогую „тывáрину“ [484]), заторговываютъ ее, „мúрюць кунúцу“ [485]); е) отсюда родитель и родительница кладутъ на дѣтей свое „блыгысловéннійко, на вѣки нерушúмыя“; ж) тутъ „частýютца [486]) гóсцики любинькія“; з) тутъ же, наконецъ, вылеживаетъ „остатнія урéмійко пычàсный гóсцикъ [487])... Словомъ, какую бы ни взять сторону жизни, отправленіе этой жизни такъ и иначе соприкасается съ лавкою, хотя достаточно уже и того, что стряпной уголъ при одномъ концѣ главной лавки и столовый (онъ же—„кýтній“) при другомъ изо дня въ день служатъ единственными мѣстами для удовлетворенія первой жизненной потребности.

2. „Кýтній вугóлъ“, или просто „кутъ“, помимо убранства единственнымъ въ домѣ столомъ съ приставными къ нему скамьями, красенъ божницей, которая возвышается нѣсколько надъ угловымъ соединеніемъ лавокъ въ красномъ углу. Въ наиболѣе благоустроенныхъ домахъ божницею служитъ небольшой (1 арш. высотою) угловой шкафчикъ съ створчатою дверцей, на верхней площадкѣ котораго стоймя и въ привѣсѣ на стѣнѣ размѣщены

иконы; численность последнихъ рѣдко превышаетъ 5—6 иконъ. Внутренность „божничный шахвычки“ хранитъ наиболѣе священные и вообще чтимые въ домѣ предметы: „свянцоныю“ воду, таковую же „крэйду“, „Читвярговыю“ соль, „Блыговѣщиныю, или другую проскурку“, кусочекъ артоса, освященныя хлѣбныя сѣмена, предметы изъ священныхъ мѣстъ, пріобрѣтенные отъ прохожихъ богомольцевъ, или вынесенные оттуда лично, „громничныя“ 488) и другія восковыя свѣчи, куски воска и восковыя фигурки, предназначенные на „офяру“ 489), какъ полотенца, куски холста на тотъ же предметъ и мн. др. Если нѣтъ „божничный шахвычки“, то вмѣсто нея, на той же высотѣ отъ лавокъ, будетъ помѣщена неподвижная угловая полочка, площадка которой хранитъ все значеніе верхней площадки шкафчика. Кромѣ иконъ, на ней и подъ ней, въ углу помѣщаются тѣ „божничныи“ предметы, о которыхъ только что упоминалось. Какъ шкафчикъ, такъ и полочка застилаются чистымъ, новымъ полотенцемъ, или кускомъ такого же холста, а всѣ иконы сообща—наиболѣе изящнымъ, длиннымъ полотенцемъ, узорчатые концы котораго спускаются на лавку.—Каковъ составъ иконъ и вообще наличность божницы, объ этомъ приходится сказать лишь немногое изъ многаго. Неграмотный захолустный простолюдинъ воспоминаемаго времени, кстати, близкій къ временамъ уніи, не клалъ строгаго различія между православными и католическими иконами, а пріобрѣталъ тѣ изъ нихъ, кои разили яркостью красокъ, орнаментировкой, да бывали доступными по цѣнѣ. Посему въ божницѣ православнаго простолюдина рядомъ, напр., съ иконою св. Николая нетрудно было встрѣтить икону католическаго святого въ папской тіарѣ съ однозмійнымъ жезломъ,—встрѣтить небольшое на постаментѣ рѣзное „Рыспяццё“, стоящее на подоконникѣ, или на лавкѣ, близъ „кутниго“ угла,—встрѣтить и католическое размѣщеніе иконъ—надъ окнами и на стѣнахъ, при красномъ углѣ. Все

это чтилось безразлично, чтилось такъ, какъ можетъ чтить чисто христіанская душа.

Если досчатый полъ смывался разъ-два въ году или вовсе не зналъ мытья, если лавки, скамьи и столъ вымывались лишь изрѣдка, то домашнія иконы находились внѣ такой неисправности: въ каждую субботу, или, по крайней мѣрѣ, передъ выдающимся праздникомъ, онѣ, какъ и божница, тщательно вымывались, при чемъ мутная, часто грязная вода пріобрѣтала значеніе освященной воды, которую не выливали въ помои или непотребное мѣсто, а единственнымъ такимъ мѣстомъ была наружная сторона краснаго угла. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при болѣзняхъ, иконные помои служили лѣкарственнымъ средствомъ, наружнымъ и внутреннимъ, а неимѣвшіе освященной воды, необходимой передъ ѣдой въ крещенскій сочельникъ и Крещеніе, смывали одну или нѣсколько иконъ обыкновенною водою и употребляли ее наравнѣ съ освященной [490]).

3. Послѣ неподвижныхъ лавокъ и божницы обращаютъ вниманіе одна-двѣ небольшія поли*чк*и: одна изъ нихъ обязательно помѣщается въ стряпномъ углу, противъ печи, а другая—при стѣнѣ, противъ двери. Полички состоятъ изъ цѣльной тонкой доски (длина доски 1 арш. 8 верш., а ширина верш. 6), держащейся на двухъ, прочно вколоченныхъ въ стѣну палкахъ, на аршинъ ниже потолка. Значеніе ихъ въ хаткѣ и служба довольно разнообразны: такъ, на одномъ концѣ полички можно найти сухія хлѣбныя корки рядомъ съ пучкомъ щетины, завалящую ложку, черепокъ съ горстью крупы, клокъ шерсти, обернутый горшокъ, наскоро брошенный поясъ, а на другомъ—клубки пряжи, связку „ручáикъ, прóснивъ“ и мн. др. Такое нестроеніе можно отнести къ поличкѣ стряпного угла; напротивъ, поличка противъ двери отличается однорядностью положенныхъ на нее предметовъ: шапки, платки, пояса и другіе предметы „одѣцця-обуцця“—вотъ наиболѣе видная поклажа этой полички!—Въ отдѣльныхъ хат-

кахъ можно встрѣтить и большее число поличекъ, тогда какъ въ иныхъ положеніяхъ жильцы довольствуются лишь одною поличкою въ стряпномъ углу.

4. Больше предыдущихъ поличекъ обращаетъ вниманіе большая подпотолочная „по*л*ица“—широкая (8 верш.) и болѣе, прочная доска, одинъ конецъ которой вправленъ въ лѣвую чистую (см. прим. 319) стѣну, а другой покоится на столбѣ (черт. Б, лит. и), —что приходится почти на срединѣ хатки. Если „по*л*ица“ тонка и можетъ гнуться отъ поклажи, то въ серединной части она прикрѣпляется непосредственно къ потолочной балкѣ или къ потолку, при помощи отдѣльныхъ упорокъ. Высота „полицы“ соразмѣряется такъ, чтобы подъ нею можно было проходить рослому человѣку, не задѣвая головой, и въ то же время не подымать слишкомъ высоко рукъ, когда приходится снять съ „по*л*ицы“ и положить на нее что-нибудь. Нетрудно угадать, чта поверхность „полицы“ бываетъ уложена и уставлена самыми разнообразными предметами домашней обиходности. Тутъ можно увидѣть обернутый горшокъ, вскинутую одежду и почти всѣ предметы, замѣченные на поличкахъ; сюда заходитъ одинокая и семейная „к*и*цка“; наконецъ къ сторонѣ „по*л*ицы“ привѣшивается крючковатый свѣточъ, который въ лучинную пору „свѣтитъ всѣмъ, иже въ храминѣ суть“...

5. Пока-что преобладающее большинство хатокъ не знаетъ кроватей: угождая семейнымъ потребностямъ, тутъ пришлось-бы уставить кроватями всю малообъемистую хатку. Этотъ пробѣлъ съ очевидною пользою дѣлу возмѣщаетъ „полъ“ (к)—досчатыя нары, идущія отъ печи до стѣны. Длина „пола“ зависитъ отъ длины указаннаго пространства, ширина же—отъ ширины печи, такъ что приблизительная средняя мѣра площади „пола“ будетъ равняться 5—6 арш. на 2 арш. и 4 верш. Составляющія „полъ“ прочныя доски или стесанные половинники плотно накладываются на крѣпкіе устои, изъ коихъ одинъ утвержденъ при стѣнѣ, а проти-

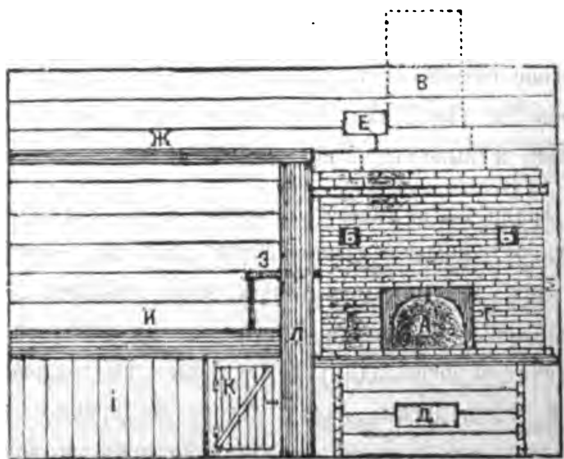
вopoлoжный—при печи. Если „полъ“ длиненъ, а доски его тонки то подъ средину „пóльный“ настилки помѣщается третій устой (два вкопанные въ землю столба съ перекладиною, но не кóзлы).

О житейскомъ значеніи „пóла“ достаточно было сказано во второмъ отдѣлѣ, и къ этому приходится дополнить лишь то, что въ сторону хатки, гдѣ онъ заканчивается бревномъ средней толщины или брускомъ, „полъ“ представляется имѣющимъ аршинную отъ земли высоту. На самомъ дѣлѣ не такъ: нормальному уменьшенію „пóльный“ высоты помогаетъ одно-два бревна, положенныя на землю прямо подъ конечнымъ бревномъ „пóла“, между тѣмъ пространство подъ „пóлымъ“ настолько высоко, что тамъ свободно можетъ проходить 10-тилѣтнее дитя. Въ благоустроенныхъ хаткахъ подпольное отверстіе забирается „зыгрáдкый“ (см. чер. В, лит. і), которая при печи имѣетъ даже створчатую дверцу. Одна часть подполья отводится для помѣщенія овощей на зимнія надобности; тутъ иногда даже выкапывается неглубокая погребная яма; другая же часть подполья цѣликомъ предназначается для пріюченія зимою новорожденныхъ животныхъ, а ягнятъ—съ матерями. Какъ уживаются въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ хозяева но ихъ семья съ юными житейскими пособниками—вопросъ друго й властительное самолюбіе человѣка въ данномъ случаѣ достаточи; удовлетворяется тѣмъ, что онъ покоится не ниже и не вровень съ пособниками, а выше ихъ, надъ ними...

б) Прямо надъ „пóлымъ“, имѣя ту же ширину, въ отступѣ на аршинъ отъ потолка расположены „пылáци“—досчатыя нары (черт. В, лит. ж). Довольно тонкія доски „пылàць“ однимъ концомъ прилажены къ правой стѣнѣ, а другимъ—въ брусчатую или бревенчатую перекладину и настланы въ совершенно обратномъ видѣ, чѣмъ доски „пóла“. Въ то же время „пылáци“ не имѣютъ длины его, т. е. не доходятъ до печи, и между сею по-

слѣднею и „пыла́цими“ есть промежутокъ, позволяющій свободно пробираться съ „пôлу“ то на печь, то на „пыла̀ци“.

„Пылаци“ вполнѣ замѣняютъ „полъ“, хотя и для ограниченнаго числа жильцовъ: болѣе нѣжное построеніе ихъ, а также малообъемистость позволяютъ улечься одному-двумъ искателямъ избяной теплоты. Обыкновенно сюда забираются тѣ, кто „озы̀зли“ [491]) отъ стужи, или старики, которыхъ уже слишкомъ проняла напечная теплота. Слуша̀я, или безплодно присматриваясь къ происходящему въ хаткѣ, слѣпой дѣдъ или баба вѣщаетъ отсюда то „преданія старины глубокой“, то старческія наставленія, то ворчбу, то „во́хи-кро́хи“, или же, успокоившись отъ дневныхъ треволненій, посылаетъ мощный храпъ за храпомъ и носовой свистъ за свистомъ... Внѣ спальной и вообще лежебочной службы „пылаци“ служатъ мѣстомъ, гдѣ просушивается мокрая одежда, обувь и даже нѣкоторые предметы изъ категоріи съѣдобныхъ (собранный съ грядъ лукъ, недосушенные грибы, первые снопы ржи, предназначенные для вымолота на ржаную кашу [492]) и т. под.).



Чертежъ В.

(Отдѣльныя части правой стѣны: а—устье печи, б, б,—печурки по обѣ стороны устья, в—пунктирное обозначеніе трубы въ трубной печи, г, г,—„ямки“ по обѣ стороны печного устья, на загнетѣ, д—„подпе́чча“, е—дымовая отдушина (въ курной избѣ), ж—„пыла́ци“, з—лежанка, и—„полъ“, і—подпольная „зыгра́дка, к—дверца къ ней, л—„конь, или конёвый стовбъ“, м—нижняя часть „запе́чча“; горизонтальныя линіи отъ вершины до „по́лу“—соединеніе стѣнныхъ бревенъ).

7. На срединной высотѣ между „по́лымъ и пыла́цими“, при печной стѣнѣ, находится „лижа́нка“—помостъ изъ двухъ легкихъ досокъ, въ общемъ не превышающій ширину лавки (6—12 верш.). Лежаночныя доски утверждены однимъ концомъ въ стѣну (черт. Б, лит. і), а другимъ покоятся на перекладинѣ, идущей отъ „кыня̀“ къ отдѣльной стойкѣ, прочно прилаженной къ бревну или брусу „по́ла“ (см. черт. В, лит. з).—Именемъ лежанки вполнѣ обозначается назначеніе ея: тутъ обыкновенно вылеживается, и даже спитъ тотъ, кому недостало мѣста ни на „пыла́цихъ“, ни на печи, или тотъ, кто хочетъ средней теплоты, теплоты только для „мижикрылъ“ [493]), спины, которую (теплоту) и получаетъ, прислонившись подлежащимъ мѣстомъ къ печи. Въ то же время лежанка помогаетъ взбираться на печь и „пыла́ци“, и гдѣ нѣтъ лежанки, тамъ обязательно торчитъ короткая, подвижная лѣстница, при надобности, подставляемая то къ печи, то къ „пыла́цимъ“ непосредственно съ „по́лу“, гдѣ она и стоитъ неизмѣнно прислоненною къ печи, или къ стѣнѣ.— Въ отношеніи чистоглядности судьба лежанки едва-ли лучше „зямли“ (избяного пола): озябшій и продрогшій спѣшитъ на печь и „пылаци“ въ томъ и съ тѣмъ, что пристало къ обуви, или босымъ ногамъ, и, наступая на лежанку, какъ на „усту́пицъ“, кладетъ на нее часть того, что пристало къ обуви, къ ногамъ... Что хуже всего въ данномъ положеніи—оставленное на лежанкѣ быстро высыхаетъ, а потому не-

удивительно, что лежаночный помостъ съ теченіемъ времени утолщается отъ наслоенія и значительно видоизмѣняетъ свой досчатый видъ...

8. При печномъ „рабрѣ“ [494]), выходящемъ на средину избы, стоитъ неподвижный, вкопанный въ землю „конӗвый стовбъ, или конь“—довольно толстое, гладкое бревно, высота котораго доходитъ до высоты „полӗцы“. Занимая почти центральное мѣсто въ избѣ, „конь“ служитъ опорою „пыла́, лижа́нки, пыла̀ць и полӗцы“ (см. черт. Б, лит. и, а черт. В—лит. л). Кромѣ того, „конь“ служитъ слѣдующимъ второстепеннымъ надобностямъ: а) за нимъ прячутся и изъ-за него высматриваютъ посѣтителей и гостей „блызнюкі и блазно́тки“; б) то же дѣлаетъ „кунгица-дырыга́я пцица“, когда на „охво́ту“ за ней набѣжали то „охво́тнички, то купчики“;—в) выраженіемъ „схува́йся за конь“ обыкновенно дѣлается приглашеніе прикрыть срамный поступокъ, неблаговидное дѣяніе; наконецъ, г) конь имѣетъ значеніе трибуны при свадебныхъ и другихъ пирахъ. Такъ, сидя верхомъ, или свѣсивъ чрезъ него голову, свадебный глашатай произноситъ приблизительно слѣдующую, часто риѳмованную, энергическую рѣчь: „Дяду̀льки поштённыи, бабу̀льки смирённыи, ойцы-матки любинькіи, мальцы̀-дѣвки кру̀глинькіи, малы̀и рибятки, якъ гылубя̀тки—увёсь чёсный народъ, увёсь добрый нахо́дъ! [495]) хто и самъ пришёвъ, кого й Богъ привевъ, кого й маця принисла, кого й кобылка привизла —рыспыяснгиця-рысцягнгиця усю ва̀шію сокро́війку: блыгысловгицянып ыдялгиця зылатэй чарвонійкый, сарёбринымъ рубялько́мъ, ды й Бо́скимъ словко́мъ нашиго Мико́лку мылодо́го—охво́тничка любо́го: ёнъ идёць пылюва́ць [496]), сабѣ до́льки шука́ць [497]), якъ ня въ чистый боръ, ды въ Авгі̀нькинъ дворъ; кабъ сы (со) счасцимъ пойшёвъ, кабъ и до́льку знайшёвъ“!.. Если такая рацея произносится въ домѣ невѣсты или новобрачной то заключительныя слова будутъ таковы: „... нашу Авггиньку [498]), мылодую-пта̀шичку любу̀ю: а йна жъ пыляцгиць, куды й Богъ вялиць!.. кабъ и счасційка

зныйшла, кабъ и зъ дóлькый прійшла“ [499])... Какъ доживаетъ „конь“ свой вѣкъ и замѣняется ли онъ новымъ при подгнивѣ нижней части—отвѣтить трудно; въ состарѣвшейся хаткѣ видится старый „конь“, который хранитъ на себѣ всѣ ясные слѣды сверстничества съ нею...

9. Печка замѣтнѣе другихъ неподвижныхъ частей хатки уже потому, что занимаетъ едва не четвертую часть избы, а также и потому, что высотою превосходятъ ее развѣ полички, „пол*и*ца и пылáци“. Печка бываетъ: а) „цигéльныя“, сложенная изъ кирпичей, и б) „б*и*тыя“ (глинобитная), даже въ воспоминаемое время встрѣчавшаяся лишь въ немногихъ, исключительно курныхъ хаткахъ, и гораздо чаще—въ ов*и*нныхъ сушильняхъ. По окончательномъ построеніи, обѣ печки представляютъ мало разницы не по формѣ и размѣрамъ только, но и по свойству матеріала: необожженные кирпичи и глина съ пескомъ, для связи ихъ, могутъ составить такую же сплошную глиняную массу, какъ и въ печкѣ глинобитной, по крайней мѣрѣ, при разрушеніи той и другой печки, получаются глиняные комья, а не кирпичи, или обломки ихъ. Болѣе очевидную разницу между обѣими печами можно установить развѣ въ срокахъ построенія: въ то время, когда „цигéльныя“ печка безостановочно складывается изъ просушенной въ кирпичныхъ плитахъ глины, „б*и*тыя“ печка растетъ по мѣрѣ высыханія нижнихъ частей, иначе, несмотря на досчатый футляръ, глинобитная печка расползлась бы отъ тяжести наслоенія, отъ трамбовки и утаптыванья, да отъ груза булыжниковъ, обыкновенно помѣщаемыхъ въ разныхъ частяхъ ея, для удержанія печного тепла [500]). Если надъ „б*и*тый“ печкой потрудилась опытная, терпѣливая рука, то печка переживаетъ хатку и, пожалуй, готова прослужить столько же и въ новой, когда послѣдняя поставлена на мѣстѣ разобранной,—что на самомъ дѣлѣ и встрѣчалось кое-гдѣ.

При незначительной разницѣ печки въ курной и трубной хаткѣ, отдѣльныя части ея такъ разнообразны, что это вызываетъ розничное перечисленіе и описаніе ихъ. Въ этомъ случаѣ умѣстно будетъ держаться того порядка, въ какомъ зачинаютъ, ведутъ и вершаютъ печку деревенскіе печники.

а) Для соблюденія строительнаго матеріала (кирпичей), ускоренія работы и въ виду хозяйственныхъ надобностей, печка не всегда имѣетъ каменное основаніе: вмѣсто него на увѣсистыхъ булыжникахъ строится „рыса́дникъ“ [501])—брусчатый срубъ въ 3—4 вѣнца съ „замочними углами“, [502]) поверхъ котораго настилаются прочные половинники, или брусья. Въ этомъ случаѣ кладка печи зачинается лишь съ помоста „рыса́дника“. Такой же помостъ дѣлается въ печи и съ каменнымъ основаніемъ, только концы помоста не выходятъ наружу, какъ при „рыса́днику“.— Какъ это ни поразительно, „рыса́дникъ“ и помостъ не разрушаются отъ времени и, нераздѣльно съ печкою, переживаютъ хатку.

б) Внутренность „рыса́дника“, а въ печкѣ съ каменнымъ основаніемъ—пустое пространство на томъ же мѣстѣ, есть извѣстная „подпе́чка, подпе́чча“, предназначаемая исключительно для зимовья куръ. Для входа и выхода послѣднихъ, а также для пролаза за яицами, въ лицевой сторонѣ „рыса́дника“ есть четыреугольное отверстіе (черт. В, лит. д), по устроенію и величинѣ почти одинаковое съ малыми окнами хатки. Очень возможно, что пролазъ въ „рыса́днику“ будетъ тѣсенъ для взрослыхъ; тогда чрезъ него пробираются дѣти, любители спускаться въ „подпе́чча“, а возрастные извлекаютъ оттуда яица и упрямыхъ куръ загребомъ кочерги... Въ печахъ съ каменнымъ основаніемъ подпечный пролазъ нѣсколько просторнѣе; зато каменныя стѣны дѣлаютъ „подпе́чча“ значительно меньше предыдущаго.

в) Верхняя часть пролаза, ограниченная досчатою настилкою, даетъ основаніе четыреугольному углубленію (ширина его 12,

глубина 8 и высота 10 верш.)—извѣстному „подпрйпичку“, или „пыдзагнётку“, куда обыкновенно помѣщаются мелкіе стряпные предметы и посуда. У печей на „рысáднику“ такого „подпрйпичка“ нѣтъ, и имъ можетъ быть названо развѣ только свободное разстояніе отъ „прйпичка“ до пола.

г) Съ лицевой стороны печи на „рысаднику“, вдоль всей ширины послѣдней, идетъ выступомъ верш. на 8 „рысáдниковый“ помостъ, настланный то кирпичемъ въ одинъ рядъ, то слоемъ глины соотвѣтственной толщины, при чемъ край помоста и настилки облицовываются заодно тонкою доскою. Такой выступъ по ту и другую сторону печного устья называется „прйпикымъ, припичкымъ“ [503]), серединная же часть его, противъ устья—„загнётый“.—Въ стряпную пору „припикъ и загнёта“ служатъ мѣстомъ стоянки приготовленныхъ, или вынутыхъ изъ печи горшковъ; здѣсь, прислоненная къ печи, просыхаетъ вымытая стряпная и столовая посуда; въ свободное же время, при надобности, сюда присаживаются искатели печного тепла, не нашедшіе его на лежанкѣ, печкѣ и полатяхъ.

д) Кирпичная, или глиняная настилка внутри печи, имѣющая непрерывную горизонтальную поверхность „припика и загнётки“, называется „пóдымъ“. Для лучшаго удержанія тепла, „подъ“ подмащивается мелкими гладышами, битымъ стекломъ, или „жарствóй“ [504]). Сводчатая часть печи надъ „пóдымъ“ есть „склипёння [505]), или нёбо“; высота послѣдняго доходитъ до 1 арш. и 4 верш.

е) Печное устье называется „чалóмъ, чалéсникымъ“ и, соотвѣтственно вмѣстимости печи, бываетъ довольно почтенныхъ размѣровъ, по крайней мѣрѣ, чрезъ него свободно вкатывается подъ покрышкою тотъ многосодержательный „чигýнъ, или горщóкъ“, о которомъ говорилось въ первомъ отдѣлѣ; въ самомъ же „чалéсники“ свободно могутъ уставиться рядомъ „два отлёвники“.—Печное устье почти безсмѣнно закрыто заслоною, весьма рѣдко же-

лѣзною, а сплошь и рядомъ—деревянною. Отъ продолжительной службы обѣ стороны заслоны рѣзко видоизмѣняются: въ то время, когда наружная сторона ея хранитъ лучшій видъ и только слегка потускнѣетъ отъ помоевъ, коими довольно часто обливается, чтобы не горѣла, да отъ обычныхъ въ избѣ наносовъ на предметы, другая сторона ея становится именно тѣмъ загадочнымъ „вовчкóмъ, што мáиць горѣлинькій бочёкъ“ [506]. Впрочемъ, эта обгорѣлость касается и двухъ нижнихъ угловъ заслоны, какъ ближайшихъ сосѣдей загребныхъ печўрокъ, почти всегда наполненныхъ горячими угольями, несмотря даже на то, что подъ этими углами безсмѣнно лежатъ кирпичные обломки, или соотвѣтственной величины булыжники: они держатъ заслонку въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ загребеннаго жара.

Рядомъ съ обычною службой заслона употребляется для выноса изъ избы сора, золы, сажи; ею закрываются наиболѣе грязные предметы—помойная посудина, свиной и собачій кормъ и т. п. Но та же заслона является почему-то излюбленною подкладкою при вычесываніи женщинами головныхъ паразитовъ, которые на самомъ дѣлѣ довольно замѣтны на обугленной поверхности ея...

ж) По ту и другую сторону „чалéсника“, при „загнéтки“, расположены „ямки“, исключительное назначеніе которыхъ—хранить выгребенный изъ печи жаръ. Въ курной печи „ямки“ составляютъ отдѣльныя квадратныя пристройки изъ кирпича; въ „кóминный“ же [507]) онѣ скрываются въ углубленіяхъ съ правой и лѣвой стороны „загнетки“ (шестка).—Старожилы удостовѣряютъ, что теперешнія „ямки“ непохожи на старосвѣтскія,—тѣ бывали „ямками“ на самомъ дѣлѣ: онѣ углублялись не въ стороны печи, а внизъ. Но отъ этого значеніе и служба ихъ не умалялись, а скорѣе выигрывали, потому что въ такую „ямку“ гораздо удобнѣе помѣстить горшочекъ, плошку или сковороду,

для подогрѣванія кушанья, а не приставлять ихъ одною только стороною, какъ это дѣлается въ современныхъ „ямкыхъ“.

з) Значительно выше печного устья, по обѣ стороны его, въ печи имѣются одна или двѣ „пячу́рки“ (черт. В, лит. б и б) —небольшія (4 верш.) квадратныя углубленія. Въ „пячу́ркыхъ“ хранятся тѣ мелкіе предметы, которые желательно имѣть всегда наготовѣ сухими—спички, „тресычки“, тряпочки, часто необходимыя при добываніи огня, и проч. Сюда же помѣщаются и мыльные кусочки („обмылки“).

и) Внѣшнія стороны печи, по крайней мѣрѣ, выходящія на избу, вершаются „гзымсымъ“—небольшимъ карнизомъ, которымъ въ данномъ случаѣ является одинъ рядъ кирпичей, выдѣляющихся отъ печи вершковымъ выступомъ. Большинство печей не имѣетъ, однако, „гзымса“ и, конечно, отъ этого ничего не теряетъ.

і) Параллельно съ вершиннымъ ребромъ лицевой стороны печи, на 8 верш. отъ нея, часто подъ среднею потолочною балкой, бываетъ привѣшана то на двухъ веревкахъ, то на деревянныхъ упоркахъ (крюки, или петли) жердочка небольшой толщины (1 верш. въ діаметрѣ), служащая для развѣшиванья мокрыхъ тряпокъ, одежды, онучъ, ради скорѣйшей высушки ихъ. Промежутокъ между указаннымъ печнымъ ребромъ и жердочкою, приходящійся надъ устьемъ, называется „со́пыхый“.—На „со́пыху“ свѣшиваются лучинныя плахи, готовая лучина, дровяные осколки, изъ которыхъ получается необходимая для затопленія печи „поджежинка, подто́пинка“ [508]). Все это быстро сохнетъ, такъ какъ „со́пыха“ имѣетъ всегдашній теплый и сухой духъ.

к) Каменное основаніе печи и „рыса́дникъ“ не имѣютъ отступа отъ стѣнъ, въ угловомъ соединеніи которыхъ они находятся; зато остальная часть печи, выше настилки, обязательно имѣетъ равномѣрные, верш. на 6, отъ той и другой стѣны отступы, называемые „запечкый, запеччимъ“ (черт. Б и В, лит. ж). Несомнѣн-

но, отступы дѣлаются въ видахъ пожарной предосторожности; на самомъ же дѣлѣ они скорѣе помогаютъ пожарному несчастью, потому что „запечча“ бываетъ завалено различными загорающимися предметами—старыми онучами, полуистрепанными лаптями, трянками, грязнымъ бѣльемъ, древесными осколками, лучинными огарками, отгашенными головнями, мелкими полѣньями и т. п. Правда, весь этотъ сборъ періодически извлекается изъ „запечча“ съ рѣшимостью впредь не засаривать его; но чрезъ недѣлю-двѣ опорожненное „запечча“ какъ-то незримо наполняется тѣмъ же хламомъ...

Кромѣ этого „запечча“ помогаетъ ребятишкамъ при игрѣ „у кулюкушки“ [509]), или же позволяетъ имъ спрятаться отъ карающей руки старшихъ да высматривать гостей и посѣтителей въ томъ случаѣ, когда, за неимѣніемъ мѣста, сдѣлать то же не удается съ печи и изъ-за „кыня“...

Послѣ сдѣланнаго перечисленія отдѣльныхъ частей печки остается примолвить, что кромѣ существенной службы ея—варить, грѣть и сушить—печка неожиданно служитъ на самомъ дѣлѣ неожиданной и малоизвѣстной надобности. Трудно представить, что тамъ, гдѣ готовятся разнобразныя „стравы, ласыи пячисты“, гдѣ поспѣваетъ „рыскырачныя пырнея“ и откуда вываливаются увѣсистыя „букотки“, или идутъ „скачкомъ блины“ [510]), очень и очень часто, хотя и на скорую руку, можно получить почти всѣ блага любимой простонародьемъ баньки—„узяць на поты и пыцирабицца“ [511]) вѣничкомъ, сколько потребуетъ зудящееся тѣло... Когда назрѣла такая необходимость, изъ печки вынимаются горшки, „подъ“ выметается помеломъ и настилается прямою соломкою: искатель баньки вползаетъ въ печь нагишомъ, заслоняетъ ее и тѣшитъ себя, какъ можетъ. Случается что то же продѣлаютъ одинъ за другимъ и всѣ семьяне, при чемъ возрастные втаскиваютъ съ собою и маленькихъ дѣтей. Въ отдѣльныхъ, рѣдкихъ, впрочемъ, случаяхъ искатель баньки вынимается изъ печки въ

сильномъ обморокѣ и даже совершенно безжизненнымъ. Вспоминая потомъ про несчастнаго, обыкновенно говорятъ, что онъ „зыпàрився на смерць“...

10. Если печь „съ кòминымъ“, то послѣ „гзыиса скрозь столь“ и крышу выводится труба, которая, со стороны крыши, закрывается старымъ горшкомъ, сковородой непосредственно за топкой, чтобы надежнѣе удержать печной духъ, и открывается каждый разъ передъ топкою. Такой запоръ печного тепла имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ хозяева устроили трубную печь, но пожалѣли расхода на покупку вьюшекъ и на приспособленіе ихъ; взбираясь на крышу два раза въ день, „скнáры покýтывыюць [512]) за свой грѣхъ“... Впрочемъ, къ такой закрышкѣ трубы погоня за теплотою часто пригоняетъ и тогда, когда труба закрывается плохо приложенными вьюшками, или же закрывается одною только вьюшкою, такъ какъ въ прямой трубѣ (а иныхъ здѣсь нѣтъ) духъ плохо задерживается даже и въ томъ случаѣ, если вьюшки и „боковка“ тщательно обернуты и оботкнуты тряпками [513]).

11. Чисто курныя печи нерѣдко имѣютъ трубы, которыми бываютъ четыре, даже три продолговатыя доски, кое-какъ сколоченныя въ квадратъ, или трехстороннюю призму. Такія трубы не соприкасаются съ печью и иногда помѣщаются въ сторонѣ отъ нея, зачинаясь отъ потолка и выходя чрезъ крышу. Онѣ не закрываются со стороны крыши, какъ „комины“, а послѣ окончательнаго выхода дыма изъ хатки „курàшки“ [514]) затыкаются нарочитою затычкой изъ тряпокъ, пакли и старой одежды, каковое дѣйствіе выражается терминомъ—„зытыкáць, заткнýць боковку“.

12. Собственно „боковкый“, имя которой произвольно перенесено на два описанныя отверстія, называется подпотолочное отверстіе въ стѣнѣ (см. черт. В, лит. е), то четыреугольное, напоминающее меньшее окно хатки, то кругообразный просѣкъ въ двухъ смежныхъ бревнахъ. Въ подлежащее время „боковка“ от-

тыкается и затыкается затычкою, иногда привѣшанною къ стѣнѣ веревочкою.

13. Въ хаткахъ отпущенныхъ, разжалованныхъ дворовыхъ, наиболѣе просвѣщенныхъ, зажиточныхъ деревлянъ, а также и въ общественныхъ зданіяхъ, какъ корчма, или жилыя помѣщенія „скарбовыхъ", при „коминный" печкѣ, вдоль свободной стѣны ея, можно было встрѣтить „грубку"—кирпичную лежанку съ отдѣльною топкой со стороны хатки. Длина „грубки" всегда равна длинѣ печной стѣны, нераздѣльно съ которою она стоитъ; ширина же не превышаетъ 1 арш и 4—6 верш, при высотѣ въ 1 арш. 12 верш.,—что устанавливаетъ поверхность лежанки и площадь печного „пода" на одну высоту, а это весьма удобно для грѣющагося на вытопленной „грубцы": онъ обогрѣвается ею и прилежащею теплою стороною печи. Если же ему хочется погрѣть голову, то стоитъ только свѣсить послѣднюю чрезъ „гылывашникъ [515]) грубки"—„сопыха" послѣдней обдастъ струей теплаго воздуха, неустанно выходящаго изъ вольнаго, всегда безъ дверцы, устья „грубки".

Существованіе „грубки" уже не даетъ мѣста „полу", вмѣсто котораго стоитъ самодѣльный „ложикъ" [516]), онъ же—„посцéля", который имѣетъ и высоту „пола", и чтобы вмѣститься на нихъ, необходимо сдѣлать небольшой подскокъ. Тотъ же подскокъ на „грубку" является безусловно необходимымъ, и будничное выраженіе „ускочиць на грубку, полъ, пылаци, печку" каждый разъ подтверждается практическимъ пріемомъ...

14. Относительно „склипéння пéчка и грубка" весьма рѣзко различаются: въ первой оно имѣетъ округлый сводъ, при таковомъ же устьѣ, во второй же—угловой; а если печникъ не умѣлъ управиться съ четыреугольнымъ устьемъ „грубки", то и оно имѣетъ угловое „склипéння", образуя въ отверстіи, какъ и по всей длинѣ, чистый пятиугольникъ.

15. Преобладающее большинство печей такъ и остается навсегда съ первозданною глиняною окраской, которая въ курныхъ хаткахъ съ теченіемъ времени чернѣетъ все болѣе и болѣе и, наконецъ, пріобрѣтаетъ даже тотъ черный глянецъ [517]), какой имѣютъ верхнія части стѣнъ и потолокъ: бѣленье печи тутъ являлось бы непроизводительною тратою и трудомъ. Но благоустроенныя печи, какъ и лежанки при нихъ, изрѣдка, ко дню св. Пасхи, выбѣливаются „вапный" [518]), по большей части, домашними усиліями и просто: въ ненужной посудинѣ (старое ведро, шайка, большой черепокъ) разводится „вапна", для прочности окраски, разбавляемая мукою, или молокомъ, а „пэнзылимъ" [519]) является тряпка, прикрѣпленная къ случайной жердочкѣ. Отъ такой работы побѣлка печи и лежанки, а въ пышныхъ случаяхъ—потолка и верхнихъ вѣнцовъ внутренности хатки скорѣе уродуетъ, чѣмъ краситъ ихъ: получаются густыя полосы съ своеобразными плѣшинами, на которыхъ во множествѣ попадаются известковые бугорки... Несмотря, однако, на красильное нестроеніе, выбѣленные предметы значительно видоизмѣняютъ мрачный характеръ хатки и тѣшатъ взоръ.

16. Уголъ, образуемый печью и небольшою (1 арш. и менѣе) частью стѣны между дверью и печью, называется „вилышникымъ, кычарогникымъ и чипельникымъ" безразлично (см. I отд., гл. XV), несмотря даже на то, что здѣсь находится одна только кочерга, одна чепела и одинъ-два ухвата. Хотя эти орудія стряпни, дающія углу имя, помѣщаются въ послѣднемъ произвольно, но въ отдѣльныхъ хозяйственныхъ распорядкахъ всѣ они (орудія) уставляются насадками то вверхъ, то внизъ и только одна кочерга ставится вездѣ насадкою внизъ. Для сбереженія мѣста, ухваты, кочерга, чепела и помело засовываются въ „запечча", или въ „подпечку", когда тѣ свободны, первая—отъ заваловъ, а послѣдняя—отъ куръ,—чрезъ что освобожденный уголъ не измѣняетъ своего имени.

17. Наземная часть того же угла, приходящаяся подъ „припичкымъ“ и прикрываемая „кычарóгыми“, извѣстна подъ именемъ „шумника, шумéтника“. Сюда обыкновенно сметается и подолгу копится избяной соръ („шума“), выносимый потомъ на „шуметникъ“, собственно которымъ бываетъ уголъ двора, непотребное мѣсто на задворкахъ и рѣдко—хлѣвъ, или повѣть. Много-ли, мало-ли, или совершенно нѣтъ сору, избяной „шумéтникъ“ всегда закрытъ прислоненнымъ въ уголъ вѣникомъ, послужившимъ сперва въ банѣ. По большей части, соръ не выносится непосредственно за метеньемъ, а копится въ теченіе дней трехъ и даже недѣли, служа зимой, напр., предметомъ развлеченія для куръ, выпущенныхъ изъ „подпечки“ на кормежку. Точнымъ срокомъ для выноса изъ избы сора можно считать субботній вечеръ, или утро воскресенья, по крайней мѣрѣ, въ этотъ день можно найти „шýму“ развѣ въ домѣ послѣднихъ окаянниковъ. Есть дни, когда „шума“ выносится въ вечернія только сумерки (весною, чтобы не разводились блохи), „у дó-свицця“ (въ Чист. Четв., чтобы успѣшнѣе находить лѣтомъ птичьи гнѣзда) [520]), и совершенно не выносится (въ „пяцинки“, коихъ въ году 12, и въ тѣхъ исключительныхъ положеніяхъ, когда въ домѣ произошла ссора).

18. Хотя скопленная „шýма“ можетъ быть выносима при помощи разнообразныхъ предметовъ—на лопатѣ, въ корытцѣ, рѣшетѣ, въ фартукѣ, подолѣ, на вѣникѣ и въ горстяхъ—у преобладающаго большинства на сей случай имѣются отдѣльныя „шумéтныи подсцилки“, обычное мѣстонахожденіе которыхъ—оба „шумéтники“, избяной и надворный.

Когда заурядъ съ хаткой метутся и сѣни, тогда избяной соръ перебрасывается туда чрезъ порогъ и пріобщается къ сѣнному. Тутъ онъ копится и покоится до выноса въ какомъ-нибудь углу подъ вѣникомъ; но чрезъ это къ существующимъ „шумéтникымъ“ не прибавляется новаго, хотя бы и номинально...

IV. Сѣнки и исцепка, или призба, прізба.

На описанномъ устроеніи хатки снаружи и снутри заканчиваются всѣ плотничные труды, какъ и труды каменьщиковъ: хатка наполняется жильцами, движимостью—и въ ней зачинается обычная жизнь деревлянъ. Однако, самое прибѣдненное положеніе хозяевъ, малосемейность, скромный въ обрѣзъ достатокъ усадебной земли не могутъ примирить жильцовъ съ одною голою хаткой, и она даже у послѣдняго бобыля бываетъ полною тогда, когда при ней есть „сѣнки": безъ нихъ хатка—не хатка. Спѣшность ли, недостатокъ ли матеріальныхъ средствъ, или недосужество сопровождали строительное дѣло хатки, послѣдняя непремѣнно будетъ имѣть незаконченный видъ: въ сторону намѣченныхъ сѣней у такой хатки торчатъ неравномѣрныя отъ избяной крыши жерди (лàты), которыя впослѣдствіи, по справкѣ, войдутъ въ крышу сѣней, и послѣдняя станетъ естественнымъ продолженіемъ избяной крыши. Затянется неблагопріятное положеніе строителей-хозяевъ, подпадутъ они подъ бо̀льшее затрудненіе—отпущенныя, уже побурѣвшія „лàты" все еще будутъ торчать въ сторону сѣней, а вольное пространство подъ ними неизмѣнно хранить имя сѣней. Если строители предвидятъ протяжку въ сооруженіи надлежащихъ сѣней, то для защиты хатки со стороны входной двери прислоняютъ къ стѣнѣ жерди, мелкія бревна, и кое-какъ прикрываютъ ихъ соломою: образуется трехугольный покровъ, удерживающій имя сѣней. Это—временныя сѣни, хотя при горемычномъ положеніи жильцовъ, остающіяся на службѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Если захудàлый жилецъ предвидитъ невозможность устроить надлежащія сѣни, то разсчитанное для нихъ пространство обгораживаетъ жердями, или частоколомъ и, защитивъ промежутки соломою, тростникомъ, камышомъ [521]), подводитъ крышу такихъ сѣней подъ одинъ уровень съ крышею хатки. Тутъ получаются

нѣсколько благоустроенныя сѣни, позволяющія размѣститься, какъ въ настоящихъ сѣняхъ, и достаточно защищающія входную въ избу дверь и „гору̀“. Такія сѣни остаются при хаткѣ часто на все время существованія послѣдней, при чемъ подгнившіе колья изгороди своевременно замѣняются новыми, а выдернутая животными, или выпавшая изъ стѣнъ солома, тростникъ и камышъ періодически и по мѣрѣ нужды восполняются свѣжими. Примѣнительно къ сѣннымъ стѣнамъ дверь здѣсь бываетъ не досчатая, а изгородная, изрѣдка даже приставная, перевитая одинаковымъ со стѣнами матеріаломъ.

Разумѣется, гораздо совершеннѣе и желательнѣе бревенчатыя сѣни, и онѣ пристраиваются къ хаткѣ у преобладающаго большинства сразу подъ одну крышу. Если хозяева бобыли или если дѣло сводится къ скромной хозяйственной жизни, сѣни будутъ непремѣнно срубными, вѣнечными въ окраинѣ, тогда какъ концы бревенъ, приходящіеся къ избѣ, помѣщены въ пазы „шулъ“, при одномъ и другомъ углѣ дверной стѣны хатки. Чрезъ это бревенчатыя сѣни не измѣняются ни по отношенію къ хаткѣ, ни размѣрами, ни внутреннимъ благоустройствомъ: подобно изгороднымъ, онѣ тѣсно соединены съ хаткой имѣютъ одинаковую съ нею ширину, половину, или двѣ трети ея длины и не имѣютъ потолка,—что придаетъ имъ больше простора.

Не зная жильцовъ, не ознакомясь съ ихъ семейнымъ положеніемъ и хозяйственнымъ достаткомъ, по тѣмъ и другимъ „сѣнкамъ“ можно заключать, что жильцы малосемейны, безземельники, и что въ будущемъ не предвидится здѣсь ни семейнаго, ни хозяйственнаго роста. Мѣстонахожденіе хатки съ такими законченными сѣнями обыкновенно на концѣ деревни, передъ околицей, какъ и отсутствіе другихъ усадебныхъ построекъ, почти безсмѣнный въ теченіе дня замокъ на сѣнныхъ дверяхъ только и подтверждаютъ сказанное. Тутъ „сѣнки“ все: защита отъ вѣтра, амбаръ, кладовая и даже хлѣвъ, если только достатки позволяютъ под-

воспитывать одного-двухъ поросятъ, или содерж ать козу, коров. ку, для которыхъ „сѣнки" перегораживаются подлежащимъ образомъ.

Совершенно другое дѣло настоящія „сѣнки", находящіяся „у жихырскимъ" домѣ: прежде всего онѣ соединяютъ двѣ половины дома, или лучше—двѣ хатки, жилую и „исцёпку, или прізбу", и чрезъ нихъ можно пройти отдѣльною дверью въ хлѣвъ (черт. А, лит. в). Эти сѣни вполнѣ бревенчатыя, но замётныя, т. е. оконечности каждаго бревна вправлены въ „шулы", плотно приставленныя къ угламъ дверныхъ стѣнъ хатки и „исцёпки". Нѣтъ надобности говорить, что и здѣсь „сѣнки" служатъ продолженіемъ избы, вмѣстѣ съ нею и „исцёпкый" стоятъ подъ одною крышею и вовсе не служатъ такимъ грязнымъ надобностямъ (помѣщеніе скота), какъ раньше упомянутыя. Мало того: въ благоустроенныхъ домахъ „сѣнки" бываютъ мшеными, изрѣдка имѣютъ „мостъ" изъ досокъ, половинниковъ, стесанныхъ бревенъ, еще рѣже имѣютъ стѣнные узкіе прорубы (окна), но безъ остекленія, и даже холодный потолокъ, т. е. безъ моховой, костричной и земляной настилки. Въ большинствѣ, однако, домовъ „сѣнки" лишены „моста́", потолка и прорубовъ. Благодаря первому, „сѣнки" не разнятся отъ хатки, отсутствіе потолка даетъ имъ большій просторъ и открываетъ „гору̀" избы и „прізбы"; что же касается отсутствія прорубовъ (оконъ), то въ первые за постройкою годы въ затворенныхъ, примѣрно, сѣняхъ бываетъ нѣкоторый мракъ, который потомъ, по мѣрѣ осѣданія замётныхъ бревенъ, начинаетъ разсѣеваться, такъ какъ свѣтъ входитъ въ сѣни чрезъ щели, иногда достаточныя для пролета ласточекъ...

Служа лишь проходнымъ помѣщеніемъ, настоящія „*жи*хырскіи сѣнки" не имѣютъ да и не нуждаются въ большомъ просторѣ: ширина хатки—ихъ ширина, а длина—относительная, отъ 4 до 6 арш. Если нѣтъ „пр*и*збы", вмѣсто которой стоитъ клѣть, или же первая занята семьей, то въ одномъ углу сѣней, къ хлѣву,

стоитъ „молóчная скрыня“, въ другомъ—ручные жернова, на стѣнѣ висить упряжная и рабочая сбруя, припертая къ стѣнѣ соха, обернутая кадка, водяная кадка и прочіе предметы обиходности. При всемъ томъ въ „сѣнкыхъ“ остается немало свободнаго мѣста, по крайней мѣрѣ, лѣтомъ здѣсь трапезуетъ семья, когда спасается отъ нихъ и избяной духоты, а въ пологѣ спитъ съ малыми дѣтьми хозяйка, если для того неудобно взбираться „ны горý“.

Хотя изрѣдка, ко дню св. Пасхи, стѣны и потолокъ избы, кое-какъ вытираются, освобождаются отъ обильной пыли, копоти и паутины; „сѣнки“ почти не знаютъ подобной чистки до конца службы, хотя засариваются немногимъ меньше избы, и это особенно замѣтно въ „нестолёвыныхъ [522]) сѣнкыхъ“: чрезъ „поплётъ“ висятъ внизъ головками кровельныя соломенки; на нихъ и отъ нихъ протягиваются внизъ и въ стороны паутинныя сѣти и нитки, обильно наслоенныя копотью и пылью. Зимой, когда на все это падаетъ иней, подпотолочная часть сѣней даетъ чудную, въ своемъ родѣ единственную картину, гдѣ бисерныя нити заволакиваютъ нестройность нижней стороны крыши, а въ остальное время, особенно, лѣтомъ... здѣсь чаще всего ниспосылается съ высоты крыши то пророчественное указаніе на грядущее благополучіе, которое обыкновенно видятъ въ спускѣ на голову паука, его нити, или цѣлой ткани [523]). Но, не разбирая счастливчика, они падаютъ въ миску трапезующихъ, въ кадку съ водой, или, при ворвавшемся вѣтеркѣ, да перелетѣ „нясущій курки“ [524]) на чердакъ и обратно, станутъ подолгу качаться и падать на многочисленные сѣнные предметы...

„Исцёнка, или прізба“ (въ Гор. у. „прійзба“). [525]) есть та же срубная хатка, какъ и жилая, не по размѣрамъ только, но и по внутреннему устроенію, и стоитъ съ нею и сѣнями подъ одною крышею (черт. А, лит. д). Въ томъ случаѣ, когда семья велика, не вмѣщается въ жилой хаткѣ, или когда послѣдняя об-

ветшала, „исцёпка“ преобразуется въ жилую избу, при чемъ только-что оставленная жильцами хатка воспринимаетъ имя „исцёпки“. Внѣ такой необходимости „исцёпка“ отличается отъ жилой избы тѣмъ, что не имѣетъ полатей, не имѣетъ полной печи, а только нижнюю часть ея до „прйпичка“—каменное основаніе, или „рысáдникъ“. Будучи холоднымъ помѣщеніемъ, „исцёпка“ совершенно необитаема зимой и въ это время сюда забредетъ развѣ тотъ, кому нужно „очу̀хыцца“ [526]) отъ хмеля и перепоя; лѣтомъ же она служитъ однимъ изъ ночлежныхъ притоновъ семьи; а если хозяйка не лѣнива, станетъ носить кушанья изъ жилой избы, то семья и трапезуетъ здѣсь. Во все время года „исцёпка“ служитъ кладовою, гдѣ рядомъ съ съѣстными припасами на лавкахъ, „полу“, печномъ фундаментѣ и по стѣнамъ размѣщены многочисленныя „склáдища и схóвы“.

На построеніе „исцёпки“ приходится смотрѣть, какъ на парное сооруженіе одной и той же одежды: тамъ и здѣсь проглядываетъ не необходимость, а матеріальное довольство. Въ самомъ дѣлѣ: съѣстные запасы, всевозможные консервы удобно могутъ помѣститься въ клѣти, въ амбарѣ; тамъ же, какъ и въ жилой хаткѣ, нетрудно расположить запасную одежду, привѣсить къ стѣнамъ „ванзэлки“, или установить „кýблы да скрйни“. При всемъ этомъ большинство „жйхырывъ“ гоняется за построеніемъ „исцёпки“, хотя у нѣкоторыхъ недостаетъ того, чѣмъ обыкновенно наполняется она...

Хозяева съ среднимъ достаткомъ и ниже на мѣстѣ „прйзбы“ ставятъ клѣть—срубное въ вѣнцахъ строеніе, которое будетъ нѣсколько (арш. на 2) у̀же хатки. Недостающая ширина забирается прочными стоячими досками, половинниками, круглыми, или стесанными бревнышками, и даетъ извѣстную „пригорóдку“ [527])—открытое со стороны сѣней помѣщеніе, которое служитъ многообразнымъ житейскимъ и хозяйственнымъ надобностямъ. Хатка, сѣни и клѣть съ „пригорóдкый“, имѣя равномѣрную ширину,

подводятся подъ одну крышу, подобно тому, какъ это дѣлается съ „исцёпкый“.

Такая „клѣць празъ сѣнки“ имѣетъ всѣ части и особенности обыкновенной клѣти и отличается отъ нея развѣ недостаточнымъ притокомъ свѣта [528]). При существованіи помянутой клѣти оказывается ненужною „повклѣць“ (черт. А, лит. и), а клѣть (лит. ж) принимаетъ имя „анбарўшки, или свйрна“ [529]), служа тѣмъ же нуждамъ, что и „повклѣць“.

V. Хлявы (скотникъ, обора; дянникъ).

Въ исключительныхъ положеніяхъ всякая движимость, составляющая наличное достояніе семьи, отдѣльнаго лица, можетъ вмѣститься въ описанныхъ строеніяхъ, а если того нельзя сдѣлать дома, то въ помощь и на выручку подоспѣютъ сосѣди и добрые люди. Примѣрно: сжатый хлѣбъ можетъ временно помѣститься и исподволь вымолотиться на току сосѣда; за неимѣніемъ амбара, зерновой хлѣбъ, ссыпанный въ мѣшки и кадки, кое-какъ простоитъ въ собственныхъ сѣняхъ, хаткѣ и „исцёпкѣ“, или же пріютится въ амбарѣ того же добраго сосѣда; на „жёрныхъ“ одного онъ превратится въ крупу и муку, а изъ квашни и печи другого мука преобразуется въ „хлѣбушко насўчный“,— для чего стоитъ лишь поступиться лишнею ходьбою, да попросить сосѣдскаго одолженія, которое у большинства сдѣлается даромъ, или же за самый ничтожный отработокъ. Нѣчто подобное встрѣтитъ нуждающійся и тогда, когда дѣло коснется удовлетворенія другихъ жизненныхъ потребностей. Не то съ „живоди́ный, стачйный“ [530]), которую не уставишь и не уложишь по заказу и для которой требуется просторъ, далеко превышающій, напр., мѣсто стоянки какого-нибудь мѣшка съ хлѣбомъ. Если подвоспитывающіяся животныя находятъ въ избѣ зимній пріютъ, если бобыль или бобылка ютятъ въ сѣняхъ сальника или молочника, то владѣльцы живой собственности терпятъ сверхштат-

ную грязь и безпокойство только потому, что они—собственныя и что отъ нихъ некуда уйти. Кто же изъ добрыхъ сосѣдей захочетъ чужой грязи и ненужнаго безпокойства? Кто, напр., въ своемъ подпольи рѣшится пріютить чужого теленка, когда, по принятому обычаю, къ нему въ хатку періодически допускается на часъ мать, чтобы обогрѣться и отдоиться?!.. [531]) Да о такой жертвѣ едва-ли могутъ помышлять стороны—нуждающаяся и готовая помочь!

Кромѣ всего этого, за скотомъ нуженъ личный хозяйственный досмотръ, въ нѣкоторыхъ животныхъ (лошадь и корова) сказывается ежедневная потребность, а главное—въ связи съ помѣщеніемъ скота въ чужомъ хлѣву стоитъ потеря навоза, какъ удобрительнаго для земли матеріала, который вывозится цѣликомъ на поле, принадлежащее только этому хозяйству, а не дѣлится, не дробится между двумя хозяйствами. Тамимъ образомъ, даже „лыкомъ шитый [532]) хозяинъ“ устраивается такъ, чтобы его скотъ былъ при немъ, по возможности, ближе, чтобы онъ, будучи подручнымъ, служилъ въ любой часъ тѣмъ, къ чему предопредѣленъ, и чтобы въ теченіе года онъ скопилъ тотъ пока-что [533]) единственный матеріалъ, которымъ разъ въ три года [534]) кое-какъ удобряется поле.

Множественное имя „хлявóвъ“ остается таковымъ почти номинально; позади полной хатки [535]), вдоль глухой стѣны ея, съ выступомъ въ площадь огородовъ, идетъ узкое (черт. А, лит. е) [536]), низкокровельное строеніе, въ которомъ ни снаружи, ни внутри нельзя примѣтить „хлявóвъ“, а видится только одинъ хлѣвъ, въ двухъ-трехъ мѣстахъ кое-какъ разграниченный изгородью изъ лежачихъ жердей. Такая изгородь по плотности далеко уступаетъ огородной и полевой, и если коровы и лошади не могутъ переходить въ помѣщенія другъ друга, то ничто не мѣшаетъ имъ сноситься чрезъ нее, по крайней мѣрѣ, какая-нибудь любезная корова лижетъ чрезъ изгородь понравившуюся ей ло-

шадь. Правда, относительно гуще загораживаются овечьи и свиныя помѣщенія. Но если овцы состоятъ на „подножномъ корму" у лошадей, то загородка первыхъ остается съ незакрывающимся въ сторону лошадей отверстіемъ, вполнѣ достаточнымъ для прохода овецъ къ лошадиному корму. Въ помѣщеніи свиней имѣется входная дверь, или замѣняющая ее приставная доска; но это не всегда мѣшаетъ дерзкимъ животнымъ выбраться изъ своей закуты [537]) и повольничать по хлѣву изъ края въ край, пользуясь чѣмъ иной лакомка - „выручёкъ" [538]) расположитъ къ себѣ дойную корову и начнетъ высасывать ея молочко, пока не будетъ накрытъ хозяевами, въ виду внезапной безмолочности коровы, свалившими было вину на „хливника" [539]), вѣдьму, чаровницу-сосѣдку...

Какъ ни скромны хлѣвныя перегородки, онѣ все-таки разграничиваютъ слѣдующія, повидимому, громкія скотныя помѣщенія: а) „стайню"—помѣщеніе для лошадей, б) „коровникъ—для рослыхъ коровъ, в) „цилятникъ", гдѣ ютятся подтелки-„циразимки" и подвоспитавшіеся въ подпольѣ „сиголѣтки" телята [540]), — г) „овечникъ" и д) „свинярню" [541]). Что „хлявы" есть собственно одинъ только хлѣвъ, лучше всего можно видѣть при навозной толокѣ: наѣдутъ спозаранку „госцики любинькіи" [542])—и прежде всего разберутъ хлѣвныя перегородки, а потомъ уже разберутъ одно заметное прясло къ улицѣ, когда на мѣстѣ его нѣтъ постоянныхъ воротъ. Образуется несовмѣстимое съ именемъ „хлявовъ" поднавѣсное пространство, куда, какъ ласточки, въ теченіе дня станутъ влетать съ одного конца и вылетать въ другой навозныя телѣги. По завершеніи толочной работы, тѣ же „госцики" снова заметаютъ прясло и разгородятъ хлѣвъ точно такъ же, какъ то было до налета ихъ въ гости...

Съ внѣшней стороны описанный хлѣвъ представляетъ пристройку къ хаткѣ, задняя стѣна которой есть первая стѣна хлѣвного четыреугольника; остальныя три стѣны образуются изъ за-

метныхъ пряселъ въ „шу́лахъ“, и только въ двухъ заднихъ углахъ, хотя и не вездѣ, стѣны имѣютъ срубныя вѣнцовыя построенія. Крыша хлѣва, зачинаясь подъ стрѣхою хатки [513]), спускается слишкомъ „отво́но“ на заднюю заметную стѣну, благодаря чему высота хлѣва здѣсь, особенно, при навозномъ ростѣ, едва достаточна для помѣщенія мелкихъ животныхъ, отдѣленія которыхъ на самомъ дѣлѣ и пріурочиваются къ этой именно стѣнѣ. Для лучшей наглядности стоитъ припомнить, что стрѣха хатки можетъ имѣть наибольшую высоту въ 1 саж. и 10—16 верш., и что, спускаясь полого, хлѣвная крыша будетъ имѣть свою стрѣшную высоту, едва достигающую 2 арш. и 8 верш. Это имѣетъ выгодныя стороны: кое-какъ сложенная стѣна найдетъ защиту при самомъ посредственномъ снѣжномъ заносѣ, а лѣтомъ она встрѣтитъ то же въ густомъ крапивникѣ, чернобыльникѣ и чертополохѣ, кои здѣсь переростаютъ стрѣху...

Полагаясь на Богоданную шубку „стачи̂ны“, хозяева не придаютъ особеннаго значенія мшеному хлѣву, а наиболѣе безпечные кладутъ заметныя бревна безъ надлежащаго спуска пазовъ, чрезъ что хлѣвъ имѣетъ нескончаемые сквозники, а въ суровые холода тутъ мерзнутъ мелкія животныя, или отмораживаютъ ноги коровы... Безпечность не пользуется, однако, тяжелыми уроками и, при наступленіи холодовъ новой зимы, подвинетъ хозяевъ развѣ на постановку вдоль хлѣвныхъ стѣнъ запасныхъ кулей соломы, обыкновенно безплодно покоящихся подъ случайнымъ, стрѣшникомъ, да на болѣе густую настилку скотныхъ помѣщеній соломою.

До сего времени рѣчь шла о наиболѣе простѣйшемъ хлѣвѣ, возможномъ тамъ, гдѣ безпечность, отчасти косность хозяевъ, или недостатокъ строительнаго матеріала заставляютъ вводить въ хлѣвной четыреугольникъ заднюю стѣну хатки. По тѣмъ же, болѣе крутымъ причинамъ, вмѣсто бревенчатаго замета, остальныя стѣны имѣютъ „жарди̂нныи, пырканныи“ и даже плетневыя стѣны,

съ внѣшней стороны кое-какъ защищенныя соломою, тростникомъ, камышомъ; [544]) получается значительно худшій хлѣвъ, въ которомъ только Богъ спасаетъ скотъ отъ зимнихъ холодовъ, да отъ находа звѣрей... Но большинство заботливыхъ хозяевъ, устраивая хлѣвъ позади хатки, не вводитъ въ хлѣвной четыреугольникъ стѣны ея, а въ отступѣ сажени на три возводитъ отдѣльное строеніе съ собственною на обѣ стороны крышею. Если количество скота невелико и хозяйство не позволяетъ расширить скотоводства, хлѣвъ ограничивается только четыреугольникомъ, по длинѣ равнымъ полной хаткѣ, а боковыя стороны, къ улицѣ и огородамъ, забираются заметомъ. Но если дѣло скотоводства поставлено нѣсколько шире, и требуется значительно большее помѣщеніе, тогда на мѣстѣ указанныхъ заметовъ стоятъ подъ непрерывною съ хлѣвомъ крышею прибавочныя къ нему пристройки: въ этомъ случаѣ, да при разграниченіи скотныхъ мѣстъ капитальными стѣнами, дѣйствительно получаются „хлявы̀“, которые по отношенію къ хаткѣ даютъ подобіе широко развернутой буквы п. Нѣтъ надобности завѣрять, что у заботливыхъ хозяевъ такіе хлѣва мшеные, изъ плотно сметанныхъ бревенъ, а по всѣмъ четыремъ угламъ срубные, вѣнечные, при чемъ каждое помѣщеніе имѣетъ отдѣльную благоустроенную дверь.

Разъ хлѣва построены въ нѣкоторомъ отступѣ отъ задней стѣны хатки, между ними и сею послѣднею образуется вольный четыреугольникъ—извѣстный „дяннйкъ“ [545]). Здѣсь скотъ вылеживается, а коровы доятся лѣтомъ, ради чего въ хлѣвахъ не затворяются двери; здѣсь же онъ группируется передъ выгономъ въ поле, а зимнею порою—на водопой. Въ виду того, что скотъ проводитъ на „диннику̑“ добрую треть года, онъ унаваживается немногимъ меньше хлѣвовъ, подобно имъ постилается соломою и вмѣстѣ же съ хлѣвами очищается въ навозную толоку.

Описанные хлѣва имѣютъ иногда двое воротъ—къ улицѣ и со двора, позади „исцёпки“: въ первыя загоняются исключи-

тельно коровы, а въ послѣднія—мелкій скотъ и лошади. Чаще всего, однако, къ улицѣ нѣтъ воротъ, или таковыя отворяются лишь при толочной вывозкѣ навоза: въ этомъ случаѣ скотъ слѣдуетъ въ хлѣва и обратно черезъ дворъ, при чемъ, передъ вступленіемъ туда, онъ пройдетъ чрезъ „повѣтку"—заметное съ одной стороны, на столбовыхъ упоркахъ при „исцѣпкѣ, однокровельное строеніе. При отсутствіи настоящаго „динника", такая „повѣтка" отчасти замѣняетъ его, по крайней мѣрѣ, здѣсь дольше другихъ стоятъ и даже ночуютъ лошади. Если подъ „повѣткый" покоятся кое-какіе экипажи (сани—лѣтомъ, телѣга—зимой), то она получаетъ громкое имя „возбвни". Впрочемъ, такое имя переносится и на всякое другое помѣщеніе, какъ повѣтное, такъ и заметное, срубное, если только тамъ стоятъ экипажи. Все же скотное помѣщеніе—„хлявы, дянникъ и повѣтка"—носитъ общее имя „обоpы", которое встрѣчается значительно чаще имени „скотника".

Сколько бы ни было входовъ въ „обору", въ дополненіе къ нимъ остается неизмѣннымъ и вездѣ обязательнымъ входъ изъ сѣней чрезъ довольно узкую дверь, приходящуюся противъ входной въ сѣни двери. Это помогаетъ своевременно сноситься со скотомъ—доить коровъ, вносить пойло и успокаивать, когда въ хлѣву произошло какое-нибудь безпокойство [546]). Но въ плохо защищенныя сѣни это приноситъ тотъ смѣшанный запахъ навоза и скотскаго пота, который обдаетъ при вступленіи въ сѣни. Непритязательные деревляне сживаются съ „пахомъ" хлѣва: аппетитно трапезуютъ въ сѣняхъ лѣтомъ, сладко спятъ здѣсь въ пологахъ, не брезгуютъ, когда перемалываемый тутъ хлѣбъ, или молочные консервы привьютъ къ себѣ этотъ „пахъ"... Существуетъ даже увѣреніе [547]), что хлѣвный „пахъ" и, въ особенности, близкое сосѣдство „живоцины", помимо теплоты, сообщаемой хаткѣ и жильцамъ, весьма здоровы и дезинфецируютъ жилье...

Въ послѣднемъ словѣ объ „обрѣ“ остается заявить, что она и, преимущественно, хлѣва остаются чѣмъ-то заповѣднымъ, недоступнымъ для самыхъ близкихъ сосѣдей, которые могутъ видѣть ихъ другъ у друга только во время навозной толоки. Но тогда здѣсь нѣтъ скота: онъ проводитъ день на паствѣ, а полдень и ночь—въ свободныхъ сараяхъ или полевой загородкѣ, если только очищенные хлѣва не „провяли“ и не настланы соломою. Что хлѣва заповѣдны и недоступны для стороннихъ во все остальное время, лучшимъ доказательствомъ служитъ практическій пріемъ для выгона изъ хлѣва чужого животнаго, забравшагося сюда случайно, или запертаго со „шкоды“ [548]): ни владѣлецъ животнаго, ни его посыльный не взойдутъ на „обору“ за своимъ повиннымъ или неповиннымъ животнымъ, и оно будетъ выдано хозяиномъ „обóры“, или его односемьянами. Невозбранный осмотръ таковой и скота допускается только наиболѣе родственнымъ лицамъ—родителямъ отдѣленныхъ дѣтей, да братьямъ и сестрамъ съ ихъ супругами. Что же касается предложенія сторонняго лица зайти въ скотныя помѣщенія, то оно принимается какъ нѣчто обидное, вызываетъ недоумѣніе хозяевъ и, если не будетъ отвергнуто рѣзкимъ отказомъ, такъ разрѣшится обиднымъ позволеніемъ...

VI. Клѣць и повклѣць [549]).

Строительное присловье, перешедшее въ загадку, объ этихъ строеніяхъ (черт. А, лит. ж, з, и) говоритъ такъ: „клѣць, ды повклѣць, а сярóдъ ихъ икáя ни икáя (какая ни есть) повѣць“ [550]). И дѣйствительно, когда налицо тó и другое строеніе, раздѣльное между ними пространство обязательно будетъ повѣтью, которая перейдетъ даже въ „возóвню“, если подъ нею ютятся экипажи. Въ построеніи двухъ однородныхъ, нерѣдко совершенно равныхъ по величинѣ зданій, просвѣчиваетъ то же, что и въ построеніи „призбы“, или двухъ парныхъ одеждъ,—какъ

о томъ замѣчено въ III гл. настоящаго отдѣла. Правда, въ широкихъ хозяйствахъ и при хозяйственныхъ благополучіяхъ, клѣть и „повклѣць“ могутъ оказаться едва достаточными для наличнаго хлѣба и другого добра; но почему-бы тогда не отстраивать одного цѣльнаго помѣщенія? Помимо отдаленныхъ причинъ (такъ строились дѣды), ближайшею служитъ то, что на клѣть и ея спутницу приходится удѣлять наиболѣе тонкій лѣсъ [551]), изъ котораго не сложишь длинной и широкой постройки; съ другой стороны, самое, повидимому, устойчивое хозяйство находится въ зависимости отъ урожая: хорошъ онъ нынче—обѣ клѣти полны, нѣтъ—хлѣбъ и все добро свободно вмѣстится въ одной клѣти, а если таковая просторна, то сложенное здѣсь готово напомнить маленькое дитя, прибранное въ отцовскую одежду и обувь...

Клѣть и „повклѣць“—холодныя строенія. Несмотря, однако, на это, въ отношеніи ихъ строительныя заботы заходятъ дальше, чѣмъ при сооруженіи хлѣвовъ, а иногда превосходятъ тѣ же заботы и о хаткѣ. Что это такъ, стоитъ присмотрѣться къ постройкѣ клѣти снаружи и снутри. Такъ, прежде всего она не ставится непосредственно на землю, и нижній вѣнецъ покоится или на булыжной вдоль стѣнъ подкладкѣ, или на бревенныхъ столбахъ, однимъ концомъ вкопанныхъ въ землю,—что въ томъ и другомъ случаѣ даетъ клѣти фундаментъ. Далѣе: хотя здѣсь нѣтъ надобности мшить стѣнъ, составляющія ихъ бревна такъ плотно пригоняются другъ къ другу въ пазахъ и углахъ, что чрезъ ничтожныя щели не можетъ пробраться даже муха.

Не въ примѣръ хаткѣ, клѣть обязательно имѣетъ досчатый полъ, при чемъ составляющія его доски припускаются одна къ другой плотнѣе стѣнъ, такъ что чрезъ щели не можетъ пройти мелкое зерно. Сверхъ того, мѣста возможныхъ впослѣдствіи щелей въ полу и нижнихъ половинахъ стѣнъ тщательно обмазываются глиною, смѣшанною съ пескомъ и „кылонцый“ [552]), —что въ соединеніи образуетъ такую замазку, до которой не коснется

зубъ крысы и мыши. Опять же не въ примѣръ сѣнямъ, клѣть имѣетъ плотный досчатый потолокъ, который не настилается мхомъ, землею, кострикою. Наконецъ, крыша клѣти строится такъ же заботливо, какъ и крыша хатки, т. е. изъ всѣхъ строеній она бываетъ „подъ гребенку". Благодаря всему этому, да хорошо приложенной двери, доступъ въ клѣть животнымъ алчникамъ почти невозможенъ, и только послѣ долгихъ усилій сюда можетъ пробраться развѣ особенно настойчивая мышь или крыса. Въ предвидѣніи послѣдняго по клѣти размѣщаются приторные для мышей и крысъ предметы, испытанное дѣйствіе которыхъ достаточно извѣстно деревлянамъ, или же туда время-отъ-времени запирается домашняя гроза мышей—кошка.

Заурядная длина клѣти рѣдко превышаетъ 2 саж.; въ этомъ случаѣ ширина ея будетъ доходить до 1 саж. и 2 арш.; клѣть же съ квадратнымъ построеніемъ встрѣчается значительно рѣже, чѣмъ тó бываетъ у хатокъ. Видимо скромные размѣры клѣти какъ-то непривычно сочетаются съ высотою, которая снаружи, отъ земли до крыши, доходитъ до 4, даже 5 арш., хотя внутри, отъ пола до потолка, она едва достигаетъ 1 саж. и 4 верш. Если, при зачинающихся постройкахъ, отъ клѣти отпущенъ въ сторону будущей повѣти „поплётъ", какъ тó бываетъ у хатки по отношенію къ будущимъ сѣнямъ, то жутко становится за такое капитальное строеніе, повидимому, способное сорваться съ мѣста при легкой бурѣ. На самомъ дѣлѣ даже незавершенная клѣть держится прочно, благодаря прочнымъ перегородкамъ внутри, для закромовъ. Ближайшимъ образомъ, по обѣ стороны двери, во всю ширину клѣти, идутъ два „повсцѣнки" [553])—четыре плотно наложенныя одно на другое бревна, выходящія концами наружу и образующія съ продольными стѣнами клѣти срубы, похожіе на угловые. Другіе такіе же „повсцѣнки", въ три бревна каждый, расположены нѣсколько ближе къ правой и лѣвой стѣнѣ, въ аршинномъ разстояніи отъ первыхъ, но такъ, что основа-

ніе ихъ зачинается съ той высоты, гдѣ оканчивается высота первыхъ „повсцѣнкывъ“,—что дѣлаетъ ихъ какъ-бы висящими въ воздухѣ. „Повсцѣнки“ въ свою очередь перегораживаются круглыми, или стесанными бревнышками, плотно наложенными другъ на друга и одними концами вправленными въ стѣнные пазы, а другими—въ пазы „повсцѣнкывъ“, при чемъ высота передней части перегородочнаго замета не превышаетъ высоты перваго „повсцѣнка“, тогда какъ высота задней части его равна высотѣ висящаго „повсцѣнка“. Эти заметныя перегородки разграничиваютъ „зáсики“ [554]) и служатъ для помѣщенія въ нихъ зернового хлѣба.

Приведенное описаніе перегородокъ относится къ наиболѣе просторнымъ клѣтямъ; въ клѣтяхъ заурядныхъ перегородки нѣсколько скромнѣе и даютъ только одинъ рядъ „зáсикывъ“ противъ двери,—какъ то можно видѣть на черт. А, лит.—ж. Внутреннюю связь стѣнъ и, слѣдовательно, устойчивость всего строенія вершаютъ одна-двѣ подпотолочныя „бáльки“, кои расположены всегда параллельно „повсцѣнкымъ“. Онѣ служатъ для привѣса разнообразныхъ предметовъ—грузной зимней одежды, запасной сбруи, сыровъ, колбасъ, окороковъ; здѣсь виситъ вполнѣ очищенный, замораживающійся сáльникъ до разбора его; здѣсь же, въ „минуту жизни трудную“, подвѣшиваетъ себя тотъ изъ жильцовъ, кому захотѣлось „свести счеты съ жизнью“ [555])...

Вполнѣ благоустроенная клѣть имѣетъ „гáныкъ“ и крыльцо надъ нимъ, которые далеко непохожи на тѣ же предметы передъ домомъ. Такъ, „гáнкымъ“ здѣсь служатъ два нижніе вѣнца клѣти, въ сторону двора и двери удлиненные на 1 арш., а крыльцомъ—навѣсъ крыши по всей длинѣ длиннаго „гáнка“. При углахъ онъ забирается точно такъ же, какъ „при клѣци празъ сѣни“, т. е. имѣетъ двѣ небольшія „пригорóдки“ (см. III гл.), закуты которыхъ служатъ складочнымъ мѣстомъ для незначительныхъ предметовъ, орудій, ночлежнымъ притономъ для собакъ,

а если послѣднія при клѣти на цѣпи, то и всегдашнею будкою. —Полъ „гáнка“ и потолокъ крыльца обыкновенно настилаются досками, немногимъ хуже, чѣмъ то сдѣлано и внутри клѣти.

Что сказано о построеніи и внутреннемъ размѣщеніи клѣти, то же цѣликомъ можно сказать и о „повклѣци“. Есть случаи, когда оба строенія имѣютъ тождественную величину, перегородки, полы и потолки, хотя добрая половина „повклѣцій“ строится нѣсколько бѣднѣе: съ глинянымъ поломъ, съ потолкомъ изъ жердей и даже безъ него, безъ перегородокъ и, слѣдовательно, безъ закромовъ. Въ послѣднемъ видѣ „повклѣць“ уже въ слабой мѣрѣ отвѣчаетъ своему спеціальному назначенію, а скорѣе превращается въ запасное строеніе, которому нѣтъ даже имени среди другихъ хозяйственныхъ построекъ.

Останавливаясь на разсмотрѣніи содержимаго клѣти и ея младшей сестры, приходится видѣть, что закрома первой, почтенныхъ размѣровъ мѣшки и кадки, помѣщенные на полу, наполнены отборнымъ хлѣбомъ для засѣва, продажи или запаса на возможные неурожаи: тогда клѣть удерживаетъ имя „мыгазэи, мыгазыны“. При такомъ положеніи въ „повклѣци“ содержится менѣе добротный, „пызáдкывый“ хлѣбъ, запасы „приваркывый“ муки и крупа, т. е. хлѣбно-растительные предметы, предназначенные для текущаго продовольствія; здѣсь же ютятся и хлѣбные отбросы—мякина, „вòтрина, пилюхá, шаколы“ [556]), у достаточныхъ хозяевъ цѣликомъ поступающіе на продовольствіе скота. При другомъ положеніи, клѣть содержитъ весь зерновой хлѣбъ, муку и крупу, тогда какъ ея спутница—только отбросы, остатки отъ нихъ, полученные на току, или при домашней обработкѣ Встрѣчается и такое размѣщеніе: въ то время, когда въ клѣти сложенъ весь хлѣбъ и отбросы, въ „повклѣци“ хранятся „кублы“, сундуки съ поклажею, упряжь, мелкіе рабочіе предметы—кòсы, лопаты, грабли и проч. Когда же послѣдовательныя незадачи свели хозяйственное дѣло до крайности, когда нечѣмъ

наполнить и одной клѣти, тогда, послѣ продолжительной праздной стоянки, „повклѣць“ незамѣтно переходитъ или въ скотное помѣщеніе, или въ подручное складище сѣна, соломы—„цéрницы“ [557]).

Видимое въ клѣти и „повклѣци“ не всегда служитъ мѣриломъ помѣщеннаго здѣсь добра: такъ, въ глубинѣ закромовъ, подъ покровомъ зерноваго хлѣба, прячутся садовыя и дикія яблоки, которыя потомъ во всю зиму служатъ лакомыми „смáго“-прогонными и даже лѣкарственными предметами,—прячутся запасенныя на мясоѣдъ колбасы, „вяндлйна“ къ Пасхѣ, яица и печеные хлѣбы лѣтомъ. Наконецъ, тутъ же прячутся цѣнные уборные предметы изъ металла и камней и, чаще всего, деньги, кои не такъ легко могутъ быть найдены здѣсь посягателями, какъ въ заурядныхъ складищахъ и „схóвахъ“.

Служа хранилищемъ предметовъ первой необходимости, клѣть и „повклѣць“ обязательно строятся въ чертѣ подворной площади, противъ оконъ хатки, чрезъ которыя жильцы могутъ въ любую пору дня и ночи слѣдить за содержательными, дорогими постройками, и, какъ замѣчено раньше, въ строительномъ отношеніи обѣ онѣ обставляются заботливѣе другихъ построекъ. Между прочимъ, на послѣднее указываетъ и единственная дверь на срединѣ лицевой стѣны клѣти: она сработана изъ плотно пригнанныхъ толстыхъ досокъ, отворяется внутрь клѣти и имѣетъ два прочные запора—„на чéпилъ“ снаружи и „на засóвку“ снутри, отодвигающуюся особымъ шарнирнымъ ключомъ (см. примѣч. 446).

Раздѣльное пространство между клѣтью и „повклѣцій“ (черт. А, лит. з), съ внѣшней стороны защищенное замётнымъ заборомъ и находящееся подъ общею съ ними крышею, есть извѣстная „повѣтка“, даже „возóвня“. Здѣсь нѣтъ ни воротъ, ни загорожи со стороны двора, нѣтъ подпорныхъ столбовъ, и стрѣшная часть крыши опирается на одно-два бревна, перекинутыя отъ

одного строенія къ другому. Если жилыя помѣщенія построены не при дорогѣ, ни даже къ улицѣ, то при послѣднихъ будутъ „клѣць, ды повклѣць, а сяродъ ихъ икая ни икая повѣць". Въ этомъ случаѣ въѣздныя на дворъ ворота устраиваются на мѣстѣ заметной стѣны повѣти, и послѣдняя даетъ тогда сквозникъ, не теряющій, однако, имени „повѣтки"; сверхъ того, она будетъ нѣсколько уже (по ширинѣ воротъ) заурядной, доходящей до 2 и болѣе саж. въ ширину.

Сквозная повѣть не заставляется предметами, чтобы не загораживать едва достаточнаго проѣзда на дворъ; заурядная же повѣть, напротивъ, переполнена ими. Кромѣ экипажей, подъ нею покоятся: приставленная къ стѣнѣ соха, борона, лучинныя плахи, старая кадка, колесо, охапка сѣна или соломы и т. п. разнохарактерные предметы, кстати, размѣщенные наскоро, какъ ни попало. Но та и другая повѣть имѣютъ потолочныя балки, кое-какъ застланныя запасными досками или тонкими жердями. Это мѣсто почти всегда бываетъ „курошѐсцій" [558]), а поставленные, напр. на настилку сани даютъ кладущимся курамъ безопасное гнѣздо лѣтомъ.

Если нѣтъ „повклѣци", повѣть все-таки занимаетъ свое мѣсто; но тогда доступъ въ нее открытъ съ двухъ сторонъ—со двора и со стороны огородной изгороди,—что не умаляетъ ни размѣровъ ея, ни назначенія.

VII. Токъ, *рига*, *рея* [560]).

Поодаль отъ строеній, всегда на задней окраинѣ усадебной площади, ширится крытое развальное строеніе—токъ или рѝга, рея (черт. А, лит. к), которое весьма рѣзко отличается не только отъ описанныхъ выше, но и отъ другихъ гуменныхъ построекъ [561]). Составляя одновременно теплое и холодное строеніе, токъ строго дѣлится а) на собственно токовище и б) сушильню,—каковое дѣленіе не замѣчается извнѣ, потому что сушильня только

одною стѣною выходитъ наружу, тогда какъ остальныя стѣны скрыты въ глубинѣ токовища, обнесеннаго заметными стѣнами и покрытаго сплошною двухскатною крышей. При ближайшемъ разсмотрѣніи тока съ внѣшней стороны, замѣчается, что размѣры его (минимальная длина 7, а ширина 4 саж.) какъ-то неудачно сочетаются съ высотою. Но это можетъ казаться лишь съ двухъ боковыхъ сторонъ, гдѣ крыша спускается чрезъ стѣны длинными стрѣшниками, доходящими до $1^1/_2$ арш., и впечатлѣніе значительно измѣняется передъ лицевою стороной, при вступленіи въ ворота: здѣсь открывается саженная высота стѣнъ, а поднимающіяся отъ нихъ стороны крыши сходятся на высотѣ почти трехъ саженей. Если войти въ совершенно праздный токъ, то послѣ хатки, хлѣвовъ и клѣти, онъ подавляетъ громадностью, тѣмъ болѣе, что это единственное зданіе, гдѣ эхомъ отдаются не только голосъ, но и скромные шаги вошедшаго. Почти тоже испытывается и тогда, когда по обѣ стороны токовища, отъ воротъ до сушильни, отъ земли до крыши, стоятъ двѣ сноповыя стѣны, хотя съуженное пространство, съ непривычно высокими стѣнами и и указанною высотой крыши, даетъ обаяніе страха: вотъ-вотъ рухнутъ сноповыя стѣны и надѣлаютъ бѣдъ!.. Когда же примолотится хлѣбъ, когда соломенные кули, или скромные остатки ихъ займутъ мѣста сноповыхъ стѣнъ, и когда постилочная и кормовая солома раскинется безпорядочными кучами, ворохами, тогда указанное обаяніе значительно ослабляется, даже эхо пропадаетъ, и это длится до очистки тока для новаго хлѣба,—что обыкновенно дѣлается только передъ Ильинымъ днемъ.

Площадь всего токовища ограничивается, съ лицевой части, въѣздными въ токъ воротами, заметными заборами въ одно прясло по ту и другую сторону воротъ, а справа и слѣва—длинными заметами въ нѣсколько пряселъ, сзади же—сушильней и двумя закутами, образующимися между правою и лѣвою стѣною послѣдней, и заметными стѣнами тока. Собственно токовище, т. е.

мѣсто, предназначенное для молотьбы, значительно меньше: начинаясь отъ въѣздныхъ воротъ, оно протягивается до сушильни, а справа и слѣва ограничивается низкими въ два-три бревна заметиками, идущими отъ угловъ сушильни къ воротамъ,—что обозначено (черт. А, лит. к) двумя пунктирными линіями. Эта избранная площадь старательно выравнивается, утрамбовывается и настилается слоемъ глины, дающей потомъ прочный глиняный полъ; остальныя мѣста токовища только сглаживаются и кое-какъ утрамбовываются. Такимъ образомъ, все токовище, разграничиваясь заметиками, имѣя двѣ закуты, иногда, въ свою очередь, разгороженныя жердями, дѣлится на пять частей, служащихъ отдѣльнымъ надобностямъ: для молотьбы, для склада ржаныхъ сноповъ, для склада яровыхъ сноповъ (сноповыя стѣны), для склада стручковыхъ растеній и „вòтрины" (обѣ закуты). Среднему крестьянскому хозяйству это позволяетъ вмѣстить на току наличный хлѣбъ, который прямо съ поля укладывается здѣсь стѣнами, и тогда нѣтъ надобности въ отдѣльномъ хлѣбномъ сараѣ, устраиваемомъ развѣ при большомъ хлѣбномъ хозяйствѣ. Что же касается молотильныхъ остатковъ, то яровой и вообще кормовой соломѣ найдется мѣсто въ закутахъ тока, на опорожняемыхъ мѣстахъ сноповыхъ стѣнъ, тогда какъ прямая ржаная солома, связанная въ „пукѝ" [562]), находитъ достаточное мѣсто подъ стрѣшниками, а нѣсколько помятая, постилочная, можетъ покоиться и подъ открытымъ небомъ, на гуменной площади. Послалъ Господь урожай, или въ хозяйство поступило большее количество сноповаго хлѣба, на которое недостаетъ въ току расчитаннаго мѣста, снопы укладываются на той же площади скирдами, „одóнкыми", и перемолачиваются первыми. Въ обратномъ случаѣ на томъ же току можетъ вмѣститься и безъ стѣсненія быть перемолоченнымъ хлѣбъ двухъ хозяйствъ. Въ такомъ именно положеніи и бываетъ молотильное дѣло захудалыхъ, малоземельныхъ хозяевъ, которые сообща строятъ одинъ токъ, и его вполнѣ достаточно не только для

склада сноповъ, молотьбы, но и для склада молотильныхъ остат ковъ, въ видѣ соломы.

Въ дополненіе къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что токъ есть одно изъ тѣхъ строеній, гребень которыхъ держится „coxáми“ [563]). Въ данномъ случаѣ „сохòю“ называется березовое, рябиновое или осиновое бревно, оканчивающееся прочными вилами. Когда, при построеніи тока, наступило время заводить крышу, въ яму у замета [564]) вкапывается комлемъ и наклонно, въ сторону токовища одна „coxá“; другая такая же „сохà“ уставляется съ противоположной стороны: въ мѣстѣ соединенія, на трехсаженной высотѣ, вилы обѣихъ „сохъ“ способны прочно сдерживать вложенное въ нихъ бревно, которое, однако, поддерживается еще двумя парами такихъ же равномѣрныхъ „сохъ“; а если токъ очень длиненъ, да широкъ, то гребневое бревно или соединенныя два бревна по всей длинѣ покоятся на четырехъ парахъ „сохъ“. Это даетъ основу будущей крышѣ: на гребневое бревно накладываются крючковатыя стропила, спускающіяся на заметныя стѣны и вмѣстѣ съ настильными жердями образующія „поплётъ“. Если сушильня выше заурядной, то серединною частью стропила опираются на верхнія бревна ея,—что позволяетъ довольствоваться меньшимъ числомъ „сохъ“ на одну пару.

Справедливо ожидать, что широкая, грузная крыша тока должна сдавливать заметныя стѣны не книзу только, а и въ сторону токовища. Но первое предупреждается тѣмъ, что поверхъ замета, въ выбоины „шулъ“ кладутся длинныя и прочныя бревна, на которыя и опираются стропила; второе же предупреждается тѣмъ, что въ двухъ-трехъ мѣстахъ по ширинѣ всего токовища, отъ „шу̀лины до шу̀лины“, кладутся балки. Послѣднее, однако, мѣшаетъ полному размаху цѣповъ, которые могутъ задѣвать балки. Гораздо сподручнѣе и достигаютъ той же цѣли прочныя подпорки снаружи и снутри, и онѣ придаются каждой „шу̀лины“. при установкѣ ихъ и замета.

„Сыха́тый токъ“ можетъ быть отличенъ даже снаружи, потому что одна пара „сохъ“ ставится на задней сторонѣ строенія, за чертою замета и выступающей сюда стѣны сушильни. Очевидныя удобства „сыха́тыго то́ку“ дѣлаютъ его болѣе распространеннымъ, несмотря на то, что „со́хи“ скоро прогниваютъ, какъ чернолѣсныя, и требуютъ скорѣйшей смѣны, чѣмъ сосновыя, или еловыя „шу́лы“. Это не исключаетъ, однако, устройства тока „бязсо́хыго“: гребневое бревно такого тока покоится на толстыхъ бревенчатыхъ упоркахъ, нижнимъ концомъ опирающихся на средину каждой балки. Какъ при данномъ построеніи молотьбиты управляются съ цѣпами, не задѣвая балокъ—слѣдуетъ искать отвѣта въ навычной ловкости молотящихъ, хотя и должно признать, что желательные взмахи цѣпа здѣсь не имѣютъ простора, предоставляемаго „сыха́тымъ то́кымъ“.

Заметныя стѣны тока, имѣющія срубно-вѣнечное построеніе только въ четырехъ своихъ углахъ, нарочно дѣлаются со щелями, чтобы врывающійся чрезъ нихъ вѣтеръ могъ провѣвать сноповыя стѣны; точно также слабо, или вовсе не защищаются: надворотное отверстіе съ лицевой стороны и такое же поверхъ замета и сушильни—съ задней. Все это даетъ желательную сквознину, часто необходимую при вѣяніи хлѣба, и чтобы усилить, или получить таковую, почти въ каждомъ току устраивается въ срединѣ боковой стѣны узкая дверь, поднятая на аршинъ отъ земли: смотря по направленію вѣтра, она, какъ и ворота, то отворяется, то остается затворенною, ни при вѣяніи только, но и во время молотьбы, когда рабочимъ требуется или защита отъ вѣтра, или прохлада.

Вторую, въ то же время существенную часть тока составляетъ сушильня. Она бываетъ двухъ типовъ: а) „ѐвня, ѐвинка“, и б) „осѐць, осѐтка“ [565]). Какъ замѣчено раньше, это теплое строеніе почти полностію скрывается въ глубинѣ и подъ кровомъ тока. Закоптѣлая внутри и снаружи, покрытая толстымъ слоемъ

ныли, вдали отъ свѣта, съ одною лишь „боковый“ у задней стѣны, кстати, устроенной низко, вовсе не для пропуска свѣта и потому почти всегда закрытою, сушильня вершаетъ то обаяніе пустоты и жуткости, о которыхъ упоминалось выше. Въ самомъ дѣлѣ: вступивъ подъ высокую крышу широкаго строенія, пройдя по крѣпкому глинистому токовищу, отдающему шаги эхомъ, низко наклонясь въ дверномъ проходѣ, да занеся высоко ногу, чтобы переступить высокій порогъ, посѣтитель очутится въ полной темнотѣ, къ которой нельзя приспособить зрѣнія больше потому, что вполнѣ черныя стѣны усугубляютъ мракъ. Немудрено, что токъ и сношеніе съ нимъ способны породить предразсудочные страхи, подобно страхамъ на кладбищѣ, въ густомъ лѣсу, на болотѣ, и нѣтъ удивительнаго въ томъ, что наиболѣе „пудлйвыи и улякывшіи“ [566]) не рѣшатся пойти на токъ въ одиночку...

Обращаясь къ строительной сторонѣ сушильни, приходится сказать, что это вполнѣ квадратное (длина стѣны отъ 2 саж. до 2 саж. и 2 арш.), срубно-вѣнечное и вполнѣ теплое строеніе, т. е. имѣетъ мшеныя стѣны, настильный и насыпной потолокъ, плотно прилаженную, хотя и весьма низкую (1 арш. и 10 верш.), неширокую (1 арш.) дверь. Къ сему можно прибавить, что твердый глиняный полъ сушильни нѣсколько ниже токовища и что въ правомъ углу отъ входа, въ углубленіи пола, тонетъ кирпичная, глинобитная, или сложенная изъ подходящихъ булыжниковъ печь, по крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе даетъ „ёвинныя печка“, возвышающаяся подъ поломъ верш. на 8—10. Чтобы управиться съ топкою, необходимо спрыгнуть въ четыреугольную передъ устьемъ печи яму, глубина которой будетъ по грудь рослому мужчинѣ. Въ этой ямѣ, по длинѣ равной сторонѣ всегда квадратной печи [567]), а по ширинѣ не превышающей 1 арш., можно управляться лишь на корточкахъ. Въ „осе́ци“ печь того же построенія, но она бо́льшею половиною возвышается надъ поломъ и не имѣетъ передъ устьемъ такой глубокой ямы.

Существенная разница между „ёвнiй и осёцiй“ состоитъ въ томъ, что первая, при наибольшей высотѣ въ 4 арш., имѣетъ ординарное приспособленіе для сушки хлѣба, тогда какъ вторая доходитъ до высоты 2 саж., имѣетъ два этажа, разграниченные досчатымъ поломъ, сверху наслоеннымъ глиною, съ отдѣльнымъ въ верхнемъ ярусѣ квадратнымъ отверстіемъ съ дверью, чрезъ которое снопы передаются въ верхнее отдѣленіе „осёци“ и обратно. Для прохода теплаго воздуха изъ нижняго яруса въ верхній, между стѣнами и раздѣльнымъ потолкомъ, справа и слѣва оставляются узкіе отступы, едва достаточные для пролаза взрослаго человѣка. Преимущественныя выгоды „осёци“ очевидны: хлѣбъ можетъ сушиться въ двухъ ярусахъ одновременно, менѣе коптитъ, такъ какъ въ иныхъ осёцихъ“ нѣтъ при-стѣнныхъ отступовъ, и теплый воздухъ пропускается въ верхнее отдѣленіе лишь послѣ топки чрезъ мелкія отверстія въ серединномъ потолкѣ. Наконецъ „осёць“ болѣе безопасна въ пожарномъ отношеніи. Однако, несмотря на преимущества „осёци“, она строится рѣдко, и ея имя перенесено на „ёвню“, которая можетъ быть встрѣчена повсюду, изъ края въ край. Почему такъ?—возможнымъ оправдательнымъ отвѣтомъ можетъ быть развѣ сбереженіе строительнаго матеріала да унаслѣдованная привычка обращаться только съ „ёвній“.

Единственнымъ приспособленіемъ для установки сноповъ укладки стручковыхъ растеній (горохъ, „сочйвка“) [568] и льняныхъ головокъ въ сушильнѣ служатъ двѣ при-стѣнныя балки на высотѣ 1 арш. и 8—10 верш. отъ пола, которыя то густо, то рѣже настилаются „грáдкыми“—средней толщины гладкими жердочками, равными длинѣ или ширинѣ „ёвни“, и свободно перемѣщающимися на балкахъ [569]). Когда нужно „садйць ёвню“ [570]), первая жердочка отодвигается отъ стѣны и на нее уставляется рядъ сноповъ комлями;то же дѣлается и до послѣдней жердочки, которая будетъ у противоположной стѣны: образуется снопо-

вый потолокъ, подъ которымъ для подбора колосьевъ, метенья пола и затвора „боко́вки“ приходится пробираться на четвереринькахъ.

Если хлѣбъ достаточно просушенъ на полѣ, тогда „ёвня со́дитца“ значительно гуще, при чемъ одинъ рядъ сноповъ ставится на „гра̀дку“ комлями, а другой втискивается колосьями внизъ, да сверхъ того на вершину уставленныхъ сноповъ кладутся другіе, вплоть до потолка. Такимъ образомъ въ скромной по размѣрамъ „ёвни“ можно за одинъ разъ сушить отъ 3—7 „копъ“ [571]) средней „вя̀зи“ [572]), или 180—420 сноповъ, должная обмолотка которыхъ вполнѣ достаточна на малосемейное хозяйство. Болѣе же сырой хлѣбъ „со́дитца“ не такъ густо, а иногда выдерживаетъ двухъ и трехдневную сушку, при топкѣ печи раза два-три.

Хотя для зимняго посѣва пригоднѣе высушенный въ сушильнѣ хлѣбъ—его зерно „трывалѣ̀й“ [573]), тепломъ и копотью убиваются зерновые паразиты,—однако, есть случаи и свойство почвы, когда сѣменная, напр., рожь не сушится, а добывается „сыромоло́тымъ“. Тогда на избранномъ мѣстѣ токовища ставится мялка, или кладется бревно, свободный улей, о которые и хлещутся снопы. Чрезъ „сырмоло́тъ“ изъ сноповъ выдѣляются далеко не всѣ зерна: въ подходящее время такіе „около́тки“ вѣдаются потомъ съ сушильней, съ цѣпами и вообще молотильною обработкой [574]).

Таковъ „ёвинный и осо́тный токъ“ бытописуемаго времени, удовлетворявшій двумъ потребностямъ—молотьбѣ и складищу сноповаго хлѣба и соломы. Но уже тогда въ скромныхъ хозяйствахъ отстраивался токъ меньшихъ размѣровъ и съ видоизмѣненною особенностью, нынѣ сдѣлавшійся заурряднымъ, благодаря мелкотѣ и прибѣдненности доброй трети крестьянскихъ хозяйствъ, а именно: сушильня занимаетъ уголъ тока, наружу выступаютъ двѣ стѣны ея, входящія въ черту заметовъ—задняго и бокового, при чемъ на верхнее бревно боковой стѣны опираются стрѣшниковые кон-

цы стропилъ одной стороны крыши; гребень же ея приходится не надъ срединою сушильни, а надъ противоположною, внутреннею стѣною ея. Выгоденъ ли такой токъ, гдѣ открыты двѣ стѣны сушильни—могутъ отвѣтить владѣльцы его; но онъ получаетъ распространеніе и удовлетворяетъ молотильнымъ потребностямъ ограниченныхъ хозяйствъ не хуже настоящаго.

Кромѣ спеціальной, въ скромномъ хозяйствѣ кратковременной службы, токовище служитъ и другой: здѣсь мнется и треплется пенька и ленъ,—отъ чего при-воротныя и при-дверныя (сквозниковая дверь) мѣста хранятъ довольно объемистыя кучи кострики, которыя растутъ съ каждымъ годомъ, пока содержимое ихъ не потребуется на потолочную настилку, на завалинки или на замощеніе какой-нибудь дороги. Скучная, трудная и вмѣстѣ грязная обработка пеньки и льна зачинается лишь по окончаніи молотьбы,—что приходится на скучный мѣсяцъ октябрь, или начало ноября, и это не похоже на игривую молотьбу, такъ пріятно узнаваемую издали по мѣрнымъ ударамъ нѣсколькихъ цѣповъ, ударамъ съ особеннымъ „гу̀кымъ-пу̀кымъ“ [575]). И не даромъ въ числѣ дѣтскихъ игръ есть воспроизведеніе, подражаніе молотьбѣ, извѣстное подъ терминомъ „дражнѝць [576]) мылоцьбу̀“. Для обычныхъ игръ дѣти не заходятъ въ токъ изъ-за непriглядной репутаціи его и, пожалуй, отдаленности отъ дома; зато молодежь нерѣдко собирается сюда на „тынцы̀-плясы̀ и хырово̀дицца“ [577]).

Въ свою очередь и сушильня нерѣдко отправляетъ второстепенную, повидимому, неподручную службу. Такъ, если печь сложена изъ булыжниковъ, на подобіе банной, то здѣсь можно „узàць на пòты, пыцирабѝцца вѣничкымъ и спылоснуцца“ грѣтою водою, какъ и въ настоящей банькѣ, за тѣснотою хатки и домашнимъ многолюдствомъ, сюда въ сопровожденіи бабки-повитухи отправляются беременныя, чтобы разрѣшиться [578]), или на выправку органическихъ поврежденій; наконецъ, въ грибные урожаи, когда

въ лѣсу „хуць косў зыклыдай“ на грибы, послѣдніе сушатся на ровной площади печи и досушиваются потомъ на тѣсно сдвинутыхъ „грàдкыхъ“.

Въ дополненіе къ сказанному о существенной и второстепенной службѣ тока можно прибавить еще, что въ переживаемое и ближайшее время онъ служитъ цыганскимъ зимовьемъ, разумѣется, по взаимному соглашенію съ хозяевами; но въ первую половину бытописуемаго времени, когда достаточно извѣстенъ былъ типъ „бѣглыхъ“, укрывавшихся отъ крѣпостного гнета, или отъ солдатчины, токъ служилъ заурядным пріютомъ такихъ лицъ и занимался безъ вѣдома хозяевъ: между тѣми и другими устанавливались своеобразныя, вполнѣ безмолвныя сношенія. Примѣрно: примутся рабочіе семьяне за молотьбу, или за ленъ—и вдругъ изъ-подъ соломы, со сноповой стѣны, или угла сушильни выползаетъ невѣдомый человѣкъ, безмолвно берется за запасное орудіе и работаетъ усердно, до конца работы. Никто не спроситъ: кто онъ, откуда и зачѣмъ? потому что по прибѣдненному виду и плохой одеждѣ достаточно опредѣляется личность Богоданнаго, усерднаго и безплатнаго пособника. Таково первое знакомство хозяевъ съ невольнымъ, часто опаснымъ квартирантомъ, который, по окончаніи работы, приниженно забирается туда, откуда появился. Отвѣтомъ на это со стороны хозяевъ служитъ посылка кое-какихъ харчей, безмолвно, почти тайкомъ оставляемыхъ на току [579]). Въ дальнѣйшее время, по мѣрѣ выясненія личности укрывающагося и ослабленія поисковъ за нимъ, да благодаря сосѣдской дружбѣ, умолчанію передъ властями, такіе нежданные пособники нѣсколько сходились съ хозяевами и сосѣдями, принимали участіе даже въ полевыхъ работахъ, пробираясь туда окольными путями, или „ны прямкй“ [580]).

Хотя при данномъ хозяйствѣ могутъ найтись и другія строенія, вполнѣ пригодныя для пріюта укрывающихся, какъ, напр., сарай и баня, но „бѣглые“ почему-то предпочитали токъ. Зная

это, власти устраивали облавы и тщательные обыски именно на току, и часто поиски увѣнчивались находкою и поимкою укрывающагося, за котораго хозяева не могли отвѣчать, какъ пристанодержатели.

Прошло время—и единственными укрывающимися на току существами оказались вредоносные грызуны, въ поимку за которыми время-отъ-времени проберется кошка, или набѣжитъ злой „шашóкъ" да ласка съ горностаемъ, или подъ стрѣхою передневетъ сова, летучая мышь. Ласточки, а тѣмъ менѣе воробьи, неохотно и по нуждѣ строятъ здѣсь свои гнѣзда. Такимъ образомъ, нельзя не согласиться съ увѣреніемъ деревлянъ, что, внѣ хозяйственныхъ и семейныхъ нуждъ, токъ служитъ притономъ для наиболѣе непотребныхъ существъ, то гражданскихъ отбросовъ и подонковъ, то для опустошителей крестьянскаго хлѣбнаго хозяйства [581])...

За исключеніемъ сыромолота, правильнѣе называемаго „обколóтый", молотильная работа однообразна изъ края въ край и совершается съ простотою, унаслѣдованною отъ предковъ. Для полноты описанія тока и для ознакомленія съ многозначительнымъ дѣломъ, почти вершающимъ трудъ земледѣльца, не безполезно будетъ прослѣдить молотильное дѣло отъ начала до конца, когда очищенныя зерна поступаютъ въ мѣшокъ и на дюжихъ плечахъ мужчинъ переносятся съ тока въ клѣть.

Въ предвидѣніи завтрашней молотьбы, наличные молотьбиты изъ семьянъ, толочане, или наемники обыкновенно справляютъ „вичéрю" раньше обыкновеннаго и немедленно же укладываются спать, изрѣдка—въ хаткѣ, въ большинствѣ—въ сушильнѣ, подъ посадомъ, который не только достаточно высушенъ, но и выстоялся („ёвня выстылыся") [582]), т. е. снопы значительно охладѣли. Дологъ ли, коротокъ ли сонъ молотьбитовъ, но они просыпаются со „вторыми пѣтухами" [583]) и непосредственнно съ ложа [584]) приступаютъ къ молотильной работѣ, при тускломъ свѣ-

тѣ одной лучины, обыкновенно торчащей въ угловой щели сушильни [585]). Въ то время, когда одни снимаютъ съ „грáдыкъ“ снопы и выкидываютъ на токовище, другіе кладутъ ихъ непрерывною отъ сушильни до конца токовища грядою, при чемъ ржаные снопы помѣщаются колосьями другъ на другѣ и врозь комлями,—что даетъ въ грядѣ два ряда сноповъ; яровые снопы укладываются такою же грядою, но въ ней будетъ уже три, даже четыре ряда сноповъ, лежащихъ не съ регулярностью ржаныхъ, т. е. здѣсь одинъ снопъ часто лежитъ колосьями на комлѣ другого, поперекъ и проч. Гряда сноповъ даетъ „пыстáць“ [586]), вполнѣ достаточную для первой молотильной обработки. Вооруженные цѣпами, молотьбиты располагаются по обѣ стороны гряды и начинаютъ работу, направляя удары цѣповъ къ одному мѣсту, протяженіе котораго не превышаетъ 2 арш. (при молотьбѣ 6 лицъ). Въ это время молотьбиты медленно перемѣщаются съ конца въ конецъ гряды, взадъ и впередъ, не поворачивая, однако, лица отъ разъ принятаго направленія [587]).

Дружные, мѣрные и дюжіе удары цѣповъ касаются сначала колосьевъ, а потомъ уже передаются комлямъ, при чемъ тутъ больше всего достается „вязьмỳ“ [588]), которое часто не выдерживаетъ ударовъ и распадается. Когда, такимъ образомъ, молотьбиты прошли вдоль гряды разъ 10, работа временно пріостанавливается, для переверта сноповъ, и потомъ снова возобновляется съ прежними пріемами. Первая „пыстàць“ считается оконченною тогда, когда уцѣлѣвшіе снопы будутъ встрясены надъ грядою руками, а солома—вилами, и убраны въ сторону. Слѣдуетъ новая настилка „пыстáци“ на то же мѣсто, гдѣ была первая, и новая молотильная обработка ея, хотя вымолоченныя зерна первой, по большей части, предварительно отодвигаются граблями и лопатой въ сторону. Въ „сквалыжныхъ“ хозяйствахъ не довѣряютъ цѣпу, и уцѣлѣвшіе снопы (ржаные) еще разъ „ворỳшутца“ [589]) и обиваются такъ, какъ при сыромолотѣ, и только послѣ этого связы-

ваются въ кули, а разбитая солома относится на предназначенное мѣсто.

Собственно молотьба, упорядоченіе соломы и окончательное метенье токовища, чтобы подобрать разметанныя зерна и приготовить его къ вѣянью, заканчивается къ разсвѣту—и запыленные, усталые молотьбиты направляются къ „снидáнню“. Дальнѣйшая работа на току по силамъ одному лицу, а потому, послѣ ѣды и незначительнаго „отпочúву“, молотильное дѣло справляетъ самъ хозяинъ, или его надежный замѣститель.

Если есть надлежащій сквозникъ, или его можно получить отворомъ и затворомъ воротъ, боковой „фóртки“, или же для того нужно перемѣстить хлѣбный ворохъ съ одного конца токовища на другой, вѣянье не откладывается надолго; но при бурной погодѣ, порывистомъ, неопредѣленномъ вѣтрѣ, это дѣло затягивается, и ворохъ, прикрытый соломою, мѣшками, снятою дверью сушильни и проч., простоитъ нетронутымъ иногда сутокъ двое. Во всякомъ случаѣ, предварительно вѣянья, слѣдуетъ „проба вѣтра“, для чего то съ одного, то съ другого конца токовища бросается одна пробная лопаточка вороха.

Когда благопріятное направленіе вѣтра опредѣлилось, вѣющій усаживается на спеціальной колодкѣ, при самомъ ворохѣ, и, зачерпнувъ лопаточкою изъ кучи, бросаетъ впередъ зачерпнутое, гдѣ тонкая, грубая мякина, колосья, куски соломы, отдѣлившіеся комья глины, словомъ—все, что прошло межъ грабельныхъ зубьевъ при „пирагóни“ 590) вымолоченнаго, летитъ впередъ, но укладывается вдоль токовища въ опредѣленномъ порядкѣ: у ногъ вѣющаго ложится „пилюхá“, за ней—мякина; далѣе слѣдуетъ: „вóтрина, пызáдки“, настоящія зерна, на окраинѣ послѣднихъ—наиболѣе крупныя „спорыньй“, отпавшія съ зернами колосья, и далеко за чертою зеренъ—глиняные комья. Благодаря равномѣрному взмаху вѣялки, навычной ловкости вѣющаго, да попутному сквознику, все это наслояется полукружіемъ, въ за-

мѣтномъ раздѣлѣ другъ отъ друга. За послѣднимъ взмахомъ лопаточки вѣющій сгребаетъ ею „пилюху“ въ отдѣльный ворохъ и тѣмъ кладетъ первое начало къ раздѣлу „збо́жжа“; вслѣдъ за симъ онъ отодвигаетъ мякину въ сторону уже граблями и тѣми же граблями осторожно сдвигаетъ въ отдѣльный ворохъ „во́трину“; замѣтивъ укладку „пызадкывъ“, вѣявшій разъединяетъ ихъ со „стоищими“ зернами лопатою, которою, по другую сторону этихъ зеренъ, дѣлаетъ то же съ крайними отбросами. Такимъ образомъ, получается, 6 различныхъ вороховъ, тщательно отдѣленныхъ другъ отъ друга при помощи лопаты, граблей и метлы. Тогда всѣ заботы направляются на „сто́ищіи зе́рниты“: тонкою метлою сгоняются на окраины колосья, соломинки, отдѣляются въ ручную и метлою до тѣхъ поръ, пока не получатся вполнѣ очищенныя зерна хлѣба, которыя сгребаются въ кучу послѣ всего.

Какъ очевидно, молотильная работа распадается на два отдѣльныя дѣйствія—собственно молотьбу и вѣянье, хотя въ житейскомъ пониманіи оба они нераздѣльны, составляютъ одно цѣлое „молотьбы“. Нѣтъ спора, трудна первая половина молотильной работы: вѣдь не даромъ же она бываетъ коллективною, и не подоспѣй къ сему суровое, почти злобное состояніе, которое набѣгаетъ съ просонковъ и которое молотьбиты, кажется, проявляютъ ожесточенными ударами цѣповъ, работа могла бы затянуться, „спрйкривиць“; но и вторая половина молотьбы, повидимому, легкая, переносима лишь въ силу благодушія сытаго и отдохнувшаго послѣ ѣды человѣка, который прикованъ къ ней на 3—5 часовъ сряду... Если стряпуха наскоро создастъ какое-нибудь кушанье, швея грубо и съ тѣмъ же „наскоро“ сметаетъ швы новой одежды, если и мужчины въ области мужскихъ работъ проявятъ нѣчто подобное, хотя бы, напр., въ приготовленіи дровъ, которыя въ спѣшномъ случаѣ переламываются даже безъ помощи топора, нажимомъ колѣна, то это никого не удивитъ, и лучшаго

едва-ли кто потребуетъ. Далеко не таковы окрестныя и личныя требованія къ чисто земледѣльческому труду и обработкѣ продуктовъ этого труда, и нужно признать, что наисовершеннѣйшая точность, предусмотрительность, какъ и долготерпѣніе, цѣликомъ примѣняются ко второй половинѣ молотьбы—вѣянью хлѣба. Кажется, будто здѣсь отдѣльное зерно прилагалось къ зерну, единичный отбросъ—къ отбросу... Съ тою же тщательностью, до остатняго зерна, щепотки „пилюхи“, подбираются съ токовища раздѣльные продукты вѣянья, подбираются въ концѣ-концовъ „нюшка́ми“ [591])... Не довѣряя и такому подбору, вѣющій заканчиваетъ свою дѣятельность послѣднимъ метеньемъ токовища уже послѣ того, какъ отсюда въ мѣшкахъ, фартукѣ, подолѣ и корзинѣ перенесены всѣ 6 продуктовъ: авось отыщется какое-нибудь зерно, которымъ потомъ воспользуется „ку́рка“, когда въ ея распоряженіе принесутъ съ тока „мѐцины, шу́му“!...

Какъ выносится изъ тока полученное „сбо́жжа“—стороннему едва ли доведется увидѣть полностію, потому что, на всякій случай, про истинный урожай умалчиваютъ, и даже честные хозяева извращаютъ наличность его [592]). Здѣсь происходитъ то же, что и въ молочномъ хозяйствѣ: спрашивающему о томъ и другомъ непремѣнно отвѣтятъ, что „нынче гораздо хуже прошлогодняго, или третьегодняго“, несмотря на завѣдомо благопріятное, хорошее состояніе урожая, или молочнаго хозяйства. Только разоряющійся хвастунъ расхваливаетъ текущее хозяйственное благополучіе, да завѣдомый бѣднякъ повѣдаетъ о немъ сущую правду.

VIII. Пуня и клуня [593]).

Подобно току, на гуменной площади стоитъ особнякомъ неприглядное строеніе, замѣтно отличающееся отъ описанныхъ размѣрами, сложеніемъ стѣнъ, широкимъ отверстіемъ въ срединѣ продольной стѣны, не всегда закрытыми воротами, и особенною оголенностью внутри: нѣтъ здѣсь отгородокъ и перегородокъ хлѣ-

ва, нѣтъ и закутъ тока, а тѣмъ болѣе—малозамѣтной спутницы его—„ёвни“, которая и въ праздное время тока напоминаетъ о людской жизнедѣятельности. Одна стѣна съ воротнымъ отверстіемъ и три полныя, двускатная крыша, опирающаяся стрѣшниками на продольныя стѣны—вотъ вся немудреная наличность строенія и снаружи, и снутри! Оставаясь нѣкоторое время празднымъ, какъ и другія гуменныя строенія, оно не разитъ несвладицей повѣти, неряшливостью тока, не томитъ и угрюмостью его: подъ ногами—мягкая труха; стѣны гладки, даже лоснятся; съ крыши не висятъ запыленные и закопченные паутинники, и, хотя нѣтъ здѣсь ни одного окна, свѣта достаточно вполнѣ. Широкимъ потокомъ онъ входитъ чрезъ воротное отверстіе; если не защищено таковое между поперечными стѣнами и крышею, то онъ спускается сюда еще двумя потоками, справа и слѣва; наконецъ, достаточно свѣта, пробирающагося внутрь чрезъ стѣнныя щели, или чрезъ вздернутый вѣтромъ гребень, о надлежащемъ исправленіи котораго владѣльцы додумаются развѣ въ дождливую пору осени. Нѣтъ здѣсь алчниковъ-грызуновъ, не заходятъ и преслѣдователи ихъ; напротивъ, мирная ласточка охотно строится подъ гребнемъ и „поплётомъ“, а вслѣдъ за нею дѣлаетъ то же и воробей, и пока праздное строеніе понадобится на дѣло, та и другой успѣютъ выростить своихъ птенцовъ. Достаточный свѣтъ, просторъ и отсутствіе страшливости тока манятъ сюда ребятишекъ, которые, если не играютъ на дворѣ, на улицѣ и за околицей, такъ непремѣнно „колышутца“ [59]) именно здѣсь.

Таковы въ краткомъ очертаніи пўня и клўня—сѣнной и хлѣбный сарай, мѣстонахожденіе котораго обозначено на черт. А, лит. м. Если только при усадебныхъ постройкахъ имѣется отдѣльный сарай для склада сноповаго хлѣба, а это бываетъ ужъ слишкомъ рѣдко, то онъ еще рѣже удерживаетъ имя „клўни“ и, ничѣмъ не отличаясь отъ „пўни“, замѣняетъ таковую, когда требуется помѣстить „залишнее“ сѣно. Въ свою очередь, на сво-

бодной сторонѣ пуни можетъ улечься остатокъ сноповаго хлѣба, которому не нашлось мѣста на току. Такимъ образомъ, для склада сѣна, изрѣдка—сноповъ строится одно и то же строеніе—пуня, которая въ скромномъ хозяйствѣ будетъ только одна, а въ болѣе широкомъ—двѣ.

Когда пуня имѣетъ стѣны, ими будутъ или обычные заметы съ срубно-вѣнечными углами, или изгородь изъ жердей, „пыркана“, или, наконецъ, плетень. Слѣдуетъ замѣтить, что къ построенію изгородныхъ стѣнъ приводитъ недостатокъ строительнаго матеріала, и такія стѣны терпимы лишь по необходимости. Преобладающее большинство хозяевъ строитъ исключительно заметныя пуни, и къ нимъ относится послѣдующее описаніе.

Пуня средней величины имѣетъ слѣдующіе размѣры: продольныя стѣны не превышаютъ 5—6 саж., а поперечныя, имѣющія цѣльныя бревна, едва достигаютъ 2 саж.; высота же стѣнъ въ рѣдкихъ пуняхъ доходитъ до 4 арш., а высота крыши въ гребнѣ—до 2 саж. съ небольшимъ. Нижними бревнами пуня покоится непосредственно на землѣ и во всѣхъ четырехъ углахъ имѣетъ срубно-вѣнечное построеніе, при чемъ противоположные отъ угловъ концы бревенъ, по продольнымъ стѣнамъ, вправлены въ пазы „шулъ“, которыхъ въ той и другой стѣнѣ по двѣ. Когда вершаются стѣны, бревна двухъ верхнихъ вѣнцовъ, болѣе толстыя и длинныя, кладутся поверхъ „шулъ“ и служатъ опорою стропилъ по продольнымъ стѣнамъ. „Шулы“ лицевой стороны есть вмѣстѣ и воротные столбы: онѣ находятся въ такомъ разстояніи одна отъ другой, что тутъ свободно проходитъ самый широкій возъ сѣна; „шулы“ противоположной стѣны стоятъ напротивъ лицевыхъ, но промежное разстояніе между ними закладывается то постояннымъ, то разборнымъ заметомъ. При возкѣ готоваго сѣна, это даетъ бо́льшое удобство: свалилъ возъ—и проѣзжай въ открытую стѣну, которую, по завершеніи работы, можно снова же заметать!

Для скрѣпы продольныхъ стѣнъ между собою, поперекъ пуни, отъ „шу̂лы къ шу̂лы“, кладутся двѣ прочныя балки. Какъ и въ току, на средину той и другой балки ставятся прочныя упорки, на которыхъ держится гребневое бревно серединными частями; концы того же гребнева́го бревна покоятся или на „сохáхъ“, поставленныхъ при одной и другой поперечной стѣнѣ, или на такихъ же упоркахъ, помѣщенныхъ на верхнихъ бревнахъ поперечныхъ стѣнъ. Кромѣ помянутой скрѣпы, „бáльки отъ шу̂лы къ шу̂лы“ разграничиваютъ т. наз. „стѣны“, и наличное сѣно кладется только по чертѣ, надъ которою высится балка, а, наслояясь выше и выше, до гребня, не выходитъ и тамъ за черту той же балки. Это даетъ одну полную „сцяну̀“ сѣна; то же по другую сторону—„двѣ сцяны̀“; но если въ дополненіе къ „стѣнамъ“ сѣно лежитъ еще при заметѣ, супротивъ воротъ, и оно заняло ровно половину свободнаго между „стѣнáми“ пространства, тогда получается извѣстный „трисцѣнъ“. Пока же сѣно лежитъ только до балокъ, оно даетъ не менѣе извѣстный „повсцѣныкъ“.

Складывается ли сѣно сухимъ, или недосушеннымъ [595]) весьма желательно, чтобы оно провѣвалось. Въ виду сего строители удѣляютъ на пуньку менѣе добротный, часто кривой лѣсъ, и не заботятся о томъ, чтобы пригнать бревно къ бревну плотнѣе. По той же причинѣ боковыя отверстія надъ поперечными стѣнами и крышею часто остаются открытыми, а не заметными.

При мирномъ, вполнѣ честномъ отношеніи сосѣдей къ чужой собственности, не представляется надобности охранять пуни замочными запорами, и если при ней есть кое-какія ворота, такъ только ради того, чтобы туда не заходилъ скотъ при слѣдованіи, напр., къ водопою и обратно, зимнею порой, когда всѣ „затвóры настежь“, или осенью и веспою, когда тому же скоту предоставляется бродить по гуменной площади,—и, наконецъ, ради того,

чтобы зимою не навѣвало снѣгу. Въ виду послѣдняго ворота пуни бываютъ даже досчатыми и иногда не хуже въѣздныхъ во дворъ воротъ.

Годичная служба пуни продолжительнѣе службы тока, и зачинается она съ первымъ сѣнокосомъ, а оканчивается тогда, когда скотъ прiѣстъ сѣно и выйдетъ на паству: строго говоря, пуня остается праздною лишь май и iюнь мѣсяцы. Но и въ это время, а въ особенности въ теченiе уборки сѣна пуня полна жизнью: всѣ лучшiя дѣтскiя игры—„кулюку̀шки, куля̀ння“ [596])—происходятъ здѣсь, и это не только не запрещается, а скорѣе поощряется старшими, какъ средство для утаптыванья сѣна; но при спѣшной кладкѣ его, тутъ хотя-нехотя отплясываютъ по „повсцѣнку“ и возрастные... Наконецъ, тутъ деревляне пользуются тѣми незамѣнимыми постелями, на которыхъ, при отсутствiи тревожащихъ насѣкомыхъ, дается здоровый сонъ въ любое время... И этимъ незамѣнимымъ даромъ непригядное строенiе служитъ нуждамъ семьянъ до глубокой осени. Но и зимой оно не остается въ забытьи: два-три раза въ день пройдетъ сюда тотъ или другой мужчина и пронесетъ на себѣ чудовищный ворохъ сѣна. Отъ такихъ проходовъ и „тру̀ски“ корма, отъ пуни къ хлѣву прокладывается своеобразный коверъ, по которому и незнакомый человѣкъ найдетъ дорогу въ пуню. Весною тутъ дольше держится тропиночная горбина, и коверъ пропадаетъ уже подъ новою зеленью гумна, если только онъ не подобранъ полуголоднымъ скотомъ во время весеннихъ шатанiй по проталинкамъ.

Что сказано о заметной пунѣ, то же цѣликомъ относится къ пунямъ и съ остальными стѣнами, если только эти пуни находятся въ чертѣ усадебной площади. Когда же имѣются отъѣзжiе луга, или сѣнокосныя болотины, откуда лѣтомъ неудобно вывозить сѣна, и когда тамъ можно отстроить пуню, послѣдняя отличается отъ усадебной только отсутствiемъ воротъ: отверстiе таковыхъ закладывается наглухо заметомъ по оконча-

тельной уборкѣ и укладкѣ сѣна. Зимою, когда приберется домашнее сѣно и когда установится прочный санный путь, а болотины замостятся льдомъ, изъ отъѣзжихъ пунь сѣно перевозится въ опорожненную усадебную, даже на праздный токъ,—перевозится безплатно толочанами, подобно тому, какъ это дѣлается при навозной толокѣ. Среди такихъ отъѣзжихъ пунь попадаются совершенно безстѣнныя, гдѣ двускатная крыша покоится на 6—8 столбахъ. Тутъ нѣтъ ни „повсцѣнкывъ“, ни „сцѣнъ“, ни „трисцѣна“: сѣно укладывается по линіи столбовъ до гребня крыши и, охраняемое Богомъ да людскою честью, покоится въ пунѣ до зимняго перемѣщенія въ усадьбу. За невозможностью отстроить какую-бы то ни было пуню, сѣно складывается въ стоги, оставаясь на мѣстѣ подъ тою же охраною и смотрѣніемъ до зимняго пути.

Въ помощь току и пунѣ, на гуменной площади строятся незатѣйливыя сооруженія для провѣтриванья сноповъ, гороха, боба отрѣзанныхъ льняныхъ и конопляныхъ головокъ, а также травы, при запоздалой косьбѣ. Эти сооруженія извѣстны подъ именемъ „островкывъ“ и представляютъ изгородь длиною въ 2—3 саж. и болѣе, состоящую или изъ сучковатыхъ жердей [597]), подобныхъ стожару (серединный въ стогу шестъ), или изъ столбовъ той же высоты съ равномѣрными пробоинами, чрезъ которыя проходятъ жерди,—что даетъ подобіе широкой лѣстницы. Въ „островкахъ“, перваго вида поклажа держится зубьями жердей и, по завершеніи ея, покрывается соломою и придавливается гнетомъ; лѣстничныя „островки“ держатъ поклажу межъ своихъ ступенекъ и нерѣдко имѣютъ по всей длинѣ постоянную крышу, едва достигающую 2 арш. въ развалѣ. Въ виду того, что „островки“ служатъ для провѣтриванья хлѣба, по преимуществу, подъ ними бываетъ узкое продольное токовище, тщательно сглаженное и даже утрамбованное: выпадающія изъ клади зерна, или льняныя головки ложатся на токовище, откуда они потомъ и подбираются. Сколько для

предохраненія отъ земляной сырости, столько же и для предохраненія отъ куръ и свиней, пробирающихся сюда, поклажа на „островки“ дѣлается въ отступѣ отъ земли на арш.; далѣе она высится стѣною до 2 саж., при толщинѣ въ 1 арш. Если потребности широки, то на гуменной площади будетъ отъ 2 до 4 „островыкъ“. Справивъ свою короткую службу, недѣли въ двѣ, онѣ торчатъ праздными во все остальное время года.

IX. *Лазня* (баня).

Въ отдаленномъ углу усадебной площади (черт. А, лит. л), а часто и за чертою ея, полнымъ особнякомъ торчитъ маленькое закоптѣлое строеніе—мѣстная баня, повсемѣстно извѣстная подъ именемъ „лàзинки“. Тутъ не надъ чѣмъ остановиться любознательному посѣтителю: снаружи и снутри строеніе грязно, поразительно мало; оно не всегда съ крышею и достройками, возведено наскоро и, повидимому, безъ предварительнаго выбора мѣста. Такъ и кажется, что какой-нибудь сказочный „осілыкъ“ [508]), несъ жалкое подобіе постройки, да не донесъ до мѣста, уронилъ—тутъ оно и осталось на людскую потребу!.. Недостаточно знакомые съ наличностью крестьянскихъ усадебъ, пожалуй, сочтутъ „лàзню“ или за коноласную, или за охотничью сторожку, тѣмъ болѣе, что она больше смотритъ въ открытое поле, на какую-нибудь „мочỳлу“, болотину, на лѣсъ. Все это не вызываетъ того вниманія, какого „лàзня“ заслуживаетъ, и только пользующійся благами убогаго строенія любовно остановится на немъ, да сладостно вспомнитъ единственные въ своемъ родѣ дары его!..

Съ внѣшней стороны, своими размѣрами, „лàзня“ можетъ напомнить то овинную сушильню, то клѣть, потому что прежде всего она есть срубно-вѣнечное строеніе и, какъ теплое, имѣетъ мшоныя стѣны, настильной, насыпной потолокъ и низкую съ высокими порогами дверь, при проходѣ чрезъ которую приходится нагибаться еще ниже, чѣмъ „у ёвни“. Въ виду того, что „лàзин

ка“ разсчитывается на семейныя нужды, ради чего она имѣется почти при каждой отдѣльной усадьбѣ,—что въ ней желательно получить наилучшую банную теплоту, и что, наконецъ, за расходомъ строительнаго матеріала, ей приходится удѣлять остатній лѣсъ, баня не можетъ быть большою, и средніе размѣры ея таковы: длина продольныхъ стѣнъ не свыше 2 саж., поперечныхъ —1 саж. и 2 арш., высота же отъ земли до верхняго вѣнца чуть-чуть превышаетъ 1 саж. Это послѣднее нѣсколько уменьшается—снаружи завалинками съ трехъ сторонъ, а внутри—потолкомъ. Небольшая (около 2 арш. высотою и 14 верш. шириною) дверь [599]), а противъ нея, или противъ полка́ низкая „бокóвка“, какъ въ сушильнѣ, безъ стеколъ, затыкающаяся нарочитою соломенною затычкою, вершаютъ внѣшность простѣйшей „ла́зинки“, у которой весьма часто нѣтъ передбанника, а нерѣдко—и стропильной крыши. Послѣднюю замѣняетъ дернъ на потолочной насыпи то положенный во время постройки, то самородный, образовавшійся при совмѣстномъ воздѣйствіи на потолочную насыпь вѣтра и дождя: одинъ наноситъ сѣмена, а другой поливаетъ и роститъ ихъ [600])... Такъ какъ при топкѣ бани дымъ выходитъ чрезъ отворенную дверь и открытую „бокóвку“, то надъ тою и другою идутъ до верхняго вѣнца темныя коптильныя полосы, по ширинѣ равныя дверному и „бокóвному“ отверстію.

Болѣе благоустроенная „ла́зинка“ имѣетъ „прила́зникъ“—прибавленіе къ срубу въ сторону двери, совершенно одинаковое со скромными „сѣнкыми“ бобыльской хатки (см. IV гл. настоящаго отд.). „Прила́зникъ“ подводится подъ одну крышу съ банею, отчего послѣдняя, при самыхъ скромныхъ размѣрахъ, значительно выигрываетъ въ длинѣ и высотѣ. Стѣны „прила́зника“ частокольныя, или защищенныя соломою, тростникомъ, камышемъ, какъ и стѣны заметныя, не дѣлаютъ его теплымъ и только въ нѣкоторой мѣрѣ защищаютъ отъ вѣтра и мятели, даже и тогда, когда „прила́зникъ“ имѣетъ хорошо прилаженную дверь: банная печь не вы-

ступаетъ сюда стѣною, а дверь бани всегда закрыта, ради удержанія тепла. Будь и иначе, такъ переданная теплота не можетъ удержаться въ безпотолочномъ „прилазнику [601]).

Будетъ ли баня съ настоящею крышею, передбанникомъ, со стекольчатымъ окномъ, или простотою она дойдетъ до четыреугольнаго безкровельнаго строенія съ двумя жалкими отверстіями —дверью и „боко́вкый“, внутреннее размѣщеніе ея остается одно и то же: въ углу калильная печь, за нею—поло̀къ, по мѣстонахожденію, соотвѣтствующій избяному „полу̀ и пыла̀цимъ“; далѣе слѣдуютъ двѣ низкія лавки, какъ въ избѣ, одна противъ двери, а другая—противъ печи и полка̀;—тонкія отступныя отъ потолка балочки—двѣ надъ лавками и одна на мѣстѣ, примѣрно, избяной „полѝцы“,—наконецъ, не въ примѣръ многимъ строеніямъ, все это красится досчатымъ поломъ [602]). Если къ сему присоединить кадку да высокое корыто съ ковшомъ, или „ко́нывкый“, неизмѣнно покоящіяся въ углу противъ печи, такъ этимъ будетъ исчислена вся отмѣнная наличность богатой и убогой „ла̀зни“, какъ очевидно, представляющей копію хатки и отличающейся отъ послѣдней крайнимъ недостаткомъ свѣта и глянцевитою закоптѣлостью всей внутренности.

Устроители „ла́зни“ предпочитаютъ всѣмъ печамъ печь булыжную, сложенную изъ плоскихъ увѣсистыхъ камней [603]), и только тамъ, гдѣ недостаетъ дорогого матеріала, кладутъ кирпичную и даже глинобитную печь. Во всѣхъ видахъ печей вершина ихъ закладывается грудою 10—15-ти фунтовыхъ камней, дающихъ извѣстный „кымяно́къ“: сюда, на раскаленные каменья, льется вода, для полученія пара, и отсюда снимается избытокъ ихъ, когда нужно подогрѣть, или же совершенно подготовлять банную воду. Отъ накаливанья и, въ особенности, отъ воздѣйствія воды, камни скоро распадаются,—что вызываетъ частую смѣну „кыминка́“, а чрезъ годъ-два это требуетъ коренной перекладки и всей булыжной печи. Если „ла́зинка не вспыхнула, какъ

свѣчка“, а дожила до обветшалости, то она укрыла по меньше мѣрѣ десятокъ печей... Къ послѣднему слову о банной печкѣ остается прибавить, что она не стоитъ на „рыса́днику“, какъ въ хаткѣ, не прячется въ углубленіе, какъ въ сушильнѣ: тутъ печка вся на виду, а въ отдѣльныхъ построеніяхъ какъ-будто торчитъ на земляномъ холмикѣ. Будучи квадратною (сторона 1 арш. и 10 верш.), она высится только до половины роста возрастнаго мужчины и имѣетъ отступы отъ стѣнъ, позволяющіе кое-какъ обходить ее вокругъ.

Банный поло́къ дѣлается не шире, а нѣсколько у̀же печи и находится въ отступѣ отъ нея верш. на 6; онъ поднятъ къ потолку настолько, что тамъ едва можетъ сидѣть взрослый человѣкъ, въ отдѣльныхъ баняхъ, гдѣ нѣтъ подмостка, обыкновенно вспрыгивающій туда непосредственно съ пола. Это крайность и небрежность строителей: преобладающее большинство полко̀въ имѣетъ передъ собою подмостокъ, состоящій изъ одной доски, или половинника, положеннаго плоскою стороною на кое-какія подпорки, или на двѣ равномѣрныя колодки. Самый поло́къ, состоящій изъ трехъ-четырехъ досокъ или половинниковъ, держится то на столбовыхъ упоркахъ съ перекладинами, то на прямостоящихъ „соха́хъ“, съ тѣми же перекладинами; онъ можетъ дать мѣсто только троимъ парящимся; остальные искатели паренья устраиваются или на подмосткѣ, или на приставленной къ полку̀ колодочкѣ...

Громкое имя лавокъ нерѣдко принадлежитъ довольно толстому бревну, едва стесанному сверху, и припертому къ стѣнѣ. Если же лавками бываютъ доски, то онѣ крайне узки, помѣщены въ незначительномъ отступѣ отъ стѣнъ и покоятся на лежачихъ колодкахъ. Общее банныхъ лавокъ то, что онѣ возвышаются надъ поломъ не болѣе 8 верш. Отдѣльныя бани совершенно не имѣютъ лавокъ, и послѣднія замѣняются небольшими колодочками, или же моющіеся устраиваются на полу.

Подпотолочныя балки-жердочки устраиваются для единственной надобности—вѣсить бѣлье и одежду, нуждающіяся въ просушкѣ, или въ изведеніи паразитовъ. Нужно сознаться, что та и другая надобность достаточно удовлетворяются, да кромѣ того, выходящій изъ бани одѣваетъ теплое бѣлье и одежду. При большомъ стеченіи моющихся, эти жердочки-балки отъ конца до конца увѣшиваются чистымъ и грязнымъ бѣльемъ, одеждою, онучами и даже лаптями.

Устроеніе баннаго пола является безотложною необходимостью потому именно, что пролитая здѣсь вода и топотня моющихся могутъ дать невообразимую грязь. Правда, этотъ полъ, которому одному изъ первыхъ принадлежитъ имя „мо́ста", непритязательнѣе всѣхъ половъ, и состоитъ изъ стесанныхъ мелкихъ бревенъ, половинниковъ, тесанныхъ досокъ, кои только накладываются на балки, даже непосредственно на землю, но не пригоняются ни другъ къ другу, ни къ балкамъ. Тутъ часто необходимъ бываетъ навычный опытъ переступать съ мѣста на мѣсто, такъ-какъ „мосни́чины" вертятся подъ ногами, поднимаются въ одномъ концѣ, опадаютъ—въ другомъ... Лавируя по тѣсному, клавикордному полу бани, хозяева каждый разъ заручаются обѣщаніемъ исправить его, но дѣлаютъ это лишь тогда, когда сгнившій полъ станетъ въ полномъ значеніи невозможнымъ.—Даже при указанныхъ крайностяхъ, банный полъ даетъ незамѣнимыя удобства: моющійся не знаетъ грязи; то на обѣленной поверхности его, то на подостланной соломкѣ можно отдыхать послѣ паренья, а всегда мягкая, подпольная земля готова на лѣкарственныя надобности [604]); наконецъ, отсюда же получаются удильщиками тѣ „надѣйки" [605]), которыя пойдутъ на приманку рыбки не лѣтнею только, но и зимнею порою.

Хотя кадку, корыто и „чирпа́лку" нельзя причислить къ неподвижнымъ предметамъ бани, но они такъ приросли къ мѣсту, такъ присущи каждой банѣ, что ихъ не встрѣтишь развѣ въ

оставленной только „ла́зни“. Обыкновенно кадка стоитъ въ углу противъ печи [606]), а корыто—непосредственно за нею, вдоль лавки. Первая хранитъ, по большей части, холодную воду, а ея спутница, меньшая кадка, и корыто—грѣтую, при чемъ, то въ той, то въ другомъ будетъ жаркая вода. Если она грѣется камнями, то жаркая вода все-таки заготовляется въ корытѣ и сливается въ кадку по мѣрѣ накопленія [607]). Кое-гдѣ, однако, вода грѣется въ праздныхъ „варе́вныхъ чигуна́хъ“ [608]),—въ томъ и другомъ случаѣ—столько, сколько требуютъ нужды на мытье главнымъ образомъ головы. На топкѣ печи да на грѣніи воды и сосредоточено все приготовленіе бани къ баннымъ удовольствіямъ, и тотъ, кто топитъ баню, почтетъ свой трудъ законченнымъ, когда въ дополненіе къ грѣтой водѣ призапаситъ „су́ды“ таковой, для подлива на „кымяно́къ“ и для промыванія глазъ, при потѣньи и пареньи переносящихъ ѣдкость оставшейся горечи и духоту пара: кто понуждается въ большемъ количествѣ „сцюдёнки, хылодёнки“, тотъ самолично и отправится за таковою во время бани. Посему нерѣдко можно видѣть, какъ тотъ, или другой „банный гость“ [609]) не взирая на время года и погоду, то нагишомъ, то подъ накидкою лишь верхней одежды, пробѣжитъ съ ведромъ-двумя къ водоему, и это послѣднее чаще всего дѣлается женщинами, которымъ достаются остатки грѣтой и капли холодной воды.

Кромѣ унаслѣдованной привычки, къ возможно частой банѣ призываетъ деревлянъ трудовое положеніе и та неряшливостью обстановки, благодаря которой, „куда ни повернись, вездѣ замараешься“. Такимъ образомъ посѣщеніе бани хотя одинъ разъ въ недѣлю является безотложною, регулярною необходимость, и это посѣщеніе пріурочено къ субботнему вечеру. Но если среди недѣли набѣжалъ праздникъ, „дяды“ [610]), то баня готовится не въ зачетъ субботней; также не въ зачетъ пользуется и случайною сосѣдскою банею тотъ, кто уловилъ топку ея, да имѣетъ съ сосѣдомъ хлѣбо-сольныя сношенія.

Обычнымъ временемъ для затапливанья бани почитается „съ-повдёнъ“, т. е. часъ, или два пополудни, и въ то время, когда семьяне продолжаютъ текущія дѣла, приставленный къ топкѣ бани отправляется туда и немедленно же принимается за работу, которой здѣсь вдоволь: нужно управиться часто съ сырыми дровами, освободить кадку и корыто отъ камней, употреблявшихся въ предшествующей банѣ, наносить воды и новыхъ камней для грѣнія ея, или кипятить таковую въ приставномъ котлѣ, а потомъ основательно и нѣсколько разъ „вы̀мишиць печку“ [611]), удалить горечь топки и дать банѣ выстояться. Все это займетъ 3—5 ч. непрерывной работы въ дымномъ сначала, а потомъ наполненномъ ѣдкою горечью помѣщеніи, гдѣ приходится дѣйствовать согнувшись и съ слезящимися глазами. Особенно трудную часть всей работы составляетъ грѣніе воды камнями: ихъ подолгу приходится накаливать до-красна, переворачивать въ печи и потомъ перемѣщать въ воду,—что дѣлается или при помощи стараго „поло́ника“, или клещами изъ двухъ досокъ; тутъ раскаленный и грузный (5—10 ф.) камень выпадаетъ—нужно снова и по нѣскольку разъ подхватывать, поднимать его, а такихъ камней можетъ понадобиться до 30 и болѣе! [612])...

Когда „ла́зня угутува̀лыся“, приставникъ оповѣщаетъ о томъ домашнихъ, которые къ сему времени поуправились съ дѣлами и ждутъ вѣстей. Знаменательно: всѣ знаютъ о предстоящей банѣ, ждутъ зова, но никто не дѣлаетъ должныхъ приготовленій, и только тогда все поднимается на ноги, когда явится посланецъ: женщины разыскиваютъ въ складищахъ бѣлье, обмылки, а готовящіеся итти въ баню „облегча́ются“ отъ одежды, обуви, разыскиваютъ вѣники и проч. Правда, это дѣлается не съ заурядною медлительностью, а съ нѣкоторою даже торопливостью, такъ-что предбанные сборы закончатся минутъ въ 5—и старъ да малъ отправляются на „голый банке́тъ“ [613]), отправляются спѣшно, какъ то́ позволяетъ возможность: дѣти бѣжатъ „на обго́нки“,

степенные мужи ускоряютъ обычные шаги, даже клюконосные старички учащеннѣе передвигаютъ всѣ три свои ноги. Иной, менѣе терпѣливый, начинаетъ „скѝдывыцца“ 614) на полпути и, переступая порогъ передбанника, онъ держитъ въ рукахъ снятую одежду и бѣлье...

Во всѣхъ случаяхъ мужчины идутъ въ баню первыми вмѣстѣ съ мальчиками, которымъ стало неудобно ходить туда съ женщинами 615). Послѣднія, въ сопутствіи малолѣтковъ даже съ грудными дѣтьми на рукахъ, идутъ въ баню послѣ мужчинъ, терпѣливо выжидая передъ баней выхода какого-нибудь запоздалаго „мытцà-парцă“. Что дѣлается въ банѣ мужчинами то же съ неизмѣннымъ однообразіемъ вторится женщинами: слово бытописателя коснется лишь типичныхъ особенностей этого дѣла.

Уже по мѣрѣ приближенія къ банѣ предвкушается банное удовольствіе по тому особенному запаху бани, который, при встрѣчномъ вѣтеркѣ и даже при спокойной погодѣ, узнается издали. Когда же банное тепло пахнуло въ лицо и обдало тѣло, а это сказывается въ передбанникѣ и при отворѣ банной двери, то и на пасмурника нападаетъ оживленіе, которое у живыхъ натуръ „распаривается“ до энергіи и игривости, малопонятной не-деревлянину. Переступая банный порогъ, новоприбывшій привѣтствуетъ находящихся въ банѣ игривымъ обращеніемъ: „паръ-пàрымъ гысподàмъ быяˊрымъ“! Въ банѣ не тратятъ времени—всякій спѣшитъ воспользоваться банными благами—а потому игривое привѣтствіе или останется безъ отвѣта, или кто-нибудь пробурчитъ: „и табѣ“! Да вошедшій и не ждетъ отвѣта, и, по заведенному порядку, подходитъ со снятымъ бѣльемъ къ „кымянкý“. Если онъ имѣетъ насморкъ, то чтобы „ни зыпалùць“ его, беретъ въ горсть холодной воды, погружаетъ сюда оконечность носа и потомъ выплескиваетъ воду на „кымянòкъ“: это продѣлывается три раза; имѣющій же вереда, раны, колтунъ и др. наружныя изъязвленія, прежде всего отдѣляетъ вѣничный листокъ, кладетъ его въ ротъ,

гдѣ и держитъ до выхода изъ бани... Тутъ на „кымянку̀“, дѣлается расправа съ бѣльевыми паразитами, извѣстная подъ двумя раздѣльными терминами: а) „прудйць“ бѣлье и б) „школйць гадывъ“. Въ первомъ случаѣ бѣлье только встрясывается надъ каменкою, отчего раздается легкій трескъ погибающихъ насѣкомыхъ; во второмъ же—бѣлье разстилается по ней, медленно волочится и перевертывается. Отъ послѣдняго пріема по банѣ разносится запахъ тлѣющей холстины,—что и служитъ признакомъ достаточнаго наказанія паразитовъ. Однако, на этомъ не заканчивается „школе́ння гадывъ“: вмѣстѣ съ одеждою грязное и, кстати, чистое бѣлье привѣшивается на подпотолочную балку до одѣванья, и нужно сознаться, что такими пріемами убиваются даже гниды.

Пока нововошедшій произведетъ описанную расправу, его тѣло уже обливается потомъ, что тѣснѣйшимъ образомъ призываетъ къ паренью, составляющему всю суть банныхъ удовольствій. Распаривъ наскоро „шавко́въ вѣничикъ“ 616), или заручившись таковымъ у товарища, онъ присоединяется къ парящимся: если на полку̀ нѣтъ мѣста, онъ становится на подмостокъ, на колодку, и прежде всего расправляется съ плечами... Но тутъ наблюдатель рѣшительно теряется въ разнообразіи дѣйствій, звуковъ и суеты, и полностію можетъ уловить лишь то, что банное удовольствіе состоитъ въ пареньѣ и мытьѣ головы, при чемъ второе составляетъ спѣшное и, пожалуй, малосодержательное дополненіе перваго.

Болѣе или менѣе уловляемыми возгласами парящихся бываютъ слѣдующіе: „пыдда́й душку̀“ 617)!.. подкинь тро́шку!.. подсыпь ка́пиличку! (эти „тро́шку и ка̀пиличка“ составляютъ мѣру черпательнаго ковша, кружки)... а, кабъ цябе!.. а, кабъ ты полѣпшивъ! (по адресу того, кто „пыдда́въ ду̀ху“)... и тутъ, подъ напоромъ особенно сильныхъ ощущеній, одинъ издаетъ необычные взвизги, другой стонетъ въ тактъ собственныхъ вѣничныхъ уда-

ровъ, третій еле хлещется отъ изнеможенія и слабо выговариваетъ „ху-ту! хухъ-ци мнѣ“! четвертый, несомнѣнно задѣтый особенно жаркимъ паромъ вѣника, прокатится буквально жеребячьимъ „и-го-го-го“!.. Это граничитъ съ дѣтскимъ поведеніемъ; но оно вызывается желаніемъ подавить набѣжавшую на тѣло остроту пара, выразить довольство, а потому никого изъ присутствующихъ не удивляетъ, какъ не удивляетъ и то, что иныхъ парящихся приходится снимать съ полка замертво и „одливацъ водой“, —что особенно часто бываетъ со старичками, которые ужъ очень „лихи парицца, цирабицца вѣничкымъ“... Возможнаго по дѣтскимъ силамъ паренья вѣникомъ не избѣгаютъ дѣти, даже грудныя. Извѣдавшій раньше паренье, какой-нибудь трехлѣтній Микитка смотритъ быкомъ на трудящуюся надъ собою мамку, а когда послѣдняя положитъ его подъ вѣникъ, онъ долго сопитъ и пыхтитъ и только тогда заревётъ, когда мамка увлечется надъ его дѣтскимъ тѣломъ.

Ординарнымъ пареньемъ довольствуются немногіе: большинство вторитъ его нѣсколько разъ, хотя и слабѣе первичнаго. Во всякомъ случаѣ, послѣ каждаго паренья слѣдуетъ выходъ изъ бани, чтобы освѣжиться, остынуть. Если вблизи есть озеро, рѣка, прудъ, или хотя ничтожная „мочула“, выпарившійся бросается туда, „опунётца“ [618]) раза два—и снова на полокъ, за вѣникъ; зимою замѣняетъ это снѣгъ: покататься въ немъ непосредственно съ полка и потомъ снова за вѣникъ—составляетъ одно изъ лакомыхъ дополненій банничанья.

Чѣмъ тѣснѣе располагаются другъ къ другу парящіеся, тѣмъ лучше это въ банномъ смыслѣ, потому что взмахи вѣниковъ усиливаютъ нужный зной, и тогда рѣже приходится „цыддывацъ духу“. Взаимнаго паренья нѣтъ: каждый орудуетъ вѣникомъ, какъ ему удобно и какъ то нужно для зудящагося мѣста, и только въ лѣчебныхъ случаяхъ встрѣчается паренье сторонняго лица, при чемъ, не оскорбляя чувства стыдливости, мужчину, напр., паритъ и „правитъ“ завѣдомая лѣкарка... Слѣдуетъ, кстати, при-

молвить, что въ банѣ нѣтъ мѣста плоскимъ разговорамъ, шуткамъ и осмѣянію органическихъ недостатковъ, кои тутъ не прикрыты, а налицо, и темою краткихъ переговоровъ служитъ: банька, ея наличныя достоинства и недостатки, равно какъ и банные предметы—вода, вѣникъ и проч. Это можно приравнять къ той сдержанности, которая сопровождаетъ работу при навозной толокѣ, или поминальный „жалóбный столъ“ [619]); какъ извѣстно, въ остальныхъ случаяхъ и сборищахъ языки компанейцевъ развязываются до невѣроятной несдержанности...

Ожесточенному паренью отвѣчаетъ не менѣе ожесточенное мытье головы, начинающееся непосредственно за первымъ. Здѣсь блюдется порядокъ, отчасти напоминающій застольный пріемъ передъ ѣдою: управившись съ пареньемъ и достаточно отдохнувъ (освѣжившись) на полу, передбанникѣ и даже на открытомъ мѣстѣ, „банный гость“ не приступаетъ къ мытью головы, пока послѣдній парящійся не покончитъ, по крайней мѣрѣ, съ первичною паркою. Тогда, по слову хозяина, „банкéтники“ приступаютъ къ корыту и размѣщаются вокругъ него—старшіе на лавкѣ, остальные—на корточкахъ. При этой, второй половинѣ баннаго дѣла, соблюдается самый экономичный расходъ жаркой воды, чтобы послѣдней достало и „мужукàмъ, и жёнкымъ“; она вычерпывается изрѣдка то горстью, то пригоршнями, и вся работа по мытью головы сосредоточивается на едва понятной скребкѣ ея дюжими ногтями моющагося, благодаря которымъ голова и волоса очищаются отъ „рудỳ-нудỳ“ [620]) даже и безъ мыла. Есть послѣднее въ видѣ обмылка, оно, разумѣется, пускается въ ходъ, но только лишь на голову.—Мѣриломъ полной очистки головы служитъ извѣстный скрипъ волосъ... Температура „жаркой воды“ обыкновенно такъ высока, что вычерпывать ее руками да поливать голову могутъ лишь привычные деревляне; но отъ такой воды, да держанья головы въ „пéршимъ духỳ“ [621]) въ значительной мѣрѣ убиваются головные паразиты и гниды, трупы кото-

рыхъ извлекаются изъ волосъ уже дома, при помощи частаго „грибинца́“.

Если кто не „лихъ па̀рицца“, то вслѣдъ за мытьемъ головы онъ „обздаѐтца то лѣтный водой, то сцюдѐнкый“ 622) и, послѣ крестнаго знаменія, одѣвается, вытеревъ предварительно лицо или снятымъ бѣльемъ, или свѣжимъ, волоса же на головѣ и бородѣ только выжметъ руками и ими сведетъ внизъ капли воды, оставшіяся на тѣлѣ, которое, какъ и примоченное бѣлье, высыхаютъ дома... Любители паренья снова забираются на поло́къ, и иныхъ уже выгоняютъ изъ бани „жёнки“, когда потеряютъ терпѣніе на „жда́нкыхъ“ 623).

Обратное слѣдованіе изъ бани далеко непохоже на игривый спѣхъ въ нее: спѣшно идутъ домой, даже бѣгутъ, только дѣти да босоножки, особенно, зимою. Но кто „упо̀ччивывъ сибе́“ банею, какъ могъ, тотъ движется съ передышкою, передавая на пути своимъ „жёнкымъ“ приносные предметы—„шавко̀въ вѣ̀никъ“, обмылокъ, ведерко. Изнемогшихъ „банкѐтникывъ“ и стариковъ ведутъ домой подъ руки; но можно смѣло ручаться, что сегодняшній немощникъ на другой день съ благодарною готовностью отправится въ предложенную баню, если только нѣтъ спѣшныхъ препятствій.

Зимою, да при отдаленности бани, мокрые волоса изъ-подъ шапки и на бородѣ обыкновенно замерзаютъ, а стекающія капли воды и пота даютъ ледяныя сосульки. Со всѣмъ этимъ приходится развѣдываться уже дома.

По возвращеніи домой, „банкѐтники отво́дюцъ смa̋гу“ водою, квасомъ, а любители заѣдаютъ лукомъ, рѣдькою, талымъ яблокомъ. Иной тутъ же укладывается „на лёжни“ и покоится въ сладостной истомѣ до возвращенія „жёныкъ“.

Послѣ мужчинъ „банкѐтницы“ продѣлываютъ здѣсь все то и въ той ожесточенной мѣрѣ, какъ и мужчины, при чемъ, въ силу обособленности женской одежды и преимущественной притя-

жимости, напр., блохъ къ тѣлу женщинѣ, „прўдка бѣлья, шкóлинння гáдывъ", какъ и скребка головы, далеко превышаютъ мужскія. Къ сожалѣлію, въ этомъ дѣлѣ „жанóськыя доля" хуже мужской: имъ покидается „остатній духъ", истрепанные вѣники, мало воды и много грязи. И нѣтъ удивительнаго въ томъ, что онѣ должны часто мыть голову дома („лўгымъ"), да взаимно „сочицца" (см. объ этомъ въ 353 примѣч.).

Подробнымъ описаніемъ баннаго дѣла очерчена главная, незамѣнимая служба баньки, которая періодически оживляется „банкéтникыми", преобразуетъ ихъ, и которая вошла въ излюбленныя пословицы, присловья, иносказанія [624]), служитъ темою многочисленныхъ загадокъ. Но и второстепенная служба той же баньки неменѣе красна: здѣсь часто впервые видитъ свѣтъ Божій новый человѣкъ. Хотя появленіе человѣка на этотъ свѣтъ не можетъ быть пріурочено къ точному мѣсту, такъ какъ имъ можетъ почесться вся ширь міра [625]), но мѣстное желаніе на этотъ счетъ покоится на банькѣ, особенно, когда, за тѣснотою и многолюдствомъ, разрѣшеніе отъ беременности неудобно дома. Это тѣмъ болѣе желательно, что больная предварительно и послѣ разрѣшенія можетъ воспользоваться банными благами. Однако, больная не остается здѣсь даже на сутки, а перемѣщается съ новорожденнымъ въ домъ, какъ только послѣдній будетъ сколько-нибудь прибранъ и какъ только родиха и дитя освободятся отъ нечистотъ. Все это могло бы остаться не отмѣченнымъ, если бы оно не вызывало строго выполняемаго обычая: въ теченіе послѣдующихъ шести недѣль въ такой банѣ моются только родиха и новорожденный, а если для послуги туда входитъ бабка, или другая женщина, то она не моется и не снимаетъ бѣлья [626]). Кромѣ того, по истеченіи запретнаго срока, первый разъ идутъ въ баню сначала женщины, и первою, въ одеждѣ, входитъ туда родиха (изъ наблюденій въ Пол. и Гор. у.) [627]).

Послѣдняя служба баньки вершается на сушкѣ, мятьѣ и трепаньи льна и пеньки [628]), если того нельзя дѣлать въ овинѣ.. Тогда банька становится еще неряшливѣе, и вокругъ нея стоятъ ворохи кострики, которые служатъ мягкимъ ложемъ при отдыхѣ „банкетникывъ и банкетницъ"...

X. Загорожа.

Описанными постройками ограничивается полный кругъ того, что составляетъ крестьянское „жиллё, сялйбу", которыя не теряютъ своего имени даже и тогда, когда тутъ недостаетъ и половины усадебныхъ строеній (бобыльское „жиллё сялйба"). На общее требованіе этого мало для усадьбы, и простолюдинъ очень хорошо знаетъ, что полная „сялйба" должна имѣть еще слѣдующія дополнительныя и въ то же время раздѣльныя строенія: а) батрацкую избу („люцкáя"), б) строеніе для утвари и склада продовольственныхъ предметовъ („спижáрня"), в) погребъ („склепъ") г) ледникъ („лядóвня"), д) исключительно стряпное помѣщеніе, кухню („пикарня"), е) конюшню („стайню"), овчарню, „свинàрню, птàшню" и ж) красу гумна—„стодòлу", какъ и красу жилыхъ строеній—„дядйницъ" [629]). Все это полностью, или съ незначительными недочетами простолюдину съ давнихъ поръ приходится видѣть въ помѣщичьихъ усадьбахъ, въ усадьбахъ духовенства, а также и у бывшей мелкой шляхты, переимчиво создававшей у себя копію настоящей помѣщичьей усадьбы. Но нужно ли и насколько нужно все это въ непритязательной, подчасъ убогой обиходности простолюдина? Его „мылоццѝ и мылыччáнки" [630]) удобно пріютятся съ наличною семьей въ хаткѣ, „исцёпцы" и другихъ мѣстахъ; утварь и продовольственные предметы размѣстятся тамъ же, въ сѣняхъ и клѣти; сѣменные овощи спокойно пролежатъ зиму въ полевыхъ и приусадебныхъ „ямахъ", тогда какъ „ѣминные" [631]) найдутъ достаточно мѣста подъ „пòлымъ", а замороженная „капуста да бурà-

чики“ могутъ стоять на холодкѣ—въ сѣняхъ „исцепцы“ и клѣти; въ ледникѣ держать нечего—запасы масла, мяса, сала и другихъ консервовъ не Богъ вѣсть какіе и часто укроются подъ перевернутою кадкой, въ просторномъ „кўбли, или скрыни“; какъ видно было изъ предыдущаго, „стряпной уголъ“ хатки вполнѣ достаточенъ для того, чтобы управиться съ несложнымъ производствомъ кухни; все наличное птицеводство сводится только къ удержанію куръ и кое-гдѣ гусей: первымъ достаточно мѣста въ „подпѐчки да на курысáдни“, а о притонѣ вторыхъ упомянуто раньше (541 примѣч.); раздѣльное помѣщеніе остальнаго скота нежелательно потому, что это ведетъ не къ дружбѣ, а къ раздору его; наконецъ, „стодóла“ далеко не по нуждамъ и потребностямъ простолюдина, и она вошла въ сравненіе о страшливой пустотѣ заурядныхъ построекъ, а „дядѝницъ“, укорачивая усадебную площадь, вызываетъ непонятный, безсодержательный уходъ за его чистотою, добиться которой такъ же трудно, какъ трудно сдѣлать это по отношенію къ подворью. Такимъ образомъ перечисленныя дополнительныя къ усадьбѣ и раздѣльныя строенія оказываются ненужными, лишними, и таковыхъ нѣтъ у современниковъ такъ же, какъ не было и у отдаленныхъ предковъ.

Гораздо настоятельнѣе необходимость во всевозможныхъ загорóжахъ, и онѣ состоятъ обязательнымъ дополненіемъ всякой „сялйбы“, то разграничивая одну усадьбу отъ другой, то раздѣляя данную усадебную площадь на участки, то служа предѣльною гранью между однимъ полемъ и другимъ. Мѣстная загорóжа чисто деревянная, и весь наличный матеріалъ ея состоитъ изъ кольевъ, жердей, жердочекъ, хвороста и прутьевъ. Только заметная загорожа, или просто—заметъ, выдѣляется изъ ряда усадебныхъ охранителей да показателей участковъ. Нелишне поразсказать о каждой загорожѣ порознь.

1. Заметомъ обносится только площадь двора, а въ скромномъ положеніи—одна лишь лицевая сторона его отъ хатки до

клѣти (см. черт. А). Такъ какъ подворье ограничено, съ одной стороны, хаткой и ея спутницами, а съ другой—клѣтью и ея младшею сестрой, построенными по извѣстной линіи, то заметъ только пополняетъ здѣсь раздѣльное пространство и полною, непрерывною стѣною онъ стоитъ лишь къ площади огородовъ.— Объ этой загорожѣ достаточно сказано въ различныхъ мѣстахъ отдѣла: „шу̀лы да замёцины“—вотъ ея наличность, къ сожалѣнію, дорогая, а потому не всякому доступная!

2. Немногимъ дешевле обходится „плотъ, поплотъ“—изгородь изъ вертикально поставленныхъ тонкихъ (3 верш. въ діаметрѣ) бревенъ, однимъ концомъ вкопанныхъ въ землю вершковъ на 8—10. Бревна „попло́та“ стоятъ близко другъ къ другу, такъ что промежъ нихъ чуть-чуть пробирается цыпленокъ, и имѣютъ тупыя, или заостренныя верхушки. Въ первомъ случаѣ онѣ равномѣрно, верш. на 8 внизъ, раскалываются, и въ ихъ расщепы вколачивается стесанная жердь, служащая скрѣпою верхнихъ частей изгороди; во второмъ же такая скрѣпа будетъ на 10—12 верш. ниже острія: тутъ тонкая жердь проходитъ чрезъ пробоины „попло́цинъ“. Чтобы „попло́тъ“ былъ надежнѣе, на саженномъ разстояніи другъ отъ друга, по линіи его, вкапываются болѣе толстыя „попло́цины“, разграничивающія прясла; всѣ же онѣ, какъ и тонкія, имѣютъ нижніе концы обожженными, или обернутыми въ бересту,—что одинаково задерживаетъ гніеніе [632]).

Мѣсто „попло́та“—лицевая сторона „сялйбы“, при чемъ онъ нерѣдко замѣняетъ заметъ или заборъ, но преимущественное—границы сада: чрезъ остроконечныя „попло̀цины“ не всякій алчникъ рѣшится перелѣзать въ садъ...

3. „Ко̀лля“ (частоколъ) отличается отъ предыдущей изгороди болѣе тонкими бревнышками (2 и менѣе верш. въ діам.), часто незаостренными вверху и неуравненными по мѣркѣ, какъ у „попло̀та“. Эти колья не вкапываются, а вколачиваются въ землю то въ ручную, то топоромъ и долбней. Связью ихъ въ

верхнихъ частяхъ служитъ горизонтально приложенная и съ каждымъ коломъ въ отдѣльности перевитая прутикомъ жердь. Это единственная изгородь, гдѣ нѣтъ пряселъ, и встрѣтить ее можно всюду, гдѣ желательно преградить доступъ курамъ и вообще мелкимъ животнымъ. Она недолговѣчна, и даже сосновые колья едва переживаютъ 5 лѣтъ. Тогда нижніе концы затесываются и снова вколачиваются въ землю,—отчего частоколъ теряетъ только часть первоначальной высоты.

Изрѣдка можно встрѣтить „ко́лля“, поставленное не вертикально, а наклонно въ одну какую-нибудь сторону изгородной линіи. Такая изгородь недоступна для пролаза мелкоты; но ее гораздо труднѣе строить, вслѣдствіе чего „косо́я ко́лля“ почти выходитъ изъ употребленія.

4. „Пырка́нъ“ состоитъ изъ тонкихъ жердочекъ, которыя какъ бы перевиваютъ три горизонтальныя прочныя жерди, туго прикрѣпленныя къ парнымъ кольямъ; послѣдніе служатъ пряслами „пырка́на“. Построенію этой изгороди предшествуетъ постановка „рабёръ“, подъ чѣмъ разумѣются вколоченные въ землю парные колья съ тремя горизонтальными жердями промежъ нихъ: одна лежитъ непосредственно на землѣ, средняя надъ нею, въ отступѣ на 1 арш. и 8 верш., а верхняя—въ томъ же отступѣ надъ среднею. Приготовленныя „пырка́нины“ устанавливаются вертикально, при чемъ, въ то время, когда оба конца одной жердочки обращены въ одну сторону, тѣ же концы другой смотрятъ въ противоположную. Это даетъ веселенькую, густую изгородь, въ свою очередь, не очень прочную и долговѣчную, и только тамъ, гдѣ есть лѣсосѣки, можно получить прочный „пырка́нъ“ изъ сучьевъ краснолѣсья,—чѣмъ, однако, пользуются немногіе, а остальные потребляютъ молодой 5 и 10-ти-лѣтній лѣсъ. Чтобы загородить саженное прясло, нужно употребить не менѣе 40 „пырка́нинъкъ“ средней толщины...

Въ виду непрочности „пыркана“, а иногда и недоступности его, онъ занимаетъ незначительныя разстоянія и, кромѣ указанныхъ раньше мѣстъ, охраняетъ пчельники, наиболѣе дорогіе посѣвы на огородахъ, разсадники, цвѣтнички и т. под.

5. Собственно „азгороду“ [633]) составляютъ длинныя жерди, укладываемыя горизонтально, одна надъ другою, между парными кольями, такъ, что нижнія жерди лежатъ теснѣе, а по мѣрѣ возвышенія изгороди, онѣ находятся уже въ небольшомъ отступѣ другъ отъ друга. Послѣднему помогаетъ связь парныхъ кольевъ, на которую и кладутся жерди. Смотря по высотѣ „азгороды“, связей бываетъ двѣ, три и болѣе. Самая высокая „азгорода“ едва превышаетъ 2 арш., но въ то же время она никогда не спускается до аршинной высоты, иначе чрезъ такую изгородь могъ бы перебираться скотъ, ради котораго она только и ставится, какъ въ чертѣ усадьбы, такъ и внѣ ея—на полѣ, лугу, болотинѣ и даже въ лѣсу, по крайней мѣрѣ, въ перерѣзъ опушки, и въ этомъ случаѣ она служитъ продолженіемъ полевой, или луговой изгороди. При вступленіи въ лѣсъ, жердяная изгородь нерѣдко переходитъ въ „поваловую“, гдѣ уже нѣтъ кольевъ, а по линіи изгороди лежатъ срубленныя и по одному направленію поваленныя деревья. Точно также „азгорода“ нерѣдко упирается и входитъ въ воду, а иногда и пересѣкаетъ попутную лужу, мелкій прудъ; но тутъ она остается неизмѣнно жердяною.

Между усадебною и неусадебною „азгородый“ есть значительная разница: въ то время, какъ жерди первой кладутся плотнѣе, въ особенности, въ нижнихъ частяхъ, послѣдняя часто состоитъ изъ трехъ, даже двухъ жердей: но и чрезъ такую изгородь крупный скотъ не проберется, а мелкота или тщательнѣе оберегается, или пасется вдали отъ соблазнительнаго „пролаза“. Въ остальномъ та и другая „азгорода“ одинаковы, т. е. парные колья, соединенные двумя-тремя связями, даютъ прясла, которыя отстоятъ одно отъ другого на 4—5 арш.

„Азгорóду“ нужно считать наиболѣе распространенною: она составляетъ стѣны нѣкоторыхъ строеній, ею обносится садъ, огородъ, усадебная площадь, разгораживаются хлѣва, сараи, полевой „дяннйкъ“ и, наконецъ, она тянется верстовою линіей среди полей и луговъ. Этому больше всего способствуетъ долговѣчность жерддей, особенно, когда послѣднія очищены отъ коры: тогда онѣ выдерживаютъ смѣны три кольевъ и болѣе.

Для изгородей, описанныхъ въ 3, 4 и 5 пунктахъ необходимы связи, которыми исключительно бываютъ березовыя и лозовыя прутья 2-хъаршинной длины. Эти прутья предварительно перекручиваются и поступаютъ въ связь тогда, когда сдѣлаются гибкими.

6. Послѣднею изгородью считается плетень, хотя по плотности онъ не уступаетъ „пыркáну“, а по красотѣ можетъ быть приравненъ къ первымъ четыремъ загорóжамъ. Какъ извѣстно, плетень состоитъ изъ линіи одиночныхъ кольевъ, вколоченныхъ въ землю на аршинномъ разстояніи другъ отъ друга и перевитыхъ хворостомъ. Если хворостъ длиненъ, равномѣренъ и слегка скрученъ отдѣльными пучками, то плетень выходитъ дѣйствительно красивѣе всѣхъ изгородей. Но такая работа трудна, вызываетъ вспоможеніе, а потому большинство плетней дѣлается проще: хворостъ перевиваетъ колья какъ ни попало, торчитъ въ стороны, и тогда онъ, по справедливости, можетъ считаться послѣднимъ.

Гдѣ есть много лозняка, тамъ плетневыхъ изгородей будетъ больше, и онѣ будутъ исключительно лозовыми; въ остальныхъ мѣстахъ плетневый хворостъ состоитъ изъ смѣшаннаго чернолѣсья [634]) и получается отъ „пыдцярóбывъ и рысцярóбывъ“ [635]). Несмотря на очевидную непрочность хвороста, плетень переживаетъ добрый десятокъ лѣтъ, особенно, если къ старости получитъ наружныя подпорки,—что на самомъ дѣлѣ и бываетъ, когда под-

гніютъ его собственныя колья, или когда онъ повалится тѣсною.

На всѣ безъ исключенія изгороди употребляется подручный лѣсъ, при чемъ на колья и жерди предпочтительнѣе—сосна и ель. Для большей прочности изгороднаго матеріала, за исключеніемъ, конечно, хвороста, весь онъ очищается отъ коры; осину и, отчасти, ольху довольно успѣшно сгрызаютъ козы, и гдѣ есть послѣднія, сырой изгородный лѣсъ предоставляется ихъ очисткѣ

Если та или другая изгородь перерѣзала „спе́жку“ [636]), или если неудобно устраивать калитки, какъ, напр., въ усадебной изгороди, тогда дѣлается „пирила́зъ“, который состоитъ изъ подмостковъ по ту и другую сторону загорожи. Этими подмостками бываютъ: досчатыя лавочки на столбикахъ, тонкіе чурбаны на ко̀злахъ, вкопанные въ землю столбики и объемистые булыжники. Тамъ же, гдѣ сквозь изгородь необходимо пробираться съ телѣгою съ возомъ, устраиваются или ворота, или разборное изъ жердей прясло по ширинѣ воротъ.

Таковы наличные охранители [637]) „жиллѝ, сялибы, будо́вли“, полей и луговъ то отъ людей, то отъ домашняго скота, то отъ звѣрей! Если припомнить, что къ этому придаются еще многочисленные „запо̀ры, зава́лы, засо̀вки, нутряны̀и и висю̀чіи замки“ да злополучная „жу̀чка на лы̀чцы“, то нельзя не согласиться съ жизненнымъ значеніемъ первыхъ словъ пѣсни, пронесенной нынѣ во всѣ концы Россіи:

„Чаму̀-жъ мнѣ ня пѣць,
Чаму̀-жъ ни дудѣць,
Кыли-жъ въ моей ха̀туньцы
Пырадыкъ идець“?!..

XI. Звышь того.

Такъ „зыводѝвъ жиллё, сялибився, будува̀вся“ бытописуемый простолюдинъ и съ такими предметами обиходности вѣдался онъ

при удовлетвореніи послѣдней жизненной потребности... Удержалось ли удовлетвореніе этой потребности въ давнихъ устояхъ и какому измѣненію подверглось оно—можно во-очію убѣдиться при посѣщеніи селъ, деревень и „одинóцъ", и это тѣмъ сподручнѣе, что предметы третьей жизненной потребности не могутъ быть скрыты, какъ пища и питье, не могутъ быть скрашены нарядностью, какъ одежда и обувь: постройки ветшаютъ медленнѣе одежды и обуви, а что̀ дано имъ рукою мастера, при топорномъ да долотномъ „цяпъ-ляпъ", то можно видѣть чрезъ десятки лѣтъ.

Такъ, прежде всего, внукъ и сынъ бытописуемаго простолюдина норовитъ устроиться съ „*сялибный*" не за пригоркомъ, лѣсомъ, гдѣ съ проѣзжей дороги, пожалуй, нельзя бывало запримѣтить человѣческаго жилья [638]), со стороны той же дороги онъ не загораживаетъ хатки ни клѣтями, ни хлѣвами, не гонится и за теплотою, сообщаемою хаткѣ хлѣвами. Да и хатка ли это? Нѣтъ! за-частую это даже не изба въ обычномъ значеніи, а домъ горожанина, мѣстечковаго жителя, или причтовый домъ, хотя и подъ соломенною крышею. Если такой домъ „одинòцы", то онъ стоитъ на возвышенномъ пригоркѣ, фронтономъ къ дорогѣ, или въ сторону, гдѣ видъ на окрестности повоселѣе,—въ цѣпи деревенскихъ домовъ—тамъ, гдѣ пришлась „бáцькывщина", но опять же фронтономъ къ улицѣ [639]), со ступенчатымъ крылечкомъ въ сѣни, по обѣ стороны которыхъ выглядываютъ просторныя створчатыя окна со ставнями, при чемъ входная съ улицы дверь, какъ и ставни, сработаны „ёлочками" [640]). Будучи бревенчатымъ, жилой домъ имѣетъ соструганныя, гладкія бревна; если же онъ сложенъ изъ брусьевъ, то углы его будутъ „замочно-срубными". Въ дополненіе къ сему такой домъ стоитъ на аршинномъ фундаментѣ то кирпичномъ, то булыжномъ, тщательно скрѣпленномъ известью, съ нѣсколькими „люхтыми" [641]) въ немъ, тогда-какъ поверхъ остроконечной крыши украшенной

по концамъ рѣзными досками, выходятъ двѣ „кирпичныя, нерѣдко бѣленныя трубы“. Въ жиломъ домѣ послѣдней стройки уже нѣтъ сѣнныхъ „шулинъ“: домъ строится сразу саженей въ 6 на 3, а сѣни выдѣляются капитальными стѣнами. Кромѣ того, какъ такой домъ, такъ и подновленный, прежней стройки, кое-гдѣ обшиваются досками [642]). Ясно, что при такой топорности дома не можетъ быть рѣчи о „курной хаткѣ“, и если таковая доживаетъ свой убогій вѣкъ, такъ она приходится неменѣе убогимъ процентомъ.

Перемѣнившись снаружи, хатка не удержала и своего внутренняго вида: сѣни и обѣ половины ея имѣютъ досчатый на балкахъ, струганный полъ и такой же потолокъ, и доски перваго прибиты къ балкамъ не недавними деревянными гвоздями, а настоящими половыми, желѣзными. Тутъ уже трудно увидѣть традиціонный „полъ и пылаци“, по крайней мѣрѣ, въ парадной половинѣ: отъ русской печи, по линіи таковыхъ, идетъ досчатая съ дверью стѣна, отдѣляющая каморку отъ просторной свѣтлой комнаты, въ которой скамьи и даже табуретки замѣняютъ лавки...

Первымъ толчкомъ къ построенію такихъ жилыхъ домовъ слѣдуетъ, по справедливости, считать появленіе общественныхъ зданій для волостныхъ правленій, а вслѣдъ за тѣмъ—и для училищъ. Въ томъ и другомъ окружное крестьянство видѣло подражательные образцы для собственныхъ строекъ, и первыми перемѣнщиками, такъ сказать реформаторами „хатокъ“, явились сельскіе старшины, старосты да желѣзно-дорожные поставщики, которымъ уже неловко стало принимать въ „хаткѣ“ разнообразныхъ новыхъ лицъ, какъ неловко стало и выходить „изъ дыма“ [643]). Кто еще медлилъ построеніемъ вполнѣ отмѣннаго дома, тотъ спѣшилъ, по крайней мѣрѣ, передѣлать курную печь на „комииную“, да досчатою перегородкою закрыть „полъ и пыláци“.

Послѣдующими двигателями строительной реформы были новые поселенцы деревень—городскіе, мѣстечковые и служилые выходцы, улучшенный видъ построекъ для сельскаго духовенства и, отчасти, подвоспитавшееся поколѣніе грамотниковъ, бывшихъ питомцевъ сельскихъ училищъ, которымъ, какъ „вкусившимъ сладкаго, не хочется вѣдаться съ горькимъ"...

Какъ можетъ лично убѣдиться посѣтитель мѣстныхъ селъ, деревень и „одинóцывъ", преобразованныя постройки не составляютъ чего-то общаго, сплошного; напротивъ, рядомъ съ пышнымъ домомъ деревлянина торчитъ давняя хатка его сосѣда. Но и такого мельканья достаточно, чтобы пророчить о лучшей будущности крестьянскихъ строекъ, особенно, если къ тому подоспѣетъ соревнованіе [644]), какъ оно подоспѣло, напр., въ „одѣцци, обỳцци и прибóрыхъ".

Чопорный домъ новаго типа существеннымъ образомъ видоизмѣняетъ отношеціе къ нему ближайшихъ усадебныхъ построекъ— хлѣва и клѣти: если домъ стоитъ фронтономъ на улицу, то клѣть, какъ складище исключительно зернового хлѣба, строится по другую сторону улицы и не имѣетъ при себѣ обычныхъ спутницъ— „повклѣци" да повѣти; хлѣвъ же стоитъ позади дома, въ значительномъ отступѣ отъ него, позволяющемъ устроить вдоль стѣны загорожу для цвѣтовъ, кустарниковъ, даже деревъ, и въ то же время дающемъ просторный „дяннѝкъ", куда, какъ и на улицу, смотритъ не одно окно дома и куда выводитъ благоустроенная сѣнная дверь.

Примѣнительно къ дому гораздо изящнѣе и уютнѣе прежняго сооружаются не только хлѣвъ и клѣть, но и другія надворныя постройки, между которыми есть уже отдѣльная конюшня, запирающаяся „штàбой" [645]), отдѣльная подручная „повклѣць" и др. Да и самый въѣздъ на дворъ какъ-будто затерялся, по крайней мѣрѣ, тутъ нѣтъ давняго въѣзда чрезъ ворота дворового замета, или между „клѣцій и повклѣцій": то мимо правой,

то мимо лѣвой поперечной стѣны дома въѣзжаешь на такой дворъ, и дворъ ли онъ, „дянникъ“ ли—трудно разобраться.

Остальныя усадебныя, тѣснѣйшимъ образомъ—гуменныя постройки такъ недалеко ушли отъ бытописуемыхъ, что въ данномъ случаѣ о нихъ можно разсуждать лишь со стороны опрятной и изящной стройки, да той прочности запоровъ, которыми онѣ отличаются отъ стародавнихъ. Первому помогаетъ улучшающійся вкусъ простолюдина въ строительномъ дѣлѣ и обиліе мѣстныхъ плотниковъ, а второе вызывается развивающимся неуваженіемъ къ чужой собственности, въ силу чего весьма возможны случаи хищенія сноповъ изъ складищъ, сѣна—изъ „пўни“, даже банной кадки и ковша—изъ „лáзни“... Если „дяды и бацьки“ простолюдина довольствовались подходящею „згорóдый“, главнымъ образомъ, охранявшей данное мѣсто отъ скота, и если для человѣческаго запрета они считали достаточнымъ поставить какую-нибудь „вѣшку“ 646), или другой условный знакъ, то „унўки“, которымъ, по пословицѣ, „дыстáлыся уся мўка“, принуждены дважды ограждаться: отъ незнающихъ запрета животныхъ и неуважающихъ таковой запретъ немалочисленныхъ озорниковъ и посягателей на чужую собственность. И въ самомъ дѣлѣ: что вызываетъ эти саженныя остроконечныя изгороди? на что тратится такая почтенная доля лѣса, который въ „поплóцинахъ“, половинникахъ, кольяхъ облегаетъ усадьбу? Нѣтъ слова: протянувшись въ длинныя линіи, съ мѣрными, однообразно сработанными единицами, современныя загорожи тѣшатъ зрѣніе, вызываютъ ласковый поминъ о предпріимчивыхъ хозяевахъ. Но это ли имѣютъ въ виду устроители красивыхъ, прочныхъ загорожъ?—Нѣтъ!—приходится сказать: здѣсь только удачно сочетались строительное развитіе и необходимость ограждаться отъ алчниковъ и посягателей...

Не можетъ быть сомнѣнія, что въ виду назрѣвающей трудности въ добываніи лѣса не на загородныя только, но и строи-

тельныя надобности, деревляне додумаются до булыжныхъ загорожъ [647]), особенно, тамъ, гдѣ этотъ матеріалъ въ изобиліи и подъ руками, или додумаются до боярышниковыхъ загорожъ,— чему положено кое-гдѣ слабое, несмѣлое начало. Что живыя изгороди не невѣдомы мѣстному простолюдину, въ томъ порукою служатъ непонятныя теперь насажденія давняго времени изъ елей: пока послѣднія были малы, онѣ давали плотную, непроходимую, при томъ—колючую стѣну; послѣ же выроста, за тѣснотою, еловая стѣна образовала разрѣженныя, неровныя ели, какихъ много вокругъ. Съ низкорослымъ можжевельникомъ, котораго немало есть въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, этого не могло бы случиться; къ сожалѣнію, при постройкѣ живыхъ изгородей, на него не обращалось вниманія раньше, какъ не обращается и нынѣ.

Г.

Тамъ-сямъ, вокругъ да около.

При всей многочисленности описанныхъ, а частію только упомянутыхъ предметовъ обиходности, подъ руками простолюдина находится немало другихъ, не вошедшихъ въ предыдущее бытописаніе. А между тѣмъ съ одними изъ такихъ предметовъ простолюдинъ вѣдается то изо-дня-въ день, въ будничной и парадной жизни, съ другими—рѣже, по мѣрѣ набѣгающей надобности, съ иными—періодически, въ точные сроки, опредѣляемые заповѣдными днями, или же временами года. Умолчаніе о такихъ предметахъ составило бы замѣтный пробѣлъ въ настоящемъ бытописаніи. Это обстоятельство вызываетъ новый отдѣлъ, въ которомъ, дополнительно къ сказанному, займутъ мѣсто остальные предметы обиходности, какъ всегда подручные, такъ и случайные, или же поступившіе въ обиходъ на время и затѣмъ остающіеся внѣ обиходности иногда долгіе сроки. Примѣнительно къ начертанному, а также и по мѣстонахожденію, эти предметы будутъ разсмотрѣны.—

I. Въ хаткѣ, сѣнкахъ и исцепкѣ.

Если приглядѣться къ практическому положенію, такъ строго неподвижными предметами хатки и ея спутницъ являются лишь

стѣны, крыша да печь, тогда какъ, повидимому, прочно укрѣпленныя лавки, обѣ нары и даже потолочныя доски весьма нерѣдко перемѣщаются изъ стараго дома въ новый и утверждаются тамъ въ подлежащихъ мѣстахъ, при чемъ, для подновленія ихъ, для сведенія копоти, грязныхъ наростовъ, достаточно бываетъ коекакой инструментальной скребки. Что же касается такихъ предметовъ, какъ окна и дверь, то едва ли нужно завѣрять объ ихъ принадлежности къ составу движимыхъ предметовъ: обветшала хатка, опасно въ ней жить, но прочны окна и дверь—они снимаются со своихъ мѣстъ и прилаживаются въ отстроенной хаткѣ; то же дѣлается и тогда, когда нужно замѣнить окна и дверь „исцёпки“ окнами и дверью хатки. Кстати слѣдуетъ припомнить, что еще недалеко время, когда нуждающіеся могли пріобрѣтать на базарахъ, сельскихъ ярмаркахъ и у проѣзжихъ стекольщиковъ вполнѣ готовыя, т. е. въ рамахъ и застекленныя, окна.

Однако, по общему взгляду и по самому существу стройки, лавки, нары, потолочныя доски, окна и дверь такъ тѣсно соединены съ хаткою, что послѣдняя немыслима безъ нихъ, по крайней мѣрѣ, ихъ трудно приравнять къ движимости, подобно мебели и утвари. Такимъ образомъ, внутри хатки и ея спутницъ вполнѣ движимыми, переносными предметами являются:

1. Единственный въ каждой отдѣльной избѣ столъ. Излюбленнымъ столомъ деревлянина является столъ на двухъ ко́злахъ, и только въ немногихъ домахъ можно увидѣть столъ на четырехъ колонныхъ ножкахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ существенную часть его составляетъ столовая доска изъ двухъ, даже трехъ „двыяду́мныхъ“ [648]) досокъ, которыя, будучи старательно пригнаны одна къ другой, сдерживаемы скрытыми шипами, сдерживаются еще, подобно двери, двумя „иглицами“. Въ общемъ столовая доска имѣетъ длину не менѣе 2 арш., при ширинѣ до 1 арш., каковая мѣра можетъ почесться минимальною, такъ какъ деревлянинъ привыкъ вѣдаться съ просторнымъ столомъ, на ко-

торомъ могутъ покоиться достойные стола предметы [649]), въ то время, когда на другомъ концѣ его трапезуетъ наличная семья. При увеличеніи послѣдней, сооружается новая столовая доска, которая и утверждается на прежнихъ кòзлахъ, или колоннахъ. Что же касается матеріала для столовой доски, то желательнымъ является дубовый; но, за неимѣніемъ послѣдняго и трудностью обработки, преобладающее большинство довольствуется сосновымъ, еловымъ, даже березовымъ матеріаломъ, и только „юдашёвыи“ [650]) деревья не употребляются для стола, который въ то же время не знаетъ ни столярнаго клея, ни скрѣпляющихъ столярную подѣлку желѣзныхъ винтовъ и гвоздей.

Покоится ли столовая доска на кóзлахъ, или на колонной стойкѣ, она не прикрѣпляется къ нимъ и въ любое время можетъ быть снята съ мѣста. Это, однако, не дѣлаетъ стола шаткимъ и, напротивъ, выступы „иглйцъ“ съ нижней стороны, плотно прилегающіе къ прочнымъ всегда ножкамъ, какъ и естественный грузъ столовой доски, даютъ столу наилучшую устойчивость. Однако, грузъ столовой доски, мало и медленно уменьшается даже и тогда, когда отъ періодическаго „шурувàння гольнёмъ, жарствóй“ [651]), хвощемъ, ножевой скребки, порѣзовъ и прожеговъ онъ протрется кое-гдѣ до „игйцъ“, дастъ впадины и пробоины.

Столовые кóзлы есть четыре стесанныя плахи, или толстыя доски, попарно и на срединѣ соединенныя, образующія косой крестъ. Въ томъ и другомъ крестовикѣ, въ точкахъ соединенія ножекъ, дѣлаются пробоины, вполнѣ достаточныя для прохода концовъ прочной перекладины, служащей связью одного крестовика съ другимъ; по сю сторону концы перекладины заколачиваются деревянными клиньями, проходящими сверху внизъ чрезъ перекладинныя пробоины. Какъ очевидно, кóзлы могутъ быть пригодными для столовой доски различной длины,— что будетъ зависѣть отъ длины перекладины.—Стойка изъ прямостоящихъ колоннъ нѣсколько сложнѣе: внизу брусчатыя ножки соединяются четырьмя

перекладинами, иногда заколачивающимися клиньями съ внѣшней стороны, какъ въ козлахъ, чаще же—заклепанныхъ въ пробоинахъ; вверху тѣ же ножки-брусья соединены четырьмя относительно тонкими досками, туго и навсегда своими концами задѣланными въ ножки. Ясно, что такая стойка можетъ служить лишь разъ прилаженной столовой доскѣ, и не можетъ раздвигаться, какъ козлы; но когда на первоначальной стойкѣ, примѣрно, въ 1 арш. и 10 верш. длиною, приходится приладить столовую доску почти саженной длины, то концы ея но ту и другую сторону, не придающіе гармоніи столу, все-таки позволяютъ ему прочно держаться даже и тогда, когда сидящій, или стоящій оперся на него „обѣдвюми лыкитками"...

Послѣднимъ, хотя и не повсюднымъ дополненіемъ стола является столовая „скрынька"—выдвижной ящикъ, который, при второй стойкѣ, совершенно одинаковъ со всѣми столовыми ящиками; въ стойкѣ же изъ козелъ такой ящикъ можно назвать подвѣсно-выдвижнымъ, и подобіе его встрѣчается въ нѣкоторыхъ столярныхъ верстакахъ. Тутъ верхніе продольные концы „скрыньки" отдѣльными планками входятъ въ свободные пазы двухъ другихъ планокъ, прибитыхъ снизу столовой доски, по ширинѣ послѣдней. По большей части, „скрынька" можетъ выдвигаться въ обѣ стороны стола и служитъ для складища ложекъ и хлѣбныхъ „кусáникывъ". Благодаря сему, здѣсь всегда есть нѣкоторая сырость и особенный специфическій „пахъ".

Служебное значеніе стола, какъ мебели, слишкомъ общеизвѣстно; но о томъ же столѣ въ „хаткѣ" можно сказать нѣсколько больше. Такъ, гдѣ поддерживаются старожитные обычаи, столъ служитъ мѣстомъ семейной „рáды": здѣсь, подъ предсѣдательствомъ домашняго патріарха, иногда дряхлаго слѣпца, сгруппировавшаяся семья постановляетъ многообразныя рѣшенія—благословляетъ на брачную жизнь, въ дальнюю отлучку, принимаетъ отчетъ, опредѣляетъ раздѣлъ, судитъ провинившихъ членовъ семьи и т.

под. За тотъ же столъ немедленно послѣ „пылягчѐння“ уса живаются всевозможные „го́сцики лю́быи“, начиная отъ пріѣхавшихъ родителей и кончая „купчиками-охвóтничками“, садятся за „оцѐцкій столъ“ [652]), который сперва изобразитъ гостиную, а потомъ, по мѣрѣ преобразованія (застелется свѣжею скатертью, уставится кушаньями), такъ сказать передъ носомъ собесѣдниковъ, онъ превратится въ столовую, откуда „го́сцики лю́быи“ выскочатъ развѣ для умовенія рукъ, и, напротивъ, неприглашенный присѣсть у стола, хотя бы для краткой бесѣды, почтетъ себя принятымъ въ прихожей... Такъ какъ за „оцѐцкимъ столомъ“ имѣетъ мѣсто все лучшее въ жизни простолюдина, то послѣдній, даже какъ мебель, стоитъ выше остальныхъ предметовъ хатки: допустить на столъ кошку, курицу, или неразумное дитя почитается, по меньшей мѣрѣ, предосудительнымъ, потому что на немъ безсмѣнно покоится первый даръ Божій—хлѣбъ да соль; но если когда-нибудь на томъ же столѣ покоились священные предметы, какъ то́ возможно при напутствіи больного, при освященіи дома и при молитвенномъ обходѣ священника, то столъ дѣлается сугубо почитаемымъ, и указанныя выше нестроенія приравниваются къ кощунству.

Служа долгіе-долгіе годы, переживая хатки, поколѣнія хозяевъ, столъ неизмѣнно держится на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ красномъ углу (см. черт. Б, лит. б.), и не перемѣщается отсюда даже въ сѣни, гдѣ лѣтомъ семья трапезуетъ на снятой и укрѣпленной на пустыхъ кадкахъ двери, или на „пирадку“; онъ не выносится и для обѣда толочанъ, ради чего то на открытомъ мѣстѣ, то подъ навѣсомъ строенія сооружается особый временный столъ изъ кое-какихъ досокъ, положенныхъ на колодки, или на упорки изъ кольевъ. Ясно, что объ одолженіи стола въ другой домъ не можетъ быть и рѣчи, и это сдѣлаетъ тотъ, кто пересталъ чтить „оцѐцкій столъ“, не даетъ оцѣнки семейнымъ преданіямъ о томъ, что такой-то родственный дѣдъ и бабка сидѣли

вотъ на такомъ-то мѣстѣ за столомъ, держали руки вотъ на такомъ-то сучкѣ столовой доски и говорили вотъ то́-то. А вѣдь все это тратится однимъ лишь передвиженіемъ, а тѣмъ болѣе—переносомъ стола!.. Но есть, однако, уважительный случай, когда тотъ же столъ относится отъ краснаго угла то къ „по́лу“, то къ стряпному углу, хотя и здѣсь онъ стоитъ при лавкѣ; это—скорбный случай нахожденія въ домѣ „пычасныго го́сцика“, который обязательно укладывается при красномъ углѣ на лавкѣ, въ застольномъ мѣстѣ. По миновaніи надобности, столъ устанавливается на обычное мѣсто, и первая его служба—есть поминанье покойника,—что извѣстно подъ именемъ „жало́бнаго сто̀ла“.

При многочисленности гостей и при невозможности удлинить стола другими, или снятыми дверями, собравшіеся къ „жало̀бному сто̀лу“, какъ и къ крестинному, свадебному и проч., отправляютъ „столова́ння“ по-смѣнно, при чемъ, тутъ имѣютъ мѣсто т. наз. „перьшій, дру̀гій, трѐццій, даже чацвёртый столъ“. Разумѣется, за всѣми по-смѣнными столами гости пользуются одними и тѣми же кушаньями и напитками, подаваемыми въ достаточномъ количествѣ, какъ и привѣтливостью да вниманіемъ хозяевъ. Для упорядоченія гостиннаго дѣла, собравшіеся размѣщаются двояко: или „первые столы“ занимаются болѣе почетными, выдающимися лицами, а за ними слѣдуетъ мелкота [653]), или же для каждаго „сто̀лу“ опредѣляется пропорціональное количество почетныхъ и менѣе почетныхъ гостей. Во всякомъ случаѣ застольное размѣщеніе гостей носитъ характеръ давняго мѣстничества: первое „ку̀тнія мѣйсца“ занимаетъ почетнѣйшій изъ гостей, а отъ него справа и слѣва располагаются по рангу остальные застольники. Нерѣдко случается, что такой почетный предсѣдатель высиживаетъ за столомъ всѣ столовыя смѣны, и это достаточно памятно сельскимъ священникамъ, когда, по просьбѣ хозяевъ, они принуждены бываютъ предсѣдательствовать 5—6 и болѣе часовъ сряду...

Пока „столуицъ" одна смѣна, остальные гости размѣщаются въ разныхъ свободныхъ мѣстахъ—сѣняхъ, „исцёпцы", на дворѣ и проч., но не въ хаткѣ, гдѣ „идетъ столъ", и ведутъ нескончаемые разговоры, темою которыхъ, однако, не служитъ предстоящее угощеніе. Застольные послѣдыши, разумѣется, терпятъ больше всѣхъ, и многіе изъ нихъ, подолгу сплевывая на землю да позѣвывая отъ томленія, иногда вздремнутъ подъ говоръ и шумокъ сотоварищей.

По освобожденіи стола, хозяева и ближайшіе сотрудники ихъ начинаютъ „гукáць" [654]) новую смѣну—и, послѣ незначительныхъ „примусовъ", очередные гости составляютъ „новый столъ".—Изъ сказаннаго отчасти понятно, какими трудами обставлено бываетъ положеніе хлѣбосольныхъ хозяевъ: хозяйка „притöпывытца" до едва возможнаго волоченья ногъ, а хозяинъ, обязанный хотя „пригублывыць" чуть-ли не съ каждымъ гостемъ дѣлается, наконецъ, несостоятельнымъ и, не въ обиду гостямъ, отводится въ уютное мѣсто для отдыха, „кабъ прочухыцца"...

Долголѣтній столъ, износившійся до предѣльной возможности, долго еще продолжаетъ служить въ сѣняхъ и клѣти, гдѣ на немъ и подъ нимъ покоятся ведра, кадочки, горшки, мѣшки съ поклажею и т. под. Даже и въ такомъ, повидимому, обидномъ пожалованіи столъ не остается безъ симпатичнаго помина, и дѣдъ нерѣдко передаетъ внуку о томъ, какъ за этимъ столомъ было „ѣдино-пiвано", какъ сиживали, что говаривали „гöсцики любыи" отдаленныхъ дней!..

2. Неизбѣжный спутникъ стола есть „пирадóкъ"—скамья на четырехъ расходящихся въ стороны и нѣсколько назадъ ножкахъ, имѣющая высоту домашнихъ лавокъ и длину домашняго стола. Служа приставною къ нему лавкою, (см. черт. Б, лит. г) „пирадóкъ" имѣетъ прочность таковой и почти доходитъ до ширины ея. Съ такими достоинствами „пирадокъ" можетъ дать

покойное и просторное ложе, даже супружеское, когда онъ приставленъ къ лавкѣ, а приставленный къ лавкѣ въ стряпномъ углу, позволяетъ стряпухѣ размѣститься со стряпною наличностью; поставленный на средину хатки, онъ служитъ многочисленнымъ домашнимъ работамъ, кои неудобно производить на столѣ, какъ-то: катанье бѣлья, свертыванье „куделиˮ, разборъ убойнаго животнаго,—и въ то же время служитъ посидѣльникамъ, пѣвцамъ и во время игръ; для дѣтей, часто трапезующихъ не въ очередь, „пирадо̀къˮ замѣняетъ столъ, какъ онъ замѣняетъ его и для всей семьи при лѣтней ѣдѣ внѣ хатки, и, наконецъ, тотъ же „пирадóкъˮ смѣняется въ „коняˮ при дѣтскомъ волоченьи его по х ткѣ. Благодаря многообразной службѣ и подвижности, „пирадóкъˮ недолговѣченъ, скоро „пудупыда́ицъ на ногиˮ [655]) и потому скоро смѣняется новымъ.

Относительное изящество „пиридка́ˮ зависитъ отъ умѣнья домашняго столяра пользоваться подручными инструментами. Нѣтъ такого умѣнья—„пирадо̀къˮ отъ начала до конца работается топоромъ, безъ столярнаго клея, и, подобно двери, столовой доскѣ, на его прочность вліяютъ толстая доска, неменѣе толстыя „игли́цыˮ, да туго заклиненныя прочныя ножки, прошедшія вверху чрезъ пробоины „игли́цъ и пирадко̀выйˮ доски.

3. Если ножки „пиридка́ˮ соединены при основаніи поперечными перекладинами, а затѣмъ и продольною, то получается „тыпча́никъˮ—болѣе прочная скамья, удерживающая все значеніе „пиридка́ˮ. Однако, настоящій „тыпча̀нъ, тыпча̀никъˮ, сработанный столярною рукой, даже при помощи клея, значительно разнится отъ „пиридка́ˮ: онъ имѣетъ болѣе тонкія спускныя, гладко отструганныя доски, четыре прямыя ножки съ перекладинами внизу и рамами вверху, какъ у стойки стола второго типа; въ то же время онъ не подгоняется къ высотѣ лавки. Будучи полезнымъ во многихъ отношеніяхъ, „тыпча̀нъˮ имѣется въ немногихъ выдающихся хаткахъ бывшихъ дворовыхъ, городскихъ и

мѣстечковыхъ выходцевъ, отслужившихся солдатъ и деревенскихъ столяровъ, хотя здѣсь онъ только дополняетъ мебель, а не замѣняетъ „пиридка́“.

4. Гораздо чаще можно увидѣть „пирадо́чки“—небольшія скамьи, довольно точныя копіи описанной во 2 пунктѣ. Длина, ширина и высота ихъ остаются условными и общимъ можно считать только легкость ихъ и чрезъ то́ удобное перемѣщеніе съ мѣста на мѣсто: если скамью можно поднять и перемѣстить одною рукой, такъ это непремѣнно будетъ „пирадо́чикъ“... Наибольшій изъ нихъ, приставляемый къ столу съ поперечной стороны его, выступающей на хатку, удерживаетъ имя „зэдлика“. Для удобства перемѣщенія, „зэдликъ“ (доска его) имѣетъ посрединѣ небольшую сквозную пробоину, куда свободно можетъ входить кисть руки.—Внѣ застольной службы „зэдликъ“ позволяетъ пряхѣ, или другому рабочему расположиться въ любомъ мѣстѣ хатки, положить и снять съ „поли̂цъ“ нужный предметъ, подмоститься къ теплому „чале́снику“; у дѣтей же онъ служитъ неизмѣннымъ конемъ, или повозкою, когда перевернутъ ножками вверхъ.

5. „Усло̂нъ, усло́никъ, усло́ньчикъ“ еще меньше „зэдлика“ и похожъ на него развѣ тѣмъ, что имѣетъ пробоину да четыре ножки, которыя здѣсь не вставныя, а самородки, потому что „усло̂нъ“ дѣлается изъ еловой плахи, сучья которой могутъ дать вполнѣ готовыя ножки. „Усло́никъ“ разсчитанъ на сидѣнье одного лишь негрузнаго человѣка и можетъ пригодиться всюду вмѣсто „зэдлика“.

6. Когда невысокія ножки „усло̂ника“ умалены до 4—5 верш., тогда онъ становится „подно̂жикымъ“ и неизмѣнно покоится подъ ногами сидящаго на высокой лавкѣ, скамьѣ, „по̂лу и при̂пичку“; малолѣтки же сидятъ на „подно́жику“ за столомъ, когда послѣдній и лавка неудобны для дѣтскаго сидѣнья, или же онъ подставляется къ „пирадку̂“, когда тотъ замѣняетъ столъ.

Въ остальномъ „подножикъ“ является дѣтскою игрушкою, изрѣдка прессомъ, или покрышкою корытъ и т. под. предметовъ. Часто случается, что въ хаткѣ можно найти не одинъ, а нѣсколько „подножиквъ“, для сооруженія которыхъ пускается въ дѣло старая борона.

7. Почти одинаковую службу несутъ многочисленныя и разнообразныя по высотѣ и ширинѣ „колòдки“—отпиленные или отрубленные куски бревна. Если такой чурбанъ имѣетъ діаметръ верш. въ 12 и свыше, вершина его дѣлается съ незначительнымъ углубленіемъ, дающимъ бòльшій покой сидящему; въ остальныхъ случаяхъ, да при равномѣрной толщинѣ концовъ „колодки“, безъ ущерба дѣлу могущихъ замѣнять другъ друга, эти чурки принимаютъ имена „стывбá, стовбýника, стовбýньчика“. Въ то время, какъ высота первагo доходитъ до высоты лавки, послѣдній бываетъ даже ниже „подножика“, а иногда не отличается отъ выпильного колеса дѣтской повозки.

8. Появленіе въ домѣ „тыбурèчика“ можно считать случайнымъ; онъ поступаетъ сюда подаркомъ, особенно дешевою покупкою, мѣною, или благодаря присутствію въ домѣ столяра. Этому появленію соотвѣтствуетъ негармоничное сочетаніе его съ остальною мебелью и вполнѣ жалкій особнякъ; онъ рѣдко занятъ сидѣльцемъ, поклажею; даже дѣти воздерживаются употреблять „тыбурèчикъ“ на коня и повозку. Только при посѣщеніи интеллигентнаго гостя, застланный скатертью, полотенцемъ, или холстиною, онъ служитъ для сидѣнья, да перевернутый вверхъ ножками—„садибкою“ (стойкою) для маленькихъ дѣтей.

9. Еще рѣже можно встрѣтить „стýлу, стýльцу“, занесенную въ хатку неуловимыми путями. Почти всегда съ какимъ-нибудь изъяномъ, поврежденіемъ, въ хаткѣ зауряднаго простолюдина „стýльца“—почти ненавистная мебель, и только въ домахъ отпускныхъ дворовыхъ да городскихъ выходцевъ она есть сносный памятникъ о быломъ житьѣ...

10. Въ отдѣльныхъ домахъ, гдѣ есть свой мастеръ, можно встрѣтить „шахву“—небольшой привѣсный шкафчикъ въ 1 арш. высотою и 12 верш. шириною, при глубинѣ въ 8—10 верш. Внутри „шахва“ перегораживается полочкою, а снаружи закрывается одностворною и даже двустворною дверью, запирающеюся желѣзнымъ крючкомъ, деревянною заверткою, или просто двумя веревочками. Какъ трудно указать опредѣленное мѣсто „шахвы“ въ хаткѣ, точно такъ же трудно ограничить кругъ помѣщаемыхъ сюда предметовъ; приблизительными показателями того и другого могутъ быть практическія положенія: „шахва“ привѣшивается поодаль отъ божницы, но не въ области наръ, и не заполняется грузными, объемистыми предметами.

11. На мѣстѣ „шахвы“, на той же службѣ, скорѣе можно увидѣть привѣсный ящикъ, лучиночную или соломенную корзину, съ крышкою и безъ нея. Если въ семьѣ развитъ складищный особнякъ, то ящики и корзины во множествѣ висятъ при стѣнахъ, даже въ области обѣихъ наръ, или занимаютъ добрую половину лавки, прилегающей къ „полу“, какъ и угловыя мѣста послѣдняго. Во всѣхъ такихъ положеніяхъ ящиковъ и корзинъ за ними удерживается громкое имя „скрыникъ“.

12. Если хатка построена нѣсколько притязательнѣе, имѣетъ, напр., коморку, то въ послѣдней стоитъ „ложикъ, посцѣля“— деревянная на ножкахъ кровать самодѣльной работы. Этотъ „ложикъ“ настолько великъ, что позволяетъ помѣститься на немъ такъ же, какъ на „полу“, а стороннимъ можетъ быть принятъ за обычныя нары. Такъ какъ построеніе „ложика“ требуетъ мастерской снаровки и вызываетъ больше времени, то, въ обходъ того и другого, онъ дѣлается проще: на двухъ прочныхъ козлахъ настилаются доски —и тогда „ложикъ“ имѣетъ чистый видъ „пола“, передъ которымъ, однако, удерживаетъ то преимущество, что при надобности можетъ быть разобранъ и очищенъ.

13. Гдѣ Господь посылаетъ частыхъ дѣтей, тамъ при спальномъ ложѣ матери долгіе годы и неизмѣнно находится дѣтская „колыбка". Она бываетъ двухъ видовъ: „колыска и зыбка", и состоитъ или изъ продолговатаго ящика, или деревянной рамы, обтянутой вдавленнымъ внизъ холстомъ, и привѣшивается она четырьмя веревками, кои идутъ отъ угловъ „колыбки" и соединяются на аршинной приблизительно высотѣ, служа въ то же время опорами для колыбельной покрышки; внизу колыбели прилаживается веревочная или поясная „почёпка"—ручная и ножная. Послѣдняя, состоящая изъ растянутаго пояса, нерѣдко перетягивается на другой конецъ хатки, гдѣ мать, или няня расположилась то съ работою, то на отдыхъ.

Существенная разница между „колыскый и зыбкый" состоитъ лишь въ привѣсѣ и образѣ качанія. Такъ, первая привѣшивается къ потолочной или полатной балкѣ и качается изъ стороны въ сторону, а вторая—къ концу гибкой жерди, которою зачастую бываетъ санная оглобля, и качается сверху внизъ, при чемъ, разумѣется, противоположный конецъ жерди прочно привязывается къ балкѣ. Тутъ все дѣло зависитъ отъ мастерской привычки и принятаго въ семьѣ родѣ образа качанья, хотя нельзя не признать, что „зыбка" можетъ служить обѣимъ цѣлямъ качанья.

При отхожихъ лѣтнихъ работахъ, „колыбка" уносится на мѣстонахожденіе матери, и если тамъ нѣтъ подходящаго дерева съ прочнымъ сукомъ, то она утверждается на трехъ разставленныхъ колахъ, соединенныхъ вверху. Ясно, что для этого пригоднѣе рамочная „колыбка".

Какъ извѣстно, дитя помѣщается въ колыбель лишь послѣ крещенія, а до сего времени оно покоится на подушкѣ, на сложенной одеждѣ, или же качается въ подходящихъ „нóчвычкыхъ". Такимъ образомъ первою колыбелью мѣстнаго младенца является

корито, и оно же въ отдаленные дни являлось послѣднимъ земнымъ пріютомъ прошедшаго жизнь человѣка [656])...

14. Почти нераздѣльно съ колыбелью въ хаткѣ ютится дѣтская „садибка“, о которой упомянуто было въ пунк. 9 и раньше, во второмъ отдѣлѣ. При умѣньи да при досужествѣ, „садибка“ дѣлается съ выпильнымъ кружкомъ въ верхней доскѣ; за недостаткомъ же ихъ—значительно проще, и все построеніе ея состоитъ изъ квадратной шестивершковой доски въ основаніи, куда туго вставлены 4 колонны, соединенныя вверху перекладинами,—что издали готово напомнить фигуру куба. При полномъ отсутствіи какой-бы то ни было „садибки“, послѣднею становится праздный ящикъ, корзина, ведро, шайка [657]) и др.

15. Въ сосѣдствѣ со стряпнымъ угломъ, иногда—въ глубинѣ его, ютятся подъ разными наименованіями путничьи и старческія вспоможенія—„кывилы [658]), попихашки, попирашки, кійки, кіюти, уручины, дѣдовы и бабины ноги“. Если семья велика, есть въ ней немощники и старики, и если для ихъ помощниковъ облюбованъ этотъ именно „кiёвый“ уголъ, то здѣсь можно увидѣть странный наборъ странныхъ для незнакомаго человѣка палочныхъ предметовъ: у одной палки есть гнутый крючекъ, у другой торчитъ въ сторону урѣзанный сукъ, та заканчивается старымъ чепельнымъ или ухватнымъ насадкомъ, гайкою, желѣзнымъ обручикомъ, другая—болѣе или менѣе внушительною „былдовастый“ [659]) и проч. Къ сожалѣнію, при острыхъ семейныхъ недоразумѣніяхъ, „кiёвый“ уголъ можетъ поставить подручные предметы, орудованіе которыми извѣстно подъ терминомъ „валяць, узяцца за кійки“...

16. Вмѣстѣ съ помянутыми предметами, а часто и безъ нихъ, въ томъ же углу помѣщается „тыбацёрная былдыжка“, а за нею, подъ лавкою—„тыбацёрныя жыгійра“, или просто—„тыбацеръ“ [660]). Сейчасъ упомянутыя существованіе и надобность этихъ предметовъ, но въ описываемое время они составляли не-

обходимую принадлежность дома, гдѣ имѣлись потребители нюхательнаго табаку. Первая изъ нихъ составляла деревянный пестъ въ 2 арш., заканчивающійся большою головкою, а вторая—толстостѣнный, глиняный бабочникъ съ небольшимъ рыльцемъ, для прочности, обвитый берестою и скрѣпленный нагнанными деревянными обручиками. Когда подоспѣвало время „церць, молоцьтыба́ку", въ „макітру" клался листовой табакъ, нѣсколько листковъ вишни, и все это слегка посыпалось просѣянною золой; тогда, усѣвшись на полу или другомъ мѣстѣ, гдѣ можно протянуть ноги, да ущемивъ посудину между нихъ, „тыбацёръ" опускалъ туда пестъ тонкою стороною и вертѣлъ, пока не получался желанный порошокъ. По достиженіи цѣли, перетертый табакъ просѣвался чрезъ тонкое сито, и остатки его, подъ именемъ „выциркывъ" 661), отдавались потомъ пріятелямъ-курильщикамъ, какъ и корешки черенки табачныхъ листьевъ), обыкновенно считавшіеся ниже первыхъ.—„Былдывня, макітра", прочная (сахарная) бумага да спеціальное маленькое сито—вотъ „тыбацёрныя" орудія, мѣсто которыхъ давно уже опустѣло!..

17. Къ передвижнымъ предметамъ хатки, сѣней и „исцёпки" по всей справедливости, слѣдуетъ причислить „жёрны", хотя у большинства хозяевъ они неподвижно установлены при какой-нибудь стѣнѣ. Будутъ ли „жёрны" переносными, или неподвижными, мѣстонахожденіе ихъ въ томъ и другомъ помѣщеніи бываетъ довольно опредѣленнымъ. Такъ, въ хаткѣ и „исцёпкѣ" они стоятъ при стѣнѣ, между дверью и „кіёвымъ" угломъ, а въ сѣняхъ занимаютъ уголъ между дверью въ хлѣвъ и стѣною хатки, къ которой прилегаетъ печь. Встрѣчающіяся изъятія незначительны, и видѣть „жёрны" въ другихъ углахъ сѣней такъ же трудно, какъ трудно увидѣть ихъ, напр., въ клѣти.

Главную часть „жёрнъ" составляютъ два равномѣрные камня мѣстной, а часто и домашней обработки, діаметръ которыхъ не превышаетъ 14, а толщина 5 верш. Соотвѣтственно положе-

нію, камни называются: „исподѐнь и вирхéнь“; у перваго сквозная въ центрѣ и круглая пробоина не достигаетъ 1 верш. въ діаметрѣ, тогда-какъ пробоина второго не менѣе 3 верш. и внизу перегорожена „пирàплицый“—неподвижно прилаженнымъ дубовымъ, даже желѣзнымъ брусочкомъ въ $^3/_4$ верш. Кромѣ того, для прочности (а „вирхéнь“ и по необходимости), оба камня вверху и внизу имѣютъ по два толстыхъ обруча, при чемъ къ обручу „вирхéня“ прикрѣплена „бàнька“—деревянный валекъ со сквозною дырочкою сверху внизъ, куда чуть можетъ войти мизинецъ. Дополнительными частями „жёринъ“ являются: а) „лопацéнь“—прочная въ 3 верш. шириною доска, одинъ конецъ которой неподвижно укрѣпленъ, а другой можетъ подниматься и опускаться,—расположенная подъ помостомъ, въ отступѣ отъ него верш. на 6;—б) „вирьцянó“—дубовая жердочка длиною верш. въ 11, которая нижнимъ концомъ упирается въ средину „лопатнà“, а пройдя сквозь нижній камень, другимъ заостреннымъ концомъ входитъ въ мелкое углубленіе „пирàплицы“;—в) „мёлинъ, или млёнъ“—тонкая легкая жердочка въ 2 арш., нижнимъ, соструганнымъ концомъ, свободно входящая въ дырочку „бàньки“, а верхнимъ такъ же свободно—въ пробоину высоко (арш. на 2) отстоящей отъ „вирхéня“ неподвижной перекладины, при чемъ дыра послѣдней стоитъ прямо надъ дырою верхняго жернова;—г) „клàпышъ“—двойная веревка, продѣтая чрезъ дырочку одной изъ досокъ помоста, гдѣ, на поверхности, она обхватываетъ деревянную чурочку верш. въ 2, а другимъ концомъ туго привязана къ вольной оконечности „лопатнà“: отъ завертовъ чурочки (она же—„клàпышъ“) зависитъ сокращеніе и удлиненіе веревки, а чрезъ тó нужный подъемъ и опущеніе „вирхéня“;—д) послѣднею, хотя послѣ камней и главною частью „жёринъ“ нужно считать „подъ“—досчатый подъ жерновами помостъ, имѣющій квадратное построеніе и ограниченный четырьмя вертикально поставленными досками,—что придаетъ „пóду“ видъ низкаго ящика,

въ срединѣ котораго покоятся жернова; изъ нихъ отчетливо виденъ издали только верхній.

Если „жёрны“ переносные, то „подъ“ и всѣ принадлежности держатся на четырехъ прочныхъ столбахъ, изъ коихъ два противостоящіе поднимаются до высоты той перекладины, въ которую долженъ войти „мёлинъ“ верхнимъ концомъ,—что составитъ предѣльную высоту ихъ въ 2 арш. и 14 верш.; высота же остальныхъ столбовъ оканчивается съ высотою „пóда“, а это не превзойдетъ 1 арш. и 8—10 верш. Столбы прочно соединены между собою перекладинами—внизу и на высотѣ досчатой настилки, а два возвышенные столба, сверхъ того, и третьею, на самой вершинѣ ихъ. Если же „жёрны“ неподвижные, то они будутъ имѣть только короткіе два столба, отъ которыхъ пойдутъ двѣ упорки въ стѣну: на этихъ упоркахъ стелется досчатый помостъ („подъ“), уставляются три боковыя доски, которыя въ соединеніи со стѣною образуютъ ящикъ, какъ и въ переносныхъ „жёрнахъ“; въ то же время „лопатéнь“ и вершинная упорка для „мёлина“ будутъ вколочены въ ту же стѣну.

Изъ подробнаго описанія „жёрнъ“ видно, что они нѣсколько сложнѣе другихъ предметовъ, вызываютъ неизбѣжную трату то денегъ, то времени; но, несмотря на это, „жёрны“ имѣются въ каждомъ хозяйствѣ, необходимы болѣе другихъ предметовъ обиходности, и простолюдинъ не жалѣетъ тратъ, какъ онъ не жалѣетъ времемени потребнаго на ремонтъ „жёрнъ“ („биць жёрны“) [662], приспособленіе ихъ къ отдѣльному мелеву и на самое мелево. Знакомые со всѣмъ этимъ не откажутся припомнить, что, напр., для хлѣбной муки дюжій домашній мельникъ перемелетъ четверикъ ржи только въ два пріема: отъ сумерекъ до ужина и отъ „дó-свиция до снидáння“,—что въ осеннее время составитъ 6—8 ч. работы! Правда, остальные виды мелева проходятъ скорѣе, потому что при нихъ „вирхéнь“ нѣсколько подымается и движется легче, такъ-что дѣло съ „пóспый“ [663]) и крупою можетъ завершиться

въ часъ-два; но и въ такое время мельникъ достаточно начихается отъ пыли, которая, кстати, залѣпитъ глаза, проберется въ волоса, уши, въ платье,—накланяется до изнеможенія и утрудитъ руки—водящую „мѣлинъ“ и засыпающую зерна. Все это онъ продѣлаетъ стоя, при необходимомъ нагибѣ всего тѣла впередъ, мелканьи жернова, то въ духотѣ хатки, то въ холодѣ да сквознякѣ сѣней! Какъ жалки бываютъ съ этой стороны мельники дѣти, когда въ силу сиротства, или иной подчиненности въ домѣ, они приставляются къ мельничному труду: взмостившись на приставленныя „колóдки, на услóники“, вертятъ они низко опущенный иногда жерновъ то въ одиночку, то коллективно...

По достиженіи старости, что́ сказывается чрезъ десятки лѣтъ, когда камни сотрутся и истончаютъ, жернова долгое время служатъ прессами для творога и „капусты“, или же укладываются передъ порогомъ сѣней, клѣти, гдѣ они воспринимаютъ новое, громкое имя „гáнка“... Съ измѣнившимся взглядомъ простолюдина на мельничное дѣло, когда онъ пересталъ щадить 3 коп. за перемолъ, примѣрно, четверика ржи на мельницѣ, навсегда потерялась единственная въ своемъ родѣ музыка отъ одновременнаго „скрыга [664]) жѣринъ“ цѣлой деревни, имѣвшая живое мѣсто въ тихія осеннія „до́-свицця“, въ преддверіи празднествъ; орудія такой музыки смиренно почиваютъ передъ порогами современныхъ хатокъ, сѣней и клѣтей...

18. „Молочная скрыня“ есть деревянный ящикъ, досчатыя стѣнки котораго вправлены въ пазы четырехъ равномѣрныхъ брусчатыхъ колоннъ, соединенныхъ восемью горизонтальными перекладинами, изъ коихъ 4 нижнія, въ отступѣ отъ земли верш. на 5, служатъ опорою для помоста, а 4 верхнія—для досокъ крышки. Въ общемъ „молочная скрыня“ имѣетъ слѣдующіе размѣры: длина ея равна 2 арш., ширина 1 арш. 8 верш. и высота 1 арш. 12 верш.; что же касается колоннъ, то онѣ нѣсколько возвышаются надъ ящикомъ, а внизу образуютъ ножки, такъ что

подъ помостомъ за нужду можетъ пробраться ползкомъ собака средняго роста [665])! Внутри „молочная скрыня“ не имѣетъ ни полокъ, ни перегородокъ: кринки, горшки со сметаною, съ масломъ, съ творогомъ, какъ и посуда съ жидкимъ саломъ и другими предметами изъ категоріи скоромной „зыкрáсы“, ставятся непосредственно на помостъ; при накопленіи же добра—другъ на друга.—Заднія доски крышки укрѣпляются неподвижно къ перекладинамъ, тогда какъ переднія, будучи сколочены одна съ другою и соединены съ остальною половиною крышки желѣзными, даже кожаными завѣсами [666]), могутъ подниматься и закрываться, при чемъ, на лицевомъ ребрѣ эта половина крышки запирается на „чепиль“ и замкомъ. Къ сдѣланному описанію остается прибавить, что установка предметовъ и выемъ ихъ изъ „молочной скрыни“ дѣлаются сверху, черезъ высокій край, и что достающій, напр., поклажу со дна ящика принужденъ перевѣшиваться черезъ стѣнку его и придерживаться за колонну, даже и тогда, когда подмостится на приставленной колодочкѣ, или „подножику“, иначе онъ можетъ оказаться въ положеніи ныряющей утки,—что на самомъ дѣлѣ и бываетъ съ малорослыми да подгулявшими...

„Молочная скрыня“ находится въ исключительномъ завѣдываніи хозяйки дома, у которой неизмѣнно хранится и ключъ отъ нея: установка и всѣ распорядки внутри „скрыни“ опять же принадлежатъ ей, и только при особыхъ обстоятельствахъ, на скорую руку, сюда допускается подручный пособникъ хозяйки. Часто случается, что хозяинъ, творецъ „молочной скрыни“, не видитъ внутренности ея по цѣлымъ годамъ...

Всегдашнее мѣстонахожденіе „молочной скрыни“ есть холодный уголъ сѣней, приходящійся между дверью въ хлѣвъ и стѣною „исцёпки“, или „клѣци празъ сѣнки“, т. е. противъ угла, занимаемаго „жёрнами“, если только они помѣщены здѣсь. Какъ то́ бываетъ со многими предметами обиходности, на „молочной

скрынѣ“ всегда стоитъ и лежитъ множество совершенно стороннихъ предметовъ: четверикъ, корзина, горшокъ, мѣхъ съ поклажею и пустой, камень-прессъ и даже хомутъ. Зато здѣсь непремѣнно стоитъ подойникъ и нѣсколько праздныхъ кринокъ; процѣживанье и разливъ молока происходятъ тутъ же.

Подобно всякой домашней самодѣльщинѣ, „молочная скрыня“ не отличается ни изяществомъ, ни легкостью: сработанная топоромъ да долотомъ, она груба, грузна и не привлекаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, что она грязнится болѣе всякой утвари, а съ мытьемъ и чисткою не вѣдается часто до конца долголѣтней жизни своей. Но она незамѣнима въ хозяйствѣ, и гдѣ можетъ быть молоко, тамъ обязательно должна быть и „молочная скрыня“. —По окончательномъ обветшаніи да при возможности устроить новую, „молочная скрыня“ поступаетъ въ хлѣвъ, гдѣ она становится лошадиными яслями, потерявъ предварительно легко удаляемую крышку...

П. Предметы освѣщенія.

Хотя искусственное освѣщеніе занимаетъ незначительные сроки суточной жизни простолюдина и хотя отъ средины весны и до средины осени отдѣльные дома не вѣдаются съ освѣщеніемъ, оно все-таки составляетъ довольно содержательный предметъ обиходности, безъ котораго можетъ обойтись развѣ слѣпецъ. Нѣтъ надобности напоминать, что по мѣрѣ наступленія и сгущенія сумерекъ, въ душу обыкновенно закрадывается безотчетная тоскливость, которая начинаетъ разсѣваться только при первомъ огонькѣ; въ быту простолюдина, живущаго „по солнцу“, это нѣсколько осязательнѣе, и кто на сю пору бывалъ въ хаткѣ, тотъ могъ замѣтить, что съ сумерками прерываются семейные разговоры, останавливаются дѣтскія игры, возня, и въ хаткѣ иногда создается мертвящая тишина [667]), если не выручаетъ какой-нибудь грызунъ, или сверчокъ: въ такую пору, однако, никто не спитъ, даже не

дремлетъ, а продолжаетъ то состояніе, въ которомъ застали сумерки. Дивный, своеобразный покой! Но онъ—покой не отдѣльной семьи, не деревни только, а общій сельскій, не-городской покой! И опять непонятно: прерывается онъ точно по предварительному уговору, по крайней мѣрѣ, въ 5—10 минутъ вся деревня засверкаетъ крохотными огоньками, прокрадывающимися чрезъ небольшія, мутныя окна хатокъ и „хацёныкъ“. Моментъ освѣщенія наступаетъ приблизительно такъ.

Когда домашнія „молчанки“ протянулись до предѣльнаго срока, кто-нибудь изъ старшихъ скажетъ: „чаму цяпло[668]) ни палиця“? или: „ци ни пыра цяпло дуць“? Отвѣтитъ ли кто, или не отвѣтитъ на вопросы, но только вслѣдъ за этимъ слышится легкій шумъ отъ походки и движенія, особенный, если не единственный въ своемъ родѣ скребъ въ „ямкѣ“, легкій трескъ перелամываемыхъ осколковъ лучины и вслѣдъ за тѣмъ звукъ дуновенія, напоминающаго звукъ паяльной трубочки ювелира, когда та направлена на уголья. Отъ двухъ-трехъ „дмухывъ“, ясно различаемыхъ во всѣхъ углахъ хатки, крохотный огненный язычекъ повиснетъ на острыхъ концахъ „тресычикъ“[669]) и засверкаетъ звѣздочкою... Всѣ жильцы, старъ и малъ, какъ и добывшій „цяпло“, немедленно осѣняются крестнымъ знаменіемъ; если бы кто задремалъ на сю пору, онъ крестится по прекращеніи дремы, хотя бы и тогда, когда огонь помѣщенъ въ свѣточѣ, а въ домѣ поднялся говорливый шумъ.

Въ темнотѣ не видно, что дѣлаетъ „выдувающій цяпло“[670]), а между тѣмъ его незримая работа, работа на ощупь, достойна вниманія. Заручившись позволеніемъ „дуць цяпло“, онъ отыскиваетъ на „ямки“ запасенныя „тресычки“; болѣе толстою, или огаркомъ выгребаетъ на „загнѣтъ“ два угля и, уставивъ ихъ рядомъ, да приложивъ къ нимъ „тресычки“, послѣ осѣненія крестомъ углей и сихъ послѣднихъ, да словъ—„Божа, благослови“!—дуетъ на уголья и норовитъ выдуть пламя не раньше, какъ послѣ

третьяго дуновенія. Когда же послѣднее добыто и прочно обняло „тре́сычки“, онъ крестится, загребаетъ угольки на прежнее мѣсто и тогда только зажигаетъ настоящую лучину и помѣщаетъ ее въ свѣточъ. Пока длится актъ добыванія огня, семьяне внимательно и съ удвоенною тишиною слѣдятъ за происходящимъ, при чемъ медлительность или спѣшность подлежатъ личному обсужденію каждаго, не выражаемому, однако, гласно [671]), тогда какъ въ остальныхъ случаяхъ это вызываетъ шутливыя, а нерѣдко и обидныя замѣчанія.

Утреннее добываніе огня не имѣетъ описанной торжественности, а для отдѣльныхъ лицъ оно даже и не видно: кто раньше проснулся, или кому предстоитъ спѣшная работа, тотъ и выдуваетъ огонь,—что, по преимуществу, падаетъ на долю пряхъ и стряпухи.

Такъ идетъ дѣло, когда въ „я̂мкѣ“ удержался собственный огонь, при чемъ дорогими остаются ничтожныя искры его: при помощи трута, тряпокъ и пакли маленькія искорки переходятъ въ нужное „цяпло́“. За полнымъ исчезновеніемъ послѣдняго, что почитается неблагопріятно пророчественнымъ, оно добывается кресаньемъ, холостымъ выстрѣломъ, и только въ крайнемъ случаѣ—треніемъ двухъ сухихъ палочекъ. Когда же нѣтъ никакой возможности добыть огня дома, тогда злополучная семья обращается къ послѣднему средству—„по̂зыкѣ ципла́“ у сосѣдей. Но это сопряжено съ такими затрудненіями, что вѣдаться съ ними приходится лишь въ силу необходимости. Такъ „у по̂зыку“ идетъ или самъ хозяинъ, или хозяйка, или кто-нибудь изъ возрастныхъ, излагаетъ причины траты огня, выслушиваетъ укоризны и даетъ обязательство въ тотъ же день возвратить „цяпло́“,—что съ точностью и выполняетъ: самолично и въ томъ же горшкѣ, въ который принималъ огонь, относитъ онъ „по̂зыку“ и вручаетъ выдававшему ее. Если же одолженіе пришлось въ молодикъ, то оно почти невозможно, и семья можетъ очутиться въ критическомъ положеніи.

Зная все это, соображаясь и съ тѣмъ, что „у по́зыки" приходится иногда итти въ далекія мѣста (живущіе на „одино́цыхъ"), деревляне всемѣрно заботятся о непрерывномъ сбереженіи и поддержаніи собственнаго „ципла́", которымъ, въ видѣ угольевъ, наполняются обѣ „я̂мки" (см. черт. Б, лит. ж и *ж*) по окончаніи топки,—что извѣстно подъ терминомъ „загрѐсь я̂мки".

Тушеніе огня происходитъ далеко не при такой обстановкѣ, какъ вечернее добываніе его: горящая лучина или догораетъ въ свѣточѣ, на виду улегшихся спать, или ее гаситъ та женщина, которой неудобно раздѣваться на глазахъ семьянъ,—гаситъ, уткнувъ горящій конецъ въ „по́пилъ я̂мки", затоптавъ его обутою ногою на полу, или же омочивъ въ воду, но не помои. Во всякомъ случаѣ лучинный огарокъ, какъ цѣнный остатокъ освѣтительнаго матеріала, вмѣстѣ съ другими огарками сберегается на „подто́пку, поджёжку" и др. надобности.

Чтобы отчасти понять цѣнность освѣтительныхъ предметовъ, нелишне остановиться на заготовленіи и потребленіи ихъ, начиная съ лучины, которая, какъ извѣстно, бываетъ березовая и сосновая, и только въ рѣдкихъ положеніяхъ можно встрѣтить еловую, вязовую и осиновую лучину. Обыкновенно для лучины избирается среднее, „го́нкое" [672]) дерево, которое немедленно, по разсѣченіи его на куски въ 1 арш. и 8—10 верш., очищается отъ коры и раскалывается: березовое—на „пла̂шки", а сосновое —небольшими брусочками верш. въ 2 толщиною. Это—лѣсная и надворная работа; остальное происходитъ въ хаткѣ, въ досужее время или при набѣжавшей надобности. При этомъ березовыя „пла̂шки" сначала вянутъ подъ навѣсами, или просыхаютъ на чердакѣ хатки, откуда небольшими партіями (10 плахъ) онѣ вылеживаются на печи, въ запечьи, надъ „со́пыхый", и только плаха-двѣ, потребныя на текущія надобности, кладутся въ жаркую печь, откуда и поступаютъ подъ раскалывающій топоръ. Отъ послѣдняго получаются толстыя полосы, которыя при помощи но-

жа немедленно щепаются въ тонкія. Если такимъ образомъ расщеплено двѣ-три „плашки", то получится почти охапка лучины, достаточная на нѣсколько дней. Эта лучина не разстается съ теплыми, даже жаркими мѣстами печи, откуда, при текущей надобности, извлекается по одной лучинѣ. Сосновые брусочки щепаются только ножомъ послѣ незначительнаго распара ихъ въ печи, и полученная вполнѣ сырая лучина выдерживаетъ въ пучкахъ всѣ сушильныя стадіи березовыхъ плахъ, т. е. вянетъ, просыхаетъ и окончательно высушивается въ печи.

Во время щепанья лучина сортируется: гладкія, ровныя и длинныя лучинины составляютъ отдѣльный пучекъ и даютъ наилучшую лучину, тогда-какъ половинные осколки, лучинины съ изъяномъ, откладываются отдѣльно: вмѣстѣ съ огарышами они служатъ потомъ на скоротечныя надобности, какъ небольшой огарокъ свѣчи, или же идутъ на подтопу, подъ сковороду, когда нужно зажарить колбасу, сало, яичницу; въ сильную стужу, когда къ вечеру поубавится хатное тепло, дѣти и даже женщины изъ такихъ лучинныхъ осколковъ складываютъ на полу небольшой костеръ и, стоя надъ нимъ, закрывъ подоломъ пламя, согрѣваютъ нижнюю половину тѣла.

Какая лучина лучше—трудно сказать: давая ровное, чистое пламя, березовая лучина при случаѣ даетъ больше дыма и медленно тлѣющіе уголья; сосновая лучина щепается и сушится легче березовой, горитъ широкимъ пламенемъ, но она горитъ быстрѣе, коптитъ безпрестанно, а широкій уголь, свертываясь „вирцялёмъ", нерѣдко заслоняетъ пламень и вызываетъ болѣе частое оттиранье угля. Гдѣ есть береза и сосна, тамъ пользуются обоими видами лучины, разнообразя пользованіе при той и другой надобности: нуженъ бойкій свѣтъ—горитъ сосновая лучина, мягкій и ровный—березовая. Вообще же приходится свидѣтельствовать, что при отсутствіи того или другого лѣса, лучина изъ не-

го считается парадною и горитъ она въ святочные и гостиные вечера.

Неизбѣжнымъ дополненіемъ лучины является свѣточъ, который бываетъ то переноснымъ, то постояннымъ; въ свою очередь, первый бываетъ стоячимъ и висячимъ. Стоячій свѣточъ состоитъ изъ жерди въ 2 арш. и 8 верш., вертикально вправленной въ стойку—перевернутую плаху, доску, крестовикъ, или колодку; на вершинѣ такой жерди неподвижно укрѣплена короткая поперечка, куда въ горизонтальномъ положеніи вколочена желѣзная съ разсѣкомъ скоба—издѣліе сельскихъ кузнецовъ: въ разсѣкъ обыкновенно втыкается свободный конецъ лучины. Такой свѣточъ можетъ быть поставленъ въ любомъ мѣстѣ хатки. Висячій свѣточъ значительно короче стоячаго и имѣетъ крючковатый конецъ (прочный сукъ), которымъ онъ навѣшивается на „полацу", балку, передпечную жердь; другой его конецъ, обыкновенно висящій внизъ, заканчивается поперечкою и скобкой, какъ и стоячій.—Тотъ или другой свѣточъ днемъ лежитъ подъ лавкою, какъ онъ лежитъ тамъ и во все лѣто.

Постояннымъ свѣточемъ бываетъ: стѣнная щель, спеціальный выдолбъ въ печи между кирпичей, та же желѣзная скоба, вколоченная въ стѣну, или деревянный стѣнной крюкъ, съ придѣланною къ нему поперечкою и скобой. Въ прибѣдненныхъ случаяхъ, когда нѣтъ желѣзной скобы, въ свѣточѣ укрѣпляются двѣ поперечки, одна на другую, при чемъ концы ихъ оттопырены настолько, что въ щель можетъ входить лучина. Такими подходящими поперечками являются куски (верш. въ 6) стараго обода, сложенные внѣшними сторонами.

Въ хаткѣ и, тѣснѣйшимъ образомъ—въ свѣточѣ горитъ одновременно не болѣе двухъ лучинъ, которыя, примѣнительно къ обстоятельствамъ, въ стоячемъ и висячемъ свѣточѣ размѣщаются въ разные концы, тогда какъ въ остальныхъ свѣточахъ онѣ помѣщаются рядомъ. Если такіе свѣточи замѣняются живы-

ми, т. е. лучину держатъ отдѣльные приставники-подростки (на пирушкахъ, при псалтирномъ чтецѣ надъ покойникомъ, на току), то, для усиленія свѣта, они слагаютъ двѣ и три лучины, при чемъ на ихъ же обязанности лежитъ „утирать носъ лучины"; въ остальныхъ случаяхъ, въ заурядной жизни, это дѣлаетъ тотъ, кто ближе къ свѣточу, или праздное лицо. При сильныхъ холодахъ, когда земляной полъ вызываетъ соломенную настилку, подъ лучину подставляется корыто съ водою, или снѣгомъ, куда и отпадаютъ опасные на этотъ случай лучинные уголья...

Вторымъ, но вполнѣ праздничнымъ, изрѣдка—гостинымъ предметомъ освѣщенія бывали сальныя свѣчи домашняго изготовленія изъ бараньяго, козьяго и говяжьяго сала. Кто не щадилъ сала въ ущербъ кухоннымъ „закрасамъ" и столовымъ „вологамъ", тѣ обыкновенно производили фабрикацію свѣчъ въ два срока: недѣли за три до заговѣнья (14 ноября), когда обыкновенно отправляются „восиньскіи госцйны" [673]), и передъ рождественскими святками, во время и послѣ которыхъ, вплоть до масленицы, идетъ вторая серія „госцйнъ". Щадившіе домашнее сало, или не имѣвшіе такового, но не стѣсненные средствами, на тѣ же случаи добывали фабричныя сальныя свѣчи изъ мѣстечекъ и городовъ. Появленіе свѣчей въ домѣ не исключало, однако, пользованія лучиною, и тѣ же „госцики любыи", ради которыхъ дѣлалась сальная трата, видя хозяйское радушіе, приглашали не „псувацъ" [674]) свѣчъ и обратиться къ лучинѣ...

Несложная фабрикація сальныхъ свѣчъ обыкновенно производилась такъ. Заготовивъ предварительно „кноты" [675]) съ петлями вверху да разогрѣвъ въ высокомъ кувшинѣ, кринкѣ заранѣе очищенное сало, фабриканты начинали поочередно омакивать „кноты" въ сало и привѣшивать ихъ въ сѣнномъ холодкѣ: пока омакивался послѣдній „кнотъ", первый застывалъ и готовъ былъ къ новому омакиванью. Отъ 15 приблизительно погруженій въ

сало „кнотъ“ наслоялся настолько, что получалась уже сносная по толщинѣ свѣча, въ отличіе отъ фабричной пазывавшаяся „мока́нкой, мока́никомъ“. Когда сальная посудина была глубока, то „мока́нка“ могла удлиниться до 6 верш.; въ противномъ случаѣ, да при уменьшеніи сала, получались свѣчи въ 5 и менѣе верш., извѣстныя подъ именемъ „сморка́чекъ“ [676]).

Остатки сала, кстати, чисто приготовленнаго и незагрязненнаго омакиваньемъ, шли потомъ въ кухонное и столовое потребленіе, и только особенно брезгливыя семьи отдѣляли такіе остатки на смазку обуви. упряжи даже волосъ, или дарили нищимъ, продавали скупщикамъ.

Какъ служитъ „мока̀нка“—угадать не трудно. Часто непропорціональный фитиль, незамѣтпо уклонившійся къ стѣнкѣ, горитъ неровно, плавитъ свѣчу, а если она сработана изъ консервнаго сала, обыкновенно для прочпости посоленнаго при топкѣ, то сверхъ того свѣча непрерывно „порщѝць“, мѣняетъ свѣтъ и невольно призываетъ къ лучинѣ, которая, кстати, не имѣетъ столькихъ враговъ, какъ свѣча: послѣднюю сгрызаетъ мышь, крыса, унесетъ хорекъ, кошка, собака, или же, по неразумію, но въ силу приманчиваго запаха и вкуса, потребитъ въ прикуску съ хлѣбомъ какой-нибудь „блазню̀къ и блазно̀тка“...

Свѣча обусловливаетъ такой или иной „лихтаро̀къ“ [677]) и снимальные щипцы. Если нѣтъ въ наличности ни мѣднаго, ни жестяного „лихта̀рика“, то сооружается деревянный, и таковымъ бываетъ: деревянная съ выдолбомъ вверху стойка, прочно вправленная въ досчатую подставку, подходящее „до̀но“, или же болѣе тонкая колодочка съ тѣмъ же выдолбомъ для установки свѣчи. За неудобствомъ сооруженія и спѣшностью, „лихта́рикомъ“ является праздная бутылка то цѣльная, то битая: въ первой свѣча помѣщается въ горлышко, а во второй она ставится прислоненною къ стѣнкѣ, подобно тому, какъ это бываетъ и въ низкихъ посу-

динахъ—горшечкѣ, кружкѣ, „ко́новкѣ“ и др. Среди такого разнообразія подручныхъ подсвѣчниковъ, иногда мелькаетъ приспособленная сырая брюква, свекла; въ особенно же спѣшныхъ случаяхъ свѣча уставляется непосредственно на подоконникѣ, лавкѣ, на столѣ, на перевернутой мискѣ и горшкѣ, гдѣ предварительно „нака́пывается“ тою же свѣчею.

Если судьба заносила въ домъ снимальные щипцы, то они пускались въ ходъ; въ противномъ случаѣ нагаръ снимался при помощи ножницъ, двухъ палочекъ, или же пальцами, на которые предварительно необходимо было поплевать...

Восковыя свѣчи, имѣвшіяся въ каждомъ домѣ, употреблялись, какъ предметъ освѣщенія, значительно рѣже даже въ домахъ пчеловодовъ: восковая свѣча горитъ во время святочной, или поминальной молитвы и во время поминальнаго стола; съ такою свѣчою зайдутъ въ хлѣвъ для пріема новорожденнаго животнаго; если же то́ освященная свѣча („громничная“), то она жжется только при выдающихся положеніяхъ: во время грозы, при кончинѣ семьянина, при обжиганіи волосъ (2 февр.).

Подобно сальнымъ, и восковыя свѣчи бываютъ исключительно самодѣльными, но „ката́ными“, при чемъ на „кнотѝ“ ихъ идутъ не бумажныя, а льняныя, или пеньковыя нитки. Здѣсь повторяется то же, что и въ сальной свѣчѣ: она даетъ сплавы, „порща́ць“ [678]) и горитъ неравномѣрно.

Послѣднимъ, въ свою очередь, рѣдкостнымъ предметомъ освѣщенія бывалъ „оле́й“, или свободное сало различныхъ сортовъ. Будучи помѣщенъ въ простую, или со стойкою и рыльцемъ плошку, откуда черезъ край свѣшивался фитилекъ изъ нитокъ, клока ваты, пакли, этотъ предметъ давняго освѣщенія по всей справедливости могъ считаться послѣднимъ: онъ давалъ копоть, мало свѣта, вызывалъ частую поправку, или смѣну фитилей, заставлялъ оберегать отъ алчниковъ не менѣе сальной свѣчи и могъ быть

предпочтенъ лучинѣ развѣ тѣмъ, что не давалъ дымовой горечи. Слѣдуетъ, однако, вспомнить, что и такой предметъ освѣщенія стоялъ выше лучиннаго и что на мѣстный взглядъ это свидѣтельствовало или о богачествѣ дома, или нѣкоторой притязательности его, и что это находило своихъ завистниковъ, какъ и освѣщеніе свѣчею [679]).

Въ связи съ житьемъ въ курной хаткѣ, недостаточнымъ свѣтомъ, проходящимъ внутрь ея чрезъ тѣсныя закоптѣлыя окна, обиліемъ только на ночь улегающейся пыли, бытописуемое освѣщеніе являлось неизвѣстнымъ нынѣ бичомъ глазъ. Благодаря ему, не натруженные работою грамотника глаза, кстати, все лѣто отдыхающіе на зелени, притуплялись значительно скорѣе нынѣшняго, отчего ряды тогдашнихъ деревенскихъ слѣпцовъ бывали какъ-то гуще, а глазные страдальцы то съ воспаленными, то гноящимися, то съ прищуренными вѣками не переводились въ деревняхъ. Будетъ ли, не будетъ ли смѣлымъ увѣреніе, но только низкоглазость, особое положеніе прищуренныхъ глазъ, составлявшія типичную особенность жильцовъ захудалыхъ мѣстностей [680]), только и могли воспитаться при совмѣстномъ воздѣйствіи на глаза курной хатки и тогдашнихъ предметовъ освѣщенія. Воспоминаемые глазные страдальцы и частые слѣпцы не знали вѣрнаго источника своего несчастья и все дѣло переносили на „насланнё“ [681]) на чары, на гнѣвъ Божій.

Распространеніе керосина, нынѣ занявшаго чуть-ли не единственное, по крайней мѣрѣ, почетное мѣсто не у зажиточнаго только деревлянина, но и у захудалаго сосѣда его, разумѣется, поможетъ внукамъ понять слѣпоту и низкоглазость дѣдовъ, а самихъ лично не допустить до старосвѣтскихъ недуговъ.

III. Подручные рабочіе инструменты.

При многообразныхъ домашнихъ, а частію и недомашнихъ работахъ неизбѣжно употребленіе „запа́синъ, уру́чинъ, струмéн-

цинъ [682]) разныхъ", подъ широковѣщательнымъ именемъ которыхъ нужно разумѣть лишь подручные инструменты, часто мелкіе, еще чаще—съ незатѣйливымъ построеніемъ и сплошь да-рядомъ —немногочисленные. Почти всѣ предметы этой категоріи имѣютъ слабое употребленіе при описанныхъ выше производствахъ и—совершенно косвенное при чисто земледѣльческомъ: ихъ область—обработка дерева во всѣхъ хозяйственныхъ углахъ, а орудующій ими—старъ и малъ въ семьѣ, т. е. не потерявшій [683]) силы держать въ рукахъ инструментъ и только что пріобрѣвшій ее да кое-какой навыкъ управляться съ подручнымъ инструментомъ.

Иронизируя надъ спеціальными мастерами, увѣшивающими стѣны или биткомъ набивающими ящики воспособляющими предметами мастерства, простолюдинъ вѣроподобно утверждаетъ, что „стóищій писака напишецъ чепелóй, а такой же, музыка зыгрáиць и ны кычарзѣ"... Перенося подобное ожиданіе на свое производство, онъ не прочь вѣрить, что и настоящій работяга съ кое-какимъ топорикомъ да ножомъ сдѣлаетъ вдвое больше, чѣмъ писака и музыкантъ съ далеко неподручными предметами ихъ профессіи. Посему, хотя безъ подручныхъ рабочихъ инструментовъ и не можетъ быть полна обиходность, потребность въ нихъ такъ ограничена, что наличные предметы совершенно теряются въ скромной „хаткѣ, сѣнкахъ и исцёнкѣ", а въ отдѣльныхъ хозяйствахъ пользованіе ими суживается до того, что на всегдашнемъ счету стоятъ лишь топоръ да ножъ, тогда какъ придатки къ нимъ—буравъ и долото—смиренно, по цѣлымъ годамъ, ржавѣютъ въ складищѣ, или воткнутыми въ стѣнныя щели.

Однако, какъ ни изловчился деревенскій работяга орудовать возможно меньшимъ количествомъ инструментовъ, все-же есть рабочія положенія, когда неминуемо слѣдуетъ расширить инструментальную ограниченность топора и ножа. Если для того нѣтъ наличной дома „запáсины, урýчины, струмéнцины", таковую можно

добыть путемъ одолженія: въ складищахъ запасливыхъ сосѣдей, иногда даже незнающихъ подлиннаго назначенія того или другого предмета, то въ неповрежденномъ видѣ, то съ различными изъянцами, можно найти подходящій инструментъ, попавшій сюда Богъ вѣсть когда и Богъ вѣсть какими путями. Такимъ образомъ, при производствѣ домашнихъ и недомашнихъ работъ, подручными рабочими инструментами, то чаще, то рѣже, являются слѣдующіе:

1. Топоръ на прямой не свыше 12 верш., почти круглой деревянной рукояти, которая смѣняется па болѣе длинную только при ледоколѣ. Этотъ чахлый топоръ, съ едва „засталёваннымъ“ кривымъ лезвіемъ, одинъ на все: въ лѣсу валитъ дерево, дома помогаетъ складывать постройки, рубитъ и колетъ дрова, щепаетъ лучину; сегодня имъ корчевались заросли, завтра—„чвыртывалысь“ убойное животное; тамъ онъ—дорожный и охотничій товарищъ, здѣсь его обухъ замѣняетъ молотокъ, когда нужно вколотить гвоздь, вогнать клинъ, сдѣлать долотную пробоину, или замѣняетъ толкачъ, когда требуется измельчать перецъ, соль; за неимѣніемъ подъ руками сѣчки, лезвіемъ его можно изрубить капусту, бураки, щавель въ какомъ-нибудь мелкодонномъ корытѣ, на стряпныхъ подмосткахъ. Но перечесть всю службу топора такъ же трудно, какъ трудно указать на область мужскихъ работъ, гдѣ бы тотъ же топоръ не имѣлъ мѣста. Если справедливо увѣреніе, что деревенскую работницу нельзя представить безъ „кычарогъ“, иглы и нитки, то еще труднѣе представить деревенскаго работника безъ топора: въ пути, на полѣ, на лугу, даже въ поискахъ за грибами работникъ не разстается съ „дорогимъ товарищемъ“, потому что здѣсь представляются подходящіе случаи срубить и унести нужное дерево, или сдѣлать безотложное исправленіе. По случаю многообразной, безсмѣнной службы, топоръ меньше остальныхъ предметовъ одной съ нимъ категоріи залеживается до ржавчины, а напротивъ, онъ гладокъ и блеститъ такъ же, какъ и топорище: первый полируется ежедневнымъ соприкос-

новеніемъ съ обрабатываемымъ такъ и иначе деревомъ, а второе —мозолистыми руками рабочаго, въ которыхъ топорище скользитъ отъ конца до конца и на которыя необходимо поплевать, чтобы топоръ не выпадалъ изъ рукъ. Благодаря плевкамъ, на концѣ пожилого топорища образуется особый грязевый наростъ, непохожій на подобные же наросты въ другихъ предметахъ обиходности, и, въ свою очередь, непохожій на грязный наростъ при проухѣ, образующійся отъ прилипа древесныхъ частицъ, земли и вообще всего, съ чѣмъ топоръ соприкасался.

Каждая отдѣльная работа вызываетъ отдѣльный способъ держанья топора, которое, при сѣченья капусты, чисткѣ коры, какомъ-нибудь соскребѣ, позволяетъ работать одною рукою, и эта послѣдняя обхватываетъ топорище у самаго проуха, тогда какъ при другихъ случаяхъ одноручнаго держанья топора рука находится на срединѣ топорища. Обѣими руками топорище держится за конецъ лишь при наиболѣе трудной работѣ: при рубкѣ толстаго дерева, толстаго дровяного полѣна, или раскалыванья таковаго. Чѣмъ тяжелѣе топорный ударъ, тѣмъ осязательнѣе можно наблюдать типичную особенность мѣстнаго топорника, а именно: вмѣстѣ съ опущеніемъ топора въ дерево изъ открытаго рта рабочаго каждый разъ вылетаетъ ясный гортанный звукъ— „х-х-ха̀“! который слышится издали немногимъ слабѣе топорнаго... Присутствовавшіе на топорныхъ работахъ во время лѣсосѣка, какъ и другомъ рабочемъ скопѣ топорниковъ, не могли не замѣтить этого единственнаго въ своемъ родѣ хороваго „ха̀канья“...

По образу ношенія топора въ значительной мѣрѣ можно угадывать область топорной работы и, въ особенности, продолжительность послѣдней. Такъ, если топорникъ движется медленно и изъ устья его наплечной „торбёшки“ торчитъ конецъ топорища, такъ, безъ малой ошибки, это будетъ плотникъ, направляющійся

или возвращающійся отъ подрядной работы; при иномъ случаѣ, когда „торбёшка“ наполнена харчами и заурядъ съ ними—инструментами, топоръ виситъ спереди, топорищемъ внизъ, а лопастью держится на „торбёшичныхъ“ петляхъ. То и другое служитъ показателемъ дальней работы; въ обратномъ случаѣ, когда нѣтъ надобности въ „торбёшкѣ“, топоръ держится при боку, вертикально: лопасть его покоится въ кисти, топорище же упирается въ подмышку. Направляющійся къ отдаленной и продолжительной лѣсосѣчной работѣ, или въ поиски за топорною работой вообще, держитъ топоръ за поясомъ сзади, въ то время, когда торба съ харчами и смѣною бѣлья, или же кошель вмѣсто нея, привѣшанъ на обычномъ мѣстѣ—на боку. При толочномъ лѣсосѣкѣ вблизи дома, какъ и поодаль отъ него, или же при лѣсосѣкѣ, на собственныя, неширокія нужды, топорникъ не имѣетъ ни кошеля, ни торбы, но топоръ несетъ по образу предшественника. Ношеніе топора при боку, но за поясомъ, изобличая во встрѣчномъ курильщика, или молодого рабочаго, въ то же время говоритъ о трудной, хотя и непродолжительной топорной работѣ. Когда та же работа одна изъ среднихъ по трудности, продолжительности, и когда она недалеко отъ дома, то пожилые несутъ топоръ на плечѣ, топорищемъ впередъ, а молодые—въ опущенной рукѣ, топорищемъ назадъ. Послѣдній образъ ношенья топора да спѣшное движеніе къ мѣсту работы указываютъ на краткость и близость ея. При слѣдованіи къ топорной работѣ верхомъ, топоръ обыкновенно держится за поясомъ, при боку, и только неопытный, или забывающійся топорникъ будетъ держать его сзади, въ рукѣ, или на плечѣ. При слѣдованіи въ рабочей пустой телѣгѣ, топоръ остается то за поясомъ, то бываетъ заткнутъ лопастью въ экипажную щель, а когда перевозится лѣсъ, онъ вколачивается сверху въ бревно, или въ дровяное полѣно, вершая возъ. Нѣтъ надобности дополнять, что ни одинъ изъ перечисленныхъ образовъ ношенья топора не имѣетъ мѣста у женщинъ, и только спѣшная

нужда да безвыходное положеніе могутъ пригнать женщину къ топору [684]), чтобы отколоть какую-нибудь „поджёжину, подто́пину“.

Топоръ съ широкою клинообразною лопастью, съ прямымъ лезомъ, съ плоскимъ обухомъ, треугольнымъ проухомъ и плоскою, въ концѣ изогнутою рукоятью, называется „сяки́рый, саке́рый“. Мѣстная „сяки́ра“ не имѣетъ величины и груза мясницкой и плотничьей и часто отличается отъ зауряднаго топора только прямымъ лезомъ, да плоскимъ, часто прямымъ топорищемъ. При многихъ достоинствахъ и даже преимуществахъ сѣкиры передъ топоромъ, она имѣетъ слабое распространеніе и встрѣтится развѣ въ 10-мъ крестьянскомъ домѣ.

2. При чисто плотничьихъ работахъ и, тѣснѣйшимъ образомъ, при высѣкѣ пазовъ въ бревнахъ и „шу́лахъ“, употребляется отдѣльный топоръ, который могъ бы быть сочтенъ за старинное военное оружіе, если бы только придать ему длинное топорище вмѣсто обычнаго. Въ самомъ дѣлѣ: топорное лезо не доходитъ и до 2 верш., тогда какъ лопасть топора имѣетъ не менѣе 5—6 верш. въ длину, при чемъ она нерѣдко бываетъ не сплошною плоскостью, а съ перехватомъ между лезомъ и обычнымъ топорнымъ обухомъ. Если орудующій такимъ топоромъ не имѣетъ плотничьей снаровки, то онъ употребляетъ его, какъ долото: пока товарищъ держитъ лезо на подлежащемъ мѣстѣ, другой размашистыми ударами по обуху вгоняетъ топоръ въ дерево. Такое обращеніе съ топоромъ есть крайность, и въ рукахъ настоящаго плотника дѣло вытесыванья пазовъ происходитъ вдвое скорѣе.

3. Для тѣхъ же надобностей употребляется совершенно равный по длинѣ и ширинѣ топоръ, съ тою существенною особенностью, что здѣсь лезо устроено, какъ у кирки, поперекъ топорища. Непризванные плотники еще плоше обращаются съ такимъ топоромъ, а если онъ попалъ въ домъ случайно, то послѣ неудачнаго примѣненія къ дѣлу, такой топоръ очутится на мѣстѣ „копыла̀“ и дальнѣйшую службу несетъ на „ля́дахъ“, вмѣсто сохи...

4. Еще рѣже, случайными путями, заносится въ обиходность бочарная желобчатая „цисла́“, съ которою деревлянинъ рѣшительно не умѣетъ распорядиться. Послѣ неудачныхъ попытокъ воспользоваться ею при высѣченіи пазовъ, при выдолбѣ просторныхъ округлыхъ дыръ, дѣло кончается или полнымъ забвеніемъ несподручной „цяслы“, или передѣлкою ея на болѣе подходящій предметъ, или же жалкою службой при сѣченьи мерзлой капусты, льда въ кадкѣ, вмѣсто свѣчки, или топора...

5. Умѣнье обращаться съ долотомъ не можетъ быть приравнено къ описанному во 2, 3 и 4 пунктахъ: долото знаетъ старъ и малъ, и тѣмъ болѣе, что за малыми изъятіями, оно вездѣ одно и то же, т. е. представляетъ желѣзный брусъ въ $^1/_4$ верш. толщиною, съ одного конца стесанный въ лезвіе той же ширины, а съ другой—исподоволь въ шило, на которое нагоняется деревянная насадка. При введеніи долота въ дерево, удары слѣдують въ вершину насадки, отчего послѣдняя всегда расплескана, если только предусмотрительный владѣлецъ не нагналъ сюда желѣзной бляшки или кольца.

6. Неразлучнымъ спутникомъ долота съ деревянною насадкою состоитъ короткая, верш. въ 5—6 длины „пубоёшка“, въ одномъ концѣ стесанная въ рукоять. Толщина „пубоёшки“, даже изъ прочныхъ деревъ (дубъ, корельская береза) [685]), не бываетъ меньше 3 верш. въ діаметрѣ: кромѣ груза, это придаетъ ей запасъ толщины, постепенно уменьшающейся отъ ударовъ.

За отсутствіемъ „пубоёшки“, то же дѣло справляетъ топорный обухъ, увѣсистый молотокъ и даже камень, при чемъ чисто желѣзное долото удобнѣе вколачивать тремя послѣдними предметами, если не считать нечаянныхъ соскоковъ ихъ съ ударнаго мѣста: тогда придерживающей долото рукѣ достается больше, чѣмъ отъ „пубоёшки“...

7. Неменьшею извѣстностью въ обиходѣ пользуется „свярьдёлъ“, который въ одномъ и томъ же хозяйствѣ доходитъ до

„свярьдёлыка, свёрлычка“. Если первый необходимъ для сверленія „снувáльныхъ дю́рыкъ“, дырьевъ въ ясляхъ, въ телѣгѣ, боронѣ, то безъ второго рѣшительно нельзя обойтись при построеніи граблей, разныхъ подѣлокъ въ земледѣльческихъ орудіяхъ, экипажахъ, нельзя сдѣлать и того „изычкá“ [686]), который весною вколачивается въ березу или кленъ, и по которому стекаетъ „бёрька“, или „клянóвикъ“, въ подставленную и подвѣшанную посудину.

8. Если буравъ можетъ расколоть просверливаемый предметъ, или когда нѣтъ тонкаго, длиннаго, буравчика, чтобы просверлить тонкій древесный стволъ, тогда это дѣло справляютъ „жигáло“ — желѣзный прутъ различной толщины, который вводится въ дерево послѣ накаливанья. При помощи „жигáла“ дѣлается чубучная дыра, дырья „дудáрныхъ гукóвъ, пирабóра, сóски“ [687]), грабельной колодки и мн. др.

9. Обычный скобель, какъ принадлежность плотничьяго ремесла, заносится въ обиходность значительно рѣже, чѣмъ „скобéлка, скыбялёкъ“, вполнѣ замѣняющіе столярный стружокъ, а при надлежащемъ умѣньи пользоваться таковымъ—даже циклу. Мѣстная „скобёлка“ представляетъ согнутый ножъ, по концамъ котораго придѣланы поперечныя деревянныя ручки. Это—двуручная „скобёлка“, которая чиститъ и стружитъ дерево въ сторону движенія обѣихъ ручекъ. Но та же „скобёлка“, согнутая въ кольцо и имѣющая одну только ручку, принимаетъ имя „скыбилькà“, хотя по величинѣ и тяжести послѣдній мало разнится отъ первой.

Значеніе и область употребленія „скобёлкывъ“ довольно широка: при чисткѣ коры съ лучинныхъ плахъ, кольевъ, жердей и бревенъ, они замѣняютъ топоръ; въ остальныхъ случаяхъ—столярные стружки („гёбиль“, даже фуганъ). Въ этомъ случаѣ ими гладятъ и спускаютъ доски въ двери и столѣ, подновляютъ лавки и другую мебель, чистятъ стѣны, а однаручка рѣшительно не-

замѣнима при выборкѣ и чисткѣ внутренности мѣстнаго улья.

10. Всѣ перечисленные доселѣ, какъ и упомянутые въ предыдущихъ отдѣлахъ подходящіе предметы, по крайней мѣрѣ, желѣзныя части ихъ, требуютъ тѣмъ большаго точенья, чѣмъ чаще сни пускаются въ дѣло. Въ этомъ отношеніи топоръ занимаетъ первое мѣсто въ ряду точильныхъ хлопотъ и трудовъ, и если онъ плохо, недостаточно „насталёвынъ“, то полунасмѣшливое выраженіе „скольки точивъ, стольки й рубивъ“ вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности. И хорошо еще что любое мѣсто поставляетъ въ изобиліи точильные предметы: если нѣтъ песчаника, обыкновенно предпочитаемаго всѣмъ другимъ, такъ найдется подходящій мелкозернистый камень, или булыжникъ. Всѣ они, имѣя относительную устойчивость снизу и кое-какъ сглаженную поверхность, называются „брускàми“, хотя, признаться, въ нихъ нѣтъ ничего брусчатаго. Какъ это ни наивно, въ точильные „брускѝ“ жалуются „жёрны“, когда обстоятельства пригоняютъ точить на нихъ тотъ или другой предметъ... Оттачивающій обыкновенно держитъ во рту воду, которую время-отъ-времени и выпускаетъ на „брусóкъ, гдѣ истрйць“, а за недостаткомъ воды, просто поплевываетъ туда же...

Если судьба занесла въ домъ настоящій „брусóкъ“, т. е. мастерски обтесанный песчаникъ, имъ только вершается точенье, напр., топора, который предварительно стачивается начерно на упомянутыхъ грубыхъ „брускàхъ“, при чемъ, для этой надобности, нескончаемое время хранятся ничтожные обломки такого „бруска́“, удерживающіе это имя до конца дней своихъ.

11. Попадающіеся въ обиходѣ простолюдина разнообразные напилки и подпилки, даже обломки таковыхъ, занесенные случайными путями, не служатъ спеціальной надобности—исправлять стачиваньемъ желѣзныя издѣлія, а цѣликомъ замѣняютъ точильные бруски, когда нужно отточить остріе набѣло. Острый, черен-

ковый конецъ напилка и подпилка, противостоящій даже желѣзу, обращается въ надежное шило, которымъ обыкновенно и пробиваются дырья терки; даже противоположный конецъ его, хотя и болѣе тупой, нерѣдко замѣняетъ буравъ, благодаря тому, что трехгранникъ, съ крѣпкими и острыми углами, позволяетъ сверлить дерево.

12. Единственный въ домѣ молотокъ, служащій безразлично для мастерскихъ подѣлокъ, для „отвода косы“ и для набиванія жерновъ называется „клявцо́мъ клёвчикымъ“. Примѣнительно къ существенной службѣ, „кляве́цъ“ имѣетъ плоскій четыре угольный обухъ и плоскій, слегка тупой носъ, лезо котораго поперечное, какъ у теслы, описанной въ 3 пунк. Въ среднемъ мѣстный „кляве́цъ“ таковъ: длина желѣзной насадки доходитъ до $2^1/_2$ верш., изъ коихъ $^1/_2$ верш. относится къ тупому обуху, $^1/_2$ верш.—къ молоточному проуху, а остальная часть—къ постепенно сужающейся лопасти; дополненіемъ къ сему служитъ прочно вдѣланная и заклиненная рукоять, не превышающая 4—5 верш. Встрѣчающіеся въ обиходности кузнечные, столярные, сапожные и др. молотки, пригодные развѣ для пользованія при мастерскихъ поддѣлкахъ, да вколачиваньи, гвоздей, и, несомнѣнно, попавшіе въ домъ случайно, остаются съ именами „клявцо́въ, клёвчикывъ“.

13. Если съ однимъ „клявцо́мъ“ можно справить всѣ жерносѣчныя и кособитныя надобности, если въ остальныхъ работахъ можно управиться при помощи „пубое́шки“, топорнаго обуха, даже камня, то указать на необходимость „обцуго́въ“ [688]) такъ же трудно, какъ трудно уловить причины нахожденія ихъ въ домѣ, въ ряду другихъ подручныхъ предметовъ. И дѣйствительно, иные „обцугѝ“ перержавѣли до крайности, пролежали въ складищѣ долгіе годы, а между тѣмъ ими не вытащенъ изъ стѣны, изъ доски ни одинъ гвоздь, и долголѣтній покой ихъ, можетъ быть, нарушился тогда, когда, за потерею молотка, пришлось вколотить

гвоздь, расколоть орѣхъ, спорошить перецъ и т. под. По примѣру „кливца“, кузнечные клещи, столярныя, сапожные, шорные и и ювелирные щипцы носятъ одно безразличное имя „обцуго́въ“, умаляясь до „обцужко́въ, обцу́жикывъ“.

14. Въ тѣхъ же складищахъ, гдѣ покоятся перечисленные и только лишь упомянутые рабочіе инструменты, не въ примѣръ прочимъ, во множествѣ можно встрѣтить пестрый наборъ всевозможныхъ желѣзныхъ вещей, обломковъ, винтовъ и гвоздей, которые, поступивъ сюда въ первой иногда порѣ ржавчины, переживаютъ поколѣнія хозяевъ и истлѣваютъ у внуковъ, не будучи ни разу употреблены въ дѣло, прилажены къ мѣсту. Здѣсь таятся „знахо́дныи, пыдару́нкывыи шрубы, шру́бчики“ [689]), большіе и малые „цвякѝ, цвя́чики“ [690]), то поднятые на дорогѣ, то вытащенные изъ ненужной доски, разбитаго ящика, —„гынталѝ“—изъ крыши, „ухналѝ“ [691])—отъ лошадиныхъ подковъ, даже сапожные, широкошляпые и безшляпые гвозди. Передъ поступленіемъ въ складище почти всѣ они выдерживали молоточную на камнѣ или топорномъ обухѣ выправку, на которой для большинства и заканчивались всѣ сношенія ихъ съ владѣльцемъ пестраго набора всякой „зилѣзины“ [692]).

15. Хотя дровяная и столярная пила была достаточно извѣстна въ воспоминаемое время и хотя пріобрѣтеніе той и другой являлось желательнымъ, онѣ встрѣчались въ рѣдкихъ хозяйствахъ и путемъ одолженія служили всей деревнѣ, какъ и за предѣлами ея. Помимо дороговизны, пріобрѣтеніе, напр., дровяной пилы не вызывалось разсчетливымъ сбереженіемъ дерева, какъ теперь, а топорныхъ трудовъ деревлянинъ не щадилъ: обильные остатки щепъ, если не шли на легкую топку печи, то чрезъ десятки лѣтъ перегнаивались въ кое-какое удобреніе для полей. Пріобрѣтеніе желательной столярной пилы было доступнѣе; но неумѣнье дать ей осадку останавливало не одного искателя, который могъ развѣ вправить ее въ „смыкъ“ [693]). Въ такомъ нынѣ непонятномъ видѣ

столярная пила скоро кончала свой вѣкъ, тѣмъ болѣе, что пользующіеся ею зауряд съ сухимъ деревомъ пилили и сырое... Обломки пилы, вправленные въ черепокъ, оттачивались на „брускáхъ“ и преображались въ кое-какіе ножи, которыми за нужду можно было содрать и обработать лыко, лозу, бересту, да „наскрѣсь бýльбычки“.

16. Остальные столярные инструменты въ видѣ рубанка „гéбля“ [694]), различныхъ стружковъ, стамесокъ и проч., очевидно, случайные, не пользовались извѣстностью, а притупленные, за неумѣніемъ отточить и приладить ихъ, поступали въ складище, пока умѣлая рука не выводила ихъ оттуда къ надлежащей работѣ. Правда, стамески еще служили вмѣсто долота и, подобно ему, оттачивались на „брускáхъ“; но, какъ угодно, ударные пріемы, какъ надъ долотомъ, не позволяли выдерживать ударовъ—и изломанныя спутницы столярныхъ работъ пополняли складищный хламъ или передѣлывались на ножи.

IV. Въ хлѣву.

Если вѣрно, что „изба красна пирогами“, да прибавимъ—привѣтливостью жильцовъ, то не менѣе будетъ справедливо и то, что хлѣвъ красенъ пріюченнымъ здѣсь скотомъ. Много послѣдняго, хорошо онъ удержанъ, отвѣчаетъ на неширокіе хозяйственные спросы—„ци рожна-жъ хоцѣць“ [695]) больше? Что нужды въ породистости скота? На что тутъ какой-нибудь англійскій ломовикъ и скакунъ, орловскій рысакъ, шведка, вятка? Одни разнесутъ дряблый хлѣвишко, другіе—экипажъ и ѣздоковъ! На что эти коротконогіе, но съ грузнымъ, корпусомъ дургáмки, длиннотѣлыя голландки, „страшéнныя турóльки“ [696]), холмогóрки? Опять же—и хлѣвъ и людей разносить да потреблять двойную пропорцію корма?! На что, наконецъ, эти „шлёнскія“ [697]), бокинскія овечки, а тѣмъ болѣе—курдючныя, мериносы, или—безшерстныя, англійскія, французскія свиньи? Однѣ изъ такого набора иноземныхъ

животныхъ не перенесутъ климата и, тѣснѣйшимъ образомъ, мѣстнаго хлѣва, а другія потребуютъ непроизводительнаго ухода.

Совсѣмъ иное дѣло, когда лошадь, напр., можетъ протащить кладь, „визѐню“ пудовъ въ 25, „протрюхыиць“ въ часъ верстъ 8, да въ двое сутокъ подниметъ десятину земли, а потомъ „отхарчуитца“ чѣмъ Богъ послалъ иногда на обглоданной межѣ парнаго поля, на выгонной околицѣ и тутъ же напьется изъ попутной дождевой лужицѣ. То же и съ многотерпѣливою, всепереносящею коровкою: дастъ она въ годъ теленочка, въ молочную пору—3-4 бутылки молока, не разрушитъ хлѣвной загорожи, яслей, дверей, станетъ уходить отъ аршиннаго „дубцá“ [698]) въ рукахъ пятилѣтняго ребенка, да пропитается соломкою съ крыши, водою изъ свиного логова въ „мочулѣ“,—ну, можно ли требовать большаго отъ низкорослой, „требушистой коровенки“? А заморская свинья развѣ перенесетъ невзгоды кормленья и тѣ неизбѣжныя въ деревенскомъ быту „вытни“! да „кляпыши“ [699]), которыми чаще другихъ домашнихъ животныхъ уснащаются свиньи?! Неприхотливый простолюдинъ довольствуется чисто мѣстнымъ скотомъ, дорожитъ собственною „годóвлій“, а если наступила незадача, плохо ведется скотъ, не молочны коровы,—что свидѣтельствуетъ о какомъ-нибудь скотоводственномъ уклоненіи [700]), то достаточно будетъ смѣнить „мась“, сдѣлать „отводъ“ изъ благонадежныхъ рукъ, или же обратиться за помощью къ завѣдомымъ знатокамъ скоторазводнаго и скотоохранительнаго дѣла. При смѣнѣ, или „отводѣ“ скота, осязательно только смѣняется одна „мась“ на другую, вводится свѣжая особь, которая ни ростомъ, ни навыками, ни переносливостью не отличается отъ прежнихъ, потому что добывается изъ „пéвныхъ [701]) рукъ“, а эти послѣднія владѣютъ опять же скотомъ мѣстнаго происхожденія.

Оставляя въ сторонѣ хозяйскія отношенія къ жильцамъ хлѣва, сказывающіяся въ уходѣ, заботахъ о размноженіи хозяйственныхъ пособниковъ, и пользованіе тою или другою силою,

достаточно будетъ остановиться на нихъ, какъ предметахъ обиходности, безъ которыхъ жизнь деревлянина не можетъ быть сочтена полною, а если этотъ деревлянинъ хотя и „лыкомъ шитый жйхаръ“, то и совершенно невозможною. „Сѣсь на жйхырство“ можно тогда лишь, когда при землѣ, кое-какой усадьбѣ, есть и домашній скотъ—жильцы хлѣва, по преимуществу, къ которымъ, въ видѣ придатка, присоединяются остальныя домашнія животныя.

Въ общемъ составѣ животныя даннаго хозяйства извѣстны подъ слѣдующими, нерѣдко въ одномъ и томъ же „жйхырству“ безразличными именами: „ста́токъ, стачйна, животы, живоцйна и бы́дло, быдлё“. При болѣе внимательномъ различеніи именъ, однако, можно отмѣтить и нѣкоторую особенность ихъ: такъ, подъ „ста́ткомъ, стачйной“ разумѣются животныя безъ птицъ, собакъ, кошекъ; подъ „живота́ми, живоцйной“—безъ двухъ послѣднихъ; подъ „бы́дломъ же, быдлёй“—исключительно нечистыя животныя—лошади, собаки, кошки. Въ виду сего, послѣднія имена сохраняютъ почти бранный смыслъ, когда прилагаются къ людямъ и отдѣльному животному, чистому и нечистому безразлично. Какъ о предметахъ, подведенныхъ подъ разрядъ обиходныхъ, о домашнемъ скотѣ приходится сказать сравнительно немного.

1. Краса табуна, любой конюшни, всяческой ѣзды—„жирябо́къ“—не пользуется тѣмъ почетнымъ положеніемъ, какое отводится ему внѣ крестьянскаго обихода. Въ ѣздѣ, въ работѣ онъ не только разсѣянъ, какъ молодой вѣтреникъ, но и несносенъ, какъ порывистый непосѣдъ, могучій противникъ волѣ правящаго, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мѣстный обычай, изукрашенный суевѣрными предостереженіями, рѣшительно возбраняетъ женщинамъ ѣздить на „жирябку́“. На паствѣ онъ забываетъ ѣду и питье, а отлучившись отъ дому, не въ примѣръ остальнымъ лошадямъ, выказываетъ отсутствіе домовитости. Всѣми такими сторонами, да благодаря нескончаемому одолженію со-

сѣдей, „жирябокъ“ терпимъ лишь, какъ будущій „конь“, къ каковому преобразованію приводитъ его, иногда тощаго, чахлаго, кастрація на 4—5 году.

2. Кастрированіе подлежащихъ домашнихъ животныхъ поручается тому, кто завѣдомо легокъ на руку и кто владѣетъ коекакимъ навыкомъ—сосѣду, родственнику, или даже односемьянину. Въ отношеніи же „жирибка“ это дѣло справляетъ вполнѣ опытный, извѣстный въ окружицѣ, захожій коновалъ, при чемъ не должны присутствовать домашніе. При неопытности коновала и при неуловимыхъ обстоятельствахъ дѣла, кастрація можетъ быть неполною: тогда получается несноснѣйшій „подрѣзъ“—бичъ другихъ лошадей, которыхъ онъ нещадно бьетъ и грызетъ до крови, а въ хозяйственномъ распоряженіи—злой упрямецъ, съ порывистыми, даже дикими выходками настоящаго „жирибка“. При многихъ нерѣдко достоинствахъ такой лошади, хозяева спѣшатъ разстаться съ нею, въ угоду сосѣдямъ и въ огражденіе собственныхъ лошадей.

3. Обычное имя мерина есть „конь“, каковое имя онъ хранитъ до конца дней своихъ и которымъ отличается отъ кобылъ, какъ и отъ своего прежняго имени. Нѣтъ нужды удостовѣрять, что „конь“ является желательною и наиболѣе распространенною лошадью, хотя количественностью немногимъ превосходитъ „заводницъ“.

4. Пока юная кобылка не достигла материнскаго возраста и даже пока не ожеребилась, она называется „жарѣбкой“. Уже послѣ этого она воспринимаетъ и до конца дней удерживаетъ имя „кобылки, кобылы“. Болѣе послушная, понятливая, привязанная къ дому и хозяевамъ, не обиженная послѣдними, подобно мерину, и кромѣ того дарящая хозяйству приплодъ, кобыла стоитъ выше мерина, и если иныя хозяйства обходятъ выращеніе кобылъ, такъ исключительно изъ-за періодическихъ немощей во время же-

рёбаго состоянія и доенія жеребенка. —что приходится на горячее время сельско-хозяйственныхъ работъ.

5. Во все время доенія жеребенка кобыла носитъ обыкновенно съ жалостью произносимое имя „подсо́съ“ [702]), и, нужно сознаться, что только наиболѣе черствый владѣлецъ остается глухимъ къ покорнымъ усиліямъ рабочей кобылки, къ недомоганіямъ ея, и, напротивъ, преобладающее большинство хозяевъ уважаетъ усилія и щадитъ немощи „подсо́са“.

6. Подобно остальнымъ домашнимъ животнымъ изъ отдѣла млекопитающихся, лошадь проходитъ слѣдующія возрастныя стадіи: а) „сосу́нъ, сосуно́къ“—доящійся материнскимъ молокомъ въ первый мѣсяцъ; б) „подсо́съ, подсо́сокъ“—приближающійся къ отдоенію; в) „отсо́сокъ“—отнятый отъ доенья; г) „сиголѣтокъ“ (самка—„сиголѣтка“)—переживающій первое лѣто; д) „пиразі́мокъ“ („пиразі́мка“)—пережившій лѣто и первую зиму; е) „другочо́къ, трицячо́къ“ („друга́чка, трицячка“)—лошадь по второму и третьему году, послѣ чего она воспринимаетъ имя коня или кобылы. Къ сему остается прибавить, что за жеребенкомъ и за другими животными, родившимися въ мартѣ, надолго, иногда на всю жизнь удерживается прибавочное имя „марцо́ваго, марцовика“, который, какъ и его ровесники, считаются лучше „позняко́въ“ [703]) —рождающихся подъ осень.

7. Сколько отъ первоначальнаго ухода, столько и отъ первыхъ запряжекъ сначала въ борону, а потомъ въ легкій экипажъ, да умѣнья „объѣзжать“, зависитъ вся будущность лошади, какъ рабочей силы, какъ выѣздной пособницы. Если это сдѣлано небрежно, неумѣлыми руками, лошадь обнаруживаетъ разныя нетерпимыя уклоненія: „ляно́й“ [704]) конь одинаково несносенъ, какъ и „нату́рливый, съ зато́номъ“ [705]) конь, переноситъ потомъ нескончаемые побои и, несмотря на лучшія казовыя стороны, сбывается съ рукъ, также какъ и имѣющій органическіе недостатки и поврежденія. Впрочемъ, на „ляны́хъ“ лошадей есть от-

дѣльные запросы: горшечники, грузовые извозчики, боящіеся быстрой ѣзды и женщины готовы предпочесть такую лошадь, потому что она не разнесетъ, сравнительно сильна и держитъ тѣло.

8. Если лошадь одинаково хороша въ сохѣ и экипажной запряжкѣ и если при этомъ она не привередлива, не разноситъ, не забирается въ стравежъ, то лучшей не требуется: въ скакунахъ, рысакахъ и „винохо̀дахъ“ [706]) не нуждается простолюдинъ, а иной такъ совершенно не знаетъ въ нихъ толку. Нѣсколько разборчивѣе относится онъ къ лошадиной мастистости, и въ этомъ случаѣ удерживаетъ лошадей той масти, которая лучше пришлась по дому, хотя нельзя не замѣтить, что преобладающими являются гнѣдыя лошади; за ними слѣдуютъ мышатыя, а потомъ—вороныя, сивыя, по большей части, имѣющія несовсѣмъ чистую, а смѣшанную масть. Точно также являются смѣшанными и, кстати, рѣдкостными особями: лошади караковыя, каурыя, саврасыя, буланыя, чалыя и проч. Многихъ изъ такихъ лошадей рѣшительно не любятъ не только въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, деревняхъ, но и въ округжицахъ, и въ этомъ отношеніи замѣчательна судьба строка̀тыхъ, пелёсыхъ или „ла̀плиныхъ“ [707]), лошадей: во многихъ мѣстахъ юго-восточной окраины еще около 1870 г. такіе, по мѣстному, выродки изводились, а настоящая пѣганка, попавшая сюда заѣздомъ, составляла диковинку и предметъ любопытства, въ то время, когда на 10-тиверстномъ, напр., пути отъ ст. Борковичъ до м. Волынцевъ, Дрис. у., половинная часть крестьянскихъ лошадей состояла изъ пѣганокъ всевозможныхъ оттѣнковъ.

9. Переживъ всѣ возрастныя ступени юности и достигнувъ кое-какой зрѣлости, послѣ „триццика̀, трицця̀чки“, юная коровка вплоть до отеленія извѣстна подъ именемъ телки, тогда какъ быкъ того-же возраста воспринимаетъ имя „кнóра, кнòроза“ [708]), подъ которымъ онъ извѣстенъ, какъ „заводникъ“, до конца дней своихъ. Подготовляемый собственно для рабочей, упряжной надоб-

ности „бычанокъ“ кастрируется на второмъ приблизительно году и получаетъ кое-гдѣ имя „рогача“.

10. Корова первотёлъ носитъ имя „пярвосцинки“, которое удерживается за нею лишь до второго отеленія („другачка. другосцинка“). Въ нерѣдкихъ случаяхъ „пярвосцинкый“ становится слишкомъ юная, вступившая въ третій годъ жизни коровка. Ясно, что теленокъ такой коровки, какъ и молочные дары ея, ничтожны, жалки. По пословицѣ—„первый плодъ за плотъ“ [709])—жалкое новорожденное теля уничтожается, и порядочные хозяева спѣшатъ „запусцицъ первосцинку“, тогда какъ алчная голь не стѣсняется немедленнымъ пользованіемъ молока, количество котораго едва-ли можетъ превысить количество молока доброй козы...

11. При нормальномъ отеленіи, да при менѣе корыстномъ отношеніи хозяевъ къ молоку, дойная корова пользуется „межмоло́комъ“, и пока длится послѣдній (отъ явнаго обнаруженія стельности до цёлу“), корова „запускаитца“ и въ это время называется „пирадойкый“. Наравнѣ съ нею называется „пирадо́йкый“ и яловая корова (яловка), хотя передой послѣдней затягивается иногда чуть не на годъ, тогда какъ первой—мѣсяца на дватри.

12. Быть можетъ, въ виду службы первымъ жизненнымъ потребностямъ, корова отличена отъ всѣхъ домашнихъ животныхъ такимъ или инымъ именемъ („звиска“), Эти имена даются: а) по цвѣту масти—„рыженя, буреня, билѣня, чарноха, бялоха, рыжёха, рябоха, половоха“ [710]),—б) отъ нѣкоторыхъ дней недѣли, на кои пришлось рожденіе данной коровы—„сирядоха, чицвярёха, пяцёха, субоха“—и в) отъ случайныхъ наименованій—„войтовка, титовка, цыганка, жидовка, звяздонька“ [711]) и проч. Остальная домашняя мелкота, за исключеніемъ развѣ собаки, носитъ только родовое имя—„шкырка (овца,) козка (коза), дюшка (свинья), труска (кроликъ) и кицка (кошка)“ [712]).

13. Изъ сказаннаго о лошадяхъ и коровахъ почти ничего нельзя примѣнить ни къ овцамъ, ни тѣмъ менѣе къ козамъ, которыя изрѣдка и въ отдѣльныхъ хозяйствахъ становятся жильцами хлѣва. Да и самое отношеніе хозяевъ къ этимъ жильцамъ непохоже на отношеніе къ ихъ сотоварищамъ: если не считать насильственнаго сниманья шерсти (овцы стреноживаются) раза два въ годъ, то все отношеніе хозяевъ состоитъ лишь въ двухъ конечныхъ положеніяхъ овцы и козы—при рожденіи онѣ выносятся изъ хлѣва, чтобы охранить отъ холода, а при концѣ жизни—когда наступило время для убоя. Правда, овцу и козу не слишкомъ „хворостятъ", не гоняютъ „клибиный" 713), подобно другимъ животнымъ; зато имъ нѣтъ и того вниманія, какое отдается лошади, коровѣ, свиньѣ: зимою онѣ на подножномъ корму, питаются вокругъ да около, а лѣтомъ—пристяжные, между-прочемные прихвостни стада. Даже самый поминъ о нихъ отличается отъ помина о другихъ животныхъ: о послѣднихъ „мярькуюць" на разные лады, „раютца" 714) при ихъ болѣзняхъ, на предметъ улучшенія выкорма, добротности; объ овцѣ и козѣ достаточно знать, что онѣ въ хлѣву и что внѣ его не попались волку.

14. При видимой непритязательности хлѣвного помѣщенія, въ послѣднемъ, однако, отводится кое-какой, прочно отгороженный уголъ для свиней, который запирается то дверью, то подъемною доскою, и сюда набрасывается солома для образованія „свинячій мярлоги". Примѣнительно къ сему идутъ хозяйственныя заботы о прокормѣ свиней: кромѣ мякины на зиму для нихъ запасаются „охряпы 715), сѣчинка", безъ которыхъ свиньи не остаются и лѣтомъ, готовится „поспа"; на паствѣ подбираются любимыя свиньями мѣста. Все это далеко непохоже на заботы объ овцѣ и козѣ. Если „поросная" свинья плохо доитъ поросятъ, таковые подпаиваются коровьимъ молокомъ; послѣ „отсадки"—что въ крутыхъ обстоятельствахъ приходится черезъ 6 недѣль, поросятамъ подается мучная, сравнительно тонкая „мѣшинка"; въ дальнѣй-

шемъ „кожа̀натый [716]) порсючо̀къ“ тщательно вымывается въ крѣпкомъ щелокѣ, табачномъ настоѣ, даже вычесывается. Ставъ „крима̀нымъ [717]) порсюко́мъ“ мѣсяцевъ чрезъ 6, поросенокъ дѣлается подсвинкомъ, въ каковомъ состояніи юный боровъ и свинка остаются до „поро̂сности“ второй и, соотвѣтственно сему, полной зрѣлости перваго. Оставаясь „заво̀дницей“ во всю дальнѣйшую жизнь, свинья получаетъ имя „ко*р*мный“, когда откармливаньемъ подготовляется къ убою, между тѣмъ какъ боровъ, выйдя изъ состоянія подсвинка, до кастраціи, извѣстенъ подъ именемъ „килаш*а*“, а послѣ нея онъ—„вапѐрь, вапр*ю*къ“; выкармливаемый же для убоя, получаетъ послѣднее имя кормнаго, „килб*а*сника“ [718]), на которомъ въ тѣсной „зас*а*дцы“ кончаетъ свою жизнь.

Таковы въ именахъ желательные, хотя и не вездѣ наличные жильцы хлѣва—краса, подспорье, богачество деревенскаго хозяйства. Размѣстившись то по загородкамъ, то вольно, при полномъ доступѣ другъ къ другу, эти „нав*о*зники“ служатъ общимъ и розничнымъ нуждамъ хозяйства, свыкаются одинъ съ другимъ до поразительной любви и уступчивости. Есть отдѣльныя положенія когда обитатели хлѣва плохо ѣдятъ безъ отлучившейся лошади, не идутъ на водопой, если туда не сопутствуетъ, повидимому, надоѣдливая свинья и ничѣмъ не взявшая овца. Несомнѣнно, все это не можетъ почесться враждебнымъ дому и хозяйству, при очевидныхъ даже крайностяхъ дѣла и можно удостовѣрять, что именно къ дружному сожительству „стач*и*ны“, по мѣрѣ возможности, направляются многія заботы хозяевъ, между которыми прежде всего нужно считать кормленіе и поеніе скота. При сѣножатномъ недородѣ, или, какъ говорится, при „умалѐнни“ сѣна, лошади, коровы и ихъ спутники—овцы пользуются одною общею „цѐрнецый, сколо̀циными [719]), рѣззій“: быть можетъ, такая общая нужда хлѣвныхъ жильцовъ и сближаетъ ихъ, по крайней,

мѣрѣ, замѣтно, что въ захудалые годы и въ захудалыхъ хозяйствахъ скотъ какъ-то дружнѣе...

Когда хозяйственное дѣло не подверглось указаннымъ невзгодамъ, т. е. когда есть вдоволь сѣна и соломы, лошади съ спутницами кормятся отдѣльно и „стоятъ на сѣнѣ", тогда какъ коровы довольствуются яровою соломою, съ примѣсью и безъ примѣси къ ней сѣна. Тогда кормъ подается раздѣльно, и къ домашнему сѣну припускаются лошади и ихъ подножники—овцы и телята, до „подццѣлковъ" включительно. Посему, примѣнительно къ корму, кормовыя вмѣстилища располагаются въ отдѣльныхъ загородкахъ—„ст*а*йнѣ и кор*о*внику". Эти немудреныя вмѣстилища извѣстны подъ именемъ „др*о*бывъ, дроб*и*нъ".

Какъ видно было раньше (см. окончаніе I гл. настоящаго отдѣла), лошади, а изрѣдка и коровы получаютъ мелкій кормъ (сѣно, труху, „рѣзь", мякину, „в*о*трину и даже „пилюх*у*") изъ старой молочной „скр*ы*ни", вмѣсто которой нерѣдко можно встрѣтить ящикъ совершенно одинаковаго съ нею построенія, только безъ крышки, и относительно ниже ея. Но собственно для закладки сѣна въ „ст*а*йни" имѣются особыя сооруженія—„др*о*бы, или дроб*и*ны", которыя бываютъ привѣсными (къ стѣнѣ) и стоячими (среди хлѣва, или отдѣленія его). Первыя состоятъ изъ лѣстницы различной длины съ густыми жердочными поперечками (ступенями), не длиннѣе 1 арш. и 4 верш., которая привѣшивается къ стѣнѣ поперекъ, при чемъ нижняя сторона, прилегающая къ самой стѣнѣ, покоится на двухъ деревянныхъ крюкахъ [720]), вколоченныхъ въ стѣну, а верхняя, въ отступѣ отъ той же стѣны на 1 арш., придерживается веревкою. Если „др*о*бы" разсчитаны на одну лошадь, онѣ не бываютъ длиннѣе 1 арш. и 8 верш., на двухъ лошадей—онѣ доходятъ до 2 арш. Но въ этомъ случаѣ, какъ при большемъ числѣ лошадей, употребительнѣе стоячія „дроб*и*ны", и послѣднія состоятъ или изъ двухъ равномѣрныхъ „дробъ", внизу соединенныхъ вмѣстѣ, вверху же рас-

ходящихся въ стороны, или тѣ же „дробы“ внизу имѣютъ одну общую перекладину, куда неподвижно и разъ навсегда вколочены наискось „дробинныи паренчины“ [721]) нижними концами. Тѣ и другія „дробины“ покоятся на двухъ козлахъ изъ кольевъ, верхній разводъ которыхъ приспособленъ къ угловому разводу „дробинъ“. Такимъ образомъ стоячія „дробины“ оказываются приподнятыми подъ хлѣвною поверхностью, а если таковая съ теченіемъ времени поднимается, тогда перемѣщаются колья козелъ,— что такъ нетрудно дѣлать въ мягкомъ всегда навозѣ.

Лежачія „дробины“ неоцѣненны при скоповомъ кормленіи скота: тутъ послѣдній можетъ подойти къ нимъ со всѣхъ сторонъ при чемъ крупныя животныя выбираютъ кормъ чрезъ борты „дробинъ“, тогда какъ подножники, безъ стѣсненія себя и сожителей, могутъ выбирать его изъ перекладинныхъ промежутковъ или подбирать таковой подъ „дробинами“, подъ отвислыми сторонами послѣднихъ.

Каковы „дробины“ въ лошадиномъ помѣщеніи, таковы онѣ и въ коровьемъ, за исключеніемъ развѣ того, что рѣшеточныя перекладины, удерживающія въ послѣднемъ лишь солому, отстоятъ одна отъ другой нѣсколько шире, верш. на 4, тогда какъ сѣнные „дробины“ имѣютъ такой отступъ лишь на 3 верш. и менѣе. Но кромѣ лежачихъ „дробинъ“, на всякій случай, тутъ же имѣются и подвѣсныя; если же скотъ размѣщенъ по отдѣльнымъ котухамъ, то „дробы“ торчатъ въ каждомъ изъ нихъ. Здѣсь можно видѣть, что парные крюки для „дробъ“ расположены въ двухъ-трехъ мѣстахъ стѣнъ, но на различной высотѣ: при началѣ зимняго кормленія „дробы“ прилаживаются на самую низкую пару крюковъ, а по мѣрѣ увеличенія навоза, онѣ перемѣщаются на болѣе высшіе, такъ что къ навозной толокѣ первыя пары крючьевъ почти скрываются въ навозѣ...

Съ выгономъ скота на паству и, въ особенности, въ день навозной толоки, всѣ „дробы и дробины“ выносятся изъ скотныхъ

помѣщеній и сваливаются гдѣ ни попало; между прочимъ, нѣкоторыя изъ нихъ становятся пряслами временныхъ загорожъ, или же временными калитками въ загорожахъ, лѣстницами на ско́рую руку, даже подпорками фруктовыхъ деревьевъ.

Въ преддверіи хлѣва, со стороны двора, обязательно висятъ на стѣнѣ, или же стоятъ прислоненными къ ней извѣстныя „кро́шни“, служащія для ношенія корма въ хлѣвъ изъ складищъ. Какъ извѣстно, „кро̀шни“ состоятъ изъ двухъ равномѣрныхъ тонкихъ дугъ почти аршиннаго радіуса, соединенныхъ въ отверстіи короткими (верш. въ 3) веревочными перевязями и переплетенныхъ веревочными ячеями. Когда послѣднія сдѣланы гуще, такъ что въ нихъ задерживается мелкое сѣно, „кро̀шни“ называются „ре́згинами“. При всей заботливости, съ какою переносится сѣно въ „кро́шнихъ, или рѐзгиныхъ“, оно все-таки оттирается при зацѣпѣ за попутные предметы и просыпается,—какъ о томъ упомянуто въ VIII гл. предыдущаго отдѣла, и наиболѣе разсчетливые хозяева на сей случай имѣютъ особыя „кошалы“ —большія лучинныя корзины, въ отдѣльныхъ хозяйствахъ служащія гусинымъ гнѣздомъ весною; лѣтомъ въ нихъ переносится и подается лошадямъ сырая трава.

За отсутствіемъ „кро̀шинъ и кошёлъ“, скотскій кормъ переносится „біре́мыми“ [722]), въ просторномъ холщевомъ мѣшкѣ; или же для того служитъ „пихце́рь, пихцѐль“ [723])—веревочный съ густыми ячеями мѣшокъ, затягивающійся въ устьѣ особою веревочною стяжкою. Какъ извѣстно, „пихце́рь“ предназначается собственно для путевыхъ надобностей: служа хранилищемъ дорожнаго сѣна, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ служитъ удобнымъ сѣдалищемъ въ экипажѣ; но такъ какъ сѣнные остатки не вытрясаются обратно изъ „пихцирѧ̀“, то послѣдній кладется въ тѣ или другія ясли, гдѣ онъ и опорожняется хлѣвными жильцами. Посему „пи̊хце́рь“ значительно чаще можно видѣть вмѣстѣ съ „кро̀ш-

ними“, или же на мѣстѣ ихъ, чѣмъ въ возовнѣ и другихъ мѣстахъ.

V. Въ возовнѣ.

Какова наличная возовня, отчасти можно было видѣть изъ легкаго помина о томъ въ V и VI гл. предыдущаго отдѣла. Это —не специальное строеніе для экипажей, а скорѣе—случайное помѣщеніе для нихъ: повѣть, кое-какой навѣсъ, даже чердакъ сквозной повѣти называются возовнею, если только въ подлежащее время (лѣтомъ—сани, зимою—телѣгу) они пріючиваютъ тотъ или другой экипажъ. Нѣтъ такихъ притоновъ, экипажи стоятъ въ пунѣ, на току, а при безпечности хозяевъ, хозяйственной распущенности—просто подъ открытымъ небомъ, при чемъ достаточно будетъ, если сани, напр., стоймя приперты къ стѣнѣ, забору, а съ телѣжныхъ осей сняты на зиму колеса, отдѣленъ передокъ, да корпусъ телѣги также стоймя покоится при стѣнѣ, заборѣ, подъ стрѣхою. Все это тѣмъ безнаказаннѣе, что ржавѣть тутъ нечему, потому что мѣстный самодѣльный экипажъ состоитъ изъ однѣхъ чисто деревянныхъ частей; но это же иногда оказывается даже выгоднымъ: дождь и слякость смоютъ грязные прилипы, а послѣдующее затѣмъ ведро и вѣтеръ высушатъ смоченные экипажи, близость которыхъ къ рукамъ такъ необходима бываетъ въ самую, повидимому, неподходящую пору [724]).

Множественное имя экипажей только въ отдѣльныхъ, широкихъ хозяйствахъ можетъ быть разсматриваемо, какъ названіе разновидностей ихъ, то лѣтнихъ, то зимнихъ: у преобладающаго большинства оно служитъ лишь указаніемъ на дубликаты, у прибѣдненнаго же меньшинства, довольствующагося одною лишь телѣгою и санями—указываетъ только на эти два экипажа. На самомъ дѣлѣ нерѣдко приходится видѣть, что нынче въ телѣгѣ вывозился навозъ, завтра въ ней, на подкинутой охапкѣ соломы, или „пихцярю“. ѣдутъ на базаръ, въ путь, послѣ котораго те-

лѣга притащитъ изъ лѣсу дрова, съ поля снопы, съ луга сѣно, въ поле и обратно доставитъ соху, борону, въ промежуткахъ доставитъ воды изъ отдаленнаго водоема и, наконецъ, она доставитъ по назначенію какого-нибудь наемщика, проѣзжаго чина. Соотвѣтственно сему однѣ и тѣ же сани справятъ всяческую службу зимою. Разница, здѣсь та, что при рабочемъ положеніи, оба экипажа остаются оголенными, тогда какъ при путевомъ задъ и передъ кое-какъ переплетаются веревками, въ кузовѣ помѣщается ворохъ соломы, сѣна, а если предстоитъ дальній путь, то и „пяхцеръ" съ сѣномъ. Такимъ образомъ содержимое возовни есть телѣга и сани, которая въ лучшихъ хозяйствахъ бываютъ дубликатами и только въ широкихъ представляютъ разновидности, примѣнительно къ тѣмъ и другимъ хозяйственнымъ нуждамъ.

1. Простѣйшій видъ телѣги, необходимой во всякомъ хозяйствѣ, есть „колёсы"—телѣжный экипажъ о 4 колесахъ, за исключеніемъ послѣднихъ, сработанный дома, личными усиліями хозяевъ. Матеріаломъ для „колёсъ" служитъ подручный, средней плотности лѣсъ [725]), а обрабатывающими инструментами—топоръ, долото да буравъ. При наличности матеріала и инструментовъ сооружаются слѣдующія части телѣжнаго корпуса („одёръ") и дополнительныя къ нимъ: а) двѣ равномѣрныя подушки—доски толщиною въ 2—3 верш., вышиною въ 4—6 верш. и длиною въ 12—14 верш.; подушки размѣщены надъ осями, съ которыми онѣ и соединяются—задняя неподвижно, а передняя при помощи шворня; б) связью подушекъ служатъ двѣ равномѣрныя „накладки" [726])—средней толщины жерди, прочно придѣланныя къ верхнимъ краямъ подушекъ и концами спускающіяся взадъ и впередъ, при чемъ, если на „накладки" пріисканы крючковатые „копанй", такъ онѣ заканчиваются крючьями, бородками внизъ; за неимѣніемъ таковыхъ, въ тѣ же концы „накладокъ" вколачиваются и заклиниваются прочные шипы 3-хъ-вершк. длины,—что опять же даетъ необходимые крючья [727]); в) второю связью подушекъ слу-

житъ „тройня“—изгибистый самородокъ, стесанный въ брусъ и туго заправленный въ нижнія стороны подушекъ, на срединѣ ихъ; своимъ изгибомъ „тройня“ [728]) доходитъ до телѣжнаго помоста, а концами верш. въ 2 выступаетъ спереди и сзади подушекъ; г) въ „колёсахъ“, предназначенныхъ для грузовыхъ поклажъ и имѣющихъ сравнительно длинный корпусъ, есть третья связь—„подтроикъ“—ровный брусъ толщиной верш. въ 2: однимъ концомъ онъ прочно помѣщается рядомъ съ „тройней“ въ задней подушкѣ, между ею и осью, а другимъ подъ передней осью, и чрезъ этотъ конецъ его проходитъ „шворень“ [729]). Чтобы передній конецъ „подтройка“ не опускался внизъ, его подвязываютъ къ „тройнѣ“ веревкою, или скрученною хворостиною; д) непосредственно за „накладками“ (онѣ же—крюки) въ верхнія ребра подушекъ туго и нѣсколько наклонно во внѣшнія стороны вколачиваются 4 „ручки“, по двѣ въ каждую подушку; „ручки“ служатъ потомъ опорами для боковыхъ досокъ, составляющихъ колесный кузовъ; е) верхняя оконечность каждой „ручки“ дѣлается съ пробоиною (отъ зада къ переду), чрезъ которую туго проходитъ „дўжка“—согнутая дугою „клибина“, тѣмъ и другимъ концомъ, въ разстояніи другъ отъ друга верш. на 8—10, задѣланная въ „накладку“: боковыя доски кузова, пройдя между „ручками и дужками“, туго держатся на мѣстѣ и много, если при движеніи „колёсъ“ увеличатъ трескотню, хотя расхлобыставшись подъ старость, онѣ начинаютъ выпадать и тѣмъ вызываютъ нескончаемыя поправки и остановки во время ѣзды; ж) телѣжная настилка, состоящая изъ двухъ-трехъ досокъ, не прибивается, а только накладывается на подушечныя ребра: она держится треия „паклистками“ [730])—узкими дощечками поперекъ корпуса, которыя концами туго задѣланы въ „накладки“. Изъ нихъ серединная „паклистка“ служитъ опорою для настилки и приходится подъ досками, двѣ же конечныя лежатъ на настилкѣ, при концахъ ея. Какъ ни туго придерживается настилка „паклистками“

судьба досокъ та же, что и боковыхъ, т. е. онѣ дребезжатъ и при ѣздѣ выпадаютъ подъ старость [731]); з) вершиннымъ дополненіемъ хотя и не всѣхъ „колёсъ“ служатъ новыя „накладки“— относительно тонкія жердочки, наложенныя поверхъ „ручекъ“ и на концахъ соединенныя согнутыми „клибинами“, что даетъ четыреугольную раму. Такое приспособленіе дѣлаетъ „колёсы“ болѣе нарядными, и они чаще бываютъ путевыми. Если „накладка“ сдѣлана умѣлою рукою, то „колесы“ уже не имѣютъ „дужикъ“, вмѣсто которыхъ на срединѣ той и другой нижней „накладки“ вколочено по одной наклонной, какъ и ручки, узкой дощечкѣ: послѣднія и стесанные концы „ручекъ“ наглухо входятъ въ пробоины вершинной „накладки“ и здѣсь онѣ или заклиниваются, или заколачиваются деревянными гвоздями.

Если къ посильно сдѣланному описанію телѣжнаго корпуса, чаще называемаго „одромъ“, прибавить заднюю ось, которая обыкновенно туго приколачивается къ подушкѣ двумя дубовыми, или кленовыми гвоздями, то получится полный „одеръ“, къ которому уже не трудно добавить передокъ. Въ такомъ видѣ „одеръ“ можно было издавна пріобрѣтать то у завѣдомыхъ мастеровъ, то на ярмаркахъ, и дополнительныя части къ нему приспособлялись дома. Однако, готовые „одры“ пріобрѣтались только тѣми, кто рѣшительно не владѣлъ топоромъ въ столярномъ отношеніи, кто разлѣнился, или кто щадилъ время да не имѣлъ подручнаго лѣса; преобладающее большинство строило его дома, даже въ запасъ, какъ на всякій случай запасалась двумя-тремя осями.

Очурбаненныя „воси“ иногда долгіе годы покоятся вмѣстѣ съ лучинными плахами подъ навѣсомъ и, при надобности, только подтесываются и приспособляются то къ передку, то къ задней подушкѣ, при чемъ на концахъ ихъ, по мѣрѣ ступицъ въ наличныхъ колесахъ, дѣлаются сквозныя пробоины для чекъ, да изъ старой оси перемѣщаются подоски. Та и другая „вось“ совершенно одинаковы и, если бы онѣ не различались подподушеч

ными пробоинами, то весьма удобно могли бы замѣнять другъ друга. Точно также немного ущерба дѣлу принесло бы и перемѣщеніе „колеснаго“ задка въ передокъ: толщина осей и подушекъ одинакова, что, при равномѣрной высотѣ всѣхъ 4 колесъ, даетъ „одру“ ровную горизонтальную поверхность, а ширина и внѣшнее построеніе кузова, даже крючья нижнихъ „пакладокъ“ съ опущенными внизъ бородками, только и позволяютъ отличать передъ отъ зада по прилаженнымъ къ первому оглоблямъ. Сняты послѣднія—и со стороны трудно разобраться, гдѣ передъ и гдѣ задъ „колесъ“.

На самомъ дѣлѣ такого замѣннаго перемѣщенія не бываетъ а напротивъ, отдѣленный отъ корпуса передокъ во многихъ случаяхъ становится экипажною единицею. Такъ при возкѣ бревенъ, жердей, при отвозѣ сохи на пашню дѣло обходится однимъ лишь передкомъ, и если въ первыхъ двухъ рабочихъ положеніяхъ подъ задніе концы бревна, жердей подводится „одеръ“, такъ развѣ для того, чтобы сберечь цѣлость концовъ и, отчасти, не бороздить дороги. Въ свою очередь на верхнюю площадь передка можно уложить хлѣбный мѣшокъ, когда нужно или отвезти сѣмена на ниву съ тока, или уставить кадку, когда нужно съѣздить за водою. Наконецъ, за неисправностью „одра“, дороги, на передкѣ можно даже съ нѣкоторымъ удобствомъ прокатиться въ городъ и мѣстечко, для чего стоитъ только привязать „пихцéрь“ на площадку оси: ноги покойно могутъ опираться на оглобли, или свѣшиваться впередъ [732]). Кто владѣетъ навыкомъ держаться на ногахъ во время ѣзды, тотъ можетъ прокатиться на томъ же передкѣ, подобно древнимъ копникамъ, каковое движеніе мирныхъ конниковъ можно наблюдать во время толочнаго вывоза лѣса... Благодаря многосторонней службѣ передка, какъ самостоятельной единицы, онъ изнашивается скорѣе „одрá“, который переживаетъ два и три передка.

Существенную часть передка составляютъ оглобли, коими на

мѣстѣ бываютъ „гнýцики и кóпани". При построеніи первыхъ, одинъ конецъ оглобельной жерди стесывается до половинной толщины ствола: пока дерево сыро, оно сгибается въ сторону стеса, на положенную тутъ чурку, и въ такомъ положеніи остается до прилаженія къ оси; тогда же конецъ загиба то прибивается деревянными гвоздями къ оглоблѣ, поверхъ послѣдней, то привязывается къ ней прочными веревками, или лозовыми „кручёнками". Оглобли „кóпани" подыскиваются въ лѣсу, и на нихъ идутъ стволы оглобельной березы, имѣющіе толстое корневище. Когда дерево подсохнетъ, корневище стесывается въ доску, по толщинѣ оглобли, посильно округляется и пробивается насквозь, какъ войти стержню оси. При ненадежности „кóпанивъ", округленіе обводится досчатымъ „гнýцикомъ", который вверху и внизу прибивается къ оглобельному стволу деревянными гвоздями, или же прочно привязывается. Послѣднимъ желательнымъ приспособленіемъ оглоблей являются урѣзанные сучки на переднемъ концѣ ихъ, чтобы здѣсь можно было укрѣпить „отóсины" (тяжъ, правило). Если же таковыхъ сучковъ не нашлось, или они приломались, на мѣсто ихъ вколачиваются прочные деревянные шипки.

На оконечности оси, по сю сторону чекъ, надѣваются „натóсники". Въ преобладающихъ случаяхъ они бываютъ деревянные (гнутая удлиненная петля, древесное изъ „кручёнкывъ" путо) и веревочные (толстое кольцо, или же заканчивающійся петлею конецъ „отóсины"). Во всякомъ случаѣ „натóсники" едва доходятъ до 6 верш. длины, и переднія ушки ихъ прочно соединяются съ концами „отóсинъ", тогда какъ противоположные концы туго обматываются вокругъ оглоблей, при сучкахъ, или при шипахъ. Какъ извѣстно, обѣ „отóсины" должны быть равномѣрно и туго натянуты, чтобы тѣмъ удобнѣе дѣлать экипажные повороты. Такому требованію должна отвѣчать прочность „отóсинъ", которыми въ простѣйшемъ случаѣ бываютъ: просто „клиби́ны", древесныя веревки, а въ лучшемъ—толстыя пеньковыя веревки, для проч-

ности, уснащенныя иногда дегтемъ. Обычные нынѣ желѣзные „натóсники“, ременныя или изъ витой проволоки „отѳсины“, какъ и желѣзные крючья на мѣстѣ оглобельныхъ сучковъ, составляли слишкомъ рѣдкостное дополненіе передка и могли быть развѣ у мѣстныхъ богачей да городскихъ и мѣстечковыхъ выходцевъ.

Сработанныя исключительно изъ дерева, мѣстныя „колёсы“ имѣютъ единственное, не дома и не личными усиліями данное дополненіе—„*ко*лы, или катк*и*, покаты“, полный наборъ которыхъ къ одному экипажу называется „стан*о*мъ“. Послѣдній, какъ „повстан*а*“ и даже отдѣльное „*ко*ло“, покупаются у спеціальныхъ мастеровъ колеснаго дѣла на ярмаркахъ, или въ щепныхъ лавкахъ. Благодаря обилію подходящаго лѣса, колесные мастера изготовляютъ исключительно гнутыя ободья, а не дѣлаютъ ихъ составленными изъ выпильныхъ, подобранныхъ плахъ [733]); послѣднія колеса пригодны послѣ оковки и не могутъ соперничать съ „гнўциками“, отслуживающими на мягкихъ дорогахъ по нѣскольку лѣтъ, особенно, если ободья сдѣланы изъ ясеня, клена и вяза. Къ сожалѣнію, мастера употребляютъ для ступицъ мягкодревесныя породы (ольха, береза), которыя легче вытачиваются на немудреномъ кружалѣ, отчего внутренности ступицъ скоро стираются, далеко отстаютъ отъ оси и не переживаютъ ободьевъ. Не будучи укрѣплены желѣзными „банками“ ни снаружи, ни снутри, оконечности ступицъ нерѣдко раскалываются, что вызываетъ отпиловку концовъ и надточки изъ старыхъ ступицъ, чтобы колеса не вихлялись.

Изъ предыдущаго видно было, что отдѣльныя части стараго колеса пригодны на нѣкоторыя хозяйственныя нужды: ступица идетъ на воротный пятникъ, куски обода—на кочергу, на свѣточъ; изъ спицъ вытесываются „загвоздки“, грабельные зубья, клинья; „колоня́ца“ служитъ лѣкарственнымъ дома и служебнымъ въ клѣти снадобьемъ [734]). Но и въ цѣломъ старое колесо опять же не непригодно: на срубленной макушкѣ дерева, или на крышѣ

утверждается оно для гнѣзда „буцина (бусла)“ [735]), а въ Купальскій вечеръ молодежь создаетъ оригинальный экипажъ, въ которомъ вывозитъ на урочное мѣсто и тамъ сжигаетъ „злыдни“ вмѣстѣ съ экипажемъ и двигателями его—„покатами“ [736])...

Болѣе благоустроенныя „колёсы“, т. е. имѣющія защищенный спереди и сзади [737]) кузовъ и служащія, по преимуществу, для выѣздныхъ надобностей, дѣлаются иногда съ подножками по обѣ стороны кузова, которыя есть не иное что, какъ выходящая концами серединная „пàклистка“. По своему устроенію послѣдняя должна быть тонка, а потому концы подножекъ обязательно подвязываются веревками, или соединяются деревянными подпорками съ верхнею „наклáдкой“, иначе онѣ скоро отламываются. Высокіе сравнительно „кòлы“, оси, подушки—вызываютъ значительный, непривычный подъемъ ноги на подножки, когда нужно влѣзть въ „колёсы“; въ такомъ случаѣ гораздо удобнѣе влѣзать, ставъ сперва на ступицу, а потомъ на ободъ,—что и дѣлаетъ большинство ѣздоковъ,—или же взбираться туда подскокомъ, непосредственно съ земли [738]),—что совершенно доступно молодымъ и среднихъ лѣтъ мужчинамъ. Въ чисто рабочихъ, простѣйшихъ „колёсахъ“, гдѣ нѣтъ передняго и задняго зашива въ кузовѣ, влѣзать гораздо удобнѣе сзади, потому что здѣсь приходится влѣзать прямо на телѣжную настилку, которая взрослому человѣку приходится ниже пояса.

Какимъ бы образомъ ѣздокъ ни влѣзъ въ „колёсы“, сидѣнье его тамъ заслуживаетъ нѣкотораго помина. При парадной ѣздѣ, или когда неловко сидѣть избочась, неловко прилечь, ѣздокъ сидитъ, протянувъ ноги впередъ горизонтально,—къ чему обязываетъ соломенная или сѣнная подстилка, равномѣрно разметанная по всему кузову. Свадебные поѣзжане, кумовья съ младенцемъ и вообще всѣ ѣдущіе съ кучеромъ, усаживаются въ самый задокъ, чтобы дать мѣсто правящему лошадьми, который если не сидитъ на „пристежкѣ“, на привязанной въ передкѣ доскѣ, то

пріючивается промежъ ногъ сѣдоковъ, при чемъ его собственныя ноги или частью, или до колѣнъ свѣшиваются съ настилки. Въ этомъ случаѣ ѣздоки и кучеръ, сидя прямо надъ осью „оддрягываюць“ тѣло на самомъ короткомъ пути,—переносить что́ обязываетъ одна лишь парадность ѣзды. Внѣ парадности ѣздокъ помѣщается на срединѣ кузова, при чемъ горизонтально протянутыя ноги его цѣликомъ покоятся въ кузовѣ, упираются или лежатъ пятками на передней „паклисткѣ“, а помѣщенный сзади „пихцéрь“ служитъ лишь опорою для спины, или позволяетъ облокотиться на него, избочениться, когда лошадь идетъ шагомъ. При недалекомъ пути да одиночномъ сидѣньи, ѣздокъ блажитъ себя лежаньемъ, и въ этомъ случаѣ онъ покоится на животѣ, легка приподнявъ голову и протянувъ ноги назадъ, которыя у долговязыхъ свѣшиваются позади „колёсъ“, пальцами внизъ [739]). Когда же ѣздокъ направляется по чисто рабочимъ надобностямъ и въ оголенной телѣгѣ (за дровами, на сѣнокосъ, на поле), что предполагаетъ недальній переѣздъ, то онъ или торчитъ на „накладкѣ“, между тѣмъ какъ ноги его опираются на телѣжную настилку, или же сидитъ на послѣдней, перевѣсивъ ноги черезъ телѣжный бортъ въ ту, или другую сторону. Это—одно изъ неудобныхъ сидѣній, несмотря даже на незначительную высоту бортовъ, къ которому прибѣгаютъ тѣ, кто „измýливсь“ сидѣньемъ на голой настилкѣ и борту, или кто забылъ ѣзду „у-стóичку“, не можетъ держаться на ногахъ. Однако, забыть стоячую ѣзду трудно: съ наступленіемъ навозныхъ толокъ каждый 10-лѣтній мальчикъ и дѣвочка проѣздятъ стоймя не одинъ день, когда съ опорожненною, но грязною телѣгою они галопируютъ съ поля за новымъ навозомъ; это же потомъ подновляется съ возрастомъ мальчиковъ, когда, отвезя съ поля или луга возъ, они спѣшатъ туда порожнемъ за новымъ возомъ.

Описанныя съ возможною подробностью „колёсы“ есть прототипъ всѣхъ другихъ лѣтнихъ экипажей, рабочихъ и выѣздныхъ

безразлично, при чемъ, за исключеніемъ одноколки, они будутъ разниться лишь удлиненнымъ корпусомъ, построеніемъ сторонъ кузова, а изрѣдка—длиною осей: въ послѣднемъ случаѣ экипажъ не попадаетъ въ проторенныя колеи и идетъ по новымъ. Къ такимъ экипажамъ, значительно рѣдко встрѣчающимся, принадлежитъ:

2. „Нарѧдъ, понарѧдъ“ [740]), корпусъ котораго верш. на 10 длиннѣе и шире „колёсъ“. Этому соотвѣтствуетъ и бо̀льшая прочность, даже громоздкость экипажа, въ который запрягается болѣе дюжая лошадь, а при легкомъ проѣздѣ—пара лошадей. „Нарѧдъ“ употребителенъ лишь тамъ, гдѣ дороги не гористы не изгибисты, гдѣ не предстоитъ ни лѣсныхъ, ни каменныхъ зацѣповъ и гдѣ имѣются болѣе добротныя лошади. При отсутствіи всего этого, „нарѧдъ“ или совершенно не изготовляется, или же долгіе годы покоится безъ всякаго дѣла.

3. „Дробйны“ имѣютъ ширину „нарѧда“, а длиною превосходятъ его на аршинъ и болѣе. Такъ какъ „дробйны“ предназначаются исключительно для возки сноповъ, сѣна, гороха и соломы, то онѣ съ боковыхъ сторонъ и даже спереди имѣютъ рѣшетчатыя стѣнки совершенно одинаковаго построенія съ хлѣвными „дробйнами“, прилаженныя наискось, во внѣшнія стороны и нижними концами туго вправленныя въ „накла̀дки“. Такая же „дробйнная“ рѣшетка дѣлается вмѣсто настилки.—Отслуживъ свою короткую службу, „дробйнный одёръ“ мирно покоится въ вcovнѣ, или, перевернутый вверхъ, нѣкоторое время служитъ засадкою для гусей и индюковъ, для чего достаточно прислонить къ открытой задней сторонѣ праздную „дрѻбу“, дверь, или же приладить загорожи изъ досокъ... Внѣ крестьянскаго обихода „дробйны“ составляютъ совершенно необходимый экипажъ у горшечниковъ, съ единственною разницею, что здѣсь „дрѻбы“ помѣщены со всѣхъ четырехъ сторонъ кузова.

4. Еще рѣже входятъ въ обиходность „дроги“—извѣстные рòспуски, которымъ на самомъ дѣлѣ трудно подыскать практическое приложеніе. Какъ и нынѣ, „дроги“ попадались лишь у предпріимчивой „подгорòдицы“ да мѣстечковыхъ, пришоссейныхъ сосѣдей, и онѣ не имѣли ни страшной величины, ни громоздкости ломовиковыхъ роспусковъ: тѣ же оси, подушки, какъ въ „колёсахъ“, и только саженныя и болѣе „накладки“ да прямая „тройнй“ отличали ихъ отъ прототипа. Тутъ нѣтъ ни ручекъ, ни „боковинъ“, ни помоста: крупные камни, кирпичи, мѣшки съ хлѣбомъ и мукою, даже дрова, довольно удобно держатся между „накладками и тройней“, которая здѣсь не такъ низко отстоитъ, какъ въ „колёсахъ“.

5. Люди зажиточные, или „бярỳщіи на пыхи“, городскіе и мѣстечковые выходцы заводили „кылымáжку, или кырыфáшку“—красивую повозку, у которой, кромѣ благоустроеннаго кузова изъ лозовыхъ плетенокъ или луба, имѣлась спинка съ лавочкою для сѣдока и отдѣльная лавочка для кучера, прочныя подножки и выемки надъ ними въ „боковинахъ“, чтобы удобнѣе влѣзать, и даже розничныя по высотѣ заднія и переднія „кòлы“. Въ лучшемъ случаѣ эти послѣднія бывали „кỳтыми“ и запирались желѣзными „зàгвызками“ [741]).—Ясно, что такой экипажъ былъ только выѣзднымъ и сберегался не хуже, чѣмъ, примѣрно, „бòты и чиравики“; при всемъ этомъ „кылымàжка“ изнашивалась относительно скоро, потому что таковая нескончаемо одолжалась подъ проѣзды „свадёбниковъ“, или сановитыхъ лицъ. Будучи безъ рессоръ, она „рыздрáгывыла“ не хуже „колёсъ“, такъ какъ въ ней приходится сидѣть надъ осями, и могла предпочитаться имъ только по своей благоустроенной внѣшности.

6. Для легкаго и короткаго проѣзда выгоднѣе всѣхъ лѣтнихъ экипажей могла бы почесться „бѣдá“ (вертушка), если бы она имѣла болѣе устойчивости. При слѣдованіи по грязной, рытвинной дорогѣ, при зацѣпахъ, всходѣ на камень одною стороною,

распряжкѣ лошади и друг., „бѣда̀“ можетъ причинить дѣйствительную и неожиданную бѣду. Но легкость построенія, какъ и ѣзды въ ней, призываетъ къ „бѣдѣ“ гораздо скорѣе, чѣмъ къ парадной предшественницѣ ея. Въ самомъ дѣлѣ: стоитъ прибить къ заурядной оси двѣ толстыя жерди (оглобли), поперечку къ нимъ, въ отступѣ отъ оси верш. на 12, наложить по сю сторону поперечки двѣ накладки, да укрѣпить на нихъ кое-какой кузовъ, хотя бы ненужный ящикъ, или корзину—и „бѣда“ готова!.. Любители „бяды̀“, однако, даютъ ей лучшую обработку, по крайней мѣрѣ, кузова, почему она и можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ лѣтнихъ экипажей.

7. Что же касается остальныхъ лѣтнихъ экипажей, то они не входятъ въ простонародную обиходность, и на дворѣ деревлянина появляются лишь какъ гости, хотя и достаточно извѣстны по сосѣдливому употребленію [742]). Сюда слѣдуетъ отнести: а) длинную „бры̀гу“ съ кошёлками впереди и сзади, которыя бываютъ то неподвижными, то снимающимися; б) не менѣе длинную „бу̀ду“—фуру, и в) изящный, удобный „биндю̀къ“—легкій рыдванъ, съ запирающимся позади ящикомъ, узкимъ задомъ и широкимъ передомъ. „Биндю̀къ“ состоитъ пока исключительнымъ экипажемъ „москалько̀въ“ и въ пользованіи „полячко̀въ“ не встрѣчается [743]).

8. Необходимымъ дополненіемъ лѣтнихъ экипажей и, тѣснѣйшимъ образомъ, осей и колёсъ служитъ „колони̂ца“ (мазница)—прямостороннее ведрышко бочарнаго построенія, въ которомъ исключительно хранится деготь. Въ верхнемъ днѣ „колон*и*цы“ дѣлается квадратная въ 1 верш. прорѣзь, въ которой безсмѣнно торчитъ „ма̀зка, маз*и*дла“—короткая палочка съ тряпкою на концѣ, служащая для вычерпыванія и намазыванія дегтя („мазь“). Обыкновенно „колон*и*ца“ ютится въ углахъ возовни, или подъ праздными экипажами; но если у путевого человѣка она стоитъ въ телѣжномъ углу, то это одно изъ двухъ: или ѣздокъ направился за

покупкою „мази“, или же онъ держитъ дальній путь; при обозной ѣздѣ да при перевозкѣ предметовъ, которымъ неудобно привить дегтярный запахъ, „колоница“ подвязывается подъ телѣгою къ „накладкѣ, или тройнѣ“.

Зимніе экипажи, главнымъ образомъ, раздѣляются на сани и возки. Подъ первыми разумѣются дровни и розвальни, а подъ вторыми сани съ защищеннымъ со всѣхъ сторонъ кузовомъ, или, лучшія изъ нихъ, съ узорною спинкою позади, помостомъ для сидѣнья, выхватомъ въ бокахъ кузова и даже кучерскою лавочкою. Всѣ сани и возки имѣютъ то гнутыя полозья, то самородки „копани“, подыскиваемыя въ лѣсу, отчего сани съ послѣдними полозьями, въ отличіе отъ „гнуциквъ“, называются „копанями, копанцами“. Какъ это ни поразительно, но самыя простѣйшія сани не сооружаются дома, подобно телѣгамъ, а пріобрѣтаются у спеціальныхъ мастеровъ на ярмаркахъ и базарахъ, пріобрѣтаются слишкомъ дешево [744]), а если хозяинъ далъ на это собственныя, едва оболваненныя, „копани“, такъ сани обойдутся лишь въ четвертакъ и будутъ сработаны прочно и относительно изящно.

9. Когда парныя „копани“ поступили въ распоряженіе мастера, онъ прежде всего обтесываетъ ихъ, стараясь придать побольше однообразія изгибу головокъ, толщинѣ и высотѣ парныхъ полозьевъ, при чемъ послѣдняя преобладаетъ надъ первою [745]). Въ готовыя полозья, въ 4 равномѣрныя въ томъ и другомъ полозѣ пробоины, онъ вколачиваетъ свыше 8-ми вершковыя копылья и соединяетъ противолежащую пару ихъ особыми „гнуциками-вязами“, составляющими потомъ ложе для санной настилки. Такими же „вязами“ онъ соединяетъ каждую головку полоза съ первымъ копыломъ, а на оконечность разъединенныхъ головокъ, въ пазы ихъ, накладываетъ отдѣльную вязку—„говѣнникъ“. Вся такая работа вершается двумя накладками („паклистки“ съ пробоинами), которыя взгоняются на копылья и неподвижно покоятся на „вязи“, въ 4 верш. надъ верхнимъ ребромъ каждаго полоза. Передавая

сани владѣльцу, мастеръ горделиво завѣряетъ „на 100 зимы, хуць до Полоцку ци до Вильни вали“!.. Но окраинный мужикъ, пристроивъ „зáвирты“ да завертевъ оглобли, свезетъ на нихъ дрова въ ближайшее „мѣсто“, съѣздитъ въ лѣсъ, или за водою. Въ виду такой черной службы, „вяззё“ не имѣетъ настилки до конца дней своихъ.

10. На выѣздныя надобности имѣются отдѣльныя сани-розвальни, съ двумя „развалами“, однимъ концомъ прикрѣпленными къ головкамъ, а другимъ—расходящимися въ стороны отъ послѣднихъ копыльевъ, верш. на 10—12, гдѣ они и соединены поперечкою одинаковой съ „развалами“ толщины; общая длина послѣдней превышаетъ 2 арш. Если нѣтъ въ наличности розвальней, „развáлы“ приспособляются къ дровнямъ,—что въ „копанѝхъ и гнýцикахъ“ даетъ одно и то же, а для приданія необходимой „щитныcци“, крылья съ „нáклистками“, какъ и промежное между головокъ пространство, переплетаются веревками, подобно телѣжному заду и переду. Но рóзвальни служатъ выѣзднымъ экипажемъ лишь на половину, за неимѣніемъ возка, и преимущественная служба ихъ—возовая [746]).

11. Такъ какъ зима даетъ болѣе удобные пути, частые поводы къ выѣздамъ, между которыми не послѣднее мѣсто занимаютъ „госцины“, то во всякомъ среднемъ хозяйствѣ имѣется какой-нибудь возокъ, съ плотнымъ кузовомъ изъ луба, драни, тонкихъ досокъ. Простѣйшій возокъ есть тѣ же „копанцы“, у которыхъ копылья удлинены до высоты головокъ и нѣсколько отогнуты въ стороны, что дѣлаетъ задокъ шире передка верш. на 8. Верхъ такого съ ровною поверхностью возка увѣнчивается рамою, какъ и въ благоустроенной телѣгѣ, а спинка кое-гдѣ имѣетъ даже узорную рѣзьбу и лучевидныя стойки изъ чернаго дуба въ перемежку съ бѣловатыми стойками изъ другихъ деревъ.

Описанный простѣйшій возокъ не имѣетъ „развáловъ“, отчего, благодаря подвижности, узкоколейности, онъ приводитъ къ

скорѣйшимъ кувыркамъ и вылетамъ, чѣмъ „бѣда“, заставляя каждый разъ произносить имя мастера „не во благоволеніяхъ“, а въ предательскихъ мѣстахъ держать ногу „у вόйкахъ“ [747]). Если „мѣтныи богатыри“ кладутъ подъ полозья „шины“ (подрѣзы), то это только сберегаетъ дольше полозья, но не ѣздоковъ отъ полетовъ и кувырковъ...

12. Обычный возокъ-„гнỳцикъ“, достаточно извѣстный по городскимъ „форфόркамъ“, перевозящимъ „за цвэй кόпки-съ драй паны“ [748]), составляетъ ужъ слишкомъ нарядный зимній экипажъ, а если таковой расписанъ [749]), то лучшаго и нежелательно для непритязательнаго простолюдина.

13. „Сáньки, сàньцы, сáнички“—не запряжной, а лишь дѣтскій для катанья экипажикъ; но онъ весьма нерѣдко служитъ и нуждамъ возрастныхъ, когда нужно перетащить мѣшки съ хлѣбомъ отъ тока къ клѣти, дрова съ дальняго дровосѣка, одолженный грузъ отъ сосѣда (ступу), глину съ „глинища“, камни и проч. Въ этомъ случаѣ въ „сàньки“ иногда впрягается лошадь просто веревками, вмѣсто оглоблей. Подобно настоящимъ санямъ, „сáньки“ бываютъ „копанцы и гнỳцики“, въ видѣ дровней, розвальней и возковъ, и сооружаются онѣ дома, по мѣрѣ умѣнья, въ подражаніе большимъ санямъ, на каковомъ подражаніи и кончается вся строительная снаровка, какъ дѣтей, такъ и возрастныхъ...

14. Вмѣсто „сàникъ“, гораздо чаще можно встрѣтить „буцэньки“—салазки, построенныя изъ двухъ стесанныхъ впереди досокъ, въ отступѣ другъ отъ друга верш. на 8—10, соединенныхъ посрединѣ двумя-тремя поперечками. Въ хозяйственныхъ нуждахъ „буцэньки“ замѣняютъ саночки, а при вывозѣ лѣса, подкладываются подъ задній конецъ бревна; у дѣтей же онѣ служатъ исключительно для катанья съ горъ и для взаимнаго катанья по гладкой дорогѣ. Криво приложенныя, часто узкія доски, плохо стесанныя топоромъ, могутъ двигаться лишь съ кручи и

подъ запряжкою дюжаго Микитки; тогда дѣти подкладываютъ подъ полозья старые обручи, которые здѣсь то же, что подрѣзы въ возкахъ.

Всѣ вообще зимніе экипажи какъ-то долговѣчнѣе лѣтнихъ, хотя „гнущики" переживаютъ только половину службы „копанцовъ", т. е. лѣтъ 7, 8. Помимо прочности, приданной мастеромъ, этому помогаетъ значительная высота полозьевъ и послѣдующія подкладки подъ нихъ, по мѣрѣ утонченія, такъ что иныя сани, выдержавъ подкладки три и болѣе, все еще продолжаютъ служить, пока не выпадутъ копылья, не разрушатся „вяззя", не поломаются головки, а это приходитъ нерѣдко чрезъ добрый десятокъ лѣтъ... Если составныя части саней сработаны изъ крѣпкодревесинныхъ породъ, то всѣ онѣ потомъ такъ и иначе утилизируются на мелкія хозяйственныя подѣлки, подобно старымъ телѣжнымъ частямъ.

15. Дровосѣчники, лѣсные сторожа и охотники пользуются „*и*ртами" собственнаго изготовленія. Эти „*и*рты" грубы, тяжелы (до 15 фунт.) и скоро утомляютъ даже привычнаго человѣка, а потому нуждающіеся въ нихъ часто предпочитаютъ путешествовать „у цал*и*къ",—что наглядно можно видѣть на зимнихъ тропахъ съ дороги въ поле и лѣсъ, гдѣ „иртовая сцѣжка" относится къ пѣшеходной, какъ одинъ къ ста. Въ подходящихъ случаяхъ „иртовый" путникъ спѣшивается и тащитъ на „иртахъ", какъ на санкахъ, какую-нибудь кладь [750]).

VI. Сбруя и упряжь [751]).

Сбруя и упряжь стоятъ въ такой тѣсной связи съ экипажами и упряжными животными, что поминъ о послѣднихъ вызываетъ слово и о первыхъ. Но если сами владѣльцы называютъ трудовыхъ пособниковъ своихъ „конюшками, кобылёнками, бычанками", и если соотвѣтственно сему они поминаютъ и объ экипажахъ—„колесяшки, колясёнки, сан*и*шки",—то сторонній въ пра-

вѣ ожидать, что сбруя и упряжь должны быть не иное что́, какъ „обро́цишки, оротчёнки, хомуц*и*шки, вожж*и*шки, дужёнки“. Да это такъ на самомъ дѣлѣ, и своими уничижительными именами сбруя и упряжь обязаны неприглядному построенiю, данному имъ мастерами, и тому прибѣдненному матерiалу, изъ которагo онѣ кое-какъ слажены. Изъ рѣчи объ экипажахъ видно было, что отъ мельчайшихъ и до крупныхъ частей они могутъ состоять изъ одного дерева; соотвѣтственно сему сбруя и упряжь могутъ состоять тоже изъ растительныхъ волоконныхъ предметовъ (пеньки и льна), съ присоединенiемъ сюда незначительныхъ деревянныхъ додатковъ, и нельзя не согласиться съ ѣдкимъ замѣчанiемъ, что иной мѣстный ѣздокъ только и имѣетъ ремней въ сбруѣ и упряжи что̀ запряженная лошадь, или „бычано̀къ“ 752)...

Но это ужъ слишкомъ: правда, мужикъ щадитъ кожу крупныхъ животныхъ ради „теплой копейки“ 73)5 за нее и ради обуви; правда и то, что онъ съ долгими думами и соображенiями рѣшится на покупку готовой сбруи, или только сбруйныхъ ремней, если хозяйственные разсчеты позволятъ удѣлить на это кое-какiя деньги; зато не менѣе справедливо, что какъ нынче, такъ и въ отдаленное время ременная запряжка стояла между двумя непрiятелями: стихiйною порчею таковой и посягателями на чужую собственность. За обработку подходящей кожи обыкновенно берется недорого, какихъ-нибудь 50—75 коп., а изъ кожи крупнаго животнаго можно сдѣлать многiя сбруйныя подѣлки; скроить и сшить можетъ домашнiй шорникъ, или захожiй „ше́вчикъ“; но съ этого именно времени и начинаются хлопоты съ ременною сбруей: чѣмъ и какъ смазывать ее? смочитъ дождь—приходится просушивать, а отъ этого кожа коробится, ломается, вызываетъ нескончаемые сшивы, подвязки и оказывается негодною прежде считаннаго срока. Съ другой стороны, прочный ремешокъ пригоденъ на многiя надобности: для привѣса ножа, калиты, гребешка, мошны, на поясъ, кнутъ—сколько же посягателей должна имѣть ременная

упряжь, если къ сему присоединить нерѣдкихъ охотниковъ снять съ лошади уздечку, хомутъ со шлеями, чрезсѣдельникъ?! Да это зачастую составляетъ спеціальный предметъ деревенскаго хищенія! Такимъ образомъ даже у людей средняго достатка невольно создается неременная упряжь, которую смѣло можно оставить подъ дождемъ, въ спокойной увѣренности, что она высохнетъ и что это не оставитъ замѣтно-разрушительныхъ послѣдствій,—смѣло можно оставить тамъ, гдѣ засталъ конецъ запряжной работы—на нивѣ, на лугу, среди гумна—съ новою увѣренностью, что ни алчникъ, ни похититель не посягнутъ на ничтожную частичку упряжи.

Таковы главные мотивы къ построенію упряжи изъ плетенокъ и веревокъ; но къ нимъ необходимо присоединить подручность матеріала, отдѣльную бѣдноту, или же разсчетливость. Совокупность указаннаго прежде всего приводитъ къ построенію шлеи изъ плетеныхъ тесемъ: жена, дочь, наемная пастушка выпрядутъ, ссучатъ и сплетутъ, подобно поясамъ, на тѣхъ же вилочкахъ („рогу́лькахъ“) тесьмы изъ ровныхъ бичевочекъ, по указанной мѣрѣ—болѣе длинную круговую тесьму, которая отъ гужей обойдетъ потомъ во всю длину лошади,—менѣе длинный нахребетникъ и соотвѣтственныя по длинѣ откосныя тесьмы, обыкновенно прикрѣпленныя концами къ круговой, а срединами—къ нахребетнику. При тѣхъ же условіяхъ и та же мастерица сплететъ болѣе широкую подпругу—тесьму для прикрѣпленія сѣделки; наконецъ, она же сплететъ отдѣльныя части „обро́ци“: круговой нащёчникъ, нало́бникъ, нахрапникъ, лыску (отъ налобника къ нахрапнику) и „подмо́рдникъ“. Когда все это готово, тогда домашнему шорнику остается только сшить разрозненныя части; если же этого не сумѣетъ сдѣлать мужчина, такъ шлею и „оброць“ сошьетъ женщина, какъ она сошьетъ хомутинный мѣшокъ и подходящую подушку для сѣделки [754]).

На этомъ да на приготовленіи сѣдельныхъ подпругъ и ля-

мокъ [755]) заканчиваются плетеныя сбруйныя работы. Дополнительно къ сему идутъ веревочныя подѣлки; „прысидѐльникъ“, „супóня“, поводъ къ „обрóци, вòжки, или лейцы“ [756]) и гужи работаютъ уже сами мужчины изъ подлежащихъ предметовъ—пеньки или льняной пакли, при чемъ, за исключеніемъ гужей, обыкновенно имѣющихъ наибольшую веревочную толщину, всѣ остальныя витушки не превышаютъ толщины мизинца, разнясь другъ отъ друга простымъ и „дротòванымъ“ витьемъ [757]).

Единственными деревянными частями сбруи являются клещи и сѣделочные вальки. Для первыхъ подыскиваются кривые самородки, которые обдѣлываются дома, по мѣрѣ умѣнья, даже шлифуются ребромъ оконнаго стекла. Въ случаѣ незадачи, разительной неприглядности такіе клещи поступаютъ къ оральному хомуту [758]), а для упряжнаго подыскиваются новые, или задешево покупаются готовыми то на ярмаркахъ, то у завѣдомыхъ мастеровъ. Послѣдніе нетрудно отличить по мастерской отдѣлкѣ и по закрашенной нижней половинѣ.

Когда клещи въ наличности и когда такимъ образомъ имѣется хомутная основа, тогда разрозненныя половины клещей соединяются въ головкѣ „союзкой“, и къ нимъ, по мѣрѣ головы наличной лошадки, прилаживается хомутина, набиваемая соломою, или сухими листьями „пухóвки“—аироподобнаго растенія водныхъ мѣстъ на болотѣ. Послѣ укрѣпленія хомутины и гужей остается только подложить внутренность „подхомýтникомъ“, а все построеніе—прикрыть сверху до гужей отдѣльною „крòвлій“ [759]).

Такова сбруя, полностію сработанная дома, домашними шорниками и изъ домашняго матеріала. Дополненіемъ [760]) къ ней служитъ сѣделка съ частями—„подсядёлкой“, подпругой, „прысидѐльникомъ“, который вершаетъ сѣделку и проходитъ сквозь деревянныя ушки вальковъ, сработанныя въ видѣ сквозныхъ пробоинъ, достаточныхъ для прохода чрезсѣдельника, или же чрезъ укрѣпленныя дужки, на верхней сторонѣ тѣхъ же вальковъ. Эта

сбруя не всегда подгоняется подъ мѣру лошади, а если она не одна, то изготовляется такъ, что можетъ быть надѣта и на другую-третью лошадь. Посему нетрудно встрѣтить упряжную лошадку, на которой сбруя лежитъ подобно тому, какъ на взросломъ человѣкѣ лежитъ, примѣрно, одежда подростка: круговая тесьма туго впилась въ лошадиный задъ и спускается до половины корпуса, въ то время, когда тѣсный хомутъ давитъ и тревожитъ лошадку, или же, будучи непомѣрно большимъ, подпрыгиваетъ на шеѣ,—что въ равной мѣрѣ тревожитъ двойную страдалицу и приводитъ къ ссадинамъ. При обратномъ положеніи дѣла, т. е. когда лошадка въ сбруѣ крупной лошади, она не сдерживаетъ экипажа съ горы, а нерѣдко тутъ же выскакиваетъ изъ хомута и шлеи...

„Бычанко̀вая“ сбруя, сработанная по точному примѣру лошадиной, за исключеніемъ развѣ удлиненныхъ клещей да расходящейся внизу хомутины (хомутъ надѣвался не чрезъ голову, какъ лошадямъ, а непосредственно на шею, сверху), какъ-то не выглядывала чужой сбруей и не приводила упряжное животное къ указанному нестроенію, и нужно признать, что „бычано̀къ“ высматривалъ въ запряжкѣ нѣсколько горделивѣе лошади, точно сознавалъ, что къ его сбруѣ приложены бо̀льшія заботы шорника...

При совокупности условій воспитанія и недостаточной породистости лошади, едва-ли приходится обуздывать такую или иную порывистость ея: не пріучилась она сдерживать съ горы, не позволяетъ сдѣлать этого сбруя—ну и пусть бѣжитъ рысью-ли, вскачь-ли! Пробѣжитъ горный спускъ, да и опять пойдетъ обычнымъ ходомъ. Тутъ къ чему же лошадиная „заму̀здка или за̀килзы“ [761])? Гораздо существеннѣе и для лошадиной побѣжки необходимѣе „пу̀жка, бизу̀нчикъ, чжу̀пла“ [762]), и одинъ изъ этихъ предметовъ составляетъ такое неизбѣжное дополненіе въ рукахъ ѣздока, какъ и вожжи. По пословичному предписанію —„и на

лошадку сторублевую май пу̀жку готовую",—присутствіе кнута приводитъ лошадь къ повиновенію и избавляетъ ѣздока отъ необходимости прибѣгать къ другимъ „погоня̀лкамъ"— хлестать лошадь концами вожжей, выломаннымъ „дубцо̀мъ, клинбиной", но въ то же время помогаетъ отбиваться отъ попутныхъ собакъ. Въ виду сего весьма легко встрѣтить лошадь, которой съ избыткомъ извѣстны „пу̀га, бизу̀нъ и даже чжу̀пла", но которая во всю свою трудовую жизнь не вѣдалась съ „заму̀здкый или за̀килзыми", и они пригодны развѣ для жеребца; но, какъ упомянуто раньше, онъ служитъ упряжнымъ надобностямъ относительно недолго и рѣже остальныхъ лошадей.

Какъ на сей случай, такъ и для нѣкоторой парадности сбруи, въ иныхъ домахъ имѣется настоящая желѣзная заму̀здка („за̀килзы"—то жъ), по мѣрѣ надобности, подвязываемая рядомъ съ „подмо̀рдникомъ" и потомъ снова удаляемая. Только въ немногихъ сбруйныхъ имуществахъ, гдѣ имѣется полная ременная „уздэчка, за̀килзы" остаются неизмѣнно при ней, служа въ пути вмѣстѣ съ дуговымъ кольцомъ единственною упряжною побрякушкою. Слѣдуетъ признать, что, за исключеніемъ колокольчика да одного-двухъ бубенчиковъ въ экипажѣ „свадэ̀бника", упряжь сторонится отъ побрякушекъ, и если бубенчикъ, или „балаго̀лка" [763]) подвѣшиваются къ шеѣ лошади ради ночлежныхъ нуждъ, то они поутру снова снимаются до новаго ночлега въ отхожемъ мѣстѣ.

Вѣнцомъ экипажной запряжки приходится считать дугу, которая, примѣнительно къ „колясёнкамъ и санёнкамъ", правильнѣе можетъ быть названа „дужчёнкой". Въ иной такой дугѣ радіусъ едва доходитъ до 10 верш., и если она не опирается на хомутъ головкою, такъ потому только, что при засупониваніи послѣдняго значительно сгибается лучка дуги, отчего выигрываетъ въ высотѣ. Вольная, внѣ запряжки дуга не всегда можетъ быть сочтена за таковую: слегка согнутая средней толщины жердь, съ не-

большими засѣчками на внѣшнихъ сторонахъ концовъ и съ желѣзнымъ кольцомъ въ передней части головки, или же, вмѣсто него, съ тонкою дужкою, какъ у сѣделки, такая дуга скорѣе можетъ быть принята за санную принадлежность [764]), неудавшійся ободъ, начатое, но недоконченное издѣліе [765]), и только по присутствію ея вблизи сбруи удастся угадать въ ней дугу. Но съ такою дугою обходятся тамъ, гдѣ нѣтъ знатоковъ гнуть настоящія дуги, или гдѣ нѣтъ подражательныхъ образцовъ; уже 10-тиверстные сосѣди городовъ и мѣстечекъ дѣлаютъ дуговую лучку нѣсколько выше, даже стесываютъ стороны дуги, а пограничные со Смол. и Псков. губ., какъ и жители серединныхъ частей Велиж. и Себеж. у., пользуются настоящими русскими дугами—съ высокою лучкою, со стесанными сторонами, съ рѣзьбою то на одной, то на обѣихъ сторонахъ; въ пышныхъ случаяхъ эти дуги бываютъ даже раскрашенными.

Какова ни есть наличная дуга, кстати, для работы и выѣзда одна и та же, она непремѣнно справляетъ и другую службу: при подмазываньи телѣги она подставляется, какъ подпорка, подъ жердь, приподнимающую телѣжныя стороны. Благодаря сему да прислону къ колесу послѣ распряжки, дуга имѣетъ многочисленные дегтярные прилипы, значительно видоизмѣняющіе первоначальный видъ ея.

Верховая ѣзда съ давнихъ поръ не имѣла многочисленныхъ любителей, и продолжительными, хотя невольными всадниками бывали развѣ крѣпостные чины: войты, „цивуны, лавники, дозорцы", ихъ помощники, лѣсные сторожа и охотники. Эти всадники покоились на довольно благоустроенномъ сѣдлѣ, которое имѣло всѣ части обыкновеннаго сѣдла, до войлочнаго потника и желѣзныхъ стременъ включительно. Такое же благоустроенное сѣдло кое-гдѣ мелькало и у заурядныхъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ, вся свита жениха слѣдовала за нимъ верхомъ то на собственныхъ, то на одолженныхъ сѣдлахъ.—Въ заурядномъ положеніи, при

порчѣ дорогъ да при костлявомъ хребтѣ лошади, наскоро созидается скороспѣлое сѣдло, главною основою котораго бываетъ мѣшокъ съ сѣномъ или соломою, кое-какъ привязанный то веревочною, то плетеною подпругою; вмѣстѣ съ послѣднею со спины лошади спадаютъ на стороны веревочныя же стремена, правильнѣе—петли, для установки ногъ. Къ построенію такого сѣдла могутъ вызывать какія-нибудь 10-тиверстныя разстоянія; если же нужно прокатить нѣсколько меньше, то достаточно накинуть на лошадиную спину пустой мѣшокъ, одежду, при чемъ уже нѣтъ надобности въ стременахъ—ноги всадника висятъ. или же, при быстрой ѣздѣ, остаются прижатыми къ бокамъ лошади. Про такую ѣзду, какъ и про всадниковъ галопирующихъ на голой спинѣ относительно небольшія разстоянія (на ночлегъ, водопой, на пашу и обратно), обыкновенно шутливо говорятъ: „уцамяць коня“... Въ послѣдней ѣздѣ когда всадниками являются возрастные „мальцы“ [766]), захудалыя, часто переутомленныя лошадки несутся галопомъ и это спасаетъ ѣздоковъ отъ „мулу“ на голомъ хребтѣ лошади и возможныхъ при рысистой ѣздѣ ссадинъ; достигается же такой часто бѣшеный галопъ неистовымъ гикомъ, ножными толчками въ бока лошади и подергиваньемъ поводьевъ.

Указать на точное мѣсто-хранилище сбруи и вообще упряжныхъ принадлежностей такъ же трудно, какъ трудно найти въ данномъ хозяйствѣ исправную, благоустроенную упряжь. Хороша сбруя, построена изъ ремней—ей отводится мѣсто въ хатѣ, сѣняхъ, запертой клѣти [767]); поплоше сбруя, сработана изъ тесемъ —ея мѣсто слишкомъ неопредѣленно: сегодня—въ сѣняхъ, завтра —въ пунѣ, подъ повѣтью, подъ стрѣхою, подъ телѣгою. Въ виду недостаточнаго ухода, небрежной поддержки, отсутствія смазки, безсмѣннаго употребленія и другихъ причинъ, сбруя недолго удерживаетъ свою красу и скоро пополняется подточками, надвязками: въ одномъ мѣстѣ разорванный ремешокъ сточенъ веревочкою, въ другомъ, на мѣсто похищеннаго ремешка вставлено путо, на

мѣсто исчезнувшаго колечка опять же поставлена наскоро скрученная „союзка“, и такъ безконечно; по мѣрѣ же дальнѣйшей службы нерѣдко трудно бываетъ рѣшить что именно было первоначальною основою сбруи—ремни, или веревки да тесьмы? Здѣсь, какъ и многомъ другомъ, сказывается любопытная бытовая черта: простолюдинъ не любитъ поддерживать обиходныхъ предметовъ надлежащею, основательною починкою, а предоставляя имъ временное подспорье, тѣмъ самымъ даетъ возможность скорѣе отслуживаться, переходить на другія, часто несподручныя надобности...

VII. Въ остальныхъ усадебныхъ строеніяхъ.

Въ пестромъ подборѣ пословицъ, поговорокъ и присловій, характеризующихъ разнообразныхъ членовъ великой русской семьи, примѣнительно къ топографическому положенію и бытовымъ условіямъ каждаго, о жильцахъ Витебской Бѣлоруссіи имѣется лишь одно изреченіе „народной мудрости“, кстати, циркулирующее далеко отъ мѣста и совершенно неизвѣстное, даже непонятное въ предѣлахъ той же бѣлоруссіи, а именно: „волынка да гудокъ, собери нашъ домокъ; соха да борона разорили наши дома“ [768]). При очевидной насмѣшливости, изреченіе это подтверждаетъ ту безспорную истину, что мѣстный простолюдинъ всецѣло отдается сохѣ да боронѣ, что ради нихъ не можетъ удѣлить времени на иную отрасль труда, выйти изъ „землепаха“, какъ онъ себя называетъ, и его-ли вина, когда облитая потомъ „зимѐлька“ въ иной годъ не возвращаетъ даже сѣмянъ? „Съ Богомъ ня сборисця“,—покорно говоритъ „землепахъ“ и продолжаетъ стойко „держаться за сошеньку—кривые роженьки“ въ упованіи на милость Божью, какъ и на то, что „годъ на годъ не приходится“, что „зимѐлька“ все-таки дастъ существенные предметы для удовлетворенія первой жизненной потребности. Непонятная въ иныхъ мѣстахъ притяжимость къ родному мѣсту, отсутствіе бойкой предпріимчи-

вости, выработанной „варкою въ семи котлахъ“ и нешировій кругъ требованій только и могли создать мѣстнаго „землепаха“, который изъ края въ край одинъ и тотъ же въ неразлучномъ единеніи съ немудреными, немногочисленными земледѣльческими орудіями и снарядами. Всѣ они, какъ и подсобные къ нимъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: при помощи однихъ земледѣлецъ подготовляетъ землю къ произрастанію будущаго кормильца, а другими онъ обрабатываетъ принесенный плодъ или для себя, или для своихъ земледѣльческихъ сотрудниковъ. Примѣнительно къ сему и будутъ разсмотрѣны земледѣльческія орудія и снаряды, ютящіеся какъ въ доселѣ упомянутыхъ строеніяхъ, такъ и въ остальныхъ усадебныхъ помѣщеніяхъ.

1. Главнымъ орудіемъ для подъема (вскапыванья) просторной земельной площади, а часто и окончательной обработки ея, съ незапамятныхъ временъ служитъ земледѣльческая соха. Согласившись на томъ, что соха и служба ея извѣстны всѣмъ и каждому, нетрудно будетъ описать и перечислить отдѣльныя части мѣстной сохи, которая опять же съ незапамятныхъ временъ одна и та же, строится съ одною и тою же заботливостью, терпѣливою предусмотрительностью. Съ этой стороны ярче другихъ выступаютъ два существенныя требованія: а) всѣ части сохи должны состоять изъ разнообразныхъ, по возможности, деревъ, не исключая и „юлашёвыхъ“, и б) сооруженіе сохи поручается только женатымъ, при чемъ работа вдовца предпочитается работѣ находящагося въ супружествѣ [769]). При соблюденіи такихъ условій въ сохѣ тѣсно соединяются другъ съ другомъ слѣдующія раздѣльныя части:

а) „дирявó“ [770]), служащее главною основою сохи. Оно есть кривая доска, вытесанная изъ древеснаго самородка, довольно точной мѣры, а именно: длина по изгибу превышаетъ 1 арш. и 8 верш., ширина головки едва доходитъ до 4 верш., тогда какъ ширина при ножкахъ достигаетъ 6 верш.; въ подобномъ

соотвѣтствіи находится и толщина „дирива“: въ то время, когда головка счесана чуть не до полвершка, особенно, въ крѣпкодревесинной доскѣ, ножки имѣютъ почти 2-хвершковую толщину и къ сей послѣдней „дирявó“ подгоняется постепеннымъ утолщеніемъ. Здѣсь „дирявó“ заканчивается двумя „нарóжниками“, образованными долотнымъ пробоемъ и на самомъ концѣ стесанными для насадки желѣзныхъ „лимяшóвъ“. Длина „нарóжниковъ“ едва достигаетъ 5 верш., а разстояніе между ними остается неизмѣнно въ 2 верш., и это разстояніе не умаляется и между насаженными „лимишáми“, которые только удлиняютъ „нарóжники“.

б) Головка „дирива“ увѣнчивается „колóдый, рогачемъ“— брусчатою поперечкою въ 10 верш., по концамъ стесанною въ круглыя ручки, около 3 верш. каждая [771]). Головка туго вправляется въ „колоду“, заклинивается здѣсь, или же прибивается деревянными гвоздями въ дырьяхъ, высверленныхъ насквозь. Когда оглобли вдѣланы въ горизонтальныя пробоины „колóды“,— что приходится по обѣ стороны головки, непосредственно за нею, хотя и въ иномъ направленіи,— тогда „колóда“ бываетъ нѣсколько короче; но это не измѣняетъ обычнаго вида ея и толщины колоднаго бруска. Вызывая оглобельныя пробоины, съ которыми трудно бываетъ справляться въ тѣсномъ брускѣ, это же вызываетъ на „колóду“ крѣпкое дерево; а потому оглобли прикрѣпляются къ ней извнѣ, при помощи „óбжи“, и это нѣсколько видоизмѣняетъ дѣло.

в) На лицевой сторонѣ „дирива“, въ отступѣ на 1 верш. отъ „колóды“, прочно прибивается „óбжа“ [772])—деревянный брусъ, выходящій концами по ту и другую сторону „дирива“. Въ отверстіе между „колóдый, óбжій“ и головкою вправляются оглобли, которыя съ задней стороны имѣютъ надлежащія засѣчки и сверхъ того здѣсь же онѣ скрѣпляются то поперечкою, то древесною витушкою, то „кляпышимъ“. Такое прикрѣпленіе „оглó-

биль“ можно встрѣтить гораздо чаще перваго, потому что оно проще, не вызываетъ осторожныхъ долотныхъ пробоинъ, да и самыя оглобли дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ прочнѣе, а на случай порчи—удобопоправимѣе.—На мѣстѣ соединенія съ „колȍдый, дирявȍмъ и ȍбжій“ оглобли отстоятъ другъ отъ друга верш. на 4—5, какъ позволяетъ ширина „дирива̀“ въ головкѣ; въ дальнѣйшемъ онѣ расходятся въ стороны и на концахъ, гдѣ кстати вколочены „сучкѝ“ для прикрѣпленія „гужȍвъ“, имѣютъ разстояніе до 1 арш. и 4—6 верш. Чтобы такое разстояніе навсегда удерживалось за оглоблями, послѣднія соединены поперечкою—крѣпкою жердочкою, концы которой входятъ въ средину той и другой оглобли, и приходится это надъ „нарожниками“, на неизмѣнной высотѣ въ 1 арш.

г) Оглобли и ножки „дирива̀“ соединены двумя „пыцця̀жкыми“, которыя вверху привязаны къ оглоблямъ, непосредственно при распоркѣ, и, перекрестившись на срединѣ, прикрѣпляются къ ножкѣ „дирива́“ противоположными концами. Для „пыцця̀жкѣвъ“ выбираются въ большой палецъ толщины прутья какого-нибудь гибкаго и крѣпкаго дерева (вязъ, черемуха, вишня), которые, для большей прочности, предварительно перекручиваются, какъ это дѣлается съ изгородными связями и другими древесными „кручёнками“. Какъ очевидно, „пыцця̀жки“ сдерживаютъ оглобли и ножки въ неизмѣнно-однообразномъ положеніи и кромѣ того помогаютъ утвердить „напȍлокъ“.

д) У самыхъ „нарȍжниковъ“, сверху и снизу „дирива̀“, прикрѣпляются двѣ одинаковыя брусчатыя поперечки, концами въ 1 верш., выходящія въ стороны: верхняя поперечка называется „зимля̀нкый“ [773]), а нижняя—„подрога́чникымъ“. Обѣ онѣ служатъ нѣсколькимъ надобностямъ: удерживаютъ „нарожники“ отъ раскалыванья, на концы ихъ надѣваются петлями „пыцця̀жки“ [774]) и, сверхъ того, онѣ помогаютъ откидывать дернъ, расширяютъ борозду, а „подрога́чникъ“ гладитъ ложе ея.

е) Послѣднее дополненіе сохи составляетъ наполокъ—тонкая желѣзная лопаточка, съ загнутыми внизъ двумя сторонами, на легкой деревянной насадкѣ въ 12—16 верш. Длина лопасти наполка не бываетъ свыше 5 верш., ширина же его неравномѣрна: у насадки онъ доходитъ до 3 верш. тогда какъ на концѣ имѣетъ ширину „лимиша“, на который попеременно и накладывается передъ проведеніемъ каждой новой борозды. Будучи туго укрѣплена на мѣстѣ перекрещиванья „пяццяжикъ“, наполочная насадка позволяетъ, однако, немного приподнимать наполокъ, поворачивать его и накладывать на тотъ или другой „лиме́шъ“, съ которымъ наполокъ соединяется подъ угломъ въ 45—47°, почти на срединѣ его. Кромѣ очевидной помощи при разрыхленіи земли, наполокъ помогаетъ отваливать дернъ въ желательную сторону, а если это кое-гдѣ и не удается сполна, то „оральби́тъ“ поможетъ дѣлу ногою во время слѣдованія за сохою, или же для этого временно останавливается пашущее животное.

Описанная соха, ставшая съ незапамятныхъ временъ единственнымъ и первымъ орудіемъ для вспахиванья земли, упорно держалась въ простонародномъ обиходѣ при всѣхъ случаяхъ запряжки—лошади ли, „бычанка̀“ ли, коровы ли [775]), или же, за полнымъ отсутствіемъ упряжныхъ животныхъ, въ нее запрягались (въ лямки) двое-трое дюжихъ членовъ семьи [776])... Другого типа и устройства сохъ простолюдину не доводилось даже видѣть ни въ помѣщичьихъ, ни шляхетскихъ, ни тѣмъ менѣе причтовыхъ хозяйствахъ: тамъ соха могла отличаться развѣ изящною, почти столярною отдѣлкою и бо́льшею легкостью. Но и мужицкая соха не бывала грузною, по крайней мѣрѣ, повѣсивъ одной оглаблей на плечо, свободно, не сгибаясь подъ тяжестью, „землепахъ“ переносилъ ее въ поле, версты за двѣ и обратно, и только при попутной ѣздѣ помѣщалъ въ телѣгу, а при отдаленной пашнѣ—на телѣжный передокъ.

Казалось бы, что такой цѣльный и спеціальный предметъ,

какъ соха, не можетъ быть употребленъ на иныя надобности; а между тѣмъ праздные зимою „лимяшй“, вообще легко сколачиваемые съ „нарожниковъ“ [777]), вдругъ очутятся на мѣстѣ пешни, при просѣкѣ „лýнокъ“ [778]), на мѣстѣ лома, при копаніи могилъ, откопѣ картофельныхъ ямъ зимою, и вмѣсто копача и заступа осенью и весной, при выкапываніи корнеплодниковъ. Что же касается наполка, то во все свободное и даже рабочее время онъ замѣняетъ заступъ при незначительныхъ земляныхъ работахъ, особенно на распаханныхъ мѣстахъ.

2. При подъемѣ новины, когда нужно „драць облогу, уздымáць пожню“, или же вспахивать запущенную ниву, гдѣ соха оказывается несостоятельною, употребляется „рязóкъ“, который представляетъ полную соху, съ тою единственною особенностью, что „дирявó“ здѣсь имѣетъ одинъ лишь „нарóжникъ“. На него насаживается желѣзный „рязóкъ“ —прочный лемехъ съ широкимъ и острымъ вверху лезомъ. Когда такая соха пущена въ ходъ, острый конецъ „ризыкá“, стоящій ребромъ, свободно кроитъ самый тугой дернъ, и послѣ работы новина представляетъ площадь, гдѣ дернъ порѣзанъ на 5—6-ти-вершковыя полосы: эти послѣднія немедленно же поднимаются потомъ сохою, при чемъ непрерывныя дерновыя полосы ложатся въ одну сторону, пластъ къ пласту, и образуютъ гладкую земельную площадь, которой нѣтъ подобія среди остальныхъ вспаханныхъ площадей. Для полученія кое-какой земельной мякоти поднятая новина слегка „скорóдитца“ легкою бороною, и тогда вспаханная площадь опять же не имѣетъ сходства съ остальными „горбылистыми“ пашнями: она ровна, гладка, точно утрамбована полевымъ валомъ [779]).

Работа съ „ризакóмъ“ легка: десятинную площадь можно изрѣзать въ одну „запрàжку“; но она вызываетъ рабочее участіе двухъ лицъ: въ то время, когда одинъ правитъ „ризакóмъ“, другой водитъ упряжное животное непосредственно за недоуздокъ, чтобы проводить правильные разрѣзы дерна.

Нетрудно видѣть, что „ризакъ“ пригоденъ въ ограниченныхъ случаяхъ, почему это земледѣльческое орудіе встрѣчается въ слишкомъ рѣдкихъ хозяйствахъ, да и тутъ оно бываетъ меньше дома, чѣмъ у добрыхъ людей: за „ризакóмъ“ ѣздятъ за десятки верстъ, разыскиваютъ его то по личному нюху, то по указанію настоящихъ хозяевъ, потерявшихся въ нескончаемыхъ просьбахъ объ одолженіи, то выжидаютъ, пока насадка „ризакà“, превращенная въ пешню, въ лопату, не будетъ отыскана и приложена по назначенію...

3. Вспахиванье „ля́да“ замѣтно отличается отъ всякой иной пашни: здѣсь соха безсильна, потому что на малой относительно площади она безпрерывно наталкивается на древесные пни и упрямые корни; „ризакỳ“ опять же нѣтъ работы, такъ какъ пережженный дернъ настолько рыхлъ, что поддается вскапыванью легкимъ коломъ. Въ этомъ случаѣ незамѣнимую службу сослуживаетъ „копылъ“—крюковидная желѣзная насадка на саженномъ почти шестѣ, плоское и острое лезо которой устроено поперечкою, какъ у теслы, упомянутой въ 3 пунк. III гл. При работѣ „копылъ“ держится впереди, вводится въ землю сильнымъ взмахомъ и потомъ слегка притягивается: небольшіе дерны одинъ за другимъ скоро видоизмѣняютъ „лядо“, которое потомъ остается обработать бороньбою и дальнѣйшею вспашкою. Во всѣхъ такихъ дѣяніяхъ „копылъ“ вполнѣ замѣняетъ соху, какъ онъ замѣняетъ ее при выкапываньи корнеплодниковъ.

Подобно „ризаку, копы̀лъ“ составляетъ обиходную собственность слишкомъ немногихъ деревлянъ и, подобно ему, является бродячимъ земледѣльческимъ орудіемъ. Самый жаркій спросъ на него—время яровой запашки, когда на выжженныхъ „лядахъ и грудáхъ“ нужно засѣвать ячмень и пшеницу; тогда въ разныхъ рукахъ и окрестныхъ мѣстахъ „копы̀лъ“ въ работѣ съ утра до вечера; его подолгу разыскиваютъ и терпѣливо выжидаютъ освобожденія. Кто не имѣетъ собственнаго „копылá“ да потерялъ на-

дежду на позаимствованіе, тотъ пускаетъ въ дѣло заступъ, пешню, а въ крайнемъ случаѣ—плоско заостренный колъ.

4. „Зилязнйкъ“ можетъ замѣнить всѣ три описанныя орудія. На самомъ дѣлѣ такъ и бываетъ въ томъ исключительномъ положеніи, когда въ хозяйствѣ нѣтъ упряжныхъ животныхъ, нѣтъ сохи, „ризака́, копыла́“, а есть только кое-какая землица да неустанное требованіе „хлѣбца насу̂чнаго“. При помощи „зилязника̀“ медленно, но сравнительно съ „копыло̀мъ“ глубже вспахивается земельная площадь, при чемъ представляется возможнымъ дробить отваливаемый дернъ и тѣмъ помогать послѣдующей бороньбѣ. Въ упомянутомъ выражена крайность—и поле вспахивалось „зилизнико́мъ“ лишь въ одномъ случаѣ на пятьсотъ обычныхъ правильныхъ вспашекъ. Какъ тогда, такъ и нынѣ имъ вспахиваются небольшія огородныя пространства, мелкія „ляды“, гдѣ нельзя извернуться съ сохою, и гдѣ требуется глубокій подъемъ земли. Въ остальномъ „зилязнйкъ“ отправляетъ обычныя службы свои: имъ копаются ямы, канавы, пруды, выправляются борозды между грядами, за неимѣніемъ легкой лопаты прибиваются стороны „лехъ“ и проч.

Мѣстный „зилязнйкъ“ есть довольно грузная изъ прочнаго дерева лопата, иногда съ рукоятью на вершинѣ древка, имѣющая лопасть не свыше 5 верш. въ ширину и 6 верш. въ длину, которая оканчивается при основаніи острымъ полукружіемъ. На такую лопасть туго наколачивается спеціальная желѣзная насадка, дающая орудію имя. Какъ ни необходимъ „зилязнйкъ“ въ быту „зимлипаха“, и какъ ни легко пріобрѣтеніе желѣзной насадки, все же найдутся не единичныя хозяйства, гдѣ нѣтъ „зилизника́“, и таковой приходится одолжать у добрыхъ людей.

5. „Рыдиль или рыдлёвка“ есть прямая лопата, въ четыреугольной тонкой лопасти который имѣется ложе, куда обыкновенно вставляется рукоять изъ самаго случайнаго дерева. „Рыдлёвка“ неоцѣненна при легкихъ земляныхъ работахъ, даже при рѣзкѣ

дерна, но она не выдерживаетъ того нажима при отворачиваніи дерна, какой легко дается „зилиэняку̀“, и ломается. Это положеніе „рыдлёвки“, какъ и необходимость пріобрѣтать ее покупкою, позволяютъ обзаводиться прекраснымъ орудіемъ лишь незначительному меньшинству хозяевъ [780]).

6. „Копа́чка, копа̀лка, ко̀пка“ [781]) составляетъ послѣднее земледѣльческое орудіе для вскапыванія земли. Если имѣется благоустроенная „ко̀пка“, то она нѣсколько напоминаетъ „рыдлёвку“: прямое, хотя и короткое (1 арш.) древко имѣетъ желѣзную насадку съ тонкою лопастью, овальною вверху и сужающеюся внизу, при чемъ наибольшая длина овала будетъ 3 верш., а ширина —едва 2 верш. „Копа̀чка“ вѣдается съ землею главнымъ образомъ не при вспашкѣ, а при добываніи корнеплодниковъ, какъ при окончательной выборкѣ ихъ, такъ и на текущія надобьости, во время роста. Въ томъ и другомъ случаѣ работающій „копа̀ч-кой“ присаживается на землю, или прислоняется на одно колѣно, и взмахомъ только правой руки вводитъ копачку въ нужное мѣсто. При окончательной уборкѣ огорода, картофельной нивы, подвигаясь медленно впередъ, рабочій проползетъ такимъ образомъ не одинъ десятокъ грядъ и извлечетъ изъ земли затаившіеся корнеплодники; но та же работа „копа̀чкой“ во время роста корнеплодниковъ можетъ почесться мѣстною и касается лишь отдѣльныхъ предметовъ, кои нужно извлечь, не повредивъ сосѣднихъ, какъ свекла, морковь, брюква, или не повредивъ „цицавы̀“ [782]), какъ у картофеля.

Такая „копа́чка“ имѣется у крайне ограниченнаго меньшинства и сооружается она какъ-то случайно, когда довелось быть въ кузницѣ, удѣлить праздный остатокъ желѣза да воспользоваться досужествомъ и расположенностью кузнеца. Внѣ этихъ условій „копа́чкой“ являются испорченныя насадки ухватовъ, чепелы, кочерги и т. под., или же плоско стесанный колъ [783]).

7. Неразлучною помощницею сохи является „скорода̀“, како-

вое имя есть общее всѣхъ боронъ—т. наз. „конныхъ граблей“, для разрыхленія поднятой земли, разбивки комьевъ, уравненія площади и сокрытія сѣмянъ. Въ частности „скорода“ бываетъ: а) „ельцы“, которые состоятъ изъ 8—10 еловыхъ плахъ, урѣзанные сучья которыхъ даютъ готовые толстые зубья не свыше 6 верш. Обработанныя плахи связываются двумя парами прочныхъ „клибъ“ и отстоятъ одна отъ другой верш. на $1^1/^2$; въ такомъ же разстояніи находятся и оглобли „ельцывъ“, расположенныя по краямъ. Оглоблями здѣсь бываютъ или гладкія жерди, или удлиненныя плахи съ такими же зубьями, какъ во всей боронѣ.— Сооруженіе „ельцывъ“ не представляетъ затрудненій [784]): одна 20-ти-лѣтняя ель можетъ дать плахъ бороны на четыре и болѣе, а расколоть ее на плахи, стесать послѣднія, обработать зубья и и соединить плахи „клибами“—составляетъ наипростѣйшую топорную работу.

б) Съ тою же доступною легкостью сооружается „ельчина ельчинка“—нѣсколько меньшая борона, отличающаяся отъ первой высокими и тонкими зубьями. Иная „ельчинка“ доходитъ до высоты 10—12 верш. и при движеніи подпрыгиваетъ. Это послѣднее весьма важно при бороньбѣ каменистыхъ полей и, въ особенности, лядъ, гдѣ прочные и частые пни дѣлаютъ безпрестанные зацѣпы, препятствующіе работѣ всякою иною бороной.

Къ сожалѣнію, „ельцы и ельчины“ боронятъ пашню хуже остальныхъ боронъ, даже и тогда, когда онѣ сработаны со всею мастерскою осмотрительностью. Въ этомъ случаѣ „скородьбиты“ принуждены бываютъ проводить борону по одному мѣсту много лишнихъ разъ, накладывать поверхъ грузъ изъ камней, или дерна, и все-таки дополнительно къ сему разбивать упрямые комья „пубоешкый“, топорнымъ обухомъ, подручнымъ коломъ, или „кукый“. Такъ какъ „скыродицъ“ [785]) приходится одною бороной, то чтобы занять болѣе широкую полосу, борона устраивается довольно часто безъ оглоблей и съ ромбоидальнымъ построеніемъ:

тогда къ тупому углу ея придѣлывается валекъ, какъ въ экипажной пристяжкѣ, и къ нему привязываются гужевыя веревки. Занимая относительно широкую полосу и вихляясь въ ту и другую сторону, ромбоидальная „скорода́“ лучше и скорѣе боронитъ пашню.

в) Полезное вихлянье бороны и чрезъ то захватъ большей полосы пашни довольно успѣшно достигается „смыкомъ“—относительно короткою, но широкою бороною, у которой имѣется впереди дуга, вполнѣ замѣняющая оглобли; къ срединѣ дуги прикрѣпляется валекъ, какъ въ ромбоидальной „скородѣ“. Нѣтъ надобности подтверждать, что пашня боронится „смыкомъ“ вдвое скорѣе, чѣмъ „е́льцами“, особенно, если здѣсь зубья вставные, расположенные ближе другъ къ другу, чѣмъ то̀ возможно въ „е́льчинныхъ скорода̀хъ“, и вся невзгода такой бороны можетъ заключаться въ выпаденіи зубьевъ. Въ виду послѣдняго, настоящая борона, т. е. построенная изъ брусьевъ въ клѣточки и со вставными зубьями, составляла, какъ и нынѣ, достояніе немногихъ „землепа̀ховъ“, такихъ, гдѣ подоспѣвала плотничья, или столярная помощь.

г) Надежнѣе всѣхъ боронъ со вставными зубьями приходится считать „битую скороду̀“ съ короткими, прочными „клеца̀ми“ [786]). Она строится съ оглоблями, какъ и „е́льцы“, съ дугою вмѣсто оглоблей, иногда—и ромбоидально, съ валькомъ для запряжки. Во всѣхъ случаяхъ основу ея составляютъ среднiй толщины „клибы“, соединенныя клѣточками и на мѣстѣ соединенія переплетенныя лозовыми „круцёнками“. Сюда, въ сдавленный четыреугольникъ продольныхъ и поперечныхъ „клибъ“, туго и нѣсколько наискось вколачиваются прилаженные изъ дуба, клена и ясеня, „клецы“, съ небольшими засѣчками при головкахъ. Когда „битая скорода́“ построена умѣлою рукой и когда передъ бороньбою она замочена въ водѣ, тогда только остается пустить въ работу наиболѣе дюжую лошадь—и борона, дѣлая свое дѣло, въ

то же время пополняетъ недочеты сохи, потому что наискось поставленные „клецы“ врѣзываются въ дерны, какъ „лимяши“, и дробятъ ихъ довольно быстро.

Выгоды „битой скороды“ не подлежатъ оспариванью, и гдѣ только въ деревнѣ, даже по сосѣдству, объявилась таковая, хозяева не замедлятъ ввести въ личное хозяйство „битую скороду̀“, не взирая на то, что сооруженіе ея труднѣе остальныхъ боронъ. Въ свою очередь, не подлежитъ спору, что наилучшею бороною могла бы почесться борона съ желѣзными зубьями; но на сооруженіе ея, какъ и ремонтъ, необходимы траты, многимъ хозяевамъ непосильныя. Вообще же необходимо помнить, что перемѣщеніе боронъ, иногда и на значительныя разстоянія, происходитъ волокомъ, какъ и въ настоящей работѣ, т. е. зубьями къ землѣ, а это безнаказанно могутъ переносить однѣ лишь „ельничныя скороды“.

8. Гдѣ почва глиниста и гдѣ подъемъ земли пришелся на сухое время, послѣ бороньбы остается на пашнѣ множество земляныхъ комьевъ, которые необходимо разбить. Выше упомянуто, что комья̀ разбиваются разными случайными орудіями—долбней топоромъ, коломъ, жердью и др.; но есть мѣста, гдѣ на сей случай имѣются спеціальныя орудія—„ку́ки“, состоящія изъ короткой толстой чурки, прилаженной къ тонкой рукояти, въ видѣ молотка: подъ ударомъ „ку̀ки“ [787]) распадаются самые упорные комья, и эту работу весьма охотно справляютъ подростки и малыя дѣти обоего пола.

Поминомъ о „ку̀кѣ“ приходится закончить рѣчь объ обрабатывающихъ землю орудіяхъ, свыше которыхъ на самомъ дѣлѣ и не имѣется въ наличномъ обиходѣ простолюдина. Да и что прибавить къ сему? Скорѣе тутъ можно замѣнить одно примитивное орудіе другимъ, какъ, напр., соху—плугомъ, „скороду̀“—бороною съ желѣзными зубьями: такой замѣнъ быстро и неудержимо идетъ въ текущее время, благодаря развитію желѣзнаго дѣла и измѣнив-

шемуся, несомнѣнно, взгляду простолюдина на желѣзные предметы, вводимые въ землю, при обработкѣ послѣдней. Далеко не то происходило въ бытописуемое время, и простолюдинъ готовъ былъ приписывать частые неурожаи мести земли за оскорбленіе ея желѣзомъ [788]).

9. Серпъ и коса первыми воспринимаютъ плоды трудовъ земледѣльца и дары земли. О мѣстномъ серпѣ приходится сказать сравнительно немного: онъ покупается вполнѣ готовымъ, съ точеною ручкою и надлежаще зазубреннымъ, или же заказывается надежнымъ кузнецамъ, которые изъ стараго доброкачественнаго серпа, изъ старой изломанной косы выковываютъ, правда, болѣе грузный, но и болѣе захватистый, надежный, прочный серпъ. Его не трудно отличить отъ покупного по простой изъ случайнаго дерева ручкѣ и по той неровности леза, которую далъ ему молотокъ. Впрочемъ, по мѣрѣ службы и дальнѣйшаго оттачиванія, неровность леза значительно сглаживается и, подобно всѣмъ земледѣльческимъ орудіямъ съ желѣзною насадкою, серпъ даже блеститъ. Какъ покупной, такъ и самодѣльный, серпъ необходимо ежегодно „зуби*ць*“, и это дѣло полностію проходитъ въ мѣстной кузнѣ, въ точные сроки [789]), ради чего направляются туда сами хозяева, но не тѣ, кто ведетъ работу серпомъ во всѣхъ хозяйственныхъ мелочахъ. „Зублéння сирпá“ можно считать единственнымъ случаемъ, когда онъ бываетъ въ рукахъ, или на плечѣ мужчины; въ остальные сроки серпъ при мужчинѣ такъ же страненъ, какъ странна коса въ рукахъ и на плечѣ женщины: послѣдняя никогда не коситъ, а мужчина никогда не жнетъ, за исключеніемъ развѣ мальчиковъ-подростковъ, случайно и временно появившихся на жнивѣ. Во второй половинѣ бытописуемаго срока, когда набѣжало временное затрудненіе съ чернорабочими въ помѣщичьихъ хозяйствахъ [790]), къ жнивному дѣлу приглашались отпущенные на вольныя работы солдаты: трудно представить то удивленіе, съ которымъ деревляне смотрѣли на солдатское жниво, а незнакомые съ

положеніемъ этого дѣла на чужбинѣ отказывались вѣрить въ очевидность факта и видѣли въ немъ особое знаменіе...

10. Чисто мужское орудіе, мѣстная коса пріобрѣтается только покупкою въ городскихъ и мѣстечковыхъ лавкахъ, или на ярмаркахъ, которыми такъ богата сельская весна. Личные свидѣтели этой покупки не откажутся припомнить суетливый гамъ продавцовъ и покупателей, а также и тотъ единственный лязгъ, который производится ударомъ тупого носа о твердый предметъ: такъ „пробуюць косу“ покупатели и существенно на одномъ этомъ опредѣляютъ достоинства ея. Удачная или неудачная коса прилаживается надлежащимъ образомъ, уже дома и „отцягывыитца“. Послѣднее состоитъ въ томъ, что ударомъ „кливцà“ по лезвію косы, лежащей на бабкѣ, оно расплескивается и тончаетъ настолько, что точильная лопаточка только уравниваетъ оттяжныя шероховатости и дѣлаетъ ее готовою къ работѣ.

При посадкѣ коса получаетъ слѣдующія раздѣльныя дополненія: а) „косовину, или косовьё“—почти саженный гладкій шестъ изъ молодой ели, или сосны, какъ наиболѣе пряморастущихъ деревъ. Тонкій конецъ косовьѝ слегка заостряется, чтобы при отдыхѣ можно было воткнуть въ землю, а къ противоположному концу на 1 верш. стесанному наискось, прикрѣпляется пятка косы. Какъ извѣстно, пятка входитъ въ дерево небольшимъ шпинькомъ; дальнѣйшее прикрѣпленіе ея къ косовью дѣлается съ помощью тонкой деревянной пластинки длиною вершка въ 4; б) желѣзною „бáнькой“, которая нагоняется довольно туго на самый конецъ косовья и деревянной планочки, прикрывшей пятку косы. Если не имѣется желѣзной „баньки“, таковую замѣняетъ плетеная лыковая, извѣстная подъ именемъ „кошёлочки и мыльницы“ [791]). Но имя кошелочки полностію принадлежитъ другой „бáньки“ находящейся на косовьѣ вершка на 3 выше отъ первой и прижимающей къ нему другой конецъ пластинки, и в) косовинная рукоять называется „пáлицый“ и представляетъ коротенькую дужку, своею

серединою обхватывающую косовье, а связанными, но расходящимися концами направленную въ сторону косовиннаго лезвія. „Палица“ укрѣпляется на срединѣ косовья, и когда коса несется на плечѣ, то, при слѣдованіи нѣсколькихъ „косьбитовъ“, это даетъ строевое однообразіе и готово напомнить стародавнее войско...

11. Точильная лопатка составляетъ такой необходимый и неразлучный съ косою предметъ, что послѣднюю трудно представить безъ первой: къ тому же точильная лопатка имѣетъ спеціальное исключительное употребленіе, всегда при косѣ, и на стороннюю службу не годится. При косарной работѣ, довольно часто обязывающей „лопа́цицъ“ косу, лопатка обыкновенно волочится по землѣ позади косаря на тонкой веревочкѣ, однимъ концомъ прикрѣпленной къ поясу, и только у бережливыхъ косарей она торчитъ за поясомъ, за пазухой, при голомъ тѣлѣ, или же „у кишани“ портковъ.

Благоустроенная точильная лопатка сначала покрывается слоемъ перегонной смолы, смѣшанной съ мелкимъ пескомъ, а потомъ, пока смола не остыла, ради забористости, посыпается болѣе крупнымъ и даже мелкою „жарствой“. Если же лопатка сооружается наскоро, то вмѣсто смолы употребляютъ „колонацу“, которая, однако, боится солнечнаго припека и какъ-то больше твердѣетъ отъ волоченья на болотистой „мокрявый“ сѣножати. — Съ другими видами точильныхъ предметовъ (брусками, оселковымы стержнями) воспоминаемые косари не вѣдались, и надлежащую отточку производили описанною лопаткою, а всѣ косовинныя „лўпы выгоняли“ [792]) при помощи „клёвчика и бабки“—неразлучныхъ спутниковъ косы и косаря, который держалъ ихъ на всякій случай при себѣ, въ отдѣльномъ мѣшечкѣ, или въ карманѣ. „Клёвчикъ и ба́бка“ (маленькая наковальня) могутъ быть пущены въ дѣло въ самыхъ, повидимому, неожиданныхъ мѣстахъ, если только тамъ можно утвердить „ба́бку“: пень, бревно, нова-

ченное дерево, прочная жердь въ изгороди, а за отсутствіемъ, или дальностію таковыхъ, и телѣжная ось (передокъ) служатъ постоянными гнѣздами „бабки", вколачиваемой сюда двумя тремя ударами „клёвчика".

12. При косьбѣ гречихи, гороха, малорослаго овса и ячменя [793]), когда требуется наиболѣе правильная укладка комлей, къ косѣ прилаживается отдѣльное построеніе—„грабёльки". Взятые отдѣльно „грабёльки" представляютъ и при посадкѣ на косу замѣняютъ косовинную пластинку, крюковидный конецъ которой, укладывающійся вдоль тупой стороны косы, составляетъ грабельную колодку; сюда, вертикально къ косовинному лезу, вставлено бываетъ до пяти тонкихъ зубьевъ 6-ти верш. длины. Благодаря „грабёлькамъ", скашиваемые предметы укладываются такъ благопріятно, что потомъ легко и скоро могутъ быть связаны въ подлежащіе снопики.

На „грабёльки" подыскивается крючковатый самородокъ, который потомъ отдѣлывается и прилаживается къ домашней косѣ. Такъ какъ надобность въ нихъ можетъ быть довольно рѣдкою, то къ построенію „грабёликъ" прибѣгаютъ относительно немногіе хозяева, остальные же прибѣгаютъ къ „позыкѣ".

13. Сѣнокосныя грабли состоятъ изъ двухъ неподвижно соединенныхъ частей: „грабилины" (она же—„цавьё") и „бруска или колодки" съ зубьями. Первая имѣетъ величину „косовины" и входитъ въ колодку двумя расколотыми концами въ тупой сторонѣ; что же касается „бруска", то въ благоустроенныхъ грабляхъ онъ слегка изгибистъ въ сторону „граби́лины".

Безспорно, грабли составляютъ слишкомъ необходимый предметъ при сѣножати, какъ и на нивѣ, но и въ разныхъ усадебныхъ углахъ—въ току, въ пунѣ, на дворѣ, даже дровосѣкѣ—онѣ незамѣнимы („безъ граблей, какъ безъ рукъ"), и Богоданными граблями тутъ подѣлаешь немногое. Между прочимъ, при помощи ихъ убираются гряды передъ посѣвомъ, боронятся „ляды

и груды", выбирается картофель осенью, а въ урожайное грибное время, при листопадѣ, искатели грибовъ идутъ въ лѣсъ съ граблями, которыми и пользуются въ завѣдомо грибныхъ мѣстахъ. Въ виду сего количественность граблей въ самомъ скромномъ хозяйствѣ превосходитъ количественность остальныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій, чуть ли не взятыхъ вмѣстѣ.—При подъемѣ грузнаго пласта, неосторожномъ нажимѣ, при ударѣ животнаго подъ сердитую руку и другихъ непредвидимыхъ обстоятельствахъ, всегда „крохкая грабилина" [794]) ломается весьма скоро; а потому на сей случай каждое хозяйство заготовляетъ цѣлые „пуки грабилинъ", которыя съ расколотымъ тупымъ концомъ и затиснутою въ расщепъ чуркою обыкновенно покоятся подъ стрѣхою и навѣсомъ. Кто не „жалѣпць працы", тотъ прилаживаетъ къ „грабилини кошелочку, или баньку", которыя обыкновенно туго нагоняется на расщепъ; но этого почти не нужно, потому что сухая „грабилина" не раскалывается дальше того, какъ это сдѣлано было еще въ сырой жердочкѣ.

14. Та же жердочка, но безъ расщепа, или стеса на концѣ составляетъ первую часть цѣпа, извѣстную „цапилину". Тонкій конецъ ея обрѣзается „баничкой" (узкій, мелкій пазъ), куда тугою петлей надѣвается ременная или веревочная „путца", другимъ глухимъ концомъ проходящая сквозь „обичёвку"—короткій, верш. въ 10—12, пестъ, діаметральная толщина котораго не превышаетъ $1^1/_2$ верш.—При ненадежности, или обветшалости „путцы" [795]) да благодаря сильнымъ взмахамъ и ожесточеннымъ ударамъ „обичёвки" по обмолачиваемому хлѣбу, послѣдняя весьма часто отрывается и летитъ впередъ, и если при этомъ бываютъ рѣдки несчастные случаи съ „молоцьбитами", такъ потому только, что они располагаются съ цѣпными взмахами и ударами наискось (см. прим. 587). Что же касается остановокъ для исправленія цѣпа, то онѣ составляютъ какъ будто узаконенную необходимость молотьбы...

15. По окончаніи собственно молотьбы въ дѣло идутъ „вѣилка“, метла и вилы; эти предметы никогда не сходятъ съ тока и на другія надобности не употребляются. „Вѣилка“ есть легкая лопаточка, съ загнутыми съ трехъ сторонъ краями и короткою ручкою; длина такой лопаточки не превышаетъ 5, а ширина 4 верш.—Молотильная метла отличается отъ прочихъ особенно длинными, тонкими прутиками въ хвостѣ, и чтобы послѣдніе удерживали необходимую прямизну, метла не прислоняется стоймя, а всегда лежитъ на землѣ. По той же причинѣ и по условіямъ „гóнки“ вымолоченнаго хлѣба, „молоцьби́тъ“ работаетъ метлою нагнувшись болѣе обыкновеннаго и низко опустивъ руки, такъ что метла стоитъ по отношенію къ „гоняемому добру“ [796]) подъ острымъ угломъ градусовъ въ 35.—Подобно метлѣ, молотильныя вилы имѣютъ два длинные рожка и относительно короткую рукоять; онѣ значительно легче сѣнныхъ, изящнѣе сноповыхъ и чище навозныхъ.

16. Довольно грузныя сѣнныя вилы о трехъ рожкахъ употребляются лишь при подачѣ сѣна на завершающійся стогъ и при подачѣ гороха на верхи „острòвыкъ“, когда нельзя сдѣлать того же покладкою непосредственно съ рукъ или подбросомъ. Въ этомъ случаѣ добрая охапка сѣна, или гороха, то подхваченная вилами, то положенная въ гнѣздо ихъ при сторонней помощи, дюжею силою рабочаго поднимается на высоту свыше 2 саж. и тамъ перенимается „вéршникомъ“ [797]).—Вилы сноповыя, съ саженною и болѣе рукоятью, съ короткими рожками, употребляются въ свою очередь при завершеніи „стороны“ въ току, „кладкà“ на гумнѣ, или при подачѣ бобовыхъ сноповъ на „острòвки“, когда неудобно подкидывать снопы на высоту: съ навычною ловкостью снопъ подхватывается рожкомъ подъ „вязьмò“ и поднимается къ мѣсту.—При благоустроенномъ положеніи хозяйственнаго дѣла, навозныя вилы строятся изъ прочнаго дерева, съ выгибомъ, двумя нарожниками, на которые наколачиваются желѣзныя насадки

одного типа съ „лимишами“. Такія вилы служатъ десятки лѣтъ и не дома только, а и при всѣхъ навозныхъ толокахъ у близкихъ и дальнихъ сосѣдей. Однако, эти вилы доступны далеко не всѣмъ, и въ доброй половинѣ хозяйствъ можно увидѣть чисто деревянныя вилы—дубовый, или ясеневый самородокъ, обработанный по силѣ умѣнья. Состоя въ одно и то же время наземными и навозными, эти вилы позволяютъ управиться не хуже „лимяшевыхъ“. Правда, при усердномъ рабочемъ нажимѣ, особенно послѣ толочной выпивки, такія вилы нежданно теряютъ тотъ или другой рожекъ; но отъ этого работа не останавливается, такъ какъ подъ руками всегда можно найти другія и третьи запасныя вилы.

17. Одинаковая судьба постигаетъ и чисто деревянный „копа́чъ“, когда въ прибѣдненномъ положеніи таковой употребляется вмѣсто насадочнаго желѣзнаго: подъ рабочимъ одушевленіемъ иной „скйдиль“ захочетъ свалить съ воза побольше „гною“, туго завязитъ „копа́чъ“ да рванетъ зацѣпленный пластъ къ себѣ—и злополучные зубья „копача́“ останутся въ навозѣ, а въ рукахъ „скйдиля“—никуда негодный шестъ—остатокъ копача... Дѣло опять же поправимое: подъ руками сыщется новый копачъ—крѣпкодревесинный самородокъ съ двумя правильными суками, обращенными подъ угломъ къ рукояти. Его не трудно обтесать и приладить къ работѣ.

Не трудно видѣть, что навозныя вилы и копачъ, служащіе самымъ грязнымъ надобностямъ, имѣютъ и грязное мѣстонахожденіе. Если они съ желѣзными насадками, то, пожалуй, будутъ пріючены въ клѣти, даже сѣняхъ, чтобы спасти насадки; что же касается чисто деревянныхъ вилъ и копача, то они оставляются тамъ, гдѣ засталъ конецъ работы.

18. Не всякому посѣтителю „пу́ни“ понятно будетъ безсмѣнное пребываніе здѣсь чистенькаго, легкаго, аршинной длины крючка, который зимой торчитъ въ сѣнной „сторонѣ“, а лѣтомъ, по опорожненіи пуни, подъ крышею, или въ стѣнной щели. А меж-

ду тѣмъ безъ этого крючка нельзя, или, покрайней мѣрѣ, трудно добыть сѣна изъ стороны. При необходимости „наскўсь сѣна“, крючекъ быстро втыкается въ сторону своею острою головкою, а выдернутый оттуда такъ же стремительно, онъ вытаскиваетъ своимъ единственнымъ зубцомъ клокъ сѣна. Клокъ за клокомъ—и на землѣ выростаетъ нужная охапка сѣна, тогда какъ въ сторонѣ образуется сѣнное углубленіе.—Такимъ же образомъ, при помощи крючка, извлекается сѣно или солома изъ гуменныхъ стоговъ.

19. Мѣстная мялица состоитъ изъ деревяннаго копанца съ двумя прочными корневищами, расходящимися въ стороны. По надлежащей обработкѣ дерева, оба корневища даютъ мяличныя ножки, тогда какъ толстый стволъ дерева, длинною около сажени, нѣсколько стесывается сверху и въ немъ, по всей почти длинѣ, идутъ одна или двѣ выдолбки, служащія гнѣздомъ для била. Послѣднее, тщательно приложенное къ выдолбкамъ, въ мяличной головкѣ заканчивается короткою рукоятью, а въ хвостѣ ходитъ вверхъ и внизъ на шарнирномъ гвоздѣ. Какъ извѣстно, обрабатываемый ленъ, или пенька кладется на мяличный стволъ, подъ било—и подъемомъ да сильнымъ прибоемъ его переламывается самая упрямая костра. Слѣдуетъ признать, что всѣ работы со льномъ и пенькою справедливо причисляются къ наитруднѣйшимъ сельско-хозяйственнымъ работамъ; но работа на мялкѣ почему-то называется „самый сибирный“, и въ предвидѣніи ея томится не одинъ привычный рабочій да потягивается при поминѣ о предстоящемъ мятьѣ.

При работѣ и внѣ ея мялица стоитъ наклонно, опираясь на землю двумя ножками и вольнымъ концомъ ствола. Сродная регулярность можетъ быть отнесена и мѣстонахожденію мялицы: она стоитъ при банѣ, или при току, на время работы вносится въ передбанникъ, или въ токъ; но есть рѣдкіе случаи, когда мялица появляется въ сѣняхъ и даже въ хаткѣ, это—домашнее

валенье сукна.—Служа нескончаемо долгіе годы, переживая хозяевъ, дряхлая мялица заканчиваетъ свой вѣкъ подъ топоромъ, а вслѣдъ за симъ—„поджёжиный, подтопиный“, подобно многимъ предметамъ изъ категоріи земледѣльческихъ орудій и снарядовъ.

20. Когда мялица сдѣлала свое дѣло, т. е. когда у льна или пеньки поломана костра, обрабатываемый матеріалъ поступаетъ подъ „трипачку, или трапло“, которая есть легкая верш. 12 въ длину и свыше 2 верш. въ ширину лопаточка съ короткою рукоятью и острыми ребрами. Сильными ударами реберной стороны „трипла“ по горсти или даже по „повѣсму“ перемятаго матеріала изъ него извлекается наиболѣе крупная костра, а туго держащаяся при волокнѣ въ значительной мѣрѣ мельчается. Когда трепальная работа касается небольшой партіи, лишь на собственныя нужды, то горсть льна или пеньки держится въ это время лѣвою рукою на отлетѣ и рѣдко—прислоняется къ мяличной головкѣ; но при обработкѣ значительной партіи, на пригонной работѣ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, на наемной работѣ при льноторговыхъ складахъ, въ помощь „трепачки“ имѣется спеціальный „загнёцикъ“—короткая плаха, въ округлую сторону которой неподвижно вправлена неширокая доска вышиною около 1 арш. и 12 верш. Тутъ „трипачикъ“ перевѣшиваетъ обрабатываемую горсть на вершину стойки и, придерживая ее лѣвою рукой, орудуетъ „траплой“, находящеюся въ правой, при чемъ сперва пускается въ дѣло большая „трипачка“ (свыше 1 арш. и 6 верш. длиною, при соотвѣтственной ширинѣ), а потомъ и обыкновенная меньшая. —Такъ именно работаютъ присяжные „трипачики“ [798]) надъ большими партіями льна и пеньки, предки которыхъ создали непонятную и даже улегшуюся нынѣ поговорку: „айдѣ трипачики трипали, тамъ и грошики прыпали“...

Рядомъ со спеціальною службою „трипачка“ оказывается пригодною и на иныя надобности: „ткаха“ работаетъ на ней за-

ново, или „пирисаживыиць нити“ [799]), а рыболовъ строитъ „рѣжу для оборца“.

Перечисленнымъ исчерпывается полный кругъ земледѣльческихъ орудій и предметовъ, съ одной стороны, подготовляющихъ землю къ посѣву, а съ другой—воспринимающихъ и обрабатывающихъ готовые дары. Слѣдя за мѣстонахожденіемъ ихъ въ усадебныхъ строеніяхъ, приходится видѣть, что немногіе предметы ютятся въ опредѣленныхъ мѣстахъ, тогда какъ остальные покоятся или тамъ, гдѣ засталъ конецъ работы, или гдѣ было поближе какое-нибудь усадебное строеніе, такъ что, при надобности, необходимо разыскивать, а небрежно оставленный, да набѣжавшею случайностью перепорченный предметъ—и исправлять въ преддверіи работы. Предметы съ желѣзными насадками, а также зубчатые предметы, хоронятся, повидимому, нѣсколько осмотрительнѣе; но къ этому призываетъ сбереженіе насадокъ отъ хищниковъ и опасеніе, какъ бы не натолкнуться на острый или зубчатый предметъ, да не нажить бѣды: косою, серпомъ можно порѣзать тѣло, а всевозможными „нарожниками“, зубьями граблей, вилъ и боронъ наколоть то же тѣло. Еще большая случайность можетъ постигнуть неразумныхъ, а часто и опрометчивыхъ хозяйственныхъ пособниковъ—лошадь, корову и другихъ животныхъ. Въ виду сего серпъ и коса, навѣшанные на значительной высотѣ стѣны, торчатъ въ малодоступномъ углу строенія; соха, припертая къ стѣнѣ стоймя, опять же ютится въ малопроходномъ углу; вилы и грабли, въ свою очередь, подтыкаются между крышею и послѣднимъ бревномъ строенія; даже при временной остановкѣ работы, грабли или втыкаются „грабилиный“ въ землю, или кладутся на нее, на обрабатываемый предметъ, зубьями внизъ. При всемъ этомъ приходится сталкиваться съ довольно непонятною небрежностью, нерѣдко окупаемою дорогою цѣной: такъ, пашущая лошадь оставляется въ сохѣ или боронѣ на часовую отлучку хозяина; на время такой-же отлучки зря бросаются на землю коса и грабли, а

оставленная за нивою да перевернутая какимъ-нибудь шутникомъ борона лежитъ тутъ до новой надобности: предательскіе зубья зимою прикроетъ снѣгъ, а лѣтомъ—густая трава...

Сверхъ перечисленныхъ предметовъ, какъ очевидно, ютящихся въ разныхъ усадебныхъ мѣстахъ, въ надворныхъ строеніяхъ, или вблизи ихъ ютятся и живые додатки хозяйства—собаки и „птаства“, подъ именемъ которой въ рѣдкихъ только хозяйствахъ можно разумѣть пернатую „живнысь“—куръ, гусей, индюковъ, въ преобладающемъ большинствѣ—однѣхъ лишь куръ. Раньше упомянуто было о неопредѣленномъ мѣстопребываніи этихъ хозяйственныхъ послѣдышей, хвостовъ, „зъѣди“ [800]), какъ называютъ ихъ хозяева, и къ этому остается добавить раздѣльныя имена „птаха“ [801]), какъ особи, примѣнительно къ разнообразному положенію его. Такъ, владыка курятника, куриный „заводай“, чаще всего извѣстенъ подъ именемъ „пѣвня“, хотя подаваемый имъ голосъ носитъ названіе „пѣтуховъ“ (первые, вторые, третьи пѣтухи). При оставленіи „на племя“, хозяйки подмѣчаютъ „писклёнка“, раньше другихъ начавшаго подавать пѣтушій голосокъ и тутъ же принимаютъ во вниманіе драчливость подростающаго „куряненка“, его относительную домовитость, игривость, не придавая большой цѣны его родовитости: „гыляндэрьскій пѣвинь“, какъ и „шурпа“ [802]), не имѣетъ предпочтенія, потому что потомство ихъ не даетъ хорошо „кладущихъ курыкъ“, выносливыхъ особей, а его пѣвучій „ревъ“ не ласкаетъ слуха, не гармонируетъ съ пѣвучестью окрестныхъ „пѣвнивъ“ и нерѣдко фальшивъ. Гораздо важнѣе породистости раннее рожденіе „курыкъ“, между которыми безспорное первенство принадлежитъ „марцовикымъ“: къ концу лѣта они становятся „молодыми куркыми“, а въ срединѣ осени, или къ началу зимы дѣлаются „кладущими, гнѣздящими“, отпуская по яичку въ день. Еще до весенняго выхода на подворье такая курка начинаетъ „квыктать“ и около масляницы превращается въ настоящую „квактуху“, готовую подарить „мар-

цо̀викывъ“. Состоя „дяцишыхый“ до майскихъ дней и, выростивъ „писклятъ, отво̀длая ку̀рка“ въ іюнѣ снова дѣлается „кладущій“. Все это слишкомъ выгодно въ хозяйственномъ положеніи, какъ выгодна бываетъ и „ку̀рка—яловка“, прекращающая кладку яицъ лишь на время линьки, или „ку̀рка-кранивница“ устраивающая кладку яицъ въ какомъ-нибудь потайномъ мѣстѣ, которое только въ рѣдкихъ случаяхъ не можетъ быть разыскано и утилизировано [803]). Безспорно, хозяйству приходится бороться съ разорителями огородныхъ посѣвовъ и посягателями на гуменныя складища. Но въ огражденіе перваго случая „дяцишыха“ навязывается въ подходящемъ мѣстѣ на нитку, а это, не препятствуя отправленію материнскихъ обязанностей, удерживаетъ все гнѣздо разорителей вдали отъ посѣвовъ, пока тѣ не поднимутся до безопасной высоты. Что же касается посягательства куръ на гуменныя складища, то къ сей порѣ семьяне гуще и чаще группируются около дома, и тутъ скорѣе можетъ раздаться отгонное „кышъ!“ или полетѣть въ сторону посягателей еще болѣе отгонный комъ земли, камень, палка...

Кромѣ куръ, въ мѣстахъ при-водныхъ домашняя „птаства“ пополняется еще гусями и даже утками, тѣмъ болѣе, что зимою они довольствуются самою невзыскательною пищею, а отъ ранней весны и до поздней осени прокармливають себя сами, гдѣ и какъ приведется [804]). Но такъ какъ разведеніе водоплавающихъ птицъ доступно далеко не всякому хозяйственному мѣсту, то объ этихъ птицахъ въ пользованіи деревлянина можно сказать немногимъ болѣе, чѣмъ объ „индыка̀хъ, цыца̀ркахъ“ [805]) и голубяхъ—случайныхъ домашнихъ птицахъ, или, правильнѣе, гостяхъ среди „птаствы“. Подаренное, вымѣненаое и другимъ путемъ пріобрѣтенное индючье или цесаркино яйцо подкладывается подъ куриную насѣдку „цыка̀вствы“ ради, а полученный выводокъ сбывается потомъ въ стороннія руки. Что же касается голубей, то появленіе и исчезновеніе ихъ стоитъ внѣ хозяйственныхъ заботъ, и въ

пользу этой, однако, чтимой птицы будетъ сдѣлано слишкомъ много, когда какой-нибудь мальчикъ-подростокъ привѣситъ подъ стрѣхою завялящую корзиночку, или соломенный кулекъ (конусообразное плетенье).

VIII. «Во саду-ли, въ огородѣ»...

Въ посильной планировкѣ „сялибы“ (черт. А) площадь сада (лит. і) и огородовъ (лит. н) помѣчены тамъ, гдѣ у половиннаго числа „жихырьствъ“ они находятся на самомъ дѣлѣ, или гдѣ мѣстонахожденіе ихъ является наиболѣе желательнымъ. Но какъ трудно направить волю хозяевъ на шаблонный распорядокъ усадьбы и построекъ, такъ же трудно опредѣлить съ точностію и тѣ скромные уголки, о которыхъ идетъ рѣчь въ настоящей главѣ: смѣщеніе главныхъ построекъ, дополненіе прежнихъ новыми, коренная перестройка по случаю пожарнаго несчастія, неудачный выборъ огороднаго мѣста основателями „сялибы“, прихоть наслѣдниковъ, сосѣдскія невзгоды и мн. др. могутъ вызвать самые неожиданные усадебные распорядки, а по отношенію къ нимъ—и неожиданное мѣстонахожденіе сада, или огорода. Не считаясь съ тѣми многократными случаями, когда бывшій при домѣ садъ теперь очутился среди поля, лѣсныхъ зарослей, достаточно помнить, что переустройство сада въ огородъ и обратно такъ возможно и такъ легко, какъ возможно измѣненіе хозяйской воли и житейскихъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ единственнымъ точнымъ мѣстонахожденіемъ сада и огорода можно признать лишь относительную близость къ жилому помѣщенію: тутъ, на виду и подъ охраною жильцовъ, фрукты и овощи оберегаются отъ хищниковъ и въ то же время остаются подручными на личныя надобности, для чего стоитъ только перейти на задворокъ, или перебѣжать чрезъ „вуліку“ (дорогу).—Въ скромной, но ласкающей тѣни сада, наличность котораго вся тутъ, „какъ на ладони“, невольно припоминается немудреный сказъ о его зарожденіи, ростѣ и судьбѣ. Повторить бы этотъ сказъ!..

Было время, когда на „пыцырóбный или рысцырóбный" работѣ хозяйливый дѣдъ натолкнулся на „лисовýшку" [806]). Юный ли видъ деревца, стройность его, хозяйственное корыстолюбіе или желаніе оставить по себѣ „пáмитку" руководили дѣдомъ, ни только онъ пощадилъ „лисовýшку", а прикончивъ работу, безъ особеннаго усилія выдернулъ деревцо изъ земли, принесъ домой и тутъ же прикопалъ его на задворкахъ, поливъ раза два водою да прикинувъ на корневище столько же горстей щепъ и навозу. Судьба сжалилась надъ дѣдовскими трудами и „лисовýшкый": послѣдняя прижила и раскинулась. Хозяйливый дѣдъ не пожелалъ, однако, остановиться на этомъ: каждую весну и подъ осень онъ пытался, или только намѣревался „прищепúць лисовýшку". Дѣло какъ-то не спорилось: то „прищепъ" [807]) неудаченъ, то время неподходяще, то „трипотíнъ" [808]) неисправенъ, то, наконецъ, „шкóдило" чье-нибудь завистливое око—и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ дѣдъ прекратилъ культивированіе „лисовýшки", которая тѣмъ временемъ подросла и начала давать „пылявки". Вкушалъ ли дѣдъ плоды трудовъ своихъ, или предоставилъ это потомству, но только самъ онъ, какъ и его семьяне, видѣли въ разросшейся „лисовýшки" хозяйственный даръ, красу задворка; излагая же на смертномъ одрѣ свою послѣднюю волю, дѣдъ не забылъ о „дирявѣ", просилъ „бирягчи" таковое и много сожалѣлъ о томъ, что не удалось своевременно культивировать дерева и расширить садовой площади прибавочными насажденіями [809]).

Сколько по дѣдовскимъ завѣтамъ, столько же и по личному побужденію неменѣе хозяйливый сынъ усугубилъ насажденія новыми „лисовýшкыми, пылявýшкыми", былъ счастливѣе относительно „прищéпы", или, пріобрѣтя настоящее культурное дерево, осуществилъ то, что составляло несбывшіяся мечты дѣда. По пословицѣ—„къ готовому костру легче пригрести"—сынъ дополнялъ насажденія то подходящимъ фруктовымъ деревцомъ, вишен-

кой, то ягодниками, и въ послѣднемъ дѣлѣ усердными сотрудниками явились внуки первонасадителя: во время пастьбы, грибныхъ и ягодныхъ поискахъ, дранья лозы и другихъ подходящихъ отлучкахъ въ лѣсъ, къ рѣчнымъ доламъ, они торжественно приносили то „смороды", то бѣлыя и красныя „порѣчки" [810]), то запропастившійся въ глуши „агрестъ", то, наконецъ, полюбившуюся „колокалушину [811]), рябининку, калининку". Ко всему этому кто-нибудь воткнулъ въ садовой площади живучую „вѣрьбинку", прикопалъ „ядловицъ" [812]), дабы въ послѣдующее время имѣть его при освященіи вербы подъ руками, а подновляя изгородь весною, употребилъ лозовый колъ, который, какъ и „вѣрьбинка", поросъ лѣтомъ густыми побѣгами: и вотъ сверхъ фруктовыхъ насажденій въ саду появились тѣневыя. Оставалось бы прибавить сюда орѣшникъ да малинникъ; но ихъ много по сосѣдству, въ лѣсу, овражныхъ склонахъ, непосредственно за „сялибый"—и нѣтъ сомнѣнія, что рано ли, поздно ли они такъ и иначе сами появятся здѣсь. И дѣйствительно, играя въ саду да „*луская*" орѣхи, ребятишки растеряли послѣдніе, а какая-нибудь пичужка, выкармливая здѣсь птенчиковъ, уронила въ торопяхъ назрѣвшую малининку: потерянные и уцѣлѣвшіе плоды весною пошли въ ростъ, а чрезъ недолгіе сроки украсили садъ послѣднимъ дополненіемъ.

Такимъ образомъ, благодаря послѣдовательнымъ усиліямъ трехъ поколѣній, при невинномъ сотрудничествѣ дѣтей-игроковъ и пичужки, на задворкахъ образовался садъ, въ которомъ, пожалуй, „чего хочешь, того й просишь". Что нужды въ доброкачественности фруктовъ? Такъ или иначе ягоды своевременно и даже безвременно будутъ убраны ребятишками; а яблоки, или груши... къ первой покушкѣ ихъ призоветъ молитвенное освященіе въ Спасовъ день, а засимъ, не вызывая чужой алчности и не приманивая даже ребятишекъ, яблоки и груши остаются на деревѣ до полной зрѣлости, до той поры, когда вездѣ „колоцюць,

трясуць сады“. Осенніе и зимніе морозы уровняютъ „полявку, дубовикъ“ 813) или иной „садкій“ 814) яблыкъ“ —выбьютъ изъ нихъ горечь, умягчатъ послѣ „талки“; что же касается острой кислоты яблокъ, то она является даже желательною: лакомясь мягкимъ, талымъ яблокомъ, здоровый человѣкъ прогоняетъ имъ „просонніяку“, больной—„смаживьку“, а всѣ вообще поздравляютъ и благодарятъ основателей и дальнѣйшихъ тружениковъ сада 815).

Кромѣ такой существенной службы, садъ приноситъ лѣтомъ и другую: отъ ранней весны и до выхода въ поле со скотомъ здѣсь навязываются телята-„сиголѣтки“, даже „дяцінныхи-курки“, и здѣсь же, въ знойные праздники, или будничные полудни вылеживаются и высыпаются въ тѣни рабочіе члены семьи, если только не нашлось для того подходящаго мѣста въ строеніи. Если же садовая площадь оберегается ради травы, по случаю нахожденія здѣсь одного-двухъ ульевъ пчелъ, то, давая семьянамъ полуденный притонъ, садовый лужокъ неоцѣнененъ и съ травою, и послѣ косьбы, которая здѣсь, какъ и на гуменныхъ лужкахъ, можетъ повториться въ теченіе лѣта два и три раза.

При настоящемъ поминѣ имѣлся въ виду среднiй садъ, кстати, доступный меньшей половинѣ воспоминаемыхъ садоводовъ; но и такой садъ нерѣдко приходился одинъ на деревню, даже на двѣ деревни... Скромнѣе его почитался садъ съ одною-двумя „лисовушками“, и назвать его садомъ приходилось развѣ потому, что такъ величали его хозяева и сосѣди, какъ и потому, что посаженныя деревья ютились на кое-какомъ лужку. Обращаясь къ размѣщенію садовыхъ деревъ и ягодниковъ, можно воочію видѣть, что здѣсь сочетались труды и вкусы лицъ разнообразныхъ временъ и возрастовъ и что ко всему этому подоспѣвала случайная садоводственная помощь: подъ тѣнью толстой и высокой „лисовушки“ 816) дѣда густо и высоко потянулись внуковы „смороды

и порѣчки“, а его „агрестъ захрясъ“ въ садовомъ углу, не имѣя силъ преодолѣть присосѣдившагося „чапыжника, дядовника“ [817]), крапивника и другой заросли, обычной при усадебныхъ строеніяхъ.

Соотвѣтственный строй можно подмѣтить и въ тѣхъ садахъ, гдѣ есть съ десятокъ деревъ и ягодниковъ, гдѣ деревья добыты изъ питомниковъ, изъ вѣрныхъ рукъ, или „прищеплины“ на мѣстѣ свѣдущимъ лицомъ, надежными „прищепками“, и гдѣ лѣтомъ красуется уже арендаторская соломенная будка, съ единственнымъ лишь уклоненіемъ, что здѣсь деревья, по возможности, однорослыя, и что ягодные кусты находятся на окраинныхъ линіяхъ, а не разметаны по всему саду, какъ въ первомъ случаѣ. Признаться, о правильной, размѣренной посадкѣ деревьевъ воспоминаемый деревлянинъ не имѣлъ надлежащаго понятія, и его не вразумляло, что 10-тилѣтнія деревья сплетались въ густой сводъ на высотѣ 2 саж., да такъ и продолжали дружественный ростъ къ небесной выси.

При всей видимой пользѣ садовъ, они были слишкомъ рѣдкими, и на это имѣлись основательныя причины: на посредственные фрукты несовсѣмъ легко бывало подыскать охочаго арендатора; сбывать ихъ лично было и того труднѣе. А между тѣмъ отъ явныхъ и, въ особенности, тайныхъ посягателей некуда уйти: одинъ проситъ на „покушку“, другой для больного, третья—„на молодое“ [818]); что же касается садовыхъ хищниковъ, такъ и въ то, повидимому, простое время они бывали едва-ли малочисленнѣе теперешнихъ [819]). Погоня за каждымъ земельнымъ клочкомъ, недостатокъ крѣпостническаго времени, неумѣнье вести садовое дѣло и только что помянутыя причины становились поперекъ садоводства и тормозили его до переживаемыхъ дней, когда видимо сознанная польза садовыхъ насажденій стала чуть ли не первою потребностью современной крестьянской усадьбы.

Когда такъ туго шли садовыя насажденія, то о простыхъ

древесныхъ насажденіяхъ едва-ли приходится говорить, какъ о дѣйствительномъ усадебномъ, или садовомъ дополненіи. Правда, благодаря отдаленнымъ строгимъ указаніямъ на древесныя насажденія вдоль грунтовыхъ бойкихъ дорогъ, при крестьянскихъ „сялибахъ“, встрѣчались тождественныя посадки съ подражательнымъ размѣщеніемъ ихъ тамъ и сямъ. Эти древесные великаны, уцѣлѣвшіе кое-гдѣ выхватами, краснорѣчиво напоминали потомкамъ о красѣ и пользѣ насажденій, на каковомъ, однако, поминѣ дѣло и заканчивалось. Тѣмъ не менѣе, очищая гуменную площадь, подступающій къ огороду, къ саду лѣсъ, иной „хозяйливый жыхыръ“ все же пощадитъ одно-два деревца, которыя потомъ разовьются и разростутся чудною красою. Но не красы ищетъ простолюдинъ, а пользы насущной: древесная тѣнь пріютитъ навязаннаго теленка, жеребенка, лошадку, какъ и владыку ихъ, во время зноя; прочный древесный стволъ послужитъ надежною коновязью, а если пощаженное дерево—береза, кленъ, то въ каждую весну оно будетъ дарить или „бѐрьку“, или „клянѐвикъ“... Намѣренными и, отчасти, заботливыми, некорыстными насажденіями можно считать древесныя насажденія на родственныхъ могилахъ,—что можно видѣть на многихъ сельскихъ кладбищахъ, старыхъ такъ же, какъ и новыхъ. Къ сожалѣнію, разнузданные пастухи, находя здѣсь для пасомыхъ обильный, тучный кормъ, губятъ юныя насадки и труды потомковъ надъ дорогимъ прахомъ предковъ [820])...

Мѣстный „горѐдъ“ находится въ болѣе привилегированномъ положеніи и обставленъ лучшими условіями хозяйственнаго ухода, уже потому, что онъ состоитъ неизбѣжнымъ спутникомъ самобѣднѣйшей бобыльской „сялибы“ и соединенъ съ нею „якъ рукой подáць“. Такъ прежде всего ему дается наиболѣе благоустроенная „щúтныя азгорóда“, ежегодно удобряется онъ лучшимъ (конскимъ и овечьимъ) навозомъ; раньше и осмотрительнѣе другихъ земельныхъ участковъ онъ будетъ вспаханъ, при чемъ разобьются, или перетрутся руками ничтожные комья, а камни и уцѣлѣвшія корне-

вища будутъ собраны и отнесены въ огородные углы. Если огородная площадь мала для сохи и бороны, то пахотная работа произведется заступомъ и граблями,—что на самомъ дѣлѣ лучше. И нельзя сказать, что огородная почва не отплачиваетъ за труды и старанія хозяевъ: на небольшой сравнительно площади родится столько овощей, что ихъ достаточно не только на лѣтнее продовольствіе семьи, но станетъ и на предстоящую зиму, съ новымъ обсѣмененіемъ огорода включительно.

Несмотря на то, что неутомимые огородные копатели, свиньи, достаточно вспашутъ огородъ, какъ только послѣдній будетъ открытъ для нихъ послѣ осенней уборки, каждый заботливый хозяинъ взоретъ его на зиму, а иной даже и заборонитъ, и это не пойдетъ въ счетъ весенней вспашки: какъ только соха въ состояніи будетъ войти въ талую землю, огородная площадь снова вспашется, а чрезъ недѣлю, много—чрезъ 10 дней, выдержитъ „мѣшинь“ съ бороньбою. Когда и безъ того мягкая земля распашется до послѣдняго разрыхленія, тогда въ ближайшемъ къ дому уголкѣ, по приблизительному разсчету, на четвертой части огородной площади, „гоняютца лёшки“, т. е. проводятся сохою нѣсколько разъ по одному мѣсту глубокія борозды. На этомъ кончается мужская работа въ „ляшнӧмъ“ отдѣленіи огорода; въ дальнѣйшемъ—„закáпываюць лёхи“, сѣютъ и вершаютъ запашку грядъ исключительно женщины,—что, по мѣстному климату, возможно въ періодъ отъ Юрьева (23 апр.) до Николина (9 мая) дня, и что кончается рѣдкостнымъ празднествомъ огородницъ— „бӑбскими рӧзбрыками“ 821)...

Въ образѣ огороднаго засѣва, расположеніи овощей на грядахъ и по отношенію другъ къ другу нельзя установить однообразія: иные засѣваютъ бураки, морковь и рѣдьку „подъ соху“, т. е. когда дѣлается послѣдняя мѣшань, при чемъ сѣмена корнеплодниковъ опускаются въ землю сухими; но отъ такого засѣва бываетъ крайне неравномѣрный ростъ корнеплодниковъ, что

зависитъ отъ глубины запавшаго въ землю сѣмечка. Гораздо равномѣрнѣе и для ожидаемыхъ цѣлей пригоднѣе „протычка" сѣмянъ при помощи палки, чепельной или ухватной рукояти, или же при помощи пальца; но такой засѣвъ кропотливъ, вызываетъ продолжительную работу. Большинство пользуется упрощеннымъ и скорѣйшимъ засѣвомъ, а именно: положивъ въ тряпицу то сборныя, то розничныя сѣмена, да помѣстивъ узелокъ въ посудину съ комнатною („лѣтною") водою, даютъ имъ разбухнуть и даже прорости; при засѣвѣ эти сѣмена перемѣшиваются съ сухою землею, золой, трусятся на подлежащихъ грядахъ и „заскораживаютца" граблями: бураки, морковь и рѣдька проростутъ скоро, но не будутъ имѣть длинныхъ корневищъ. Среди сдѣланнаго засѣва посыпаются то сухія, то размоченныя сѣмена рѣпы, втыкаются цѣльныя, или половинныя головки лука [822]), размоченныя и проросшія огуречныя сѣмечки—и огородница кладетъ на свою работу благословенный крестъ...

При иномъ отношеніи къ огороднымъ засѣвамъ дается „каждому овощу своя борозда" (отдѣльная гряда). Тутъ уже на извѣданныхъ, или особымъ удобреніемъ [823]) подготовленныхъ уголкахъ, засѣваются мѣстные овощи отдѣльно и только остатки сѣмянъ отдаются неподлежащему уголку. Послѣдніе засѣвы составляютъ особенность старообрядческихъ и промысловыхъ огородовъ къ сожалѣнію, слабо перенимаемую огородницами - „полячками". Такіе распорядки нарушаются лишь изрѣдка слѣдующими, повидимому, несродными огородными насажденіями: на одной и той же грядѣ растутъ огурцы и разсадничные овощи—капуста и брюква или огурцы съ лукомъ. Къ тому и другому распорядку приводятъ, однако, глубокія хозяйственныя соображенія: въ то время, когда стелющійся по землѣ огуречникъ потребуетъ легкой тѣневой защиты, капуста и брюква дадутъ таковую своими высокими листьями, черенки которыхъ въ то же время замѣнятъ „тычки", а лукъ, давая временныя „тычки", дастъ драгоцѣнную сквозную

тѣнь и своимъ острымъ запахомъ отдаляетъ отъ огуречника лишнихъ насѣкомыхъ.

Сверхъ указанныхъ овощей, на грядовомъ уголкѣ имѣютъ мѣсто: чеснокъ, рѣдко посаженныя „бобінки", такъ же рѣдко посаженныя промежъ разсадниковыхъ овощей въ антипаразитныхъ цѣляхъ „коноплининки", подсолнечники, „цукрува́ный" горохъ, „вы́садки" [824]) и тыква, обыкновенно растущая въ сосѣдствѣ съ изгородью, по которой цѣпкое растеніе не замедлитъ протянуть свой длинный стебель. Что же касается остальныхъ насажденій, то на грядахъ, какъ и на всей огородной площади, они являются самосѣйками, въ случаѣ ненадобности, извлекаемыми по мѣрѣ дальнѣйшаго ухода за огородомъ. Кромѣ чисто сорныхъ растеній, сюда нужно причислить: простой макъ, укропъ, пастернакъ хрѣнъ, „виногѳтки" (ноготки) и проч.

Таково содержимое „ляшно́го" отдѣленія огорода. Но этимъ не исчерпывается богатство и разнообразіе огородныхъ насажденій: вслѣдъ за грядами, или вокругъ нихъ идетъ большая площадь съ картофельнымъ, бобовымъ и коноплянымъ засѣвомъ, а если огородная площадь велика, или составляетъ единственное земельное достояніе, какъ у бобылей, то здѣсь можно встрѣтить и горохъ, и пшеницу, и ячмень, и ярицу, и ленъ, и даже—рожь. О колосистыхъ растеніяхъ и посѣвѣ ихъ будетъ упомянуто ниже; продолжая сказъ о чисто огородныхъ, овощныхъ растеніяхъ, необходимо остановиться на засѣвѣ, или лучше—посадкѣ картофеля, однообразной изъ края въ край.

Кода земля подготовлена къ посадкѣ, а это дѣлается одновременно и зара́зъ на всей огородной площади, то сохою проѣзжаютъ два раза у края картофельной площади и останавливаютъ лошадь: въ глубь второй борозды кладется сѣменной картофель то полнымъ зерномъ, то разрѣзанными предварительно половинками, въ отступѣ другъ отъ друга верш. на 6, и эту увлекательную работу семьяне производятъ коллективно—и старъ, и

малъ, выкладывая засѣваемое изъ подоловъ, фартуковъ, шапокъ и корзинъ. Новый проѣздъ сохою два раза закроетъ посѣвъ и дастъ борозду для новой засадки, и такъ до конца. Подобнымъ же образомъ засѣвается „подъ соху“ и бобъ, или предварительно замоченный въ водѣ на сутки, или, при влажной землѣ, оставшійся сухимъ. Но есть, однако, рѣдкіе случаи картофельнаго и бобоваго засѣва посредствомъ „протычки“, это—неимѣніе собственной лошади, когда бѣдный огородникъ едва добылъ таковую для обработки огорода, или же, когда огородная площадь слишкомъ ограничена: тутъ будущія „лёшки“ создаются на глазомѣръ, при сотрудничествѣ „чепéльника“, свободной „грабилины“ и проч.

Какъ замѣчено выше, всѣ мужскія отношенія къ огороду прекращаются по выходѣ изъ него сохи и бороны; но послѣднія вмѣстѣ съ заправителемъ появляются тамъ разъ или два, когда назрѣла необходимость „погоняць, пиряѣхыць бýльбу“,—что бываетъ при подъемѣ картофельной „цицявы“ на 3—4 верш., и что замѣняетъ полотье картофеля. Уже исключительно женскими руками дѣлаются потомъ надлежащія исправленія свихнутой коегдѣ „цицявины“ и земляные окопы вокругъ каждой изъ нихъ, какъ и отдѣленіе сорной травы,—чего достаточно бываетъ одинъ разъ за время картофельнаго роста. Не то съ грядами и овощами на нихъ: тутъ сквозь подымающуюся стѣну овощей, женскія руки пройдутъ по меньшей мѣрѣ три раза при „пóливѣ“, при чемъ приходится тѣсниться въ бороздѣ или на колѣняхъ, или „ёрзныкымъ“ [825]); да и въ послѣдующее время—„рядиць ли, холосциць ли лéхи [826]), или обкáпываць кычáння и грыжинку“—приходится работать не иначе, какъ при крутомъ нагибѣ къ землѣ и незначительномъ „подсидцу“.

Насколько кропотливо, скучно и однообразно „пóливо“ въ связи съ предшествующими „задѣлками лехъ“ и послѣдующимъ уходомъ за овощными насажденіями и посѣвами—можетъ быть

понятно лишь непосредственнымъ труженицамъ огороднаго дѣла, хозяйкамъ и ихъ пособницамъ, отдающимъ единичному только „пóливу“ не день-два, а добрую недѣлю, то подъ солнечнымъ припекомъ, то подъ дождемъ и слякотью... Зато, какими щедрыми дарами отплатитъ тотъ же выползанный „горóдъ“ да перебранная руками „горóднина“! А эти разнообразные дары начинаются уже съ того времени, какъ бураки поднялись на „мизинъпалицъ“ отъ земли, а „кислица, шныць, крапива да пыстырнакъ“ огрубѣли и сприкрили“. Первымъ идетъ на потребленіе „ботóвійка“—бурачные стебли съ листками при нихъ,—что доступно за недѣлю до Иванова дня (24 іюня). Если „ботовійка“ мала, то въ помощь ей прибавляются маковые листья: то и другое осторожно отщипывается со стороны и рѣдко, когда необходимо „пырядицъ“, выдергивается съ корнями. Одновременно съ симъ, а ради „покýшки“ и раньше, получаются „цыбýльныи“ дары,—перистые листья лука, подобно бурачнымъ, отрываемые сбоку у корневища, или же отрываемые въ срединѣ куста нáполъ. При дальнѣйшемъ ростѣ бураковъ, когда стебли отолстѣли и поднялись на высоту 4—5 верш., листья съ нихъ „сосмóргывыютца“ и поступаютъ въ свиную „сѣчинку“, куда одновременно съ крапивнымъ листомъ поступаютъ еще листья картофеля, боковой „ряпóвникъ, рядькóвникъ и грыжóвникъ“ [827]), тогда какъ лишніе, готовые „зажóвкныць“ [828]) капустные листья обыкновенно присоединяются къ „ботóвійки“ на теплое кислое кушанье. Тѣмъ временемъ (около Петрова дня) „гыряць гурки“ [829]), и ихъ отпавшіе цвѣты, какъ и пустоцвѣтъ, идутъ на „зыкрàсу холодникà“, сообщая послѣднему кое-какой огуречный запахъ; за недѣлю же до Ильина дня, съ половины цвѣтенія и вплоть до огородной уборки, начинаются „бульбяныи“ дары...

За исключеніемъ картофеля, всѣ остальные корнеплодники остаются неприкосновенными до „Макàвья“ (1 авг.), когда, послѣ церковнаго освященія, они станутъ давать достаточно зрѣлую

„мо́рквину, рѣпину, грыжиньчину и рѣччину“; тогда же въ потребленіе идетъ не грубая „бото́війка“ только, но главнымъ образомъ бурачное корневище. Такимъ образомъ съ началомъ Спасова поста огородъ открываетъ чуть-ли не всѣ свои дары сразу, тѣмъ болѣе, что съ 6 авг. уже начинается и потребленіе зеленаго боба и гороха, доступнаго раньше тайнымъ потребителямъ его—дѣтямъ. Значительно позже, въ концѣ августа, подоспѣваетъ „гарбу́зъ“; но онъ не составляетъ наличности всякаго огорода, а гдѣ и засѣвается, тамъ не ожидаютъ его съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ ожидаютъ остальныхъ овощей, или, какъ „гурко́въ“, по преимуществу.

Малочисленныя „самосѣйныя“ растенія открываютъ свои дары одновременно съ овощами, а хрѣнъ и „пыстырна́къ“ до огороднаго засѣва. Укропъ годенъ въ „боцвиння“, какъ только поднимется на вершокъ отъ земли, маковый листъ дополняетъ кислое изъ „бото́вья“ кушанье, зеленыя головки мака, отваренныя въ молокѣ, помогаютъ матерямъ усыплять крикливыхъ, мѣшающихъ работѣ грудныхъ дѣтей [830]), а „виного́тки“ вмѣстѣ съ другими „красками“ [831]) освящаются въ церкви (24 іюня) и потомъ, во все лѣто, первенствуютъ на головѣ щеголихи... Что огородные дары явными и тайными путями открываются для дѣтей гораздо раньше помянутыхъ сроковъ, въ томъ не можетъ быть и спора: „рѣдя̀, или холостя̀ гряды“, мать дастъ имъ ненужную „мо́рквинку, рѣпинку, рѣччининку“; пользуясь же отсутствіемъ старшихъ и оставаясь весь день подъ присмотромъ полуслѣпой, прикованной къ мѣсту бабки, эти „пустодо́мы“ имѣютъ много средствъ для пользованія огородными дарами...

Полной красы (въ цвѣтѣ и зелени) „горо́дъ“ достигаетъ къ Ильину дню и, недолго продержавшись въ ней, начинаетъ развѣнчиваться съ выборкою сначала мака, которому предоставляется дозрѣвать стоймя въ какомъ-нибудь огородномъ углу, а потомъ—выборкою лука, дня три провѣтриваемаго на открытомъ

мѣстѣ, или сухомъ помѣщеніи и затѣмъ связываемаго въ „пляцёнки“: тотъ и другой выдергиваются изъ земли около 6 или 15 авг. Къ этому времени въ побурѣвшемъ и раньше ощипанномъ „бульбяныиъ цацйвнику“ образуются плѣшины различной величины,—что, въ соединеніи съ оголенными мѣстами, гдѣ росъ лукъ, налагаетъ на огородъ первые слѣды опустошенія, которое растетъ по мѣрѣ жатвы пшеницы и ячменя, созрѣвающихъ здѣсь раньше (1—15` авг.), а также боба и конопли, изъ коихъ первый сжинается послѣ Успенья, а вторая выдергивается къ концу августа. Плохою красою огорода остаются лишь картофель да насажденія на грядахъ; но первый отъ старости и утренниковъ окончательно потемнѣлъ и прилегъ къ землѣ, а вторыя, лишенныя прежняго досмотра, раскинулись „пожо́вклыми“ листьями въ разныя стороны, и эту безпорядочность уже не скрашиваютъ стоящіе вблизи „кыча́ння“, на долю которыхъ падаетъ выступъ изъ огорода самыми послѣдышами.

По завершеніи яровой уборки, что̀ въ воспоминаемое время приходилось позже нынѣшняго (около 14 сент.), начинается остатнее развѣнчиванье огорода. Если картофельная площадь мала, грунтъ разсыпчатый, песчаный, или если недостаетъ лошадки, выборъ картофеля производится при помощи заступа, „рыдлёвки, копыла́, копки“ и граблей; въ противномъ случаѣ выборъ картофеля напоминаетъ посадку его: проведя сохою глубокую борозду, „оральбйтъ“ останавливаетъ упряжное животное при межѣ и, совмѣстно съ пособниками, разгребаетъ граблями землю въ сторону отворачиваемаго дерна, между тѣмъ какъ старъ и малъ подбираютъ въ корзины, подолы и фартуки выкатившійся картофель. Такъ, борозда за бороздою, будетъ переорана и раскопана вся картофельная площадь. Не полагаясь, однако, на достаточную выборку, иные хозяева переборонятъ ту же площадь раза два и только тогда оставляютъ ее въ пользованіе свиней.

Выборка бураковъ, моркови, рѣпы, рѣдьки и брюквы про-

исходитъ „цягымъ“ и значительно скорѣе, чему много помогаетъ стебель корнеплодника. Оборвется онъ или корень глубоко сидитъ въ землѣ—дѣлу помогутъ заступъ, „копка“, даже колъ. При благопріятной погодѣ, очистка грядныхъ корнеплодниковъ отъ стеблей и земли, какъ и относительная просушка ихъ, происходятъ тутъ же, на грядахъ; въ противномъ случаѣ—въ поднавѣсномъ помѣщеніи, даже въ избѣ. Уже по завершеніи очистки корнеплодниковъ, распредѣленіи „на сѣмины и ѣмины“ и уборки ихъ, приступаютъ къ „кыча̀нню“. Дабы не пачкать „кыча̀ння“ землею, каждый качанъ срѣзается у самой головки, и остающееся „охра́пья“ вмѣстѣ съ другими остатками „горо̀днины“ дѣлается потомъ достояніемъ свиней; у расчетливыхъ же („сквалы̀жныхъ“) хозяевъ каждый качанъ выдергивается, и его стволъ, спаренный въ котлѣ вмѣстѣ съ другими овощными отбросами, поступаетъ потомъ въ свиной и коровій кормъ („па̀ринка“). Но отъ этого „сквалы̀жники“ выигрываютъ немного: свиное мясо и сало пріобрѣтаютъ рѣжущій вкусъ, а коровье молоко „пра̀кріиць“ во все время кормленія такой „па́ринкый“.

Появляясь на огородѣ какъ-то незримо, „соломэчникъ“ и исчезаетъ оттуда подобнымъ же путемъ: то возрастные, то ребятишки начинаютъ выковыривать сѣмечки, какъ только опадутъ лепестки подсолнечника и, пока головка дойдетъ до кое-какой зрѣлости, она уже опустѣетъ; тогда остается выдернуть грузный стебель, чтобы онъ не занималъ мѣста, и отдать въ распоряженіе настоящихъ хозяевъ „соломэчника“—ребятишекъ...

Въ свою очередь, незримо какъ-то и внѣ хозяйственнаго ухода, появляются на огородѣ „вы̀сыдки“: при засѣвѣ овощей, хозяйка воткнетъ въ землю нѣсколько перезимыхъ корнеплодниковъ—и растутъ, цвѣтутъ, зрѣютъ они сами по себѣ, и только тогда огородница подставитъ подпорки, или тычинку, когда „вы̀сыдки“ полегли на землю; сниметъ же она и уберетъ ихъ между

дѣлом, на походѣ... Выростутъ они, должнымъ образомъ созрѣютъ—„ладно, нѣтъ—другое"!...

IX. „У пчалинцу"...

Подобно другимъ отраслямъ занятій, пчеловодное дѣло примыкаетъ къ хозяйству деревлянина мимоходомъ, между прочимъ, а не составляетъ промысла, которому бы исключительно отдался тотъ и другой хозяинъ, хотя любителей пчеловодства, какъ и приволья для пчелъ, можно найти съ избыткомъ чуть ли не въ каждомъ мѣстѣ: тамъ или здѣсь не умолкаетъ воспоминаніе о давнемъ пчеловодѣ, который имѣлъ до 40—50 „колóдъ пщёлъ" [832]), чуть не плавалъ въ меду, одаривалъ послѣднимъ нужнаго и ненужнаго человѣка, приносилъ „на офѣру" почти пудовую свѣчу и, при всемъ томъ, наживалъ еще „бизмѣрныи грóши"... Было ль такъ на самомъ дѣлѣ, или подобными воспоминаніями отдавалась предпочтительная дань стародавнему житью-бытью, но только бытописуемой потомокъ сказочнаго пчеловода, одинъ на довольно широкую окружицу, не доходилъ и до половиннаго числа „колодъ пщёлъ"; „стóящій пчальнікъ" имѣлъ ихъ съ десятокъ, а остальные любители довольствовались одною, двумя-тремя колодами, при чемъ и такіе скромные обладатели приходились единичными на двѣ-три деревни... У послѣднихъ пчеловодовъ колода ютилась то въ саду, то на огородномъ „узмёжку", то подъ стрѣхою чистаго строенія, то подъ гуменнымъ деревомъ, и только при 3—5 колодахъ для пчелъ отводился „пчелиницъ, пчéльня"—скромная огородная гуменная, или примыкающая сюда „рысцярóбная" площадь съ кое-какими пощаженными деревьями [833]), едва доходившая до 30 кв. саж. Такой „пчалиницъ" имѣлъ отдѣльную, по преимуществу, „пыркáнную згорóду" и запирался „фóрткой".

Во всѣ памятныя времена средняя „колода пщёлъ", т. е. имѣющая достаточное число обитательницъ, помѣщенныхъ въ проч-

ный, еще свѣжій улей, стоила не ниже современной, и если тогдашній любитель платилъ за нее рубль съ прибавкою, такъ тогдашній рубль оплачивалъ то же, что̀ теперешніе три и болѣе рубля. Относительная дороговизна пчелъ становилась существенною преградою къ развитію пчеловодства, и на пріобрѣтеніе ихъ рѣшался развѣ сотый любитель, рѣшался при подоспѣвшемъ случаѣ выгодной, обезцѣненной покупки; остальные пріобрѣтали пчелъ отработкомъ, мѣною на хозяйственные предметы, подаркомъ, по наслѣдству, и, въ особенности поимкою, такъ что при послѣднемъ разѣ пчеловодомъ становился иногда тотъ, кто никогда раньше и не мечталъ объ этомъ. При благопріятныхъ условіяхъ да при умѣломъ уходѣ такое начинаніе разростается потомъ и вызываетъ „пчал*и*ницъ“.

Какъ дѣло охоты, поимка пчелъ бываетъ случайностью: ушедшій рой осядетъ на огородѣ, въ гумнѣ, въ при-усадебномъ кустарникѣ, будетъ замѣченъ, остановленъ, или прослѣженъ на полетѣ, найденъ въ дуплѣ лѣсного, полевого дерева и проч. Но любители и относящіеся къ этому дѣлу на авось ловятъ пчелъ въ „стоячк*и*“—полные по внѣшней и внутренней отдѣлкѣ ульи длиною около арш., при діаметрѣ верш. въ 6, обыкновенно уставляемые на средней высотѣ какого-нибудь примѣтнаго въ лѣсу и на полѣ, рослаго дерева [834]). Для привлеченія „иска“, внутренность „стоячка́“ предварительно вытирается свѣжимъ воскомъ, листьями черной смородины, а иной ловецъ помѣщаетъ въ подлежащемъ мѣстѣ „головы̀“ даже кусочекъ сота. И нельзя сказать, чтобы труды и ожиданія охотника не увѣнчались успѣхомъ: отдѣльнымъ счастливчикамъ, разставившимъ въ разныхъ мѣстахъ до трехъ и болѣе „стоячко̀въ“, удается поймать за лѣто одинъ-два роя, изъ коихъ, по пересадкѣ въ настоящій улей, иной обстроится къ зимѣ и успѣшно выйдетъ на работу весною. Къ сожалѣнію, большинство пойманныхъ такимъ путемъ роевъ или погибаетъ зимою, или, при наступленіи осени, разбредается по сосѣднимъ ульямъ, благо-

даря тому, что тѣснота „стоячка“ могла привлечь въ него только захудалый, малосильный рой.

Когда такимъ путемъ пчелы пойманы, то, въ предвидѣніи ненастной погоды, новый владѣлецъ отправляется ночью къ „стоячку“ и, заткнувъ осторожно „хòдцы“, спускаетъ его на веревкѣ съ дерева и на плечахъ уноситъ домой, гдѣ на другой же день перемѣщаетъ пчелъ въ настоящій улей. Это перемѣщеніе (пересадка, перегонка) составляетъ довольно трудную часть пчеловоднаго дѣла, и часто случается, что рой уходитъ изъ улья въ ближайшіе дни по перемѣщеніи. Рой изъ дупла дерева, или изъ стараго строенія значительно сильнѣе; но такой рой весьма трудно перемѣстить въ улей, къ чему большинство не дѣлаетъ даже попытокъ, а кончаетъ дѣло разграбленіемъ пчелинаго имущества...

Относительно легче имѣть дѣло съ роемъ, который подстереженъ при „высыпкѣ, осаженъ и загребенъ въ роèвню“ [835]: тогда только остается изловить матку и, помѣстивъ ее въ маточникъ съ тремя-пятью пчелами, воткнуть таковой въ подлежащее мѣсто улейной „головы“ — весь рой немедленно перейдетъ въ улей и въ тотъ же день примется за работу. Но пока все это придетъ, рой нужно „пильнувацъ“ [836], и это скучное дѣло, часто растягиваемое проволочками намѣревающихся уйти пчелъ [837], въ роевную пору вызываетъ бдительную ежедневную сторожбу, отъ подъема утренней росы и до 4—5 ч. вечера. Если, при „высыпкѣ“, усталая матка присядетъ тутъ же вблизи, или къ присѣсту обяжетъ предстоящій дальній перелетъ, дѣло „осàдки“ роя разрѣшается само собою: стоитъ обрызгать рой водою и загребать его; гораздо хлопотливѣе „осадить рой“, сразу и непосредственно изъ улья направляющійся къ облюбованному мѣсту: тутъ приходится сзывать на помощь не только семью, но и сосѣдей,—приходится пускать въ дѣло подручные колокольчики и „балагòлки“, лязгать косами, серпами, сѣчками, ножами, стрѣлять изъ холостыхъ ружей, производить цѣлый дождь взмахами мокрыхъ вѣни-

ковъ, или, при недѣйствительности мѣръ, по случаю подъема роя на высоту и явномъ уходѣ его, остается галопировать вслѣдъ за бѣглецомъ, да по пути производить ожесточенный звонъ, лязгъ и взбрызгиванье вѣниками... Все это можетъ показаться стороннему донъ-кихотскими дѣяніями; но да не улыбнется зритель надъ погонею простолюдина за уносящимся отъ него „рублемъ съ прибавкою“, а лучше поможетъ ему, если не прямымъ участіемъ, такъ хотя обычнымъ на сей случай „привитанками“ [838])—„осадиць вамъ! кабъ осѣвъ! сѣвъ-павъ, сѣвъ-павъ! колясомъ дорога!“ [839]) и проч.

Когда „рой осѣвсь“ на невысокомъ гибкомъ суку и покоится на немъ „шапкой“, тогда стоитъ только подставить „роевню“ и встряхнуть сучекъ—вся „шапка“ спокойно и легко упадетъ въ посудину, которую остается обвязать сверху скатертью. При иномъ положеніи, когда „рой осѣвсь у раскидку“, на значительной высотѣ, при стволѣ дерева, его нужно „огребаць“, и это дѣлается зачерпомъ, при помощи „полоника“, точно переливается какая-нибудь жидкость. Дѣло огребанія пойдетъ скорѣе, или только зачерпнута и помѣщена въ „роевню“ матка—остальныя пчелы спѣшно перейдутъ туда и сами.

Все это можетъ сдѣлать и пчеловодный простакъ, который потомъ обязанъ поклониться настоящему пчеловоду, чтобы тотъ поймалъ матку и водворилъ новыхъ пчелъ въ ульѣ. Самъ пчеловодъ норовитъ „имаць матку“ тогда, когда „огребаиць рой“—что большинству и удается; но обычная поимка матки происходитъ отдѣльно, чрезъ сутки, когда запертыя „у роевни“ пчелы нѣсколько умаятся,—происходитъ передъ назначеннымъ для помѣщенія „новыхъ пщелъ“ судномъ, на разостланной по землѣ скатерти или простынѣ. Поимщикъ вычерпываетъ пчелъ тѣмъ же „полоникомъ“, какимъ загребалъ, и, высыпавъ зачерпнутое на подстилку, тщательно высматриваетъ матку: послѣдняя скоро можетъ быть отличена по своему корпусу и по обильной группировкѣ око-

ло нея пчелъ. Тогда только остается „загнаць матку у маточникъ“,—что, на самомъ дѣлѣ, исполняютъ немногіе: матка осторожно берется пальцами, насильно впихивается въ маточникъ, который тутъ же и затыкается приложенною затычкою. Въ своей тюрьмѣ матка просидитъ ровно недѣлю, сперва „у роёвни“, если только „рой сильный“ и, по примѣтамъ пчеловода, нѣсколько коваренъ, т. е. можетъ уйти безъ матки,—а потомъ въ улейной „головѣ“.

Обычное имя пчелинаго судна, чаще всего называемаго колодой, безразлично принадлежитъ стоячему и лежачему улью, несмотря на то, что между тѣмъ и другимъ есть разница въ величинѣ: въ то время, какъ „стоякъ“ превыситъ поимочный „стоячо́къ“ верш. на 8—10 въ длину и 2—4 въ діаметрѣ, „лежа̀къ“, имѣетъ длину около 2 арш. и 8 верш., при діаметрѣ верш. въ 12—20 и свыше [840]). Первый предназначается для посадки малосильнаго роя и съ тѣмъ вмѣстѣ для отвода послѣдующихъ роевъ: несомнѣнно, что маловмѣстимость „стояка̀“ разсчитана здѣсь на пчелиную нужду какъ можно чаще отдѣлять отъ себя прибывающее потомство,—почему отъ „стояка“, извѣстнаго подъ именемъ пчелинаго „заводника“, ожидаются рои, а не медъ. Напротивъ, отъ „лежака́“, всегда богатаго „силою“, ожидаются остальные дары пчелъ и рѣдкій, но могучій рой, который въ первое же лѣто опередитъ многихъ старыхъ пчелъ.

Обѣ колоды—„стоя́къ и лежа́къ“—дѣлаются изъ толстыхъ стволовъ смолистыхъ деревьевъ и рѣдко изъ остальныхъ,—дѣлаются предпочтительнѣе изъ „сухо*ли*ны“ [841]), съ которой только-что опала кора и древесина которой готова къ разрушенію; такую колоду легче выдалбливать и, пожалуй, перемѣщать, какъ улей. Долбежному дѣлу много помогаетъ дряблая сердцевина дерева и, въ особенности, сердцевинное дупло; но это же призываетъ къ приложенію доньевъ на непрочные или сквозные концы и такимъ образомъ теряется цѣлостность судна, столь дорогая и необходи-

мая въ цѣляхъ пчеловодства. Такое судно состоитъ въ послѣдышахъ и цѣнится ниже остальныхъ, гдѣ концы одинаковы съ концами долбежныхъ корытъ [842]). Послѣдними додѣлками улья служатъ двѣ „тва́рьки“—узкія одинаковой толщины со стѣнками улья доски [843]), прилаженныя къ улейному отверстію такъ, что при затворѣ его онѣ не впадаютъ внутрь и внѣшнею округлостью сливаются съ общимъ округленіемъ судна. Для удержанія же на мѣстѣ, та и другая „тва̀рька“ съ обѣихъ сторонъ припирается двумя туго втыкаемыми въ судно деревянными „гвоздюка́ми“. Остающіяся между „тварьками“ и отверстіемъ судна щели задѣлываются потомъ обитательницами, которыя, по своему усмотрѣнію, оставляютъ „ла́зы“ сверхъ „хо́дцывъ“, обыкновенно устраиваемыхъ хозяиномъ съ намѣреннымъ отступомъ одной „тва́рьки“ отъ другой, какъ протиснуть мизинецъ.

Въ такомъ видѣ улей, ожидающій жильцовъ по нѣскольку лѣтъ, готовъ для посадки, или перегонки пчелъ, и отъ величины судна да отъ воли хозяина будетъ зависѣть, сдѣлать ли его „стояко̀мъ или лежако̀мъ“. Въ первомъ случаѣ судно ставится вертикально на вкопанную въ землю прочную колодку, на плоскій камень, кирпичную клѣтку, или же оно остается висящимъ между двумя-тремя прочными кольями, вогнанными въ землю, въ отступѣ отъ послѣдней верш. на 8—12, при чемъ колья соединены въ нѣсколькихъ мѣстахъ перевязями изъ прутьевъ [844]). Тогда только остается покрыть улейную головку готовою корой ели, или берестою, наложивъ поверхъ ихъ два полѣна да столько же кирпичей или камней, чтобы не спадала покрышка, утвердить въ „головѣ крясцы̀“ [845]), для основы и удержанія будущихъ сотовъ, и приставить къ судну одну-двѣ „лётки“ [846]).—Во второмъ случаѣ („лежа̀къ“) судно уставляется наклонно, при чемъ „пята́“ его только нижнимъ ребромъ опирается на подставку—колодку, плаху, камень, кирпичи,—тогда какъ „голова“ судна покоится на козлахъ изъ кольевъ, возвышенномъ булыжникѣ, вы

сокой колодкѣ, или клѣткѣ изъ плахъ, на аршинной высотѣ отъ земли. Судно-„лежа́къ“ покрывается тою же корою, берестою, но вдоль, при чемъ концы покрышки спускаются на „голову и пяту́“ его, а „летка“ приставляется снизу, на мѣстѣ соединенія „тва́рикъ“ съ улейнымъ отверстіемъ.

Когда Господь благословилъ пчеловода, когда его „молодыи и старыи пщёлки ряву́ць, грузны съ полёту иду́ць, соты-мяды̀ робюць, рой плодюць“ [847]), тогда нельзя утаить пчеловоднаго благополучія: какъ въ пчельникѣ, такъ и враздробь—въ саду, огородѣ и гумнѣ—будутъ стоять или полулежать лишь обитаемые ульи, по которымъ нетрудно опредѣлить наличность пчеловодства, потому что опустѣлый улей немедленно уносится въ складище, а новый устанавливается тогда лишь, когда въ рукахъ пчеловода есть пойманный рой, или когда набѣжала надобность „пересадить, перегнать пчелъ“ изъ одного судна въ другое. И какъ отрадно остановиться на такой кипучей жизни, жизни труда, неустанныхъ хлопотъ, среди окрестной людской жизни, весьма часто тутъ же рядомъ идущей въ разрѣзъ съ жизнью и хлопотами послѣдышей живого міра! Зато, съ какимъ гнетущимъ чувствомъ приходится останавливаться въ незатѣйливыхъ складищахъ опустѣлыхъ ульевъ—углу токовища, въ пунномъ углу, въ возовнѣ, въ „повклѣци“ и подъ повѣтью: колоды отъ вѣковыхъ деревьевъ, сваленныя здѣсь такъ и сякъ, служащія притономъ для мышей, цыплятъ, ночнымъ сѣдалищемъ деревенскаго хронометра и его подругъ, не напоминаютъ ли краснорѣчивѣе многихъ памятниковъ объ исчезнувшихъ законныхъ жильцахъ, объ ихъ жизнедѣятельности и мощномъ прошломъ! Быть можетъ, что подъ обаяніемъ подобнаго чувства пчеловодъ ютитъ опустѣлые ульи въ болѣе потребныхъ мѣстахъ, даже въ клѣти и сѣняхъ, а невольно погибшихъ или загубленныхъ имъ [848]) тварей, не въ примѣръ прочимъ животнымъ, погребаетъ въ приличномъ мѣстѣ и ставитъ надъ ихъ могилою крестъ [849])...

Кромѣ общихъ причинъ (борьба матокъ, обезматоченье улья, нападеніе завѣдомыхъ непріятелей пчелъ—медвѣдя, желны, булавастки, бражника мертвой головы—сыростная гниль, или „гнилѐцъ“ и мн. др.), есть не мало мѣстныхъ, изводящихъ пчелъ то по собственной винѣ пчеловодовъ, то по винѣ завистниковъ-сосѣдей. Къ первымъ слѣдуетъ отнести неумѣлую, иногда алчную „подлазку пчёлъ“, когда вырѣзается не только „пятá“, но чуть ли и не вся „голова“, вырѣзается тогда, когда медовые сборы можно считать законченными, и—неумѣлый уходъ за ними. Зимою ульи не только не вносятся во „мшáникъ“, о построеніи котораго не думаютъ многіе пчеловоды, но и не защищаются на мѣстѣ соломою или чащею: улей защититъ развѣ обильный снѣгъ и метели; весною же ульи лишены очистки, и перезимыя пчелы сами должны много потрудиться надъ уборкою пчелиныхъ труповъ и нечистотъ. Вторыми, не менѣе сильными причинами, приходится считать злонамѣренныя дѣянія завистниковъ и враговъ пчеловода. Такъ иной пробуравитъ зимою стѣнку улья, тотъ въ рабочую пору вымажетъ саломъ „хóдцы, лáзы, лётку и твáрьки“, третій подставитъ отравленнаго [850]), или одуряющаго меду, а своимъ собственнымъ пчеламъ на сей моментъ — разбавленнаго спиртомъ, имбиремъ и проч. и, пока одурѣлыя пчелы придутъ въ себя, хмельные грабители унесутъ изъ улья медъ и воскъ. Такія дѣянія, или лучше—злодѣянія извѣстны подъ именемъ „волхѐбы, чырствá, чорта у храпахъ“ [851]); но отъ этого не легче пчеловодамъ и, ближайшимъ образомъ, пчеламъ, которыя хирѣютъ и погибаютъ среди общей красы природы, среди раскинутыхъ ею даровъ... Для пчеловода же это заканчивается тратою, которую можно поправить лишь чрезъ долгіе сроки и при измѣнившихся отношеніяхъ къ нему ненавистниковъ; а пока это придетъ, бывшій пчеловодъ потеряетъ расположеніе къ дѣлу, навыки, да и ульи частью погніютъ, частью разойдутся по добрымъ людямъ путемъ одолженія и продажи. Но несчастные, добрые пчеловоды не

забываются въ окружицѣ: получая пчелиные дары даромъ, въ красную пору пчеловодства они дѣлились съ нуждающимися, дѣлились иногда послѣднимъ фунтомъ меда на лѣкарственныя надобности, комочкомъ воска на необходимую святочную свѣчечку-самодѣлокъ и невозбранно позволяли пользоваться „ву́зый" на пластырь...

Сталъ ли кто случайнымъ пчеловодомъ, или продолжаетъ пчеловодное дѣло по преемству отъ отца и дѣда, онъ неминуемо принужденъ обзаводиться немногими, правда, подспорными предметами пчеловодства, за малыми исключенiями, на другiя надобности неупотребляющимися. Къ такимъ подспорнымъ предметамъ слѣдуетъ отнести: а) „роѐвню"—лу́бяную, древесинную, долбежную, или плетеную изъ соломы и лозы посудину вмѣстимостью въ четверикъ; въ иномъ употребленiи такая „роѐвня" есть или „лу́бка, или сива̀лка" (см. о нихъ отд. А, гл. XVI, п. 40, 41);—б) маточникъ—10-ти верш. длины деревяшку, одинъ конецъ которой, сперва продобленный насквозь крестообразно, а потомъ защищенный въ пробоинныхъ отверстiяхъ лучиночными и даже стеклянными „кватэрочками", затыкается „шпу́нцикомъ" сверху, а другой конецъ, стесанный въ доску, имѣетъ двѣ-три засѣчки, чтобы держаться въ ульѣ на привѣсѣ;—в) сито съ прилаженнымъ къ нему покрываломъ, для защиты лица, головы и шеи, при осмотрѣ пчелъ;—г) длинный (верш. 8) съ тонкимъ лезомъ ножъ, обыкновенно заказной, и д) „кура̀шки или дымоку̀рки"—перегнившiе до распаденiя и предварительно высушенные древесные пни, стволы, дымомъ которыхъ необходимо пользоваться при „подла̀живаньи пчелъ". Съ такими, не всегда наличными предметами пчеловодъ обходится какъ съ одною колодой, такъ и съ десяткомъ ихъ,—обходится и при весенней чисткѣ судна, такой или иной поправкѣ его лѣтомъ, пересадкѣ, перегонкѣ пчелъ, и, въ особенности, тогда, когда нужно „ла́зиць пщѐлъ, подрѣзать" ихъ. На послѣднемъ кончаются всѣ сношенiя пчеловода съ пчелами, о которыхъ

онъ слабо вспомнитъ при наступленіи слякоти, метелей, нѣсколько участливѣе—въ рождественскія святки, когда нужно начертить кресты освященною „крэйдый“ [852]) да окропить крещенскою водой изъ „семи ордàнь“ [853]), при чемъ, кстати, онъ наведетъ справку, живы-ль пчелы? Далѣе... но тутъ подоспѣютъ весенніе солнопеки, обманчиво вызывающіе пчелу изъ улья—и пчеловодъ, пожалѣвшій трудовъ защитить его отъ вьюги и холодовъ, спѣшитъ защитить улей отъ солнопека, быть можетъ, потому, что обманутыя коварнымъ тепломъ пчелы стали усыпать трупами своими мѣсто около улья...

Указать точные сроки, когда обыкновенно „лáзюць, подрѣзаюць пщèлъ“! нѣсколько трудно: иной дѣлаетъ это неожиданно рано, когда подоспѣлъ случай „чуступáць“ [854]) гостей, другой—въ Ильинъ день, или на „Макáвье“ (1 авг.), третій—въ Успенье и даже позже [855]). Вообще же столъ пчеловода будетъ неполнымъ 1 авг., если въ этотъ день нѣтъ медовой „моканѝны“, или сыты для „цюпокъ“.—Заслуживаетъ помина личное отношеніе пчеловода къ „подлáзу, подрѣзу пщёлъ“. По откровенному признанію нѣкоторыхъ пчеловодовъ, эта работа вызываетъ въ душѣ тоскливый упрекъ: „знаешь, что идешь брать „дармовщѝну“, знаешь также, что настоящіе владѣльцы улейнаго добра будутъ отстаивать его до потери жизни, и знаешь, наконецъ, что идешь туда, какъ грабитель, съ огнемъ и ножомъ“... [856])! Въ дальнѣйшемъ развитіи такого чисто дѣтскаго взгляда на дѣло тѣ же лица удостовѣряли, что именно этотъ упрекъ и жалость у настоящихъ пчеловодовъ порождаетъ отвращеніе къ меду, котораго они и не употребляютъ.

X. На пашнѣ.

Съ давнихъ временъ за Витебскою Бѣлоруссіей удерживается названіе земледѣльческаго края и, нѣтъ сомнѣнія, что съ тѣхъ же поръ коренной обитатель ея привыкъ не то съ униженіемъ, не

то съ достоинствомъ величать себя: „мы—землепахи“. Какъ угодно, но только по одному этому естественно ожидать, что на безспорно богатой всяческими дарами природы Бѣлорусской землѣ гнѣздится выдающійся земледѣлецъ, что онъ исключительно вѣдается съ благодарною отраслью труда и что все это позволяетъ ему жить припѣваючи. А между тѣмъ кому же не неизвѣстны періодическія голодовки „землепаха“, улегшіяся, затерявшіяся въ сравнительно близкое къ намъ время? Кому не памятна полупрезрѣнная кличка „мякинника“ [857]), еще и теперь направляемая по адресу того же „землепаха“? А тощій, болѣзненный видъ да воспитанная лишеніями угловатость лица не говорятъ ли, что, кромѣ трудовъ и житейскихъ ограниченій, „землепахъ“ находился въ неустанной, малоплодной погонѣ за „хлѣбушкомъ насущнымъ“? Въ видимомъ несогласіи понятій—„земледѣльческій край, землепáхъ, мякинникъ“—хотятъ видѣть неблагодарность почвы, лѣнь и косность бѣлоруса, воспитанное вѣками органическое отупѣніе, привычку жить впроголодь и проч. Пусть все это останется вѣрнымъ дѣйствительности и пусть на этомъ построится приговоръ о „землепахѣ“, послѣдній, съ присущимъ ему добродушіемъ, отвѣтитъ роковымъ примѣромъ: „шавѐцъ ходицъ бязъ ботывъ, кравѐцъ—увесь зылаплиный, конѐвникъ [858])—болій пѣшшу,—дыкъ ци дѝвно жъ, кылѝ зимлипахъ бязъ хлѣба живецъ“?..

Среди мнимыхъ и дѣйствительныхъ причинъ скуднаго подъ годъ хлѣбородія, а для отдѣльныхъ хозяйствъ и хлѣбнаго ограниченія, есть одна, повидимому, забытая, а именно: какъ въ иныхъ отрасляхъ занятій, такъ и земледѣльческомъ, мѣстный простолюдинъ состоялъ „вѣчнымъ подмастерьемъ, даже работникомъ, но настоящимъ мастеромъ ему не приходилось быть“. Раньше, при двойныхъ земледѣльческихъ трудахъ, крѣпостного и собственника, крестьянинъ не могъ попасть въ земледѣльческіе мастера: на „пригóнѣ“ онъ составлялъ рабочую единицу, воля и дѣянія которой не выдѣлялись изъ скопа („нáлле“), а всегда были под-

чинены общей управительской волѣ; работа же собственника, работа на себя, неминуемо должна быть спѣшною, междучасною, а если крѣпостной имѣлъ несчастіе состоять таковымъ у алчной владѣльческой мелкоты, или въ положеніи арендуемаго, тогда работы собственника онъ справлялъ и въ лунную ночь, и въ праздники... Сдѣлавшись, наконецъ, полнымъ собственникомъ, тотъ же „землепàхъ" сталъ вѣдаться съ землею или свыше хозяйственныхъ силъ, или, увлекаясь наступившею горячкою раздѣловъ, дробилъ то, что и безъ того было дробно, мельчалъ земледѣліе до того, что негдѣ и не надъ чѣмъ было выказать земледѣльческаго мастерства.

Въ приблизительномъ положеніи находилось землепашное дѣло бытописуемаго простолюдина низшей и средней руки. Пользуясь непошатнувшимся семейственнымъ патріархатомъ, численностью рабочихъ членовъ, кое-какими денежными и хозяйственными достатками да владѣя смѣлостью и рискомъ, отдѣльные „землепàхи" высшей руки пустились на аренду сосѣдскихъ крестьянскихъ земель, настоящіе хозяева которыхъ почему-либо принуждены разстаться съ ними, или же, при большемъ рискѣ да подспорныхъ условіяхъ, хватались за аренду помѣщичьихъ имѣній, нерѣдко перекочевывая туда изъ родной деревни и размѣщаясь въ опустѣлыхъ барскихъ строеніяхъ. Но такой предприниматель очень хорошо помнилъ, что вѣдается съ чужою собственностью, что рано-ли, поздно-ли, а быть можетъ, не сегодня-завтра, онъ сойдетъ съ аренды, уступитъ право другому арендатору, или настоящему собственнику земли. Въ сихъ видахъ арендаторъ не могъ задаться широкими требованіями землепашества, не могъ ухаживать за арендною землею въ разсчетѣ на отдаленное вознагражденіе, а бралъ то, что она давала ему немедленно, нынѣ же. Какъ очевидно, такое положеніе создавало, быть можетъ, и усерднаго трудолюбца, неутомимаго „землепаха", скажемъ, земледѣльческаго

промышленника, но оно далеко не приводило его къ „земледѣльческому мастерству“.

Среди „землепаховъ“ высшей руки, т. е. надѣленныхъ достаточнымъ количествомъ земли и имѣющихъ въ распоряженіи семейную силу, денежный и хлѣбный достатокъ, остается скромное меньшинство такихъ, кои, не ища счастья вдали, не гоняясь за многимъ, преданы своему земельному уголку, гдѣ доблестно трудился дѣдъ и отецъ и гдѣ есть мѣсто и просторъ для трудовъ внука. Казалось бы здѣсь слѣдуетъ поискать „земледѣльческаго мастера“, настоящаго „землепаха“; но сыщется ли таковой и насколько онъ возможенъ—видно будетъ изъ нижеслѣдующаго.

Сравнительно недавно приходилось слышать обличительное увѣреніе, что „мѣстный мужикъ есть исконный врагъ лѣса, что въ безпощадномъ истребленіи лѣса мужикъ мститъ ему за вѣковыя обиды—здѣсь важивались губительные лѣшіе, размножались матеріальные враги хозяйства—вредоносные звѣри, здѣсь же ютились разбойничьи шайки“ и проч. Однако, съ чего, какъ ни съ порубки лѣса принужденъ зачинать житье-бытье тотъ, кто Святою волею призванъ къ человѣчному земному существованію? Тѣснѣйшимъ образомъ это нужно для расчистки будущей усадебной площади, нужно для строительныхъ въ усадьбѣ надобностей, отопленія теплыхъ строеній и, сверхъ сего, на образованіе пашни, сѣножати, скотскаго выгона. И что дѣлать, если новоселье пришлось не на чистомъ полѣ, не въ обиженномъ лѣсномъ краю, а именно тамъ, гдѣ есть лѣсъ, гдѣ его много?—Селиться на „расцяробахъ“ [859]),—можетъ быть отвѣтомъ...

Закончивъ „расцяробы“ и упорядочивъ лѣсные стволы (на ульи, „на шулы“, на хатку, другія усадебныя строенія, на загорожу, дрова и хозяйственныя подѣлки—корыта, лодки и проч.), новоселъ складываетъ древесные отбросы въ разрозненныя кучи, а при густотѣ бывшаго лѣса и, слѣдовательно, множествѣ отбросовъ, въ видѣ древесныхъ макушекъ, сучьевъ, коры и встрѣчнаго

здѣсь мелколѣсья—въ одну пространную кучу. Этимъ дается начало для образованія будущей пашни. Если „расцярóбы“ пришлись въ концѣ лѣта, осенью, зимою и даже раннею весною, то ко времени поздняго ярового засѣва готовые „груды“ могутъ быть обработаны и утилизированы на засѣвъ: въ противномъ случаѣ, да при чернолѣсныхъ „расцярóбахъ, груды“ остаются на цѣлый годъ и въ это время они пополняются новыми отбросами и „подцярóбными“ дополненіями, а древесные пни на томъ же мѣстѣ успѣютъ значительно провянуть и даже подсохнуть. Пока „груды и пяннё“ сохнутъ, между послѣдними выростаетъ дивная по вышинѣ и густотѣ, особенно любимая скотомъ, т. наз. „ѣщая трава“, которая своевременно будетъ убрана и составитъ красное начало сѣножати.

Послѣ достаточной сушки въ теченіе года и окончательной въ апрѣлѣ начинается второй подступъ къ образованію пашни, извѣстный подъ названіемъ „палицъ груды“; а если тò касается сплошного, большого пространства—„палицъ ляды“, каковая работа пріурочивается къ полупраздничному Борисову дню (2 мая), и только за ненастьемъ переносится на ближайшіе послѣдующіе дни.—Существенными условіями „палки грудòвъ и лядовъ“ служатъ: легкая подвѣтреная погода, участіе въ работѣ старѣйшаго члена семьи и подручныхъ пособниковъ-мальчиковъ, которые длинными жердями мѣшаютъ и подворачиваютъ головни, а въ нужныхъ случаяхъ дѣлаютъ это и голыми руками. Отъ всего этого перегораютъ, пепелятся и навсегда исчезаютъ остатки недавней древесной красы и на мѣстѣ ихъ получаются „груды, или лядыи“—то обугленные выхваты среди нетронутыхъ огнемъ пней и зачинающейся травяной зелени, то сплошная обугленная съ обгорѣлыми пнями площадь, на которой тамъ и здѣсь мелькаютъ сѣрыя пепелища да наиболѣе сѣрыя, упрямыя головни, въ видѣ обгорѣлыхъ жердей, между тѣмъ какъ мохъ, трава и дернъ истлѣваютъ до мягкости нѣжнаго песка... Такъ „пáлютца груды да лѧды“ не

одинъ день, не у одного новосёла, а съ недѣлю и во всей окружицѣ одновременно, и идетъ въ высь, или стелется по землѣ тотъ густой дымъ, который заставляетъ непосвященнаго въ дѣло путника тревожно посматривать въ сторону дыма, или о причинѣ его освѣдомляться у встрѣчныхъ да попутчиковъ!..

Для полученной „гáри, вы́гари“ [860]) весьма благопріятенъ хотя и небольшой дождь на другой день: онъ прибьетъ къ землѣ драгоцѣнный „пылъ“, который иначе разметаетъ вѣтеръ, и въ то же время охладитъ землю, которую необходимо спѣшно подготовлять къ засѣву. Какъ замѣчено раньше, соха и борона уступаютъ здѣсь мѣсто „копылу́, зилизняку̀“, граблямъ и только въ разрѣженномъ на семъ мѣстѣ бывшемъ лѣсу, а теперь „пяновьи“, пускается для „скородьбы ѐльчинка“. При заботливой обработкѣ, и этими первобытными орудіями „груды и ля́ды“ преобразуются въ пашню чуть-ли не лучше заурядной пашенной площади, а вся видимая рознь будетъ въ томъ, что на новой пашнѣ пока мелькаютъ пни да обнаженные въ разныхъ мѣстахъ корни бывшихъ деревъ. Если „груды и ля́ды“ вошли въ составъ общей пашенной земли, то въ первые годы густые пни и корневища будутъ оттѣнять ее своею черныю; съ теченіемъ времени дождь и пашенное тренье снимаютъ угольную окраску, при чемъ отъ того же воздѣйствія и людской помощи рѣдѣютъ пни и корневища [861]); у заботливыхъ хозяевъ они складываются въ груды, сжигаются и подновляютъ ослабѣвающую силу удобренія. Черезъ десятокъ лѣтъ „гарь, вы́гари“ совершенно сливаются съ пашенною землею и только привычное названіе ихъ „грудáми или ля́дами“ можетъ напоминать о бывшемъ здѣсь когда-то лѣсѣ, каковое имя остается за ними и тогда, когда на запущенныхъ „грудáхъ и ля́дѣ“ снова выросъ чуть-ли не дровяной лѣсъ, въ которомъ окрестные деревляне давнымъ-давно собираютъ ягоды, грибы и орѣхи...

Тѣ же „груды и ля́ды“ на низменной площади, гдѣ посѣвы можно производить на горбинахъ, становятся сѣножатнымъ

мѣстомъ и то порознь, то въ сліяніи съ лугами удерживаютъ то же имя навсегда, хотя остатки бывшаго лѣса давнымъ-давно пропали и здѣсь, какъ они пропали на пашенныхъ „грудахъ и лядахъ“, за исключеніемъ развѣ „полявушки“, дуба, или другого дерева, пригоднаго впослѣдствіи для установки поимочнаго улья („стоячка“), или для полуденнаго притона въ знойное сѣнокосное время.

Когда такимъ образомъ бывшіе „расцяробы“ составили одно цѣлое съ пашенною площадью, тогда земледѣльческая работа на нихъ не отличается отъ общихъ: одна и та-же соха съ бороною пройдутъ всю пашню, одними и тѣми же пріемами „землепахъ“ обсѣменитъ свое поле и заурядъ соберетъ съ него плоды трудовъ —нынче ржаной хлѣбъ, въ слѣдующемъ году—яровой [862]). Единственною рознью между старою пашнею и прибавленною къ ней новою, особенно въ первые годы, будетъ то, что на первую положится больше навозу, тогда какъ на вторую удѣлится значительно меньше, или же, въ расчетѣ на неизсякшее отъ „перепалу“ удобреніе, таковая остается безъ навозу. Съ этого акта земледѣльческихъ сношеній съ пашнею небезполезно обратиться къ послѣдней и тѣснѣе прослѣдить на ней труды и заботы тѣхъ, кто говоритъ о себѣ: „мы—землепахи“!

Лишь только весеннее солнышко „облысило погурки, суходолинки“ [863]), а безкормица или жалкіе остатки зимняго корма, отпускаемые скоту „на покушку“ развѣ, заставляютъ послѣдній жалобно „рюсь“ въ хлѣвахъ, хозяева спѣшатъ предоставить голодающимъ пособникамъ „жахарства“ кое-какъ утолять голодъ на талыхъ мѣстахъ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ облысѣнія земли и роста зелени, паственные пути скота дѣлаются болѣе продолжительными и вызываютъ уже пастушій надзоръ и руководительство: скотъ побываетъ и въ лѣсу, и на лугахъ, и на „иржищахъ“, а въ подоспѣвшіе морозные утренники, когда земля крѣпко скована, даже и на озимяхъ [864]). Такой строй и приволье

застаетъ оффиціальный выгонъ скота на паству въ Юрьевъ день и нѣкоторое время длится послѣ него. Но вотъ около Николина дня земля поднимается „подъ ярь“ и спѣшно подготовляется къ посѣву, такъ что здѣсь для пользованія скота остаются только межпашенные лужки да межи; почти одновременно съ симъ „завѣшаютца“ [865]) лужки въ чертѣ озимыхъ посѣвовъ, поемные луга и находящіеся среди лѣса. Тогда въ пользованіи скота остается лѣсъ, если таковой есть, и „пáрина или попáръ“ съ промежными здѣсь лужками „узмéжками, обузмéжками“ [866]), межами, „мочу́лами и хмызниками“ [867]). Весеннее тепло, парные дождики, сравнительная тучность „пáрины“ и живительная весенняя природа гонятъ изъ земли нѣжный и, пожалуй, достаточный для скота кормъ: нынче скотъ пріѣлъ этотъ кормъ на „попáрѣ“, а послѣ завтра снова готовъ здѣсь полухлѣбный, тучный кормъ!

Съ началомъ Петровокъ у скота отнимается этотъ лакомый и тучный кусочекъ, и „пáрина“ выдерживаетъ первое наступленіе „землепáха“—сюда вывозится „гной“ [868]). По предварительному указанію хозяина, „скидили“ скидываютъ его съ возовъ то гуще, на возвышенныхъ мѣстахъ, то рѣже на низменныхъ: на ровной же пашнѣ они руководятся личнымъ хозяйственнымъ навыкомъ и укладываютъ навозъ равномѣрными кучками. Эти послѣднія, въ отступѣ другъ отъ друга арш. на 4, къ концу навозной толоки покрываютъ „попáръ“ довольно стройными рядами. Позволитъ время—толочане разметаютъ навозныя кучки, нѣтъ—это сдѣлаетъ хозяйская семья на другой, или въ ближайшіе дни: навозными вилами, граблями, легкимъ колышкомъ, наконецъ, просто руками навозъ будетъ разнесенъ по „попáру“—и яркая зелень, нѣжныя фіалки, ромашка и другая краса „пáрины“ очутятся подъ покровомъ бураго навоза, который придастъ имъ, какъ и на далекое вокругъ разстояніе, густой специфическій „пахъ“...

Такое положеніе „пáрины“ не бываетъ продолжительнымъ: если „любыи госцики“ не разметали навоза, не „узняли пáрины“,

—что иногда дѣлается для завершенія навозной толоки, то самъ хозяинъ и семейные пособники его „узнимуць парину“ приблизительно чрезъ недѣлю. Послѣ такого вторичнаго наступленія „земленаха на парину“, послѣдняя избороздится вдоль нивы грузными „узмётами“. Жилясь, поматывая въ тактъ поступи низко опускаемою головою, отмахиваясь хвостомъ отъ роя оводовъ, слѣпней и мухъ, такъ алчно налетающихъ къ потному тѣлу, да выслушивая неустанные выкрики и понукиванья [863]) слѣдующаго за сохою „оральбита“, терпѣливая лошадка, или замѣститель ея „бычанокъ“, примѣрно, саженную долю пашни пройдетъ туда и обратно не менѣе 10—12 разъ!

Тѣмъ временемъ, пока проходятъ текущія хозяйственныя работы, „узмёты подопрѣваюць“, т. е. перевернутый внизъ и на бокъ прошлогодній дернъ разрушается, а вмѣстѣ съ навозомъ тлѣютъ растительные побѣги сего года. Это—наиболѣе печальное состояніе „парины“: поднятая земля имѣетъ да и всему окружающему придаетъ мрачный видъ, пополняемый „узмётными“ горбинами, промежъ которыхъ кое-гдѣ торчитъ цвѣтокъ, травяной пучекъ, или виднѣется короткая бороздная рытвинка. Уже по мѣрѣ дальнѣйшаго покоя, да благодаря скотскому вытопту, дождевому прибою и проростающей травѣ, недѣли черезъ три „паринноя ораллё“ теряетъ мрачную остроту и примиряетъ нѣсколько съ собою.

Управившись съ первыми сѣнокосами на болотистыхъ мѣстахъ, на гумнѣ, гдѣ потомъ можно получить отаву, „земленахъ“ дѣлаетъ третье наступленіе—„скородиць парину“; но эта работа проходитъ какъ-то между дѣломъ, по крайней мѣрѣ, ей отдается лишь половинная часть дня, при чемъ, какъ и при „оральбѣ“, послѣдождевое время почитается наиболѣе благопріятнымъ, особенно, на глинистыхъ и „подзолистыхъ“ мѣстахъ. Послѣ „скородьбы“, приводящей пашню въ стройную „ровнядину“, на послѣдней остаются пучки травяныхъ корневищъ: при участіи воз-

растныхъ досужіе дѣти собираютъ потомъ разметанныя корневища и вмѣстѣ съ упорными кольями да камнями сносятъ ихъ въ нашенный уголокъ, или рытвину,—что опять же проходитъ между дѣломъ.

Въ послѣднемъ видѣ пашня остается три-четыре недѣли, т. е. тотъ срокъ, въ которой пройдетъ второй сѣнокосъ, и за это время на ней успѣетъ пórости новая трава, а на чрезполосныхъ нивахъ появятся тропинки, проложенныя перегоняемымъ въ луга скотомъ, или же „ягодниками, грибóвниками“ и рабочими, при выдающемся положеніи, когда нужно сократить рабочій путь, или когда нѣтъ полевыхъ дорожекъ [870]; по той же нивѣ пройдетъ и телѣжная дорожка съ явными слѣдами перевозимаго по ней сѣна и сноповаго хлѣба. Въ концѣ іюля, послѣ „Гáннывъ“ [871], та же пашня выдерживаетъ четвертое наступленіе „землепаха“— начинается „мѣшинь“, т. е. вторичный подъемъ земли сохою. Благодаря тому, что „земля упрѣла“ и достаточно размягчена первичнымъ „поднёмомъ да скородьбой, мѣшинь“ идетъ вдвое скорѣе и у большинства заканчивается къ Спасу. Самый образъ „мѣшини“ ничѣмъ не отличается отъ обычний оральбы; но здѣсь уже нельзя увидѣть тѣхъ „узмётовъ“, какъ при первой вспашкѣ, и рыхлая земля ложится тонкими, густыми, едва различаемыми грядками. По такой „мѣшини“ остается лишь засѣвать рожь,— что и дѣлается въ три различные срока: отъ 7 до 15 авг., отъ 16 до 29 авг. и отъ 1 до 14 сент.: эти повсемѣстные сроки извѣстны подъ именами ранняго, средняго и поздняго посѣва, и всѣ три одинаково могутъ быть благопріятными и неблагопріятными, что зависитъ отъ общихъ климатическихъ условій даннаго года и, ближайшимъ образомъ, отъ тѣхъ же условій въ „засѣвныи“ сроки, при чемъ весьма часто утренній и вечерній засѣвъ одного и того же дня даютъ впослѣдствіи замѣтную разницу во всходѣ, дальнѣйшемъ ростѣ и урожаѣ.

Приготовивъ съ вечера „сѣмины“, даже уложивъ ихъ на

телѣгу вмѣстѣ съ „сивалкый“ и однимъ-двумя кулями соломы, „сявбитъ“ на другое утро спѣшитъ на пашню и пробирается онъ туда скромными, околичными путями, чтобы избѣжать невыгодныхъ на сей разъ встрѣчъ. По прибытіи на мѣсто онъ прежде всего озирается, нѣтъ ли свидѣтелей предстоящей работы, и если таковые окажутся, то начинаетъ нескончаемо возиться около телѣги, лошади, пока свидѣтель не удалится. Уже тогда онъ спѣшно снимаетъ съ телѣги привезенное, также спѣшно помѣщаетъ его при межѣ, или на самой серединѣ нивы, и тутъ же спѣшитъ насыпать изъ мѣшка первую „сивалку“, разбавивъ „зѣрниты“ горстью-двумя освященной въ Спасовъ день ржи, которую онъ до сего времени держалъ въ тряпочкѣ за пазухой, при голомъ тѣлѣ. Когда все это сдѣлано и когда поверхность приглажена и назнаменована крестомъ, „сявбитъ“ привязываетъ къ „сивалочному“ ушку или кусочекъ артоса, или „Благовѣщиныю проскурку“ [872]), поднимается въ ростъ и еще разъ осматриваетъ, нѣтъ ли зрителей? По совершенномъ удостовѣреніи, что таковыхъ нѣтъ, „сявбитъ“ присѣдаетъ къ землѣ, накладываетъ почепку на шею чрезъ голову и, поднявшись вмѣстѣ съ „сивалкой“, идетъ къ мѣсту, откуда слѣдуетъ начинать посѣвъ. Обыкновенно первыя двѣ горсти „сѣминъ“ разсыпаются крестообразно въ углу нивы, безъ обычнаго при засѣвѣ порядка; послѣдующая же разсыпка ихъ происходитъ при медленномъ движеніи „сявбита“, и въ то время, когда онъ наступаетъ правою ногой, горсть сѣмянъ выбрасывается впередъ, больше въ правую сторону, лѣвою ногою— другая горсть мечется въ лѣвую сторону, обѣ падаютъ на землю какъ бы сцѣпленными полукружіями и занимаютъ ширь въ 3—4 арш. Чтобы не потерять изъ виду предѣльнаго паденія „сѣминъ“, эти мѣста отмѣчаются соломенными „тычками“, и это дѣло исполняетъ праздное дитя, тутъ же слѣдующее за „сявбитомъ“ съ пучкомъ соломы подъ мышкою, изъ которой для каждой „тычки“ отдѣляется съ десятокъ, спѣшно сгибается пополамъ и втыкается

въ землю. По окончаніи засѣва нива представляетъ издали площадь, на которой довольно правильными рядами сдѣланы прихотливыя соломенныя насажденія, оттѣненныя двумя „стёжками“, подобно иртовымъ на снѣгу слѣдамъ: одна изъ нихъ лежитъ на срединѣ, промежъ соломенныхъ рядковъ, а другая при каждомъ такомъ рядѣ... Какъ и при началѣ засѣва, „сявбитъ“ разсыпаетъ послѣднюю горсть сѣмянъ крестообразно въ противоположномъ углу и тутъ же ставитъ „сѣвáлку“; въ то же время онъ не уноситъ съ мѣста и мѣшковъ, а перекинетъ ихъ на заборонённое мѣсто лишь тогда, когда непосредственно за засѣвомъ примется боронить да въ работѣ дойдетъ до мѣстонахожденія мѣшковъ; то же и съ сѣвалкою. Уже по завершеніи бороньбы эти предметы убираются съ нивы, а остатки соломы разметываются тутъ же.

Принято засѣвать въ одинъ пріемъ такое пространство, которое можно было бы заборонить къ концу „запряжки“, или, въ крайнемъ случаѣ, къ вечеру засѣвнаго дня: незабороненныя на ночь зерна теряютъ половину въ будущемъ ростѣ и урожаѣ и могутъ сравниться съ забороненными лишь случайно [873])... Бороньба засѣва идетъ особенно быстро, и только внезапныя причины могутъ перенести эту работу на другой день. Поэтому незабороненный къ ночи засѣвъ слишкомъ рѣдокъ, и о немъ судятъ въ окружицѣ, какъ о несчастномъ событіи.

Послѣднимъ наступленіемъ „землепáха“ на пашню нужно считать „лешéння“ послѣдней сохою, которое состоитъ въ проведеніи бороздъ то вдоль, то поперекъ пашни, а также и въ обводѣ ея болѣе глубокою бороздою по окраинамъ и вдоль межъ; это дѣлается или непосредственно за бороньбою, или въ ближайшую запряжку слѣдующаго дня. Густота и направленіе „лехъ“ всецѣло зависятъ отъ пашенной поверхности: низменна послѣдняя —„лéхи“ проводятся гуще, высока—рѣже, или и совсѣмъ не проводятся. Несмотря на постоянную отплату, воспоминаемый „землепàхъ“ не вѣдался съ поперечными „лéхами на погурковыхъ

мѣстахъ“, а проводилъ таковыя по склону, сверху внизъ, почему, при весеннемъ и дождливомъ стокѣ воды, получалъ здѣсь глубокія рытвины и песчаные наносы... Завершивъ круговую „леху̀, землепахъ“ проводилъ на пашенномъ углу двѣ короткія (около сажени) крестъ-на-крестъ „лёшки“, спускался съ пашни вмѣстѣ съ лошадью и сохою, благословлялъ рукою всю пашню и только тогда считалъ дѣло озимой запашки вполнѣ законченнымъ. Какъ работникъ, онъ прибудетъ сюда чрезъ 11 мѣсяцевъ, а до того времени онъ появится раза два осмотрѣть „кра́ску и рунь“, согнать скотъ, принять въ за́морозки нарочно пускаемыхъ на „рунь“ лошадей; по веснѣ же зайдетъ въ Вербное воскресенье воткнуть освященную вербочку, въ Ѳомино—зарыть остатки „свянцо̀наго“, въ видѣ костей, яичной скорлупы и кое-какихъ крошекъ, а потомъ, лишь мимоходомъ „поцека̀вицъ, ци хува́итца ворона у жа̀ци ны Миколу, ци узнялòся яно́ по колѣно на Узне́синня, ци колюсу̀итца на Тройцу [874]), ды якъ красу̀итца, ци ядриню налива̀иць“?... Всѣ нарочитыя мимоходныя, попутныя посѣщенія можно считать гостиными посѣщеніями, по крайней мѣрѣ, такъ отзывается о нихъ самъ „землепахъ“, когда передаетъ, что „житцо́ провѣдывавъ, у го́сци къ житцу̀ ходивъ“!

Какъ прошла „жи̇тнія успа́шка“, точно такъ же проходитъ и яровая: вся разница лишь въ срокахъ подъема и окончательной обработки яровой пашни. Если позволяетъ возможность и съ нею согласуется хозяйское радѣнье, „иржи̇ща“ поднимается еще осенью, по завершеніи полевыхъ работъ; въ противномъ случаѣ это дѣлается раннею весною, какъ только соха входитъ въ землю, и, въ особенности, непосредственно послѣ перваго грома, который „одмыка̀иць землю̀“. При начальной работѣ съ сохою, когда „землепа́хъ“ и его пособникъ нѣсколько забудутъ „во́риво“, земля только „заво̀ривыитца“, т. е. поднимется полоса саженной ширины, и это „заво̀ривыння“ приходится или на Свѣтлой недѣлѣ, начиная съ четверга, или на Радоницу, хотя при поздней

Пасхѣ бываетъ на Страстной, даже Вербной недѣлѣ. Ровно чрезъ недѣлю поднятая земля боронится, а чрезъ другую „мишаитца“, —съ чѣмъ соединена ея готовность къ яровому засѣву.

Указать точные сроки общаго ярового посѣва, какъ и посѣва отдѣльныхъ хлѣбовъ, довольно трудно: въ этомъ случаѣ многое зависитъ отъ климатической розни мѣстностей (южная окраина Леп. и сѣверная Велиж. у.), а нерѣдко отъ той же розни двухъ смежныхъ годовъ. Тутъ можно указать лишь приблизительные сроки, присоединивъ къ колосистымъ хлѣбамъ (ярицѣ, пшеницѣ и ячменю) ранній, средній и поздній посѣвъ. Эти сроки исчисляются недѣлями отъ Ильина дня назадъ и къ нимъ пріурочиваются подвижные и постоянные праздники, какъ общіе, такъ и мѣстные, исключительно чтимые простонародьемъ и слѣдуемые за Пасхою. Такимъ образомъ, если имѣть въ виду св. Пасху послѣдняго года бытописуемаго срока [875]), то нашенные яровые сроки падаютъ на слѣдующіе дни: 16 апр. „завòривали“; 17, 18 и 20 апр. законченъ подъемъ ярового поля; 24 и 25 апр. бороньба; 1 и 2 мая „мѣшинь“, а 4—5 мая, на 11 нед., первые посѣвы ячменя (ранній ячмень) и пшеницы, какъ на общей пашнѣ, такъ и на „грудàхъ, лядахъ“; 11—18 мая, на́ 10 нед., посѣвъ гороха; въ „Шóсниковую“ недѣлю (6-ю по Пасхѣ и 9-ю отъ Ильи) посѣвъ овса, а послѣ этого, на 8-й нед., отъ 25—30 мая поздніе посѣвы, къ которымъ причисляется посѣвъ гречихи. Приведенные сроки могутъ отодвигаться отъ Ильина дня, и есть отдѣльные случаи, когда ранніе посѣвы начинаются на 13, даже 14-й недѣлѣ; тутъ хозяева уже рискуютъ, а если апрѣльскіе и майскіе морозцы погубятъ всходы, то приходится „отпа́хывать ярь“ и чрезъ то сдѣлать ее позднею. Но эти же сроки не доходятъ до 6-й нед., и посѣявшій ярь даже на 7-й нед. можетъ снять таковую, какъ кормъ для скота.

Вопросъ, гдѣ сѣять тотъ или другой яровой хлѣбъ, разрѣшается хозяйственною практикою, примѣтами предыдущихъ лѣтъ,

при чемъ не упускается изъ виду преимущественная тучность „логовъ, подлоговъ, низинъ“, куда стекаетъ съ высотъ удобрительная влага: тутъ обыкновенно сѣется ячмень, пшеница, ленъ и горохъ; овсу же отводится остальная, „погурковая земля“, или недостаточно удобренная подъ прошлогодніе озими „ровнядина“. Но есть и отдѣльныя, довольно секретныя указанія на тотъ и другой хлѣбосѣвъ: обиліе „надѣекъ“, хрущевыхъ гусеницъ, „козюшикъ“ разныхъ, стайное метанье насѣкомыхъ („комары макъ товкуць“) [876]) и, въ особенности, налетъ воронья, мелкихъ пташекъ, да безбоязненный подступъ ихъ къ пахарю, какъ и драчливое оспариванье выпахиваемыхъ насѣкомыхъ, и мн. др., могутъ неожиданно измѣнить хозяйскіе планы—овесъ будетъ засѣянъ тамъ, гдѣ предполагался посѣвъ ячменя, или гречихи и проч. Ко всему этому присоединится развѣ обычная хозяйственная предусмотрительность, благодаря которой пшеница и ячмень засѣваются подальше отъ усадьбы, чтобы на нихъ не залетали воробьи, горохъ—подальше отъ дороги, чтобы уберечь его отъ „рукатыхъ вирябейкывъ“.

Внѣшніе, чисто рабочіе пріемы ярового засѣва отличаются отъ таковыхъ же при озимомъ лишь незначительными изъятіями. Такъ при засѣвѣ овса, ячменя и бѣлаго гороха не приходится „ляшацъ“, потому что свѣтлыя зерна достаточно обозначаютъ грань паденія, но при засѣвѣ остального хлѣба „лешення“ необходимо, а при засѣвѣ темной гречихи приходится зорко примѣчать мѣсто паденія зеренъ и по одному сему устанавливать „тычки“, или же предварительно намѣтить ими засѣваемую площадь. „Тычками“ здѣсь бываютъ, по большей части, древесныя вѣтки, такъ какъ солома или исчезнетъ за зиму, или поубавится настолько, что ее жаль пускать на непроизводительныя траты.— Ни „лехъ“, ни кругового обвода бороздою на яровой пашнѣ не дѣлается, а если заключительную бороньбу отправляетъ юнецъ, то онъ даже не благословитъ оставляемой пашни тѣмъ сердечно-лю-

бовнымъ крестомъ, который посылали при семъ случаѣ дѣды и отцы...

Умѣнье засѣвать хлѣбъ [377]) дается не сразу и не всякому; иные такъ на всю жизнь остаются неумѣлыми „сивбитáми“, у которыхъ хлѣбъ выростаетъ „въ одномъ мѣстѣ густо, а въ другомъ—пусто“. Особенно труденъ засѣвъ льна, который приходится метать не горстью, какъ остальной хлѣбъ, а „нюшкòмъ“ (щепотью). Тутъ поневолѣ нужно обращаться къ знатокамъ льняного засѣва. Впрочемъ, то же обращеніе къ стороннимъ, владѣющимъ завѣдомо счастливою, легкою рукой, дѣлается при всякомъ хлѣбномъ засѣвѣ...

Послѣднимъ „заскорáживаннимъ яри“ приканчиваются пашенные труды и, пожалуй, сношенія хозяевъ съ яровымъ полемъ, вплоть до уборки; сюда прокрадутся, или по семейному посылу забѣгутъ ребятишки, чтобы „нащипаць гороху“; подавляющая хлѣбъ лебеда, сурѣпица, осотъ и другія сорныя травы не призовутъ на „яринў“ ни хозяевъ, ни тѣмъ болѣе ихъ пособниковъ, чтобы выполоть хлѣбныхъ враговъ: „одўжиць“ хлѣбъ сорныя травы, переростетъ ихъ—все будетъ зависѣть отъ Божьей воли и попущенія. Въ данномъ случаѣ и въ пользу посѣвовъ хозяева сдѣлаютъ многое, когда подчистятъ насѣдающія на пашню лѣсныя поросли, „дадўць подцярóбы“, которыя съ теченіемъ времени войдутъ въ пашенную площадь...

Жнивнымъ работамъ предшествуетъ „зажòнъ“, который дѣлаетъ сама хозяйка подъ вечеръ субботы, по преимуществу, и при полупраздничной обстановкѣ: она одѣвается въ чистую одежду, обувается въ болѣе парадную обувь и беретъ въ путь кое-какую закуску, среди которой обязательнымъ бываетъ сыръ. Срѣзавъ первымъ захватомъ серпа „кáливъ 10 Богу“, она кладетъ ихъ въ зажиночномъ уголкѣ крестообразно и тутъ же присѣдаетъ для предварительной, небольшой закуски. Вслѣдъ за симъ хозяйка безостановочно нажинаетъ цѣлую „бáбку“, иногда двѣ-три, устав-

ляетъ ее на сжатой площадкѣ и снова присѣдаетъ на прежнемъ мѣстѣ для болѣе основательной закуски. Скромные остатки послѣдней, или отдѣленные кусочки она кладетъ на покрышный снопъ, подъ бабку, на мѣсто, гдѣ лежали „кáливъ 10 Богу“, и, собравъ нослѣднія, съ подходящею пѣснею возвращается домой. Здѣсь „кáливы“ прежде всего помѣщаются въ „божницу“, а потомъ, не въ очередь ѣды, семьяне поѣдаютъ „зажóнные“ остатки, выслушивая повѣсть „зажóнницы“ объ обстоятельствахъ работы, часто не имѣющихъ ни существеннаго отношенія къ ней, ни интереса.

Такъ ведется зауряднный „зажонъ“ и въ подлежащее время, когда наступила дѣйствительная необходимость снимать созрѣвшій хлѣбъ. Но нужда, которая, по пословицѣ, „скачетъ, пляшетъ и пѣсенки поетъ“, значительно видоизмѣняетъ „зажóнъ“: точно воры, жнеи тайкомъ пробираются къ зеленому хлѣбу, тайкомъ переносятъ жалкіе снопики, чтобы скорѣе отвѣдать „оржан*и*нки“; тутъ нѣтъ мѣста „зажóнной перекускѣ“ и пѣснѣ, не красуется „зажóнная бабка“-особнякъ, а только видишь все болѣе и болѣе разрастающееся „иржи́ща“ тогда, когда окружный хлѣбъ едва подходитъ къ зрѣлости...

Послѣдующія жнивныя работы идутъ своимъ обычнымъ чередомъ, съ унаслѣдованными отъ „сѣдой старины“ пріемами—и на „иржи́щи“ [878]) сначала видны то поваленные, то стойкія торчащіе снопы, которые при солнечномъ закатѣ сперва снесутся въ длинныя грядки, а потомъ тутъ же преобразуются въ „бабки“, которыя, въ свою очередь, вытянутся въ стройные „корогóды“... „Чудная картина“!—хочется сказать непричастному къ работѣ зрителю,—„и создается она, какъ отплата за чистый, святой трудъ“! и проч... Но тутъ не лишне подойти къ „жанцáмъ“ [879]) да присмотрѣться къ ихъ праведнымъ трудамъ—и безсмертная, вѣчно свѣжая картина Н. А. Некрасова—„Въ полномъ разгарѣ страда деревенская“—возстаетъ во всей непошатнувшейся красѣ.

Что прибавится къ ней на мѣстѣ? Развѣ то, что долговязая Авгинька, приземистая, неуклюже толстая Аксинька, да юная „писнаццо́вка“—Аринька [880]) однообразно пригнутъ головы на аршинъ отъ земли да орудуя серпомъ, отхватывая „жме́ньку за жме́нькой“, станутъ врываться въ хлѣбную рощу въ то время, когда общая духота и солнечный припекъ въ горизонтально подставленную спину и склоненную голову будутъ донимать „пикельными доньмами“ [881]), отъ которыхъ то у той, то у другой жнеи „чо́хниць носомъ кровь“, трясутся „поджилки“, горитъ лицо и каплетъ крупный потъ... Нѣтъ силъ къ дальнѣйшей борьбѣ съ духотой—жнеи скидываютъ безъ того нелишнее „одѣцця“ и, въ разсчетѣ на безсудность сосѣдокъ и отсутствіе мужчинъ, продолжаютъ жниво въ одной лишь разстегнутой рубашкѣ... При „задѣлѣ визьма́“, то Авгинька, то ея пособницы выпрямятся въ полный ростъ и скручиваютъ солому на отлетѣ; но вслѣдъ за симъ они принуждены еще ниже припасть къ землѣ, чтобы распластать „вязьмо́“, каждый разъ опять же низко согнуться для укладки сжатой „жме́ньки“ и совершенно припасть къ землѣ, когда необходимо нажать колѣномъ завязываемый снопъ... Все это—„чудная картина“, и этими же рабочими положеніями создается грядущая „отплата за чистый, святой трудъ“!..

Жатвенная картина нѣсколько пополняется, когда нужно снимать малорослый, едва достигшій 6 верш. хлѣбъ, или такой, что „отъ колоса до колоса ни чува́ць голоса“,—снимать градобитные „прибо́и“ да скотскіе „вы́топты“, которые и коса съ трудомъ можетъ „няць“. Эту работу только и могутъ исполнить Авгиньки, Аксиньки и Ариньки—быть можетъ наитерпѣливые „жанцы́“ изъ всѣхъ своихъ сестеръ въ мірѣ...

Сказанное одинаково относится къ ржаному и яровому жниву, которое оканчивается „дожо́номъ“—болѣе парадным праздненствомъ, чѣмъ „зажо́нъ“. Если данное хозяйство выше средняго и хозяева хлѣбосольны, то „дожо́нъ, дожинки“ служатъ по-

водомъ къ скромному гостиному сбору и короткой пирушкѣ, невозобновлявшимся съ навозной толоки. Существеннымъ образомъ „дожинки“ справляются по окончаніи ржаного жнива; но нѣкоторые хозяева вторятъ ихъ и послѣ ярового. Подобно тому, какъ и при навозной толокѣ, „дожонницы“, а позже и ихъ присные, являются скорѣе показными жнеями, такъ какъ къ „дожинкамъ“ оставляется на нивѣ лишь незначительная хлѣбная площадь, съ которою безъ труда могли бы управиться къ вечеру и семейныя жнеи. Приканчивая жнивную работу, жнеи оставляютъ нетронутыми ржаные стебли на 8-ми верш. угловомъ, или окраинномъ мѣстѣ, и направляютъ сюда нѣсколькихъ наиболѣе красивыхъ, молодыхъ товаришекъ своихъ. Пока остальныя жнеи сназиваютъ снопы, ставятъ ихъ въ „ба́бки и корого́ды“, избранницы присѣдаютъ вокругъ оставленныхъ стеблей и „завиваюць бороду̀“, — что́, при пѣніи надлежащихъ пѣсенъ, состоитъ въ предварительномъ связываньи стеблей лентою, ниже 8—10 верш. отъ колосьевъ, и осторожномъ, медленномъ выпалываньи травы подъ стеблями, такъ что здѣсь образуется маленькое токовище; въ то же время другая партія подобныхъ жней, сидя на послѣднемъ снопѣ, вьетъ ржаной вѣнокъ. Всѣ три работы—„завивка бороды“, плетенье вѣнка и установка сжатыхъ сноповъ—подгоняются къ одновременному концу. Тогда сгруппировавшіяся жнеи кладутъ вѣнокъ на голову самой красивой жнеи и, выставивъ ее вожакомъ, медленно, съ голосистою пѣснею направляются къ хозяйскому дому. Остановившись на дворѣ, жнеи доканчиваютъ пѣсню и входятъ въ домъ уже тогда, когда хозяйка встрѣтитъ ихъ съ хлѣбомъ-солью, а тѣмъ временемъ хозяину будетъ надѣтъ на голову вѣнокъ, въ каковомъ украшеніи онъ предшествуетъ гостямъ при вступленіи ихъ въ домъ.

Парадность „дожо́на“ имѣетъ мѣсто лишь при указанныхъ выше условіяхъ; но тамъ, гдѣ единственная въ домѣ жнея-хозяйка заканчиваетъ жниво, „дожо́нъ“ ограничивается лишь кое-ка-

кою завивкою „бороды“ и одиночнымъ пѣніемъ трехъ-четырехъ стиховъ дожиночной пѣсни на нивѣ. Молчкомъ, одинокая сходитъ она съ мѣста работы и также молчкомъ вступаетъ въ домъ, принося туда изрѣдка не вѣнокъ, а дубликатъ „кáливъ 10 Богу“ Что сказать о тѣхъ „захудáльцахъ“, кои тайкомъ начинали „зажóнъ“, увезли съ нивы еще невызрѣвшій хлѣбъ и принуждены сдѣлать то же надъ послѣднимъ выходящимъ изъ-подъ серпа снопомъ? Ужъ какой тутъ „дожóнъ“?!

При недостаткѣ выгонной „пáши“ и голодовкѣ скота на „попарѣ“, даже незначительная сжатая площадь даетъ ему обильные кормовые дары, потому что этимъ открывается прóгонный путь въ межпашенные лужки, поросшіе отавою. Но съ этого же начинается и нескончаемая борьба хозяйства съ „потрáвами и шкóдами въ бабкахъ“, пока тѣ не увезутся въ гумно: ни „розгачѝ“, ни другія убѣдительныя мѣры не призовутъ пастуховъ къ охраненію сжатаго хлѣба, и хозяинъ увозитъ съ поля не одинъ снопъ, въ которомъ уцѣлѣла лишь солома. Посему хозяева часто изъ-подъ серпа убираютъ хлѣбъ съ такихъ опасныхъ мѣстъ и досушиваютъ его на гумнѣ, разставивъ въ „бáбки“, прислонивъ снопы къ изгороди и строеніямъ, или воткнувъ ихъ на изгородные колья.

Сжатый хлѣбъ покоится на „иржищи“, пока солома и всякая трава межъ нею надлежаще не просохнутъ. Если хлѣбъ сжатъ въ сырую погоду, или дожди проходили послѣ жнива, то при наступленіи вёдра „бабки ускрывàютца“, т. е. съ каждой изъ нихъ снимается покрышечный снопъ, какъ извѣстно, накладываемый на группу сноповъ зонтикомъ, шатромъ, комлемъ вверхъ, или же, надломленный ниже „визьмà“, онъ накладывается на одну сторону сноповой группы, тогда какъ другая сторона остается лишь подъ навѣсомъ наклоненной головки [882]).

Мѣстная ржаная „бабка“ содержитъ 10, а яровая 6 сноповъ, считая въ томъ числѣ и покрышечный. При установкѣ ея

первый снопъ утверждается вертикально, остальные же, въ незначительномъ отступѣ другъ отъ друга, располагаются вокругъ „стояна“ наклонно и соединяются съ нимъ лишь колосинными верхушками. Какъ ни малосодержательна „бабка“ и какъ ни тѣсно подъ нею пространство, однако, тутъ можно пріютить дитя, а подъ ржаною „бабкой“ можно укрыться отъ зноя и дождя и возрастной жнеѣ.—Одинъ или нѣсколько рядовъ „бабокъ“ даютъ извѣстный „корогодъ“, обыкновенно содержащій круглое число „копъ“ (копа—60 сноповъ, или другихъ предметовъ); на него приходится смотрѣть, какъ на полный возъ, на два воза, а не на доли ихъ. Если въ снопахъ „малая вязь“, или рабочая лошадь дюжа, близка доставка, ровна дорога, тогда хлѣбный возъ будетъ содержать свыше двухъ „копъ“; нормальнымъ же хлѣбнымъ возомъ считается поклажа въ двѣ „копы“, и этотъ грузъ едва по силамъ малорослой заморенной лошадкѣ.

Полевая уборка льна, связываемаго также снопами, значительно разнится отъ всякой жатвенной работы: такъ прежде всего тутъ не нужно пригибаться къ землѣ, а достаточно опустить внизъ руку, да захвативъ горсть льняныхъ „верховокъ“, слегка потащить ихъ вверхъ—и мягкая земля отпуститъ на волю гладкіе льняные корешки, вообще слабо держащіеся въ ней. Кромѣ того, тутъ не приходится много хлопотать надъ скручиваньемъ „визьма“, потому что пятокъ стеблей довольно прочно сдерживаетъ снопъ, который на половину меньше хлѣбныхъ сноповъ. Наконецъ, льняные снопы не нужно уставлять въ „бабки и корогоды“ [883]), а достаточно приставить ихъ другъ къ другу въ сплошную „стойку“: отрѣзанныя косою или ножомъ головки будутъ досушиваться въ „островкахъ“ и въ сушильнѣ, передъ молотьбою, а оголенные снопики немедленно же будутъ отправлены на „мочиво“.

Что сдѣлано со льномъ, то же, безъ измѣненія, дѣлается и со скуднымъ засѣвомъ конопли, изъ которой, впрочемъ, вскорѣ послѣ цвѣтенія выдергиваются посконные стебли [884]). Еще съ по-

ловины лѣта они остаются прислоненными къ стѣнѣ, подъ стрѣхою, и здѣсь до конца августа поджидаютъ остальную коноплю, чтобы вмѣстѣ отправиться въ „мо́чиво“...

Созрѣвшій бобъ, котораго преимущественное мѣсто въ огородѣ, по большей части, сжипается, и только изрѣдка выдергивается, подобно льну и коноплѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ вяжется въ толстые неуклюже-неровные снопы; послѣдніе, будучи перевиты соломеннымъ „вязьмо́мъ“, такъ рѣзко выдѣляющимся на черномъ корпусѣ снопа, готовы напомнить сюртучнаго жота въ лапоткахъ... Бобовые снопы просушиваются въ „островкахъ“, прислоненными къ стѣнѣ и изгороди, или торчатъ на изгородныхъ кольяхъ.

Полевая уборка гороха, „соч*и*вки“ и гречихи совершенно не похожа на уборку остальныхъ хлѣбо̀въ, уже потому, что съ мѣстомъ родины. ихъ разлучаетъ коса съ „грабе́льками“ [885]), а послѣдующее превращеніе въ „ку́пы“ для сушки и принятія на возъ вершаютъ обыкновенныя грабли. Горохъ подворачивается ими, какъ сѣно, и сгребается въ подобіе пластовъ [886]); гречиха же свертывается въ отдѣльныя „ку́пы, кру́тки“ непосредственно изъ прокосовъ, при чемъ, насколько то́ возможно, каждая „кру́тка“ удерживаетъ комли въ одну сторону, тогда какъ зернистыя верхушки, стиснутыя и перевязанныя цѣпкимъ стебелькомъ той же гречихи, обращены въ противоположную. Когда „кру́тки“ установлены на комли, онѣ даютъ коническіе вороха, которые издали напоминаютъ разсѣянные попашнѣ камни.

При нагрузкѣ возовъ на пашнѣ, сноповые хлѣба могутъ быть уложены на телѣгу единолично, и только потѣхи ради на возъ допускается „топту́нъ“ во образѣ семилѣтка, который потомъ, въ награду за трудъ, торчитъ на угнетенномъ возу; но при нагрузкѣ воза горохо́мъ, „соч*и*вкой“ и гречихою, такой, хотя и болѣе рослый, „топту́нъ“ совершенно необходимъ, иначе работаю

щему придется нѣсколько разъ вспрыгивать на возъ, или взбираться и спускаться оттуда по подставленной „жарди“, чтобы упорядочить растущій возъ...

Съ удаленіемъ послѣднихъ хлѣбныхъ возовъ развѣнчанная пашня изображаетъ ту пустынную голь, отъ которой сначала тоскливо щемится внутри, а потомъ, взглядывая на утоптанное „оржанóя иржища“ и пока-что, желтѣющее „иравóя“, приходится тѣшить обиженный взоръ тѣмъ, что тутъ не стерлась жизнь: этотъ разъѣвшійся подъ осень и лѣниво бродящій скотъ, эти пресыщенные, отгуливающіеся „вороньки и бычанки“, это медленно парящее и чуть передвигающее ноги воронье—не напоминаютъ ли о сытой привольной жизни? Быть можетъ, пустынную картину готовы поддержать оголенные „хмызники“ да угрюмые булыжлики, торчкомъ-торчащіе на пашенной окраинѣ?! Но вѣдь за такими памятниками разрушенія виднѣется ярко-зеленая „рунь“ озимей—вѣстникъ грядущаго расцвѣта и жизни...

XI. На покосѣ.

Коса и грабли, въ общемъ вѣсѣ едва доходящія до 5 фунт. —вотъ существенныя, единственныя орудія, съ коими недавній „оральбитъ, скородьбитъ, сявбитъ“, а на этотъ разъ „косьбитъ“ ведетъ дополнительную отрасль сельско-хозяйственныхъ пріобрѣтеній! Съ ними начинаются травокосные подступы, когда путевой, или оставленной дома на ночлегъ лошадкѣ нужно подать корму, съ ними идутъ сѣнокосныя подчистки пашенныхъ и другихъ окраинъ передъ настоящимъ сѣнокосомъ, съ ними проходитъ страдная сѣнокосная работа, отъ Петра до Успенья, и съ ними же вершается сѣножать въ концѣ авг. и въ сент., когда „сѣно сушитца на вилахъ“. И за это время изрѣдка, на первой майской травѣ, серпъ смѣнитъ косу: дѣти кое-какъ выжнутъ огородные „обмёжки“, или сочные травяные побѣги въ „низинахъ“, и только пронырливая бобылка долгое время, до половины лѣта, бу-

детъ выносить изъ разныхъ травянистыхъ мѣстъ мѣшки нажатой и тутъ же руками сгребенной травы. Отъ продолжительной „скользоты“ въ рукахъ обѣ насадочныя жердочки, „косовина и грабилина“, какъ будто потончаютъ, станутъ „гладюсинькими“, и только тамъ, гдѣ мозолистыя ладони „косьбита“, вызывавшія нерѣдкое поплевыванье, имѣли болѣе частую опору, наростаетъ грязевый слой, въ свою очередь, принимающій потомъ общую лакировку...

Сѣнокосныя работы не сразу вступаютъ въ силу, подобно остальнымъ полевымъ работамъ, а какъ-то исподволь и подходцами: въ одномъ мѣстѣ „косьбитъ обобьёць обмёжикъ, въ другомъ —узмёжикъ, тамъ вытриць лысинку“, стародавнюю, почти сравнявшуюся съ землей канаву, межпашенную рытвину, здѣсь—прочиститъ полевую, или глухую въ лѣсу дорожку, „потретца въ кустахъ“ [887]) и около нихъ. Плодомъ всѣхъ такихъ сѣнокосныхъ метаній являются: то „жменька“, то крохотная охапка, то и цѣлое „бирёмо“ сѣна, а если „косьбитъ забрался у островинку“ [888]), то онъ можетъ „цяць“ [889]) и нѣсколько пластовъ. „Биремо къ бирему“, пластъ къ пласту—получается „капёшка, или даже визенька“ [890]), которая сырьемъ будетъ доставлена домой; тутъ на дворѣ, на улицѣ, или на гумнѣ она просушивается между дѣломъ, часто подъ присмотромъ домашнихъ сѣдуновъ—юныхъ и престарѣлыхъ немощниковъ. Какъ очевидно, это не настоящій покосъ, а скорѣе—проба силъ, подборъ сѣнокосныхъ крошекъ, неразлучныхъ съ прутиками, папоротниками, стволистыми растеніями; но ими же кладется фундаментъ сѣнокосному сбору, будущимъ „сторонамъ пуни“. Правда, у различной „голутьбы“ такими крохами начинается и кончается сѣнокосъ, особенно, когда сѣнные запасы нужны для рѣдкой поблажки единственной коровенки, или же для прокормленія какой-нибудь козы.

Настоящій покосъ производится на „пожнѣ“, гдѣ не приходится имѣть дѣла съ кривизною поверхности, заносить косы ради

отдѣльнаго клочка и потомъ выгребать послѣдній, выкапывать изъ-подъ куста, рытвины, канавы, колдобины: скошенная трава ложится ровными длинными грядками, „валáми", которые тутъ же разбиваются, и сѣножать выдерживаетъ всѣ дальнѣйшія превращенія, т. е. разметанная трава нѣсколько разъ подворачивается, а когда достигнетъ предѣльной сухости, послѣ полудня сгребается въ настоящія копны и объемистыми возами ввозится прямо въ пуню. Незначительное изъятіе возможно лишь для отдѣльнаго воза, даже копны, если они не могутъ быть высушены на мѣстѣ изъ опасенія стравежа, или же по отдаленности „пòжни" отъ дома и рабочихъ угловъ: тогда сырьемъ, или на половину высушеннымъ, сѣно доставляется ко двору, на гумно и, подобно упомянутому раньше, получаетъ здѣсь окончательную сушку.

Когда данное хозяйство вѣдается не съ „пòженкой и пòжней, а пòжнями", находящимися иногда въ далекомъ отрубѣ и разстояніи, тогда сѣнокосное дѣло нѣсколько видоизмѣняется: въ подлежащую пору туда отправляются отборные рабочіе не на „запрàжку" и день, а на срокъ, потребный для полной сѣножатной работы, до укладки сѣна въ стога, или тамошнія пуни, включительно. Эти отхожіе рабочіе забираются на покосъ съ разсчитаннымъ запасомъ готовой и сырой провизіи, сами стряпаютъ здѣсь, ведутъ кочевое хозяйство, какъ умѣютъ [391]). При благопріятной погодѣ, въ какую-нибудь недѣлю съ небольшимъ въ пустынномъ доселѣ мѣстѣ выростаютъ громадные, относительно, стога и биткомъ набиваются отхожія „пýньки", при чемъ, конечно, вторится все, что имѣетъ мѣсто при сѣнной уборкѣ вокругъ и вблизи дома: готовое сѣно сваживается къ складищамъ грузными возами, или сволакивается сюда „по-копённо" на двухъ положенныхъ на-крестъ хворостинахъ. Послѣдній, волоковой видъ доставки сѣна, нынѣ значительно позабытый, довольно ясно обозначается на пути двумя показателями—ровнымъ притоптомъ въ одну сторону „кòсьбища" и разсѣянными по нему сѣнными „вярцёлка-

ми“ различной длины и толщины, которыя потомъ тутъ же незримо и погибаютъ.

Въ большинствѣ случаевъ сѣнныя складища на отхожихъ „пóжняхъ“ остаются въ покоѣ до зимнихъ первопутковъ, когда нѣсколько поочистится мѣсто въ домашнихъ пуняхъ: тогда наличными силами, или при толочномъ пособничествѣ, сѣно перемѣщается по принадлежности—то домой, то въ продажныя мѣста. Весьма нерѣдко, однако, тѣ же складища остаются резервами, откуда въ теченіе цѣлой зимы сѣно вывозится, по мѣрѣ надобности, лишь отдѣльными возами. Естественно ожидать, что удаленное, а часто и глухое мѣстонахожденіе сѣнныхъ складищъ можетъ давать просторъ хищенію, такой и иной отместкѣ; однако, давняя простота и особенная на сей случай честность [892]) дѣлали эти складища почти неприкосновенными, и проѣзжій много грѣшилъ, когда позволялъ себѣ урвать скромную охапку, чтобы положить въ опустѣлый, невозможный для сидѣнья экипажъ. Впрочемъ, и съ такимъ грѣхомъ доводилось вѣдаться немногимъ и рѣдко, какъ потому, что складища ютились поодаль даже отъ „забóчныхъ дорогъ“, такъ и потому, что пуни, напр., наглухо загораживались.

Сѣнокосная уборка болотныхъ луговъ, трясинныхъ, или поемныхъ, при-водныхъ луговинъ представляетъ ту лишь особенность, что здѣсь сѣно только снашивается въ складища [893]), а не перевозится, какъ на „пóжняхъ“. Въ то же время оно, по необходимости, остается на мѣстѣ не въ стогахъ и „пýнькахъ“ только, но и въ копнахъ, до прочнаго зимняго пути. Когда состояніе покоса вызываетъ стога, таковые выростаютъ здѣсь, какъ грибы, при чемъ содержимость отдѣльнаго стога не превыситъ двухъ-трехъ возовъ, или 40—60 пуд., потому что сѣно кладется не непосредственно на землю, а на плетеныя подмостки, правильнымъ кругомъ расположенныя около стожара. Для этого предварительно вколачиваются колья, которые, въ отступѣ отъ поверх-

ности земли на аршинъ и болѣе, соединяются со стожаромъ то плетнемъ, то „круциками“: въ томъ и другомъ случаѣ стогъ представляется висящимъ въ воздухѣ, а подъ основаніемъ его могутъ находить зимній пріютъ и дерзкіе звѣри.

При опредѣленіи качественныхъ сторонъ сѣножати нѣсколько трудно указать, какая трава, а слѣдовательно и сѣно лучше остальныхъ: обыкновенно скашивается „ѣщая трава“, изъ которой потомъ получается „ѣщія же сѣно“. Это понятіе слишкомъ растяжимо, слишкомъ неопредѣленно, потому что голодный скотъ способный поѣдать въ „рѣзи и цéрницы“ старую крышу, аппетитно потребляетъ, какъ полуклеверное сѣно, такъ и перезрѣлую осоку, до крови рѣжущую пàльцы, сгноенное ненастьемъ сѣно, отъ котораго летитъ плѣсенная пыль и разносится плѣсенный смрадъ, или же, увлекшись алчною ѣдой, заурядъ съ сѣнными клоками поѣдаетъ встрѣчающіеся здѣсь во множествѣ древесные и кустарниковые побѣги, отъ которыхъ въ „дробйнахъ“, ясляхъ и подъ ногами остаются лишь оголенные прутики. Хозяинъ почтетъ выполненными свои обязательства по заготовкѣ скотскаго корма, когда „навáлицъ стороны́ и набьéцъ пýню“, а чѣмъ и какъ— тò разберетъ грядущая зима и голодное брюхо скота... Тѣмъ не менѣе всякое добропорядочное отношеніе къ этому дѣлу обязываетъ хозяевъ скосить ту и другую траву „зá-пору, вготовáць ее за-погóду“, и хотя разносортное, изъ разныхъ угловъ собранное сѣно сваливается въ общее складище, при сѣнокосѣ и въ послѣдующее время оно различается отдѣльными наименованіями, изъ коихъ заслуживаютъ помина слѣдующія.

1. „Дятлинное сѣно“—трава съ незначительною долею краснаго или бѣлаго клевера-самородка, какъ извѣстно, особенно любимаго скотомъ. Это сѣно выбирается изъ складища въ выдающіеся случаи—при путевыхъ надобностяхъ, при подачѣ жеребымъ и стелькамъ, при потерѣ аппетита, или какъ поблажка юнымъ животнымъ.

2. „Нивное сѣно“ даетъ трава, снятая съ запущенной пахоты и нивы. Такое сѣно изъ малорослой, рѣдкой травы на самомъ дѣлѣ хуже остальныхъ сортовъ, и если мѣстная оцѣнка ставитъ его непосредственно за „дятлиннымъ“, такъ только потому, что оно получилось съ пашни, когда-то удабривавшейся навозомъ и обладающей хлѣбороднымъ „тукомъ“.

3. „Погу́рковое, узмежное, обузме́жное и обме́жное сѣно“ можетъ стоять выше послѣдующаго въ томъ случаѣ, когда оно получилось съ прилегающихъ къ пашнѣ мѣстъ, потому что травѣ такъ или иначе передавался пашенный хлѣбородный „тукъ“.

4. „Низинное (межпашенное) сѣно“ слѣдовало бы считать лучшимъ, если бы здѣсь не было ни водостоя, ни протока весною и въ половодье, отъ которыхъ то разрушается, то уносится прочь хлѣбородный „тукъ“; благодаря сему, часто высокая, густая и сочная трава, особенно, безъ дятлины, уступаетъ первенство предыдущей.

5. „Обло́говое сѣно“ получается съ широкихъ межпашенныхъ лужковъ, а также и прилегающихъ къ пашнямъ возвышенныхъ луговинъ, которыя или въ давнія времена были пашенными площадями, или готовы перейти въ таковыя. Растущая здѣсь трава даетъ середовое по добротности сѣно, кстати, почти всегда лишенное не любимыхъ скотомъ, а иногда и вредныхъ растеній.

6. „Лядовое сѣно“ можетъ быть и лучше и хуже предыдущихъ, смотря по относительной высотѣ, или низменности ляда, а также по сухому и мокрому лѣту. Возвышенно лядо и мокро лѣто, или низменно оно и лѣто сухо—трава даетъ почти „дятлинное“, первосортное сѣно [894]); въ обратномъ положеніи „лядовое сѣно“ ниже „обло́говаго“ и приближается къ послѣдующимъ низшимъ сортамъ.

7. „Медуничное сѣно“ даетъ трава, растущая въ сырыхъ при-лѣсныхъ мѣстахъ, въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ извѣстною меду-

ницей, отъ которой трава, а впослѣдствіи и сѣно воспринимаетъ запахъ. Эта трава высока, густа и сочна,—что вызываетъ продолжительную сушку, тѣмъ болѣе, что толстоствольная медуница, какъ и сосѣди ея—дикія зонтичныя растенія—неминуемо требуютъ такой же сушки, когда только предварительно не будутъ удалены. Если въ чьемъ-нибудь сѣнокосѣ имѣется такая трава, хозяева норовятъ скосить ее во время цвѣтенія медуницы, пока не огрубѣлъ стволъ послѣдней.

8. „Комонйчное сѣно" пригодно только для овецъ и козъ, которыя любятъ его изъ-за „горькáвысци комонйцы". Такая трава попадается выхватами на возвышенныхъ сѣнокосныхъ мѣстахъ, въ сосѣдствѣ брусничника и плауна; въ то же время тутъ и мѣстонахожденіе сухихъ съ зеленымъ мхомъ „кýпинъ" [895]). Все это вмѣстѣ низводитъ „комонйчное сѣно" въ кормовые послѣдыши.

9. „Лосинниковое сѣно" получается изъ тонкой камышеобразной травы, пучками растущей на тѣхъ же сухихъ мшистыхъ мѣстахъ. Эта трава захватывается косою изъ-за сосѣдства ея съ надлежащею травою и такимъ образомъ въ сѣнѣ появляется почти случайно. Тонкія, гладкія и круглыя травинки „лосинника" скользятъ межъ зубовъ травоядника и только въ незначительномъ количествѣ пережевываются заурядъ съ остальною травою.

10. „Бобóвниковое сѣно" имѣетъ въ составѣ извѣстный бобовникъ—горькое, лопуховидное растеніе болотистыхъ мѣстъ и луговыхъ низинъ (трифоліумъ—трилистникъ). Подобно „комоницѣ", онъ составляетъ лакомую траву для хлѣвныхъ „подножниковъ", которые выбираютъ изъ сѣна только бобовникъ; лошади же и коровы поѣдаютъ его вмѣстѣ съ остальною травой.

11. „Осокливое сѣно" по всей справедливости считается послѣднимъ; оно остается таковымъ и тогда, когда рано убрано, или когда осока тонколистна и малоросла. Такое сѣно подается развѣ голодному скоту; при иномъ положеніи даже мягкая осока по

дается въ смѣси съ добротнымъ сѣномъ. Крупная, грубая осока бросается скоту подъ ноги, а не закладывается въ „дробины“ и ясли, или же, сгноенная на покосѣ вмѣстѣ съ аиромъ, вывозится оттуда въ толочную (навозную) пору прямо на пашню.

12. При недостаткѣ травы, при алчности хозяевъ, или при хлѣбномъ неурожаѣ, непосредственно послѣ серпа, на сжатой нивѣ хозяйничаютъ коса и грабли: получается „иржищное сѣно“, въ которомъ добрую долю занимаютъ хлѣбные комельки, въ значительной мѣрѣ поѣдаемые скотомъ вмѣстѣ съ тучною лакомою травою. Едва ли нужно говорить, что оголенное косою мѣсто не приманитъ скота, который обыкновенно платитъ „иржищу“ удобреніемъ за взятый съ него кормъ, и удобрительнымъ матеріаломъ оголенной площадки остаются лишь тощій дернъ и полувершковые комельки...

Самое роскошное „иржищное сѣно“ даетъ „ильнища“ которое посему почти всегда выкашивается вслѣдъ за уборкою льна. Истощенная льномъ почва чрезъ это разоряется до послѣдней возможности; но сего не знаютъ, или не хотятъ знать корыстолюбивые хозяева, получившіе возъ наиболѣе мягкаго, тучнаго „иржищнаго сѣна“. Правда, скотъ тянется къ оголенному мѣсту, пригрызаетъ сѣнокосные пеньки до земли, платитъ временной „ѵругѣ“ обычнымъ своимъ удобреніемъ. Но что это значитъ для разоренной въ конецъ почвы, у которой, не въ примѣръ прочимъ пахотнымъ полоскамъ, не оставлены даже корни и пеньки [896])? Сюда потребуется чуть не весь наличный навозъ, а между тѣмъ послѣдній нуженъ на весь будущій „попаръ“.

Перечисленные виды сѣножати можно считать постоянными, и многіе изъ таковыхъ приносятъ изъ года въ годъ опредѣленную, считанную прибыль. Но сверхъ неожиданной прибавки къ хозяйству сѣножати, въ видѣ аренды, купли, подарка, или возмездія за работы у разныхъ лицъ [897]), весьма нерѣдка и сѣножать случайная, которую даетъ на пашнѣ то градобитіе, то обыч-

ный бичъ сельскаго хозяйства—пашенные стравежи, извѣстные подъ именами „стравы, потрáвы, шкóды". Пострадавшая пашня, или часть неминуемо скашивается, особенно, когда несчастье пришлось до времени хлѣбнаго налива и созрѣванія, чтобы взять хотя что-нибудь. Какъ очевидно, такое сѣно, выстраданное и выплаканное передъ косьбой и во время покоса, можетъ служить печальнымъ поминомъ о несчастьи, а потому многіе хозяева предпочитаютъ не касаться такого случайнаго покоса, по крайней мѣрѣ, это цѣликомъ относится къ градобитному пашенному мѣсту.

То же несчастье по отношенію къ чисто сѣнокоснымъ мѣстамъ не останавливаетъ косы, и она работаетъ здѣсь въ два раздѣльные срока, опредѣляемые „ржанымъ и яровымъ покосомъ". Въ тѣсномъ смыслѣ подъ первымъ разумѣется сѣножатная уборка прилегающихъ къ ржаной пашнѣ луговинъ, а подъ вторымъ —къ яровой пашнѣ. Но это же указываетъ и на сѣножатную пору вообще: тамъ, верстъ за пять и болѣе, среди лѣса, болота, на трясинныхъ берегахъ рѣчекъ и озеръ, гдѣ не можетъ быть опасенія за стравежъ, сѣножатная работа идетъ именно въ указанные сроки, изъ коихъ первый зачинается послѣ 29 іюня, одновременно съ цвѣтеніемъ ржи, и пріостанавливается послѣ жнива, ради ржаной уборки, а второй приканчивается съ яровымъ жнивомъ. Далѣе, за ненастьемъ, безвременьемъ, отвлеченіемъ на чужія работы, остается кое-гдѣ „пóзный покосъ", иногда отправляемый чуть-ли не въ шубѣ, и при которомъ „сѣно сушится на вилахъ".

За исключеніемъ послѣдняго, т. е. легкой, а по случаю предъосенней погоды и невозможной сушки, всѣ сѣножатныя работы такъ однообразны, такъ до очевидности просты и легки, что среди остальныхъ работъ могутъ считаться гулевыми, на что̀ отчасти и указываютъ ходячіе термины—„гулять съ косой, съ граблями". Въ самомъ дѣлѣ, смотря на размѣрен-

ныя и нѣсколько тягучія движенія „косьбита“, частыя остановки, чтобы „лопáциць косу“,повидимому, лишнюю остановку, чтобы перемолвиться съ сосѣдомъ, путникомъ, прослѣдить внезапное явленіе и въ то же время глядя на покорно укладывающуюся подъ косою мягкую траву, невольно хочется сказать, что у работающаго недостаточно „раззудилось плечо, размахнулась рука“, хочется упрекнуть въ рабочей лѣни вообще и бѣлорусской—преимущественно. Но тутъ же, по справкѣ съ настоящимъ положеніемъ дѣла, оказывается, что если бы косарь дѣлалъ въ минуту даже 20 косовинныхъ взмаховъ, то онъ не только не годился бы въ „косьбиты“ слѣдующаго дня, но не могъ бы довести работы до урочной „запрáжки“, даже тамъ, гдѣ сѣнокосная площадь протянулась ровнёмъ-гладнёмъ. Что же сказать о томъ положеніи, когда коса должна нырять промежъ горбылей, кочекъ, пней, камней, набросанныхъ полѣньевъ, естественныхъ долочковъ, рытвинъ, или въ такихъ мѣстахъ, гдѣ раньше походило свиное рыло? Тутъ послѣ полнаго взмаха, непосредственно приходится дѣлать половинный лишь, даже четвертной, вѣдаться съ зацѣпами косы и выдерживать неожиданные толчки ея. Нѣтъ: „гулять съ косой“ —скорѣе ядовитая насмѣшка, совершенно тождественная съ поподобными же рабочими терминами—„гулять съ сохой, серпомъ“ и проч. Несмотря на утреннюю или вечернюю прохладу, несмотря даже на „*вильгыць*“. когда обыкновенно работаетъ „косьбитъ“, рабочій потъ пронимаетъ его едва-ли не сильнѣе, чѣмъ „оральбитá“ и жнею передъ полуднемъ.

Быть можетъ „гульня съ граблями“ стóитъ своего имени, тѣмъ болѣе, что среди нѣсколькихъ подступовъ къ работѣ тутъ есть промежное время для спокойнаго отдыха?! Если „коса погоды не ждетъ“, то грабли вполнѣ подчинены погодѣ, и ими приходится работать въ знойные часы, въ полдень, когда, пожалуй, и послѣдняя букашка убирается въ „зáсину“ [898]), на покой. А эта „хмáра“, готовая погубить цѣлодневные труды, или труды

нѣсколькихъ дней, а эта предвечерняя роса не призываютъ ли къ сугубымъ усиліямъ, спѣшности, когда, кажется, и десятокъ рукъ при однихъ плечахъ могли быть только въ пору?! Даже при спокойномъ теченіи грабельной работы, послѣдній сгребъ высушеннаго сѣна, сколачиванье его въ пласты и перемѣщеніе послѣднимъ на плечахъ, съ приподнятыми вверхъ руками, которыя млѣютъ отъ неестественнаго положенія—какъ это непохоже на „гульню“!

Вполнѣ убранная сѣнокосная площадь не вызываетъ ощущенія пустынной голи, подобно убранной пашнѣ; напротивъ, гладкая луговина, сперва напоминающая шкуру только-что выстриженной овечки, дня черезъ три уже блеститъ яркою, ровною зеленью и манитъ къ себѣ еще болѣе, чѣмъ до покоса. Если луговина не оберегается ради отавы и, слѣдовательно, на повторительную косьбу, то она входитъ въ составъ, или дѣлается отдѣльною „пашій, руѓый, уруѓый“, подъ чѣмъ разумѣются пастбищныя мѣста для скота. Хотя „коса *ли*жиць гладко“, все-таки сѣнокосныя луговины даютъ скоту достаточный дождями подновляемый кормъ, а гдѣ она не могла „няць“—въ кустѣ, около пня, камня,—тамъ скотъ находитъ обильный травяной кормъ вплоть до заключенія въ хлѣва на зимовку.

Безсмѣнное пребываніе скота на одной и той же „пашн, уруѓи“ причиняетъ сѣнокоснымъ луговинамъ едва сознаваемое хозяевами зло: скотъ утаптываетъ площадь, выдергиваетъ съ корнями травяные комельки, а свиньи кромѣ того роютъ и бороздятъ луговину. Если прибавить къ этому подневольный, или безпечный перевозъ только-что скошенной травы, для сушенья таковой при домѣ, на гумнѣ, то нѣтъ ничего удивительнаго, когда и самыя плодородныя сѣножати начинаютъ давать скудный урожай: высушиваемая трава роняетъ свои сѣмечки непроизводительно, въ ненужномъ мѣстѣ. О разсыпкѣ сѣнной „па́тру́хи“ по обиженнымъ луговинамъ хозяева даже не хотятъ знать, и почтен-

ные вороха таковой, ежегодно выгребаемые изъ пунь, спокойно тлѣютъ у сарайнаго угла, или пополняютъ хлѣвную подстилку, дорожныя рытвины [399]).

XII. Въ лѣсу; лѣсные дары.

Отъ пашенъ и покосовъ недалекъ переходъ къ лѣсу, который съ давнихъ поръ, почти повсемѣстно, называется почему-то „болотомъ“, и обычныя выраженія--„ицицъ у болото, выйицъ зъ болота“—понимаются не иначе, какъ--итти въ лѣсъ, выйти изъ лѣсу. Живые свидѣтели бытописуемаго не откажутся подтвердить, что роскошно-богатою, разнообразною наличностью мѣстные лѣса все еще недалеко отставали отъ тѣхъ, которые подъ именами „цёмныхъ, щирыхъ лясовъ, или пущъ-дрямущъ“ уцѣлѣли лишь въ сказкахъ да пѣсняхъ. Выслушивая повѣсть о стародавнемъ житьѣ-бытьѣ, внукъ не хочетъ вѣрить, что тамъ, непосредственно за усадебною изгородью, дѣдъ встрѣтился съ медвѣдемъ, неоднократно выгонялъ его то изъ пчельника, то изъ овса, не хочетъ вѣрить, что бабка, искательница ягодъ, грибовъ, или затерявшейся скотины, заблудилась вотъ тамъ, въ верстѣ отъ дома, не хочетъ, наконецъ, вѣрить и отцовскому сообщенію, будто какое-нибудь Рытомо [900]), нынѣ свободно видимое изъ сосѣднихъ деревень, отдѣлялось такими лѣсами, куда не рѣшались заходить завѣдомые смѣльчаки, и гдѣ были мѣста, незнавшія человѣческой ступни. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ примирить приводимыя сообщенія съ наличностью: не только за усадебною изгородью, на версту въ окружицѣ нѣтъ ничего похожаго на лѣсъ, нѣтъ притона не только медвѣдю или лосю, но и зайцу, негдѣ отцаваться ни пѣсенному, ни сзывному эху грибныхъ искателей, ягодниковъ, и черезлѣсные раньше сосѣди могутъ видѣть другъ друга, а при близости деревень, да благодаря горластости—даже и кое-какъ переговариваться. Тащa изъ Богъ вѣсть какой дали два-три строевыя бревнышка, немногимъ толще изгородныхъ жер-

дей, да присѣдая на поклажу, внукъ съ трудомъ можетъ понять, какъ и откуда дѣдъ перевозилъ „бирвёння и кряжжё то у пяць, то у шесь конёвъ“, и это тѣмъ поразительнѣе, что давній избяной лѣсъ нынѣ чуть-чуть поспѣваетъ на „шулы“, а что прежде годилось на пуни и сродныя имъ постройки, то теперь идетъ на хатку. Поднавѣсныя и другія складища дровъ не прочь напомнить, что, за ненадобностію, хозяева порубили изгородный „пырканъ на подто́пу“; путевая же встрѣча съ дровянымъ возомъ, слѣдующимъ изъ лѣсу къ дому, заставляетъ думать, что это доставляется хворостъ для изгороднаго плетня. Имѣя въ виду стократныя данныя о пышности и богатствѣ бывшаго лѣса, крайне жалкою становится дѣйствительность, при которой современный деревлянинъ отапливается мелкимъ „хмызникомъ, прутушками“, или же корчуетъ для того полуистлѣвшіе пни давнихъ лѣсосѣковъ, съ „пцѣлій, паціллю, которая ни то „горицъ, ни то куритца“ [901]), и при которой выростаетъ грозный вопросъ: гдѣ брать лѣсъ на первыя нужды?

Хотя нынѣ и можно встрѣтить раздѣльныя площади краснолѣсья и чернолѣсья, однако, въ преобладающемъ большинствѣ, мѣстный лѣсъ состоялъ и теперь даетъ смѣсь хвойныхъ деревьевъ съ лиственными,—что, примѣнительно къ древеснымъ „купамъ“, оттѣняетъ лишь „дубникъ, ясинникъ, сосо́нникъ, е́льникъ, бире́зникъ, осинникъ, оле́шникъ, орѣшникъ, лозо́вникъ да крушинникъ“ [902]),—каковыя имена остаются за лѣсомъ, при неизмѣнномъ названіи его „боло́томъ“. Нѣсколько иное дѣло—возрастъ лѣса: кромѣ общихъ названій дровяного, строевого и проч., мѣстный лѣсъ различается слѣдующими именованіями:

1. „Па́рысникъ“ состоитъ изъ молодыхъ порослей и побѣговъ (отростковъ) на лѣсосѣкѣ, лѣсной опушкѣ, луговой низинѣ, или на оставленной пашнѣ. Этотъ зачинающійся лѣсокъ, не превышающій человѣческаго роста, остается пашею для скота, а если онъ пришелся не въ „па́ринѣ“ и выгонѣ да изобилуетъ ягодами,

такъ сюда стекаются и ягодники. Обиваемый тѣмъ и другими, „па́рысникъ“ съ трудомъ поднимается, кривѣютъ особи, которыя могутъ пригодиться развѣ на замощеніе дорожныхъ и другихъ рытвинъ, на болотныя дороги и всяческія га́ти, и только рѣдкое деревцо окажется пригоднымъ на „круцики“, обручи и т. под. надобности. Если то подходяще, „па́рысникъ цирѐбитца на груды и ля́ды“, на образованіе будущей пашни, или покоса, и только при обиліи послѣднихъ да при невозможности управиться съ настойчиво отростающими побѣгами. „па́рыснику“ предоставляется выростать въ настоящій лѣсъ.

2. „На́спа, на̀сыпка, на́спычка“ гораздо симпатичнѣе „па́рысника“, уже потому, что состоитъ изъ однѣхъ, превышающихъ человѣческій ростъ березъ. Служа грибнымъ и ягоднымъ надобностямъ, но безъ обильной травы, „на́спа“ не посѣщается скотомъ и, какъ будущая роща, а потомъ—„жаркіи дрѐвы“, пользуется бѐльшею хозяйскою заботливостью. Мѣстонахожденіемъ „на́спы“ служитъ только запущенная нива, или „обло́га“.

3. Гай, гаёкъ есть настоящая съ рослыми деревьями роща, расположенная на возвышенности среди окружныхъ низинъ и „ровнядинъ“, а также и среди лѣса. Въ первомъ случаѣ образованіе гая даютъ бывшія „на̀спы“, а во второмъ—„купы“ односортныхъ деревъ.

4. Имя „щираго бора̀“ принадлежитъ исключительно краснолѣсью, растянувшемуся на большое пространство. Въ виду того, что такой лѣсъ встрѣчается значительно рѣже, большинство деревлянъ знаетъ о немъ только по пѣсенному и сказочному помину.—Гдѣ есть „щиры боры“, тамъ замѣтенъ упадокъ скотоводства, а выдѣляющійся типъ мѣстныхъ жителей оттѣняетъ ихъ отъ жителей чернолѣсья.

5. „Цёмны лѣсъ“ есть именно тотъ, изъ-за вершинъ котораго едва перепадаетъ на землю солнечный лучъ, гдѣ на 10-ти сажен. разстояніи уже нельзя видѣть предмета и гдѣ во время

бури слышится только шумъ качающихся вершинъ, да отдаленный гулъ...

6. „Гусцѐръ, гусцирва̀“ одинаково принадлежитъ и большому лѣсу, между которымъ сплошною стѣной идетъ мелколѣсье, и отдѣльному „хмызнику или па́рыснику“. Охотникамъ и вообще проходящимъ по „гусцяру“, достаточно памятно, что здѣсь нужно пробираться различными способами—избоченясь, согнувшись, даже ползкомъ,—раздвигать руками переплевшіеся сучья и вѣтви, а при случаѣ—„бочицъ“, обходить препятствія. Послѣднее часто приводитъ къ потерѣ принятаго направленія, наталкиваетъ на отдыхающаго Мишку и нежданно заставляетъ упасть въ скрытую ямину, или поклониться встрѣчному дереву. Въ мѣстахъ при-водныхъ, на сравнительно возвышенныхъ болотинахъ, есть своя отдѣльная „гусцира́“ изъ лозняка, тростника, высокой осоки и стволистыхъ растеній: охотники за утками не могутъ забыть, что здѣсь еще труднѣе пробираться.

7. Имя „по́ляшни“ принадлежитъ такому лѣсному участку, который пригоденъ для охотничьихъ съ собакою надобностей. Это —обычныя кнеи, служащія притономъ для тетеревей, рябчиковъ; тутъ же находятся и заячьи логи. Искатели грибовъ и ягодники заходятъ сюда неохотно, изъ опасенія встрѣчи съ недобрыми лѣсными духами, несмотря на то, что „по́лишня“ часто изобилуетъ грибами и ягодами.

8. Мѣста, гдѣ складывается срубленный для сплава лѣсъ, а также и дровосѣчныя складища для той же цѣли, называются „рюма́ми“ [903]). Тѣ же лѣсохранилища вдали отъ сплавныхъ мѣстъ, извѣстны подъ именами лѣсовала и дровосѣка.

9. Первоначальное значеніе „пустыкъ“ принадлежитъ мѣсту, гдѣ отобрано и удалено какое-нибудь имущественное достояніе. Лѣсныя „пустки“ понимаются нѣсколько иначе: это—а) бывшій лѣсосѣкъ и б) отдѣльное лѣсистое мѣсто, островинка, стяжавшая несовсѣмъ

лестную извѣстность и обѣгаемая прохожими. Между прочимъ, здѣсь весьма часто зарывается палый скотъ.

10. Встрѣчающіяся въ лѣсахъ „островники и чисцяди“, т. е. кнеи, рощицы среди лѣса, обрамленныя луговинами, и эти послѣднія, составляютъ необходимую принадлежность пространныхъ лѣсныхъ площадей и въ то же время служатъ путевыми или пограничными показателями.

Среди множества „корунныхъ“ [904]) деревъ, идущихъ на сплавъ и выдающіяся строенія, попадаются „сувярто́чины“—отдѣльныя, различной величины и сорта деревья какъ будто съ перекрученными стволами. Сосновыя и еловыя „сувярто́чины“ не обходятся строителями, а предпочтительнѣе передъ другими идутъ на нижніе вѣнцы жилыхъ строеній [905]). Сравнительно съ „сувярто́чинами“ весьма жалка судьба „пова̀ла и сухосто̀я“, нерѣдко покрывающихъ значительныя лѣсныя площади: несмотря на прекрасный стволъ, эти великаны лежатъ и стоятъ неприкосновенными, пока время не разрушитъ и не уничтожитъ ихъ. Правда, при нуждѣ, „пова̀лъ“ еще идетъ на отдѣльно стоящія пуни, между тѣмъ какъ „сухосто̀й“ не употребляется даже на дрова, изъ опасенія перенести въ домъ червей-древоточцевъ, или сухотныя болѣзни на жильцовъ. Эти жалкія деревья выстаиваютъ иногда десятки лѣтъ и даютъ работу носамъ дятловъ и желнъ [906]).

Путешествующій по лѣсу весьма часто наталкивается на чудныя лѣсныя дорожки и тропинки, по которымъ растетъ такая или иная трава и на которыхъ нѣтъ и признака дорожныхъ колей. Богъ вѣсть, кто и когда прокладывалъ ихъ? Объ одной такой дорожкѣ говорятъ, что она есть прямикъ раздѣльныхъ пунктовъ, или ведетъ къ лѣсосѣку; на такую-то „стéжку“ указываютъ, какъ на сокращенный путь отъ одного мѣста къ другому. Но пройдешь версту, другую—и дорожка пропала: нѣтъ ничего похожаго на лѣсосѣкъ, нѣтъ и предѣльнаго пункта, а напротивъ зачинается еще болѣе густой лѣсъ. Несомнѣнно, что въ забытое время это

были проѣздные и пѣшеходные пути чрезъ поля и луга; но теперь на мѣстѣ давнихъ пашенъ, или луговъ стоитъ „цёмны лѣсъ да щи́рый боръ“, и только давнія борозды, межи и копцы отчасти могутъ раскрывать дѣйствительное значеніе путей, нынѣ поддерживаемыхъ искателями грибовъ, ягодъ, охотниками да лѣсными сторожами. Подобно бойкимъ дорогамъ, гостиницамъ всѣхъ видовъ, а также и полевымъ, упоминаемые лѣсные пути имѣютъ и „ро́стыньки и пуцявищи“: подъ червыми разумѣются перекрестки, а подъ вторыми—угловое соединеніе двухъ путей.—Если въ простонародной жизни имѣють суевѣрное значеніе обыкновенныя „ростыни и пуцявы“, то лѣсныя имѣютъ сугубое: здѣсь излюбленное мѣсто лѣсныхъ духовъ, здѣсь же выростаетъ губительное „стояро́совое“ дерево [907])...

Полученіемъ „бирве́ння, жирдя̀, ныркàну, клибинъ разныхъ, луцця“, липовой, берестовой, вязовой и еловой коры, а также „мяздры“, смолы, смоляковъ, лучины, вѣниковъ, метелъ и проч., далеко не исчерпываются богатые лѣсные дары: для охотника тутъ много разнообразной дичи, а для искателей грибовъ, ягодъ и орѣховъ остаются тѣ сокровища, про которыя можно сказать: „брать ихъ—не выбрать, носить—не переносить“, и про которыя на мѣстѣ говорятъ—„хоть косу закладай“! За полученіемъ этихъ даровъ идутъ въ лѣсъ и старъ и малъ, и богачъ и бѣднякъ, и здоровый и недужный; одну часть даровъ сборщики оставляютъ на семейное пользованіе, а другую сбываютъ въ стороннія руки. Съ удержаніемъ мѣстныхъ именъ эти лѣсные дары будутъ перечислены въ двухъ группахъ—грибной и ягодной.

1. Красою грибныхъ даровъ, по всей справедливости, приходится считать боровики, обильный урожай которыхъ стоитъ въ прямой противоположности съ урожаемъ ржи и, въ особенности, съ надлежащею уборкою хлѣба и сѣножати. Въ такой грибной годъ боровики вывозятся изъ лѣсу цѣлыми возами и попадаются въ самыхъ, повидимому, неожиданныхъ мѣстахъ: въ сосѣд-

ствѣ дуба, ольхи, даже лозы, различаясь крѣпостію, окраскою верхняго покрова и душистостью [908]). Для сушки почтеннаго количества боровиковъ отводятся не только наличныя печи жилыхъ строеній, но и печи овиновъ и бань, при чемъ значительные остатки боровичнаго сырья отдаются коровамъ [909]).

2. „Обáбки“ (черные грибы) появляются раньше боровиковъ, и уже въ Петровки ихъ можно находить всюду, гдѣ есть коекакой березнякъ. По пословицѣ—„по дереву и грибъ“—въ юныхъ, напр., „нáспахъ“ они бываютъ меньше желудной чашечки, тогда какъ въ настоящемъ лѣсу пожилой „обáбокъ“ достигаетъ величины шапки. Искатели грибовъ берутъ тотъ и другой „об*а*бокъ“, и когда только послѣдній не очень червивъ [910]), онъ поступаетъ въ грибную „стр*а*ву“ наравнѣ съ первымъ. При обиліи молодыхъ „об*а*бковъ“,—что бываетъ въ концѣ лѣта, когда распарившаяся земля выпускаетъ ихъ на пòжнѣ, лишь бы въ сосѣдствѣ находилась хотя и одинокая береза,—старые разлапистые „об*а*бки“ поступаютъ „на сушёнку“, для зимнихъ надобностей.

3. Совершенно то же дѣлается и съ подосиновиками, какъ извѣстно, значительно рѣже встрѣчающимися, только въ сосѣдствѣ осиновыхъ деревьевъ. Пока не наступила полная грибная пора, подосиновику оказывается то же вниманіе, какъ и „об*а*бку“; но въ обратномъ случаѣ, они или обходятся, или же выбрасываются изъ корзины ради мѣста для предшествующихъ грибовъ.

4. Подъ именемъ „козлóвъ“ извѣстны два вида губчатыхъ грибовъ: масляк*и* и собственно козляк*и*. Первые, съ покрышкою кирпичнаго цвѣта, обыкновенно снимаемою въ видѣ плевы, появляются вблизи молодого сосняка, а вторые, съ крѣпкою покрышкою табачнаго цвѣта—въ сосѣдствѣ лозняка. Тѣ и другіе грибы собираются за недостаткомъ иныхъ и идутъ на свѣжее исключительно кушанье, въ смѣси съ другими грибами.

5. „Моховики“ разнятся отъ масляковъ лишь тѣмъ, что имѣютъ табачный покровъ и растутъ на болотинахъ, хотя и въ сосѣдствѣ съ болотными соснами. По крѣпости шляпочки моховики едва уступаютъ боровику; но по болотному запаху и дикому вкусу они стоятъ ниже многихъ зонтичныхъ грибовъ, и если подлежатъ сбору въ концѣ лѣта и засушиваются, такъ развѣ за недостаткомъ другихъ грибовъ изъ отдѣла губчатыхъ.

6. „Суровѣжки“ являются почти первыми по времени и самыми обильными грибами въ любомъ мѣстѣ; съ нихъ начинается „грибная новина“ [911]). Пока нѣтъ еще другихъ грибовъ, между „суровѣжками“ не дѣлается выбора; въ дальнѣйшее же время бѣлыя „суровѣжки“ предпочитаются блѣдно-зеленымъ, а эти послѣднія—краснымъ. Во всѣхъ случаяхъ съ этихъ грибовъ снимается покрышечная плева, и они идутъ на свѣжее исключительно кушанье.

7. Нѣжные, а подъ годъ и весьма плодовитые рыжики не заготовляются въ прокъ ни соленьемъ, ни тѣмъ менѣе маринованьемъ, о которомъ деревляне не имѣютъ и понятія; подобно „суровѣжкамъ“, онѣ даютъ лишь свѣжее кушанье, въ которомъ отвариваются заурядъ шляпочки и корешки.

8. „Грузды“ можно считать единственными грибами, которые заготовляются въ прокъ слабою солкою и правильнѣе могутъ быть названы „мочёными“ [912]). Въ свѣжее грибное кушанье они поступаютъ лишь въ ограниченномъ количествѣ, ради немногихъ любителей груздевой горечи и хруста, и если въ грибную пору попадаются рѣдкими особями, такъ не подлежатъ даже и сбору.

9. Изрѣдка и немногіе знатоки солки „мо́чуць волне́нки“, чему долженъ предшествовать обваръ ихъ кипяткомъ на рѣшетѣ, ради удаленія грибной горечи; чрезъ это, однако, горечь не пропадаетъ окончательно, и любители „волне́нокъ“ потребляютъ ихъ изъ-за этой именно горечи, примиряясь въ то же время съ тем-

нымъ цвѣтомъ грибовъ, получаемымъ при обварѣ и моченьи. За исключеніемъ рѣдкаго подбора „волнёнокъ“ любителями и знатоками солки, онѣ обходятся остальными искателями грибовъ, а поднятыя по ошибкѣ вмѣсто рыжика, съ которымъ имѣютъ сходную свѣтло-розовую шляпочку, тутъ же бросаются прочь.

10. Еще рѣже подбираются „свинки, швинки“—привлекательные по виду, съ гладкою темно-пепельною шляпочкою, на которой, какъ и на волнушкахъ, отчетливо виднѣются концентрическіе кружки. Твердая шляпочка, дикій вкусъ и неотстающая горечь привлекаютъ къ „свинкамъ“ крайне ограниченныхъ потребителей, а обычные искатели грибовъ не обращаютъ на нихъ даже и вниманія.

11. Ярко-рыжія лисички, попадающіяся кѹпами, подлежатъ усердному сбору и даютъ сравнительно лакомое, свѣжее кушанье. Попадая на купу лисичекъ, грибники подбираютъ ихъ отъ первой до послѣдней, не рискуя найти междупорочныхъ особей, потому что лисички есть немногіе грибы, въ которыхъ не заводятся черви [913]).

12. Не будетъ погрѣшности въ увѣреніи, что кустистые опёнки—достояніе чернолѣсья—начинаютъ и кончаютъ грибной сезонъ. Лишь только весеннее солнышко около Юрьева дня достаточно обогрѣетъ старые лѣсосѣки и, въ особенности, дряблѣющіе березовые пни, на послѣднихъ и вокругъ нихъ появляются желтоватые, водянисто-прозрачные опёнки: это—„говорушки“. По мѣрѣ дальнѣйшаго тепла, слѣдующее поколѣніе „говорушикъ“ [914]) теряетъ водянистость, прозрачность, а къ концу лѣта появляются уже совершенныя „пянушки“, съ мутною и корявою шляпочкою. Послѣднія даютъ обильный, легкій сборъ, идутъ на текущія надобности и въ большомъ количествѣ засушиваются на зиму.

13. Вмѣстѣ съ „говорушками“ сморчки можно считать первыми грибными вѣстниками: мѣсторожденіе ихъ, водянистость и

нѣжный вкусъ совершенно общи „говорушкамъ"; но, несмотря на соблазнительную пору появленія и вкусъ, сморчки имѣютъ немногихъ и при томъ разборчивыхъ потребителей, благодаря присутствію въ безчисленныхъ ноздреватыхъ складкахъ ядовитыхъ насѣкомыхъ. При досужествѣ и неудержимомъ тяготѣніи къ первымъ дарамъ, сморчки тщательно перебираются, обвариваются кипяткомъ и тогда уже поступаютъ въ стряпню, служа лишь „покушкою".

Перечисленные доселѣ грибы извѣстны подъ именемъ „ѣщихъ": въ употребленіе они поступаютъ то свѣжими, то засушенными, то запеченными на уголькахъ. При грибномъ довольствѣ, они даютъ полное, часто содержательное блюдо, а при меньшемъ урожаѣ, служатъ только „покушкою", и это послѣднее такъ приросло къ обиходности, что деревлянинъ почтетъ свою жизнь неполною, когда въ данное лѣто не отвѣдаетъ грибовъ. Нѣтъ ихъ подъ руками, грибовники отправляются верстъ за 5—10 и, забывая усталость отъ хозяйственныхъ трудовъ предыдущаго дня, забывая и грядущія тяготы завтрашняго, иной прobродитъ день и почтетъ труды оплаченными, когда принесетъ домой какую-нибудь „лубку грибовъ", красная цѣна которой 50 коп. Но это возможно лишь въ праздничные и полупраздничные дни: въ будни тотъ же грибовникъ не имѣетъ времени, чтобы поднять и упорядочить попутный грибъ—и грибные дары погибаютъ на мѣстѣ родины.

Кромѣ „ѣщихъ" грибовъ, подбираются и посильно утилизируются и другіе, исключительно зонтичные грибы. Тутъ приходится упомянуть лишь о валуяхъ и мухоморахъ.

14. По внѣшнему виду валуи такъ похожи на боровики изъ краснолѣсья, что и самые опытные грибовники не разъ попадаютъ въ обманъ. На самомъ дѣлѣ эти толстые грибы имѣютъ, больше достоинствъ, чѣмъ, напр., сыроѣжка: они даютъ пріятный грибной вкусъ и много слизи, такъ цѣнимой въ грибной ухѣ, такъ

что отдѣльные, весьма рѣдкіе, впрочемъ, потребители подбираютъ валуи для отдѣльнаго блюда себѣ. Но общее нерасположеніе къ нимъ и преимущественная плодовитость съ давнихъ поръ свели эти грибы въ разрядъ несъѣдомыхъ, и они тлѣютъ и гніютъ на мѣстѣ. Впрочемъ, кое-гдѣ валуями пользуются для истребленія сухотныхъ телятъ, которымъ дается пойло, приготовленное изъ густого отвара валуевъ.

15. Первая служба мухоморовъ—истребленіе надоѣдливыхъ мухъ. Тутъ мухоморы запекаются на уголькахъ и, смазанные сметаною или медомъ, раскладываются на подоконникахъ и „поличкахъ“, со строгимъ предупрежденіемъ дѣтей, не касаться опасныхъ грибовъ. Благодаря небрежности, а иногда и непонятому приказу, дѣти добираются до запретныхъ грибовъ и потомъ выкупаютъ неосторожность опасными страданіями. Что же касается неразумныхъ цыплятъ, то они погибаютъ иногда цѣлымъ гнѣздомъ послѣ уборки отравленныхъ мухъ, или поклевавъ небрежно положеннаго мухомора.

Другая служба мухомора чисто лѣкарственная. Сложивъ сырой грибъ въ бутылку и тщательно заткнувъ послѣднюю, деревенскіе лѣкари зарываютъ ее въ навозъ: недѣли черезъ три въ бутылкѣ получается спиртуозная жидкость, которою потомъ вытираются ревматическіе страдальцы. Тѣ же лѣкари сушатъ мухоморныя шляпочки на лѣкарственное питье, при желудочныхъ спазмахъ, а мѣстные чаровники—на потайныя, чародѣйныя надобности...

Всѣ остальные грибы, не исключая и прекраснѣйшихъ шампиньоновъ, причисляются къ разряду „благу́шекъ и пога́нокъ“. Первые грибы только не идутъ въ употребленіе, тогда какъ одно прикосновеніе къ „пога́нкамъ“ обязываетъ немедленно же умывать руки, или ноги, когда пришлось наступить на такой грибъ. Къ этимъ опальнымъ грибамъ принадлежатъ навозники и вообще имѣющіе темное подшляпье.

Одновремено съ перечисленными дарами тотъ же лѣсъ еще въ большемъ количествѣ поставляетъ ягодные дары, въ свою очередь, призывающіе къ себѣ лицъ разныхъ возрастовъ и положеній. Забывая предшествующіе и грядущіе труды, искатели ягодъ не стѣсняются ни пройденнымъ пространствомъ, ни тою необходимостью ягодника, при которой приходится чуть не ползать по землѣ, кланяться отдѣльной ягодкѣ, ни такою или иною погодой, лишь бы на то улучился свободный денекъ. Тутъ не щадится иногда даже полуденный, „межзапряжный“ отдыхъ...

Въ постепенности появленія ягодные дары бываютъ:

16. „Позёмки или суницы“. Хотя между обѣими ягодами нѣтъ розни ни во внѣшнемъ видѣ, ни во вкусѣ, однако, ягодники различаютъ ихъ, и къ первымъ относятъ землянику съ открытыхъ мѣстъ и слѣдов. раньше созрѣвающую, а ко вторымъ— исключительно лѣсную, болѣе пожиточную и въ то же время дающую продолжительный сборъ (отъ Петрова до Ильина дня, и позже). Сборомъ земляники удовлетворяются какъ меркантильныя, подчиненно-повинныя цѣли, такъ и семейныя потребности. Въ послѣднемъ случаѣ каждый отдѣльный сборъ потребляется сырьемъ, въ прикуску съ хлѣбомъ, рѣдко—съ сладкимъ молокомъ, и только скромные, но лишніе остатки высушиваются на лѣкарственныя надобности.—Такъ какъ сборъ земляники на открытыхъ мѣстахъ кропотливъ, обязываетъ раздвигать часто густую и рослую траву канавъ, „обмёжковъ и лядъ“, то за „позёмками“ обыкновенно отправляются дѣти и подростки.

17. На глинистыхъ „погýркахъ“ и на таковыхъ же луговинкахъ, иногда среди густой травы, попадаются дикія „трескáлки, или одтрискáлки“—мелкоягодная клубника. Эти ягоды не подлежатъ спеціальному сбору, какъ по малочисленности, такъ и недостаточной слащавости. Сверхъ того „трескáлки“ какъ-будто не дозрѣваютъ, и мягкая, сочная ягода, годная на употребленіе, нерѣдко имѣетъ чуть-чуть зарумянившуюся вершинку, а твердо-

приставшія снизу, къ лепестковой чашечкѣ, ягоды заставляютъ каждый разъ очищать таковую отдѣльно. Благодаря всему этому, „трескáлки“ составляютъ лишь дѣтскую, лакомую добычу.

18. Одновременно съ „суницами“ начинается прибыльный сборъ „чарнáцъ“, сначала на опушечныхъ „подцярóбахъ, а потомъ въ „пáросникахъ“ и въ лѣсу. Служа сбору сравнительно короткое время, черника значительно больше удовлетворяетъ домашнимъ и внѣдомашнимъ надобностямъ. Потребляемая сырьемъ съ хлѣбомъ, молокомъ, она одинаково хороша и въ „лáсый кулáги“. —Въ свою очередь, скромные остатки черники засушиваются на лѣкарственныя нужды.

19. Какъ извѣстно, сборъ малины еще кратковременнѣе сбора черники: онъ зачинается съ созрѣваніемъ ржи и чуть переживаетъ ржаное жниво [915]). Но какую богатую, несравненную добычу даетъ этотъ краткосрочный сборъ!—Мѣстонахожденіе малинника такъ неопредѣленно, что съ этой стороны остальныя ягоды могутъ относиться къ малинѣ, какъ осѣдлые къ кочевникамъ. Жильцы той и другой мѣстности могутъ указывать десятки мѣстъ, гдѣ въ теченіе послѣдовательныхъ пяти лѣтъ бывалъ неисчерпаемый урожай малины, и гдѣ теперь нѣтъ ни одного малиноваго кустика, при чемъ возрожденіе малинника въ иномъ мѣстѣ превышаетъ ожиданіе: то онъ появился на „лядѣ“, то въ „пáросникѣ“, то на склонѣ ручья, въ низинѣ, то на недавнемъ лѣсосѣкѣ, то среди бурелома. Но гдѣ бы ни объявился малинникъ, ягодники найдутъ его и воспользуются дарами. Если тó пришлось на глухое мѣсто, они отправляются туда скопомъ и, въ чаяніи попасть на медвѣдя, предварительно кричатъ, аукаютъ, стучатъ палками по деревьямъ, барабанятъ по посудинѣ, а во все время пребыванія на мѣстѣ несмолкаемо поютъ пѣсни. Съ полными ведрами, „кýбличками“, объемистыми горшками и кринками, переносимыми при помощи коромысла, или „на пóвирку“

съ дополнительными кузовами, возвращаются ягодники домой. —Дальнѣйшая судьба малинной добычи одинакова съ судьбою земляники.

20. „Косцянйцы“ не вызываютъ отдѣльнаго похода за сборомъ: попадающіяся въ разбросѣ ягоды подбираются мимоходомъ и кладутся въ одно мѣсто съ земляникою, черникою или малиною. Если гдѣ найдется ихъ побольше, то дома онѣ поступаютъ цѣликомъ въ „кула̀гу“.

21. Точно также мимоходомъ и ради покушки обираются красныя и бѣлыя „порѣчки“, дающія на мѣстѣ (въ лѣсныхъ низинахъ, на склонѣ береговъ, на днѣ овраговъ) слишкомъ мелкія и малочисленныя ягоды.

22. Нѣсколько иначе со „смороданми“, мѣстонахожденіемъ которыхъ служатъ: лѣсныя низины, при-водный лознякъ, низинные „па́росники и хмызники“. Легко собираемыя (сосморгиваньемъ всей кисти сразу), часто весьма крупныя ягоды позволяютъ сдѣлать въ короткое время обильный сборъ. За непригодностью ягодъ на ѣду сырьемъ, „сморо́ды“ цѣликомъ идутъ на „кулагу“, и только часть ихъ высушивается на лѣкарственныя нужды.

23. Такъ же скоро и удобно „сморгаются брусницы“, которыя поступаютъ потомъ на „кула́гу, мочёнку“, квасъ и на продажу. Охотники запасаются брусникою для пріученія къ мѣсту охоты тетеревей, рябчиковъ и куропатокъ, зимнею порой, когда глубокіе снѣга закроютъ брусничныя мѣста. Значительные остатки брусники подбираются весною, и тогда перезимныя ягоды составляютъ лакомый сборъ.

24. Въ то время, когда прекращается сборъ черники, на смѣну послѣдней появляются „пьянйцы“ (онѣ же—„дурницы, дурнопьянки“—гоноболь), плоды черникоподобнаго растенія болотистыхъ мѣстъ, мало отличающіеся отъ черники внѣшнимъ видомъ и вкусомъ. Такъ какъ ягоды растутъ въ сосѣдствѣ багуна, то, прививая къ себѣ только въ слабой степени багунный запахъ,

онѣ защищены, однако, острымъ запахомъ багуна, который не позволяетъ ягодникамъ оставаться на мѣстѣ подолгу, и „дурницы“ едва собираются на „кулагу“.

25. „Ожавины“ (ежевика, глухая малина) есть темносиній, съ дымкой поверхъ, плодъ ползучаго съ колючими шипками растенія, попадающагося на „подцярэбахъ“ и, въ особенности, на склонахъ рѣкъ и озеръ. „Ожавины“ подбираются мимоходомъ, и только терпѣливые да праздные ягодники могутъ собрать нѣсколько горстей на „кулагу“.

26. Въ концѣ лѣта, около времени ярового жнива и нѣсколько позже, поспѣваютъ „сирболины“ (черная малина)—темнокрасныя съ клоповымъ запахомъ ягоды, обильно растущія среди „паросниковъ“ и на лѣсосѣкахъ. Хотя ягоды не даютъ сбора малины, но все-таки ихъ достаточно бываетъ для ѣды съ хлѣбомъ и на „кулагу“.

27. Красою ягодныхъ сборовъ и многоцѣннымъ даромъ зарастающихъ лѣсомъ болотинъ, по всей справедливости, нужно считать „журавины“ (клюкву). Какъ нарочно, ко времени сбора этихъ ягодъ подоспѣваютъ два благопріятныя условія: освобожденіе отъ жнивныхъ работъ и ослабленіе одуряющаго багуннаго запаха,—что позволяетъ ягодникамъ подолгу и прибыльно трудиться. Гдѣ есть „журавинныя“ мѣста, тамъ деревляне заготовляютъ невѣроятные запасы ягодъ, и это тѣмъ сподручнѣе, что клюква не боится ни сырой, ни морозной погоды; что не докончено осенью, то съ одинаковымъ успѣхомъ восполняется весною, по удаленіи снѣга: тогда перезимая клюква теряетъ острую кислоту и годится даже на „кулагу“.—Кромѣ разнообразнаго домашняго употребленія (квасъ, морсъ, потребленіе сырьемъ для утоленія жажды („прогонъ смаги“), значительные запасы клюквы сбываются въ мѣстечкахъ и городахъ, при зимнихъ поѣздкахъ туда.

28. Наземными сборами не заканчиваются ягодные лѣсные дары: въ то время, когда отъ весенней безхлѣбицы, или отъ неумѣреннаго потребленія зеленаго хлѣба, огородныхъ и грибныхъ даровъ, начинается чуть-ли не повальное желудочное разстройство, поспѣваетъ „колокалу̀ха, калу̀ши“: подойдетъ немощникъ къ дереву (черемуха), пригнетъ его, или сукъ, поѣстъ черныхъ ягодъ до „коля̀носци, одубенѣнія языка“—и болѣзнь какъ рукой сниметъ!.. То же дѣлаютъ лакомки-дѣти и праздные возрастные при встрѣчѣ съ деревомъ въ лѣсу, или на открытомъ мѣстѣ.

29. Сборъ рябины приберегается къ тому вполнѣ свободному времени, когда наступаютъ первые морозы и густые инеи: морозъ значительно удаляетъ рябинную горечь и мягчитъ ягоды. Тогда громадные пучки кустистыхъ ягодъ подвѣшиваются подъ стрѣхи, подъ крышу хатки и сѣней, на клѣтныхъ балкахъ, или покоятся въ мѣшкахъ, въ объемистой посудинѣ, служа во всю зиму, какъ лакомство, да изрѣдка поступая на „кула̀гу“.

30. Одновременно съ рябиною идетъ сборъ калины, которая въ болѣе скромныхъ пучкахъ покоится вмѣстѣ съ первою и служитъ одинаковымъ съ нею надобностямъ; слабогрудые и сухотники пользуются ею какъ лѣкарствомъ, и въ сыромъ видѣ, и въ отварѣ.

Подобно грибамъ, несъѣдобныя ягоды раздѣляются на „благіи и пога́ныи“. Сюда принадлежатъ: ягоды лѣсного ландыша, „воро́нии ягоды, круши́на“ и другія. Однѣ изъ такихъ ягодъ обходятся изъ-за специфическаго запаха, а другія, какъ „круши́на“ (волчьи ягоды), по причинѣ ядовитаго свойства: какъ извѣстно, народное предубѣжденіе заходитъ здѣсь слишкомъ далеко, и отъ простого держанья „пога́ныхъ ягодъ“ въ рукахъ спадаютъ ногти, а отъ держанья ихъ во рту крошатся зубы, находитъ глухота, слѣпота и проч.

Вершающими лѣсными дарами приходится считать обильный сборъ „лѣсову̀шекъ“, орѣховъ и кое-гдѣ желудей. О первыхъ до-

статочно сказано въ VIII гл. наст. отд.; о богатствѣ же орѣховыхъ сборовъ нетрудно судить по тѣмъ возамъ, которые въ урожайные годы прибываютъ на мѣстечковые и городскіе базары и которые составляютъ лишь часть даровъ, другая, не менѣе почтенная часть—расходуется на мѣстѣ, или составляетъ богатыя складища бѣлокъ.—Въ пору созрѣванія орѣховъ за сборомъ ихъ отправляются съ мѣшками почти всѣ наличные сельяне: стара „лящинина“, не гнется она—дерево срубаютъ; при всемъ томъ, несмотря на неустанную порубку „лящинныхъ“ кустовъ на обручи и „клибы“, они какъ-то спѣшно замѣняются молодыми порослями, подъ которыми отъ густой тѣни и трава не растетъ...

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть много дубняка, послѣднимъ лѣснымъ даромъ является такой или иной сборъ желудей, поступающихъ почти исключительно въ свиной кормъ да на дѣтскую забаву. Впрочемъ, уже въ то глухое, повидимому, безпросвѣтное время въ отдѣльныхъ семьяхъ изъ желудей приготовлялось нѣчто сродное кофе, и потребители пользовались теплымъ напиткомъ и въ будни, и въ праздникъ. Такимъ образомъ, безъ подсказа, „бѣленькій мужичокъ“ предупредилъ сознаваемую образованными людьми пользу желудей и указаніе на то же медицины!

XIII. При водѣ.

Сравнительно недавнему, да и теперь еще не оскудѣвшему въ конецъ лѣсному богатству соотвѣтствуютъ гораздо болѣе содержательныя и обильныя водовмѣстилища: начиная съ сѣверо-востока, по всей длинѣ губерніи, прошла красавица-Двина съ многочисленными притоками своими, которая изъ общей длины въ 910 вер. отдаетъ Витеб. губ. 680 верстъ; на пространствѣ, едва превышающемъ 39,688 кв. вер., раскинуто свыше 2509 озеръ, изъ коихъ многія пріобрѣли географическую извѣстность; на томъ же пространствѣ изъ края въ край пестрятъ поверхность то боль-

щія, то малыя болота со своими скрытными водами; а безчисленные родники, ручейки, естественные прудки, соединительныя рѣчонки?! Да такія водовмѣстилища найдутся при каждой деревнѣ, при каждомъ одиночномъ поселкѣ, при каждой дорогѣ. Правда, кое-гдѣ встрѣчаются ненадежныя водовмѣстилища, или почти безводье, такъ что въ иную суровую зиму поселенцы-горемычники принуждены продовольствовать себя и скотъ водою изъ за пятиверстнаго разстоянія, или же неустанно трудиться надъ добываніемъ снѣговой воды; но это очевидное исключеніе могло родиться въ силу неудачнаго, а быть можетъ и подневольнаго выбора мѣстожительства первопоселенцами, потомки которыхъ или не умѣли, или не могли отстать отъ насиженнаго мѣста.... Въ отдѣльныхъ мѣстахъ бытописанія упоминалось о наличныхъ водовмѣстилищахъ, такъ что къ системному перечисленію ихъ остается присоединить лишь немногочисленныя, скорѣе видовыя сообщенія.

1. „Узнòръ, взноръ“ есть имя родника на долинной и горной площади, или на плоскомъ ложѣ безводнаго рва. Такой родникъ не теряетъ своего имени и тогда, когда при невысокомъ срубѣ, или вставной кадкѣ [916]), онъ расширенъ до мелководнаго колодца и когда вокругъ него появилась растительность. „Узнóры“ нельзя считать надежными водовмѣстилищами, и множество старыхъ срубовъ да кадокъ въ неожиданныхъ, повидимому, мѣстахъ указываетъ на непостоянство родниковъ.

2. Тотъ же родникъ, но вытекающій изъ берегового склона рва, рѣки, озера и пруда, таящійся въ кустарной, или травянистой зарсли, носитъ имя „криницы, криничинки“. Этотъ родникъ какъ-будто постояннѣе, по крайней мѣрѣ, при совмѣстномъ существованіи „узнóра и криницы“, колодезное приспособленіе дано будетъ послѣдней.

3. Когда родниковое мѣсто расширено аршина на два въ квадратѣ, углублено на аршинъ, или немногимъ болѣе, да внутрь его помѣщенъ срубъ, тогда получается настоящій колодезь. Тѣмъ

же именемъ называется и сродное углубленіе въ заростающемъ прудку, болотинѣ, какъ и въ низинѣ, даже и тогда, когда тутъ нѣтъ не только внутренняго, но и наружнаго сруба, а имѣется вокругъ кое-какая загорожа изъ жердей, чтобы въ колодезь не падалъ скотъ, или дѣти.—Такіе колодези даютъ возможность пить „набгòмъ“ [917]), потому что они всегда полны водою до краевъ, и скорѣе похожи на резервуары. Если колодези не народникахъ, то при ощутительномъ запахѣ, вкусѣ и цвѣтѣ, вода ихъ нерѣдко кипитъ тлями, жуками и другими тварями, кои отдѣляются дома процѣживаньемъ на густомъситѣ, или холстинѣ... Неизбѣжною принадлежностью всѣхъ такихъ колодцевъ и, преимущественно, съ наземными срубами, является крючковатый шестъ, для зацѣпа ведра или другой посудины, который не уносится съ мѣста при самыхъ крайнихъ положеніяхъ [918]).

4. Глубокій, до трехъ и болѣе саженъ колодезь, съ внутреннимъ и наземнымъ срубомъ, кое-какою то полною, то половинною покрышкою, даетъ „стýдню“. При удачномъ выборѣ водяной жилы, при заботливомъ устроеніи да при поддержкѣ „стýдня“ является безцѣннымъ кладомъ, который, къ сожалѣнію, многіе безводные горемычники не желаютъ отыскивать.—Естественно ожидать, что для вычерпа воды изъ глубокой „стýдни“ долженъ быть устроенъ „жòровъ“; но онъ встрѣтится лишь при десятой „стýдни“, тогда какъ изъ остальныхъ вода добывается помощью длиннаго „крюка“, въ ручную.

5. Весьма частыми и цѣнными водовмѣстилищами считаются полевыя и луговинныя „колдóбы“—естественные колодцы; однѣ „колдóбы“ хранятъ воду лишь по веснѣ, или послѣ дождя, а другія—и во весь годъ,—что бываетъ, по преимуществу, въ луговыхъ „колдòбахъ“, образующихся изъ разорваннаго лѣтомъ ручья. Чтобы понять неоцѣнимыя достоинства послѣднихъ „колдóбъ“, стоитъ припомнить, что тутъ не нужно трудиться надъ углубленіемъ водовмѣстилища, не нужно строить сруба, загорожи,—

что вода ежегодно смѣняется весною, а при паводкахъ—и нѣсколько разъ въ годъ,—что тутъ, наконецъ, удовлетворяются всѣ потребности, начиная отъ обмыванія грязныхъ ногъ и кончая мочкою льна и пеньки.

6. Чаще другихъ стоячихъ водовмѣстилищъ попадается извѣстная „мочу́ла, мочу́лина, мочу́линка“—естественный прудокъ довольно неопредѣленной величины [919]), возможный на всякой высотѣ, часто заросшій травою и даже лознякомъ. Отдѣльныя „мочу́лы“ имѣютъ „кичо́вники“—сравнительно твердыя кочки,—что вмѣстѣ съ порослями даетъ возможность переходить ихъ въ различныхъ направленіяхъ. Кромѣ достаточной воды во весь годъ, „мочу́лы“ даютъ коровамъ кое-какой кормъ лѣтомъ, принимая который, онѣ въ то же время прохлаждаются въ водѣ, тогда какъ свиньи обыкновенно нѣжатся въ береговыхъ окраинахъ той же „мочу́лы“. Если „мочула не имѣетъ узнорнаго подхо́да“, то она не надежна: лѣтомъ высыхаетъ, а зимою вымерзаетъ; тогда, для удержанія воды на возможно долгіе сроки, въ окраинахъ ея выкапываются ямины, принимающія значеніе колодцевъ.

7. Гдѣ нѣтъ поименованныхъ и другихъ водовмѣстилищъ, окрестные безводники принуждены копать „са́жилки“—прудки различнаго вида—круглые, квадратные, продольные,—что вполнѣ замѣняетъ „мочулы“. Въ крѣпостническое время отдѣльные помѣщики обязывали крѣпостныхъ устраивать „са́жилки“, по возможности, въ каждомъ отдѣльномъ полѣ и на лугахъ, даже и тогда, когда подъ руками находились водовмѣстилища, и помѣщать туда карасей или линей. Заросшія, обезрыбѣвшія, заваленныя принадлежностями льняной мочки—хворостомъ, колодинами, камнями—эти „са́жилки“ и теперь еще напоминаютъ о разумныхъ заботахъ. Къ сожалѣнію, дѣло съ такими „са̀жилками“ остановилось на прекращеніи крѣпостничества, и только въ сравнительно свѣжее время, въ силу строгаго воспрещенія мочить ленъ и пеньку въ рѣкахъ и озерахъ, стали появляться на поляхъ и лугахъ кое-ка-

кія „сажилки“, для моченья льна исключительно. Специальное назначеніе, слишкомъ скромный объемъ и служба для нуждъ отдѣльнаго хозяйства дѣлаютъ эти „сажилки“ - колодцы слишкомъ непохожими на прежнія, гдѣ и для скота и для утомленнаго на знойномъ припекѣ рабочаго достаточно было мѣста для освѣженія тѣла иногда и на самомъ дѣлѣ прекрасною водою.

8. Если гдѣ заботы о сооруженіи искусственныхъ водовмѣстилищъ заходили дальше полевого и лугового прудка, вызывали таковой на нужды всей деревни, тамъ выкапывался „исполъ или усполъ“—болѣе широкій и длинный прудъ, нерѣдко среди деревни. Весьма дорогимъ при данномъ случаѣ было то, если на мѣстѣ проходилъ какой-нибудь, хотя бы и высыхающій лѣтомъ ручеекъ: весною и въ паводки онъ смѣнялъ „успольную воду“.

9. Подъ именемъ „омшары“ извѣстно не только илистое болото, но и преимущественно озерко, прудокъ на немъ, который, при безводьѣ, служитъ иногда единственнымъ мѣстнымъ водохранилищемъ. Если такая „омшара“ имѣетъ трясинные берега и поверхность, то весь путь отъ материка до воды выстилается бревенчатыми кладками, или хворостомъ.—Достоинства „омшарной воды“ понятны, а замученный видъ пользующихся этою водою ставитъ ихъ въ горькіе послѣдыши среди окрестнаго населенія.

10. Безводная, повидимому, „омшара“ имѣетъ иногда естественныя, а иногда и рукою человѣка продѣланныя „вокȯнцы“, въ свою очередь, называемыя „зажёрами, прожёрами“. Получаемая отсюда вода, часто густого табачнаго цвѣта, съ явными признаками органическаго разложенія въ ней, можетъ быть пригодна въ томъ лишь исключительномъ положеніи, про которое пословично говорятъ: „надо жиць, якъ набягиць“, т. е. какъ придется.

Среди многочисленныхъ розсказней про связь чертей съ болотами, на „вокȯнцы, или зажёры, прожёры“ указывается, какъ на бѣсовскія пролазы въ „омшару“ и оттуда, подобно тому, какъ это есть при лисьихъ и барсучьихъ логовищахъ. Посему, „ом-

шарная и воконная вода", каждый разъ при зачерпѣ осѣняемая крестомъ, хотя и сбрасываетъ „бѣсовскую погань", теряетъ вредоносную силу; однако, сумерочные пути къ такой водѣ всегда опасны, и отъ захода до восхода солнца за нею не принято ходить, по крайней мѣрѣ, въ одиночку... Нерѣдко бываетъ, что рыболовы пользуются „вокȯнцами или прожёрами" для рыболовли, и опущенная туда на какомъ-нибудь кнутовищѣ удочка поддѣпитъ порядочную рыбку, а въ норотъ попадетъ и нѣсколько такихъ рыбокъ. Почти угольный цвѣтъ рыбы и особенный вкусъ ея ставятъ въ недоразумѣніе ловцовъ—рыба ли эта? не воплощенные ли это болотные проказники?..

11. Но есть вода и похуже „омшȧрной, воконной": это—вода изъ „бáгны"—чернаго (торфяного) болотистаго мѣста, не покрывающагося растительностью и имѣющаго видъ черной грязи. Вода здѣсь не стоитъ на поверхности, и чтобы получить ее, нужно раскопать „бáгну", которая по маломъ времени опять сплывется, опять составитъ ровную грязевую площадь... Какъ ни насущна потребность въ водѣ, къ употребленію таковой изъ „бáгны" пригоняетъ послѣдняя крайность, и горемычные потребители каждый разъ дорого платятъ за нѣсколько глотковъ воды.

12. Когда идетъ рѣчь о ранговомъ соотношеніи „нячȧсциковъ", „вирȯвникъ" *стоитъ* ниже „болóтника", а этотъ послѣдній—ниже „оржáвиника", и обозваніе кого-нибудь первостатейнымъ чортомъ выражается такими словами: „ня зъ в*и*ру и ни зъ болóта, а зъ сȧмый оржáвини"!.. Такимъ образомъ „оржáвинь, или оржáвиня" представляется гнѣздилищемъ крайняго бѣса—и какова же она должна быть?! На самомъ дѣлѣ „оржáвиня" есть „бáгна" съ рыжеватою грязью, возможная на болотинѣ и на луговой низинѣ,—что цѣликомъ зависитъ отъ подхода сюда родника изъ подъ буро-желѣзной руды. Если иногда на поверхности грязи стоитъ ржавая вода, то она бываетъ покрыта желѣзистымъ

„саломъ, свѣчками“, напоминающими пролитый и плавающій на водной поверхности жиръ. Въ остальномъ—болотная топь, отсутствіе растительности или скудость ея вблизи слишкомъ общи съ „багною“. Но такую и иную воду послѣдней, какъ и окружную траву, потребляетъ скотъ, болотныя птицы ищутъ здѣсь корма; ничего похожаго нѣтъ „у оржавини“, и нуждающіяся животныя не подходятъ къ ней близко. Въ безысходной нуждѣ человѣкъ не такъ разборчивъ, какъ безсловесники, и, не взирая на отталкивающій остро-желѣзистый вкусъ, потребляетъ „оржавинную воду“, при сознаніи, что таковая въ конецъ засорена болотными проказниками...

13. Если кому-нибудь судьба послала подручное, или сосѣдливое „озяро“, то лучшаго водовмѣстилища нельзя и желать: „узноръ, криница“ и колодезь даютъ воду только для питья и стряпни; чтобы вымыть въ нихъ бѣлье, нужно имѣть корыто; „колдобы, мочулы, сажилки и усполы“ или непостоянны, или вызываютъ особые труды на сооруженіе; остальныя стоячія водовмѣстилища опасны сами по себѣ и своею водою; что же касается текучихъ водъ, то своими разливами, быстротою и непостоянствомъ онѣ способны причинять вредъ, какой иногда ня могутъ принести и всѣ перечисленныя воды въ совокупности, и нѣтъ удивительнаго въ томъ, что при-рѣчный поселенецъ завидуетъ при-озерному. Озерныя блага неисчислимы: кромѣ достаточной воды для питья, стряпни, стирки, тутъ полное приволье для купанья скота; на изведанныхъ, изъ года въ годъ неизмѣнныхъ, мѣстахъ можно безбоязненно купаться даже ребятишкамъ; замоченный ленъ и пенька не унесутся съ мѣста, не будутъ обмываться проточной водой и чрезъ то терять въ прочности; а тростникъ, камышъ, аиръ, прибрежная осока?! Наконецъ, рыболовныя сѣти только и могутъ служить въ озерѣ, гдѣ онѣ спокойно лежатъ въ забросѣ ночь, сутки, и гдѣ рыболову только и приходится бороться съ волной, а не съ упрямою струей.

Настоящее, т. е. пространное „озяро́“, съ чистыми, по возможности, берегами, грунтовымъ дномъ и другими свойствами, отличающими его отъ болотнаго и заростающаго, то полностію, то по частямъ имѣетъ раздѣльныя особенности, а именно: а) береговой „отмѐлъ“, въ отдѣльныхъ озерахъ протягивающійся далеко въ озеро и служащій драгоцѣннымъ мѣстомъ для брода и стоянки купающемуся скоту, а также и рыболовамъ съ бродячими снастями. б) Если подобный „отмѐлъ“ приходится на срединѣ озера, поросъ рябинникомъ [920]), отчасти лопухами, камышомъ и тростникомъ, гдѣ удобно пріючиваться рыбѣ, то онъ даетъ драгоцѣнный для рыболова „вецюгъ или усцу́гъ“. в) Тотъ же среднеозерный „отмѐлъ“, въ свою очередь, пригодный для рыболовли, но поросшій тростникомъ, или камышомъ, называется то „тристо̀й“, то „сито̀й“. г) Хотя виры, какъ мѣста водоворотовъ, могутъ считаться исключительною принадлежностью текучихъ водъ, но они имѣются и въ озерахъ, только здѣсь „ва̀ристыя“ мѣста представляютъ ни что иное, какъ ямы, рытвины въ днѣ. При всемъ обиліи рыбы здѣсь, эти мѣста обходятся рыболовами (а рѣчные виры—прохожими) изъ-за преимущественнаго пребыванія въ нихъ „водянико̀въ“. д) Мѣстные „хлуды“ имѣютъ двоякое значеніе: этимъ именемъ называется подмывъ подъ корнями прибрежныхъ деревъ и—наносъ растительныхъ остатковъ (плавуновъ) на корни, кусты и въ заливъ. Первые „хлуды̀“ служатъ притонными мѣстами для рыбы, а также для выдръ и „норѝцъ“; вторые пригодны на легкое топливо, на подстилку въ хлѣву, или, вывезенные на пашню, сжигаются тамъ для цѣлей удобренія. Болѣе нѣжные „хлуды̀“, состоящіе изъ травянистыхъ наносовъ, употребляются на гнѣзда насѣдокъ, преимущественно, водоплавающихъ, при чемъ озерные „хлуды̀“ предпочитаются рѣчнымъ. е) „Чапы̀“ не могутъ считаться неизбѣжною принадлежностью озерныхъ и рѣчныхъ водовмѣстилищъ, и скорѣе могутъ быть вредны для рыболовли, хотя здѣсь всегда есть обильный притонъ рыбы. „Чапы̀“

даютъ: камни, бугорки, затонувшія деревья, корневища, а также бревна и хворостины, оставшіяся послѣ моченья льна. ж) Болотистыя и даже нѣкоторыя грунтовыя озера въ отдѣльныхъ окраинахъ имѣютъ „плавѝ“—дерновыя заросли изъ различныхъ растеній, даже лозняка, подъ которыми есть вода. „Плавы“ недоступны для прохода, и въ бурную погоду они зыблются, какъ волны, при чемъ отдѣлившіяся отъ материка части плаваютъ иногда подолгу, пока не затонутъ или не прикрѣпятся къ материку,—и это отдѣленіе чаще всего бываетъ при вскрытіи озеръ.—Подъ „плавами“ ютится множество рыбы, которая выходитъ отсюда въ норостовую пору. з) „За̀вымя, за̀вынька“ есть небольшой озерный или рѣчной заливъ, который можно считать надежнымъ рыболовнымъ мѣстомъ, особенно, когда здѣсь есть водоросли. и) Всякая луговина, примыкающая къ озеру, или его „плава̀мъ, за̀вынькамъ“, и одинаково доступная для косьбы, какъ и для скота, называется „болонимъ, оболо́ннимъ“. Въ водополье такая луговина заливается водою; весною же здѣсь бываетъ просторъ для рыболова съ острогою и ружейнаго охотника.

14. Имя „ручча̀“ принадлежитъ безводному лѣтомъ и относительно богатому водою ручью весною и въ паводки. Это имя остается за пашенною, или луговою низиною, даже и тогда, когда здѣсь незамѣтно и слѣдовъ ручья. Ясно, что всѣ „руччѝ“ служатъ водовмѣстилищами лишь временно, да и въ эту пору они не даютъ порядочной воды.

15. „Узно́ръ и криница“ нерѣдко даютъ начало „руччавѝни“ [921])—скромному, правда, водовмѣстилищу, но такому, гдѣ имѣется постоянная, „подходящая вода“. Если то̀ вызывается хозяйственными нуждами, „руччавина“ отводится въ близлежащую „колдо̀бину“, или перегораживается запрудою изъ насыпи и камней: въ томъ и другомъ случаѣ „руччавина“ даетъ болѣе углубленное водовмѣстилище, пригодное на всѣ житейскія спросы.

16. Постепенно расширяясь отъ пріема родниковъ, или отъ пріема водныхъ ручейковъ, „руччавина“ становится „ряччо́нкой, ра-чу̂шкой“, пока не сдѣлается притокомъ озера, или крупной рѣки. —Чтобы нагляднѣе представить разницу между „руччавининый и рачу̂шкый“, стоитъ припомнить, что первая, отъ ширины вершковъ въ 8 едва доходитъ до саженной ширины, при шуточной послевичной глубинѣ—„старо́му вирябью по колѣно“,—тогда какъ вторая зачинается съ саженной ширины и доходитъ до 2—3 саж., при соотвѣтствующей глубинѣ; первая вездѣ даетъ бродъ, или же ее можно перешагнуть, перепрыгнуть,—вторая вызываетъ кладки, мостки, или переправу въ лодкѣ, на плоту, и рѣдко—въ бродъ.

17. Тамъ, гдѣ рѣка избрала новое русло, на мѣстѣ стараго образуются то продольныя „ото́ки“, то цѣпь ихъ, состоящая изъ небольшихъ прудковъ, поросшихъ тростникомъ, камышами и др. водорослями. Вода въ „ото́кахъ“ смѣняется весною и въ половодье, потому что онѣ соединяются тогда и другъ съ другомъ и съ рѣкою; благодаря сему, „ото́ки“ ежегодно пополняются рыбою, которая во время перехода даетъ обильный ловъ въ „язàхъ“ и достаточный въ теченіе остального времени.

Каково ни есть подручное водовмѣстилище, будь это даже „оржàвина“, и каковымъ житейскимъ надобностямъ ни служитъ оно, простолюдинъ чтитъ его и воду, какъ великій даръ Творца, или страшится, какъ гнѣздилища нечистой силы. По тѣмъ и другимъ побужденіямъ водовмѣстилища не подлежатъ самомалѣйшему оскверненію: рыболовъ и перевозчикъ пристаютъ къ берегу для отправленія даже легкихъ нуждъ; они, какъ и береговые прохожіе, не сплюнутъ въ воду, не метнутъ туда горсти земли, камня, если это не вызывается рыболовными нуждами, или необходимостью загнать и выгнать домашнихъ гусей, утокъ, коровъ. Хотя „вода бру̂ду ни дяржиць“, и въ ней невозбранно обмываются такіе предметы, какъ бѣлье, загрязненная посуда, овощи съ приставшею

землей, мочится ленъ и пенька, купаются люди и скотъ, но когда въ томъ же водовмѣстилищѣ нужно умывать руки, лицо [922]), или обмывать ноги, то это не будетъ сдѣлано надъ водою, а въ отступѣ отъ нея, и нужная вода въ посудинѣ или въ горстяхъ относится на берегъ; въ свою очередь, полощущій ротъ выплеснетъ воду на берегъ, а недопившій ея изъ посудины выльетъ на траву, на песокъ, но не обратно въ водовмѣстилище, куда предосудительно пускать даже „пуцики".

Такъ чтится заурядная вода; вода заговоренная, или талая изъ молодого снѣга [923]) подлежитъ сугубому почитанію, какъ лѣкарственная, и каждая капелька такой воды имѣетъ относительную цѣнность. Что же послѣ этого сказать о почитаніи освященной въ церкви, іорданской воды, или о водѣ изъ чтимыхъ мѣстъ? Такая вода называется „святою": ея домашнее мѣсто въ божницѣ, ея употребленіе—выдающіяся событія и дни, а ея потребители—тѣ многочисленные вѣрующіе и уповающіе, которыми далеко не бѣдна давняя Бѣлая Русь...

XIV. На рыболовлѣ.

При разнообразіи водовмѣстилищъ, богатствѣ ихъ водою и доброкачественности многихъ водъ, далеко не всѣ онѣ ютятъ водную красу—рыбу. Уже отъ такихъ скромниковъ, какъ „узнóръ, криница, колодезь, колдòба, мочула, сáжилка, оишàра, багна и, въ особенности, оржавинь", нельзя ожидать рыбы, такъ какъ бѣдный объемъ, свойство, доступъ къ водѣ и непостоянство послѣдней не всегда позволяютъ ютиться и размножаться здѣсь какой-нибудь лягушкѣ, піявкѣ, жуку; но и гораздо содержательныя водовмѣстилища иногда или вовсе не имѣютъ водной красы, или же таковая состоитъ изъ ограниченнаго числа особей, изъ односемейной породы рыбъ [924]). Сверхъ сего рѣдкія, правда, водовмѣстилища ютятъ такую рыбу, которая и вкусомъ, и внѣшнимъ видомъ не очень приманитъ къ себѣ и рыболова, и потребителя [925]),

и если обрѣтается первый, такъ развѣ потому, что у него подъ руками мѣсто, предметъ для охотничьей дѣятельности и пути для удовлетворенія охотничьихъ потребностей; вѣдь ружейный охотникъ „стрѣляетъ же сороку да ворону въ чаяніи добраться до лебедя“?!.. Если же имѣются потребители этой рыбы, то они пользуются ею, за неимѣніемъ другой, какъ, за неимѣніемъ лучшей воды, иные потребители принуждены бываютъ пользоваться водою изъ „оржавини“...

Быть можетъ крайнее слово о рыбномъ дѣлѣ позволитъ считать его послѣдышемъ въ простонародной обиходности, какимъ-то прихвостнемъ въ общихъ дѣлахъ простолюдина, малосодержательнымъ предметомъ, не стоящимъ траты силъ и времени? Но тутъ прежде всего не лишне ознакомиться съ почтеннымъ спискомъ мѣстныхъ рыбъ, составляющихъ дѣйствительную красу водовмѣстилищъ и, повидимому, превышающихъ ожиданіе. Такъ, болѣе извѣстны слѣдующія рыбы: [926]) сомъ, налимъ (мянтýзъ), угорь, щука (щупакъ), судакъ, окунь, голавль (головéнь), селява, лещъ-синецъ и бѣлый, подлещикъ, карась золотистый и серебристый, язь, плотва, краснопёрка, линь, густеря (лускерка, лётка), елёцъ, уклея, верхóвка, быстрянка, ершъ (ижгýръ), пескарь (пискашъ), голёцъ (пискýнъ), ольшаникъ (курмéль), щиповка-колючка, голецъ-подкаменьщикъ (песочникъ), минога рѣчная и ручьевая (вьюнъ); менѣе извѣстны—шересперъ (живосцеръ), подустъ или сыртъ (подуства), стынка (устынка) и снѣтки. Кромѣ того въ рыболовномъ дѣлѣ извѣстны: „окунéцъ“ (годовой стайный окунь), „овясéцъ“ (стайный окунь-сеголѣтокъ) и „малюшки“ (сборная, годовая мелкорыбица). Такое разнообразіе рыбъ, за малыми исключеніями, ютящихся иногда въ одномъ водовмѣстилищѣ, не можетъ не привлечь вниманія окрестныхъ жителей, а обиліе рыбы и не трудный доступъ къ рыболовлѣ наталкиваютъ на послѣднюю, и чтобы воочію убѣдиться въ томъ, такъ стоитъ побывать въ при-рѣчныхъ и приозерныхъ мѣстахъ, да присмотрѣться къ ухищренной погонѣ за

„рыбиный“ и домашнему праздиеству, создаваемому появленіемъ „рыбины“. Въ эту погоню пускаются лица разнообразныхъ положеній, мужчины, женщины и дѣти, безразлично,—пускаются при всякой подходящей возможности, тѣмъ болѣе, что для рыболовли нѣтъ ограничительныхъ сроковъ. какіе, напр., существуютъ для искателей грибовъ и ягодъ.

Обращаясь къ рыбному обилію, приходится вспоминать повѣсть „старыхъ граммъ“ о томъ, что иныя водовмѣстилища „кишмя-кишѣли“рыбою, что во время нороста, въ половодье и паводки она ловилась просто руками, снятымъ съ тѣла бѣльемъ, коекакъ прилаженною къ шесту торбой, рѣшетомъ, или такими немудреными снастями и снарядами, съ которыми нынче и не встрѣтишься. При такомъ условіи, когда рыба сама точно напрашивалась на иоловъ, едва-ли нужно быть рыболовомъ въ общепринятомъ смыслѣ, т. е. тонко знать рыбью жизнь, ходы и становища [927]), и имѣть благоустроенные снаряды и снасти. Несмотря на то, что бытописуемый простолюдинъ ѣлъ рыбы побольше современнаго, удѣлялъ рыболовлѣ столько же времени, какъ и теперь, онъ могъ назваться развѣ „рыбачкомъ“ изъ-за того лишь, что имѣлъ коекакія сѣтишки, которыми орудовалъ изъ лодчёнки, корыта, или плота. Да и такими „рыбачками“ могли быть немногіе, уже потому, что приходилось вести рыболовлю въ чужихъ водовмѣстилищахъ—казенныхъ, монастырскихъ, причтовыхъ, помѣщичьихъ; справляясь же съ трудами пригонника и собственника, настоящій „землецахъ“ не имѣлъ времени и силъ на болѣе широкую рыболовлю. Если всегдашніе счастливчики-бобыли, да безземельники могли бывать тѣмъ, что обзывалось именемъ „рыбачка“, такъ на это рыбачество приходится смотрѣть условно, такъ какъ оно могло относиться къ настоящей рыболовлѣ, какъ полуденная тѣнь къ вечерней, по крайней мѣрѣ, такъ приходится смотрѣть на „рыбачковъ“ и рыболовлю по сравненію съ рыболовными главарями того времени—„осташами“, періодически появлявшимися сюда

со своими ужаснѣйшими неводами саж. въ 300—500, при ширинѣ ихъ саж. въ двѣ,—смотрѣть по сравненію съ рыболовнымъ дѣломъ самихъ владѣльцевъ, съ ихъ болѣе скромными „подволоками“. Очень возможно, что во второй половинѣ бытописуемаго срока мужикъ и дошелъ бы до настоящей, широкой рыболовли; но пока онъ думалъ, это дѣло перешло въ алчныя руки рыбопромышленниковъ...

Какъ ни проста воспоминаемая рыболовля и какъ легко ни давалась деревлянину тогдашняя рыба, все же голыми руками, или такими предметами, какъ снятое бѣлье, торба и рѣшето, поймаешь немного, при подходящемъ случаѣ лишь Для удовлетворенія потребности и охотничьихъ движеній, необходимы воспособляющіе, подручные снаряды и снасти, чтобы та же потребность и движеніе могли удовлетворяться тогда, когда то нужно рыболову, когда выискалось удобное время и съ нимъ рыболовное расположеніе. Эти немногочисленные, немудреные снаряды и снасти, вошедшіе въ обиходность по преемству, не пошли дальше прадѣдовскихъ, и, за малыми изъятіями, въ неприкосновенномъ видѣ встрѣчаются въ текущей рыболовлѣ... Всѣ эти рыболовные снаряды и снасти можно подвести подъ слѣдующія категоріи: а) волоковые, б) заставные, г) ударные и д) удильные,—при чемъ, по пріемамъ изготовленія, ихъ можно дѣлить на вязаные, тканые, плетеные, витые и кованные, или литые [928]).

1. Наибольшій волоковой снарядъ, требующій участія по меньшей мѣрѣ двухъ лицъ, есть извѣстная „подволока“, уменьшающаяся иногда до „подволочки“, т. е. волоковой сѣти, чуть превышающей бредень. По своему строенію и по пріемамъ введенія въ воду и извлеченія оттуда, „подволока“ напоминаетъ неводъ: та же длинная, густая корма, тѣ же два крыла, тѣ же двѣ „оборы“ по всей длинѣ сѣти, изъ коихъ верхняя унизана то берестовыми [929]), то деревянными плавниками, а нижняя—то глиняными „потаплами“, то камнями, завернутыми въ тряпки, или

въ берестовыя, да лыковыя плетушки; тѣ же, наконецъ, двѣ прочныя палки по окраинамъ сѣти, для привязи волоковыхъ веревокъ. Подобно неводу, „подволóка“ закидывается въ воду съ лодки, въ возможномъ отступѣ отъ берега, и тащится сюда сперва помощью волоковыхъ веревокъ, которыми время-отъ-времени хлещутъ по водѣ, чтобы вспугивать оцѣпленную рыбу, а когда крылья подойдутъ къ берегу—непосредственно за сѣть.—Самая большая крестьянская „подволóка“ едва доходитъ до 200 „маховыхъ саженъ“ [930]), а самая меньшая, въ доступную пору (лѣтомъ) служащая бреднемъ, бываетъ около 15—20 тѣхъ же саж., при соотвѣтственной ширинѣ. Такимъ снарядомъ съ одинаковымъ успѣхомъ можно ловить рыбу какъ въ стоячихъ водовмѣстилищахъ, такъ и въ медленно текущихъ рѣкахъ, преимущественно, въ устьяхъ и мельничныхъ запрудахъ.

2. У при-рѣчныхъ рыболововъ имѣется отдѣльная „подволóка“ то съ небольшою кормою, то вовсе безъ нея, называемая „плавунòмъ“. Въ то время, какъ „подволòка“ нижнею частью идетъ по дну, „плавỳнъ“ устраивается для болѣе свободнаго движенія надъ онымъ, такъ какъ своею нижнею стороною онъ не касается дна, а виситъ въ водѣ, поддерживаемый сверху надежными плавками—мелкими боченками, ведрами, небольшими колодами. „Плавỳнъ“ употребляется на большихъ рѣкахъ, во всякое время лѣта, на малыхъ же—только въ половодье и наводки; тамъ и здѣсь, перегородивъ рѣку, онъ плыветъ по теченію ея. Когда наступитъ время, одинъ конецъ „плавунà“ придерживается, а другой круто и спѣшно притягивается къ тому же берегу; послѣ сего оба конца сѣти извлекаются, какъ неводъ, „подволока“ и бреденъ.—Изъ всѣхъ волоковыхъ сѣтей „плавỳнъ“ можетъ быть поставленъ на одномъ и томъ же мѣстѣ для нѣсколькихъ тоней.

„Подволока и плавỳнъ“ не могутъ считаться распространенными сѣтями уже потому, что обязываютъ рыболова имѣть лодку,

или корыто, плотъ. Сверхъ того вязанье ихъ, посадка и, главное —водный просторъ, умѣнье вводить и извлекать изъ воды, поправлять въ опасныхъ мѣстахъ, или обходить таковыя, требуютъ рукъ и терпѣнія присяжнаго рыболова.

3. Совершенно другое дѣло—„бродѣнь“—вязаная и тканая сѣть, въ своемъ построеніи напоминающая описанныя и разнящаяся лишь размѣрами: самый большой „бродѣнь“ рѣдко доходитъ до 10 маховыхъ саж. въ длину и чаще всего имѣетъ ее въ 3—4 саж., при чемъ ширина какъ-то особенно непропорціональна длинѣ.—„Броднёмъ“ можно ловить рыбу въ любой водѣ, лишь бы тамъ могъ двигаться рыболовъ, и съ нимъ одинаково успѣшно бродятъ мужчины, женщины, даже дѣти-подростки: блогодаря густотѣ ячеекъ, ширинѣ снаряда, который правильно движется отъ дна до новерхности, да скорому движенію рыболововъ, „бродѣнь“ захватываетъ мелкорыбицу такъ же, какъ и оцѣпленную здѣсь, иногда весьма крупную „рыбину“.

Какова ни есть длина „бродня“, имъ орудуютъ двое рыболововъ, изъ которыхъ одинъ, болѣе сильный и ловкій, отправляется „у заходъ“, т. е. въ болѣе глубокое мѣсто; пройдя нужное пространство, онъ спѣшно соединяется съ товарищемъ, при чемъ время-отъ-времени оба они брызгаютъ водою внутрь оцѣпленнаго пространства, чтобы задержать здѣсь рыбу, вспугнуть щуку, всегда готовую перепрыгнуть чрезъ снарядъ. Если возможно, рыболовы сводятъ концы снаряда и приподымаютъ его въ водѣ, въ отступѣ отъ берега; въ противномъ случаѣ „бродѣнь“ вытаскивается на берегъ, подобно „подволокѣ и плавуну“. То же дѣлается и на рѣчныхъ тоняхъ, гдѣ рыболовы обыкновенно слѣдуютъ со снарядомъ вверхъ по теченію.

Въ заключеніе остается упомянуть, что бродниковая рыболовля возможна лишь тогда, когда вода станетъ „лѣтною“ [931]), доступною для купанья, при чемъ ночная и полуденная рыбо-

ловля бываетъ болѣе прибыльною, потому что въ это время рыба отдыхаетъ и жируетъ.

4. Въ травянистыхъ мѣстахъ, гдѣ бредень можетъ цѣпляться, или пойдетъ поверху, „крига“ составляетъ незамѣнимый снарядъ. По строенію она напоминаетъ два полоза-„копанца“, соединенные другъ съ другомъ въ противоположной отъ загиба сторонѣ, и служащіе какъ бы рамами, на кои туго натянута густая сѣтчатая ткань, вязаная или тканая. Съ „кригою“ обыкновенно управляются трое рыболововъ: одинъ, болѣе дюжій, орудуетъ серединною частью снаряда, гдѣ соединены полозья, остальные—концами его. При „заходѣ, крига“ волочется въ растяжную, то по поверхности воды, то поставленная вертикально; когда же наступило время оцѣпить избранное пространство, крылья „криги“ сводятся: все живое, не исключая раковъ и лягушекъ, остается промежъ стѣнокъ снаряда, который тутъ же и приподнимается плашмя на поверхность. Въ то время, когда товарищи придерживаютъ концы сложенной „криги“, третій извлекаетъ добычу, засовывая руку внутрь, между рамами.

Ловля „кригою“ возможна въ тѣ же сроки, какъ и ловля бреднемъ; но она значительно прибыльнѣе послѣдней, и если „крига“ встрѣчается въ рыболовномъ обиходѣ нѣсколько рѣже, такъ это частію зависитъ отъ необходимости привлекать къ рыболовлѣ троихъ участниковъ, а частію отъ сравнительной трудности построенія снаряда, для котораго нужно подыскивать и прилаживать „копанцы“.

5. „Топтунъ“ удобнѣе всѣхъ волоковыхъ снарядовъ потому, что съ нимъ можетъ управиться одинъ рыболовъ, въ такихъ мѣстахъ, которыя недоступны для ловли съ иными снарядами—въ густой травѣ, среди камней и корчей, около „хлудовъ“: подставивъ широкое устье „топтуна“ къ намѣченному мѣсту, да пыряя тамъ шестикомъ, или шевеля свободною рукою траву, кустъ, береговой, трясинный навѣсъ, „хлудъ“, при чемъ въ помощь дѣлу

подоспѣваетъ нога, заносимая въ ту и другую сторону, рыболовъ можетъ загнать въ снарядъ не только мелкорыбицу и крупную „рыбину", но и выдру, „норицу", или молодую утку. А разъ добыча вошла въ устье „топтуна", она не выберется изъ густо вязаннаго, или тканаго мѣшка саженной и болѣе длины. При рѣчной рыболовлѣ, мѣшокъ пускается хвостомъ внизъ по теченію.

„Топтунъ" съ одною лишь округлою рамою при устьи встрѣчается чаще „топтуна", гдѣ тотъ же мѣшокъ (вязаный и тканый, безразлично) натянутъ на прутья, соединенные въ одномъ концѣ, расходящіеся врозь и привязанные противоположными концами къ рамѣ устья,—что придаетъ снаряду коническую форму. Этотъ „топтунъ" неуклюжъ, грузенъ; но имъ можно покрыть подходящее мѣсто въ тони, или уставить на быстринныхъ протокахъ, какъ „прутню".

6. Послѣднимъ волоковымъ снарядомъ приходится считать „чарпокъ", который бываетъ вязаный и тканый, при чемъ, подъ тѣмъ именемъ и на той же службѣ нерѣдко встрѣчается рѣшето, корзиночка, плетенка изъ прутьевъ, насаженныя на подходящій шестъ. Настоящая служба „чирпка"—извлекать оставшуюся въ „колдобинахъ, или затрученную" рыбу, задыхающуюся при мочкѣ льна и пеньки, а также при зимнихъ „тохахъ", какъ и болѣе крупную, попавшуюся на удочку; въ остальномъ „чарпокъ" служитъ дѣтямъ-рыболовамъ, или же въ немъ, на подвѣсѣ, вянутъ и просушиваются сыры...

Какъ очевидно, „бродень, крига, топтунъ и чарпокъ" могутъ быть сѣтчатыми, вязаными, и ткаными. Для послѣдней надобности дѣлается особая ткань на домашнихъ кроснахъ: основа здѣсь не пропускается чрезъ каждую „тристу" берда, а только чрезъ одну, или двѣ „тристы"; въ свою очередь и уточная нитка не прибивается бердомъ, а слегка придвигается къ ткани, лишь бы уравнить нитку. Такая работа кропотлива, и подвигать на

нее могутъ развѣ тѣ рыболовныя блага, на которыя разсчитываютъ творцы тканыхъ снарядовъ. Но и вязальная работа тѣхъ же снарядовъ стоитъ ткацкой, особенно, если вязальщикъ не умѣетъ сдѣлать ординарнаго узла, какъ это дѣлаютъ при вязаньи филе, и для образованія одной ячеи долженъ продѣть челнокъ два раза: тогда, при погонѣ за густотою ячеекъ, бредень можетъ быть сработанъ лишь въ мѣсяцъ и болѣе, а сачокъ—въ сутки...

Заставные, т. е. неподвижно стоящіе въ водѣ снаряды почти всѣ вязаные, сѣтчатые, и только послѣдыши этихъ снарядовъ —плетеные, изъ лозовыхъ прутьевъ. Примѣнительно къ потребностямъ, ячеи однѣхъ сѣтей бываютъ гуще, другихъ--рѣже; что же касается лозовыхъ плетенокъ, то здѣсь прутья приставляются другъ къ другу, по возможности, плотно, и промежутками между ними можно считать лишь тѣсныя щели, образующіяся отъ прохода поперечнаго прута, или замѣняющаго таковой—тонкой бичевки. Величина заставныхъ снарядовъ, по крайней мѣрѣ, сѣтчатыхъ, приспособляется къ водовмѣстилищу, и, какъ это видно будетъ изъ нижеслѣдующаго, не подлежитъ условному измѣренію.

7. Самый большой заставной снарядъ есть „о́бо́ръ, оборе́цъ“ —прямая безъ кормы сѣть-тройчатка, съ берестовыми поплавками на верхней „о́бо́рѣ“ и глиняными „котелками“—на нижнемъ, имѣющая длину отъ 20—70 маховыхъ саж. при ширинѣ въ 1 арш. и 12 верш., или ровно 2 арш. Густы ли „оборе́чныи во́ки“, или доходятъ они до квадр. вершк., во всю длину и ширину сѣти, съ той и другой стороны, идетъ „рѣжа“—сѣтчатое вязанье изъ тоненькой бичевки, имѣющее ячеи въ два съ небольшимъ квадр. вершка. При „посадкѣ оборца́, рѣжа“ прикрѣпляется къ верхней и нижней „оборѣ“ и послѣ сего составляетъ одно цѣлое съ сѣтью. Если нужно оцѣпить значительное пространство, или, примѣрно, два рыболова сошлись на совмѣстную рыболов-

лю [932]), тогда соединяются нѣсколько „оборцо́въ", могущихъ занять протяженіе свыше 100 обыкновенныхъ саженъ.

„Оборе́цъ" можетъ служить для рыболовли только въ стоячихъ водовмѣстилищахъ, гдѣ есть водоросли, какъ-то: на „успу́гахъ, при тристы, ситы и въ за̀выняхъ". Во всѣхъ случаяхъ онъ осторожно выбрасывается въ воду съ лодки, корыта, или плота, то кольцеобразно, вокругъ подводной островинки, то полукружіемъ—вдоль береговъ, то прямолинейно, когда нужно перегородить заливъ. Если оцѣпляемое мѣсто глубоко, не видно сѣти, то къ одному концу снаряда, на веревкѣ, привязывается соломенный, камышевый, или тростниковый пучекъ, показывающій мѣстонахожденіе „оборе́чнаго конца". Послѣ заброса снаряда рыболовъ еще разъ объѣзжаетъ вдоль сѣти и осторожно поправляетъ ее тамъ, гдѣ она лежитъ на травѣ, не доходитъ до дна, или свернулась „вирцялёмъ" [933]), а потомъ уже вступаетъ внутрь оцѣпленнаго пространства, для загона рыбы въ сѣть.

Послѣднее дѣйствіе совершается при помощи „бо́вта"—тонкаго шеста, около 2 саж., на одномъ концѣ котораго неподвижно прикрѣплена круглая или досчатая деревяжка. Стремительнымъ опущеніемъ въ воду то вертикально, то наискось, рыболовъ поднимаетъ „бовтомъ" пѣнистый столбъ за столбомъ и тутъ же, круто отворотясь въ противоположную сторону, хлестко бьетъ по водѣ тонкимъ концомъ „бовта", или колотитъ имъ о борты судна. Въ заключеніе онъ объѣзжаетъ вблизи всей сѣти и при этомъ еще „бувта̀иць бовтомъ". Отъ всего этого испуганная рыба мечется въ сѣть и, потянувъ „гусцяру́" впередъ, попадаетъ въ ячейку „рѣжи": въ образовавшемся мѣшкѣ она остается вѣрною добычею рыболова...

Извлеченіе „оборца́" изъ воды происходитъ отъ поплавочнаго конца, при чемъ рыболовъ норовитъ „подвора̀чивать" его, т. е. сильнѣе и преимущественнѣе тянетъ нижнюю „обору"—сѣть идетъ жолобомъ. Если рыбы мало, то, выбирая послѣднюю изъ

мѣшечковъ, онъ выбираетъ и приставшія къ сѣти водоросли; въ противномъ случаѣ—спѣшитъ поскорѣе извлечь сѣть, которую перебираетъ потомъ, приставъ къ уютному мѣсту.

Когда имѣется достаточный просторъ для рыболовли, когда есть „большой оборе́цъ“ и лодка, то ловля этимъ снарядомъ производится двумя лицами, изъ коихъ одно правитъ лодкою, а другое управляется съ „оборцомъ и бовтомъ“. При иномъ условіи все дѣло справляетъ одно лицо: лѣвою рукою орудуетъ весломъ, а правою выбрасываетъ, или выбираетъ скромный снарядъ въ неменѣе скромную „комя́гу, душегу́бку“, или плотъ, а при загонѣ рыбы обходится лишь „бовтомъ“, которымъ то гребетъ, то упирается въ дно, чтобы двинуться съ мѣста.

8. „Оборе́чикъ“, называемый еще „запишкой, запихалкой“ совершенно одинаковаго построенія съ описаннымъ снарядомъ. Длина его 3—4 саж., а ширина чуть превышаетъ аршинъ. Такой скромный объемъ снаряда позволяетъ пользоваться имъ въ мелководныхъ, травянистыхъ мѣстахъ. Обыкновенно рыболовъ управляется со снарядомъ такъ: подъѣхавъ къ намѣченному мѣсту съ открытой воды, онъ втыкаетъ въ дно шестикъ, или весло, за его ребромъ осторожно опускать сѣть въ воду серединною частью, а концы ея просовываетъ чрезъ траву къ берегамъ, при чемъ получается сѣтчатый уголъ. Просову помогаетъ длинный шестъ и два коническіе „ла́потка“, укрѣпленные на концахъ нижней „обо́ры“. Не трогаясь съ мѣста, рыболовъ пыряетъ шестомъ въ оцѣпленномъ пространствѣ и тѣмъ загоняетъ въ сѣть ютившуюся здѣсь рыбу, по преимуществу, карасей, линей, плотву—завсегдатаевъ такихъ мѣстъ, какъ осока, хвощъ, аиръ. Нужно замѣтить, что ловля „оборе́чикомъ“ проходитъ такъ тихо отъ начала до конца, что на аршинномъ разстояніи рыба не можетъ быть потревожена, а это позволяетъ рыболову начать новую тоню рядомъ съ оставленною.

„Оборѣчникъ“ извлекается изъ воды при воткнутомъ въ дно шестикѣ—то обѣими сторонами за разъ, то поочередно. Если въ снарядъ попала болѣе крупная рыба, то она глушится ударомъ шеста, или же имъ загоняется въ глубь мѣшечка; то же дѣлается съ выдрою и норицею, изрѣдка попадающими въ снарядъ. Во время рыбьяго нороста „оборѣчикъ и оборецъ“ заставляются въ подходящихъ мѣстахъ: тутъ рыба сама вязнетъ въ ячеяхъ, запутывается въ мѣшечкахъ, и рыболову остается лишь навѣщать „заставу“ да выбирать рыбу,—что обыкновенно дѣлается утромъ и вечеромъ каждаго норостоваго дня.

9. Гдѣ водовмѣстилище обилуетъ уклеей, рыболовы сооружаютъ „уклеичную сѣтку“—прямую, ординарную сѣть съ густыми ячейками, лишь бы въ нихъ могла входить головка уклеи. Эта сѣть, съ обычными поплавками и грузилами, ставится въ растяжную во время нороста уклеи и, безъ малѣйшаго загона сюда рыбы, биткомъ набивается юркою, особенно подвижною уклеей, которая потомъ идетъ на текущее употребленіе и въ „сушенку, какъ малюшки“. Внѣ этого короткаго срока (три дня въ половинѣ іюня) сѣть отправляетъ различныя обязанности: ею покрываются разсадники отъ куръ, вишнякъ—отъ воробьевъ, или же сѣть смиренно покоится подъ навѣсомъ до уклеечнаго нороста будущаго года.

10. Въ цѣломъ видѣ „жакъ“ представляетъ „топтунъ“ трехсаженной длины, перегороженный внутри, въ отступѣ другъ отъ друга на $1^1/_2$ арш., вертикально стоящими и постепенно уменьшающимися обручами, при чемъ при каждомъ обручѣ есть сѣтчатая ткань съ узкимъ проходомъ въ центрѣ, а устье снаряда имѣетъ саженныя и болѣе крылья, расходящіяся въ стороны. При помощи вколоченныхъ въ дно кольевъ „жакъ“ и крылья его уставляются въ растяжку то на рѣкѣ, то на ходовыхъ мѣстахъ проточнаго озера, преимущественно, во время нороста, и часто случается, что этотъ снарядъ биткомъ набивается рыбою, а потому

нѣтъ удивительнаго въ томъ, что заинтересованныя лица строжайше преслѣдуютъ „ужасци якѣй жакъ“. Къ счастью, построеніе „жака“ (мелкое вязанье, размѣщеніе обручей), какъ и установка при рыболовлѣ, вызывающія значительное время и трату, дѣлаютъ снарядъ малодоступнымъ для обычнаго рыболова, а потому въ обиходности деревенскаго рыболова онъ встрѣчается весьма рѣдко.

11. „Нòротъ, нэрытъ или мòрда“ можетъ считаться однимъ изъ распространенныхъ заставныхъ снарядовъ въ текучихъ и стоячихъ водахъ, безразлично. Въ рыболовномъ употребленіи различаются два „нòрота: язòвый“ [934]) и обыкновенный, зимнею порой служащій для поимки нѣкоторыхъ птицъ, между прочимъ, „омилушекъ“ и куропатокъ [935]). Первый, до сажени въ длину, ставится на проточныхъ, перегороженныхъ мѣстахъ, а второй, на половину меньшій—въ тѣхъ же мѣстахъ и стоячихъ водахъ, даже подъ ледъ, весеннею порою. Въ остальномъ оба „нòрота“ схожи и имѣютъ коническую форму, съ плоскимъ основаніемъ, съ большимъ закрытымъ устьемъ, въ серединѣ котораго, однако, есть узкій проходъ, какъ продѣть руку. Для „норота“ первоначально изготовляются рамы изъ сырыхъ тонкихъ жердочекъ, которыя потомъ обтягиваются двумя сѣтчатыми мѣшками, постепенно сужающимися: узкій конецъ одного мѣшка приходится на хвостовомъ соединеніи жердочекъ, а такой же конецъ другого входитъ внутрь „норота“ тонкимъ горлышкомъ, вполнѣ, однако, достаточнымъ для прохода рыбы и извлеченія ея оттуда рукою; широкіе же концы мѣшковъ сшиваются недалеко отъ головки „норота“, верш. на 4 ниже устья.

Преимущественная ловля „нòротомъ“ бываетъ весною и во время нороста той или другой рыбы; но и въ остальное время года, даже зимою, подо льдомъ, имъ можно поймать рыбу. Тогда, для приманки рыбы, внутрь снаряда кладутся поджаренныя корки хлѣба, или поджаренная мука въ тряпкѣ, а самый снарядъ, съ кам-

ками внутри, на веревкѣ опускается ко дну.—Въ болѣе жаркую рыболовную пору „нѣротъ“ буквально набивается рыбою, вслѣдъ за которою туда же вползаетъ иногда выдра, или норка; увлекшись готовою добычей, да потерявъ выходъ, хищница захлебывается и поступаетъ въ добычу рыболова. Послѣднему, однако, чаще приходится лишь свидѣтельствовать гощеніе алчницы въ „нѣротѣ“, гдѣ она оставляетъ рыбные недоѣдки, или широкую дыру въ стѣнкѣ снаряда...

12. Наипростѣйшій заставной снарядъ есть „прѫтня“ (она же—бѫча, кѡша)—коническая плетенка изъ лозовыхъ прутьевъ, длиною около 2 арш., съ открытымъ устьемъ, діаметръ котораго колеблется между 10—12 верш. Весною и въ паводки „прѫтня“ ставится въ канавѣ, или узкомъ ручейкѣ, если они, соединяя два водовмѣстилища, имѣютъ стремительно-быстрое теченіе: проходящая по нимъ рыба останавливается въ узкомъ хвостѣ снаряда, гдѣ, отъ напора воды и засоренія плывущимъ мусоромъ, она не въ состояніи извернуться. Среди множества мелкорыбицы въ „прѫтнѣ“ иногда очутится то 10-ти фунт. щука, то язь, то лещъ и др. крупная рыба. При извлеченіи добычи изъ снаряда, послѣдній относится на чистядину и, перевернутый устьемъ внизъ, встряхается,—что на рыболовномъ языкѣ извѣстно подъ терминомъ „трясь прѫтню“ [936]).

13. Такая же „прѫтня“, но со вставленною въ устье болѣе короткою, имѣющею въ срединѣ узкій проходъ, употребляется для исключительной ловли пискарей-гольцовъ, во время нѣроста послѣднихъ въ дек. и янв. Этотъ снарядъ, нѣсколько напоминающій „нѣротъ“, опускается на дно болотистыхъ рѣченокъ, въ „вокѡнцы“ трясинъ, подъ кусты, и часто биткомъ набивается „пискунами“, среди которыхъ попадается иногда и налимъ [937]).

14. „Ости, вѡсци“ (острога) есть довольно распространенный ударный снарядъ, главная служба котораго бываетъ раннею весною, когда нѣростующія щуки во множествѣ и безбоязненно сну-

ютъ у береговыхъ проталинъ, или уходятъ на луговые разливы, пробираются по ручейкамъ и канавамъ. Тѣ же „восци“ служатъ и при позднѣйшихъ рыбьихъ нерестахъ—карасей, линей, лещей, какъ и при зимнихъ „тохахъ“; завзятые же рыболовы пользуются ими осенью, когда „лучàтъ рыбу“ [928]), и зимою, если только знакомы съ рыбными становищами. Благодаря рыболовному терпѣнью, навычной ловкости, знакомству съ мѣстами и рыбьими снаровками, иной рыболовъ налавливаетъ за разъ до пуда и болѣе крупной рыбы, у которой можетъ быть лишь одинъ изъянъ—изуродованное острогою тѣло да икряной и молочный прилипъ.

Мѣстныя „восци“, приготовляемыя деревенскими кузнецами, бываютъ о 4—7 зубьяхъ съ зазубринами на каждомъ; онѣ грубы, какъ грубъ насадочный шестъ, сглаживающійся и полирующійся потомъ въ мозолистыхъ рукахъ рыболова..

15. Когда озеро или рѣка замерзаетъ при безвѣтряной погодѣ и когда прозрачный ледъ позволяетъ видѣть предметы въ водѣ, рыболовы „глушàтъ рыбу“ при помощи „куки“—увѣсистаго деревяннаго молотка на саженной рукояти. Размашистымъ ударомъ „куки“ по мѣсту, гдѣ замѣчена отдыхающая рыба, рыболовъ одновременно глушитъ послѣднюю и надламываетъ пока еще тонкій ледъ, который потомъ спѣшно прорубаетъ топоромъ, для извлеченія добычи. Въ рѣдкихъ случаяхъ добычею изъ-подъ „куки“ бываетъ вышедшая на охоту выдра, или норка.—Хотя рыболовы держатся береговыхъ мѣстъ, по преимуществу, все же рѣдкій изъ нихъ не отвѣдаетъ по-колѣнной и даже полсной ванны...

На скорую руку, вмѣсто „куки“ употребляется увѣсистая „пубоѐшка“, или обухъ топора, которымъ, вслѣдъ за ударомъ можно прорубить нужное мѣсто.

16. Подобно ударнымъ, удильные снаряды весьма немногочисленны, и все построеніе ихъ состоитъ изъ удилища, прикрѣпленной къ нему лесы, или нитки, тонкаго шнура, съ крючкомъ

на концѣ. Въ обиходѣ деревенскаго рыболова нѣтъ раздѣльныхъ удочекъ—„поддонныхъ“, навѣсныхъ, верховыхъ,—нѣтъ и спеціальныхъ разновидностей ихъ для уженья той и другой рыбы, какъ это бываетъ у городскихъ удильщиковъ—„удочка уклеечная, пескарная, плотвичная, лещовая“ и проч.; тутъ весьма часто одна поплавочная удочка служитъ на безразличное уженье всякой рыбы, и если иногда къ ней придается вторая, такъ развѣ для запаса, на случай поврежденія первой. Впрочемъ, наиболѣе ловкіе удильщики и въ рыбныхъ мѣстахъ пользуются двумя удочками сразу, держа ихъ въ той и другой рукѣ, или уложивъ навѣсно на траву, кустъ, бортъ судна. Подъ безразличнымъ именемъ „вуды, вудки“, этотъ удильный снарядъ изъ края въ край, на стоячихъ и текучихъ водахъ, приблизительно таковъ: къ тонкому концу удилища саженной длины привязана чуть-чуть витая леса изъ 6—8 конскихъ волосъ, не превышающая длину удилища, такъ что въ сложенной удочкѣ крючокъ упирается въ удилищную пятку. Безъ обычнаго взмаха и свиста удочки, такъ часто отпугивающихъ рыбу, это позволяетъ забросить ее въ желанное мѣсто, для чего стоитъ лишь слегка нагнуть удилище и отпустить лесу—грузъ крючка съ насадкою и поплавокъ отнесутъ ее впередъ, насколько позволяетъ длина всей удочки; въ то же время, при извлеченіи удочки, послѣдняя выходитъ изъ воды почти вертикально и не издаетъ извѣстнаго „сёрба“. Если вмѣсто лесы привязана нитка, или тонкій снуръ, то чрезъ это нисколько не измѣняются ни длина удочки, ни указанныя удобства. Самодѣльный крючекъ изъ тонкаго гвоздя, проволоки, булавки и перекаленной иголки предпочитается фабричнымъ; онъ привязывается нѣсколько неряшливо (концы лесы торчатъ щетиною), но прочно. Поплавокъ изъ гусинаго пера, цѣлымъ стволомъ надѣтый на лесу и заткнутый собственнымъ комлемъ, предпочитается остальнымъ изъ-за бѣлизны; когда же нѣтъ пера, поплавкомъ становится готовая пробка, оструганная кора сосны, лозы,

или на текущее уженье привязывается кусочекъ прошлогодняго, даже нынѣшняго камыша. Каковъ ни есть поплавокъ, онъ утверждается выше крючка верш. въ 12—16: въ мѣстѣ, гдѣ требуется приблизить поплавокъ къ крючку, рыболовъ не станетъ удить, а въ глубокомъ мѣстѣ рыба и сама подойдетъ къ приманкѣ, какъ ни далека послѣдняя отъ дна.

Удильщики при-двинскіе, какъ и удильщики на рѣкахъ, впадающихъ въ Двину, гдѣ имѣется особая рыба (подустъ, шересцёръ и др.) и гдѣ быстрота теченія, измѣнчивое положеніе „струи“ [939]) и неровность дна непохожи на стоячія, или едва движущіяся воды остальныхъ рѣкъ, удильные снаряды нѣсколько разнообразны, по крайней мѣрѣ, тутъ можно встрѣтить слѣдующія удочки: а) „поддо̀нную съ потопцомъ“ и безъ него, б) „поду̀свиную, в) живосцёрную, г) живцо̀вую, д) писка̀шную, е) уклёичную и ж) шнуры̀ на прочныхъ удилищахъ и безъ нихъ—заставные, съ множествомъ крючковъ, привязанныхъ короткими привязями, въ отступѣ другъ отъ друга арш. на $1^1/_2$. Нераздѣльно со многими такими снарядами стоитъ построеніе „захвъ“, ловля извѣстной „митулицы“ и перемѣщеніе, по крайней мѣрѣ, на „душегу̀бкѣ“. Такъ какъ все это вмѣстѣ составляетъ обособленность при-двинской рыболовли, заслужившей отдѣльнаго, кстати, содержательнаго описанія [940]), то здѣсь умѣстно ограничиться однимъ лишь поминомъ и продолжить слово объ удильныхъ снарядахъ остальныхъ мѣстностей.

17. Для поимки хищниковъ, на толстую, волосъ въ 15—20 лесу, или снуръ, привязывается наиболѣе прочный, большой крюкъ, у иныхъ—и „зубецъ“ [941]), на который насаживается „живецъ“—небольшая живая рыбка. За неимѣніемъ крюковъ, преимущественно къ снуру, прикрѣпляется проволочная или крѣпкодревесная „рогу̀лька“—заостренныя вилочки, зубцами къ удилищу, и къ ней привязывается „живчикъ“.—Вмѣсто удилища снарядъ привязы-

вается къ гибкому береговому кусту, или отдѣльному дереву.

18. Ловля щукъ, окуней, судаковъ и голавлей „дорóжкою“ составляетъ неизбѣжное дополненіе удильной рыболовли, и она ничѣмъ не разнится отъ общей: рыболовъ привязываетъ металлическую съ крючкомъ пластинку къ надежному длинному снуру и волочитъ по водовмѣстилищу, то разъѣзжая по водѣ, то отбрасывая съ мѣста—съ берега, острова, съ судна. Нѣтъ такой обработанной пластинки—привязывается сложенное на-двое гусиное перо со скрытымъ здѣсь крючкомъ.—Для большей приманки хищниковъ, „дорóжка“ перевивается въ одномъ-двухъ мѣстахъ красною тесемочкою.

19. Въ „окунéчныхъ мѣстахъ“ зимній ловъ хищниковъ дѣлается „облитнёй“ (блесною), которая есть цинковая или оловянная пластинка съ задѣланнымъ крючкомъ, напоминающая бѣлорыбицу. Прорубивъ во льду небольшое отверстіе, удильщикъ опускаетъ на снурѣ „облитню̀“ и періодически подергиваетъ снарядъ вверхъ. Чаще всего снуръ держится на короткомъ удилищѣ—надежномъ прутикѣ, который длиною и толщиною напоминаетъ обычное кнутовище.

20. Для ловли щукъ лѣтнею порой употребляется „петля̀“ (силокъ) изъ лошадиныхъ волосъ, обыкновенно укрѣпляемая на концѣ надежнаго удилища, или тонкаго шеста. „Петля“ осторожно надѣвается на морду отдыхающей щуки и стремительно задергивается, какъ скоро будетъ проведена за жабры. Между прочимъ, такимъ образомъ совершенно вылавливаются щуки, оставшіяся въ „колдóбахъ и руччавйнныхъ зáвынькахъ“, вылавливаются, кстати, исключительно подростками [942]), потому что степенный рыболовъ не возьмется даже и за болѣе почетныя удильныя снасти, памятуя пословичную мудрость: „хто рыбу вỳдиць, у тóго хлѣба ня будиць“...

21. Дополнительными статьями удильной рыболовли нужно считать „принáду, привáду и примáну“. Подъ первыми двумя разумѣется все, что привлекаетъ рыбу къ желанному мѣсту, какъ и тѣ приспособленія, кои дѣлаются тутъ же для уженья, а подъ вторыми—разнообразныя насадки на крючокъ, начиная отъ мушки и кончая кускомъ селедки, или кускомъ мяса. У городскихъ, при-двинскихъ удильщиковъ всѣ „принáды, привáды и примáны“ составляютъ необходимое дополненіе удильной рыболовли, довольно разнообразны и заботливо обставлены. Такъ, соорудивъ на „струѣ зáхву (она же—закóлъ, заѣздокъ“), удильщикъ помѣщаетъ при ней „зáкрышъ“—смѣсь глины съ отрубями, поджаренною мукой, поджаренною и перетолченною коноплей, или съ „митулйцый“; тѣмъ же „зáкрышимъ“ время-отъ-времени онъ мутитъ воду и при уженьи; для насадки ловитъ въ садахъ „бартулéй“ ночью, съ фонаремъ, роется въ мусорныхъ кучахъ за личинками хруща (бѣлые, толстые и короткіе черви), въ грязи ручейковъ—за „вьюнáми (ручейковыя миноги) для живца“, въ гніющемъ мясѣ, крови убойнаго животнаго и, въ особенности, въ желудкѣ его терпѣливо выращиваетъ „чарцóвъ, рыбаковъ“; наконецъ, ловитъ „митулйцу“, заготовляетъ ее въ прокъ и проч. Для деревенскаго удильщика ничего этого не нужно: подхвативъ свои двѣ удочки, да на всякій случай—„тóрбочку“, на пути къ рыболовлѣ онъ пороется на задворкахъ, подстрѣшныхъ мѣстахъ, чтобы „укопнýць надѣикъ“, подниметъ камень, колоду, дернъ, чтобы дополнить ими же „примáну“, отвернетъ кору „сухостóя“, или неочищеннаго бревна, чтобы извлечь оттуда „закóрьника, закóрьщика“, подхватитъ попутнаго „кызилкá, стрѣлку, мáтлика“ [943]); во время рыболовли, на мѣстѣ, онъ не преминетъ воспользоваться „шициком“ [944]), а если попалъ на „окунéчное мѣсто“, то употребитъ на насадку шейку рака, стегно лягушки; нуженъ будетъ „живéцъ“—онъ тутъ же выкопаетъ свѣжую миногу, или „наживицъ вýду“ первою попавшеюся мелкорыбицей. Но и всего этого бу-

детъ много: съ запасомъ красныхъ дождевыхъ червей да хлѣбнаго мякиша, который разбрасывается крошками, какъ „принада“, или, перемятый въ пальцахъ, шарикомъ накладывается на крючокъ, удильщикъ сдѣлаетъ то же, что дѣлаютъ и съ большими „принадами, привадами и приманами“, т. е. наудитъ полмѣшка смѣшанной рыбы и ужъ во всякомъ случаѣ столько, что, по шуточному присловью, „будетъ чѣмъ отъ кошки боронищца“, особенно, если онъ ушелъ изъ дому тайкомъ, избѣжалъ путевыхъ встрѣчъ, не набрелъ на товарища и попадалъ на рыбныя мѣста.

Въ дополненіе къ сему рыболовъ воспользуется развѣ весьма важнымъ „принаднымъ“ предметомъ—человѣческою слюною, ближайшимъ образомъ—собственною. Удильщикъ обязательно троекратно плюетъ на насадку, будь это даже „живчикъ“, рыболовъ съ сѣтями—въ край, или корму послѣднихъ; троекратнаго поплевыванья не избѣгаютъ и ударные снаряды. Въ свою очередь это дѣлается и въ раскрытый ротъ первой пойманной рыбки... Приготовляя рыболовные снаряды и снасти, рыболовъ, по преимуществу, а его сотрудники, между прочимъ, оставляютъ тамъ и здѣсь свою слюну,—что сказывается въ безпрестанномъ смачиваньи ею пальцевъ при витьѣ, напр., лесы, снура, веревки, и откусываньи, но не отрѣзываньи тѣхъ и другихъ концовъ.

Удильщикъ почти не знается съ лодкою, корытомъ, плютомъ, а удитъ то съ берега, то забравшись на нависшее береговое дерево, на кладку, мостъ, или же по колѣно и по поясъ стоитъ въ водѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, переминаясь съ ноги на ногу, онъ мутитъ воду,—что составляетъ „принаду“ и совершенно необходимо при уженьи „пискашовъ“, которые въ семъ случаѣ большими стаями стекаются въ „замутъ“ и даютъ обильную добычу. Иные удильщики строятъ на сей случай короткую ($1^1/_2$ арш.) лесу, съ тремя и болѣе крючками, и утверждаютъ ее на

прутикѣ, длиною въ кнутовище. Поплавка въ такой удочкѣ нѣтъ, и удильщикъ узнаетъ о попавшейся рыбѣ только по дерганью удилища изъ рукъ. Какъ извѣстно, эта рыба, подобно окуню, ершу и др., не вызываетъ подсѣчки, такъ какъ хватаетъ насадку сразу и тутъ же глотаетъ ее; но и при уженьи чисто поплавочными удочками, удильщикъ тащитъ удочку лишь тогда, когда поплавокъ уходитъ съ поверхности воды, при чемъ, попавшаяся рыбка не подтягивается исподволь, а взмахомъ, иногда чрезъ голову, выкидывается удочкою на берегъ. Хотя такой пріемъ обрываетъ удочку, губу попавшейся рыбки, но деревенскій удильщикъ не разстается съ нимъ и не щадитъ трудовъ, когда ему приходится выходить и снова входить въ воду послѣ каждой пойманной рыбки...

Воспособляющими при рыболовлѣ предметами служатъ съ давнихъ поръ: а) „човны̀“—короткія, тупоносыя лодки-досчаники, по большей части, съ плоскимъ дномъ и широкимъ разваломъ. Такія лодки грузны, неповоротливы, медленно ходятъ, несмотря даже на то, что весломъ при нихъ состоитъ довольно широкая лопата, приводимая въ дѣйствіе дюжими руками. Благодаря опасенію, какъ бы „човинъ“ не разсохся, онъ все лѣто стоитъ на водѣ, а иной такъ и зимуетъ на ней,—что еще болѣе грузитъ судно, которое глубоко идетъ въ водѣ и которое, при длинѣ въ 4 и ширинѣ въ $1^1/_2$ арш., едва удерживаетъ двоихъ рыболововъ и мокрый „оборе̍цъ“.—б) Собственно лодка есть правильно отдѣланная „душегу̍бка“ съ пришитыми къ ней досчатыми бортами. Это судно значительно легче и само по себѣ, и на ходу, хотя оно не можетъ выдерживать груза больше „човна“; въ то же время существенная основа лодки, „душегу̍бка“, сработанная изъ осины, березы, или ольхи и липы, скоро прѣетъ и гніетъ.—в) „Душегу̍бка“—голое, безъ пришивныхъ бортовъ, судно—встрѣчается весьма рѣдко въ рыболовной обиходности, собственно потому, что она едва выдерживаетъ одного возрастнаго человѣка, да и тотъ

принужденъ быть крайне сдержаннымъ въ движеніяхъ. г) Гораздо чаще, на стоячихъ водахъ, можно встрѣтить извѣстную „кымя́гу, дубицу"—саженной длины корыто, изъ толстаго древеснаго ствола, доходящаго въ діаметрѣ до арш. и болѣе, съ прилаженными вдоль бортовъ объемистыми „крыльями", которыми бываютъ или цѣльныя бревна толщиною верш. въ 4, или брусья той же толщины. Несмотря на плоскодонность и стесанный низъ носовой части, судно движется медленно, сидитъ глубоко въ водѣ, такъ же скоро можетъ перевернуться, какъ и дýшегубка, и рыболовъ съ сѣтью выѣзжаетъ въ „дубицы" только при спокойной погодѣ, или при легкой ряби воды.—д) Когда нѣтъ возможности обзавестись такимъ и инымъ судномъ, или когда приходится вести рыболовлю на уединенномъ озерѣ, вдали отъ дома, тамъ, на мѣстѣ строится небольшой бревенъ въ 5 плотикъ, который сходитъ съ воды развѣ тогда, когда при весенней ломкѣ льда будетъ выброшенъ вмѣстѣ съ нимъ на берегъ... Отъ безсмѣннаго пребыванія въ водѣ плотикъ брякнетъ, и нѣтъ удивительнаго, когда чрезъ годъ рыболовъ увидитъ своего сотрудника мирно покоящимся на днѣ...

Въ заключительномъ словѣ о рыболовлѣ необходимо упомянуть о бичахъ ея, благодаря которымъ иныя богатыя рыбою водовмѣстилища недоступны для широкаго лова, иныя періодически пустѣютъ, а иныя и совершенно обезрыбѣли отъ истребительнаго хозяйничанья алчныхъ промышленниковъ. Этими бичами съ памятныхъ поръ служили:

а) „корчи, чапы"—затонувшія деревья то съ отпавшими, то еще держащимися сучьями, а также камни и подводные бугорки. Не препятствуя, а скорѣе помогая привольной жизни и размноженію рыбы, эти бичи могутъ окончательно погубить большой, дорогой снарядъ,—что, по разсказамъ старожиловъ, и случалось съ неводами „осташо́въ" на ловлѣ въ Гребенницкомъ оз., Вит. у., и въ Подео́льскомъ, Пол. у., откуда самонадѣянные

рыболовы извлекали лишь жалкіе обрывки.—Кромѣ естественнаго засоренія водовмѣстилища „корчами и чапами“ бываетъ и преднамѣренное, чтобы отвадить крупныхъ рыболововъ и тѣмъ сберечь рыбу для мѣстныхъ, удобно управляющихся со своими скромными снарядами.

б) Рыбные „тохи и дохи“ то совершенно обезрыбливаютъ водовмѣстилища, то уничтожаютъ въ нихъ наиболѣе нѣжную, цѣнную рыбу,—что возможно въ безпроточныхъ, мелководныхъ озерахъ во время суровой зимы безъ оттепелей. Тутъ рыба задыхается отъ недостатка свѣжаго воздуха и погибаетъ, сперва болѣе нѣжная, а за нею, отъ разложенія труповъ, и остальная. Немного помогаетъ дѣлу своевременно подоспѣвшая людская помощь: задыхающаяся рыба бьется къ прорубямъ, гдѣ и становится легкою добычею, извлекаемою даже руками. Такъ именно въ сравнительно недавнее (около 17—20 л.) время погибли и едва-ли развелись потомъ знаменитые лещи Дубокрайскаго оз., Нев. у., и такъ же періодически погибала наиболѣе нѣжная рыба въ Добѣѣ, Сельи и Вельи, Пол. у., и многихъ другихъ,—о чемъ окрестное населеніе вспоминаетъ и нынѣ.—Менѣе ужасны по своимъ послѣдствіямъ „тохи и дохи“ отъ мочки льна и пеньки въ рѣкахъ и небольшихъ озерахъ. Въ первыхъ рыба гибнетъ лишь въ промежномъ пространствѣ между одною грядою замоченнаго и другою, а во вторыхъ—самая нѣжная рыба, тогда какъ лини, караси и гольцы ютятся около замоченнаго и пользуются даже его слизью.

в) „Труцизна“ рыбы, такъ преслѣдуемая закономъ, и властями, составляла въ бытописуемое время одинъ изъ легкихъ и, къ сожалѣнію, распространенныхъ способовъ рыболовли, какъ въ рѣкахъ, такъ и озерахъ, гдѣ каждый разъ, безъ пользы для преступнаго охотника, погибало 99% рыбы, особенно, если отравляющій составъ приготовленъ неумѣло [945]) и у рыболова нѣтъ лодки и сачка для поимки добычи. Соотвѣтственная рыбная ги-

бель въ Двинѣ и крупныхъ притокахъ ея вызывалась охотою на шересперовъ, когда удильщикъ принужденъ хотя-не-хотя травить рыбу, чтобы привлечь къ мѣсту бойкихъ алчниковъ.

г) Кромѣ выдръ, норокъ и чаекъ, рыболовными бичами являются раки, неустанно пожирающіе рыбью икру и мелкорыбицу, и гдѣ есть много раковъ, тамъ подростающее поколѣніе не можетъ пополнять убыли, производимой хотя бы и правильною рыболовлей. Къ счастію, эти бичи внезапно, иногда на нѣсколько лѣтъ сряду, исчезаютъ изъ водовмѣстилищъ и, пока разведутся новые, размножится рыба, оживится рыболовля.

д) Въ нѣкоторыхъ водовмѣстилищахъ замѣчается въ иной годъ то особенное обиліе, то непонятное уменьшеніе рыбы, низводящее рыболовлю до крайнихъ предѣловъ. Какъ и чѣмъ объяснить это неоспоримое явленіе—пока что не отвѣчаютъ наличныя свѣдѣнія о жизни рыбъ. Простолюдинъ видитъ здѣсь новый бичъ во образѣ „рыбнаго царя“ [946]), который перегоняетъ рыбу изъ одного водовмѣстилища въ другое...

е) Наконецъ, неунимающимися и непредотвратимымъ бичомъ рыболовли являются тѣ потребители „клэйненьки плотыцки“, которые далеко не въ „клэйненькомъ“ числѣ облегли край и наложили руку на водовмѣстилищныя богатства его. Чтобы видѣть дикія проявленія этого бича, такъ стоитъ, во-первыхъ, побывать въ пятничные базары въ рыбныхъ рядахъ, а во-вторыхъ—на мѣстѣ рыболовли, откуда доставляются „клэйненьки плотыцки“: тутъ густо вязаный снарядъ, ячейки котораго едва пропускаютъ горошинку, извлекаетъ изъ воды нынѣшнихъ выводковъ, которымъ нѣтъ пощады ради юности, нѣтъ отпуска для подроста и размноженія, какъ это дѣлается при человѣчной рыболовлѣ и какъ это выполняли когда-то „осташи“!.. И тотъ мужикъ, который частенько поѣдалъ настоящую „рыбину“ [947]), придерживая ее у рта обѣими руками, теперь чуть не съ бою лакомится „клэйненькими плотыцкыми“, пріобрѣтаемыми на базарѣ и прошедшими

нѣсколько рукъ да потерявшими свои юныя головки, въ то время, когда злополучнымъ удильщикамъ и на самомъ дѣлѣ уже „нечѣмъ отъ кошки одборонuцца“, а остальнымъ рыболовамъ, потратившимъ время и трудъ, обмочившимся выше пояса, продрогшимъ отъ сырости и холода, приходится возвращаться съ едва замоченною торбою, потому только, что во время рыболовли она висѣла подъ мышкою, или покоилась въ мокрой кормѣ судна. При всемъ томъ, съ наступленіемъ рыболовнаго періода, у рыболова-охотника воскресають надежды, что авось „рыбный царь подгонитъ рыбы“, подойдетъ рыба сама собой, или подоспѣютъ другія благопріятныя условія рыболовли—и удильщикъ „сўчиць лѐски“, мастеритъ крючки, приготовляетъ удилища, а его болѣе положительный товарищъ чинитъ сѣти, сооружаетъ ихъ заново...

Когда деревлянинъ называлъ свое мѣстожительство „нàдто звярлuвымъ“, онъ тѣмъ самымъ удостовѣрялъ, что тамъ водится множество медвѣдей и волковъ; съ этими врагами, кстати сказать, одного лишь скотоводства онъ велъ явную и скрытую борьбу: устроеніемъ крѣпкихъ запоровъ онъ не столько ограждался отъ злыхъ людей, сколько отъ неумолимыхъ дикихъ хищниковъ, отправлялся въ путь съ надежными „урўчинами“ и своихъ конопасовъ да пастуховъ вооружалъ неменѣе надежными „дубuнинами“ [948]). На первый взглядъ борьба съ этими врагами сужается до обороны и отогнанія такихъ осязательныхъ губителей, какъ медвѣди и волки. Но едва-ли меньшую борьбу приходилось вести деревлянину и съ остальными дикими животными, отъ которыхъ нужно было ограждать огородныя и садовыя насажденія, посѣвы, даже сѣножать, равно какъ хлѣбныя и сѣножатныя складища. Этой борьбы онъ не считалъ за настоящее дѣло, быть можетъ, потому, что истребители не отнимали послѣдняго и при столкновеніи не оказывали опаснаго сопротивленія: стоитъ появиться человѣку, собакѣ, стоитъ махнуть рукою, бросить палкою, камнемъ

—и враги спѣшно удаляются; тутъ какъ будто и не борьба, а съ одной стороны проявленіе владычной воли земного властелина, а съ другой—послушное подчиненіе той же волѣ... Однако, по суммѣ приносимаго вреда, второстепенные враги хозяйства на самомъ дѣлѣ призывали къ той же неустанной борьбѣ, преслѣдованію, огражденію, и тѣмъ болѣе, что они бывали не малочисленными, легко укрывающимися при хищеніи, какъ и во время преслѣдованія. Теперь, пожалуй, трудно повѣрить эпизодамъ такой борьбы, несмотря даже на то, что ихъ передаютъ „живыя старыя граммы", непосредственные участники борьбы. Такъ, въ одномъ мѣстѣ дѣды и отцы, вооруженные кольями да жердями, при екоповомъ гикѣ, не разъ прогоняли съ пахоты лося, „сарну, дика" [949]), при чемъ, въ побѣдоносныхъ случаяхъ, имъ удавалось загнать непріятеля въ загорожу, строеніе, въ воду, въ оврагъ, и тутъ доканать его; въ другомъ мѣстѣ опять же не разъ приходилось выгонять зайцевъ изъ сада, капусты или гороха, при чемъ непріятель запутывался въ скрученныхъ стебляхъ растенія и становился добычею преслѣдователей [950]); тамъ періодически нужно бывало прогонять тетеревей изъ „лядовыхъ посѣвовъ", или оспаривать у нихъ брусничныя да черничныя мѣста, здѣсь—дѣти принуждены были выгонять цѣлыя стаи дикихъ утокъ изъ прибрежныхъ посѣвовъ, луговинъ и огородовъ, при чемъ своими единственными орудіями—палками и хворостинами они заколачивали и засѣкали дерзкихъ враговъ [951])... Все это нѣсколько граничитъ со сказочными повѣствованіями, и не имѣй мы подъ руками данныхъ о борьбѣ первобытнаго человѣка съ окружающими его врагами изъ міра животныхъ, да не опирайся на повѣсть личныхъ участниковъ той же борьбы, мы вправѣ были бы отвернуться отъ вымышленнаго сказа, которому текущая дѣйствительность не даетъ ни малѣйшаго подтвержденія.

Помянутая борьба съ врагами изъ міра животныхъ—далеко еще не охота въ общепринятомъ смыслѣ: послѣднюю обыкновенно

создаетъ или погоня за средствами къ жизни, промыселъ, или досужее развлеченіе, поиски сильныхъ ощущеній. Во всѣ памятныя времена, а въ бытописуемое—по преимуществу, скромный „земле-пàхъ“ вполнѣ обходился „працый рукъ“ надъ сохою и косою, изъ-за которыхъ онъ не смѣлъ помышлять объ охотничьихъ развлеченіяхъ, а до погони за сильными ощущеніями ему не было и нужды. Такимъ образомъ житейское положеніе деревлянина не создавало изъ него охотника, и если гдѣ объявлялся „стралèцъ“, такъ онъ мелькалъ значительно рѣже, чѣмъ „рыболòвцы“, и носилъ это имя потому только, что имѣлъ кое-какую „стральбỳ, ружйну“, изъ которой „палйвъ“ кое-когда то „на пыливàнню“ [952]), то въ цѣль, не щадя ни товарищеской, ни собственной шапки; эта послѣдняя, изсѣченная дробью, часто съ оторванными кусками и съ половиннымъ козырькомъ, въ будни и въ праздникъ прикрывала непутную на окрестный взглядъ голову „полёвщика“, котораго въ одно и то же время недолюбливали и страшились изъ-за смертоносснаго оружія. Будь и иначе, т. е. найдись симпатичный охотникъ, посвяти онъ себя всецѣло промыслу, будь онъ счастливъ на охотѣ—что дѣлать и куда дѣвать добычу? Помѣщичьи ледники всегда бывали не бѣдны запасною отборною дичью, скопляемою собственными охотами и обязательными приносами ловчихъ и лѣсничихъ; другіе окрестные, кстати, немногочисленные потребители дичи обезцѣнивали таковую до стоимости потраченнаго заряда; сбытъ же таковой въ городахъ и мѣстечкахъ не всегда могъ состояться, потому что въ крѣпостное время пути туда бывали трудными, рѣдкими. Оставалось бы пользоваться дичью на собственныя надобности; но вѣдь тетеревъ, рябчикъ, куропатка, утка, или заяцъ, сваренные въ какой-нибудь „поливцы. крупèни“ не дадутъ накипа, суповаго отвара, а зажаренные въ видѣ „пячи́ста“, безъ обычнаго шпигованья, они не балуютъ вкуса, не даютъ сноснаго будничнаго блюда. Нѣсколько иное дѣло добыча отъ краснаго звѣря: шкура можетъ дать чуть не со-

стояніе; но на такую охоту нужна смѣлость, навычность, надежное ружье и, въ дополненіе, правильный сбытъ,—что опять же возможно и привлечетъ къ дѣлу наиболѣе рѣдкаго охотника.

Такимъ образомъ, чтобы объявиться охотникомъ, этому послѣднему нужно въ значительной мѣрѣ отрѣшиться отъ „землепáха“, выработать охотничью сноровку и навычность, пренебречь нерасположеніемъ среды, выдерживать укоризну и насмѣшки, переносить боязливое отношеніе къ себѣ и своему оружію нерѣдко самыхъ близкихъ лицъ, иногда таиться съ охотничьимъ товарищемъ, а главное—изыскать средства и пути къ пріобрѣтенію ружья и нераздѣльно съ симъ изыскивать средства къ пріобрѣтенію пороха, дроби, пуль и проч. Все это въ свое время составляло такія преграды, перейти которыя доступно было немногимъ избранникамъ, несмотря на то, что многихъ и очень многихъ тянуло къ ружью и къ охотѣ. Въ самомъ дѣлѣ: какъ устоять охотничьему влеченію, когда тутъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега, густыми стаями плаваютъ не чирки какія-нибудь, а кряквы да гуси, безбоязненно смотрящіе на прохожаго? Можно ли равнодушно смотрѣть на громадныя стаи тѣхъ же водоплавающихъ, когда весною и осенью онѣ перемѣщаются изъ одного водовмѣстилища въ другое да оглашаютъ крикомъ при-водную окрестность? Можно ли оставаться равнодушнымъ къ стайному подъему изъ-подъ ногъ одного или нѣсколькихъ рябчичьихъ выводковъ, тутъ же осѣдающихъ на деревьяхъ, выслушивать ихъ металлическій пискъ въ пору свариванья (въ августѣ и весною)? что дѣлать, когда еще большія стаи тетеревиныхъ выводковъ, взорвавшись изъ-подъ ногъ, размѣстятся по сосѣднимъ деревьямъ, откуда любопытный „чарнышъ“ и его желтоперыя подруги высматриваютъ нарушителя ихъ наземнаго похода? Что дѣлать, наконецъ, когда тетеревиныя стаи, подобно вороньимъ, густыми точками повиснутъ на сучьяхъ и вѣтвяхъ при-болотнаго лѣса осенью, когда нѣсколько меньшія стаи качаются на оголенныхъ деревьяхъ зимою, у са-

мой дороги, или стономъ-стонутъ косачи весною, своими пѣснями какъ бы вторящіе ручейковому журчанью? Но кромѣ такой крупной приманки, кромѣ дикой мелкоты—юркой сѣрой куропатки, хохочущей (весною) пардвы [953]), куликающаго кроншнепа, харкающей „слонки" [954]), стонущаго голубя—сколько еще охотничьей приманки даетъ безбоязненно подходящая къ усадьбѣ лисица, заяцъ, или ютящіяся въ ближнемъ водовмѣстилищѣ выдра и норка! При всѣхъ такихъ, несомнѣнно, богатыхъ дарахъ сколько разъ устами и думою повторено будетъ: „вотъ кабы ружье"!.. И тянется „землепахъ" къ дорогому предмету, обходитъ семейныя и житейскія преграды, дѣлается „стральцомъ, полёвщикомъ", какъ скоро пріобрѣтетъ ружье и необходимыя принадлежности ружейной охоты.

Подъ именемъ „ружжа, ружины, стральбы, фузеи, зыпасины, крамселя, крамсельки" и проч., охотничье ружье входило въ обиходность деревлянина довольно неуловимыми путями—мѣною, отработкомъ, подаркомъ, одолженіемъ [955]) и случайною, выгодною покупкою у промотавшагося охотника, ловчаго, или, за ненадобностію—у мелкихъ шляхтичей, отпущенныхъ, б. дворовыхъ,—часто за сущіе пустяки, за нѣсколько рюмокъ водки. Два общія условія удерживались за пріобрѣтаемыми ружьями: они поступали къ охотнику „подержанными" и вели происхожденіе или „отъ хранцуза" (въ первое 10-тилѣтіе), или были „мятежными" (послѣ 1863 г.). Въ томъ и другомъ случаѣ иногда и на самомъ дѣлѣ недурной „цволъ, стволина" почитался счастливою находкою при землекопной работѣ, въ дуплѣ дерева, или же, при всей трудности дѣла, его сберегъ тотъ и другой предокъ, укрывая въ землѣ, зерновомъ хлѣбѣ, въ соломѣ, заткнувъ въ крышу, и проч. [956]). Такой „цволъ", часто съ случайнымъ замкомъ, вправлялся въ самодѣльную „осаду" (ложе), чуть-чуть напоминающую настоящую ружейную [957]). Что можно было додѣлать въ мѣстной кузницѣ (шомполъ, банку, ушко), то додѣлывалось; въ противномъ

случаѣ „цволъ“ прикрѣплялся къ ложу проволокою, надежною бечевкою, пята его и замокъ—подходящими гвоздями, а потерянная, или недостававшая дужка (надъ собачкою) не составляла чего-нибудь существеннаго и новою не замѣнялась. Если „стволина“ толстостѣнная (а такая надежнѣе), „осáда“ толста, есть полные металлическіе доборы, то охотничье ружье вѣсило 10—15 фун ,—что, при веревочной, даже поясной почепкѣ, немилосердно рѣзало плечо и вызывало неустанное перемѣщеніе почепки съ одного плеча на другое, или же обязывало по-смѣнно нести въ рукахъ, пока тѣ не замлѣютъ.

Какимъ-то роковымъ дополненіемъ упоминаемыхъ ружей служила невѣрность, искривленность ствола, благодаря которой благоустроенное, повидимому, ружье въ рукахъ завѣдомаго стрѣлка то „высило, то низило, то бочило, то рысцыпáло, то било кулій“ [958]). Настоящій хозяинъ зналъ ту или другую придурь ружья и стрѣливалъ изъ него относительно успѣшно; но это же состояніе ружья въ связи съ внутреннею ржавчиной, залежавшимся или превышеннымъ зарядомъ [959]), помимо чувствительныхъ толчковъ въ плечо („ружжё тувхаицъ, оддаёцъ“), не разъ приводило къ разрыву ствола, увѣчью охотника, послѣ чего „дорогéй цволъ“ передѣлывался „ны лимяши“, серпы, топоры и ножи...

Въ такомъ нестроеніи ружья охотникъ видѣлъ или личный недостаточный навыкъ въ стрѣльбѣ, или чародѣйную порчу ружья злыми завистниками, или же возможную въ охотничьемъ дѣлѣ незадачу, несчастье. Тутъ онъ прибѣгалъ къ невѣдомымъ нынѣ средствамъ исправленія ружья, стрѣльбы и своего счастья, изъ коихъ многія (средства) довольно преступны и дики. Оставивъ послѣднія, нелишне познакомиться съ остальными, имѣвшими живое мѣсто въ охотѣ; у грамотныхъ охотниковъ эти средства бывали записаны въ отдѣльной тетрадкѣ, носились при себѣ, какъ и извѣстный „Сонъ Богородицы“. Вотъ эти средства [960]):

а) „Застрѣли воробья, стараясь подойти сколько можно ближе, чтобъ испорченное ружье могло убить съ дроби его. Ежели ружье колдовствомъ испорчено, воробья наповалъ не убьешь.— Голову сего воробья всади на пыжевникъ, чтобъ можно было оную въ стволъ впустить и ею внутри вездѣ вытереть. Послѣ сего возьми бѣлую луковицу, натри оною ветошечку; но прежде, и луковицу всадя на пыжéвникъ, тоже внутри ствола вытри, а потомъ натертою лукомъ ветошечкою. Сдѣлавъ сіе, заверни воробьиную голову и луковицу въ ту же ветошечку и повѣсь въ дымовую трубу: ружье отъ сего исправится, да и пріятель, сдѣлавшій пакость, окажется.—Чрезъ нѣсколько дней повѣшанную ветошечку выбрось вонъ, а изъ ружья застрѣли первую попавшуюся птицу, хотя и маленькую. Ружье заряди порохомъ; на оный положи убитую птичку, или хотя часть оной, и выстрѣли на воздухъ“.

б) „Когда ружье испорчено (разумѣется, колдовствомъ), то застрѣли удода или сою, тотчасъ вырви изъ ней сердце и вытри онымъ внутри ствола; послѣ того вытри ветошечкою, натертою лукóмъ. Сердце и луковицу завяжи въ тряпочку и повѣсь въ дымномъ кóминѣ; чрезъ нѣсколько дней ветошечку изъ трубы вынь, вытри оною стволъ внутри, а ветошечку брось въ рѣку: послѣ сего ружье начнетъ стрѣлять попрежнему“.

в) „Возьми чернушки, воробьинаго кала и крѣпкаго уксуса, положи все сіе въ ружейный стволъ, и, заткнувъ все оное, оставь на сутки. Потомъ ружье вычисти, а бывшее въ немъ закопай въ землю подъ порогомъ“.

г) „Когда ружье сдѣлается легко на рану: выверни казенный шóрубъ и положи стволъ на сутки въ текучую воду, такъ, чтобы вода лилась сквозь него; вложи послѣ того стволъ опять въ ложе. Когда изъ онаго убьешь первую дичину, кровью оной вымажь стволъ“.

д) „Когда ружье живитъ: заряди ружье однимъ порохомъ; но прежде должно имѣть пойманную живую молоденькую змѣю: пусти оную въ стволъ и послѣ того выстрѣли въ дубовое дерево. Ружье сдѣлается тяжелѣе на рану.

е) „Еще лучшее и испытанное средство: вынь ружье изъ ложа и постарайся найти слѣпую змѣю, или мѣдяницу; впусти оную въ ружье, заткни стволъ и оставь такъ на сутки, чтобъ мѣдяница умерла. Вытряси змѣю сію вонъ; ружье заряди, опять впусти мѣдяницу въ стволъ и выстрѣли на воздухъ. Со удивленіемъ увидишь, какъ жестоко начнетъ послѣ того бить то же ружье. Если пуля хотя нѣсколько звѣря зацѣпитъ, оный далеко не отбѣжитъ. То мѣсто, въ которое попала пуля, на ладонь шириною около раны будетъ какъ бы воспалено и сожжено, отчего звѣрь тотчасъ умираетъ. Такое дѣйствіе въ ружьѣ остается навсегда, пока оное не будетъ вышустовано сверломъ“ [961]).

ж) Въ тѣхъ же цѣляхъ весьма полезно вытирать внутри ствола теплою кровью каждаго застрѣленнаго животнаго немедленно послѣ выстрѣла, пока не остылъ стволъ; дѣлать это нужно мизинцемъ правой руки.

з) Нужно ли мазать кровью внутри ствола, или не нужно, охотникъ вновь заряжаетъ ружье при застрѣленномъ животномъ, наступивъ на него ногою, и только тогда убираетъ и разсматриваетъ животное, когда окончательно управится съ ружьемъ.

и) Когда охотникъ не полагается на смертоносный выстрѣлъ изъ своего ружья, тогда онъ запасается нѣсколькими дробинками, извлеченными изъ застрѣленнаго раньше животнаго: достаточно прибавить къ заряду одну такую дробинку—и выстрѣлъ будетъ вѣрнымъ, смертоноснымъ. Въ соотвѣтственной мѣрѣ помогаютъ дѣлу и такія дробинки, которыя извлечены изъ растущаго дерева, преимущественно, ясеневаго; но дробинки изъ сухого дерева парализуютъ вѣрный выстрѣлъ наиболѣе мѣткаго стрѣлка.

і) Если кто самолично приготовляетъ дробь и пули, то лить ихъ, или обдѣлывать другимъ образомъ онъ долженъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда солнце вступаетъ въ знакъ Стрѣльца, или въ тотъ срокъ, когда луна коснется того же знака, при чемъ весьма полезно перетирать вырабатываемыя пули и дробь порошкомъ дерева, разбитаго молніей. Тѣмъ же порошкомъ нужно вытирать форму, въ которую отливаются пули...

Въ дальнѣйшемъ развитіи охотничьихъ тайнъ и предупрежденій можно встрѣтиться и съ такими: чтобы подстрѣленный звѣрь не ушелъ далеко отъ кнеи, изъ желаннаго мѣста, то нужно осторожно вырѣзать кусочекъ земли, гдѣ кое-какъ отпечатался слѣдъ звѣря, поднять его (кусочекъ земли) и перемѣстить пяту на мѣсто пальцевъ,—это заставитъ звѣря „пойти въ пяту"... Если кто опасается порчи ружья колдовствомъ, а это можетъ быть сдѣлано прикосновеніемъ къ ружью, опущеніемъ пальца въ стволъ и даже заочно, по звуку выстрѣла, тотъ не долженъ давать своего ружья стороннему лицу въ руки; выходя же на охоту, онъ долженъ вынуть шомполъ, ткнуть имъ три раза въ землю, опустить въ стволъ и потомъ, вложивъ шомполъ на свое мѣсто, три раза ткнуть въ землю стволомъ; въ то же время ружейный кремень необходимо обвертѣть корнемъ бѣлаго звѣробоя или крестоваго корня... Полученныя отъ выстрѣла раны у человѣка и животныхъ успѣшно залѣчиваются „ра́ннымъ древомъ", которое есть ясеневый прутъ, срѣзанный въ полночь на Купалу или въ рождественскую коляду. Такой прутъ долженъ быть срѣзанъ однимъ взмахомъ ножа и раздробленъ на вершковыя чурочки, изъ коихъ каждая тутъ же должна быть расколота пополамъ. Рана натирается два раза въ день одновременно обѣими плашечками, которыя потомъ соединяются и въ такомъ видѣ лежатъ до новаго натиранья...

Массою такихъ тайнъ и предупрежденій бываетъ обставлена охота деревенскаго „стрильца". Среди нихъ довольно трудно уловить тѣ, что примѣняются на самомъ дѣлѣ, собственно, потому,

что многіе ружейные охотники болѣе остальныхъ любятъ прикрасы, и, какъ удостовѣряетъ опытъ, къ ихъ часто содержательнымъ разсказамъ приходится относиться нѣсколько сдержанно. Гораздо существеннѣе для настоящаго бытописанія внѣшніе пріемы, снаровка и обычаи охоты, какъ и немногочисленные предметы воспособленія, кои составляютъ повсюдное, необходимое дополненіе охоты, по преимуществу, ружейной.

Если ружейный охотникъ иногда таится отъ семьи, сосѣдей и встрѣчныхъ, то онъ весьма охотно сходится съ товарищемъ и даже компаніей охотниковъ: въ семъ случаѣ они устраиваютъ облаву на утокъ, тетеревей и зайцевъ безъ всякаго собачьяго пособничества и, не въ примѣръ рыболовамъ, безъ вражды и зависти относятся къ удачѣ и успѣхамъ компанейца. Тутъ, кажется, вопросъ не въ томъ, кто именно успѣлъ на облавѣ, а—лишь бы успѣлъ, лишь бы достигнута цѣль: самыя удачи и неудачи раздѣляются всѣми, о нихъ судятъ, какъ и о личныхъ. Всѣ такія облавы составляются спѣшно, идутъ дружно, при возможной компанейской предупредительности, и если онѣ составляются относительно рѣдко, такъ лишь потому, что немногіе охотники умѣютъ стрѣлять по движущейся дичи, гдѣ такъ возможна „пу́дла“, а съ нею и трата дорогого заряда. Между прочимъ, это обстоятельство сводитъ „охво́ту“ до стрѣльбы по неподвижной дичи, при чемъ самая стрѣльба бываетъ „съ подхо́ду, подъѣзду и на сѣжи“.

Дѣло „съ подхо́домъ“ ведется во всѣхъ случаяхъ, когда нужно приблизиться къ замѣченной дичи. Тутъ, подъ прикрытіемъ дерева, куста, камня, пригорка, охотникъ пройдетъ на цыпочкахъ чуть не верстовое разстояніе, балансируя почти акробатически, сдерживая дыханіе и не сводя глазъ съ дичи. Такъ подходятъ къ глухарямъ и тетеревамъ на току [962]), когда они на деревѣ; такъ подходятъ съ подвѣтреной стороны и къ зайцамъ, когда тѣ въ лѣтній вечеръ теребятся отъ комаровъ, а зимою,

при мелкомъ снѣгѣ, снуютъ ночью по озимямъ, или около осиновыхъ хворостинъ. При сравнительной трудности зимняго „подхода“ къ зайцамъ и тетеревамъ, это дѣло отправляется „подъѣздомъ“ на дровняхъ: тутъ, благодаря указанію „за̀йчiихъ пицѐль“, можно подъѣхать къ самому логову, можно смѣлѣе приблизиться къ зайцу на озимяхъ и стрѣлять тамъ и здѣсь просто въ упоръ; въ то же время можно подъѣхать на вѣрный выстрѣлъ и къ отдыхающимъ на деревьяхъ тетеревамъ. Подъѣзжающій охотникъ лежитъ въ саняхъ то бокомъ, въ сторону дичи, то навзничь, съ каковаго положенія онъ стрѣляетъ. Если требуется подъѣхать къ водоплавающимъ, то это дѣлается на суднѣ, или плотѣ, заботливо обставленномъ хворостомъ, еловыми вѣтвями, среди которыхъ скрывается охотникъ [963]).

Приближеніе къ дичи „съ подпо̀взу“ труднѣе предыдущихъ: здѣсь, иногда не обходя попутной грязи, ложбинъ, бугровъ, охотникъ движется на колѣняхъ съ согнутою спиною, или буквально ползетъ на груди и животѣ и тащитъ ружье. Если онъ увлекся дичью и своимъ движеніемъ, забылъ осторожность, то зацѣпившееся куркомъ ружье дѣлаетъ неожиданный, нерѣдко съ печальнымъ исходомъ выстрѣлъ. Во всякомъ случаѣ стрѣльба „съ подпо̀взу“ обходится охотнику дороже всякой иной стрѣльбы; но какъ здѣсь, такъ и при другихъ случаяхъ охотникъ не считаетъ трудовъ и дорожитъ дичью ради того и тогда, когда она „сядйць на цѣлику“ [964]).

Самая пріятная, спокойная, хотя и призывающая къ предварительнымъ трудамъ стрѣльба бываетъ на „сѣжи“. Эта стрѣльба идетъ съ разсчитаннаго мѣста, къ которому дичь приманивается вабленіемъ, различными съѣдобными приманками, или чучелами. Вабленіе дичи при помощи дудочки (вабика) производится лишь на рябчиковъ (въ августѣ и весною), и единственнымъ снарядомъ здѣсь служитъ „пищикъ, или пищёлка“ изъ тонкой птичьей косточки, обработанной на подобіе свирѣли, съ однимъ

клапаномъ, передъ которымъ косточка перегораживается внутри воскомъ. Остальную дичь, до волка включительно, вабятъ голосомъ, неподражаемо точнымъ воспроизведеніемъ призывныхъ звуковъ того или другого животнаго: волчій вой, заячье ауканье, утиный крякъ, тетеревиное „чувышь, болмотáння, квóки" и т. под. продѣлываются съ подлинною копировкой, при чемъ охотникъ ютится подъ прикрытіемъ хвороста, или за деревомъ, кустомъ, камнемъ, въ ямѣ.

„Сѣжа" со съѣдобною приманкою требуетъ построенія будки на разстояніи выстрѣла отъ поклажи. Приманкою для хищниковъ обыкновенно служитъ падаль, а пріютомъ для охотника —полати на деревѣ [965]), землянка, или какое-нибудь отдаленное строеніе; приманкою для зайцевъ служатъ овсяные снопики, для тетеревей—ягоды. Сверхъ сего, при весенней охотѣ (вабленіе) на утокъ и при осенней (загонъ) на тетеревей, употребляются утиныя и тетеревиныя чучела—весьма грубыя подобія этихъ птицъ, у рѣдкихъ охотниковъ сработанныя изъ подлежащей шкуры съ перьями. Утиный болванъ на ниткѣ, или на снуркѣ откидывается въ воду, а тетеревиный на длинномъ шестѣ уставляется между сучьями, въ вѣтвяхъ дерева: то вабленіемъ, то загономъ [966]) подлежащія птицы привлекаются къ болванамъ, которыхъ онѣ начинаютъ клевать и колотить, и попадаютъ подъ выстрѣлъ улыбающагося ожесточенной дракѣ охотника [967])...

Было ли ружье „крамсéлька" [968]) (въ первое 10-тилѣтіе), или „пистунóвка" (во второе), владѣтель его, охотникъ, исподволь обзаводился слѣдующими предметами: а) сумкою изъ барсучьей шкуры, которая ставилась шерстью наружу, или мастерилъ подобную сумку изъ обработанной кожи, изъ старыхъ голенищъ, въ прибѣдненныхъ случаяхъ—изъ кусковъ суконной, даже холщевой домотканки. Сюда не клалась дичь, а только дополнительныя принадлежности: б) пороховой рогъ—коровій или козій, кое-какъ обработанный личными усиліями, со вставнымъ

деревяннымъ дномъ и затычкою, какъ въ нюхательномъ рожкѣ, и вмѣщавшій около $^1/_4$ ф. пороху. При немъ нераздѣльно висѣла на привязи в) „мѣрка"—маленькій бездонный рожокъ емкостью въ ружейный зарядъ, опять же личнаго изготовленія. г) „Шры(о)товница" дѣлалась изъ двухъ сшитыхъ кусковъ случайной кожи, съ тонкою, какъ продѣть палецъ, шейкою, куда вставлялась „барилка"--деревянный цилиндрикъ около вершка длиною: „шротъ" (дробь) всыпался и высыпался изъ „шрытовницы" только чрезъ это устье. При „крамсéлькахъ" совершенно необходима была д) „отвёртка", которою являлась то настоящая отвертка съ деревянною посадкою, то подходящій кусокъ желѣза; въ крайнемъ случаѣ „отверткою" бывалъ поясной ножъ.—Съ появленіемъ и распространеніемъ „пистунóвокъ" въ сумку охотника прибыла е) „пистóнница"—крохотная „шротовница", или кое-какая коробочка для пистоновъ.—ж) „Ладýны(о)къ"—жестяной патронъ для заряда, перегороженный внутри стѣнкою—только мелькалъ въ обиходности охотника и попадалъ сюда въ одиночку, случайными путями. з) „Кýли" можно было найти въ сумкѣ почти каждаго охотника, и онѣ имѣлись тутъ на случай стрѣльбы по крупному звѣрю—медвѣдю, или лосю; пули валялись въ сумкѣ запросто, незавернутыми. Для стрѣльбы по менѣе крупной дичи—глухарю, гусю, большому нырку, зайцу, козѣ, даже волку, въ той же сумкѣ держались и) „дранкýльки" [969])—ружейная картечь, обыкновенно завязанная въ тряпочку. Что же касается послѣднихъ принадлежностей—„пáкулля" (для пыжей) и кремней, то первое покоилось поверхъ охотничьяго склада въ сумкѣ, удерживая мелочь отъ выпаденія, а вторые болтались на днѣ ея вмѣстѣ съ пулями.

Не трудно видѣть, что сумочный складъ, совершенно необходимый при охотѣ, много-много мѣшалъ той же охотѣ. Такъ, заряжая ружье вслѣдъ за выстрѣломъ, охотникъ достаетъ немного „пáкулля", чтобы прочистить стволъ; потомъ онъ достаетъ по-

роховой рогъ съ „мѣркой“, отсыпаетъ зарядъ, кладетъ рогъ на мѣсто и оттуда вынимаетъ „пáкулля“ для перваго пыжа; далѣе достаетъ „шрытовницу“, отмѣряетъ дробь, кладетъ на мѣсто и добываетъ второй пыжъ; снарядивъ ружье, охотникъ въ заключеніе достаетъ пороховой рогъ снова, чтобы насыпать пороху на „пáны(о)вку“ (при кремневомъ ружьѣ), или чтобы запустить пороху „у кымянóкъ“ (въ пистонномъ ружьѣ), достаетъ, наконецъ, пистонъ. Такимъ образомъ, при одномъ лишь зарядѣ, рука охотника опускается въ сумку, по меньшей мѣрѣ, пять разъ. Если къ этому присоединить выемку шомпола, чистку ствола, заколачиванье пыжей, то ружье можетъ быть заряжено въ такой срокъ, въ который опуделеванное животное успѣетъ скрыться чуть-ли не за тридевять полей... Кромѣ того сумочный складъ заявляетъ о себѣ даже при спокойномъ движеніи охотника: когда же послѣдній бѣжитъ, то въ сумкѣ зачинается просто барабанная трескотня, слабо унимающаяся при поддержкѣ сумки рукою... Сколько по сему, столько и по нуждѣ, большинство охотниковъ размѣщаетъ скромныя дополненія по карманамъ, при чемъ пороховой рогъ и пистонница держатся за пазухой, или въ карманѣ портковъ; на сторонній взглядъ такой охотникъ представляется лишь переносящимъ ружье... Носитель ружья!.. Но вѣдь то же можно сказать и о многихъ ружейныхъ охотникахъ, имѣющихъ благоустроенныя охотничьи дополненія, въ видѣ яхташа, патронташа и проч. Вѣдь добыча не дается охотнику по заказу, по предварительному разсчету, и предметъ охоты имѣетъ тотъ просторъ, какой предоставляетъ ему вольное поднебесье, лѣсная глушь, полевая или степная ширь,—что далеко не похоже на предметъ рыболовли, который, такъ сказать, запертъ иногда въ довольно ограниченномъ пространствѣ. Если деревенскій охотникъ оказывается болѣе частымъ носителемъ ружья, но не дичи, такъ помимо того, что въ его пользованіе поступаетъ послѣднее, съ придурью ружье, стрѣляющее шаговъ на 30, помимо недостатка практической стрѣльбы,

приходящейся „годы въ рады", деревенскій охотникъ дорожитъ зарядомъ и выпускаетъ его лишь тогда, когда выстрѣлъ можетъ быть вѣрнымъ, точнымъ, а это нерѣдко приходится одинъ разъ на три-четыре охотничьихъ похода. При такихъ условіяхъ, да при окрестномъ нерасположеніи къ ружью, стрѣльбѣ и охотнику, послѣдній жалокъ среди охотниковъ другихъ видовъ. Это сознаетъ и самъ ружейный охотникъ, когда придетъ въ зрѣлый возрастъ, спокойно разстается съ ружьемъ и охотой году на сороковомъ; по крайней мѣрѣ, практическая жизнь рѣдко поставляетъ ружейнаго охотника свыше такихъ лѣтъ.

На ружейной стрѣльбѣ далеко не заканчивается охотничья погоня за дичью, и какъ ружейный, такъ и безружейный охотникъ пользуется еще другимъ снарядомъ для поимки „омилу̂шекъ" куропатокъ, голубей, рябчиковъ, тетеревей, бѣлокъ, зайцевъ, хорьковъ, горностаевъ, норокъ, выдръ, лисицъ, даже волковъ и медвѣдей. То полностью, то по частямъ въ охотничьей обиходности встрѣчаются:

1. „Сѣтка", которую правильнѣе можно назвать „нòротомъ" или по сходству его съ рыболовнымъ, или же по употребленію послѣдняго на охотничьи надобности. Главнымъ образомъ „сѣтка" употребляется для поимки куропатокъ, когда тѣ цѣлыми стами прибываютъ на токъ и въ пуню, во время снѣжной, морозной зимы. Для приманки голодныхъ куропатокъ въ снарядъ, достаточно насыпать на землю какой-нибудь мякины и на это мѣсто поставить „сѣтку": вслѣдъ за первою куропаткой въ нòротъ войдетъ и вся стая; если же которая не умѣетъ найти входа въ вольную тюрьму, то она будетъ суетливо бѣгать вокругъ и жалобно „квòкаць"!.. Судьба плѣнницъ рѣшается вытаскиваньемъ изъ „сѣтки", какъ рыбы изъ нòрота, и передушеніемъ отъ первой до послѣдней...

2. Силки всѣхъ видовъ изъ волосъ и нитокъ называются „пèтлями". Маленькими „пèтлями" обыкновенно ловится только

пернатая мелочь—воробьи, щеглята, чижи и проч., и этимъ тѣшатся лишь дѣти; для поимки же настоящей пернатой дичи, „пéтли“ дѣлаются изъ прочныхъ нитокъ, тонкихъ снуровъ. Такая „петля“, или нѣсколько ихъ прикрѣпляются къ гибкой вершинѣ небольшого, очищеннаго отъ сучьевъ дерева, которое потомъ пригибается къ землѣ вершиною, прикрывается слегка мхомъ и ягодною, или хлѣбною приманкою. Если птица попала въ „пятлю̀“ ножкой, то она, пожалуй, еще достанется охотнику живьемъ; если же попала головой, то непремѣнно удавится, какъ скоро будетъ вздернута вверхъ и повиснетъ на гибкой вершинѣ выпрямившагося деревца [970]... Такимъ образомъ попадаютъ „у пятлю̀“ сѣрыя и бѣлыя куропатки, голуби, рябчики и тетерева; когда же приманкою служили хлѣбные стебельки, то въ прочную „пятлю̀“ изрѣдка попадаетъ и заяцъ, который второпяхъ и испугѣ не догадается перегрызти ни дерева, ни „пятли“.

3. Въ отдѣльныхъ охотничьихъ случаяхъ дикія утки ловятся на крючки съ насадкою изъ небольшихъ кусочковъ легкаго, какъ извѣстно, держащагося на поверхности воды,—каковая ловля имѣетъ преимущественное мѣсто на разлившейся луговинѣ весною, когда уткамъ еще нѣтъ надлежащаго корма. Наиболѣе успѣшнымъ бываетъ слѣдующее приспособленіе: вколотивъ въ дно колъ вровень съ поверхностью воды, охотникъ кладетъ на него кирпичъ, или камень, къ которому привязанъ снуръ съ крючкомъ и приманкою на другомъ концѣ (длина снура соразмѣряется съ глубиною воды, при чемъ снуръ меньше послѣдней на 3—4 верш.). Утка проглатываетъ приманку, пытается освободить снуръ и отплыть, но въ это время грузъ спадаетъ съ пола въ воду—и утка очутится въ положеніи ныряющей и заливается. Это положеніе не пугаетъ остальныхъ утокъ, которыя тутъ же попадаютъ на сосѣдніе крючки [971]...

4. „Па́стка“ употребляется исключительно для поимки звѣрьковъ-хищниковъ (горностаевъ, хорьковъ, норокъ, выдръ), хотя

сюда можетъ попасться бѣлка, заяцъ и даже птица, если только положена подходящая для нихъ приманка. „Пастка“ бываетъ двухъ типовъ: въ видѣ продолговатаго, просторнаго ящика, съ подъемною дверью, и въ видѣ двухъ досокъ съ чувствительною лучинкою между ними, слабо держащеюся на подпоркѣ, при чемъ на верхнюю подъемную доску накладывается тяжелый грузъ изъ камней и кирпичей. Первая „пастка“, напоминающая отчасти давнюю деревянную мышеловку, сберегаетъ животное живымъ, во второй же оно обязательно раздавливается.

5. „Зилѣзы“ (капканъ) ставятся на выдръ, лисицъ и волковъ, хотя, при подходящей приманкѣ, ими могутъ быть пойманы и меньшіе звѣрьки, даже птицы. Такъ какъ „зилѣзы“ могутъ быть лишь покупными, что вызываетъ отдѣльную трату, то въ охотничьей обиходности онѣ встрѣчаются особенно рѣдко, заходятъ случайными путями.

6. Въ многочисленныхъ разсказахъ про давнія охоты весьма часто можно слышать упоминаніе о „ловчихъ ямахъ“, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и указываютъ на такія ямы, хотя онѣ скорѣе походятъ уже на пограничныя, копцовыя. Въ воспоминаемое время охотники не дѣлали „ловчихъ ямъ“, и такія или иныя свѣдѣнія о нихъ приходится возстановлять по описанію давнихъ очевидцевъ. Обыкновенно ямы выкапывались въ глухихъ, малопроходныхъ мѣстахъ, и имѣли глубину свыше сажени, при ширинѣ арш. 4—5. При помощи легкихъ подпорокъ или накладныхъ жердочекъ отверстіе ямы прикрывалось хворостомъ и мхомъ, среди чего явственно выходилъ наружу столбъ; на послѣдній помѣщалась живая (поросенокъ, козленокъ, пѣтухъ, гусь), или мертвая (падаль, испорченное мясо, сало) приманка. Бросаясь на послѣднюю, хищникъ попадалъ въ яму, гдѣ оставался до прихода хозяина: тутъ онъ разставался со своею единственною шубкою...

7. Послѣднимъ, кстати, весьма рѣдкимъ, охотничьимъ дѣломъ нужно считать „труц*и*зну“ исключительно волковъ и лисицъ. Мясо, сало, сыръ и даже хлѣбъ, насыщенные отравляющими снадобьями раскидывались зимою въ проходныхъ для звѣрей, но удаленныхъ отъ поселка мѣстахъ. Если подоспѣвала падаль изъ домашней мелкоты, она начинялась, правильнѣе—шпиговалась отравою. По невѣрнымъ слѣдамъ отравившагося хищника, часто по кровавой рвотѣ и захвату попутнаго снѣга, охотникъ отыскивалъ добычу, и если звѣрь не околѣлъ, то добивалъ его въ ручную дубиною, топоромъ.—Во всѣ времена отравляющими снадобьями служили: бѣлый и желтый мышьякъ, сулема (бѣлая ртутная соль), и ужаснѣйшій стрихнинъ, какъ извѣстно, добываемый изъ цѣлибухи. Какими путями всѣ эти острыя снадобья проходили въ обиходность деревенскаго охотника—сказать трудно; несомнѣнно одно, что секретными поставщиками ихъ бывали одни и тѣ же проныры, которые съ бутылкою крайне сомнительной водки появлялись при молотьбѣ, при мятьѣ льна, пеньки, и, пока одурѣлые Миколы да Михалки „буруздили“, лѣзли чуть не съ поцѣлуями къ внезапнымъ благодѣтелямъ, отбирали чистое зерно и добротное волокно, оставляя труженикамъ мякинку на „ѣдиво“ а „бракъ—на одѣцця“ [972])... Но кромѣ указанныхъ снадобій, въ пользованіи того же охотника находилось немало и другихъ, чисто домашнихъ: такъ случайный кусокъ мѣди окислялся для полученія яри-мѣдянки, изъ зеленаго мака, бѣлены и др. растеній вываривался ядовитый экстрактъ, выращивались, или разыскивались плоды (пуговичной формы) рѣдкаго дикаго растенія, служащіе исключительно для отравленія слѣпорожденныхъ, и проч. Къ сему слѣдуетъ дополнить, что въ потайномъ пользованіи немногихъ благодѣтелей того времени, далеко не охотниковъ, находились вѣрныя средства на предметъ лишенія плодородія хищниковъ—волковъ и лисицъ, по преимуществу, или же средства для проведенія между ними эпидеміи. Къ несчастью, въ силу

суевѣрной обстановки, такія тайны не передавались зря, и благодѣтельное средство утрачивалось со смертью неоцѣненныхъ, часто невѣдомыхъ благодѣтелей [973]).

Благодаря мѣткости и ловкости, отдѣльныя лица убивали ту и другую дичь камнемъ и палкою, умѣло и во время брошенными. Такой способъ добыванія дичи, чисто случайный, не принадлежитъ къ спеціальнымъ охотничьимъ средствамъ, хотя въ памятное время кое-гдѣ и практиковалось метанье камней и заостренныхъ колышковъ изъ особаго снаряда, въ которомъ соединены были—подобіе ружейнаго ложа и лука.

Не призывая къ тратѣ времени и денегъ, охота съ второстепенными предметами, совершаемая между дѣломъ, пользовалась если не общественнымъ покровительствомъ, такъ, по крайней мѣрѣ, большею снисходительностью, чѣмъ охота ружейная. То же и въ отношеніи личности охотника: въ то время, когда мирный отравитель волка и лисицы встрѣчался и слылъ, какъ завѣдомый благодѣтель, ружейный товарищъ его, подъ именами „стрильцà, охвóтничка, палёвщика“ унизился до понятія безпутнаго бездѣльника, завѣдомаго враля. Практическая жизнь много - много разъ подтверждаетъ, что „землепахъ“, занозившій ногу, косарь, порѣзавшій руку, топорникъ, поранившій то и другое мѣсто, вызываютъ окрестное сожалѣніе, посильную, но дѣятельную помощь, тогда-какъ ружейный охотникъ, потерявшій, примѣрно, глазъ, или отстрѣлившій пальцы, и вообще подвергшійся несчастью на охотѣ, приравнивается къ членовредителю, по собственной винѣ,—и обычное въ этомъ случаѣ слово о немъ почти всегда таково: „можа ципѐрицька ци ня кѝниць пылювàць“?!..

Кажется, что единственно теплое спасибо приносилось ружейному охотнику только въ двухъ случаяхъ: а) когда онъ „облóжиць ви(ѣ)дьмéдьку, или пошколяць вовкóвъ ны облáми“ [974]), и б) когда холостымъ выстрѣломъ изъ ружья или пистолета онъ

усугубитъ святое торжество, открываемое въ душѣ величайшимъ христіанскимъ благовѣстомъ въ началѣ Паскальной заутрени [975]): тутъ, какъ будто во имя всеобщаго мира, ружейный охотникъ получаетъ нѣкоторое забвеніе его вольныхъ и невольныхъ грѣшковъ. Но прикончилъ, исполнилъ свое дѣло „полёвщикъ“, обратился онъ къ мелкой стрѣльбѣ—и на общій, окрестный взглядъ онъ снова прежній, пустой „охвотникъ“, бездѣльный „стралéцъ“!.. И съ этой стороны онъ весьма правдоподобно приравнивается къ извѣстнымъ житейскимъ усладителямъ—„дударў и музыкѣ“: пока тѣ на службѣ, они окружены вниманіемъ, за ними ухаживаетъ толпа молодежи, ищущей „скóковъ и плясовъ“, а когда тѣ же искатели пріятныхъ ощущеній насытились музыкальною игрою, они отшатываются отъ „дударá и музыки“, которые снова остаются лишь со своими излюбленными спутницами—дудою и скрипкой...

XVI. Тамъ же нынѣ.

Относительно немного—только треть вѣка протекла съ того дня, съ котораго началось возрожденіе простонароднаго житья-бытья и который посчитанъ рубежной гранью двухъ смежныхъ десятилѣтій, составившихъ тему настоящаго бытописанія. Безспорно, что и по сейчасъ еще здравствуютъ многія лица, коимъ суждено было или зачинать жизнь, или быть въ красной порѣ ея, иначе—свидѣтельствовать, какъ отживающее поколѣніе, во образѣ дѣдовъ и бабокъ, передавало потомству немудреные завѣты и еще менѣе мудреный скарбъ свой; въ свою очередь, безспорно и то, что и понынѣ не обветшали въ конецъ, не ушли изъ обиходности многіе предметы, перечню и описанію которыхъ посвященъ заканчиваемый отдѣлъ. Если здѣсь имѣетъ мѣсто аналогичное сравненіе съ извѣстнымъ закономъ, по которому „уголъ паденія равенъ углу отраженія“, такъ вѣдь житейское движеніе продолжаетъ одно и то же тѣло, съ давними къ нему приростами, прилипами, хотя самый путь идетъ прочь отъ ударной точки!..

На самомъ дѣлѣ, однако, сколько новизны, сколько невѣдомыхъ раньше предметовъ вошло въ современную обиходность простолюдина, и какъ въ связи съ ними преобразовалась, повидимому, недавняя „бѣленькая жизнь"! Притокъ новизны коснулся не уголковъ только, не отдѣльныхъ положеній, лицъ, семей, а сказался на строѣ жизни, на бытовомъ состояніи цѣлыхъ обществъ, даже края, и чтобы во-очію удостовѣриться въ томъ, такъ стоитъ побывать въ бытописуемыхъ уголкахъ да присмотрѣться къ наличности: мѣста и уголки—все тѣ же, по крайней мѣрѣ, узнать ихъ можно, да и самые предметы уже какъ будто не новы, не потому, что гдѣ-то, поодаль отсюда, встрѣчались, а потому, что на мѣстѣ имѣютъ уже нѣкоторые слѣды давности, видно, что не сейчасъ приросли къ обиходу. Каковы формальныя стороны происшедшей перемѣны, что новаго въ обиходности—составитъ предметъ послѣдующаго повѣствованія.

Переступаешь порогъ теперешнихъ „сѣнцывъ"—и уже нѣтъ нужды высоко заносить ноги, нѣтъ надобности нагибать головы, дабы уклониться отъ низкаго дверного косяка: послѣдній находится на значительной высотѣ, а первый. если и сохранилъ давнюю высоту, такъ со стороны двора имѣетъ такой или иной „гáнычекъ, приступцу", а со стороны сѣней—благоустроенный, иногда и весьма „щ*и*тный мостъ", надъ которымъ покоится не менѣе „щ*и*тная столь", съ затворяющимся пролазомъ на давнюю „горý".—Осматриваешь привычные здѣсь углы и невольно спрашиваешь: „а гдѣ же жарёнки? куда дѣвалась молочная скрыня"? Но первыхъ давно уже нѣтъ здѣсь, какъ давно нѣтъ ихъ ни въ хаткѣ, ни въ „пр*и*зби", ни въ клѣти: какой-нибудь „вирхéнь" лежитъ передъ сѣннымъ порогомъ, а его товарищъ „исподéнь", стоившій не малыхъ трудовъ жерносѣку, на той же подножной службѣ покоится передъ клѣтнымъ. И на что эта „рыгызá" въ домѣ, когда содержательное, какъ и скромное мелево, нерѣдко доставленное на плечахъ въ сосѣднюю, иногда запраздничавшуюся

мельницу [976]), можетъ быть справлено скоро, за скромную плату (3—4 коп. отъ пуда) и дастъ тонкую муку, изъ которой врядъ-ли бить старинному „пирогу“!.. Въ свою очередь и „молочная скрыня рыгозила сѣнки“: на ея мѣстѣ стоитъ уже болѣе совершенная „шкáпа“—то одностворчатая, то двустворчатая, на желѣзныхъ завѣсахъ, и, пожалуй, съ внутреннимъ даже замкомъ,—сработанная чуть-ли не домашнимъ, своимъ мастеромъ, и только-вотъ ожидающая покраски.

Продолжая дальнѣйшее слѣдованіе къ дверямъ хатки, недоумѣваешь, гдѣ же тутъ „исцепка“, о которой такъ много говорилось раньше? Отворяешь болѣе загрязненную дверь—но она вводитъ въ обыкновенную жилую избу, тогда-какъ сравнительно чистая дверь съ желѣзными „клямками“, иногда съ висячимъ замкомъ, приходящаяся противъ первой, вводитъ въ чистую „гóрницу“, весьма нерѣдко перегороженную досчатою стѣнкою и дающую извѣстную каморку. Въ свѣтлой, просторной половинѣ „гóрницы“ нѣтъ уже „лавъ“, нѣтъ скопа „пирадóчкывъ, зэдличкывъ“, а тамъ и сямъ разметаны „тыбурéчики, стýльцы“ со спинками, виднѣется даже диванный „тыпчáникъ“ и одинъ-два безкозельные стола; въ другой половинѣ ея, за „заградкой“, стоятъ одна-двѣ кровати, столярный, часто раскрашенный сундукъ. Все это сработано или своимъ домашнимъ, или родственнымъ, изрѣдка лишь стороннимъ столяромъ. Старинные кублы, какъ и ихъ поклажные товарищи, ютятся то въ жилой избѣ, то смиренно почиваютъ въ клѣти, амбарѣ, съ хлѣбными сѣменами, или съ мелочною поклажей, въ видѣ „мутрухлясцíйка“, рабочихъ „пыдрыбязывъ“, а если они (кублы) сложены плотнѣе, такъ здѣсь хранятся мясные и сальные консервы...

Быть можетъ, слово о благоустроеніи хатки и о столярной мебели позволитъ считать простонародную обстановку измѣнившеюся кореннымъ образомъ?! Нѣтъ! перечисленное составляетъ достояніе пока немногихъ деревлянъ, да и здѣсь трудно бываетъ разо-

браться, погоня ли это за культурою, или... осмѣяніе послѣдней, по крайней мѣрѣ, внезапный посѣтитель „гòрницы“ легко можетъ застать хомутъ и сѣдло на „тыпчàнику“, а просушивающіеся лапти, или свободную квашню—на „стỳльцу“ [977]).

Безспорно, лучина и, въ особенности, „моканики“ мало знакомы современному деревлянину: первой кое-гдѣ не изъ чего выдѣлывать, а матеріалъ для вторыхъ съ полезною необходимостью идетъ на столовыя нужды. Да и къ чему лучина съ „мокàниками“, если цѣнность 1 фун. керосина соперничаетъ съ цѣнностью керосинной лампочки, а два эти предмета вмѣстѣ могутъ стоить 6—7 коп.? Такимъ образомъ лучина не коптитъ хатки, не дымитъ глазъ; но едва-ли лучше отъ безстекольной лампочки, фитиль которой неустанно пускаетъ вверхъ довольно замѣтную струю копоти, и если „луч*и*нники“ жмурили слезящіеся глаза, прокапчивали дымомъ даже одежду [978]), такъ „керос*и*нники“ воспринимаютъ внутрь немало копоти, остальная часть которой темнитъ стѣны, потолокъ и верхнюю сторону одежды, какъ и верхнюю часть находящихся въ хаткѣ предметовъ.

Въ тѣхъ счастливыхъ мѣстностяхъ, гдѣ деревенскіе школьники находились подъ руководствомъ учителей, знакомыхъ съ какимъ-нибудь мастерствомъ, довольно замѣтно распространено производство такихъ или иныхъ издѣлій—столярныхъ, токарныхъ, кузнечно-слесарныхъ, плетеныхъ и проч., по крайней мѣрѣ, тутъ часто мелькаетъ свой, иногда и очень юный столяръ, издѣлія котораго не стыдно помѣстить на выставочномъ прилавкѣ, а тонкія модели, приготовленныя тою же рукою, по всѣмъ правамъ, занимаютъ видное мѣсто въ мѣстномъ музеѣ при Витеб. стат. ком. [979]). Ясно, что какъ модельныя, такъ и существенныя въ обиходности издѣлія не работаются топорикомъ только, или въ сотрудничествѣ ножа и „скобелки“; нѣтъ—къ давнему набору подручныхъ и другихъ инструментовъ прибавился цѣлый наборъ, напр., столярныхъ, токарныхъ, или слесарныхъ.

Быть можетъ, это не по средствамъ захудалому деревлянину, едва оперяющемуся юнцу?! Но тутъ можно опираться на живые примѣры, какъ подобные мастера обзаводятся подходящими инструментами исподволь, по мѣрѣ текущаго заработка, и какъ послѣднiй ютится уже въ узорной шкатулкѣ личнаго мастерства, съ мудреными иногда запорами. Такой шкатулкѣ не стыдно дать мѣсто и на туалетномъ столикѣ!..

Хотя современный простолюдинъ и не успѣлъ еще завести у себя вполнѣ „стаённыго, стыйловóго коника“, однако, болѣе состоятельный мужикъ удерживаетъ выѣздную лошадку, иногда настолько цѣнную и сильную, что для охраненiя отъ конокрадовъ онъ запираетъ ее надежными запорами, стреноживаетъ „зилѣзыми“ и сверхъ того держитъ на надежной цѣпи. Такая лошадка не несетъ ни пашенныхъ, ни грузовыхъ, перевозочныхъ работъ.— Вмѣстѣ съ выѣздною лошадкой, въ строго отдѣленномъ хлѣвномъ помѣщенiи ютится не чахлая „молóчница“ давнихъ дней, а иногда и очень породистая коровка. Распространенiе же полезныхъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣнiй, какъ и живой примѣръ сосѣднихъ агрономическихъ экономiй, въ значительной мѣрѣ измѣнили отношенiе владѣльцевъ къ своему скоту, и это прежде всего сказалось на выборѣ породистыхъ особей и на заботливой пищѣ, которая уже подсаливается, при чемъ пойло дается не стелькамъ только, но и всѣмъ дойнымъ коровкамъ.

Заглянувъ въ возовню внука, воскресшiй, примѣрно, дѣдъ подумалъ бы, что въ домѣ находятся какiе-нибудь именитые гости, потому что здѣсь можно увидѣть не „корафáшку“ только, а кое-гдѣ и рессорный лѣтнiй экипажъ, по крайней мѣрѣ, рессоры въ немъ подложены въ экипажный задокъ, который сверхъ сего имѣетъ и пружинную подушку. Понятно, что и остальныя части того же экипажа будутъ почти всѣ желѣзныя, расписныя, такъ что, при стоимости его въ 50—150 руб., можно утверждать, что тутъ, въ легкомъ, изящномъ и прочномъ экипажѣ, все

состояніе дѣда отъ его „осташòвъ“ до послѣдней „живоцининки“ включительно... Но и давнія „колесы“ слишкомъ преобразились: оси, подушки, настилочныя и боковыя доски уже перенесли столярную, мастерскую обработку, прилажены плотно, красиво, и не грузятъ экипажа 980). Что же касается болѣе дешевыхъ, зимнихъ экипажей, то разнообразіе таковыхъ, какъ и относительную пышность можно видѣть при ярмарочныхъ и праздничныхъ съѣздахъ, въ свадебныхъ и гостиныхъ поѣздкахъ, гдѣ полозьями служатъ не пресловутые „копанцы“, а чистенькіе „гнуцики“ съ тормозами.

Добротная лошадка и, въ особенности, благоустроенный экипажикъ вызываютъ соотвѣтственную сбрую и упряжь—и она вся на виду, на лошади, при экипажѣ: хомутъ, гужи, шлея, сѣделка, чрезсѣдельникъ и уздечка цѣликомъ ременные, съ подлежащими металлическими „наборами“, и если при базарныхъ поѣздкахъ видится смѣсь ременной сбруи съ давнею „плицюшòвый“ и веревочной, такъ это будетъ лишь хозяйственная предосторожность по отношенію къ многочисленнымъ посягателямъ на ременныя уздечки, супони и проч.

Пословичные „кривые роженьки“, составляющіе почти повсюдное дополненіе возовни, годъ-отъ-году рѣдѣютъ, а въ ближайшихъ къ городамъ мѣстностяхъ, среди болѣе зажиточныхъ „земленàховъ“, они только мелькаютъ среди ярко-синихъ съ чернымъ сошникомъ плуговъ, одинаково пригодныхъ и для одиночный, и для парной запряжки. Слѣдуетъ признать, что еще слишкомъ юно, свѣже то время, когда чуть не при каждой желѣзной лавкѣ въ Витебскѣ появились продажные плуги, а встрѣча съ ними на крестьянской телѣгѣ, на саняхъ, или среди обозной поклажи, направленной въ то и другое мѣстечко, на ярмарку, не указываютъ ли на развившуюся потребность въ плугѣ, на сознанное преимущество его передъ „кривыми роженьками“?!

Вопросъ объ исчезновеніи „ѐльцывъ, ѐльчинокъ“, и о замѣнѣ ихъ другими боронами, хотя бы и съ желѣзными зубьями, раз-

рѣшается современнымъ положеніемъ лѣсного дѣла: гдѣ брать нужную ель, когда ея недостаетъ и на первыя нужды—стройку, отопленіе? Гораздо удобнѣе построить „кляцы“, борону съ деревянными и даже съ желѣзными зубьями, благодаря развитію желѣзныхъ издѣлій и дешевизнѣ матеріала. Такъ именно и устраиваются безлѣсники, не затрудняющіеся въ средствахъ „землепахи“.

Но не однѣ сохи да бороны стали замѣняться болѣе совершенными земледѣльческими орудіями: тамъ и здѣсь появлялись молотилки и вѣялки, которыя первоначально вошли въ обиходность деревлянина, взявшаго, примѣрно, крупную аренду помѣщичьяго имѣнія, или пріобрѣвшаго таковое въ собственность. Въ томъ и другомъ случаѣ молотилка и вѣялка поступали въ распоряженіе „землепаха“, какъ дополнительныя статьи аренды и купли. Такъ повелось еще со второй половины бытописуемаго срока, а въ половинѣ 70-хъ годовъ кое-гдѣ, въ болѣе широкихъ крестьянскихъ хозяйствахъ, начали появляться выписныя молотилки да вѣялки [981]). Къ сожалѣнію, окрестное крестьянство не сдѣлалось переимчивымъ и продолжаетъ орудовать хлѣбъ на току прадѣдовскими цѣпами да неразлучными ихъ товарищами—лопаточкой, граблями, метлой.

Крестьянскій садъ... это—уже содержательная площадь съ фруктовыми, культурными деревьями и ягодными кустарниками. Первыя—нерѣдко изъ собственнаго питомника, изъ котораго періодически сбываются на сторону излишки, а вторыя вошли далеко не тѣми простыми, случайными путями, на кои указано было въ VIII гл. отдѣла. Деревья и ягодники размѣщены тамъ, гдѣ это удобнѣе и выгоднѣе для ихъ роста,—правильными рядами, при чемъ заботливою рукою садовода юныя, напр., деревца на зиму обвязываются соломкою, а старшіе товарищи ихъ обмазываются къ лѣту глиною, известкою, жидкимъ навозомъ, даже дегтемъ, чтобы преградить доступъ къ нимъ насѣкомыхъ. Какъ оче-

видно, все это не похоже на возню съ „лисовушкый, пылявуш-кый“, которыя не боялись ни морозовъ, ни зайцевъ, ни козъ, ни насѣкомыхъ.

Въ томъ же саду, или на отдѣльной огородной площадкѣ, заботливо обработанной, подъ своимъ подлиннымъ именемъ появилась дов. порядочная клубника, которую такъ выгодно и не единично сбываютъ на базарахъ деревенскіе ягодники. Если ко всему этому недостаетъ обильныхъ простѣйшихъ насажденій, составляющихъ окраинную красу садовъ, такъ вопросъ объ этомъ разрѣшается или малоземельемъ, или практическими соображеніями. Тѣмъ не менѣе дѣло и съ простѣйшими древесными насажденіями не забыто, только оно имѣетъ чисто практическія цѣли. Такъ между стѣснившимися постройками протянулись густые ряды лозняковъ березъ, даже елей, а въ помощь изгороднымъ кольямъ стройными линіями растутъ рябины, какъ очевидно, сослуживающія двойную службу.

Про огородныя произведенія едва-ли нужно упоминать послѣ того, какъ всѣмъ извѣстно, что таковыми продовольствуются не производители только, но и другіе, далеко немалочисленные потребители: картофель, бураки, капуста, морковь и проч. извѣстны чуть-ли не пятилѣтнему городскому потребителю. Но родители такихъ юнцовъ не могутъ забыть, что на базарныхъ возахъ деревлянъ кое-когда можно купить петрушки, пырею и т. под. огородныхъ новинокъ, съ которыми дѣдушки и отцы продавцовъ не имѣли ни малѣйшаго дѣла.

Неоспоримо, что пчеловодное дѣло не ушло далеко отъ дѣдовскаго и отеческаго; болѣе того: эта отрасль какъ-будто упала, по крайней мѣрѣ, нѣтъ такихъ „пщѣльниковъ“, про которыхъ бы гремѣла слава, произведеніями которыхъ наполнялись бы рынки, продовольствовались бы въ окружицѣ. Но и при скромномъ положеніи пчеловодства, въ послѣднее вошли нѣкоторыя новшества, ближайшимъ образомъ „у пчалінцу“ появились судна изъ

досокъ, со стекольчатыми вставками, или же ульи изъ соломенныхъ матовъ. Положимъ, это новшество пришло отчасти подневольно, благодаря оскудѣнію „колòдныхъ“ деревъ; но нельзя не признать тутъ и тѣхъ заслугъ, кои незримо подоспѣли то со стороны школы, то отъ популярныхъ на сей предметъ сообщеній, то путемъ подражанія образованнымъ сосѣдямъ-пчеловодамъ.

Какъ и когда къ хлѣбнымъ засѣвамъ присоединился клеверный засѣвъ—отвѣтить трудно; въ данномъ случаѣ можно лишь свидѣтельствовать его наличность, какъ и возрастающую погоню простолюдина за тѣмъ же клеверомъ. Высоко цѣня „дя̀тлинное сѣно“, деревлянинъ даетъ должную оцѣнку клеверу, который составляетъ чистую, безпримѣсную „дя̀тлину“, такъ любимую скотомъ. Что же касается сѣвооборота, пріемовъ запашки и уборки, то они—наши старинные знакомцы: тѣ же согнутыя Авгѝньки, Аксѝньки, Арѝньки поочередно „спустỳюць“ то и другое поле, а ихъ житейскіе сотрудники или доканаютъ „пустова̀ння“, когда станутъ сваживать снопы, или подготовятъ поле вспашкою да засѣвами [982]).

Какъ исчезали собственные крестьянскіе лѣса и какъ оголялись содержательныя пространства, про то, пожалуй, затруднится сказать современный деревлянинъ, потому что это сдѣлалось последовательными исканіями пахотной земли чуть не двухъ поколѣній сряду, исканіемъ готовой копейки то отъ желѣзнодорожныхъ компаній, то отъ сплавщиковъ, то отъ подрядныхъ и базарныхъ сбытовъ. Во всемъ этомъ фигурировалъ лѣсъ и лѣсъ, не замѣнявшійся новымъ и оставлявшій широкія оголенныя пространства. Какъ извѣстно, рядомъ съ этимъ шло и владѣльческое (помѣщичье) лѣсоистребленіе, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ не уступавшее крестьянскому. Тогда у деревлянина осталось единственное лѣсное приволье—казенный лѣсъ: за нѣкоторыми изъятіями, т. е. свободной рубки деревьевъ, дранья коры, всѣ остальные дары, въ видѣ ягодъ и грибовъ, онъ сталъ получать изъ этого

прочнаго лѣсохранилища. Дождется ли мужикъ того времени, когда въ его собственномъ лѣсу запахнетъ грибами, закраснѣетъ ягодами и когда именно это будетъ—отвѣтить невозможно, по крайней мѣрѣ, сейчасъ онъ не имѣетъ даже и понятія о лѣсосѣвѣ, смѣется надъ возможностью его...

Безспорно, къ описаннымъ водовмѣстилищамъ не могли прибавиться новыя, и скорѣе можно согласиться, что число существовавшихъ раньше нѣсколько уменьшилось. Такъ, оставаясь безъ поддержки, періодической чистки и досмотра, многочисленные „усполы, са́жилки“, засоренные наносами, лишенные запрудъ, стали сквозными, или, по хозяйственнымъ нуждамъ, засыпаны и обращены въ луговинныя, даже пашенныя площади. Вмѣстѣ съ симъ по многимъ „кичо́вникамъ [983]), омша́рамъ, ба́гнамъ и оржа́винямъ“ кое-гдѣ прорѣзались довольно глубокія иногда канавы,—отчего малопроходныя раньше мѣста стали доступными не только для скота и человѣка, но тутъ же прошла соха и борона, зазеленѣлъ и заколосился хлѣбъ, пролегла надежная дорога... Къ сожалѣнію, рядомъ съ мощными усиліями человѣка сократить болотную тонь утилизировать для пашеннаго дѣла какую-нибудь „ба́гну и оржа́виню“, медленно и незримо совершалось естественное обмелѣніе нѣкоторыхъ водовмѣстилищъ: гдѣ раньше на бойкой рѣченкѣ шумѣла не одна мельница, бушевала струя, вертѣлись „виры“, тамъ нынѣ видится ничтожный, разорванный ручей, давшій немалое число „колдо́бъ“, или же по давнему рѣчному ложу пробѣжала дорожка, поросла трава, а озерные и рѣчные берега, или лучше—береговыя отмели стали какъ-то длиннѣе, сузили иное озеро до размѣровъ прудка, а рѣку—до размѣровъ ручья, породивъ тутъ множество невѣдомыхъ раньше бродовъ...

Благодаря послѣднему, а главное—слишкомъ промышленной постановкѣ рыболовнаго дѣла, многочисленныя прежде, прибыльныя для рыболовли мѣста, спѣшно обращаются въ водную пустыню и ужъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-то сказочнымъ является

сообщеніе о пудовыхъ лещахъ [984]), двухпудовыхъ щукахъ, полпудовыхъ судакахъ, трехфунтовой селявѣ, лещевидныхъ серебристыхъ карасяхъ и проч., составлявшихъ нерѣдкостную добычу давней рыболовли. Какъ ни изощряется современный деревенскій рыболовъ, какими благоустроенными снастями и снарядами ни вооружается онъ, но только ему не приходится вдоволь поѣсть рыбы отъ собственной рыболовли: онъ лакомится лишь покупными „клэйниньками плотыцкыми“, а крупною рыбой любуется тогда, когда рыбопромышленники вытаскиваютъ таковую изъ его сосѣдливаго озера, или когда видитъ ее на базарѣ, въ рыбныхъ рядахъ... Его „бродники, криги, топтуны, нэрыты и прутни“ годъ-отъ-году все меньше и меньше окупаютъ траты и изъ воды извлекаются почти неповинными въ поимкѣ той, или другой рыбы.. Пріобрѣтая благоустроенные „риськіи, аглицкіи“ крючки, съ прозрачными изъ китовыхъ усовъ надвязками, строя изящныя лесы и удилища, прилагая къ дѣлу „привады, принады и приманы“, нынѣшній удильщикъ напрасно тратитъ время и средства: ему не наудить стародавней „новтóрбы“ рыбы, не удовлетворить-стать охотничьихъ движеній...

Не лучше, а пожалуй—еще хуже повелось ружейному охотнику, который все чаще и чаще сталъ возвращаться съ охоты съ „пустыми руками“, несмотря даже на то, что къ концу, примѣрно, бытописуемаго срока успѣлъ обзавестись благоустроенными ружейными снарядами, научился стрѣлять по движущейся дичи и пользоваться услугами гончихъ, лягавыхъ собакъ. Это послѣднее невѣдомо бывало „крямсéльнику“, и если онъ бралъ на охоту какого-нибудь „кýцыка, жýчку“, такъ ворчбою они лишь предостерегали о близости медвѣдя, а лаемъ на дерево указывали на сидящаго тамъ тетерева, глухаря, рябчика, къ которымъ охотнику нужно было подходить, подползать,—какъ объ этомъ говорилось въ XV главѣ... Вспоминая про ружейно-охотничью горячку, какъ-то рѣзко усилившуюся въ концѣ 70-хъ и возраставшую во

все время 80-хъ годовъ, прежде всего приходится остановиться на разнообразіи ружей, поступившихъ въ обиходность деревенскаго охотника. Тутъ чаще всего можно было видѣть „тулки", ружья съ „бяльгицкими" (бельгійскими) стволами, „жированки" [985]) разныхъ видовъ и относительно рѣже—„дуясволки". Всѣ такія и съ другими наименованіями ружья, легкія, изящныя, до невозможности обездешевленныя [986]), заняли густые ряды въ лавкахъ съ желѣзными издѣліями, въ ихъ витринахъ и въ шкафахъ слесарей, а отсюда стали расползаться въ деревенскіе уголки по десяткамъ и сотнямъ рукъ. Нераздѣльно съ симъ упростилось пріобрѣтеніе пороха, какъ и остальныхъ принадлежностей стрѣльбы... И вотъ дешёвка-ружье замелькало въ рукахъ всевозможныхъ деревенскихъ охотниковъ, нерѣдко 15-тилѣтнихъ юнцовъ, а отъ скопа такихъ охотниковъ, кстати, пронырливыхъ, обстоятельно знакомыхъ съ мѣстностью, раздался тотъ ружейный гулъ, изъ-за котораго мирному человѣку опасно было не только входить въ лѣсъ, но иногда даже пробираться по лѣсной дорогѣ, тропинкѣ,—тотъ гулъ, который весьма нерѣдко сливался съ призывнымъ къ церкви благовѣстомъ и молитвою здѣсь охотничьихъ отцовъ и дѣдовъ!..

Что сказать о предметѣ охоты? Просвѣщенные любители охоты терялись передъ опустошительною тратою нѣжной дичи, а всѣ и непричастныя къ сему дѣлу лица видѣли, что тутъ прежде всего беззастѣнчиво обходились прямыя указанія закона на сроки охоты, обходился и, кстати, ослабѣлъ родительскій запретъ [987]), развелось неуваженіе къ владѣльческимъ правамъ и—полное безсердечіе къ предмету охоты, которому грозило конечное истребленіе. Тутъ какъ будто властвовала одна твердая, но неуловимая воля, повинуясь которой скопы ружейныхъ деревенскихъ охотниковъ не имѣли дѣла съ вредоносными животными, не тянулись, напр., къ облавамъ на медвѣдей и волковъ, а переполняли базары именно нѣжною дичью, да увѣшивали ею отдѣльныхъ барышниковъ. Невольно набѣгаетъ далеко не личный вопросъ: къ ка-

кому концу привелъ бы только одинъ десятокъ лѣтъ подобной разнузданной охоты, если бы не раздалось на сей предметъ спасительное слово 3 февраля 1892 года?—Произошло великое чудо: сотни и болѣе охотниковъ сразу же обрекли на бездѣйствіе свои „тулки, жировaнки, дуясвóлки“, и въ недавнихъ охотничьихъ мѣстахъ ружейный выстрѣлъ порѣдѣлъ настолько, что нынче въ деревнѣ ему дивятся чуть-ли не такъ, какъ и зимнему грому; въ то же время, несмотря на относительно короткій срокъ, умиравшая было роскошная раньше фауна видимо стала воскресать: снова безстрашно запѣли весною косачи, запищали рябчики, закрякали стайно и понеслись утки, заворковали голуби и проч. Правда, вмѣстѣ съ симъ во множествѣ замелькали четвероногіе и пернатые хищники; но вѣдь въ общей экономіи, заботливо предусмотрѣнной Творцомъ и выраженной при мірозданіи, такъ и быть должно: „на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ“,—прибавляетъ къ сему народная мудрость... Оставшись не у дѣлъ, многочисленныя ружья, а также и пистолеты замѣнили для пастуховъ и конопасовъ прежнія „дубинки, урýчинки“, или же въ безмолвномъ покоѣ, запущенныя, заржавленныя, какъ-будто поджидаютъ передѣлки на мирныя сельско-хозяйственныя издѣлія [988])!..

Незамѣтно, хотя нѣсколько и спѣшно довелось заглянуть во всѣ почти уголки и мѣста, вспомнить многіе предметы обиходности, подлежавшіе описанію въ послѣднемъ отдѣлѣ. Какъ очевидно, и здѣсь давняя обиходность вышла изъ прежнихъ устоевъ: въ одномъ мѣстѣ исчезли подручные раньше предметы, восполнились новыми, въ другомъ—заново вошли въ обиходность незнаемые прежде, въ третьемъ—старые и новые предметы ужились рядомъ, безъ помѣхи другъ другу. Безспорно, все это пока-что лишь мелькаетъ, пока-что только зачинаетъ преуспѣяніе „бѣленькаго“ землячка; но на семъ зачинаніи строится улучшающееся житье-бытье его, а самому преуспѣянію видимо сопутствуютъ исконная „вѣра, вѣрность“ и тяготѣніе къ свѣту потомковъ древнихъ Кривичей...

Послѣсловіе.

Составитель „Очерковъ“ считаетъ свой трудъ законченнымъ и вѣритъ, что во множествѣ приводимаго матеріала найдутся достаточныя данныя для иллюстраціи простонароднаго житья-бытья за обусловленный періодъ времени. Что именно ушло изъ простонародной обиходности и что удержалось понынѣ—можно видѣть изъ сравненія бытописуемаго съ настоящимъ, къ чему составитель прилагалъ нѣкоторыя усилія въ заключительныхъ главахъ каждаго отдѣла. Несомнѣнно, что лучшія силы и возможность могли бы дать болѣе совершенное описаніе того же житья-бытья, при чемъ сравнительное сопоставленіе двухъ сроковъ, раздѣленныхъ доброю третью вѣка, обильною новшествами, вышло бы полнѣе, содержательнѣе. Возлагая на все это пока-что усердныя надежды, составитель „Очерковъ“ предвноситъ свой посильный трудъ; въ настоящемъ же послѣсловномъ обращеніи къ нему находитъ необходимымъ обмолвиться краткими, немногими указаніями, относящимися скорѣе къ формальной сторонѣ труда.

Въ предисловномъ поминѣ замѣчено было, что „настоящій трудъ, въ возможно полномъ видѣ, въ этнографической литературѣ появляется пока-что впервые“. Къ сему можно прибавить, что составителю прежде всего не приходилось пользоваться печатными источниками, а въ разрозненныхъ, часто лаконическихъ указаніяхъ на житье-бытье, какъ и предметы обиходности, не суждено было найти воспособляющаго матеріала: единственными источниками труда служили, съ одной стороны—„раскрытая книга жизни“ бытописуемаго, а съ другой—сказъ и подтвержденіе „живыхъ старыхъ граммъ“, да уцѣлѣвшіе предметы обиходности. Будучи начальнымъ опытомъ, трудомъ безъ предшественника, и въ текущемъ счету—единоличнымъ, „Очерки“ не избѣжали многихъ недостатковъ, кои не только не отрицаются составителемъ, а скорѣе поставляются на видъ. Такъ, прежде всего, въ бытописаніи относительно мало говорится о жизнедѣятельности, духовномъ мірѣ

бытописуемаго, когда они соприкасаются съ матеріальными предметами обиходности, т. е. когда эти предметы даютъ возможность выйти изъ заурядныхъ, почти нескончаемыхъ будней. Отдѣльное слово о семъ составитель „Очерковъ“ удерживаетъ за собою, даже и въ томъ случаѣ, если бы подобное слово упредило составительское сказаніе,—чѣмъ въ значительной мѣрѣ можетъ быть восполненъ первый недочетъ настоящаго труда.

Вторымъ недочетомъ приходится признать то, что многочисленныя данныя взяты какъ-будто изъ облюбованныхъ мѣстностей Вит., Гор., Пол. и Дрис. уѣздовъ, по крайней мѣрѣ, составитель чаще другихъ упоминаетъ таковыя мѣстности, чрезъ что топографическая область бытописанія суживается чуть-ли не до этихъ уѣздовъ, включая сюда и существовавшій раньше Суражскій, какъ извѣстно, раздѣленный между сосѣдними [989])—Вит., Гор. и Вел. По мнѣнію составителя „Очерковъ“, различныя мѣста помянутыхъ уѣздовъ, кстати, въ до-реформенное и по-реформенное время неоднократно посѣщенныя имъ лично, какъ-то полнѣе и осязательнѣе кажутъ то именно житье-бытье, которое поставлено темою труда. Состоя раньше въ положеніи рѣдняковъ да захолустій [990]), эти мѣста и нынѣ не особенно далеко ушли отъ „старосвѣччины“ несмотря на то, что въ пользу желательнаго измѣненія послѣдней къ лучшему работало время и повсюдное преобразованіе простонароднаго житья-бытья подъ воздѣйствіемъ школы.

Если читатель потрудится припомнить, что между первыми и и послѣдними печатными строками „Очерковъ“ протекъ полный 14-тимѣсячный срокъ [991]), т. е. такое время, въ теченіе котораго періодическія сообщенія или совершенно утрачиваются, или до нѣкоторой степени ослабляются въ памятованіи, то весьма немногочисленныя, быть можетъ, и дословныя повторенія не покажутся особенно преступными. Но и при насущной нерѣдко нуждѣ составитель избѣгалъ повтореній, помѣчая въ выноскахъ лишь указанія на то, что имъ оглашено раньше.

Нельзя не замѣтить въ бытописаніи такихъ сообщеній, кои могутъ оттѣнять жизнь и бытъ простолюдина съ непригладной стороны, умалять многія весьма почтенныя проявленія души и жизни его,—могутъ наложить печать косности, дикаго невѣжества и проч. При встрѣчѣ съ данными этой категоріи составитель „Очерковъ“ могъ лишь позавидовать сроднымъ сообщеніямъ сказочныхъ и пѣсенныхъ собирателей, какъ и симъ послѣднимъ: въ то время, когда первые ограждены всесвѣтною поговоркой, утверждающею, что „сказка—ложь, а пѣсня—быль“, вторые находятся подъ прикрытіемъ чисто русской—„изъ пѣсни словъ не выкидываютъ“; кромѣ того, тѣ и другіе не создаютъ ни сказокъ, ни пѣсенъ, а получаютъ ихъ готовыми, личною, или корреспонденною записью, при чемъ, въ послѣднемъ случаѣ, нѣкоторая доля отвѣтственности падаетъ на сотрудника, и не за содержаніе только, но и за форму. „Раскрытая книга жизни“ не предоставляетъ бытописателю подобныхъ преимуществъ... Но правъ ли онъ будетъ, когда станетъ вычеркивать страницы такой книги, или подтасовывать жизненныя положенія? Можетъ ли онъ сдѣлать это при существенной необходимости быть безпристрастнымъ, при обязанности изобразить бытописуемое съ его свѣтлыми и непригладными сторонами? Въ свою очередь, виноватъ ли бытописуемый простолюдинъ за цѣлый строй, или за отдѣльныя, часто неказистыя проявленія своего житья-бытья, за ту темень, изъ которой онъ началъ выбиваться лишь въ памятное время?

Наконецъ, среди перечисленныхъ, какъ и неоговоренныхъ недочетовъ, поразительнымъ является неустойчивое начертаніе однихъ и тѣхъ же реченій мѣстнаго говора, весьма нерѣдко состоящее въ разладѣ съ принятою собирателями транскрипціей, а также и недостаточное толкованіе этихъ реченій. Еще во время печатанія „Очерковъ“ это составляло неутаиваемую скорбь бытописателя; нынѣ же, когда трудъ предстаетъ въ видѣ цѣлостной книги, она усугубляется, и тѣмъ ощутительнѣе, что, потерявшись

во множествѣ на сей предметъ требованій, признаться, не всегда солидарныхъ другъ съ другомъ, составитель уже не въ состояніи обойти многочиленныхъ неисправностей.

Чужіе грѣхи—не примѣръ, не пути къ оправданію; однако, обращаясь къ весьма почтеннымъ, содержательнымъ сборникамъ сказокъ, пѣсенъ и другихъ памятниковъ народнаго творчества, обращаясь затѣмъ къ живому источнику—говору, составитель пока-что не можетъ свидѣтельствовать въ первыхъ безусловной устойчивости транскрипціи, не можетъ указать во второмъ незыблемыхъ данныхъ, съ коими можно было бы сказать: „вотъ гдѣ искомая, предѣльная правота“! Среди всего этого составителю „Очерковъ“ приходится еще разъ пригласить читателя вспомнить, что существенною задачею труда служило лишь намѣреніе—*иллюстрировать простонародную жизнь и бытъ въ связи съ матеріальными предметами обиходности*,—что поименныя *названія предметовъ, типичныя реченія входили въ текстъ только мимоходомъ*, и что, жертвуя послѣдовательностью транскрипціи, обходя фонетическое начертаніе, онъ тѣмъ самымъ не принесъ ущерба привычному, коренному начертанію такихъ реченій. Предполагая въ составѣ читателей лицъ, незнакомыхъ съ приводимыми реченіями, давая посильныя толкованія послѣднихъ, бытописатель исполнялъ лишь общепринятыя авторскія обязанности и не позволялъ себѣ въ этомъ случаѣ доктoральности филолога, лингвиста, лексикографа...

Что же касается остальныхъ недочетовъ, или правильнѣе—погрѣшностей, то составитель рѣшается напомнить, что и онъ—„человѣкъ есть“, что замѣченныя и удобопоправимыя погрѣшности перечислены въ подлежащемъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ, со всѣми вольными и подневольными погрѣшностями, съ легкими, какъ и неоправдываемыми недочетами, бытописаніе предстаетъ суду читателя въ томъ видѣ, въ какомъ, по предначертанію составителя [992]), оно доведено до желаннаго

конца. Хотѣлось бы вѣрить, что и въ такомъ видѣ „Очерки“ не останутся читательнымъ балластомъ, а сослужатъ посильную службу: новоприбывающія въ край лица, поставленныя въ такое или иное сношеніе съ простонародною средою, найдутъ здѣсь нелишнія данныя для знакомства и уразумѣнія быта и жизни тѣхъ, съ кѣмъ сводитъ ихъ житейское, или служебное положеніе; старожилы края, личные свидѣтели бытописуемаго, припомнятъ сравнительно недавнее прошлое и, быть можетъ, не откажутся восполнить бытописанія своими многоцѣнными дополненіями. Если составитель увидитъ осуществленіе даже половинной доли намѣченныхъ ожиданій, онъ почтетъ свой трудъ и время не потраченными даромъ.

Отмѣчая признательностью все, что въ различное время стояло не только „за“, но и „противъ“ оконченныхъ нынѣ „Очерковъ“, отмѣчая теплымъ помином, что благонамѣренныя указанія въ области труда не оставлялись безъ вниманія, а прилагались къ дѣлу, по мѣрѣ возможности, составитель вмѣняетъ себѣ въ пріятную обязанность выразить сердечную благодарность Редакціи „Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ въ лицѣ настоящаго редактора, обязательнѣйшаго Игнатія Ивановича Пилина.

Н. Я. Никифоровскій.

Конецъ.

Выноски и примѣчанія.

1) Изъ послѣдующаго видно будетъ, что такъ называется хлѣбъ, въ которомъ есть только доля ржи.

2) Лапти изъ лозовой коры.

3) Сальникъ—сущ.—свинья и боровъ, вообще откармливаемые на убой—преимущественно; поросенокъ, какъ будущій сальникъ.

4) Бычанокъ—сущ.—молодой быкъ; здѣсь - молодой рабочій волъ, мѣстной, малорослой породы. Вполнѣ замѣняя въ бѣдныхъ хозяйствахъ лошадь, при легкой ѣздѣ, бычанокъ бѣгивалъ даже „трюшкомъ"—рысью.

5) Пекла, лы—сущ.—адъ въ обыкновенномъ значеніи; въ переносномъ житейскія страданія.—Въ отношеніи даннаго слова слѣдуетъ замѣтить, что изъ средн. рода—пекло—оно въ мѣстномъ употребленіи перешло въ женскій. Подобный переходъ замѣтенъ во многихъ существит. средн. р. съ окончаніемъ о и е.

6) Пытацца—глаг.—спрашивать у кого, вывѣдывать.

7) Здѣсь 3 л. глаг. маицца - имѣть себя, поживать, здравствовать, но не шататься,—какъ то обыкновенно понимается.

8) Кое-какъ, чуть-чуть; совсѣмъ плохо.

9) Мадѣишь - 2 л. глагол. мадѣць—тянешь жизнь, перебиваешься; живешь съ горемъ пополамъ.

10) Инфляндскіе уѣзды: Двинскій, Рѣжицкій, Люцинскій и западная часть Дриссенскаго.

11) Для оправданія принятой здѣсь транскрипціи слѣдуетъ имѣть въ виду, что всѣ неударяемыя твердыя гласныя произносятся какъ ы, даже послѣ гортанныхъ.—Неударяемое е произносится за и, безъ исключенія. Послѣднее часто позволяетъ смѣшивать первое и второе спряженіе. Глагольныя формы—цца и тца—различаются: первая—неопред. накл., а вторая—3-е л. единств. и множ. число глаголовъ, оканчивающихся на ся.—Буквы и, ю, я почти всегда замѣняются соотвѣтствующими твердыми—ы, у, а, при чемъ настоящая буква ы нерѣдко переходитъ въ и (криша—вм. крыша); въ отдѣльныхъ случаяхъ подобный переходъ весьма возможенъ и съ мягкими ю, я особенно, послѣ р (цару, дару, рабина, равкнуць).—Буква т передъ мягкими гласными и полугласною ь произносится, какъ умягченное ц, безъ всякой подставки (тц).—Въ моей транскрипціи нѣтъ дз, потому что буква д передъ мягкими на самомъ дѣлѣ не даетъ такого звука.

12) Послѣднія три слова не всегда принимаютъ укоризненно—бранный оттѣнокъ. Въ житейскомъ употребленіи они выражаютъ только спѣшную, обильную ѣду, по крайней мѣрѣ, глаг.—жерць и момниць—понимаются именно такъ.

13) Дословный переводъ: 'когда бы не дыра во рту, такъ человѣкъ ходилъ бы въ золотѣ.

14) Прыцуваць—гл.—работать, трудиться. Сущ.—праца, працка; прил.—працовный, прыцавитый.

15) Послѣднее слово, сдѣлавшееся будничнымъ, заимствовано изъ молитвы Господней, передѣлано на народный ладъ и выражаетъ понятіе: насыщающій, питающій.

16) Глаг.—полоць, подпалывыць, переполуць—обозначаютъ особенную чистку зеренъ и крупы, которая дополняетъ провѣваніе. Это дѣлается дома, особеннымъ взмахомъ провѣваемаго въ легкомъ корытѣ.

17) Этотъ глаголъ въ настоящ. врем. спрягается такъ: ѣмъ, яси, ѣсь, ядемъ, ясце и ядице, ядуць.

18) Отъ слова—грядка—шестъ въ сушильнѣ, на которомъ уставляются снопы. Прил.—градовый и сущ.—градовка—выражаютъ хлѣбъ, недостаточно очищенный вѣяньемъ, почти такой, какимъ онъ выходитъ съ сушильной грядки; правильнѣе—хлѣбъ, куда поступила г р я д а мякины, сложившаяся при вѣяньи.

19) Отъ сущ.—сквалыга, сквалыжникъ—скряга, позорный скупецъ. Глаг.—сквалыжничиць имѣетъ то же значеніе.

20) Настоящими, какими слѣдуетъ быть.—То же слово—стоищій—обозначаетъ лицо, отбывающее подводную повинность, при чемъ „стоищими“ называются лошади и экипажи подводчика.

21) Оржанина—сущ.—исключительно ржаной хлѣбъ, или значительная примѣсь его. Происходящія отсюда ласкат.—оржанинка, оржанушка—цѣликомъ выражаютъ водочное имя, когда о водкѣ говорится „отумѣчно“, иносказательно.

22) Ниже будутъ объяснены термины, которые теперь употреблены вскользь, мимоходомъ.

23) Употребляя по ходу рѣчи то настоящее, то прошедшее время, авторъ приглашаетъ имѣть въ виду тотъ періодъ, о которомъ сказано въ предисловіи.

24) Прикриць и прикріиць—глаг.—дѣлаться противнымъ, приторнымъ, Прил.—прикрый, сущ.—прикрысь, сци, и нар.—прикро имѣютъ то же значеніе.

25) Ображаць Бога—имѣетъ единственный смыслъ: хулить, порицать, быть недовольнымъ. Въ отношеніи къ людямъ то же понятіе означаетъ: сна-

ряжать, готовить въ путь, исполнять предписываемую обрядность, какъ, напр., при отправленіи младенца ко кресту, брачущихся—въ церковь, покойника—въ гробъ и на кладбище.

26) Дословный переводъ: „по немъ когда и чертъ побѣжитъ, такъ ногу занозитъ“.—Сущ.—скабка—заноза и хребтовыя, а также реберныя порціи въ заготовленіи и въ кушаньѣ.

27) Болѣзныи годы не есть исключительно такіе, когда появлялась та, или другая болѣзнь; это скорѣе только—„чижолые годы“—трудно переживаемое время, по случаю засухи, дождей, морозовъ, крутой барщины, рекрутчины и проч.

28) Грамма—сущ.—свидѣтельскій источникъ въ лицѣ старожила, знатока данныхъ событій и времени. Употребительный терминъ—живая грамма—именуетъ живое пока-что лицо, свидѣтеля событій, на авторитетъ котораго можно полагаться.

29) Лопунъ получаетъ названіе отъ звука, который издается при разбивѣ тѣста ладонью. Ходячій терминъ—печь лопуны—имѣетъ переносный смыслъ и означаетъ ударъ ладонью по мягкимъ частямъ тѣла,—что, конечно, не обходится безъ отчетливаго звука.

30) Какъ и лопунъ, „ляпинь“ получаетъ названіе отъ ударнаго ладонью звука, который здѣсь нѣсколько дробнѣе и можетъ быть приравненъ къ ляпанью.

31) Провидки, кывъ—сущ. во мн. ч.—визитъ, посѣщеніе родихи замужнею женщиной, при обязательномъ приносѣ какого-нибудь съѣдобнаго гостинца.

32) Ласый—прил.—лакомый, особенно вкусный. Сущ.—ласунъ—лакомка, ласуныкъ, нка—лакомый предметъ; глаг.—ласывыць—лакомиться.

33) О мокан инѣ будетъ сказано ниже.

34) Пирапекъ—сущ.—(перепекъ) такое хозяйственное положеніе, когда недостаетъ печенаго хлѣба: отъ прежняго печенья не осталось его, а новое запоздало. Перепекъ является нежелательнымъ и всегда пророчитъ неожиданную отлучку одного изъ членовъ семьи.

35) Ситникъ—ситный хлѣбъ и рѣчной, озерный камышъ; обаранькъ—извѣстная баранка, кольцеобразный крендель; пранмкъ, пупраникъ, перьникъ—всякій пряникъ.

36) Подсмецинне и посмецинне - сущ.—принимаетъ форму женск. рода на я и склоняется по этому роду (см. 5 примѣч.)—подсметанная жижа, остающаяся послѣ бойки коровьяго масла.

37) Названіе „юхи, юшки“ принадлежитъ исключительно этому кушанью, а не прѣсному; его не имѣетъ даже рыбья уха, называемая почти

всегда „жижкой“. Извѣстный терминъ - „спусциць юху, юшку“ — означаетъ побить кого до истеченія крови.

38) Приправленный сметаною, молокомъ, „подсмецинним“.

39) Путрянысь, сци - сущ.—крахмалистость, нѣкоторая сгущенность. Сущ.— путра—особое кушанье, описанное ниже; прил. - путряный, глаг.— путряниць, зыпутряниць—удерживаютъ то же значеніе.

40) Сопкій—прил. — разсыпчатый, скоро разваривающійся.

41) Обыкновенное названіе тыквы и приготовленій изъ нея.

42) Сущ.—грыжинка и грыжанка - различаются между собою: первое есть имя брюквы, а второе означаетъ кушанье изъ нея.

43) Старое молоко получается осенью, отъ стельныхъ коровъ, пока представляется возможнымъ доить ихъ; новое же по отеленіи коровъ, въ рождественскій мясоѣдъ.

44) Отъ прич.—катаный—слѣдуетъ отличать другое—катыный—наказанный „катомъ“, палачомъ. Послѣдній еще былъ извѣстенъ въ воспоминаемые сроки. На предметъ смѣшенія того и другого понятія существовала слѣдующая ходячая присказка: „хуць (хотя) катаный, ды ни катыный!“— Глаг.— катывыць — давать наказаніе на эшафотѣ.

45) Пыдпадкрупье, пья—сущ.—измельченная часть крупы, обыкновенно отдѣляемая отъ крупнѣйшей просѣвомъ на рѣшетѣ.

46) Просовая.

47) Першій и перьшій—числ.—первый; происходящее отсюда сущ.— пирьшакъ, ка—означаетъ старшаго сына.

48) Рождественскій сочельникъ, канунъ новаго года и крещенскій сочельникъ.

49) Болотная черника, уступающая обыкновенной вкусомъ и лѣкарственными свойствами.

50) Пыдиванникъ, ка — сущ.—начиненная тѣмъ или другимъ снадобьемъ кишка—колбаса (см. ниже).

51) Мясныя, начиненныя грудными внутренностями (печень, легкія, сердце, селезенка) и начиненныя кровью, которая обязательно смѣшивается то съ грудными внутренностями, то съ растительными предметами—крупою, мукою, картофелемъ.

52) Понятіе „дяды“ выражаетъ: а) безразличное имя предковъ - „живали дяды, ни мали (не имѣли) бяды“;—б) умершихъ родственниковъ, къ которымъ причисляются и умершія дѣти, и в) отдѣльные поминальные дни, коихъ четыре: 1—перьшіи дяды, тывстыя суббота (передъ заговѣньемъ на масленую),—2—виликодныи дяды, радыница (втор. Ѳом. нед.)—3—троецкіи дяды (суб. передъ Троиц. дн.) и 4—остатныи дяды, Змитрывка, восиньскіи дяды (суб. передъ 26 окт.).

53) Такое названіе происходитъ отъ желудочныхъ складокъ, отчасти напоминающихъ сложенные листы книги.—Отъ имени „книгивка“ слѣдуетъ отличать то же имя, которымъ называется пиголица—извѣстная неряшливая птица.

54) Цюрицъ и цирюшицъ—глаг.—выражаетъ дѣйствіе крошенья, но только руками, при чемъ, напр., хлѣбъ раздробляется въ мелкія крошки. Послѣднее у дѣтей составляетъ отдѣльную особенность хлѣбной ѣды: раскрошивъ хлѣбъ въ миску, въ подставленный подолъ рубашки, они вычерпываютъ его потомъ горстью.

55) Многія реченія, оставляемыя безъ поясненій, будутъ комментированы своевременно въ текстѣ.

56) Чикуляда—сущ.—отъ польск. глаг. чекаць—ожидать. Производимое такимъ образомъ слово выражаетъ понятіе о кушаньи, котораго недолго ожидать—оно скоро изготовится.

57) Покыцв—глаг.-лопаться, издавать звукъ лопанья. Сродный глаг.—пукыцв—выражаетъ дополнительное иногда дѣйствіе при скрипичной игрѣ, когда досужій любитель „пука“, испросивъ позволеніе скрипача, ударяетъ прутикомъ по басу и терціи, въ тактъ наигрываемой пьесы (см. мой очеркъ музыкантовъ въ „Этн. Обозр.“, кн. XIII—XIV, 1892 г.).

58) Цыбуля и чибуля—сущ.—лукъ и спеціальное кушанье изъ него. Сущ.—цыбульникъ—извѣстный пирогъ, начиненный лукомъ и составляющій любимое пшеничное печенье у евреевъ.

59) Пыстыкалка-сущ.—нѣсколько отстоявшееся молоко, съ котораго сняты сливки, или же онѣ взболтаны съ первымъ въ кринкѣ.

60) Жидкій сырой творогъ, вслѣдствіе продолжительнаго стоянья молока въ нехолодномъ мѣстѣ, отдѣлившійся отъ сыворотки. Про такое молоко обыкновенно говорятъ, что оно „створожилось“.

61) Сырница—сущ.—соленый творогъ, приготовляемый въ прокъ, на надобности масленой недѣли.

62) Отъ такой „путры“ слѣдуетъ отличать „путрянысь“ (р. п.—путрянысци)—крахмалистость кушанья, и „путру“ латышскую—дикое жидкое кушанье изъ смѣси муки, крупы, картофеля, сала и селедки. Доведенная до густоты каши послѣдняя „путра“ намазывается на хлѣбъ, какъ масло.

63) Брыдкій—прил.—приторный, противный. Сущ.—брыдысь, сци и глаг. брыдицъ,—дицца,—имѣютъ одинаковый смыслъ. Вмѣсто настоящихъ словъ съ тѣмъ же значеніемъ употребляются: гидысь,—гидкій,—гидицъ,—дицца.—Оттѣнками двухъ сродныхъ понятій можно считать: первое указываетъ на приторный вкусъ и запахъ, а второе—на такой же видъ его.

64) Искаженное въ евр. жаргонѣ нѣмецкое прилаг.—хорошій.

65) Первые — масленики и отчасти похожіе на нихъ - подлозевики, вторые же грибы, растущіе на мху, поросшемъ сосднякомъ.

66) Або—разд. союзъ—или. Сродный союзъ - абы—лишь-бы, только-бы.

67) Первое названіе приходилось слышать въ Вит., Полоцк. и Лепел. уѣз., а послѣдніе два - въ Городок. и Невел.

68) Мѣстное употребленіе слову - смягнуть—даетъ совершенно иное значеніе, и относитъ къ уменьшенію, къ сгущенію кушанья отъ дѣйствія теплоты, какъ въ данномъ случаѣ.—Сущ.—смага—сухость во рту и на губахъ отъ душнаго вѣтра, внутренняго жара, при болѣзни, или послѣ сна. Въ послѣднемъ случаѣ - „прогнаті смагу, смажиньку — значитъ—напиться, или съѣсть чего нибудь кислаго, прохладительнаго.

69) По сходству именъ, даже по созвучію, являются: то соотвѣтственныя кушанья, какъ въ данномъ случаѣ, то - праздники, какъ „Поясы" 31 авг., въ с. Болецкѣ, Город. уѣзда.

70) Знатоки этого печенья не могутъ забыть, что каждый городъ и въ особенности, мѣстечко даютъ баранкамъ особый оттѣнокъ, по которому онѣ различаются—велижскія, яновичскія, сиротинскія, бѣшенковичскія, полоцкія и проч.

71) Цукерка—сущ.—конфекта. Это полоническое имя конфекты замѣтно уходитъ изъ простонароднаго словаря.

72) Дуля и дулина—сущ.—большая груша. Какъ кажется, сейчасъ торговля ими увядаетъ.—Въ переносномъ смыслѣ дуля и дулина означаетъ: поднесенный кукишъ, кулачный ударъ въ лицо.

73) Кирмашевыя—сущ.—съѣдобный гостинецъ, доставленный съ ярмарки.

74) Существуетъ непоколебимая увѣренность, что заторенное до полудня тѣсто не вскиснетъ надлежащимъ образомъ, или дастъ нежелательные по вкусу и виду хлѣбы.

75) Сущ.—учина и затвора, какъ и происходящія отъ нихъ слова—учиницъ, зытворицъ,—совершенно тождественны и относятся къ хлѣбному затору.

76) Хлѣбы четыреугольные встрѣчались только въ монастырскихъ и помѣщичьихъ экономіяхъ; въ домѣ сельчанъ прибѣгать къ этому почиталось почти преступнымъ: свобода „кормильца" ограничивалась—отсюда неурожай, скудное зерно, недостаточный подъемъ въ печи и проч.

77) Кленовыя листья являются подстилкою на зиму, ради чего они и собираются въ запасъ во время листопада. Но такая подстилка скорѣе нежелательна: по мѣстному повѣрью (Вымно и Котово, Вит. у.), съѣвшій пудъ клену изъ-подъ хлѣба обязательно умираетъ отъ чахотки.—Подстилка изъ зеленыхъ листьевъ аира сообщаетъ нижней коркѣ пріятный запахъ.

78) Наихудшій „поскробышъ" отдается коровамъ и овцамъ, часто съ предрасудочными цѣлями, какъ лѣкарство.

79) Сухымятка—сущ.—сухоядѣніе.

80) Буквальный переводъ: чтобы былъ послѣдышъ.

81) Катэлка—сущ.—хлѣбный шарикъ и, въ особенности, сверченный въ продольную палочку хлѣбный мякишъ;—глиняный при сѣти сквозной шарикъ, для огруженія нижней части ея.

82) Въ этомъ случаѣ предпочтительнѣе перебрасывается освященный хлѣбъ, или скромные кусочки его, нарочно сберегаемые отъ пасхальнаго „свянцоныго, блыговѣщиныи проскурки" (просфоры, освящаемыя въ церкви 25 марта) и кусочки артоса.

83) Подпекаемый до легкаго горѣнья хлѣбный кусочекъ спѣшно подносится къ носу: острый дымокъ хлѣба дѣйствуетъ, какъ нашатырный спиртъ, и облегчаетъ насморкъ.

84) Чвартовка, вцы,—сущ.—разсѣченіе туши на части для соленья и вообще дробленіе мяса. Глаг.—чвыртываць—имѣетъ то же значеніе.—Въ этомъ, какъ и многихъ подобныхъ случаяхъ, имѣютъ живое мѣсто церк.-слав. флексія (у руцѣ, при нозѣ), т. е. г переходитъ въ з, к—въ ц,—что авторъ приглашаетъ имѣть въ виду во всѣхъ мѣстахъ очерковъ.

85) Первыя два кормовыя приготовленія составляются изъ разнообразной смѣси мякины, отрубей, овощныхъ очистковъ, прокваснвшагося кушанья, или остатковъ его; смѣсь задабривается „посный"—(въ Вит. у. и „посыпкый" въ Город. у.) грубою мукою изъ „пызадкывыхъ зернитъ". Телячій же кулешъ приготовляется исключительно изъ тонкой овсяной, или ячменной муки; онъ разводится молокомъ и составляетъ единственное неизмѣнное пойло уже десятидневнаго теленка.—Кромѣ наслѣдственности, такое питанье теленка въ нѣжномъ возрастѣ помогаетъ измельчанью породы.

Въ широкихъ хозяйствахъ разносортныя высѣвки помѣщаются въ отдѣльныя складища, откуда сподручнѣе брать ихъ на спеціальныя надобности.

86) Кисиль, сили,—сущ.—исключительно присущая квашнѣ кислота, взамѣнъ дрождей, служащая къ окисленію и подходу тѣста.

87) Загресь печку—одинъ изъ множества идіотизмовъ—выражаетъ, дѣйствіе загребанія жаркихъ угольевъ въ печурки.

88) Нѣжная кожица молодого картофеля отдѣляется такъ скоро и легко что это вызвало пословичное сравненіе: „якъ у бульби скурка (у лѣтку—лѣтомъ)".

89) При громадной, сравнительно, величинѣ печи, обязательно имѣющей въ лицевой сторонѣ „припечикъ" (печной выступъ), такое разстояніе доходитъ до двухъ съ половиною аршинъ.

90) Ходячій терминъ, обозначающій наивысшую степень горѣнья дровъ въ печи, когда пламя буквально заливаетъ послѣднюю. Если то же видится во снѣ, нужно ожидать какой-нибудь особенной печали изъ дома, про который снилось (повсемѣстное повѣрье).

91) Цямкій—прил.—внимательно присматривающійся, подмѣчающій что-нибудь; владѣющій вѣрнымъ зрѣніемъ.—Сущ.—цямкысь, сци,—глаг.—цямить, прицямливыць—имѣютъ то же значеніе. Ходячій терминъ—брацъ, или иццць ныцямки—означаетъ: дѣлать наугадъ, напроломъ, итти напрямикъ.

92) Заурядная примѣта въ с. Хвошнѣ и Войхани, Город. у.

93) Исчезнувшая нынѣ профессія волочебниковъ въ воспоминаемое время была еще довольно популярна. Обыкновенно общество небогатыхъ весельчаковъ, въ количествѣ лицъ 8—10, съ запѣвалой (пычинальникъ) и скрипачомъ (музыка) во главѣ, въ пасхальные дни обходили дома зажиточныхъ сельчанъ и пѣли подъ окнами спеціальныя волочебныя пѣсни, въ которыхъ всѣ угодники, наиболѣе чествуемые простолюдиномъ, призываются на помощь и къ благосостоянію дома (см. богатое собраніе этихъ пѣсенъ у г. Шейна „Бѣлор. п." 1874 г., стр. 75—110 и 453—456, а также и у г. Романова „Бѣлор. сборн." 1886 г., стр. 448—457).

94) Рыскырачицца—глаг.—имѣть выдвинутыя въ стороны ноги, или придать имъ такой видъ временно. Поросенокъ зажаривается въ печи именно раскарякою и такимъ подается на столъ.

95) Окончаніе волочебной пѣсни, записанной мною въ Веляшковичахъ, Вит. у., 23 мар. 1863 г. (см. „Бѣлор. п." г. Ш. стр. 75—80). Мѣсторожденіе пѣсни с. Вымно, того же у.

96) См. „Пословицы рус. нар." Даля, изд. 1879 г., т. I, стр. 437 и дальнѣйшія.

97) Острое ядовитое словцо съ цѣлью уязвить, униженно оскорбить противника. Отъ этого сущ. есть производный глаг.—шпильчиць и шпилькываць—удерживающій тотъ же смыслъ.

98) Нечистоты, испражненія мышей и крысъ.

99) Приведенное присловье выражаетъ, съ одной стороны, легкую возможность перейти отъ стола къ постели (полъ—нары), а съ другой—то приволье и досужество, которыя позволяютъ отдыхъ и сонъ послѣ ѣды. Въ общемъ присловье скорѣе иронизируетъ на счетъ тѣхъ, кто поступаетъ такъ.

100) Слова изъ нищенскихъ пѣсенъ о ниспосланіи здоровья тому, кто сдѣлалъ заказъ „чиниць спѣвъ", въ житейскомъ употребленіи сдѣлавшіяся присловьемъ (с. Махирово, Пол. у.).

101) Тыпытня, — сущ. — хожденіе въ ограниченномъ пространствѣ, при производствѣ той, или другой работы.—Глаг.—тыпытаць—имѣетъ то же, значеніе.

102) Вяць, прывяць, прош. вр.—вявъ, прывявъ,—глаг.—вянуть, провянуть. Мѣстное употребленіе этихъ словъ допускаетъ относить ихъ къ твердымъ предметамъ, подвергшимся мочкѣ, какъ здѣсь, и къ одеждѣ, которая послѣ дождя „вяниць", т. е. отъ сушки дѣлается чуть влажною.

103) Чужъ-чуканинъ,—сущ.—совершенно чужой, пришлый человѣкъ, не имѣющій родныхъ въ данной средѣ. Такими „чужиками" оказываются всегда лица, вошедшія въ домъ по силѣ брачныхъ обязательствъ, по найму, или какъ бѣглые крѣпостного времени.

104) Линька, линянье, какъ и другія происходящія отъ нихъ слова въ отношеніи къ человѣку выражаютъ: отощаніе его, внѣшнее изнуреніе, слабость.

105) Относительно заговѣнья сложилось шуточное увѣреніе, что въ этотъ день нужно ѣсть столько разъ, сколько недѣль въ предстоящемъ посту (Вит. и Пол. у.). На самомъ дѣлѣ (с. Ловожъ, Пол. у.) это скорѣе относится къ числу изготовляемыхъ „варъ" (варя—кушанье).

106) Упряжка, зыпряжка—промежутокъ рабочаго времени, предѣльными гранями котораго служатъ „запрогъ и отпрогъ" лошади, вола (бычанка). Такихъ „упряжикъ" три: а) отъ разсвѣта до „снидання", б) послѣ него—до обѣда и в) послѣ „полдника"—до солнечнаго заката. Хотя такое дѣленіе рабочаго времени всецѣло принадлежитъ пашенному дѣлу, однако же и при другихъ сельско-полевыхъ работахъ (косьба, уборка сѣна, жниво, возка хлѣба и сѣна, даже дровосѣкъ) время измѣряется „упряжками".

107) Вары (иногда—вари) рызваривыць—почти злобное, насмѣшливое показаніе на бѣдность, при которой кухня бездѣйствуетъ, и хозяева пробавляются „хлуский да сухымяткый".

108) Понятія: „ладныя часина и добрыя часина"—не тожественны, хотя обѣ слишкомъ относительныя. Въ болѣе опредѣленномъ переводѣ первое понятіе обозначаетъ время, потребное на проходъ 5—6 верстъ, а второе—вдвое большаго пути.

109) Слѣдуетъ признаться, что толочное пособничество, кстати, не подлежащее оплатѣ, съуживается до „навозной толоки" только, и при другихъ сельско-хозяйственныхъ работахъ очень рѣдко. „Навозьпики" ѣдятъ во всѣ сроки въ хозяйскомъ домѣ, за тѣснотой его—въ сараѣ, на дворѣ, подъ открытымъ небомъ; остальныхъ видовъ толочане — на мѣстѣ работъ, кромѣ ужина.

110) Троху, трохи, трошку, трошки и крышки,—нар.—немного, немножко.

111) Ще сэрца,—въ знач. нар.—натощакъ.—Безъ гигіеническихъ указателей, на основаніи традиціонныхъ пріемовъ, простолюдинъ не выходитъ изъ дому иначе, какъ употребивъ глотка два хлѣба, а за неподручностью его—довольствуется столькими же глотками воды, кваса. Разумѣется, самое строгое „ще сэрца“ соблюдается во дни Св. Причащенія, пожилыми же лицами и женщинами—при обыкновенномъ отправленіи въ церковь.

112) Станькомъ и устоичку,-нар.-въ стоячемъ положеніи. За тѣснотою, необходимостью часто отлучаться отъ стола, такъ ѣстъ стряпуха, или ближайшая сотрудница ея, а также незначительный посѣтитель во время ѣды, на привѣтъ котораго отвѣчено хозяевами: „просимъ къ намъ!“

113) Люцкысь, сци и людянысь, сци,—сущ.—тѣ условные обычаи и обрядность, кои приняты вездѣ и нарушеніе которыхъ есть нарушеніе общественныхъ приличій, - что свидѣтельствуетъ о неблаговоспитанности.

114) Застольная соль, т. е. находящаяся въ солонкѣ, или замѣняющей ее посудинѣ, никогда не берется непосредственно рукою, а рукояткою ложки, просто ложкою, концомъ ножа; въ исключительномъ случаѣ солонка наклоняется къ избранному мѣсту, чтобы просыпать нужное количество соли. Будучи сдѣлано рукою, то же напомнило бы Іуду-предателя („Юдаша“).

115) Пуцикъ,—сущ.—тонкоструйный (путь) слѣдъ, оставляемый на столѣ и другомъ мѣстѣ во время ѣды жидкаго кушанья. Отъ этого сущ. слѣдуетъ отличать другое—пуцыкъ—означающее полнолицое и вообще полнотѣлое дитя.

116) Жидишъ, шу и гусцежъ, жу,—сущ. вполнѣ понятныя.—Слѣдуетъ сказать, что оба слова имѣютъ единственное мѣсто въ „стравахъ“. Понятіе, напр., густоты въ другихъ случаяхъ, выражается иными словами: гусцерь (обиліе сорной травы въ хлѣбѣ, густота хлѣба), гусцирьва (заросль въ лѣсу, мелкая чаща).

117) Между понятіями—чавокъ и цмякъ—есть нѣкоторая разница, а именно: первый звукъ при ѣдѣ скорѣе похожъ на шумъ, а второй сходенъ съ незначительнымъ подобіемъ прищелкиванья.—Отъ приведенныхъ сущ. происходятъ глаголы: сербыць, чавкыць и цмякыць.

118) Выбачай и выбачь,—повел. форма—извини, не осуди, не поставь въ вину, но не—прости,—каковое понятіе значительно сильнѣе предыдущихъ.

119) Доно, на,—сущ.—собственно дно деревянной посуды. Наименьшее дно, изъ ведра и шайки, часто служитъ при столѣ для разрѣзыванья мяса и сала. То же имя получаетъ едва округленная дощечка, когда она служитъ для указанной надобности.

120) Модлива, вы,—сущ.—соусъ безъ примѣси муки, получившійся отъ смѣшенія жира съ водою, которая то выступила изъ мяса, то въ незна-

чительномъ количествѣ добавлялась къ жаркому, для періодической поливки. Впрочемъ, въ угоду семейному вкусу, стряпуха не преминетъ увеличить количественность „подливы“.

121) Капокъ, кынца.—сущ.—отдѣльная капля кушанья, упавшая на столъ,—что значительно разнится отъ „пуцика“.

122) Жартъ, та,—сущ.—невинная шутка, не словомъ только, но и дѣломъ.—Прил.—жартовный; глаг.—жиртываць.

123) Мацюгъ, га и мыцюрьщина, ны,—сущ.—рѣзкая брань, состоящая изъ т. наз. материнскихъ словъ. Сущ.—мыцюрьщинникъ—тотъ, кто такъ бранится; глаг.—мыцюгаць; нар.—ны мыцюжную—когда дѣло дошло до этихъ бранныхъ словъ.

124) Польское слово—дѣлать крестное знаменіе на сторонній предметъ.

125) Куцыкъ, цка—сущ.—собств. собака и кличка собаки съ окарнаннымъ хвостомъ, каковыя собаки довольно обычны въ селахъ. Чаще всего случается, что провинившейся собакѣ отрубаютъ хвостъ сами хозяева; но есть и довольно дикій пріемъ для этого: хвостъ защемляется въ расколотую палку и съ теченіемъ времени отгниваетъ,—что дѣлаютъ особенно неисправной собакѣ.

Кицка, цки,—сущ.—обычное названіе и кличка кошки.

126) Рыгъ, га и икъ, ика,—сущ.—отрыжка и иканье. Въ будничномъ употребленіи оба понятія часто смѣшиваются, по крайней мѣрѣ, второе замѣняется первымъ.—Отъ сущ.—рыги—слѣдуетъ отличать созвучное—реги—глубокій, раскатистый хохотъ.

127) Относительно этого слова, какъ и подобныхъ ему—ѣстыньки, ходыньки, гулиньки, спатыньки и проч.—слѣдуетъ сказать, что оно есть ласкательная форма глагола (повел. накл.), спустившаяся до склоненія, подобно имени сущ.—питыникъ, питыцькими и т. д.

128) Просонійка, ки,—сущ.—то состояніе, въ которомъ находится только что проснувшійся отъ дневного сна.—Замѣнъ обыкновенныхъ словъ ласкательными формами ихъ составляетъ замѣчательную типичную особенность бѣлорусскаго говора.

129) Т. е. „голоденъ, какъ хортъ“. Здѣсь имѣется въ виду т. наз. поджаристость хорта (борзая собака), отсутствіе у него полнаго живота.

130) Криничная и узнорная вода—ключевая, родниковая вода. Въ житейскомъ употребленіи оба мѣсторожденія воды имѣютъ слѣдующее различіе: криница—родникъ, выходящій съ горнаго склона, узноръ — ключъ на плоскомъ днѣ рва и вообще низменности (Веляшковичская вол., Витеб. уѣзда).

131) Мочула, лы и мочулина, ны,—сущ.—естественный прудокъ, заросшій травою съ лознякомъ и удерживающій кое-какую воду. Такія водовмѣстилища во множествѣ попадаются тамъ, гдѣ преобладаетъ чернолѣсье, и достаточно извѣстны по Витеб. губ. подъ именемъ „мочулистыхъ мѣстъ".

132) Въ 35 в. отъ Витебска есть дер. Ушивка, по увѣренію тамошнихъ старожиловъ, получившая свое названіе отъ колодезныхъ „вошій", невѣроятно наполняющихъ мѣстные колодцы. Такая же „вшивая вода" встрѣчалась и въ сосѣднихъ деревняхъ (юго-вост. окраина Вит. губ.).

133) Вылавливанье жуковъ, какъ и неизбѣжное каждый разъ процѣживаніе воды приходилось видѣть близъ мѣст. Орѣховна, Леп. у., еще въ 1870—71 г.

134) Фраза, сдѣлавшаяся поговоркою. Бруда, ды,—сущ.—мутная нечистота, которая при устоѣ спадаетъ на дно.—Есть непоколебимая увѣренность (д. Вербель, Пол. у., 1868 г.), что вода окончательно, или надолго портится только тогда, когда въ ней загублена чья-нибудь (человѣческая—преимущественно) жизнь и что замучиванье воды скорѣе дистиллируетъ послѣднюю послѣ устоя.

135) Лѣпи, лѣпши, ляпѣй, липяшѣй,—нар. кач.—лучше, пригоднѣе, сподручнѣе; красивѣе.

136) Дерць и дерци,—глаг.-драть. Въ приведенномъ присловьи понимается такое сильное дѣйствіе кваса, что расширятся глаза пьющаго.

137) Т. е. выливающійся чрезъ кранъ, которымъ на самомъ дѣлѣ бываетъ вставная деревянная трубочка съ затычкой въ концѣ. Изъ нижеслѣдующаго видно будетъ, что „крукъ" этотъ называется еще гвоздемъ,—почему и самый квасъ извѣстенъ подъ терминомъ—„зъ-пыдъ гвызда". Такимъ же именемъ обозначается быстрое тонкоструйное теченіе жидкости.

138) Т. е. гвоздь (трубочка) съ затычкою.

139) Тукъ, ку,—сущ.-питательное свойство пищевого предмета, но не жиръ, который называется „тлусомъ".

140) Пылявка и пылявушка, ки,—сущ.-дикая (полевая и лѣсная) яблоня и плодъ ея.—Падалицею называется каждое упавшее съ дерева яблоко. Слово это чаще понимается, какъ имя сущ. собирательное.

141) Домашнее пивовареніе приходилось видѣть въ Пуxновѣ и Барановѣ, Велиж. у., зимою 1853—54 г.; спустя же 15 л. пришлось видѣть закрытіе пивоваренныхъ заводовъ въ с. Ловжѣ и м. Сиротинѣ, Пол. уѣзда.

142) Марцовый,—прил. собственно, мартовскій (мѣс. мартъ); въ отношеніи къ данному пиву—выстоявшійся, старый напитокъ. Въ послѣднемъ значеніи слово „марцовый" прилагается къ устарѣлымъ женихамъ и невѣстамъ.

143) Сыхари, ревъ, -сущ.--сахаръ.—Эти слова нищенской пѣсни, порицающія роскошь, часто встрѣчаются въ излюбленномъ „лазарѣ", при описаніи довольства богача.

144) Парицъ грудки (согрѣть грудь внутри)-типичное обозначеніе дѣйствія, при которомъ пьется и ѣстся что-нибудь горячее.

145) Могучимъ средствомъ для излѣченія желтухи считается слѣдующее: въ горшокъ, по округлости не превышающій головы больного, кладутся 12 различныхъ желѣзныхъ предметовъ—замокъ, пробой, гвоздь, игла и проч. - которые до топки печи наливаются водой. Приставленный въ печь одновременно съ подкладкою подъ дрова огня, горшокъ все время подъ накрышкою остается въ ней до опорожненія стряпныхъ горшковъ,- что приходится вечеромъ. Уже тогда вынимается лѣкарственный горшокъ, и больной пьетъ изъ него отваръ „нагбомъ"--чрезъ край (с. Борковичи, Др. у., и Ловожь, Махирово, Пол. у.).

146) Колька, ки,-сущ.—помѣстное колотье въ тѣлѣ, довольно обыденное страданіе въ крестьянскомъ быту.

147) Почтеннымъ сборникомъ врачебныхъ средствъ слѣдуетъ почесть книжку „О врачебныхъ растеніяхъ, дико растущихъ въ Витебской губерніи", А. А. Антонова. Витебскъ, 1888 года (I - III, 1—42 стр.).

148) Забицъ, зарѣзыцъ, зыдавицъ муху—перенести или скромную попойку, или же очень большую, но не среднюю.

149) Шулумейка, ки,—сущ.—собст. голова, когда о ней говорится при кутежѣ.

150) Частное, нѣсколько совѣстливое. названіе попойки, или лучше—„полосканья зубовъ" въ понедѣльникъ 1-й нед. Вел. поста, который посему называется „шильнымъ, шилывытымъ пыниделкымъ". Попойка происходитъ при ближайшей корчмѣ, но подъ открытымъ небомъ (д. Поддубье, Вит. у. въ 1862 г.).

151) Кругъ такихъ данныхъ имѣетъ „Бѣлор. сбор." Е. Р. Романова, вып. III, Вит. 1891 г., стр. 11, 13 и мн. др.

152) Моцный, - прил. отъ сущ. моца, цы-спиртуозная крѣпость, сила, мощь,—что въ отношеніи къ человѣку указываетъ на нравственную, но не физическую мощь послѣдняго.

153) Имбирный.-Сущ. -галгинъ-имбирь.

154) Питейная мѣра, рюмка.

155) Зыжываць,—глаг.—употреблять тотъ или другой продуктъ, какъ предметъ питанья, или какъ прихоть, по привычкѣ. Въ этомъ смыслѣ понимается, напр., употребленіе табаку.

156) Поднести рюмку ко рту и коснуться водки губами.

157) Привычка произносить компанейское привѣтствіе сказывается нерѣдко и тогда, когда то приходится дѣлать только одному товарищу (с. Ловожъ, Пол. у., въ 1868 г.).

158) Примусъ, са,—сущ.—принужденіе въ хлѣбосольномъ дѣлѣ, настойчивое упрашиванье, составляющее необходимую принадлежность угощенія. При недостаткѣ его, гости потомъ отзываются такъ: „усего досыць було—и горѣлки, и ѣжи, али тольки примусу ни було".—Глаг.—примушаць—время-отъ-времени упрашивать гостей ѣсть и пить.

159) Т. е. настоящей, какая должна быть, или какая принята въ окрестномъ быту.

160) Пиливаный,—въ знач. прилаг.—покрытый глазурью, отъ сущ.—полива, вы,—имѣющаго значеніе собират. имени посуды съ глазурью.

161) Подъ этимъ именемъ извѣстна серія деревянныхъ издѣлій, сработанныхъ чрезъ выдалбливанье: лодки, корыта, кадки, ульи, миски, ковши и ложки. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ „долбежными" издѣліями приходится считать тѣ издѣлія, кои выдолблены при помощи долота и ножа.

162) Подлинная „долбежная" миска имѣется въ музеѣ при Витебск. стат. ком. (отд. V, № 90). Вѣсъ ея $1^1|_2$ ф., діаметръ дна $3^1|_2$ в., устья—5 в. и глубина 2 вер.

163) Сравнительно изящно выточенныя, красиво расписанныя миски, тарелки и ложки, привозимыя на продажу изъ внутреннихъ губерній, въ простонародной средѣ не имѣли большого распространенія именно изъ-за того, что краска прикрывала сортъ дерева и дѣлала его „навѣдымнымъ", при чемъ, не мало обезцѣнивало такую посуду распространенное мнѣніе, что въ составъ краски входитъ кошачій мозгъ... (юго-вост. окр. Вит. губ. въ 1850-хъ годахъ).

164) Збожже, жжа, ласкат.—збожжійка,—сущ.—зерновый хлѣбъ, по большей части, смѣшанный; тотъ же хлѣбъ—однородокъ называется „зернитымп"

165) Шуруваць.—глаг.—при мойкѣ натирать предметъ пескомъ, хвощомъ, мочалкою.

166) Цавье, цывья, ласк.—цавейцо, ца,—сущ.—рукоять нѣкоторыхъ предметовъ: ложки, долбни, молотка, косы, цѣпа и проч.

167) Приблизительно точный типъ такихъ ложекъ имѣется въ музеѣ при Вит. ст. ком. (см. V, 93).

168) Пярчовка, вки,—сущ.—перечница.

169) Подъ именемъ „природъ“ разумѣются вспомогательные при стряпнѣ предметы. Впрочемъ, и многія другія работы имѣютъ свои отдѣльныя „природы“.

170) У „цокуновъ“, живущихъ по сѣв.-восточ. окраинамъ Вит. губ. и (нѣсколько вглубь) прилегающихъ уѣздовъ—Витеб., Город., Нев.—такое произношеніе буквы ч довольно обычно; но приходится недоумѣвать, услышавъ произношеніе „цыгунъ“ въ Бѣломъ и Бононн, Пол. у.

171) Такое произношеніе слова—горшокъ—съ особенною выразительностью встрѣчается около Межева, Пол. у.

172) Горнулъ, горнуликъ и гырнуленыкъ, гырнулешикъ—уменьш. назв. горшка, на самомъ дѣлѣ очень маленькаго.

173) За неимѣніемъ подходящихъ банокъ, сельскіе врачи-самородки пользуются маленькими горшками, которые и ставятъ больному вмѣсто банокъ,—каковое дѣйствіе выражается приведеннымъ терминомъ.

174) Широченный, большенный, страшенный и под.—прилаг. въ прев. степени, хотя ту же степень выражаютъ формы на ущій—широчущій, большущій, страшущій и др.

175) Слова: подсосокъ и подсосъ рѣзко различаются между собою. Первое обозначаетъ потребителя (сосуна), а второе—мать его въ періодъ сосанья.

176) Отъ сущ.—шума, мы,—соръ, мелкая мякина, какъ то бываетъ въ крупѣ, и под. предметы, всплывающіе на поверхность горшка.

177) По внѣшнему подобію, тѣмъ же именемъ называется головастикъ.

178) Въ музеѣ при Вит. ст. ком. (см. V, 92).

179) Тамъ же.

180) Уменьш. отъ ночвы—довольно изящное корыто съ двумя бортами по концамъ и съ постепеннымъ пониженіемъ отъ нихъ къ срединѣ,—что рѣзко отличаетъ „ночвы“ отъ корыта собственно, которое имѣетъ отрубные концы и прямыя стѣнки при нихъ.—Величина „ночивъ, ночевыкъ“ разнообразна: наибольшія изъ нихъ (для стирки платья) бываютъ свыше полуторыхъ арш. въ длину и до 1 арш. въ ширину, при соотвѣтственной глубинѣ.

181) Отъ стряпныхъ корытъ дов. рѣзко отличаются: водопойныя, корыта-лодки и для свиного корма; между прочимъ, они отличаются и другъ отъ друга: первое (длина свыше сажени) узко и имѣетъ на концахъ сквозныя ушки; второе (длиною до сажени) значительно шире, съ однимъ ушкомъ, послѣднее же разнится отъ стряпного величиною (до 2 ар. въ длину и 12—14 верш. въ ширину).

182) Изъ всѣхъ предметовъ обиходности квашня не одолжается въ сторонній домъ. Зная это, при крутыхъ обстоятельствахъ, сельчане относятъ

свою муку въ домъ хозяевъ квашни, гдѣ и печется хлѣбъ стряпухою-хозяйкой.

183) Куфа, фы,—сущ.—исключительно 40-ведерная бочка. Половинной емкости бочку называютъ „повкуфый".

184) Отъ такого „чирпла", называемаго еще въ Вит. у. (с. Котово, Стасево) „чирпахый, чирипахый", нужно отличать „рыбное чарпло" (сачокъ), которое дѣлается изъ сѣти, рѣдкой ткани, корзины и рѣшета, для вылавливанья рыбы лѣтомъ въ ручейковыхъ „завыняхъ", осенью—при мочкѣ льна и пеньки и зимою—когда бываетъ рыбный „дохъ и тохъ" отъ недостатка воздуха подо льдомъ.

185) Слоикъ, слойка,—сущ. отъ „лой, лоя"- преимущественно внутренній жиръ (еще—доръ, ра) животнаго, зажаренный и тѣмъ приведенный въ жидкое состояніе.

186) Гырлачъ, ча,—сущ.—обыкновенное названіе молочной кринки, при которой нѣтъ ручки. Вмѣсто этого названія посудина носитъ имя „жбынка", хотя на самомъ дѣлѣ такое имя должно принадлежать кувшину (см. ниже—п. 48).

187) Бирисцень, сня,—сущ.—общее имя посуды, обвитой берестою, и болѣе тѣсное—глиняннаго горшка. Посему въ житейскомъ употребленіи можно встрѣтить „бирасневку, бирасценыкъ, бираснуликъ" (уменьш. посудину).

188) Кырчага, ги,—сущ.—принимается въ бранномъ значеніи, наравнѣ съ сущ.—кырга (неуклюже согнутый предметъ).—Та же посудина, какъ и прототипъ ея—кринка, называется еще „кылбаномъ, кылбаникымъ" (въ Город. у.), хотя въ Вит. и Пол. у. это имя принадлежитъ исключительно кринкѣ, кстати, называемой еще „стывбукомъ" (отъ сущ. столбъ) „стовбуникымъ".

189) Паекъ, пыйка (отъ сущ.—пай) принятая, хотя и несовсѣмъ точная, мѣра въ 8 гарнцевъ (см. „О мѣрахъ и вѣсахъ въ Вит. губ." А. Сементовскаго, Витебскъ, 1874 г., стр. 8).

190) Обычное имя собирателей ягодъ, какъ „грибники"—собирателей грибовъ, „рыбники"—рыболововъ (с. Махирово, Пол. у.).

191) Высота „бойки" доходитъ до арш. при діаметрѣ основанія въ 8 вер. и отверстія (крышки)—въ 4—6 вер.

192) Суды (воды и др. жидкостей), судовъ,—сущ. во мн. ч.—два ведра,—что принимается иногда за мѣрную единицу (въ Вит., Пол., Леп. и др. у.).

193) Живоцина, ны, живоцинка, живоцининка, ки,—сущ.—названіе отдѣльнаго четвероногаго домашняго животнаго и полнаго состава такихъ животныхъ. На сей послѣдній случай дов. употребительно имя—„животы"

(Пухново, Промочево, Бѣлавино, Велиж. у.). Слова: „стачинина, стачининка и статыкъ“ выражаютъ то же, хотя и болѣе обще—всѣхъ домашнихъ животныхъ.

194) Зауряднный размѣръ ковша слѣдующій: общая длина 5½ вер. (ручка 2 в. и выдолбъ 2½), ширина выдолба въ отверстіи 1½ в., дна—1¼ вер., при глубинѣ 1 вершка.

195) Сдѣланная изъ бляхи (жести).

196) Бутля, ли,—сущ.—бутыль вмѣстимостью свыше четверти ведра, но не менѣе этой мѣры.

197) „Сбѣгать за водкой“—обычный терминъ, выражающій такое положеніе, когда за водкой посылаютъ изъ дому, чтобы распить ее здѣсь, несмотря на то, что посланецъ (напр., старикъ, увѣчный) сдѣлаетъ это относительно медленно, а всадникъ—скорѣе пѣшаго.

198) Стаканныя грани и цвѣточныя полоски въ чашкахъ.

199) Кіекъ, кійка и пыпирашка, шки,—сущ.—путевая для вспоможенія палка, въ данномъ случаѣ то же, что извѣстный „посошокъ“.

200) Настоящая чарка—ковшичекъ хранится въ музеѣ при Витеб. стат. ком. (см. V, 91), а собраніе такихъ чарокъ (6 ковшичковъ) можно было видѣть у свящ. Старо-Сельск., Вит. у., церкви о. Станевскаго, въ 1860 г.

201) Приведенную пѣсню, пропѣтую во время одной и той же компанейской попойки „многіи—многіи разы“, приходилось слышать только въ 50-хъ годахъ въ Пухновѣ, Бѣлавинѣ, Барановѣ, Велижск. у., и въ д. Юдинѣ, Синякахъ, с. Котовѣ, Витеб. уѣзда.

202) Сверхъ подлиннаго значенія, обозначающаго финальную ѣду и питье, приведенный терминъ выражаетъ и конечное дѣло, заключительное слово о чемъ-нибудь. Терминъ употребленъ здѣсь въ послѣднемъ значеніи.

203) Подзолица, цы и подзолъ, ла,—сущ.—наихудшій сортъ земли, почва которой имѣетъ чистѣйшее сходство съ густою массою изъ золы. „Подзолица“ бываетъ то темнѣе, то свѣтлѣе, при чемъ она одинаково безплодна и становится пахотною въ крайнемъ безземельи.—Прил.—подзолистый и подзольный—имѣютъ то же значеніе.

204) Изюмомъ и миндалемъ.—Выраженіе: „хапаць мигдалы зъ неба“ осмѣиваетъ тѣхъ, кто полагается на несбыточныя надежды и вѣритъ, что желаемое придетъ, „какъ манна“,—осмѣиваетъ хвастуновъ и привирающихъ.

205) Переработанное на мѣстный ладъ слово—пеклеваный, т. е. испеченный изъ смѣси т. наз. ситной и тонкой ржаной муки.—Сущ.—питлевка и глаг.—питлювацъ выражаютъ дѣйствіе, при которомъ происходитъ мельничная обработка ржи для пеклеванаго хлѣба.

206) Въ с. Хвошнѣ, Веречьи, Бескатовѣ, Болецкѣ, Войхани, Кошѣ, Город. у., и др. прилегающихъ къ нимъ мѣстахъ.

207) Налесникъ, ка,—сущ.—тонкій пшеничный блинъ, сложенный вчетверо (прямой уголъ), или ввосьмеро (острый уголъ), и потомъ слегка поджаренный на маслѣ, или салѣ.

208) Грибокъ, бка,—сущ.—общеизвѣстная драчена, тѣсто для которой приготовляется значительно гуще блиннаго, - на молокѣ и яицахъ. Налитое на слегка теплую и подмазанную сковороду, драченное тѣсто ставится въ легкую печь, при окончаніи стряпни.

209) По большей части, „крипаныи" (начиненные) блины имѣютъ творожную съ жидкими яицами начинку; такіе блины называются „сырниками" хотя подъ этимъ именемъ вездѣ по Вит. Бѣл. извѣстно отдѣльное печенье, тѣсто котораго состоитъ главнымъ образомъ изъ прѣснаго творога, для вкуса и клейкости смѣшаннаго съ яицами и мукою. Изъ густого тѣста дѣлаются „сырники"—или толстыя, круглыя (діам. $1^1/_2$ вер.), или ромбоидальныя лепешки, съ насѣчками наверху, и потомъ зажариваются въ маслѣ на сковородѣ.

210) Колдуны, новъ,—сущ.—извѣстное польское кушанье, состоящее изъ мясныхъ шариковъ (по величинѣ орѣха), изъ коихъ каждый помѣщенъ въ тонкое пшеничное тѣсто; по изготовленіи, „колдуны" отвариваются и заливаются масломъ. Существуетъ шуточное увѣреніе, что „ковдуны треба ѣсця по копѣ" (копа—60 штукъ).

211) Подъ именемъ „ныдиваныхъ, ныдиваникывъ" разумѣются всѣ фаршированныя изготовленія.

212) При описаніи латышскихъ кушаній („Историч. свѣд. о Бѣлор.", М. Безъ-Корниловича, Спб. 1855 г., стр. 263, „Сборн. въ память перв. русск. стат. съѣзда", А. Сементовскаго, Спб. 1872 г., стр. 338, „Народы Россіи" (этнограф. очерки), Спб. 1880 г., оч. VI, и „Витебская губернія", вып. I, Витеб. 1890 г., стр. 293) о „путрѣ" кратко упоминается только въ послѣдней кн. А между тѣмъ это кушанье у богача и бѣдняка (у послѣдняго—единственное теплое изо дня-въ день)—есть чуть ли не племенное, весьма типичное кушанье, и существенную основу его составляетъ проквашенные, доведенные до броженія молочные и хлѣбные остатки. Въ убогомъ случаѣ „путра" потребляется сырьемъ, какъ жидкое кушанье; обыкновенно же основа переваривается съ дополненіемъ муки, крупы, картофеля, другихъ овощей, изрѣдка—стручковыхъ плодовъ, мяса, сала, или рыбы, по большей части, селедки. Въ готовомъ видѣ „путра" есть продуктъ совмѣстной варки почти всѣхъ перечисленныхъ предметовъ; она бываетъ жидкою и густою, потребляется какъ супъ и каша, или намазывается на хлѣбъ, какъ „кулага" и солодуха у Бѣлор.—На цѣлодневныя надобности семьи „путра" готовится въ объеми-

стомъ котлѣ, который время-отъ-времени подогрѣвается, при чемъ, сгустившееся кушанье, по мѣрѣ надобности, разбавляется основою, или теплою водой.

213) По увѣренію очевидцевъ, латыши не придерживаются опредѣленныхъ сроковъ ѣды: кто хочетъ ѣсть, тотъ подходитъ къ котлу и накладываетъ въ миску столько „путры", сколько можетъ съѣсть. Разумѣется, что въ будни это исключаетъ всякую возможность группироваться всей семьѣ за обѣденнымъ столомъ, что такъ обычно у коренного простонародья.

214) Это можно отчасти встрѣтить въ близлежащихъ мѣстахъ къ недавнимъ сравнительно латышскимъ поселкамъ (въ Королевской, Веляшковской и Ѣымнянской вол.); но то же встрѣчалось еще въ 1880 г. у желѣзнодорожныхъ служителей (будочниковъ) по дв.-вит. ж. д.

215) Старожилы и современные жители Витебска не могутъ забыть, что это происходитъ на Юрьевой горкѣ (23 апр.), близъ Марк. монаст. (9 мая и въ Духовъ день), въ Залучесьи (23 мая), близъ Св.-Дух. цер. (въ Вознес. и Троиц. день).

216) Въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ довольно изящныя издѣлія изъ мѣстной глины приготовлялись при Борковичскомъ (Дрис. у.) имѣніи г-жи Залютинской, и типичною особенностью ихъ была черная глазурь снаружи и внутри.

217) Незабвенный Н. Д. Н., бывшій свящ. (съ 7 мар. 1860 по 9 нояб. 1864 г.) въ м. Придруйскѣ, Др. у., разсказывалъ, что по случаю освященія дома, на одномъ крестьянскомъ обѣдѣ, гдѣ присутствовалъ и разсказчикъ, въ такой именно новой посудинѣ предложенъ былъ гостямъ „сцюдинь"... Многочисленные разсказы о появленіи на столѣ спальной посудины, будтобы забытой ночевавшимъ въ домѣ офицеромъ, „коморникомъ" (землемѣромъ), или „панами", слѣдуетъ считать скорѣе анекдотическими сказаніями насчетъ простака-землячка...

218) Половина поджаренной винной ягоды даетъ такой крѣпкій чаеподобный настой, что его достаточно бываетъ тремъ-четыремъ чаепійцамъ. Этотъ чай фигурировалъ въ с. Ловжѣ, Пол. у., въ 1868—69 гг.

219) Пыха, хи,—сущ.—показное щегольство, желаніе стать выше обычнаго положенія. Терминъ—„брацъ на пыхи"—выражаетъ такое именно желаніе.

220) Послѣднее почему-то понравилось простолюдину при первомъ же ознакомленіи съ чаепитіемъ. Въ текущее время водку замѣняютъ „сливки отъ бѣшеной коровы" (наливка, ромъ, коньякъ),

221) Анкарыкъ, рка, -сущ.—анкерокъ, небольшой винный боченокъ. По Академическому „Слов. рус. яз.", изд. 1891 г., ст. 48, вмѣстимость ан-

керка опредѣляется $2\,^3/_8$—$3\,^1/_4$ ведра; мѣстный же „анкарыкъ“ содержитъ $^1/_8$ или $^1/_2$ ведра.

222) Сипуха, сипучка, сипучій, сипѣць—переработанныя на мѣстный ладъ слова отъ—шипѣть, шипѣнье. Въ житейскомъ употребленіи эти слова имѣютъ различное значеніе: такъ, „сипухый“ назыв. иногда женщина, по органическому строенію; „сипучкый“—шипящій напитокъ и змѣя, гнѣвная женщина, охриплость (чаще—сипка); что же касается глагола, то его употребленіе разнообразно и причудливо: „змія-свякрова сипиць“, простудившійся „сипиць“, сырыя „дровы сипяць“ въ печи и проч.

223) Т. е. чтобы при пріемѣ внутрь водка была пріятна и чтобы питье ея сказалось желаннымъ хмелькомъ, опьяненіемъ.

224) По завѣренію С. Я. К., уроженца с. Вѣтрина, Леп. у., такое привѣтствіе при попойкахъ употребляется окрестною б. шляхтою; но то же привѣтствіе приходилось слышать въ пограничномъ м. Ліознѣ, Могил. губ., лѣтомъ 1889 г. при крестьянской попойкѣ.

225) Чукыцца,—глаг.,—сравнительно недавно вошедшій въ употребленіе и переработанный изъ слова—чокаться.

226) Оба слова есть имена собират. и выражаютъ кругъ одеждъ и обуви. Здѣсь они употреблены въ имен. пад. един. ч., при чемъ неударяемое е перешло въ я (см. примѣч. 11); но такое же произношеніе и начертаніе остается за этими словами и въ им. п. множ. числа.

227) Житейское пониманіе этой пословицы таково: когда бы не заботы о пищѣ и одеждѣ, такъ бездѣйствующій человѣкъ изнемогъ (околѣлъ) бы отъ лежанья.—Данное г. Носовичемъ („Словарь Бѣлор. нар.“) объясненіе слова—опригацца—значительно расходится съ помѣстнымъ (юго-вост. часть Вит. губ.), гдѣ оно, принимая укоризненно-бранный смыслъ, выражаетъ такое животное удовлетвореніе пищею, питьемъ и сномъ, которое можно приравнить къ положенію откармливаемаго, напр., борова, который иногда не переживаетъ выкорма и околѣваетъ.

228) Кромѣ сдѣланнаго въ текстѣ объясненія слова—приборы—оно понимается, какъ дорожный сборъ, или домашняя укладка, размѣщеніе предметовъ. Житейское пониманіе пословицы допускаетъ считать „приборами“ и послѣднее.

229) Слово—хула—въ значеніи хвалы имѣетъ единственное мѣсто лишь въ этомъ возгласѣ.

230) Авторъ приглашаетъ имѣть въ виду ограниченный въ предисловіи періодъ времени.

231) Бяштоникъ, или бизпортошникъ—небрежно употребляемое имя мальчика, пока тотъ не носитъ портковъ. „Бизпортошныя кыманда“—назва-

ніе общества такихъ же дѣтей, гдѣ не выдѣляются и маленькія дѣвочки, не носящія юбокъ.

232) Паликъ, пылика,—сущ.—подмышечная нашивка въ сорочкѣ, принимающая видъ палицы (изъ числа свящ. облаченій).

233) Помимо житейскаго употребленія чистый типъ такой сорочки имѣется въ музеѣ при Вит. ст. ком. (см. V, 73), а „кывняровки"—V, 9.

234) Такое названіе принадлежитъ ткани, когда, при условной длинѣ она удерживаетъ при сшивѣ свою уточную ширину. Вмѣсто выраженія—„четыре полотнища" въ Вит. и Пол. у. дов. часто можно услышать—„четыре полы".

235) Кишень, ня,—сущ.—карманъ; ласк.—кишанекъ и кишеникъ.—Отъ этого слова получаетъ названіе одежда съ карманами—„кишаневыя одежа".

236) Весьма точный типъ такихъ портковъ имѣется въ музеѣ при Вит. ст. ком. (см. V, 70).

237) Гузенне, ння,—сущ.—нижняя часть портковъ на задней сторонѣ, гдѣ подъ углами сходится нѣсколько швовъ. Происходя отъ сущ. гузка, это слово не имѣетъ родства съ мѣстнымъ сущ.—гузъ, за—желвакъ, затвердѣлый наростъ на лбу и головѣ (природный и отъ ушиба).

238) Суроцы, цывъ (еще: уроки, кывъ),—сущ.—такое воздѣйствіе человѣка на одушевл. предметъ и даже дѣйствіе предмета, отъ котораго послѣдній подвергается заболѣванію, или же дѣйствіе идетъ на пагубу („на сцертыя"),—что происходитъ отъ особеннаго склада „сурочника" и магнетическаго вліянія его глазъ (Распространенное повѣрье по Вит. Бѣлор.).—Прил.—сурочный, урочный (уреченый) и глаг.—сурочиць, урочиць—имѣютъ то же значеніе.

239) Офяра, ры, сущ.—всякій предметъ, жертвуемый по обѣту, какъ и обѣщаніе по религіознымъ побужденіямъ итти на богомолье, положить извѣстное число поклоновъ, пройти разстояніе на обнаженныхъ колѣняхъ и проч. Отсюда происходитъ глаг.—офируваць, ваццa, —прил.—офярный, офяровый.

240) Такія „разини, разиньки" бываютъ въ нѣсколькихъ случаяхъ: такъ этимъ именемъ называется узкое отверстіе ворота, обнажающее грудь полосою,—промежутокъ между платкомъ на шеѣ и рубашкой,—недостаточно стянутыя снуркомъ голенища башмаковъ,—наконецъ, полосныя дырья на бѣлье, чрезъ которыя обнажается тѣло (Черница и Оболь, Пол. у).—Точный „кывняровый насовъ" можно видѣть въ музеѣ при Вит. ст. ком. (см. V, 63).

241) Одѣванье балахонной одежды „кулькомъ, или пукымъ“, т. е. мѣшковатымъ положеніемъ ея на тѣлѣ, зависитъ отъ покроя и не всегдашняго опоясыванья „сподкывъ“.

242) Есть шуточное увѣреніе (Вѣтрино, Леп. у., и Межево, Пол. у.), что „черная сермяга“ подарена только шляхтѣ и что мужикъ можетъ приближаться къ этому цвѣту одежды, но не смѣетъ носить ея...

243) При сомнительной погодѣ, ради большей теплоты, а также и для показанія достатка въ одеждѣ, на шубу надѣвается сермяга,—изрѣдка—балахонъ.—Въ описываемое время обязательно одѣвались такъ брачущіеся, даже лѣтомъ, при чемъ, не въ примѣръ зимнему одѣванью, шуба и сермяга не опоясывались, а послѣдняя бывала распашною.

244) Отъ сущ.—кожухъ, кыжушокъ. Въ уничиж. смыслѣ принимается, какъ сущ. жен. рода.

245) Польское названіе вязаныхъ перчатокъ.

246) Испотка, испоччина, испоччинка и испоччининка—обычное имя рукавицы въ прямомъ и ласкат. значеніи.

247) Это можетъ показаться преувеличеннымъ („обловуха“ въ музеѣ при Вит. ст. ком. вѣситъ только фунтъ); но у нищихъ, нижнихъ полицейскихъ чиновъ (сельск. десятскіе), лѣсныхъ сторожей и др. „обловуха“ съ поклажею въ ней (деньги, курительныя принадлежности, порохъ, дробь) доходила до такого именно вѣса.

248) Нябощикъ, ка,—сущ.—(небожитель) умершій, но не погребенный человѣкъ. Ображацъ (исполнить обрядность)—омыть, одѣть, прибрать покойника (см. вын. 25).—Объ этомъ подробно сказано мною въ сборн. П. В. Шейна („Матеріалы“, т. I, ч. 2-я, Спб. 1890 г., стр. 507—517).

249) Шуметникъ, ка, сущ. отъ словъ—„шума, шумецця, шмяцце“ (соръ)—мусорная куча, мѣсто для выброса сора.

250) Подлинную рубашку описаннаго типа, между прочимъ, можно видѣть въ музеѣ при Вит. ст. ком. (см. V, 61).

251) Пудмуровка, вки,—сущ.—собственно фундаментная часть зданія, какъ каменная и оштукатуренная, рѣзко отличающаяся отъ деревяннаго корпуса. Въ отношеніи къ рубашкѣ слово „пудмуровка“ имѣетъ полунасмѣшливое значеніе, хотя (с. Махирово, Пол. у.) оно и производится отъ „бабиго муру“—извѣстныхъ періодическихъ нечистотъ.

252) Подлинную „сподницу“ такого построенія можно видѣть въ музеѣ при Вит. ст. ком. (см. V, 62).

253) Между перечисленными узорными тканями есть большая разница: ткань „у мачинки“, неизбѣжно тонкая, имѣетъ правильно размѣщенныя крапины, на самомъ дѣлѣ сходныя съ зерномъ мака;—„у клятушки“ (клѣточки)—тѣ же правильныя клѣточки;—„у кукушки“—мелкіе узоры, оконеч-

ность которыхъ, какъ и цвѣтъ, напоминаетъ округлую оконечность пера кукушки;—„у ялушки“ (елочки)—имѣетъ размѣщеніе линій, напоминающихъ размѣщеніе еловыхъ листковъ на вѣткѣ.

254) Онъ же—„андыракъ“, между прочимъ, вошедшій въ слѣдующую пословицу: „якъ у церькву, якъ у кыбакъ—усе одинъ андыракъ (или—андракъ). Сравнительно точный „дрыликъ-андыракъ“ можно видѣть въ музеѣ при Вит. ст. ком. (см. V, 85).

255) Ялывица, яловка—нестельная корова; сущ.—ялывиччина—мясо такой коровы.

256) Поется повсемѣстно и осмѣиваетъ безразсудное мотовство щеголихъ.

257) Коптуръ, ра,—сущ.—шапка съ приподнятыми вверхъ наушниками и надшейникомъ,—что дѣлаетъ ее значительно шире, полнѣе. Это послѣднее и выражаетъ полноту, ширь, которую сообщаетъ головѣ повязка.—Отъ этого слова нужно отличать другое—„коптыръ“—такую полноту, которая превысила мѣру (верхъ въ мѣрѣ сыпучихъ тѣлъ, или то же при накладкѣ предметовъ въ корзину, горшокъ, кадку, фартукъ, подолъ).

258) Бахроцця, цци,—сущ. въ значеніи имени собир.—бахрома, тесьма съ махрами.

259) Къ сожалѣнію, многія добрыя стороны жизни старообрядцевъ (трудолюбіе, опрятность, трезвость, привязанность къ національной одеждѣ и др.) не прививаются къ жизни „полячка“,—о чемъ достаточно сказано мною въ статьѣ о хозяйскихъ пособникахъ („Этн. Обозр.“ XVII кн., стр. 135—138).

260) При спѣшныхъ, короткихъ „пыбягушкыхъ“, шуба, сермяга и балахонъ только накидываются на плечи, но такъ, что спинка и рукава спускаются назадъ и висятъ, остальная же часть одежды держится на плечахъ таліей,—каковаго ношенья одежды мужчины не допускаютъ.

261) Такая витушка есть только половинная сторона веревки и, предоставленная себѣ, легко можетъ развертѣться. Какъ изловчаются сплести лапоть изъ витушекъ—составляетъ особое умѣнье и снаровку мастеровъ. Плетенье изъ полныхъ веревокъ не такъ трудно, зато вызываетъ болѣе продолжительную работу, именно—приготовленіе веревокъ.

262) Мотушка, шки, и мотокъ, тка,—сущ.—связка кольцеобразныхъ предметовъ, нанизанныхъ на повязь, и прядь нитокъ на мотовилѣ, или снятая съ него, но пока-что неразрѣзанная.

Кора молодого липняка, хотя и снимается полосою, но послѣдняя при сушкѣ свертывается въ трубочку и подъ именемъ „трубыкъ“ поступаетъ въ продажу.

Всѣ перечисленные предметы съ лутьемъ (молодой липнякъ) включительно въ изобиліи поставлялись на четверговые базары въ м. Ліознѣ, Мог. г., и привлекали многочисленныхъ покупателей изъ деревень Вит. у., верстъ за 20 и болѣе отъ мѣстечка, особенно въ Вознесенье и „девятникъ".

263) Кывярзни, невъ,—сущ. отъ гл.—кывирзаць—ковырять, дѣлать подкладку послѣ предварительнаго подковыриванья, какъ это и бываетъ при изготовленіи лаптей вообще.

264) Быковикъ и быковица—отъ сущ. бокъ—боковая сторона лаптя, низкаго башмака, изрѣдка—боковая сторона верхней одежды;—дымовое отверстіе въ печи, стѣнѣ, которое чаще (въ Вит. у.) называется „боковкый".

265) Отъ гл. пыдвирацъ—подплетать, подшивать,—что исключительно относится къ укрѣпленію подошвы лаптя.

266) Муліцъ и мулицъ,—глаг.—тереть, безпокоить, мозолить. Сущ.—мулъ, нар.—мулко употребляются въ томъ же значеніи.

267) Кыляный,—прил. отъ сущ. колъ—твердый (не каменный, не металлическій), прямостоящій предметъ, какъ, напр., замороженная мокрая тряпка, руки, уши, остывшій трупъ человѣка и животнаго. Сущ.—кылянысь, сци, ласк. прил.—кыляниинькій, глаг.—кыляницъ, нар.—кыляно—имѣютъ то же значеніе.—Кыляныи валинцы—туго свойлоченные валенки.

268) Шипувалъ (собств.—шаповалъ),—сущ.—войлочникъ, валильщикъ, онъ же—и шерстобитъ.

269) Рантовое шитье обуви, возобновившееся въ самое послѣднее время, есть такое, когда подошва имѣетъ выступы, т. е. края не пристаютъ плотно къ верхней кожѣ. Въ воспоминаемое время рантовое шитье имѣло ту особенность, что верхъ только пришивался дратвою къ подошвѣ, въ нижней сторонѣ которой дѣлался для этого мелкій надрѣзъ, скрывавшій строчку.

270) Подборы—каблуки изъ кожаныхъ обрѣзковъ.

271) Такъ назывались типичные сапоги, въ готовомъ видѣ доставлявшіеся на мѣстныя ярмарки и въ сапожныя лавки изъ Осташ. у., Тв. г., но то же имя носили единственные тогда рыболовы (исключит. зимою), выходцы изъ Осташк. у.

272) Сколько помнится, шарфы стали вытѣснять шейные платки и косынки около 1860 г. и, какъ водится, сперва появились въ городахъ, а потомъ пробрались и въ деревни, гдѣ и задержались до нашихъ дней.

273) Повсемѣстное названіе трубки, чубука и крючковатой въ полтора вер. проволоки. Трубка и „чисцикъ" всегда бываютъ привязаны къ чубуку то узенькими ремешками, то снурочками.

274) Бирьки—плашечки вершковой длины изъ расколотыхъ чурокъ, не превышавшихъ толщины мизинца. При игрѣ „у бирьки" такихъ плашечекъ должно быть 6: онѣ подбрасываются вверхъ съ руки, и отъ паденья то округлою, то плоскою стороною четнаго или нечетнаго числа ихъ зависитъ условный выигрышъ и проигрышъ (въ юго-восточ. окраинѣ Вит. у.).

„Тронки"—глиняные, или оловяные шарики величиною, едва превышающую ружейную круглую пулю.

Въ свою очередь „тронки" бросаются съ руки въ заранѣе высверленную каблукомъ въ землѣ ямочку, имѣющую по ту и другую сторону поперечные ровики (какъ улечься пальцу). Отъ числа упавшихъ въ ямочку „троныкъ", чета и нечета ихъ, зависитъ условный выигрышъ и проигрышъ. Къ сказанному остается прибавить, что игра „у тронки" спорадична: случается, что въ срединѣ между 30-ти-верстными игорными пунктами не имѣютъ даже понятія „о тронкахъ"".

275) Чипурицца, причипурицца, — глаг.—пріодѣться по-щегольски, убрать платье понараднѣе.—Въ 60-хъ годахъ въ Веляшков. в., Вит. у., была крестьянская семья Чипурныхъ. Чипурненковъ.

276) На дѣтскомъ языкѣ—„ляля, лялька, ляливька"—есть имя маленькаго дитяти и названіе куклы, какъ подобія его. Отъ этого слова отличается дѣтское названіе игрушки—„цаца, цацка, цацынька, цацулька".

277) Женскія серьги бываютъ: гладкія колечки и „подвѣски"; подъ послѣдними собственно разумѣются такія, гдѣ къ гладкимъ колечкамъ привѣшены другія, съ камнями къ нимъ, или съ ажурною, рѣзною разрисовкой, шариками, кистями и проч. Но тѣмъ же именемъ „подвѣсыкъ" называются и гладкія серьги, если въ ободокъ вправленъ какой-либо камень, правильнѣе—цвѣтное стеклышко.

278) Шахва, хвы,—ласк.—шахвычка—у мелочныхъ торговцевъ небольшой шкафикъ, двѣ створчатыя дверки котораго, какъ и остальной корпусъ, имѣютъ множество отдѣленій для укладки мелочного товара. Типъ „шахвы" остался неизмѣннымъ до нашихъ дней: она и теперь еще торчитъ на скамейкѣ, то на базарѣ, то при т. наз. „погребкахъ".

279) Послѣднее названіе приходилось слышать въ Горковской вол., Гор. у., гдѣ оно встрѣчается и въ пѣснѣ объ Акулинкѣ:

„Акулинка къ обѣдни ишла,
Пихцель пироговъ нисла..."

(См. „Этн. Обозр." кн. XVII, стр. 128).

Тѣмъ же именемъ называется и плетеный, на подобіе сѣти, изъ веревочекъ, дорожный мѣшокъ для сѣна.

280) Чистый типъ такого кошеля, кстати, довольно древняго, имѣется въ музеѣ при Вит. ст. ком. (см. V, 60).

281) Эта головка и даже сама палка называется „былдовней, былдовешкый, пыбовешкый“ (въ юго-вост. окраинѣ).

282) Сховъ, ва,—сущ.—дѣйствіе приберегающаго, прячущаго, какъ и самый предметъ, подлежащій припрятыванью. Отъ этого слова рѣзко отличаются слова: „поховъ, поховный, пухувацъ“, относящіяся къ погребенію покойника.

283) Предѣльною мѣрою „кубла“ приходится считать 20-ведерную, примѣрно, вмѣстимость.

284) Болѣе подробное описаніе этого сдѣлано мною въ „Матер.“ П. В. Шейна, т. I, ч. 2-я, Спб. 1890 г., стр. 47.

285) Нижнія нары вдоль стѣны, начинающіяся отъ лѣвой стороны печи.

286) Сцирка, рки,—сущ.—имѣетъ два значенія: тряпка для стиранія стола, вытиранія посуды, и мытье бѣлья дома, каковое дѣйствіе внѣ дома называется „полосканьемъ“.

287) Т. е. за внѣшними углами избы и другихъ строеній, каковыя мѣста, за исключеніемъ „краснаго угла“ (гдѣ внутри помѣщены иконы), считаются непотребными и всегда грязны. Выраженіе—„слыняцца пы завголли“—между прочимъ, обозначаетъ такое житейское положеніе, когда человѣкъ принужденъ бываетъ вѣдаться только съ отрицательными сторонами жизни.

288) Лапикъ, ка,—сущ.—заплата въ одеждѣ и обуви. Отъ глаг. „лапиць“ (иногда значитъ обнимать, отъ сущ.—лапа—рука) происходитъ прич. „лаплиный“, которое въ приложеніи къ лошади значитъ пѣгую („стракатыю“) лошадь.

289) Пушка, шки,—сущ.—высокая (6 вер. вышиною и 3—4 вер. въ діаметрѣ) кубышка то деревянная, точеная, то жестяная, то берестовая.

290) Искателямъ археологическихъ и др. предметовъ древности смѣло можно рекомендовать обращеніе къ такимъ складищамъ, присовокупляя, что доступъ къ нимъ довольно труденъ, и что настоящіе хозяева не понимаютъ цѣнности многаго „пыдрыбяззя“, которое они такъ заботливо берегутъ...

291) Отъ нар.—троху, трошку—немного, т. е. такое смѣшанное складище, про которое мѣтко говорятъ: „всего понемножку“.

292) Въ концѣ 60-хъ годовъ приходилось встрѣчаться съ этимъ въ раіонѣ Ловожской вол., Пол. у., и чаще всего—у тамошнихъ старообрядцевъ, отъ которыхъ, несомнѣнно, оно перенято и коренными крестьянами.

293) Отъ сущ.—патруха (труха) сѣнная и соломенная.—Каждый разъ, при встряскѣ сѣнника и такой же подушки передъ сномъ, въ избѣ поднимается густая пыль, которая, въ соединеніи съ лучиннымъ дымомъ да пылью

подметенной избы, даетъ своеобразный туманъ, улегающійся „во тьмѣ ночной".

294) Горохвины, нъ,—сущ.—гороховая солома, кстати, менѣе хрупкая, чѣмъ другая солома. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя суевѣрныя примѣты стоятъ противъ спанья на „горохвиныхъ" и даже выработался несовсѣмъ почетный терминъ: „кытацца ны горохвинкыхъ"...

295) Лежать или спать „у покытъ" (отъ слова—катиться)—то же, что лежать и спать рядомъ.

296) Кромѣ житейскаго употребленія этого имени, между прочимъ, оно помѣчено у г. Шейна („Бѣлор. пѣсни", Спб. 1874 г., стр. 14) въ записи изъ м. Чашникъ, Леп. у.

297) Отъ сущ.—портъ, ту—всякое издѣліе изъ льна, пеньки и ваты, дающее при горѣньи типичный запахъ, рѣзко отличающійся отъ запаха горящей шерсти и шелка. Отъ такого именно свойства („пахницъ портымъ") „пырцянины" получаетъ названіе весь кругъ льняныхъ одеждъ.

298) Повѣсмо, сма,—сущ.—связка, или куль вытрепаннаго льна и пеньки, горстей въ 10—12. Отдѣльная горсть такого матеріала носитъ имя „повѣсмычка, повѣсымка и жмени, жменьки". Вычесанный и слѣдов. готовый къ пряжѣ ленъ и пенька удерживаетъ то же имя. Но „повѣсымко", свернутое „кылцяшомъ" (витушечнымъ комкомъ) и приносимое въ церковь на „офяру", или въ даръ какому-нибудь лицу, называется просто „кужилимъ".

299) Здѣсь частица „ты" не мѣст., а прибавочное „то", произносимое такъ, какъ неударяемое.

300) Приневоленная къ замужеству дѣвушка произноситъ эти слова,—что имѣло памятное мѣсто въ д. Морочахъ, Вит. у., въ 1·62 г.

301) Помимо заурядной необходимости приготовить для пряденья мягкій и чистый ленъ, тройная ческа его—„у сидичку, у стоичку, у лежичку"—дѣлается и для того, чтобы будущее издѣліе одинаково хорошо служило человѣку въ состояніи сидѣнья, ходьбы и лежанья (м. Орѣховно, Леп. у., въ 1871 г.).

302) Дяруга, ги и дяружина, ны,—сущ.—названіе грубой ткани, служащей для застилки сидѣнья въ экипажѣ, покрышки путевой лошади зимою, покрышки воза, а дома—для переноса мякины, травы, мелкаго валежника, щепъ и проч.

303) Дявущій, дявущія,—въ знач. сущ.—старый холостякъ и такая же дѣвушка.

304) Обгонки, обыгонки, нькъ, и пираспѣхи, хъ,—сущ. во мн. ч.—(кто кого обгонитъ), всякая работа, гдѣ идетъ соревнованіе трудящихся. Тѣмъ же именемъ называется извѣстная игра въ горѣлки.

305) Отъ гл.—скусь, скубаць—отрывать, выдергивать, драть (когда говорится о выдергиваньи перьевъ и пуха у птицъ, щетины и шерсти—у

свиней, поросятъ, козъ, кроликовъ, или о драньѣ перьевъ въ подушки). Поскубнуць, скубануць, даць скубку—означаетъ: щипнуть кого, дернуть за волоса, бороду, уши и носъ.

306) Естественно ожидать, что пеньковыя нитки, какъ наиболѣе крѣпкія, могутъ быть швейными. На самомъ дѣлѣ онѣ бываютъ таковыми въ довольно ограниченныхъ случаяхъ: пенька труднѣе „волокнитца", для умягченія требуетъ продолжительной работы, а это такъ неудобно при массѣ другихъ женскихъ работъ.

307) Трусъ, са,—сущ.—кроликъ.

308) Кудла, длы,—сущ.—названіе длинношерстной, кудрявой собаки, какою можетъ быть пудель, и названіе длинныхъ, всклокоченныхъ волосъ, или пряди ихъ на головѣ человѣка; колтунъ у человѣка и собаки.—Прилаг.—кудлатый, кудластый, гл.—кудлачиць—происходятъ отъ этого слова.

309) Гидысь, сци,—сущ.—противность, чувство отвращенія, поселяемое предметомъ, или состояніемъ его. Отъ этого сущ. происходятъ слова: прил.—гидкій, глаг.—гидиць, гидицца, нар.—гидко. Въ родствѣ съ этимъ словомъ состоитъ и даже замѣняетъ его сущ.—брыдысь, сци,—хотя такое понятіе выражаетъ меньшую степень приторности.

310) Такіе страдальцы прибѣгаютъ иногда къ слишкомъ крупнымъ средствамъ, между которыми бываетъ пересыпка пальцевъ нюхательнымъ табакомъ,—что доводитъ до рвоты. Болѣе мирными средствами считаются: порошокъ плавуна („дирязы"), „чирьвяточина" (древесныя гнилушки, порошкомъ которыхъ пересыпаютъ прѣющія мѣста у пеленаемыхъ дѣтей) и, въ особенности, „вовчиныя тыбака" (въ юго вост. окраинѣ), или „пукывка" (с. Хвошно, Город. у.)—порошокъ мутно-коричневаго цвѣта отъ созрѣвшаго шарообразнаго грибка, обильно попадающагося въ лѣсу, на поляхъ, лугахъ и при дорогахъ.

311) „Зычинаць вирцяно", чаще—„зычинаць ручайку"—слишкомъ понятный въ прядильной работѣ терминъ, какъ и другой—„скынчаць вирцяно, ручайку", которымъ обозначается конецъ прядива на отдѣльномъ веретенѣ.

312) Защевкъ, вка,—сущ.—петля на остромъ концѣ веретена, дѣлаемая по окончаніи навивки выпряденнаго конца. Обыкновенно „защевка" бываетъ ординарною; но при пряденьи „кужиля", сученьи нитокъ, дѣлаются двѣ петли.

313) Въ различныхъ мѣстахъ юго-вост. окраины и въ Добеѣ, Ловжѣ, Спасскомъ, Оболи и Махировѣ, Пол. у.

314) Названіе „рогуль" имѣютъ многіе предметы (сѣнныя вилы, навозныя вилы безъ желѣзныхъ наконечниковъ, вилочки для плетенья поясовъ, крючки для витья веревокъ, стародавняя рыболовная снасть и др.), у

которыхъ есть кое-какое сходство съ рогами животнаго, по сколько тѣ гармонируютъ со всѣмъ корпусомъ его.

315) Госцины, нъ,—сущ.—гощенье, которое отбывается въ два срока: отъ начала октября до заговѣнья (14 нояб.) и отъ рожд. святокъ до масленицы; на Свѣтлой недѣлѣ „госцины" не составляются за бездорожьемъ, въ послѣдующее время весны, лѣта и начала осени—изъ-за неустанной работы; „толока" въ Петровки (исключит. навозная) является единственными „госцинами" за это время, и загрязнившіеся „навозники" называются не иначе, какъ „госцикыми любыми".

316) До-свицця,—сущ.—предразсвѣтное время, началомъ котораго считается такая, или иная дѣятельность проснувшагося человѣка. Смотря по времени просыпленія, „до-свицця" бываетъ „ладныя" (продолжительное) „трошичныя" (короткое) и „туды-й-сюды" (средней продолжительности).

317) Вохъ-крохъ,—сущ., склоняемое совмѣстно—оханье и кряхтѣнье недужныхъ.

318) По увѣренію училищной стряпухи въ Ловжѣ. Пол. у., жительницы д. Заборья, Ловож. вол., „тая баба нипуцяныя, што ня возитца ны маслинику зъ горы ны пралицы: стонщія хыжайка бизутмѣнно проѣдиць разъ другей ны пралицы, а тоды ужу ци ны лядни, ци ны сапехъ, бо чимъ дылячѣй ина проѣдиць, дыкъ довжѣй будиць ленъ у прибудыщія лѣто" (зап. 19 янв. 1870 г.). Къ этому остается прибавить, что въ 50-хъ годахъ катанье, съ горы возрастныхъ практиковалось на масленицѣ, какъ нѣчто обязательное катались на ледянкахъ, подходящей доскѣ, салазкахъ, дѣтскихъ санкахъ и настоящихъ саняхъ, но безъ запряжки лошадей (окрестности с. Вымна, Вит. у.).

319) Чистая стѣна есть противоположная печи и нарамъ. Такое названіе стѣна получаетъ отъ двухъ оконъ, обязательно имѣющихся въ ней, и отъ большей сравнительно чисторядности: на нее не вѣшается одежда и „ванзэлки", а только ручникъ и шапки; въ остальномъ „чистая стѣна" такъ же грязна, закоптѣла, какъ и другія.

320) Сущ.—праха, снуваха, ткаха—есть имена одной и той же труженицы, одного лица, но при различной работѣ съ ниткою (швея называется „швахый").

321) „Стѣной" въ данномъ случаѣ называется разстояніе отъ „кутняго" до „порожнаго" колышка,—что слишкомъ условно и зависитъ отъ длины стѣнныхъ бревенъ.

322) Пасмо, сма,—сущ.—соединеніе условнаго числа нитокъ; незначительное число послѣднихъ даетъ „пасмычко, пасымко.

323) Довольно общее по Вит. г. и за предѣлами ея (въ пограничныхъ мѣстахъ Могил. и Смол. г.) повѣрье, обязывающее управляться съ основою въ одинъ день.

324) Но это же имѣетъ и суевѣрное значеніе троекратнымъ ударомъ о стѣну (во имя Св. Троицы) изъ основы удаляются черти, которые къ концу работы уже начинаютъ забираться сюда... (Ловожь, Пол. у., въ 1869 г.).

325) Оставляемыя теперь безъ обычнаго объясненія мѣстныя названія частей стана будутъ объяснены ниже, въ XIV гл., при описаніи предметовъ, служащихъ для производства одежды, обуви и уборовъ.

326) Такой станъ есть болѣе совершенный, сработанный тамъ, гдѣ имѣется свой плотникъ, или столяръ. Тутъ всѣ части стана отличаются даже изяществомъ, особенно, когда свой же маляръ откраситъ его. У значительнаго большинства станъ грубѣе и проще: всѣ четыре стойки его будутъ равны, неподвижныя перекладины (д) идутъ отъ заднихъ до переднихъ стоекъ, упорокъ (е) нѣтъ, а въ передней стойкѣ будутъ такіе же вырѣзы, для помѣщенія „колодки", какъ въ заднихъ, но только спереди. Но и на такомъ станѣ „живая фабрика" сумѣетъ сдѣлать дивную по тонкости и узорчатости ткань...

327) Если инструментальное положеніе мастера не позволяетъ сдѣлать округлой пробоины (какъ на чертежѣ), таковая кое-какъ выдалбливается подручнымъ долотомъ, выстругивается ножомъ, при чемъ вершина передней стойки остается съ открытымъ вырѣзомъ, и „колодка" входитъ въ него сверху. Съ годами, отъ постояннаго верченья „колодокъ" въ вырѣзахъ, неровности послѣднихъ совершенно сглаживаются.

328) Головки невсегда бываютъ круглыми, а нерѣдко—и плоскими квадратными брусьями): въ такихъ головкахъ гораздо легче дѣлать пробоины.

329) Трисцина, ны и триста, сты.—сущ.—отдѣльная бердовая лучиночка, тростинка, разстояніе между ними. Глаг. „трысцицъ" (основу) выражаетъ дѣйствіе, когда послѣдняя вдѣвается въ бердо; но „трысцицъ бердо" означаетъ: сооружать его, вставлять новыя тростинки на мѣсто выпавшихъ или изломанныхъ.

330) Продольная выбоина (какъ улечься пальцу) дѣлается въ той и другой „колодкѣ" не длиннѣе разстоянія между стоекъ, для вложенія сюда особыхъ прутьевъ: задній называется „зытыкальникымъ", а передній—„припусьникымъ". Впрочемъ, оба названія смѣшиваются, такъ какъ оба прута совершенно одинаковы по длинѣ и толщинѣ (средній палецъ) и могутъ быть положены на мѣсто другъ друга.

331) Сукуруцина, ны и сукруцина, сукрутка, сукырытка,—сущ.—такое мѣсто въ ниткѣ, гдѣ опа ссучилась,—что происходитъ отъ неравномѣрнаго прядива (см. X гл.) и чаще возможно въ шерстяныхъ ниткахъ. Глаг.—сукуруцицъ, —цца—происходитъ отъ этого сущ.

332) Кстати упомянуть: всѣ описанныя доселѣ дѣянія „живой фабрики" вмѣстѣ и порознь, составляютъ событія, о которыхъ нескончаемо говорятъ въ своей семьѣ и у сосѣдей (д. Вербель, Пол. у.).

333) Пыножи, жовъ,—сущ. (отъ—нога, ножка)—педали (на черт.—и), деревянныя дощечки въ 10 верш. длиною и въ 3 верш. шириною, съ дырочками по концамъ. Нижними частями „пыножи" упираются въ землю, хотя и привязаны „почепкыми" къ особому шесту, лежащему на землѣ, по сю сторону стоекъ, а приподнятыми верхними соединены съ петлями, спускающимися отъ „нитывъ".—Число „пыножовъ" стоитъ въ зависимости отъ числа „нитывъ".

334) Употребленіе одного и того же слова въ муж. („поножъ") и жен. („поножа") годѣ приходилось наблюдать въ д. Вербели и Маринкинѣ (разст. не болѣе 5 верстъ) Ловож. вол., Пол. у., въ 1869 г.

335) Марудный,—прил. отъ сущ.—маруда. марудныcь, и глаг.—марудиць—тягостно-медленный, однообразно-скучный. Всѣ слова имѣютъ укоризненный смыслъ и всегда произносятся съ нѣкоторымъ негодованіемъ.

336) Въ отдаленное время (въ началѣ 50-хъ годовъ) приходилось видѣть это въ д. Попкахъ, Острѣйковѣ и Рыбакахъ, Вымн. вол., Вит. у., а въ 1873 г.—въ д. Глиннищѣ и Махировѣ, Бѣльской вол., Пол. у.

337) Скутъ, та,—сущ.—полоса новой ткани въ періодъ времени отъ конца тканья до окончательнаго выбѣленія послѣдней; предѣльная длина „скута" колеблется между 8—15 арш. Въ этомъ случаѣ понятны будутъ термины: „скруциць, рыскруциць, мочиць, прачь (колотить валькомъ), сбираць скуты".—Слѣдуетъ имѣть въ виду, что „скутами, скутками", называются части льняной, по преимуществу, ткани.

338) Обыденникъ, ка,—сущ. отъ—обыдинь, дня—предметъ, сработанный въ одинъ день (отъ утренняго разсвѣта до вечернихъ сумерекъ, рѣдко—въ 24 ч.). Подъ этимъ именемъ извѣстны многіе предметы: каплицы, голубцы (продольные на могилахъ срубы въ 3—5 вѣнцовъ, съ покрышкою) и, въ особенности, прядильныя издѣлія—нитки, пояса, ткани (ручники, фартуки къ придорожному „Рыспяццю" и кресту, небольшія рыболовныя снасти—„топтунъ, крига", спуры) и проч. „Обыденники" работаются по обѣту, какъ жертва въ храмъ, въ каплицу, на крестъ,—какъ средство охраненія отъ эпидеміи, и для успѣшной рыболовли (См. мои сообщенія объ этомъ въ „Западной Двинѣ", А. П. Сапунова, Витеб. 1893 г., стр. 259).—„Обыденники" работаются коллективно—семьей, цѣлой деревней—и въ одиночку; послѣднее издѣліе почитается наиболѣе достигающимъ цѣли.

339) Общее повѣрье по Вит. Бѣлор., имѣющее силу и въ переживаемое время.

340) Бѣль, ли, —сущ.—общее названіе льняной ткани и нитокъ, поступившихъ въ бѣленье, находящихся въ этомъ состояніи и вполнѣ готовыхъ, пока онѣ не поступили въ складища.

341) Глаг.—жлукциць—отъ сущ.—жлукта, кты—щелокъ („лугъ“ въ юго-вост. окраинѣ); дѣйствіе, при которомъ ткань и бѣлье бучится; посудина, въ которой задѣланъ щелокъ.—„Жлукцитца“ не одна только новая ткань, а и бѣлье, благодаря чему уничтожаются гниды въ рубашечныхъ и портковыхъ складкахъ.

342) Ближайшимъ образомъ „добро“ есть названіе зерноваго хлѣба, преимущественно, запаснаго; въ отдаленномъ значеніи то же имя принадлежитъ всему составу имущества (кромѣ скота и построекъ), составляющему богатство дома.

343) Подлинная поговорка произносится такъ: „Якей Богъ вымычивъ Тэй-Самый и высушиць“. Посему выходящій изъ дому, нерѣдко одѣваетъ свою еще довольно мокрую одежду, которая, при солнечной и вѣтреной погодѣ, высыхаетъ на немъ въ пути, за работой. Чаще всего высушивается такъ одежда на пастухахъ.

344) Смотря по цвѣту, эта ткань называется „синь, красъ, шѣрь“ (сѣрая), когда бѣлыя нитки смѣшаны съ цвѣтными, но не черными; послѣдняя „шѣрь“—исключительно шляхетская, и въ крестьянскомъ домѣ появляется случайно.

345) Крушинникъ, ка,—сущ.—названіе кустарника „волчьи ягоды“. Какъ извѣстно, темно-красныя ягоды („крушина“) кустарника ядовиты, и чтобы отвадить дѣтей отъ неосторожнаго употребленія таковыхъ, у родителей существуетъ единственное устрашающее увѣреніе: „достаточно подержать во рту одну только ягоду да проглотить слюну—всѣ зубы станутъ крошиться и выпадать“ (въ юго-вост. окраинѣ).

346) Мѣстное названіе однолѣтняго растенія, извѣстнаго въ ботаникѣ подъ именемъ сѣраго и чернаго коровяка (см. „Витеб. губ.“ вып. I, Витебскъ, 1890 г., стр. 224; о „крушинѣ“—тамъ же, стр. 211).

347) Несовсѣмъ ошибочнымъ можно считать увѣреніе (с. Бононь, Пол. у., въ 1874 г.), что домашняя окраска нитокъ и мелкой ткани состоитъ въ нѣкоторой связи съ окраскою яицъ, начиная отъ Пасхи и кончая Троицынымъ днемъ, когда они красятся въ отварѣ молодыхъ листьевъ березы, травы, по крайней мѣрѣ, окрашиваемые предметы поступаютъ въ краску немедленно по вынутіи оттуда яицъ, чтобы „не перестоялась краска“.

348) Такъ весьма часто называютъ себя пожилыя деревенскія женщины, когда хотятъ выразить культурный терминъ: „мы—слабый полъ“ (Ловожск. вол., Пол. у.).

349) „Выцце пы скутахъ и трубкыхъ“, не уступающее голошенью надъ родственнымъ покойникомъ, неоднократно приходилось слышать въ

разныхъ мѣстахъ Веляшковичской и сосѣдней Королевской вол., гдѣ издавна важивались посягатели, между прочимъ, и на ткацкое производство...

350) Обычное обращеніе къ сверстницѣ, неродственницѣ, соотвѣтствующее подобному же обращенію мужчинъ, когда тѣ употребляютъ слова: „братъ, брацицъ, братокъ, братулька. брыциня, брахынька, братынька“ и др.

351) Подъ терминомъ „подсѣчьца, пыдсикацца“ извѣстна крестьянская стрижка, которую составляетъ лишь подрѣзыванье волосъ. Въ воспоминаемое время всѣ мужчины (въ юго-вост. окраинѣ) дѣлали однообразную „подсѣчку“: волоса подрѣзывались сзади и по сторонамъ такъ, что прикрывали верхнюю половину ушей; впереди же, надъ глазами. „подсѣчка“ закрывала верхнюю половину лба, образуя т. наз. „воротцы“.

352) Т. е кожаную пуговицу, о которой упомянуто было въ 1 гл., 3 пунк., настоящаго отдѣла. Единственное мѣсто этой пуговки -въ воротниковыхъ порткахъ. Кожаныя пуговки въ сермягахъ, шубахъ и рукавицахъ имѣютъ шарообразный, слегка овальный видъ и не называются „гузикыми“, каковое имя принадлежитъ только плоскимъ пуговицамъ.

353) Очень возможно, что немногіе знакомы съ житейскимъ значеніемъ словъ: „искацца, сочицца (сочиць,—глаг.—искать кого и что)“; а между тѣмъ значеніе и обиходность ихъ извѣстны и старому и малому деревлянину. Обыкновенно „ищутца, сочутца“ женщины, въ длинныхъ волосахъ которыхъ ютятся невыводныя, съ трудомъ вычесываемыя вши и гниды. По взаимному соглашенію, двѣ близкія другъ къ дружкѣ женщины, при помощи ножа, гребня, просто рукъ, тщательно перебираютъ волосы, уничтожая паразитовъ, для чего поочередно кладутъ голову на стегна, или грудь искательницы. Сверхъ пріятнаго ощущенія, такимъ способомъ значительно облегчается страданіе отъ паразитовъ, и дѣлается это въ часы праздничнаго досуга, во время рабочихъ приваловъ, въ долгіе зимніе вечера.—Болѣе короткіе волоса мужчинъ не заставляютъ прибѣгать къ этому, а дѣлу помогаетъ извѣстный поясной „грибинецъ“.

354) Этотъ перехватъ (какъ обнять ручною кистью) дѣлается, по большей части, на срединѣ вертикальной доски, вырѣзами съ обѣихъ сторонъ, и служитъ для перемѣщенія прялки.

355) Уступицъ, пца,—сущ.—лѣстничная и крыльцовая ступенька, исключительно досчатая, плоская.

356) Кыпань, ня, и кыпанецъ, нца,—сущ. (отъ глаг. копать)—такое дерево, корень котораго даетъ стволу крючковатость. Болѣе тонкіе „кыпани“ употребляются на кочергу, „кисялевку“ (см. I отд., XV гл., 21 и 22), потолще—на стропила и въ телѣгу, наиболѣе толстыя, съ двумя расходящимися корнями—на мялку; весьма толстые „кыпани“ идутъ въ корпусъ барки.

357) Обычное названіе чердака, преимущественно—избяного. Но—горка—названіе небольшой подпотолочной полки.

358) Этотъ „смычокъ" бываетъ довольно почтенныхъ размѣровъ и представляетъ подобіе лука съ тетивою. Образъ употребленія „смычка" совершенно одинаковъ съ употребленіемъ его у ювелировъ, слесарей и вообще мелкоработныхъ мастеровъ, при обтачиваніи издѣлій.

359) Знакомые съ токарными работами не откажутся припомнить, что прижимъ тупой стороны инструмента, или даже куска сухого дерева къ вертящемуся предмету, не замедлитъ оставить на послѣднемъ темное кольцо (обугливанье предмета чрезъ треніе).

360) Дѣтская „садибка" (она же—„стойка") есть спеціальное сооруженіе для усадки, или стоянья маленькихъ дѣтей, едва становящихся на ноги. Она состоитъ изъ двухъ досокъ, скрѣпленныхъ 4-мя ножками (не свыше 8 верш.), изъ коихъ верхняя съ пробоиной (какъ войти дѣтскому туловищу), а нижняя—гладкая. „Садибка" съ помѣщеннымъ въ нее дитятею можетъ быть поставлена въ любомъ мѣстѣ.

361) Есть еще одинъ способъ перевивки нитокъ съ „ручайки на просцинь", или съ послѣдняго на клубокъ, мотовило, заслуживающій упоминанія: „ручайка, или просцинь" укладывается между ножными пальцами—пятка веретена въ одной ногѣ, а остріе—въ другой; но это же выходитъ гораздо типичнѣе, а для пальцевъ спокойнѣе, когда ноги обуты въ лапти: тогда концы веретена вставляются въ лапотныя дырочки,—что вполнѣ замѣняетъ „стойку"...

362) Т. е. прѣютъ, дѣлаются слабѣе обыкновеннаго,—что такъ часто бываетъ съ клубками, пролежавшими годъ, или два.

363) Такъ обыкновенно называется цѣвка съ навитою на нее ниткою, т. е. готовая для помѣщенія въ челнокъ.

364) Когда нѣтъ „сукалки", или когда послѣдняя неисправна, „уточка" сооружается на челнокѣ, куда предварительно вправлена пустая цѣвка, или же послѣдняя навивается съ руки, какъ клубокъ.

365) Наилучшею, повсюдною и даже единственною дощечкой бываетъ готовая трепалка, имѣющая нѣсколько заостренные края. На этой же трепалкѣ рыбаки изготовляютъ „рѣжу" для сѣтей.

366) При гладкой ткани употребляется только два „нита", при узорной же—три и четыре.

367) Какъ извѣстно, боковая и подбрюшная шерсть считается послѣднею и цѣликомъ идетъ на войлоки и колпаки; но въ бѣдныхъ, или расчетливыхъ хозяйствахъ „быковины и подпуззійки" употребляются на вязальныя нитки, а недостаточную прочность такихъ нитокъ восполняетъ домашнее валенье издѣлія.

368) Трощенка, ки,—сущ.—парныя и тройныя нитки, приготовленныя къ сученью. Суконная „трощенка“ покоится иногда не въ клубкѣ, а на веретенѣ.—Пока ссученныя нитки находятся на веретенѣ, онѣ называются „сученкый, сучинкый“.

369) Нынарстыкъ, стка,—сущ. наперстокъ, по большей части, сквозной („бяздоникъ“), употребляемый портными при шитьѣ толстыхъ тканей и шубъ.

370) Прасъ, са,—сущ. утюгъ. Отсюда происходитъ сущ.—прасовка—утюженье, и глаг.—прысувацъ.

371) Эти крючки имѣютъ не прямой, какъ въ „кыпыняхъ“, а острый уголъ, во время производства работы обращенный назадъ, т. е. въ сторону „рычажника“ (названіе канатнаго мастера, въ данномъ случаѣ—шутливое).

372) Смуницъ, или смурыжицъ, - глаг., значеніе котораго ясно изъ послѣдующаго. Но этими же словами обозначается напрасное ношеніе обуви и одежды, излишнее употребленіе сбруи.—Отъ этихъ глаг. происходятъ сущ. —„смунька и смурыжка“ (въ юго-зап. окр.), каковыя имена придаются самому разнообразному тренію мягкихъ предметовъ.

373) Серіозное увѣреніе въ этомъ приходилось слышать въ Ловжѣ, Пол. у., въ 1868 г. Въ параллель сему не лишне вспомнить, что въ числѣ средствъ „на любки“ (чтобы полюбили) практикуется добываніе и пользованіе костяными вилочками и крючками летучей мыши, которая въ завязанномъ горшкѣ кладется живьемъ въ муравейникъ, гдѣ чрезъ нѣсколько дней отъ нея остаются однѣ лишь кости.

374) Отъ сущ.—шротъ, ту - дробь.—Такъ называется отдѣльный кожаный мѣшечекъ съ барилкою въ устьи, для ношенія дроби.

375) Въ припѣвкѣ къ одной малоупотребительной нынѣ, игривой пѣснѣ эти два имени сопоставляются вмѣстѣ и съ двумя другими именами профессіональныхъ мастеровъ, а именно: „шевчики (сапожники), кравчики (портные), шипувалы (валильщики-шапкодѣлы, см. прим. 268), кыныкалы“ (коновалы). Ласкательное наименованіе первыхъ двухъ мастеровъ и обычное послѣднихъ выражаетъ большія симпатія къ первымъ, или же—покровительственно-ласковое отношеніе, какъ къ обиженнымъ судьбою...

376) Личныя мѣст.—„енъ, ина“ (онъ, она)—весьма обычны при замѣнѣ подлинныхъ именъ хозяина и хозяйки: это такъ и понимаютъ собесѣдники. Вмѣсто личныхъ въ томъ же значеніи употребляются и мѣст. притяж.—нашъ. „нашія“, вашъ, „вашія“.

377) Т. е. имѣющій кистья, которыми, для прочности, бываютъ туго завязанные концы поясныхъ нитокъ. „Кутасовый пыясъ“—одинаково уборный у мужчинъ и женщинъ.

378) „Оральбитъ, скыродьбитъ, сявбитъ, мылоцьбитъ, косьбитъ" и др. есть названіе рабочей единицы, которая оретъ, боронитъ, сѣетъ, молотитъ, коситъ(см. мой очеркъкрѣпостныхъ „пособниковъ" въ XX кн. „Этногр. Обозр. 1894 г., стр. 31—40).

379) Т. е. полотнище къ полотнищу, о чемъ сказано въ 234 примѣч.

380) Несомнѣнно, что мужскіе портки часто не имѣютъ обруба въ „калошинахъ", а только заметаны ниткою чрезъ край, или. въ щегольскихъ положеніяхъ, задѣланы короткою бахрамой, для того, чтобы избѣжать лишняго, въ этомъ мѣстѣ особенно постылаго рубца.

381) Наиболѣе часто мыло служитъ лѣкарственнымъ снадобьемъ при желудочныхъ затвердѣніяхъ, когда въ видѣ оструганной палочки оно вводится въ задній проходъ, подобно клистирной трубкѣ,—при горловыхъ боляхъ, когда наскребается, или намазывается на тряпочку, и мн. друг.

382) Нащиницъ, ца, или—наській,—сущ.—свой человѣкъ, т. е. одного сословія и общественнаго положенія; крестьянинъ.

383) Всякій подарокъ, такъ и иначе отнятый обратно, называется „кошинымъ (кошачьимъ) пыдарункымъ" (въ юго-вост. окр.). Тоже названіе удерживается за предметомъ, когда послѣдній занимаетъ неопредѣленное положеніе не то подарка, не то одолженнаго предмета.

384) Въ этомъ случаѣ одолженіе невѣсты не только лентами, но и другими предметами, несовсѣмъ благопріятное для невѣсты, весьма полезно для одолжающихъ подругъ ея, и онѣ всемѣрно стараются ссудить послѣднюю, чтобы скорѣе выйти замужъ. Для той же цѣли каждой дѣвушкѣ полезно имѣть хотя что-нибудь изъ невѣстныхъ уборовъ, кои нарасхватъ рвутся подругами при сниманіи ихъ съ новобрачной.

385) Типомъ такимъ портныхъ въ 60-хъ годахъ могъ почесться б. дворовый Ефимъ, бобыль дер. Ловжи, Пол. у. Онъ зналъ и сюртучную кройку своего времени, шилъ стройно, прочно. Другой подобный портной, Кузьма (лысый), крест. дер. Заболотья, Веляшков. вол., Вит. у., состоялъ даже надѣльнымъ хозяиномъ; но хозяйство его велось семьянами—женой и дѣтьми.

386) По увѣренію престарѣлаго портного Леона, крест. Сиротинскаго общ.. Ловожской вол., весь вѣкъ портняжничавшаго въ родныхъ мѣстахъ, онъ ни однажды не бывалъ въ двухъ деревняхъ своего общества, отстоящихъ отъ мѣста его родины въ 15 верстахъ, хотя два раза былъ въ Ригѣ (сообщ. 1868 г.).

387) Съ этой стороны памятнымъ остается безродникъ-Спиридъ (хромой на костылѣ), имѣвшій притонъ въ д. Свирбахъ, Вит. у. Его громадныя портняжныя ножницы неодинъ разъ выкупались нанимателями у окрестныхъ

корчмарей. Про него, какъ и про многихъ другихъ, сельчане обыкновенно говорили: „руки—золотыя, а губа—дрянь“.

388) Исключивъ дурные, иногда и безнравственные навыки мастеровыхъ, нельзя умолчать о нѣкоторыхъ добрыхъ проявленіяхъ и помощи средѣ. Владѣя кое-какою грамотностью, они между дѣломъ выучивали грамотѣ дѣтей (см.очеркъ „Сельско-школьное обученіе“, помѣщенный въ „Витеб. Губ. Вѣд.“ въ 1893 г.), пѣвали въ домѣ церковныя пѣсни, для возрастныхъ читали книги, надъ покойниками—псалтири. Болѣе частыми грамотѣями были сапожники, носившіе въ своей котомкѣ псалтирь, часословъ или гражданскую религіозно-нравственную книгу. Чтеніемъ такихъ книгъ они отчасти искупали свои грѣшки...

389) Наиболѣе дѣятельною порою мастеровыхъ почиталось то время, когда деревляне „прицинаютца кылы двору“, что бываетъ отъ прекращенія полевыхъ работъ осенью до возобновленія ихъ весною. Во время лѣтней страды мастеровые оставались безъ заработковъ, а многіе изъ нихъ становились въ ряды поденниковъ на крестьянскихъ работахъ.

390) Непонятный нынѣ типъ „скарбовыхъ“ имѣлъ живое мѣсто при крѣпостническомъ строѣ. „Скарбовыхъ“ составляли крѣпостные для черныхъ работъ, жившіе на помѣщичьихъ задворкахъ и составлявшіе резервъ чернорабочихъ на чисто крестьянскія работы (см. мой очеркъ крѣпостныхъ „пособниковъ“ въ XX кн. „Этногр. Обозр“. 1894 г., стр. 40—44).

391) Въ юго-вост. окраинѣ „шипувалы“ наѣзжали изъ Смол. губер.: какъ мастеровые—въ заурядные дни, а какъ торговцы готовыми издѣліями—въ ярмарочные и базарные.

392) Собственно „накидкою“ называется одежда, холстина, рогожа и проч., наброшенная на плечи ради временнаго прикрытія человѣка и другихъ предметовъ,—прибавка къ предмету, къ вѣсу. То же слово, употребленное во множ. ч., какъ здѣсь, имѣетъ переносное значеніе и выражаетъ понятіе заключительныхъ рѣчей и сужденій.

393) Поговорка неполна; она всегда договаривается такъ: „а хто и видивъ, дыкъ (такъ) ни собидивъ“ (с. Хвошно и Войхань, Город. у.).

394) Приведенное правило „житейской мудрости“ есть одна изъ еврейскихъ догмъ, вполнѣ оправдывающаяся въ жизни еврейскаго народа. Какъ и когда эта догма вошла въ крестьянскую жизнь—указать невозможно, хотя приведенное реченіе приходилось слышать въ нѣсколькихъ мѣстахъ Пол. у. еще въ концѣ 60-хъ годовъ.

395) Нѣчто подобное сему приходится видѣть и теперь (24 іюня 1894 г.) въ м. Колышкахъ, Вит. у., гдѣ тѣсно граничатъ Вит., Мог. и Смол. г., —видѣть въ празднично-ярмарочные сборы окрестныхъ деревлянъ, изъ коихъ

„зарубежинцы" (изъ Смол. г.) служатъ живымъ памятникомъ бѣлизны, о которой идетъ рѣчь. Мужчины, женщины и дѣти одѣваются въ исключительно бѣлые „насовы" кафтаннаго покроя, хотя портки и шапки первыхъ всегда цвѣтные, а юбки женщинъ—темныя домотканки, обложенныя вокругъ подоловъ позументными и вообще цвѣтными тесьмами. По такому одѣянію „зарубежинцы" рѣзко отдѣляются отъ окрестныхъ бѣлоруссовъ, составляющихъ пеструю толпу.

396) По сообщенію очевидцевъ (Н. А. Бѣл.), въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ домахъ Город. у. теперь можно встрѣтить и ручныя и ножныя швейныя машины, при помощи которыхъ женщины обшиваютъ свою родную семью.

397) Въ сравнительно недавнее время мужчины и женщины начали носить крашеныя (ярко-рыжаго цвѣта) нагольныя шубы, которыя въ щегольскихъ положеніяхъ замѣнили прежнія бѣлыя. Заслуживаетъ упоминанія то обстоятельство, что эти воротниковыя, длинныя шубы шли отъ западной къ восточной окраинѣ,—что совершенно противоположно распространенію мужской „руській" рубашки, которая въ памятное время шла въ глубь губерніи съ вост. и сѣверн. окраины.

398) Въ недавнее время приходилось видѣть это въ раіонѣ двухъ смежныхъ волостей, Болецкой и Бескатовской, Город. у.

399) Нелишне вспомнить, что высокопр. Никаноръ, архіеп. Херсонскій (сконч. въ Одессѣ 27 дек. 1890 г.), всегда возмущался „кургузыми пиджаками" на простонародьи и что около 10 л. тому назадъ печать пронесла во всѣ концы Россіи обличительное по сему предмету сужденіе незабвеннаго архипастыря. На сколько извѣстно, многіе достойные сельскіе пастыри мѣстной епархіи порицаютъ то же въ своихъ прихожанахъ.

400) Такое искаженное, или лучше—передѣланное на свой ладъ слово „щеголять" приходится слышать въ раіонахъ смежныхъ волостей: Потапн., Войхан., Город. у., и Мишн., Пол. у.

401) Ляска, ски,—сущ.—вошедшее цѣликомъ польское названіе ручной палки („лясъ"—лѣсъ).

402) Къ сожалѣнію, еще въ авг. 1878 г. пришлось быть личнымъ свидѣтелемъ того, какъ 16-ти-лѣтній крестьянскій юнецъ, явившійся къ экзамену для поступленія въ спеціальное учебное заведеніе, не могъ правильно перекреститься той рукой, которая украшена была „блискучимъ пирсцянемъ"...

403) Пуртунетъ, ласк.—пуртунецикъ—опять же передѣланное на свой ладъ имя портмоне, извѣстнаго денежнаго кошелька.

404) „Картузныя тыбака" — обычное названіе курительнаго табаку лучшихъ сортовъ (въ юго-вост. окр.), съ давнихъ поръ продаваемаго въ бумажныхъ пачкахъ, разновѣсомъ.

405) Т. е. свертывать такія папиросы, которыя курятся при помощи курительнаго мундштука. Этотъ послѣдній у упоминаемыхъ курильщиковъ бываетъ покупнымъ и самодѣльнымъ - изъ дерева и тростника.

406) Сколько помнится, трубка - „агличанка" стала входить въ обиходность одновременно съ „баваровымъ" пивомъ, и проводниками ея слѣдуетъ считать строителей Дв.-Вит. ж. дор. (въ 1865—66 гг.).

407) Т. е. жестяной коробочкѣ (плоской и круглой), въ которой обыкновенно продаются конфекты „ландринъ" въ мелкій разновѣсъ.

408) Терминъ—„смолиць тыбаку"—выражаетъ такое запойное куренье, когда курильщикъ дѣлаетъ его часто, съ увлеченіемъ и подолгу.

409) Слова изъ полународной пѣсни новаго пошиба, записанной въ Поташн. вол., Город. у., 24 фев. 1891 г., и доставленной Ек. Арк. Бѣл. Полностію пѣсня помѣщена въ „Этн. Обозр.", кн. XIII—XIV, стр. 200.

410) Къ примѣч. 395 нелишне добавить, что „зарубежинки" обязательно носятъ парадный фартукъ изъ ярко-пестрой кумачной ткани, который у подола обшитъ одной, или двумя то парчевыми, то цвѣтными тесьмами. Немногія бѣлоруски той же окраины носятъ праздничные фартуки такого построенія; но это будетъ почти единственное парадное употребленіе фартука въ Вит. Бѣлор.

411) Цурувацъ,—глаг.—штопать. Отсюда происходятъ сущ.—цуровка, цурованне. Подобное употребленіе замѣтно по отношенію къ слову „чуръ", какъ и происходящимъ отъ него, у извѣстныхъ „цокуновъ,—что въ отдѣльныхъ случаяхъ ведетъ къ смѣшенію понятій.

412) Сцилька, ки, ѣцелька, ки и подсцилка, ки, — сущ.—небольшое количество прямой соломы, сложенной по длинѣ обуви и помѣщенной внутрь ея, для спокойствія ногъ и уменьшенія просторности обуви, о чемъ упомянуто было въ п. 39 и 45 III гл. этого отдѣла. Вмѣсто соломы часто кладется и сѣно.

413) Случай новый и въ своемъ родѣ единственный: по сообщенію уважаемаго П. Ст. Бр., юный хозяинъ Бескатовской вол., Город. у., не взирая на семейныя нужды и материнскій протестъ, весною 1893 г. продалъ чуть-ли не единственнаго подателя молочка—козу и на вырученныя деньги поспѣшилъ купить зонтикъ, съ которымъ и началъ щеголять на деревенскихъ сборищахъ...

414) Такъ еще лѣтомъ 1870 г. приходилось слышать въ м. Сиротинѣ, Пол. у., какъ балахонный въ рыжихъ сапогахъ отецъ называлъ „вы“ своего пиджачнаго юнца сына... То же, съ большими знаками почтительности къ „ученымъ“ щеголямъ-сынкамъ приходилось слышать позже (въ Ловжѣ, Оболи, Махировѣ, Бѣломъ, Пол. у., и, въ особенности, въ Веляшков., Вит. у.).

415) Жилле, лля и жицце-быцце,—сущ., первоначальное значеніе которыхъ выражаетъ понятіе строя и образа жизни, матеріальные достатки семьи и отдѣльнаго лица. Уже въ дальнѣйшемъ значеніи оба слова выражаютъ понятіе усадьбы и тѣснѣе—жилыхъ построекъ; но это послѣднее такъ приросло къ обиходному употребленію, что и не понимается иначе.

„Сялиба, бы и будовля, вли“ (отъ сущ. „буда“—кибиточный покровъ), выражаютъ исключительно понятіе усадьбы, при чемъ второе слово имѣетъ болѣе частое употребленіе въ Дрис. и Леп. у. Происходящія отъ него—„будынокъ“ (жилой домъ), „будуванне“ (дѣйствіе строящагося) и „будувацца“ (строиться, застраиваться) удерживаютъ значеніе стройки, при которой нераздѣльно понимается и покрышка.

416) Катъ, та,—сущ.—палачъ, заплечный мастеръ; тиранъ, извергъ. Глаг.—катывыць—сущ. катывыння—понимаются въ томъ же значеніи.— Простолюдинъ такъ открещивается отъ положенія „ката“: „ни суди мнѣ, Божа, быць: а ни войтымъ-катымъ, а ни сватымъ—чиловѣкимъ прыклятымъ“ (мѣстная поговорка).

417) Домовки,—нар. въ ласк. формѣ отъ обычнаго „домовъ“—домой.— Нелишне вспомнить, что извѣстная искусственная поэма „Тарасъ“, между прочимъ, весьма типично обрисовываетъ эту именно черту. Несмотря на очевидное преимущество олимпійскаго положенія Тараса и, въ особенности, на общую пріязнь и вниманіе къ нему олимпійцевъ, временный счастливчикъ въ концѣ-концовъ жалобно проситъ показать ему дорогу „домовки“...

418) Зычиць,—глаг.—сердечно, искренно желать, хотя желать добра такъ же, какъ и зла, смотря по отношенію къ лицу и предмету. Сложныя слова—позычаць (глаг.) и позыка (сущ.)—выражаютъ одолженіе, заемъ.

419) Такое повѣрье приходилось слышать въ Смолякахъ, Пол. у. Но есть и видоизмѣненное вѣрованіе: смерть приводитъ отдѣльныхъ избранниковъ къ тому именно мѣсту, гдѣ они родились. Такое вѣрованіе циркулируетъ въ окрестности Сивошина, Дрис. у., относительно извѣстнаго героя 12 г., ген.-м. Як. Петр. Кульнева (род. въ 1763 г., а палъ въ битвѣ 20 іюля 1812 г.). Какъ извѣстно, на мѣстѣ паденія героя, на Сивошинской кручѣ

праваго берега р. Дриссы, стоитъ небольшой памятникъ съ надписью:

„Гдѣ Кульневъ нашъ рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
. . . .
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила;
Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесь его могила“.

На основаніи послѣдняго четверостишія, мѣстная молва утверждаетъ, что Кульневъ палъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, послѣ переправы чрезъ рѣку, мать его разрѣшилась въ домѣ перевозчика, стоявшаго на той же кручѣ... Такъ докторально удостовѣрялъ 4 іюля 1879 г. инвалидъ, охранявшій въ то время памятникъ, а дословное повтореніе того же приходилось слышать въ Старо-Замшанахъ, Дерновичахъ, Борковичахъ, Дрис. у. Разумѣется, это нуждается въ болѣе точномъ подтвержденіи.

420) Тамъ же и сосѣднемъ с. Махировѣ.

421) Ранда, ды, - сущ. аренда, какъ и пользованіе арендными угодьями. Вѣдающіяся съ арендою лица, обыкновенно называются „рындацилими“. Въ воспоминаемое время кое-гдѣ „рандый“ называлась корчма, хотя таковая содержалась иногда помѣщикомъ, а сидѣльцемъ въ ней бывалъ приставленный крѣпостной („рындациль и ранда“ въ Веляшков., Вит. у., съ 1853 - 1860 гг.).

422) Слова изъ волочебной пѣсни, записанной мною въ 1863 г. (см. „Бѣлор. п.“ г. Шейна, стр. 75 - 80). Хозяйственное благополучіе крестьянина выражается въ пѣснѣ слѣдующимъ двустишіемъ:

„Зы добромъ анбаръ рыспирантца,
А въ хлѣви скотъ ни стывпляитца“,

т. е. не толпится, не вмѣщается.

423) Трогательный примѣръ такого почтенія приходилось видѣть въ Язвинѣ, Вит. у., въ 1875 г., и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пол. и Вит. у., когда потомки выселенцевъ чуть не со слезами подробно объясняли на мѣстѣ расположеніе давней усадьбы, для сторонняго представляющей заурядный пустырь. Очевидно, фамильныя преданія о поселкахъ составляютъ отдѣльную тему семейныхъ разговоровъ

424) Токовище и пунище—старыя мѣста, гдѣ раньше находился токъ, или „пуня“. Стоитъ кстати вспомнить подобныя имена давнихъ мѣстъ: „церковище, городище, погостище, селище, банище“ и др.

425) Пуща-дрямуща, — въ знач. сущ. - обычное названіе дремучаго, вѣкового лѣса.

426) Такая форма въ окончаніи прил. обыкновенно выражаетъ превосх. ст. (см. 174 прим). Но есть еще одна форма той же степени—на „усенькій и юсенькій“: сухусенькій, цяплюсенькій, добрусенькій, билюсенькій и др.

427) Жихыръ, ра, сущ.—хозяинъ, домовитый человѣкъ. Отсюда происходятъ слова: жихырство (веденіе хозяйства) и жихарицъ (хозяйничать, жить хозяйствомъ).

428) Голицъ вочи—изнурительно бѣгать во время поисковъ; забывая, или не взирая на стыдъ, просить объ одолженіи.

429) Спѣшу оговориться, что подобный произволъ не имѣетъ мѣста въ переживаемое время, благодаря неослабному наблюденію за строительнымъ дѣломъ властей Въ воспоминаемое же время это составляло одно изъ средствъ „уторныцъ рожонъ“, или „пыдсучицъ, подстроицъ, пыдсудобицъ дудку“ сосѣду, т. е. сдѣлать преграду, непріятность, готовиться къ злодѣянію или къ мести.

430) Сварка, ки—сущ.—обыкновенная брань, ругань; сильнѣе ея стоитъ „сварка зъ мыцюгами“, т. е. съ т. наз. „материнскими словами“.—Спиранне, ння,—сущ—споръ; глаг. спирацца—спорить.

431) „Хыдунемъ (иногда хыдюнемъ)—ходицъ“ вертѣться, неудержимо прыгать и ходить вокругъ чего, развязно и нахально держать себя.

432) Быйданъ, на,—сущ.—то же, что и юръ, т. е. открытое для вѣтра, незащищенное мѣсто.

433) См. 113 прим., къ которому остается присоединить, что „людянысь или люцкысь“ понимается также и въ значеніи умѣнья жить съ людьми, сноситься съ ними,—чему въ житейскомъ быту противополагается нелюдимость.

434) Гдѣ усадьба расположена не при проѣзжей дорогѣ, тамъ улица мало будетъ отличаться отъ дорогъ чрезъ гумно и вообще „пызадкывыхъ“ (позади строеній) дорогъ: весною этими дорогами проѣзжаютъ на свои поля и возвращаются оттуда пахари, лѣтомъ по нимъ же провозится сѣно и хлѣбъ въ подлежащія мѣста. Все это, какъ и частый проходъ, дѣлаетъ „гуменныи“ дороги „бойными“.

435) Шула, лы и шулина, ны,—сущ.—заборный столбъ, который въ срединѣ забора имѣетъ пазы съ обѣихъ сторонъ, а въ концѣ его въ одной только сторонѣ, прилегающей къ пряслу.—Глаг.—шулицъ означаетъ: строить заборъ, укладывать „замецины“.

436) Знитный, снитный и щитный, прил. плотно приложенный, пристающій другъ къ другу. Сущ.—знитнысь, сци,—щитнысь, сци—выражаютъ состояніе плотно приложеннаго, пригнаннаго.

437) Фортка, тки,—сущ.—обыкновенное названіе калитки, какъ и всякой маленькой двери въ изгороди, но внѣ строеній.

438) Отъ сущ. „пыркань, на"—такая частокольная изгородь, гдѣ тонкія жердочки стоятъ въ переплетѣ и тѣсно другъ при другѣ, то вертикально, то наклонно („прямэй и касэй пырканъ").

439) Этотъ простой снарядъ (доска арш. длины, въ срединѣ съ пробоиной, куда прочно задѣланъ сажен. шестъ), служащій для сдвиганія грязи и дорожнаго навоза (во время оттепелей и весною), имѣется въ каждомъ почти хозяйствѣ и только у наиболѣе безпечныхъ хозяевъ то же дѣлается граблями.

440) Зыхворосныць,—глаг. (отъ—хворостъ) спѣшно подмести дворъ, сѣни и избу метлою, чтобы удалить наиболѣе крупный соръ. Но то же названіе имѣетъ и метенье вѣникомъ, если оно дѣлается наскоро, или касается лишь угла, части избы, сѣней.

441) Ганыкъ, нка, -сущ.—крыльцо, въ крестьянскомъ обиходѣ—рѣдко съ навѣсомъ и перилами.

442) Ушакъ, ка,—сущ.—верхняя перекладина въ дверномъ отверстіи (онъ же—косякъ), довольно свободно вынимающаяся въ нѣкоторыхъ домашнихъ положеніяхъ (при покойникѣ, трудныхъ родахъ).

443) Иглица, цы,—сущ.—клиноподобная задвижка, плотно входящая въ пазовыя вырѣзки дверныхъ досокъ и служащая для ихъ связи.

444) Т. е. отворяется и затворяется. Терминъ „одхутаць двери, вороты"—отворить дверь, ворота.

445) Чепиль, ля, сущ.—желѣзный пробой для висячаго замка. Клямка, ки.—сущ.—желѣзная петля, на которую вздѣвается „чепиль".

446) Засовка - щеколда; при послѣднемъ условіи она имѣетъ нарѣзки на верхней сторонѣ, входя въ которыя шарнирная бородка ключа позволяетъ задвигать и отодвигать щеколду.

447) Притылыка, ки, - сущ.—боковой косящатый брусъ (въ сѣняхъ—„шулинка") въ дверяхъ, имѣющій въ сторону стѣны пазъ.

448) Всѣ приведенныя названія одной и той же хатки достаточно объяснены въ „Толк. слов." В. И. Даля. Относительно послѣдняго названія можно замѣтить развѣ то, что на мѣстѣ (Пол. и Гор. у.) оно производится отъ слова „хибо" (развѣ?) и въ употребленіи выражаетъ такую хатку, о которой можно спросить: „да развѣ это хатка?!"

449) Пылацы, цывъ,—сущ.—палаты (итал.—палаццо), дворецъ—ироническое названіе убогой избенки и такихъ же усадебныхъ строеній. Отъ этого имени нужно отличать „пылаци" (полати)—подпотолочный помостъ, о которомъ будетъ сказано въ слѣд. главѣ.

450) Рывнядь, ди, — сущ. — ровная горизонтальная площадь, при постройкахъ не вызывающая срѣзыванья земли, — чего всемѣрно избѣгаютъ деревенскіе строители, ведущіе дѣло на глазомѣръ.

451) Строительный вѣнецъ есть связь четырехъ бревенъ; высота строенія измѣряется числомъ вѣнцовъ.

452) Терминъ — „ладныя часина, часинина“ — составляетъ, повидимому, неточную протяжимость времени; но въ быту деревлянъ такое время оформляется: а) проѣздомъ 8, а проходомъ 5 верстъ, и б) срокомъ отдыха среди работъ, подъ которымъ понимается ѣда и сонъ послѣ нея (послѣ второй, предъобѣденной „зыпряжки“).

453) Такой срокъ можетъ казаться преувеличеннымъ; но стоитъ вспомнить сооруженіе „обыденникывъ“ (см. 338 прим.) и кладку стѣнъ при готовомъ срубѣ.

454) „Ны цямки“ — въ знач. нар. — на глазомѣръ. Прил. — цямкій — примѣтливый, внимательный; глаг. — цямиць — мѣтить, — прицямливыцца — присматриваться къ чему, издали сличать, выбирать (см. прим. 91).

455) См. отд. Б, гл. VIII, гдѣ сказано объ этомъ (см. прим. 91).

456) Кромѣ суевѣрныхъ (тайный переносъ прусаковъ изъ своего дома въ чужой) и чисто антипаразитныхъ средствъ, борьба съ прусаками и тараканами разрѣшается довольно просто: въ сильный морозъ жильцы оставляютъ домъ дня на три, раскрывъ окна и дверь — „морозуць прусовъ“. Но того же нельзя сдѣлать съ клопами („пхлы“), и единственнымъ средствомъ въ воспоминаемое время было — смазыванье щелей и клоповыхъ гнѣздъ желчью животныхъ, или немного проквашенными рыбными помоями (рукописная запись б. благоч. о. Мартирія Бѣлинскаго, въ Клевникахъ, Нев. у.). Какъ извѣстно, упорные клопы съ теченіемъ времени привыкаютъ къ этому и свободно размножаются.

457) Болонка, ки, кватэрка, ки и шиба, бы, — имена относящіяся къ окну. Первое есть имя окна, состоящаго изъ одного, но не болѣе двухъ стеколъ, коимъ собственно и принадлежитъ имя; второе — есть часть (четвертая) такого окна, которое содержитъ только четыре стекла почти квадратной формы, при чемъ, по величинѣ, такія стекла бываютъ: „кватэры, кватэрки, кватэринки и кватэрчинки“; „шиба“ же есть названіе всего окна, съ рамами и остекленіемъ, хотя (въ Вит. у.) этимъ именемъ изрѣдка называется и отдѣльное оконное стекло.

458) Помѣстный въ (юго-вост. окраинѣ Вит. г.) обычай требуетъ, чтобы разговѣнье въ Р. Х. произошло до разсвѣта. Но если стряпня замедлилась и разговѣться приходится уже днемъ, тогда окна завѣшиваются одеждою, платками, закрываются ставнями и матами или задвигаются волоковыми нутри досками. Въ такой искусственной темнотѣ, при свѣтѣ лучины или

свѣчи, происходитъ разговѣнье (см. мои сообщенія о семъ въ „Бѣлор. п.“ г. Шейна, Спб. 1874 г., стр. 38—41).

459) Окейница, цы,—сущ.—ставень, обыкновенно одностворчатый.

460) Высота порога („пираступъ“) равна высотѣ двухъ съ половиною нижнихъ вѣнцовъ. Если хатка и сѣни мощеныя, высота порога становится значительно ниже, чѣмъ то бываетъ въ немощеныхъ хаткахъ и сѣняхъ.

461) Разница между тою и другою крышей довольно велика: первая тоньше и стелется „макушками“ (головками, колосьями) внизъ, наружу, а вторая—толще и стелется комлями наружу.

462) Казенцъ, нца,—сущ.—б. государ. крестьянинъ, довольно замѣтно отличавшійся отъ крѣпостного (см. мои сообщенія о „казенцыхъ“ въ „Этногр. Обозр.“ 1894 г., кн. XX, стр. 64—68).

463) По существующему увѣренію (въ Пол. и Дрис. у.), нечистые духи съ трудомъ пробираются въ избу, дверь которой, какъ и другія отверстія, ограждены мѣловыми крестами, окропленіемъ освященной воды или привѣсомъ освященной (24 іюня) травы. Но это не ограждаетъ отъ „нячисцикывъ“ скрытыя отверстія, каковыми въ данномъ случаѣ могутъ быть по толочныя дырья.

464) Гора, ры и горка, ки,—сущ.—заурядное названіе чердака съ насыпною землею, который бываетъ только въ теплыхъ помѣщеніяхъ. Тотъ же чердакъ безъ насыпи называется „столій, столлю“, каковое названіе принадлежитъ и избяному потолку.

465) Отвоный,—прил.—имѣющій некрутую покатость. Сущ.—отвонысь, сци и ласк. прил.—отвониинькій—удерживаютъ то же значеніе.

466) Въ отдѣльныхъ, кстати, щегольскихъ постройкахъ эти „рогульки“ (козлы на избяномъ гребнѣ) на самомъ дѣлѣ имѣютъ видъ двухъ обращенныхъ другъ къ другу роговъ.

467) „Юдашевыми бирвенними“, какъ и вообще деревьями, называются осина и ольха. По непоколебимому и дов. распространенному вѣрованію „ны осинины Юда зыдавився, а ны олешину кровь пускавъ“,—отчего произошла горечь древесины у первой и краснота древесины у послѣдней... Въ бытописуемое время то и другое дерево бывало малопотребнымъ и шло развѣ на банное, овинное топливо, да на изгороди.

468) Трупехныцъ,—глаг.—становиться хрупкимъ, дряблымъ отъ гніенія; по частямъ распадаться. Сущ.—трупехлысь, сци, трупехлина, ны—и прил.—трупехлый—имѣютъ то же значеніе.

469) Наиболѣе подходящимъ временемъ для рубки строительнаго лѣса считается время отъ Николина дня (6 дек.) до Срѣтенія, когда деревья слишкомъ мерзлы. Но и въ этотъ срокъ деревья, срубленныя въ новолуніе и

даже въ первую половину луннаго мѣсяца, предпочитаются срубленнымъ послѣ полнолунія.

470) Кымяница, цы,—сущ.—каменное строеніе вообще и жилой домъ—по преимуществу. Среди мѣстныхъ „кымяницъ" встрѣчаются каменныя зданія (церкви—въ Лѣсковичахъ, Вит. у., въ Старой-Слободѣ, Люц. у.,—мельницы, корчмы), красивыя и прочныя сооруженія изъ булыжника, имѣющія кирпичныя добавки при выводѣ оконныхъ и дверныхъ отверстій.

471) Распространенная и любимая поговорка мѣстнаго простонародья, обыкновенно выражающая необходимость подчиниться сложившимся обстоятельствамъ.

472) Приведенными названіями выражаются неподходящія для жизни простолюдина стороны такого, или иного не-крестьянскаго дома. Такъ, „стодола" (большое холодное строеніе для склада невымолоченнаго хлѣба) выражаетъ понятіе большой, съ трудомъ нагрѣваемой избы; „стайня" (конюшенное съ большими дверями зданіе)—опять же большое, растягивающееся въ длину строеніе; „лядовня" (ледникъ)—подвальное и холодное помѣщеніе; „вывкывня" (отъ сущ.—волкъ)—высокое, расширенное строеніе, на подобіе строеній для цирка—съ трудомъ согрѣваемое зданіе, гдѣ человѣкъ боится и теряется въ пустотѣ.

473) Спыживаць,—глаг.—не всегда выражаетъ пословичное реченіе „поживать", а весьма часто—съѣсть, насытиться,—что, между прочимъ, видно изъ причета надъ убойнымъ животнымъ: „суди, Божа, спожиць яго (убитое животное) у корысци, у радысци, у добрымъ здоровійку"!... (въ юго-вост. окрайнѣ Вит. г.).

474) Къ типичной особенности жилыхъ строеній можно отнести то, что сюда идутъ только цѣльныя, а не стачиваемыя бревна. Строители маскируютъ истинныя причины этого, когда увѣряютъ, будто рознь сточенныхъ бревенъ порождаетъ рознь семейной жизни жильцовъ,—будто цѣльныя бревна не уживаются въ сосѣдствѣ со сточенными (въ дер. Глинищѣ, Пол. у.), чрезъ что хатка скорѣе разрушается...

475) Избы съ квадратнымъ построеніемъ считаются менѣе желательными, хотя на самомъ дѣлѣ и встрѣчаются весьма часто, потому что стройка таковыхъ и, въ особенности, перекладка нѣсколько удобнѣе, такъ какъ, безъ ущерба дѣлу, можно замѣстить, напр., продольное бревно поперечнымъ и наоборотъ.

476) Курошесця, или курысадия,—сущ.—шестъ, жердь, балка, гдѣ лѣтомъ ночуютъ куры; „курошесныя мѣсто"—то именно, гдѣ находятся эти предметы для ночлежнаго сидѣнья куръ.

477) Такое обычное, хотя и рѣдкое явленіе бываетъ при внезапной оттепели. Жильцы обыкновенно видятъ въ этомъ нежданную смерть одного изъ семьянъ, или вѣсть о смерти близкаго лица (Ловожь, Пол. у.).

478) Мосничный,—прил.—вымощенный, настланный досками, изъ коихъ отдѣльная доска будетъ „мосница, мосничина, мосничинка; весь же полъ называется „мостомъ“. Существующій терминъ—„мость мосцицъ“—означаетъ: настилать полъ досками; въ отношеніи потолочной настилки досками же есть терминъ—„столь столицъ“.

479) Тынцы-плясы, род. тынцы-плясывъ,—сущ.—общее имя уже продѣланныхъ на вечеринкѣ танцевъ; названіе танцевальной вечеринки,—игрища. Танцы раздѣляются: а) на „плясы“, когда танцующіе ходятъ плавно, не очень шумно, и—б) на „скоки“, когда они усиленно притопываютъ и припрыгиваютъ.

480) „Мосничный“ полъ не вѣдается съ такимъ пониженіемъ и, какъ замѣчено дальше, скорѣе повышается, благодаря наносамъ. При одной и той же высотѣ порога немощеной и мощеной хатки, полъ второй будетъ выше земляного настолько, какъ могутъ улечься на землю половыя балки (4—5 верш. въ діам.) и досчатая настилка („двыядумники“—доски въ 2 д. толщ.),—что составитъ приблизительную высоту въ 6—7 верш.

481) Будетъ ли жилая изба въ отношеніи улицы стоять такъ, какъ показано на чер. А, или—какъ на черт. Б, печь той и другой избы помѣщается при стѣнѣ къ хлѣву. Чрезъ это расположеніе предметовъ внутри избы измѣняется только такъ: что въ одной (черт. Б.) приходится справа, то въ другой (черт. А) придется слѣва.

482) Лавка толщиною въ 2 верш. почитается наиболѣе подходящею и желательною. Лавка изъ половинника бываетъ толще (по срединѣ) и не нуждается даже въ подпоркѣ; зато края такой лавки остры,—что имѣетъ очевидныя неудобства.

483) Реги, регывъ,—сущ.—громкій хохотъ. Глаг.—ригытацъ—хохотать. —Отъ такого смѣха строго отличается сдержанный смѣхъ—„хихи“.

484) Какъ извѣстно, при первичномъ появленіи въ домѣ намѣченной невѣсты, сваты ведутъ рѣчь иносказаніями („отумѣки“), называя сватаемую дѣвушку „товаромъ, птицею, дорогимъ звѣрькомъ, краснорыбицей“, а себя и жениха—„купцами, охотниками, ловцами“.

485) Терминъ—„куницу мирицъ, змиряцъ“—означаетъ: покончить сватовство рукобитьемъ и нераздѣльно съ нимъ „запоинами“ (въ юго-вост. окр. Вит. г.). Отъ этого термина нужно отличать другой: „пона мирыцъ“, —подъ чѣмъ обыкновенно разумѣется оповѣщеніе и переговоры со священникомъ о состоявшемся сватовствѣ.

486) Чиставацъ,—глаг.—собств., оказывать честь, честить, подъ чѣмъ нераздѣльно понимается гостепріимное угощеніе. Въ томъ же значеніи понимается и терминъ „быцъ ны часци“.

487) Т. е. остающееся. послѣднее времечко.—„Пычасный госцикъ“—обыкновенное названіе покойника въ домѣ (находящагося здѣсь временно, нѣсколько часовъ), каковое имя нерѣдко слышится въ причитаньяхъ при голошеніи надъ покойникомъ, пока тотъ въ домѣ.

488) Крэйда, ды,—сущ.—польское названіе мѣла. Такой мѣлъ служилъ для намѣчанія надписей и крестовъ на дверяхъ, верхнихъ косякахъ оконъ, стѣнахъ и ульяхъ.—„Читвярговыя соль“, освященная въ Чист. Четв., служила для посыпки ею новорожденныхъ животныхъ, огородовъ и полей; ее употребляли и носили при себѣ боящіеся грома.—„Блыговѣщиныя проскурка“—освященная 25 мар. просфора, какъ и кусочекъ артоса, въ тряночкѣ привѣшивались къ „сивалки, лубцы“, при хлѣбномъ посѣвѣ, и потреблялись по окончаніи его.—„Громничныя свѣчи“, освященныя 2 февр., служили для легкаго обжиганія новорожденныхъ животныхъ, зажигались во время грозы и зажженными подавались въ руки умирающимъ.—На предметъ освященія перечисленныхъ и неперечисленныхъ предметовъ въ давнихъ уніатскихъ требникахъ имѣлись особые „чины“ (см. замѣчаніе о таковомъ требникѣ Е. Р. Романова, „Бѣлор. сборн.“, вып. V, Витеб. 1891 г., стр. 195).—Въ распоряженіи автора есть такой требникъ.

489) Въ сравнительно недавнее время такія фигурки отдѣльныхъ частей тѣла, или цѣлаго корпуса, кстати, кое-какъ слѣпленныя, приходилось видѣть въ числѣ „офярныхъ приносывъ“ въ Борковичахъ, Др. у., въ „Дивятникъ“ (четвергъ 9-й нед. по Пасхѣ) и въ Жеребычахъ, Вит. у., въ обѣ „Пяцинки“ (пятницы передъ 29 іюня и 20 іюля).

490) См. мои сообщенія объ этомъ изъ Веляшк., Вит. у., въ „Бѣлор. п.“ г. Шейна, СПб. 1874 г., стр. 41.

491) Зызныць, озызпыць,—глаг.—озябнуть, продрогнуть. Прил.—зызлый, озызлый происходитъ отсюда.

492) Раньше (отд. А, II гл., п. 38) упомянуто, что ржаная каша варится около Ильина дня,—что совпадаетъ съ созрѣваніемъ ржи. Но для каши сжинается нѣсколько сноповъ незрѣлой, зеленой ржи, которая послѣ сушки обрабатывается въ крупу. Ржаная каша варится одинъ—два раза, и почти повсемѣстно ею „разговляются“ въ Ильинъ день.

493) Мижикрылы, лъ,—сущ.—часть хребта, приходящаяся между лопатокъ; спина ниже этого мѣста называется „сирядиный“, а прилегающая къ тазу часть ея есть извѣстное „храсцо“ (крестецъ), „крыжъ“, какъ у людей, такъ и животныхъ.

494) Такъ обыкновенно называется печной уголъ,—соединеніе двухъ лицевыхъ сторонъ печи; верхнее же остроконечіе угла извѣстно подъ именемъ „рога“. Но того же названія не имѣютъ остальныя ребра печи и рога ея, а именуются просто „боками, краями“.

495) Увесь. уся, усе,—мѣст.—весь.—Находъ, ду,—сущ.—сходъ, сборище.

496) Пылювацъ,—глаг.—охотиться, стрѣлять.—Производимое отъ сущ. —поле и глаг.—„палицъ“ (жечь огнемъ) понятіе это не измѣняется въ значеніи. То же значеніе удерживаютъ и слѣдующія родственныя слова: „пылюванне“—охота и мѣсто ея, „пылюванникъ“—охотникъ, стрѣлокъ.

497) Шукацъ,—глаг.—искать. Но сложный глаг. ошукацъ—обмануть; родственное сущ.—ошука—ошибка, ошуканицъ обманщикъ.

498) Миколка и Авгинька—ласкательно употребленныя имена: Николай и Евгенія.

499) Такія, почти дословныя „рацеи“ приходилось слышать: въ Пол. у.: а) 15 окт. 1867 г., въ д. Воронькахъ, передъ надѣленіемъ новобрачной, и б) 22 окт. 1867 г., въ д. Паршинѣ, въ домѣ Ад. Григорьева, передъ надѣленіемъ новобрачнаго. Въ томъ и другомъ домѣ „рацеистами“ были наиболѣе „говоркіи“ мужчины. Одѣтые по дорожному, даже въ шапкахъ, съ прибаутками, ломаньемъ, съ напускнымъ недужествомъ, точно нехотя, они взбирались, или подсаживались „на конь“, гдѣ продолжали „штукарицъ“—подолгу откашливались, начинали рѣчь хриплымъ голосомъ и тутъ же обрывали ее, пока догадливые хозяева не приподносили „промочки“. Послѣ этого, при общей тишинѣ, выливались приведенныя рѣчи...

Тутъ же удостовѣряли, что иной „штукарь-рацеистъ“, подъ вліяніемъ хмелька и на усладу гостей, при послѣднемъ словѣ рѣчи, скатывался съ „кына“ на печь, съ печи на лежанку, оттуда—на „полъ“ и, наконецъ—на „зямлю“, гдѣ охалъ, стоналъ, покатывался съ боку на бокъ, пока, въ видѣ микстуры, не получалъ новой „промочки“... Несомнѣнно, такой финалъ рѣчи приноситъ двоякую пользу: среди заунывныхъ на сей моментъ пѣсенъ и причитаній гости задушевно похохочутъ, а изъ сожалѣнія къ „рацеисту“ на самомъ дѣлѣ помявшему собственные бока, „рыспыяснуцъ-рысцягнуцъ, усю свою сокровійку“ болѣе обыкновеннаго, т. е. вмѣсто обычныхъ одной-двухъ коп. положатъ въ сборную миску, шапку, рукавицу три-четыре копейки!..

500) Эти булыжники, не свыше пуда вѣсомъ каждый, помѣщаются въ верхней половинѣ печки, и число ихъ въ одной избяной печи не превышаетъ десятка.

501) Этимъ именемъ называется еще небольшое (1 саж. длиною и 2 арш. шириною) вѣнцовъ въ 5 строеніе, безъ крыши, наполненное лучшею

землей: тутъ (въ парникѣ) обыкновенно засѣваются и первое время растутъ пересадочные овощи капуста и брюква.

502) Нагляднымъ показателемъ „замочныхъ" угловъ и связей служатъ сундукъ и столярный ящикъ. Между прочимъ, съ такими углами строятся цѣлыя строенія (въ городахъ, мѣстечкахъ и помѣщичьихъ усадьбахъ); но деревляне избѣгаютъ стройки съ замочными углами.

503) Этотъ выступъ несовсѣмъ справедливо носитъ имя „припка, припика, припичка", въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ такъ называется описанная въ п. 7 лежанка, на что отчасти указываетъ начало дѣтской пѣсни:

„Ды-ли, ды-ли скрипка!
Ляцицъ баба съ припка"...
Или:
„Скрипа-скрипа скрипица!
Ляцицъ баба съ припица"...

504) Жирства, жарствы,—сущ.—пережженный, разсыпающійся камень; о немъ будетъ сказано ниже.

505) Отъ сущ.—склепъ,—каковое понятіе выражаетъ сводчатое каменное построеніе. Отсюда глаг.—скляпицъ—сдѣлать сводъ въ каменной постройкѣ вообще.

5 6) Между прочимъ, загадка о заслонѣ произносится такъ: „а якей ета вовчекъ, што мацць горѣлинькій бочекъ"?

507) Коминный,—прил. отъ сущ.—коминъ, на—печная труба.

508) Поджожинка и подтопинка,—сущ. собир.—однозначныя слова, коими выражается понятіе о древесномъ матеріалѣ, служащемъ при затапливаньи печи.

509) Кулюкушки, шикъ,—сущ.—извѣстная дѣтская игра въ прятки. Сущ.—кулюковщикъ—тотъ который разыскиваетъ спрятавшихся; глаг.—кулюкывацъ—разыскивать ихъ.

510) „Скачкомъ блины"!—обычное привѣтствіе новопришедшаго при печеньи блиновъ. При игривомъ настроеніи, стряпуха шутливо отвѣчаетъ: „торчкомъ сы збы"! Незначительное число привѣтствій на разные случаи есть въ „Мат." г. Шейна (т. II, Спб. 1893 г., стр. 503 510).

511) Цирабицца,—глаг.—въ данномъ случаѣ—париться. Вообще же этимъ словомъ выражается чесанье зудящаго мѣста, подергиванье и переборъ перьевъ птицами. Но—цирабицъ—подчищать, срубать мелколѣсье при пашнѣ и на лугу,—отчего такія мѣста называются „подцяробыми, рысцяробыми".

512) Т. е. скупцы несутъ (эпитимію) наказаніе.

513) Мѣстонахожденіе „боковки" въ трубной печи—средина той части лицевой стороны трубы, которая (часть) приходится между печнымъ карни-

зомъ и потолкомъ. Величина „боковки" не превышаетъ величины трубной дверцы, за отсутствіемъ которой отверстіе закрывается прилаженною дощечкою.

514) Куряшка, ки, — сущ. — въ данномъ случаѣ — названіе курной хатки. Собственно же „куряшкый, или дымокуркый" называется высушенная древесная гнилушка, дымомъ которой пользуются для выкуриванья пчелъ изъ улья или дупла (борти).

515) Гылывашникъ, ка и гылывашка, ки, — сущ. - названіе многихъ предметовъ, подкладываемыхъ подъ голову лежащаго человѣка: маленькая подушечка („пыдушчонка"), скомканная одежда въ изголовкѣ, на „полу, пылацихъ, лижанцы", — небольшой, наклонный помостъ изъ досокъ тамъ же. „У грубцы" этотъ помостъ кирпичный и всегда приходится надъ устьемъ ея, въ сторону хатки.

516) Ложикъ, жка; — сущ. — кровать. О ней будетъ сказано ниже.

517) Чтобы получить упоминаемый глянецъ, кстати, совершенно необходимый для прикрѣпленія къ стѣнѣ копоти, печка періодически топится исключительно осиновыми дровами. То же дѣлается и въ печкѣ съ трубою: дымъ осиновыхъ дровъ чиститъ и глянцуетъ трубу.

518) Вапна, ны, — сущ. — известка. Сущ. — вапенникъ — рабочій, пережигающій известь, - вапенница — горнъ, гдѣ она пережигается; глаг. — вапицъ — бѣлить известкою, штукатурить.

519) Пэнзыль, ля, — сущ. — красильная кисть. Глаг. — пэндицъ и пынзэлицъ — мазать, пачкать — имѣетъ скорѣе ироническое значеніе.

520) Метенье избы и выносъ сора должны быть сдѣланы тайкомъ и до разсвѣта; выносить соръ нужно съ зажмуренными глазами (изъ множества повсемѣстныхъ по Витеб. г. повѣрій). Это дѣло обыкновенно отправляется дѣтьми на перебой.

521) Прикрытіе сквозныхъ мѣстъ и даже покрышка второстепенныхъ построекъ тростникомъ, камышомъ, аиромъ встрѣчается у при-водныхъ жильцовъ, гдѣ изъ года въ годъ озера, рѣки и пруды даютъ обильный, даровой матеріалъ. У остальныхъ защитою и покрышкою служитъ солома, а изрѣдка — мелкій хворостъ, чаща (вѣтки ели) и кора большихъ деревъ

522) Столевыный, — стр. прич. отъ глаг. столицъ, стылювацъ, который, въ свою очередь, происходитъ отъ сущ. „столь" — потолокъ. Сродное сущ. — стылювання — позволяетъ смѣшивать два отдѣльныя понятія: столовое продовольствіе (столъ) и плотничную работу при настилкѣ потолка („столь").

523) Эта повсемѣстная примѣта тѣмъ чаще подлежитъ наблюденію, чѣмъ неряшливѣе содержаніе жилыхъ помѣщеній, а между тѣмъ весьма нерѣдкіе счастливчики каждый разъ тѣшатъ себя надеждою на новое и новое благополучіе, не получивъ толковаго отвѣта отъ предыдущихъ пророчественныхъ указаній...

524) „Нясущія, или кладущія курка“ почему-то охотнѣе всего кладется на чердакѣ хатки, гдѣ для ея гнѣзда готова мягкая подстилка, достаточное тепло для яицъ, а главное—это мѣсто недоступно для многочисленныхъ алчниковъ—собакъ и свиней.

525) Собственно „исценкый“ слѣдуетъ назвать запасную избу, невозможную для отопленія, прекратившую таковое по старости печи или своей собственной (Ловожь, Пол. у., въ 1867 г.), хотя на дѣлѣ такъ называется всякая запасная, даже новая изба, безъ отопленія и даже безъ печи. Имя „призбы, или прійзбы“ гораздо точнѣе выражаетъ ея служебное при хаткѣ положеніе.

526) Очухыцца,—глаг.—отдышаться, успокоиться отъ усиленнаго движенія, въ данномъ случаѣ—отрезвиться, притти въ нормальное положеніе. —Сохраняя укоризненный смыслъ, это слово имѣетъ своимъ родоначальникомъ межд. „чухъ“! которымъ деревляне вспугиваютъ свиней, а терминомъ —„чухыло-рухыло-крухыло“—называютъ ихъ безотносительно къ особи. Несомнѣнно, что данный глаголъ образовался, какъ укоризна, намекъ хмельному на его неестественное состояніе.

527) Соотвѣтствующіе, часто повторяемые въ обиходѣ простолюдина, предметы имѣютъ существенное различіе, которое обозначается предлогами: вы, за, изъ, отъ, пере, при и др.

528) Изъ предыдущаго описанія видно было, что сѣни довольно слабо освѣщаются сами по себѣ—чрезъ отворенную дверь, заметныя щели и рѣдкостные прорубы. „Клѣць празъ сѣнки“, лишенная прорубовъ ради того, чтобы чрезъ нихъ не забирались кошки, хорьки и пташки. пользуется лишь сѣннымъ свѣтомъ. Не погрѣша противъ истины, можно утверждать, что сюда приходится заходить „днемъ съ огнемъ“.

529) Свиринъ, рна,—сущ.—въ помѣщичьихъ усадьбахъ большое зданіе для храненія исключительно зернового хлѣба. Это имя перенесено и на крестьянскіе амбары (клѣти), хотя въ нихъ вмѣстѣ съ зерновымъ хлѣбомъ сохраняются довольно разнообразные предметы обиходности,—какъ то видно будетъ изъ послѣдующаго описанія.

530) Живоцина, ны, животы, товъ, стачина, ны и статыкъ, тка,—сущ. собир., выражающія имя домашнихъ животныхъ всей деревни, даннаго хозяйства, или только извѣстную группу ихъ (лошади, коровы и проч.). Въ томъ же значеніи понимаются имена: живоцинина, стачинина, изрѣдка прилагаемыя къ особи. Соб. имя домашнихъ птицъ есть „птаства, ствы“.

531) Это дѣлается въ первые дни послѣ отеленія коровы въ суровое зимнее время, и не только при захудалыхъ хлѣвахъ, но и при болѣе благоустроенныхъ. Здѣсь мать видится съ отдѣленнымъ отъ нея теленкомъ, потребитъ предложенныя ей наиболѣе лакомыя мѣшань и пойло, да кстати и

выдоится. Если при домѣ есть „исцепка", то корова вводится туда, такъ какъ подвоспитывающіяся животныя ютятся тамъ.

532) Терминъ — лыкомъ шитый"—прилагается ко многимъ именамъ, выражающимъ профессію даннаго лица: такъ, есть лыкомъ шитый" мастеръ, землепашецъ, грамотей, музыкантъ и проч. Во всѣхъ случаяхъ здѣсь разумѣется недостаточный знатокъ своего дѣла, кое-какъ ведущій его.

533) Только въ послѣдніе годы наиболѣе предпріимчивые крестьяне Поташинской, Войханской, Мишневичской и другихъ недалекихъ отъ дв.-вит. ж. д. волостей начали вводить культурное удобреніе земли гипсомъ, каковой удобрительный матеріалъ задешево (60 коп. пудъ) можно получать съ желѣзно-дорожныхъ станцій и изъ городскихъ складовъ.

534) Крестьяне воспоминаемаго времени знали только трехпольное хозяйство, а захолустники даже и не слыхивали о другомъ, такъ какъ помѣщики, крупные арендаторы и духовенство держались одного трехпольнаго хозяйства.

535) Полною хаткой называютъ жилое помѣщеніе съ сѣнями и „призбый" нераздѣльно, когда онѣ имѣютъ одну общую крышу.

536) Предѣльною шириною хлѣва нужно считать 2 саж. и 2 арш., каковая ширина доходитъ до 3 саж. тамъ, гдѣ хлѣва находятся въ отступѣ отъ задней стѣны хатки.

537) Дерзость свиней и разореніе ими загорожи достаточно выражены въ пословичномъ сравненіи: „свинни абы (лишь-бы) лычъ продѣць (сквозь загорожу), дыкъ ина и уся пройдецъ"...

538) Ваперъ, вапрукъ, ваприкъ, выпручекъ имена кастрированнаго самца, борова. Раньше кастраціи онъ называется „килуномъ, килашомъ".

539) Хлявникъ, хливника,—сущ.—имя одного изъ домашнихъ духовъ притонъ котораго есть хлѣвъ. „Хлявникъ" является въ большинствѣ охранителемъ скота и только въ капризныхъ случаяхъ мучителемъ его. Не въ примѣръ вѣдьмамъ и чаровникамъ, онъ не выдаиваетъ молока, а только обезмолачиваетъ коровъ изнурительною ѣздою на нихъ по хлѣву преимущественно ночью (повсемѣстное повѣрье).

540) Имена одного и того же животнаго, преимущественно коровъ, примѣнительно къ росту, бываютъ слѣдующія: „селитка, или сиголѣтка, пиралѣтка (пережившая лѣто), пиразимка (пережившая лѣто и зиму), поцелыкъ (имѣющая годъ), другодичка (два года) и трицячка (три года)".

541) Въ виду безпокойнаго поведенія свиней и наиболѣе зловоннаго навоза ихъ, „свинярня" относится въ отдаленный уголъ хлѣва, какъ то можно видѣть на черт. А, подъ лит. е.

Гдѣ водятся гуси, тамъ подъ повѣтью, или подъ надворною стрѣхою строится „гусярня“—маленькое частокольное строеніе, дающее жалкій пріютъ племеннымъ гусямъ въ теченіе зимы.

512) Толочные пособники, обыкновенно справляющіе работу изъ-за угощенія только, называются „госцикыми“, а приглашеніе ихъ къ толокѣ принимается, какъ зовъ въ гости. Такъ смотрятъ на дѣло и на самихъ себя пособники и хозяева.

513) Крыша описываемаго хлѣва зачинается такъ: вдоль задней стѣны хатки ставятся три-четыре вертикальныя „сохи“, на которыя потомъ накладывается длинное бревно; отъ него, наложенные крючковатымъ концомъ („копани“-самородки), спускаются къ внѣшней стѣнѣ „латы“, вмѣстѣ съ кровельными жердями дающіе „поплетъ“ (см. отд. В, гл. II) для настилки крыши.

514) На практикѣ такая защита хлѣвныхъ стѣнъ даетъ поводъ къ цѣлозимней борьбѣ: съ одной стороны скотъ разрушаетъ мягкую защиту, когда хочетъ ѣсть, или отъ нечего дѣлать, а съ другой—хозяева исправляютъ порчу новымъ, хотя однимъ и тѣмъ же матеріаломъ.

515) Дянникъ, диннка, сущ. (отъ день)—мѣсто, предназначенное для дневного пребыванія скота. Лѣтомъ, когда по случаю вывоза навоза (толока), исправленія хлѣва, карантиннаго положенія, отдаленности пастбищныхъ мѣстъ отъ дома, скотъ принужденъ ночевать, или, по крайней мѣрѣ, полдневать не дома, тогда на парной пашнѣ, лугу, въ рощѣ, создаются временный „дянникъ“, перемѣщаемый дня чрезъ три, или чрезъ недѣлю. Онъ есть четыреугольная загорожа изъ двухъ-трехъ лежачихъ жердей, покоящихся на рѣдко поставленныхъ кольяхъ. Если продолжится кочевье скота, то, благодаря перемѣщенію „динника“, такимъ путемъ можетъ удобриться почти все поле.

516) Кромѣ боданья коровъ, возможной обиды младшихъ и слабыхъ, безпокойство скота бываетъ отъ внезапнаго пробѣга кошки, хорька, мыши и ласки. Какъ извѣстно, ласка иногда вспрыгиваетъ на животное, чтобы воспользоваться клочкомъ шерсти для своего гнѣзда; испуганное животное мечется по хлѣву и тѣмъ поднимаетъ на ноги остальныхъ—происходитъ непонятная суматоха, кончающаяся увѣчьемъ отдѣльныхъ животныхъ. Такое положеніе поддерживаетъ и укрѣпляетъ вѣру въ „хливниковъ“ (см. прим. 539).

517) Въ этомъ случаѣ авторъ опирается на увѣреніе Д. П. Цвѣткова, уроженца Каменской вол., Леп. у., что, при устроеніи хлѣва непосредственно при хаткѣ, такая гигіеническая польза его имѣется въ виду строителями...

548) Школа, ды, — сущ. — трата, потеря отъ стравежа; всякая трата вообще. Отсюда происходятъ слова: шкодливысь, сци, — шкодливый — прил., и глаг. — шкодиць, шкодывыць. — Отъ этого слова рѣзко отличается другое — шкыда, — нар. — жаль, больно.

549) По своему имени „повклѣцъ" (полклѣть) должна бы быть на половину меньше клѣти на самомъ дѣлѣ она то равна ей, то немногимъ меньше, и если можетъ быть разсматриваема, какъ нѣчто половинное, такъ развѣ по количеству и добротности помѣщеннаго здѣсь имущества.

550) Отгадка (въ Дрис. у.): верхняя и нижняя полость рта, а среди нихъ языкъ Но есть и довольно циничная отгадка той же загадки.

551) Насколько тонкій лѣсъ идетъ на клѣть и подобныя ей строенія, можно видѣть изъ того, что, напр., въ д. Крякахъ, Бескат. вол., Гор. у., при полевой дорогѣ стоитъ мшеное, дов. свѣжее строеніе, въ которомъ 23 вѣнца, но которое едва превышаетъ 1 саж., а отдѣльныя бревна имѣютъ діаметръ только въ 2 вершка!..

552) Кылоница, цы, — сущ. — перегорѣвшій и сгустившійся въ колесѣ и на оси деготь. Онъ употребляется, какъ противолихорадочное средство (три шарика величиною въ горошину до восхода и по закатѣ солнца); тотъ же деготь, приставшій отъ оси къ воротнымъ столбамъ, еще меньшими шариками накладывается на бородавки („дичи") и сводитъ ихъ, какъ симпатическое средство (изъ лѣчебныхъ пріемовъ въ Махировѣ, Пол. у., въ 1875 г.).

553) Повсцѣныкъ, нка, — сущ. — имѣющій половину стѣнной высоты; на самомъ дѣлѣ высота полстѣнка едва превышаетъ аршинъ. — Мѣсто его — только клѣть.

554) Такъ чаще всего называются закромы въ клѣти и „повклѣци"

555) Хотя подобные самоубійцы могутъ найти не мало и другихъ мѣстъ, но клѣть почему-то считается наиболѣе подходящею: она ближе къ дому, хорошо запирается снутри, а главное — что дѣлается въ ней, недоступно для наблюденія извнѣ, и потому не можетъ быть предупрежденія замысла... Такъ ли это по статистикѣ самоубійствъ — вопросъ иной; практическій же знатокъ простонародной жизни, Сер. Адр. Комаровъ, еще въ 1868 г. утверждалъ, что половина повѣсившихся сводитъ счеты съ жизнью въ клѣти.

556) Вотрина получается при вѣяньи хлѣба на току и состоитъ изъ наиболѣе грубой мякины, въ которой во множествѣ попадаются отпавшіе колосья. „Вотрина" дается животнымъ, какъ лакомый кормъ.

„Пилюха" — тонкая мякина, получается при просѣвѣ зернового хлѣба чрезъ рѣдкое рѣшето, на ручной вѣялкѣ и чрезъ „подпалыванье"; при вѣ-

яньи хлѣба на току, она ложится небольшою полосою передъ „вотриный“, почти у ногъ вѣющаго.

„Шаколы, шакины“ стоятъ значительно ниже „пилюхи“, хотя, какъ отдѣленныя отъ зеренъ скорлупы, онѣ должны бы считаться болѣе добротными. „Шаколы“ получаются при обработкѣ перловой и гречневой крупы; ими становятся выжатыя овсяныя высѣвки послѣ настоя цѣжи. Онѣ даются домашнимъ птицамъ въ видѣ мѣшани съ мукою, картофелемъ, а скоту — съ прибавленіемъ „вотрины или пилюхи“.

557) Церница, цы,—сущ.—мятая, непрямая солома, иногда смѣшанная съ сѣномъ, чтобы скотъ охотнѣе ѣлъ ее. „Уцерницу“ поступаетъ болѣе нѣжная ржаная солома и вся яровая, за исключеніемъ соломы отъ пшеницы „лядовки“ (озимой), которая, какъ и прямая ржаная солома, рѣжется косою, ножемъ, отдѣльнымъ „ризакомъ“ и, подъ именемъ „рѣзи“, поступаетъ въ кормъ только въ болѣе трудные годы. Но ту же „рѣзь“, смѣшанную съ овсомъ или ячменемъ, рабочія лошади охотно ѣдятъ въ любую пору года.

558. Какъ извѣстно, для куръ не устраивается отдѣльнаго курятника: зимою онѣ помѣщаются въ подпольѣ, а съ весны до поздней осени — подъ навѣсомъ строеній, по собственному выбору. За невозможностью пріютиться подъ навѣсомъ, они избираютъ „курошесцій“ ближайшее къ дому дерево.

559) Въ чертѣ гуменной площади, вблизи мѣста выработки кирпичей, на небольшомъ отдаленномъ лужкѣ и на болотинѣ, для временной поклажи снопoвъ, кирпичей, сѣна и др. предметовъ, кои почему-либо неудобно помѣстить въ постоянныя складища, устраивается подобная повѣть: она безъ заметныхъ стѣнъ и представляетъ односкатный, или двускатный навѣсъ, утвержденный на четырехъ вольныхъ столбахъ. Такое строеніе удерживаетъ имя повѣти, пока тамъ есть какая-нибудь поклажа.

560) Трудно указать мѣста, гдѣ разграничиваются приведенныя названія одного и того же овина, потому что эти имена одинаково извѣстны изъ края въ край, и скорѣе можно свидѣтельствовать, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ овинъ называется всѣми тремя именами безразлично, переходя довольно часто въ ласкательныя—„точекъ, рижка, рейка“.

561) Гуменныя постройки немногочисленны и въ строгомъ смыслѣ ограничиваются только овиномъ и хлѣбнымъ сараемъ, если таковой отстроенъ. На самомъ дѣлѣ сюда причисляется сѣнной сарай, баня, особыя сооруженія для сушки немолоченнаго хлѣба, когда тѣ помѣщены на гуменной площади или даже коснулись линіи ея.

562) Пукъ, ка,—сущ.—куль соломы, въ данномъ случаѣ. Въ другомъ случаѣ „пукъ“ (межд.—„покъ“) есть звукъ отъ удара по мягкому тѣлу,

или ударъ прутикомъ по басу и терціи, при скрипичной игрѣ, что дѣлаетъ досужій сторонній любитель этого дѣла (см. мой очеркъ музыкантовъ въ „Этногр. Обозр.“ 1892 г., кн. XIII—XIV). Прутикъ этотъ называется „пукывкый, пукывылкый, покывкый“, а дѣйствіе выражается словами „пукыць, цокыць“.

563) Эти „сохи“ называются еще „вилами“ и стоятъ въ близкой связи съ „круками“ (стропилами), потому что вмѣстѣ съ ними даютъ основаніе крышѣ.—Изъ сопоставленія этихъ именъ есть игривый уклончивый отвѣтъ на вопросъ пана къ мужику: „хто вашія сяло дяржиць“?—„Сохи, вилы ды круки“... (см. объ этомъ въ Бѣлор. пѣсн. г. Шейна, 1874 г., стр. 429).

564) Насколько приходилось наблюдать, установка сохъ и помѣщеніе въ ихъ вилы гребневаго бревна составляютъ наиболѣе трудную работу для которой приглашаются наличные сосѣди-мужчины. При помощи ухватовъ, жердей и веревокъ, послѣ многочисленныхъ „ныдай! ныддай“! бревно помѣщается на мѣсто, и сохи закапываются землею.

565) Сушильни послѣдняго типа и имени встрѣчались въ юго-вост. окраинѣ губерніи; въ другихъ мѣстахъ на „евни“ переносились лишь имя ихъ, какъ то есть и теперь въ разныхъ мѣстахъ Гор. у.

566) Пудливый,—прил.—пугающійся, страшливый, трусъ. Сущ.—пудъ, ду, глаг.—пудиць, цца, нар.—супуду—происходятъ отъ одного корня.—Сущ.—лякыння, гл.—лякыць—и другія, происходящія отсюда слова выражаютъ не постоянную, прирожденную трусливость, а только испугъ отъ даннаго предмета, явленія,—спорадическую боязливость.

567) При измѣреніи нѣсколькихъ сушильныхъ печей въ Островскихъ, Вит. у., лѣтомъ 1867 г., приходилось попадать на совершенно кубическія печи, ребра которыхъ не превышали 1 арш. и 8 верш.,—что особенно слѣдуетъ отнести къ глинобитнымъ и лишь изрѣдка—кирпичнымъ печамъ.

568) Подъ этимъ именемъ извѣстенъ мелкорослый, но густой горошекъ, дающій плоскія зерна, на половину меньшія обыкновеннаго гороха. Въ воспоминаемое время „сочивка“ кое-гдѣ разводилась въ юго-вост. окраинѣ: зерна ея шли на кашу („цалкомъ“), а „сочивины“—въ кормъ скоту.

569) Сдвинутыя къ одной стѣнѣ, эти „градки“ покоятся на балкахъ грудою во все свободное время. Въ такомъ видѣ онѣ становятся полкомъ, когда сушильня замѣняетъ баню и когда необходимо взмоститься на высоту, чтобы орудовать вѣничкомъ. Если „градки“ очень закоптѣли, то же продѣлывается на внесенной скамьѣ, на колодкѣ и даже на печномъ углу кирпичной, или глинобитной печи.—Въ тѣхъ жалкихъ положеніяхъ, когда нѣтъ возможности высушить травы на открытомъ мѣстѣ, на „градкыхъ“ сушится сѣно: тогда онѣ раздвигаются, по мѣрѣ надобности. Служа постелью для

отдѣльныхъ лицъ, „грядки“ придвигаются одна къ другой и застилаются соломою, „горохвиными“.

570) Терминъ—„садицъ евню, осенъ“—сохраняетъ все значеніе посада, т. е. имъ обозначается дѣйствіе и количество высушиваемыхъ за одинъ разъ сноповъ.

571) Какъ извѣстно, мѣстная „копа“ обозначаетъ численный составъ единицъ въ 60 штукъ, и такою мѣрою повсемѣстно исчисляются снопы, кули, копны сѣна, фрукты, куриныя яица и вообще строго раздѣльные предметы одного и того же рода. Въ сравнительно недавнее время (въ 1877 г. въ Пол. у.) существовала „копа“ въ 100 штукъ („кыпа социнныя и шисьдисятныя“).

572) Сноповая вязь бываетъ: большая, средняя и малая—что опредѣляется діаметромъ снопа въ основаніи—5, 4 и 3 верш.; это разграниченіе вязи въ ржаныхъ и яровыхъ снопахъ неодинаково: что въ первыхъ составляетъ среднюю вязь, то во вторыхъ—большую, и т. дал.

573) Трывалѣй—пр. въ сравн. степ.—терпѣливѣе, переносливѣе,—отъ прил.—трывалый; глаг.—трывацъ (терпѣть), вытрывыцв (вытерпѣть). Какъ извѣстно, просушенное зерно противостоитъ стихійнымъ вліяніямъ—излишней сырости и холоду—гораздо успѣшнѣе, чѣмъ сыромолотное.

574) Полученныя отъ сего зерна ржи извѣстны подъ именемъ „околоцинъ“.—Ничего подобнаго не дѣлается съ яровымъ хлѣбомъ, который, впрочемъ, не доживаетъ въ снопахъ до посѣва, а перемолачивается осенью. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь есть свои „околоцины“, которыми называются „пызадкывыи зерниты“, т. е. послѣднія, легковѣсныя, малодобротныя зерна.

575) Гукъ-пукъ,—сущ. и отглаг. межд., лучше всего передающее тотъ тупой звукъ, который слышится при мѣрномъ ударѣ цѣповъ по снопамъ.

576) Подражательное воспроизведеніе такихъ и иныхъ звуковъ и сопровождающихъ ихъ дѣйствій развито у крестьянскихъ дѣтей и касается многихъ предметовъ. Такъ дѣти „дражнюцъ звоны“ (см. объ этомъ въ „Бѣлор. пѣсн.“ г. Шейна, 1874 г., стр. 37), „дудку“ (мои сообщенія о музыкантахъ въ „Этногр. Обозр.“ 1892 г., кн. XIII—XIV), пѣнье различныхъ птицъ,—къ чему придается часто комическій, а нерѣдко и нелѣпый текстъ. „Дражнюцъ мылоцьбу“, по большей части, лишь ударомъ ладоней по стегнамъ, другъ о дружку, по груди, предплечіямъ, при чемъ удары чередуются. Такъ изображеніе молотьбы въ 8 цѣповъ происходитъ въ слѣдующемъ порядкѣ: ударъ правой ладони по правому стегну, лѣвой по лѣвому, другъ о дружку, поочередный—по груди, правой ладони о лѣвое предплечіе, лѣвой—о правое, новый ударъ другъ о дружку. Молотьба съ меньшимъ числомъ цѣ-

цовъ „дражнитца“ соотвѣтственно.—Дѣти ведутъ игру сидя, въ одиночку и коллективно, въ перебой: въ послѣднемъ случаѣ, при совпаденіи съ настоящею молотьбою, игра бываетъ особенно интересною и оживленною.

577) Хороводныя игры не ведутся мѣстными крестьянами, хотя и достаточно извѣстны имъ по употребленію таковыхъ у сосѣдей-старообрядцевъ. Тѣмъ не менѣе, терминомъ „водицъ хыроводы, хыроводицца“ обозначаются другія простѣйшія игры, даже извѣстныя „горѣлки“ какъ и „жарты (шутки) мальцовъ зъ дѣвкыми“.

578) Разрѣшеніе отъ беременности извѣстно подъ терминами: „сходицъ у ригу, зъѣздицъ у ригу“, хотя бы это произошло дома, въ банѣ, и др. мѣстѣ; паціентку же шуточно называютъ „рижанкый“, новорожденнаго „рижаненкымъ“, каковымъ именемъ онъ отличается отъ „крапивника, кынопельника“ (незаконнорожденнаго).

579) Таковы обычные пріемы при сношеніяхъ хозяевъ съ „бѣглыми“; въ случаѣ обвиненія въ пристанодержательствѣ, при очныхъ, примѣрно, ставкахъ, стороны могутъ опираться на невѣдѣніе другъ друга,—что на самомъ дѣлѣ не расходилось съ дѣйствительностью.

580) Авторъ опирается на личныя сообщенія такого „бѣглаго“, Архипа Лэбскаго, крѣпостного имѣнія Веляшковичъ, Вит. у., относящіяся къ 50-мъ годамъ (см. мои очерки нищихъ въ XII кн. „Этногр. Обозр.“, вольныхъ рабочихъ—въ XVII кн. и крѣпостныхъ—въ XX кн.).

581) Такое сужденіе приходилось выслушивать въ районѣ Бѣльской вол., Пол. у., еще въ 1875 г., а нѣсколько позже- въ Зябковской вол., Дрис. у. Практическая жизнь подтверждаетъ, что дѣятельность цыганъ и грызуновъ нѣсколько тождественна и одинаково вредоносна мирной жизни сельчанъ.

582) Въ обычныхъ при семъ случаѣ терминахъ: „ладицъ евню, садицъ, сушицъ, выстыицъ, сымацъ“ ее и проч. разумѣется не строеніе, а посадъ.

583) Ночное время измѣряется „пѣтухами“, т. е. пѣніемъ ихъ. Какъ извѣстно, такихъ „пѣтуховъ“ три: первые—около 11 ч. веч., вторые—въ 1 ч. и третьи—около 3 ч. ночи. При спокойномъ, регулярномъ состояніи погоды, такіе показатели времени дов. точны, и сбиваютъ съ толку передъ перемѣною ея.

584) Есть категорія работъ, за которыя принимаются неумытыми, по пословицѣ: „нямыцьки гыроды бяруць“. Это—работы землекопныя, дровосѣчныя и, какъ въ данномъ случаѣ, молотильныя, льняныя, т. е. наиболѣе трудныя и грязныя. Остальнымъ работамъ, даже пашеннымъ, предшествуетъ обязательное умыванье рукъ и лица.

585) Если въ домѣ есть подходящій подростокъ, то онъ приставляется къ лучинѣ и держитъ таковую въ рукахъ, перемѣщаясь по требованію молотьбитовъ отъ одного угла лицевой стороны сушильни къ другому, вдоль стѣны. Онъ—тоже молотьбитъ. Въ противномъ случаѣ, смѣняютъ лучину и наблюдаютъ за нею сами молотящіе. Немногіе, болѣе осторожные хозяева хранятъ на сей случай самодѣльныя сальныя свѣчи, извѣстные „моканики“ (изъ наблюденій въ Вит. и Пол. у.).

586) Постыць, ци,—сущ.—имѣетъ значеніе чего-то урочнаго и относится тѣснѣйшимъ образомъ къ жатвѣ и молотьбѣ; при другихъ полевыхъ, изрѣдка и луговыхъ работахъ, „постыць“ поминается въ шутку, хотя и здѣсь это слово выражаетъ понятіе урока.

587) Молотьбиты обѣихъ сторонъ стоятъ наискось другъ противъ друга, и когда, во время молотьбы, одна сторона движется впередъ, другая пятится назадъ,—что извѣстно подъ терминами: „ныддывацъ пыддывацъ“ (въ юго-вост. окраинѣ).

588) Вязьмо, визьма,—сущ.—завитокъ изъ горсти того хлѣба, который жнутъ, служащій для связыванья снопа—сноповая опояска. Слово „вязьмо“ весьма часто замѣняетъ „вязь“.

589) Ворушиць, цца, глаг.,—воротить, трогать, перевертывать и подвергаться тому же со стороны.

590) Пирагонъ, ну, сущ. (глаг.—пирыгыняць)—такое дѣйствіе граблями по вымолоченному хлѣбу, которымъ, по снятіи соломы, извлекаются изъ хлѣбной груды мелкая солома, колосья, трава и проч.

591) Нюшокъ, шка,—сущ.—щепотка, т. е. сколько берется нюхательнаго табаку для единовременнаго потребленія.

592) Слѣдуетъ имѣть въ виду, что такое укрывательство собственнаго добра сейчасъ имѣетъ двѣ причины: опасеніе прослыть за богача и опасеніе „худого глаза“. Въ крѣпостное время была сильна и третья—скрывалась наличность добра, дабы излишекъ его отъ семейныхъ надобностей не поступилъ „до скарбу“,—что имѣло мѣсто у землевладѣльческой мелкоты, или арендаторовъ крупныхъ имѣній. Какъ это ни грустно, но приходится свидѣтельствовать, что въ отдѣльныхъ случаяхъ вымолачиваемый, напр., хлѣбъ укладывался на току въ два вороха—открытый и припрятанный подъ солому, на случай внезапнаго посѣщенія „дозорца“ (крѣпостническій чинъ шпіона; мои сообщенія объ этомъ въ XX кн. „Этн. Обозр.“ за 1894 г., стр. 58—59). Точно также подъ соломою, или въ потайномъ погребѣ, припрятывалась часть провѣяннаго хлѣба въ то время, когда другая часть его покоилась въ клѣти. Впрочемъ, это дѣлалось въ огражденіе добра и отъ другихъ алчниковъ и посягателей...

593) Подъ послѣднимъ именемъ извѣстенъ собственно хлѣбный молотильный сарай („Толк. слов." В. И. Даля). Но въ Вит. Бѣлор. нѣтъ молотильныхъ сараевъ, и все молотильное дѣло справляется въ описанномъ току или ригѣ. Имя клуни принадлежитъ только хлѣбному сараю, которымъ, безъ перестройки и какого-бы то ни было приспособленія, можетъ быть обычная пуня—сѣнной сарай. Даже имя клуни какъ-то спорадично и скорѣе слышится въ южной (Леп. у.) и западной (Дрис. у.) окраинѣ.

594) Дѣти устраиваютъ качели только подъ повѣтью и въ пунѣ, пользуясь для того готовыми перекладинами—балками, при чемъ предпочтительнѣе они избираютъ пуню, какъ мѣсто, удаленное отъ стѣснительнаго досмотра старшихъ и дающее большій просторъ для качанья. Вслѣдъ за дѣтьми тамъ же привѣшиваютъ качели парни и дѣвушки.

595) Есть шуточное хозяйственное увѣреніе, что „послѣ Ильи сѣно сушится на вилахъ" (Махирово, Смоляки и Бононь, Пол. у., около 1875 г.), т. е сырая трава, подаваемая вилами на вершину сѣнного складища (стогъ, подгребенье крыши), не доводитъ его до горѣнья и сама высушивается, снизу - отъ сѣнной теплоты, а сверху и сторонъ—отъ вѣтра. Практика указываетъ, что болѣе заботливо сушится и потомъ въ сараѣ утаптывается лишь первое, молодое сѣно, и что, по мѣрѣ сокращенія сѣнокоса, позднее сѣно сушится наскоро и небрежно,—что можно видѣть въ сравненіи сушки ржаного и ярового покосовъ.

596) Одновременно съ „кулюкушкыми" (прятки) и даже въ связи съ ними стоитъ „куляння" прыжки на сѣно и съ него, которое дѣлается нерѣдко съ значительной высоты и при забвеніи о предосторожности: юные игроки падаютъ на голову, на протянутыя руки. и послѣдствіемъ этого бываютъ частые вывихи и искривленіе шеи, рукъ и ногъ. Гораздо безопаснѣе дѣтское „куляння" на землѣ, которымъ бываетъ: или перевертъ всего тѣла чрезъ голову, или движеніе „euroкотомъ" въ одну сторону, до полнаго головокруженія,—что охотнѣе дѣлается игроками съ горнаго ската, гдѣ „куляющійся котитца" инертно.

597) „Островки" (небольшія—„островинки") нерѣдко можно встрѣтить на льнищѣ (убранная льняная нива), гдѣ онѣ временно ставятся для просушки льняныхъ головокъ,—и на „коноплищи", въ чертѣ огорода, для конопляныхъ головокъ. Посему, въ каждомъ хозяйствѣ имѣется запасъ такихъ сучковатыхъ жердей, по минованіи надобности, обыкновенно покоящихся безобразною грудою на гуменной площади.

598) Осилыкъ, лка,—сущ. - обычное имя сказочныхъ богатырей, какъ и дѣйствительныхъ лицъ, отличающихся физическою силою. Насколько то можно уловить изъ повѣствованія о сказочныхъ „осилкыхъ", они мало превосходили дѣйствительныхъ и далеко уступали героямъ богатырскаго эпоса. Мѣстные „осилки" метали мельничные жернова, понатужившись, сдвигали

съ мѣста церковь, домикъ: на подобныхъ проявленіяхъ тѣлесной мощи, пожалуй, можно и обчесться...

599) По удостовѣренію „живыхъ граммъ“, бани 20—30-хъ годовъ имѣли дверь поразительно малыхъ размѣровъ, не болѣе квадратнаго арш., и въ такую баню пробирались ползкомъ. Выше сомнѣнія, это дѣлалось ради лучшаго задержанія банной духоты и пара (изъ разсказовъ въ Вымнѣ и Котовѣ, Вит. у.).

600) На такихъ безкровельныхъ баняхъ нетрудно встрѣтить зачинающійся лѣсъ - аршинной и болѣе высоты березки, рябины, яблони, а также малинникъ, или иной кустарникъ.

601) Въ бытописуемое время изрѣдка встрѣчались „лазни-землянки“, устраиваемыя въ подходящемъ крутомъ склонѣ пригорка. Такія бани имѣли, правда, деревянныя стѣны и потолокъ, но первыя состояли изъ ряда стоячихъ бревенъ, или половинниковъ, а второй - исключительно изъ половинниковъ, и устраивались для удержанія лишь земли. Наружу выступала только часть лицевой стѣны съ дверью.—„Лазня землянка“ прекрасно держитъ тепло и паръ, но въ то же время, не освѣжаемая отворомъ „боковки“, которой здѣсь нѣтъ, удерживаетъ тяжелый сыростный воздухъ: слабогрудые не выносятъ такой бани и идутъ туда по нуждѣ. Съ проведеніемъ дв.-вит. ж. д. эти бани стали мелькать при скромныхъ усадьбахъ дорожныхъ сторожей, кои для банныхъ стѣнъ пользуются старыми шпалами. Въ окрестныя крестьянскія усадьбы такія бани не перенимаются, и если кое-гдѣ строится землянка съ топкою, такъ это будетъ лишь зимняя охотничья сторожка „на сѣжи“, т. е. вблизи положенной падали (для волковъ и лисицъ), или разставленныхъ овсяныхъ снопиковъ (для зайцевъ).

602) Въ бѣдныхъ положеніяхъ встрѣчаются бани и съ земляными полами (дер. Цари, Горковск. вол., Гор. у.). Крайнія невыгоды такихъ бань очевидны.

603) Запасъ крупныхъ камней, какъ и меньшихъ, для каменки, имѣется при каждой порядочной банѣ,—что вмѣстѣ съ банными выбросами еще менѣе краситъ внѣшность бани. Впрочемъ, большіе булыжники вкатываются въ передбанникъ, гдѣ до времени они замѣняютъ лавки и скамьи.

604) Раны отъ ушибовъ и ссадины у животныхъ, между прочимъ, излѣчиваются прикладываньемъ подпольной земли изъ бани. Та же земля, смѣшанная съ мыломъ и золою, прикладывается на опухшее отъ вывиха мѣсто.

605) Надѣйка, ки,—сущ.—обычное имя дождевика, служащаго и лѣтомъ и зимой главною удильною приманкою.

606) Проводя сравненіе бани съ хаткою, придется установить, что этотъ уголъ есть стряпной уголъ хатки: тамъ заготовляются и покоятся предметы потребленія для ѣды, здѣсь—для мытья и паренья.

607) Грѣніе воды камнями не потерялось даже и въ текущее время; но, какъ раньше такъ и теперь, это дѣлается преимущественно въ корнтѣ, гдѣ расходившійся камень рѣдко порветъ и разнесетъ таковое,—что дов. часто бываетъ съ кадками.—Меньшая кадка хранитъ воду для запариванья вѣниковъ и взлива таковой на каменку, потому что холодная вода даетъ меньше пара и охолаживаетъ каменку. При недостаткѣ жаркой воды, на мытье головъ идетъ и эта съ вѣниковымъ настоемъ вода...

608) Несмотря на очевидныя преимущества котельной воды, банные завсегдатаи предпочитаютъ ей мутную воду, грѣтую камнями, быть можетъ, потому именно, что она имѣетъ щелочный составъ отъ золы, поступающей сюда вмѣстѣ съ камнями. Какъ извѣстно, щелочная вода („лугъ") дов. часто употребляется женщинами при домашнемъ мытьѣ головы,—что иногда дѣлается дополнительно къ банному мытью, за недостаткомъ ли воды, или для вывода паразитовъ...

609) Шуточное названіе „баннымъ гостемъ" каждаго посѣтителя бани нѣсколько ослабѣваетъ, когда сюда приглашается стороннее лицо. Въ этомъ случаѣ обычное приглашеніе—„просимъ на голый банкетъ" (чаще „на голую банкету")—сохраняетъ всю серьезность толочнаго приглашенія, выражаемаго такъ: „просимъ у госци ды тылоки !..

610) Баня топится и идутъ въ нее наканунѣ праздника но во всѣ четыре „дяды" (см. примѣч. 52) это дѣлается въ тотъ же день.,

611) Насколько приходилось подмѣчать, банная зола выгребается слишкомъ рѣдко, когда толстый слой ея препятствуетъ укладкѣ нужнаго количества дровъ. Эта небрежность вызываетъ продолжительное копанье въ печи, чтобы извлечь запрятывающіяся въ золу головни, отъ которыхъ потомъ бываетъ угаръ и горечь.

612) Благодаря такой работѣ, у приставника не всегда найдется времени для очистки сора на полку, подмосткѣ, лавкахъ и полу: вѣниковые прутья, листья, постильная солома и просыпанный распавшійся камень („жирства") отъ бани до бани остаются на мѣстахъ, прирощаются и дѣлаютъ баню весьма грязною. Этому, однако, не придается большого значенія: кому мѣшаетъ, или не любо это, тотъ самолично, на собственныя надобности, очиститъ ногою, вѣникомъ мѣсто. Такимъ образомъ въ банѣ можно встрѣтить не одинъ древній ворохъ мусора...

613) Подъ такимъ вычурнымъ иносказаніемъ извѣстно по Вит. Бѣлор. пребываніе въ банѣ и такими словами обыкновенно приглашаются въ баню. Отсюда банные посѣтители называются „голыми банкетникыми и банкетницыми".

614) „Облягчицца, вылягчицца, скидывицца“ — обычныя понятія, выражающія раздѣванье, освобожденіе отъ одежды.

615) На долю женщинъ достается мытье и паренье въ банѣ всѣхъ малолѣтковъ (парятъ обязательно даже грудныхъ дѣтей), и, пока мальчики состоятъ въ „блазныхъ, глупичкахъ“, они ходятъ въ баню съ женщинами, — что для отдѣльныхъ лицъ затягивается до 7—9 лѣтъ. Въ свою очередь, по крутымъ семейнымъ обстоятельствамъ (сиротство, болѣзнь матери, отсутствіе въ домѣ женщинъ), вмѣстѣ съ мужчинами идетъ въ баню „блазнотка, глупячка“; но это не заходитъ дальше 7-милѣтняго возраста дѣвочки.

616) Т. е. мягкій, какъ шелкъ. На самомъ дѣлѣ банный вѣникъ бываетъ таковымъ лишь тогда, когда приготовленъ изъ свѣжихъ молодыхъ вѣтвей березы или дуба. Засушенный вѣникъ можетъ только „зыдацца шавковымъ“, и такой вѣникъ перебываетъ въ пользованіи каждаго „банкетника“.

617) У старообрядцевъ (д. Васютино, Вит. у., и Ловожъ, Пол. у.) этой призывъ взлить воды на каменку выражается словами „поддазною“!

618) Собственно „опунуцца“ означаетъ: очутиться, поспѣть куда-нибудь. Но это же слово употребляется взамѣнъ слова — окунуться, погрузиться въ воду.

619) „Жалобный (отъ сущ. — „жалоба“ — трауръ) столъ“ есть поминальный обѣдъ при погребеніи; къ „шасцинныму столу“ (поминанье въ 40 день), годовому и проч. относится названіе лишь „поминковъ“.

620) Терминъ „руда-нуда-гразь“, вошедшій въ бранный словарь, какъ очевидно, состоитъ изъ трехъ раздѣльныхъ понятій: руда — загрязненіе тѣла, измѣненіе его бѣлизны; нуда — то же загрязненіе, вызывающее зудъ; грязь — крайнее загрязненіе и чрезъ то порочность тѣла, къ чему относятся короста, вереда, „цыпки“ (трещины) на ногахъ.

621) Градаціи баннаго пара извѣстны подъ слѣдующими именами: „першій (первый), сиридавэй и остатній духъ“. Когда же, послѣ охлажденія калильной печи, въ банѣ не осталось даже „вольнаго духу“, тогда обыкновенно говорятъ: „ни хуху, ни духу“!

622) Благодаря неряшливому содержанію бани, отъ пребыванія на полку, отдыха на полу, передбанникѣ и на открытомъ мѣстѣ, тѣло успѣетъ загрязниться чуть-ли не больше того, чѣмъ оно было до бани. Это вызываетъ необходимость „обздацца“. Но окачиванье тѣла ограничивается потребленіемъ кружки и рѣдко — полведра воды... Послѣдняя приготовляется „лѣтный“, т. е. едва теплою, и употребляется предпочтительнѣе „сцюденки, хылоденки“, которая послѣ бани якобы предрасполагаетъ тѣло къ разведенію паразитовъ... При возвращеніи изъ бани босикомъ, домой приносится на но-

гахъ обильная „руда-гразь", которая вытирается здѣсь подходящею пряткой.

623) Жданки, кывъ,—сущ.—ожиданіе, часто напрасное, про которое обыкновенно иронически говорятъ: „ждали, ждали, ды й жданки поѣли" (см. „Толк. Слов." В. И. Даля).

624) Среди множества пословицъ, присловій и иносказаній, обыкновенно восхваляющихъ достоинства „второй матери", есть не мало и съ отрицательнымъ пониманіемъ, напр., „зыдаць духу, зыдаць парнику, вышкылицъ шѣрыхъ блохъ, зыдаць такъ, што до новыхъ вѣникывъ ни забудиць" и проч. Всѣ эти и подобныя иносказанія выражаютъ то рукопашную потасовку, то пристыженіе, выговоръ, брань.

625) Въ исключительныхъ и, разумѣется, рѣдкихъ случаяхъ, рожденіе человѣка происходитъ и въ гробу, и на днѣ морскомъ (мнимоумершія и утопленницы беременныя).

626) Изъ сказаній о семъ въ Махировѣ, Пол. у., въ 1879 году.

627) Точно также поступаетъ и всякая женщина, освободившаяся отъ мѣсячныхъ нечистотъ: она первая входитъ въ баню въ одеждѣ и бѣльѣ, остальныя поджидаютъ передъ баней и вступаютъ туда не раньше, какъ раздѣнется первая (Хвошно, Войханъ и др. мѣста Гор. у.).

628) Видѣть это приходилось въ юго-вост. окраинѣ губерніи; но того же не замѣчается въ Город. у.

629) Дядиницъ, ица,—сущ.—большое подворье, лужокъ передъ главнымъ домомъ (въ барскихъ усадьбахъ), иногда разбитый дорожками, усаженный кустарниками и цвѣтами.

630) Такъ обыкновенно называются наемные годовые работники и работницы; нанятые на меньшіе сроки бываютъ: а) „прицырники" (наемники на лѣтнія полевыя и луговыя работы), б) „поденники" (однодневные и даже трехдневные наемники) и в) „на-часники, налетники", нанятые для краткосрочной работы (мои подробныя сообщенія объ этомъ въ XVII кн. Этногр. Обозр." 1893 г., стр. 92—151). Всѣ такіе наемники, какъ пастухи, пастушки и безплатные толочане не называются „мылыццами и мылыччанками".

631) Хлѣбъ и овощи раздѣляются на „сѣмины и ѣмины", т. е. предназначенные для посѣва и текущаго потребленія. Сѣменные овощи и, преимущественно, картофель покоятся зимой въ полевыхъ ямахъ, или же въ „кучахъ", на хребтѣ песчанаго пригорка. Въ этомъ случаѣ картофель помѣщается непосредственно на землю, освобожденную отъ дерна, насыпается саженными кубами и потомъ покрывается слоемъ земли и соломенными матами. Сохраненіе картофеля, какъ и другихъ овощей, въ „кучахъ—грудахъ"

умѣстно въ большихъ хозяйствахъ и при обильномъ урожаѣ, когда потребуется копанье не одной объемистой „ямки“.

632) Къ сему нужно прибавить, что цоплетъ вкапывается не отдѣльными бревнышками, а цѣлою стѣною, для чего предварительно копается ровокъ глубиною въ 8—10 вершковъ.

633) Авгорода, или просто згорода—есть общее имя изгороди всѣхъ видовъ, и только въ незначительномъ числѣ мѣстностей такъ называется собственно жердяная изгородь.

634) Плетень изъ однѣхъ исключительно еловыхъ вѣтвей возможно построить при случайномъ лѣсосѣкѣ, и такіе плетни встрѣчаются слишкомъ рѣдко; гораздо чаще можно увидѣть еловыя хворостины заткнутыми въ сомнительныя мѣста обыкновеннаго плетня, для огражденія отъ мелкихъ домашнихъ животныхъ.

635) О „пыдцяробыхъ и рысцяробыхъ“ подробно будетъ сказано ниже.

636) Сцига, сцяги, сцежка, сцежичка—обычное имя тропинки.

637) Построеніе изгородей составляетъ одну изъ кропотливыхъ работъ, а потому нерѣдко происходитъ „наскокомъ“, между дѣломъ. Въ то же время тутъ приходится пользоваться тѣмъ, что набѣжало, есть подъ руками для изгороди. По сей причинѣ нетрудно встрѣтить линію изгороди, гдѣ „поплотъ, колля, пыркалъ, згорода и плицень“ перемѣшаны другъ съ другомъ.

638) Знакомые съ давними усадебными мѣстами деревлянъ не откажутся припомнить, что эти мѣста какъ-будто таились отъ дороги и людей. Тотъ же характеръ припрятыванья носила и хатка, когда заставлялась надворными постройками. Текущія требованія отъ усадебнаго мѣста, между прочимъ, вызываютъ и просѣкъ лѣса, если таковой закрываетъ дорогу, или красивый видъ на окрестность (изъ путевыхъ наблюденій въ юго-вост. окраинѣ лѣтомъ 1889 и 1894 г.).

639) Не поминая множества деревенъ и мѣстъ, достаточно указать на при-дорожную дер. Вѣдемки, Вит. у., въ бытописуемое время одну изъ захудалыхъ въ данной мѣстности, а нынѣ поражающую своими почти не деревенскими домами.

640) Въ плотнично-столярномъ производствѣ дверная и ставенная обработка „елочками“ отличается отъ филенчатой тѣмъ, что здѣсь на готовую дверь, или ставень накладываются косыя фанеры,—что въ сочетаніи фанерныхъ рядовъ напоминаетъ расположеніе еловыхъ иглъ на вѣткѣ.

641) Люхта, ты,—сущ.—обычное имя небольшихъ отверстій (отдушинъ) въ каменныхъ сооруженіяхъ—фундаментахъ, стѣнахъ и печахъ.

642) Послѣднее, совершенно свѣжее дополненіе къ стройкѣ можно видѣть на многихъ деревенскихъ домахъ, расположенныхъ при большой дорогѣ отъ м. Сиротина, Пол. у., до г. Городка.

643) Не сейчасъ созданная пословица (с. Бескатово, Гор. у.) указывала на слѣдующее житейское предупрежденіе: „хошь ня-хошь, али зъ дымымъ рызлучись, тоды й людемъ пыкажись“!

644) По справедливому замѣчанію Г.Г. Бар., коренного жителя при им. Шипулинѣ, Пол. у., и знатока окрестной простонародной жизни, стоитъ только одному деревлянину завести у себя какое-нибудь строительное улучшеніе—и его починъ не замедлитъ отозваться на сосѣдяхъ ревнивою подражательностью.

645) Штаба, бы,—сущ.—дов. толстая желѣзная полоса, при запорахъ, имѣющая видъ громаднаго дверного пробоя;—та же полоса при оковкѣ экипажей, нѣсколько тоньше, называется „пывштабый“.

646) Изъ давнихъ наблюденій въ юго-вост. окраинѣ припоминается, что наипростѣйшая луговая вѣха (воткнутая въ землю хворостина, верхушка которой кое-какъ завита кольцомъ), будучи поставлена на любой раздѣльной линіи, дѣлала таковую запретною въ широкомъ значеніи слова. О существовавшихъ на сей предметъ повѣрьяхъ будетъ сказано отдѣльно.

647) Стройныя, прочныя и въ то же время недорогія булыжныя ограды вокругъ нѣкоторыхъ (Войхань, Кошо, Болецкъ, Бескатово и др.) церквей Гор. у. могутъ послужить прекраснымъ подражательнымъ образцомъ для загорожъ.

648) Двыядумный,—прил.—имѣющій толщину двухъ дюймовъ; сущ.—двыядумникъ. Такъ обыкновенно называются доски, пригодныя для половъ: доски въ 1 д. толщиною есть извѣстныя „цальки, цалевки“ (обшивныя, заборныя доски) столярныя доски имѣютъ среднюю толщину „двыядумника и цалевки“.

649) На этотъ счетъ есть множество практическихъ указаній. Такъ, на столъ не кладется шапка, одежда съ плеча, топоръ, подушка и вообще спальныя принадлежности, не очищенные овощи, такое-же убойное ж и вотное и мн. др.

650) Т. е. осиновыя и ольховыя. См. объ этомъ 467 примѣч.

651) Шурyвання,—сущ.—дѣйствіе моющаго какой-нибудь твердый предметъ, при каковой мойкѣ нераздѣльно треніе его чистящими предметами —мочалкою, пескомъ, разсыпавшимся камнемъ („жирства“), голикомъ („гольнемъ“), хвощемъ и проч.

652) Названіемъ „оцецкій, или бацькинъ столъ“ выражается не наслѣдственное преемство его, какъ мебели, вещи, а какъ достойное предковъ

и, ближайшимъ образомъ, родного отца, поддержаніе правилъ чести, гостепріимства и вообще всѣхъ видовъ хлѣбосольства. Въ этомъ смыслѣ нужно понимать и другія подходящія выраженія „оцецкій домъ, оцецкій сынъ, оцецкіи распорядки“ и проч.

653) Такое застольное размѣщеніе чаще всего встрѣчается при отправленіи „жалобнаго стола“, къ которому стекаются нищіе изахудалые бобыли, въ воспоминаемое же время полнымъ скокомъ набѣгали къ нему жильцы сельскихъ богадѣленъ. Въ остальныхъ видахъ „столовъ“, когда собираются званые гости, примѣняется второй распорядокъ.

654) Гукаць,—глаг.—собственно, аукать, кликать кого, въ данномъ случаѣ, какъ и въ предварительномъ зовѣ—просить, приглашать; это слово понимается не иначе при всѣхъ зовахъ въ гости и къ столу, при чемъ здѣсь идетъ поименный зовъ.

655) Обычное употребленіе этого термина встрѣчается въ рѣчи объ опоенныхъ и перегнанныхъ лошадяхъ, изрѣдка—о слабоногихъ, ревматическихъ страдальцахъ, подагрикахъ; въ отношеніи разрушенной мебели тотъ же терминъ имѣетъ ироническій смыслъ.

656) По завѣренію „старыхъ граммъ“, имъ памятно погребеніе умершихъ въ выдолбленныхъ гробахъ (въ Велиж. у.), въ бытописуемое время то же погребеніе происходило у старообрядцевъ въ Вит. и Пол. у.

657) Насколько приходилось наблюдать въ Вит. у., сѣдуны и ползуны-дѣти засаживались въ „садибку“ на довольно долгіе сроки, когда матери или нянѣ приходилось отлучаться: здѣсь, послѣ самозабавы, или безполезнаго крика, они спокойно засыпали. Когда же дитя достаточно владѣло ножками, могло выбраться изъ „садибки“ и уйти, то на время материнской, или няниной отлучки, оно навязывалось на длинный поясъ, одинъ конецъ котораго прикрѣплялся къ крюку, балкѣ, ножкѣ стола. При подручности харчей, на привязи, въ запертой хаткѣ, дитя оставалось одинокимъ по нѣкольку часовъ сряду...

658) Кывилы, ловъ,—сущ.—обычное названіе костылей. Всѣ остальные виды вспоможеній для престадѣлыхъ и немощниковъ извѣстны подъ нижеприводимыми именами, при чемъ на дѣтскомъ языкѣ исключительно старческія вспоможенія извѣстны подъ именемъ „ногъ“.

659) Былдавешка, шки,—сущ.—палка съ головкою-самородкомъ, самая головка въ такой палкѣ.

660) Имя „тыбацера“ одинаково принадлежало посудинѣ, каменной ступкѣ и тому, кто взялся за терку табака.

661) Выцирки, оцирки, высивки, осѣвки—имена табачныхъ остатковъ, состоящихъ изъ тонкихъ жилочекъ табачныхъ листковъ.

662) Какъ очевидно, болѣе мягкіе камни обрабатываются легче, а потому такіе камни и идутъ главнымъ образомъ на жернова. Но это же вызываетъ частую ковку ихъ,—что и выражается терминомъ „биць жерны".

663) Посна, спы,—сущ.—наихудшій сортъ муки изъ смѣшанныхъ зеренъ, которою посыпается для удобренія „мѣшинка".

664) Скрыгъ, га,—сущ.—густой съ тупымъ звукомъ скрипъ, который только и могла давать мельничная работа, гдѣ извѣстный шумъ жерноповъ и тонкій скрипъ „мелина въ банькн" и упоркѣ сливались въ одно цѣлое, своеобразное гудѣнье.—Отъ этого сущ. происходятъ глаг.—скрыгыць и скрыгытаць, выражающіе одно и то же дѣйствіе, но въ разной продолжительности.

665) Въ виду разрушительнаго вліянія земляного пола на мебельныя ножки, подъ послѣднія кладутся подставки—отпильные кружки, кирпичи, плоскіе камни,—что можно видѣть подъ столовыми ножками. „Молочная скрыня", стоящая въ холодномъ сыромъ помѣщеніи, болѣе всего нуждается въ подобныхъ подставкахъ, тѣмъ болѣе, что подъ нее возможенъ хлѣвной подтекъ...

666) Употребленіе кожаныхъ завѣсъ вмѣсто желѣзныхъ встрѣчается при многихъ ящикахъ, и на это дѣло обыкновенно идутъ старыя подошвы то отъ домашней обуви, то поднятыя на городскихъ и мѣстечковыхъ задворкахъ. Служебная несостоятельность кожаныхъ завѣсъ очевидна, и посягателю на чужое добро можно разрѣзать такія завѣсы тупымъ ножомъ. Полагаясь на охрану кожаныхъ завѣсъ, вручая тоильной охранѣ ихъ свое добро, простонародье утверждаетъ, что даже „замокъ не для вора, а для добраго человѣка"...

667) Шуточное, а для нѣкоторыхъ лицъ и серьезное повѣрье утверждаетъ, что въ моментъ внезапной и даже подготовившейся тишины среди общества трехъ-четырехъ собесѣдниковъ, „гдѣ-нибудь родится воръ"... Къ упоминаемой тишинѣ это повѣрье не относится.

668) Цяпло, цяпла,—ласк.—цяпельцо, ца, - сущ.—названіе огня вообще и свѣтового пламени—по преимуществу, подъ каковымъ именемъ, однако, нельзя считать пожарнаго, даже печного огня и пламени.—Термины: „дуць цяпло, палиць цяпло" понимаются именно въ смыслѣ добыванія и поддержки свѣтового пламени.

669) Тресычка и тросычка,—сущ.—названіе тонкихъ, нѣжныхъ осколковъ лучины, употребляющихся при выдуваніи пламени.

670) Изъ наблюденій въ юго-вост. окраинѣ и въ Ловожской, Добейской, Обольской, Струнской и Бѣльской вол., Пол. у., относительно выдува-

нія огня замѣчено слѣдующее: а) это, по преимуществу, дѣлаетъ самъ хозяинъ, или тотъ, кому онъ на данный разъ поручитъ; б) мужчины дѣлаютъ это предпочтительнѣе передъ женщинами; в) къ выдуванію огня допускаются только совершеннолѣтніе; г) опороченные (въ воровствѣ, свѣжей фальши передъ семьей), навлекшіе гнѣвъ старшихъ и, въ особенности, женщины въ періодѣ регулъ и родихя до 40 дней, къ выдуванію огня не допускаются, какъ и сторонніе на сей моментъ посѣтители; д) точно также не допускаются и тѣ, у которыхъ дѣло не спорилось раньше. Припоминается случай (Ловожъ, Пол. у., въ 1869 г.), что неподлежаще добытый огонь тушился, и дѣло выдуванія его начиналось снова другимъ лицомъ.

671) Существуетъ немало примѣтъ и повѣрій, связанныхъ съ вечернимъ выдуваніемъ огня, о нихъ сказано будетъ отдѣльно.—Добываніе огня при помощи фосфорныхъ спичекъ, уже распространявшихся до начала бытописуемаго срока, не имѣло такой торжественности, и сюда не относились старозавѣтныя примѣты и повѣрья.

672) „Гонкимъ" обыкновенно называется ровное, прямое дерево, сучь которагo зачинаются на значительной высотѣ.

673) Т. е. осеннее гощеніе, которое начинается около Покрова и длится до заговѣнья. Второй періодъ гощенія начинается отъ Р. Хр. и заканчивается на масленой недѣлѣ. Въ эти сроки родственники и состоящіе другъ съ другомъ въ хлѣбосольныхъ сношеніяхъ взаимно гостятъ одинъ у другого, и чѣмъ дальше они живутъ, тѣмъ дольше бываетъ гощеніе, затягивающееся нерѣдко на цѣлую недѣлю.

674) Псуваць,—глаг.—портить, тратить, губить, непроизводительно расходовать.

675) Кнотъ, та,—сущ.—свѣчной и ламповый фитиль. Ласк.—кнотокъ, кноцикъ, кноцичикъ.

676) Извѣстныя на мѣстѣ еврейскія свѣчи—шабашовки, теперь уже стеариновыя, пока-что и сейчасъ называются „смыркачкыми", и это имя перенесено отъ недавно вышедшихъ изъ употребленія сальныхъ „мокаиокъ".—Въ шутливо-бранномъ употребленіи „смыркачъ и смыркачка" есть имена соплей, какъ и имена мальчика и дѣвочки, не утирающихъ своихъ носовъ.

677) Лихтаръ,—ласк. лихтарикъ и лихтарокъ—обычное имя подсвѣчника. Отсюда прил.—лихтарный и глаг.—лихтариць—быть на мѣстѣ подсвѣчника, свѣтить.

678) Порщаць,—глаг.—издавать особый, легкій трескъ, и такой трескъ получается при поджариваньи, когда отдѣляются брызги.—Когда „порщиць"

самодѣльная свѣча, то вокругъ мѣстонахожденія ея образуются замѣтныя кучи то сальныхъ, то восковыхъ мельчайшихъ шариковъ.

679) При житейскихъ столкновеніяхъ и препирательствахъ, нетрудно бывало услышать укоризну за пользованіе не-лучинными предметами освѣщенія (д. Подворица и Рыбаки, Вит. у., въ 1852 г.), хотя бы то приходилось изрѣдка, при парадномъ положеніи дома. При этомъ нелишне помнить, что сальныя, напр., свѣчи и сало въ плошкахъ не жглись въ постные дни (изъ наблюденій въ Пол. у.).

680) Какъ наиболѣе замѣтное проявленіе упоминаемой особенности можно указать на нѣкоторыя захудалыя мѣста, впослѣдствіи вошедшія въ составъ волостей: Вымнянской, Яновичской, Веляшковской и Королевской, Вит. у., гдѣ не отдѣльныя лица, не семьи только, а и половинное населеніе деревень высматривало подслѣповатыми. .

681) Кромѣ естественныхъ причинъ болѣзней (простуда, плохія гигіеническія условія, трудовое изнуреніе), которымъ не придается, впрочемъ, важнаго значенія, у простолюдина есть еще и другія — „порча и насланне“. Подъ первыми разумѣются матеріальныя поврежденія, учиненныя лиходѣемъ (вредоносныя снадобья, отравленіе), а подъ вторымъ - неуловимое нематеріальное наведеніе болѣзни, нѣчто въ родѣ эпидемической заразы, сообщаемой по воздуху.

682) Всѣми тремя словами одинаково выражается имя предметовъ данной категоріи. Но тѣ же слова даютъ право видѣть слѣдующую рознь понятій: „запасина“ есть не только рабочее орудіе, но и дубликатъ того и другого предмета; „уручина“—всякое орудіе, гдѣ соединено дерево съ желѣзомъ, могущее служить подспорнымъ, охраннымъ предметомъ (палка, топоръ, рогатина); „струменцина“ значительно шире предыдущихъ понятій, и имъ можетъ быть названъ даже кулакъ драчуна, какъ и ноготь, которымъ давится тѣльный паразитъ...

683) Здѣсь нѣтъ рѣчи о предметахъ, относящихся къ области женскихъ работъ: почти полностію о нихъ сказано раньше.

684) Приходится повторить, что на мѣстѣ существовала строгая рознь между мужскими и женскими работами, которая не дозволяла вторженія въ чуждую область, и въ этомъ отношеніи пришлось видѣть единственный примѣръ вдовы Улиты (д. Городка, Вит. у.), оставшейся съ малолѣтними дѣтьми: она самолично пахала, косила и вообще справляла по дому и хозяйству всѣ мужскія работы,—что составляло окрестное чудо въ концѣ 50-хъ годовъ, передъ которымъ любопытные останавливались такъ же, какъ передъ водимымъ въ то время Мишкою...

685) Послѣдняя, подъ именемъ „чачотки", какъ имѣющая перевитые слои, выносливѣе дуба, а потому и встрѣчается чаще его на „пубоешки". Отъ нея нужно отличать „побовню"—такую же долбню (колотушка съ рукоятью), хотя и второе длиннѣе первой. „Побовня" служитъ при болѣе грубыхъ топорныхъ работахъ—раскалываньи плахъ, при загонѣ въ дерево клиньевъ и проч., и ею бьютъ въ нужное мѣсто наотмашь, держа обѣими руками. Между прочимъ, „побовній" убиваются свиньи (ударъ направляется въ лицевую сторону черепа), послѣ чего упавшая свинья протыкается въ грудь веретеномъ, или „жигаломъ", чтобы вывести кровь.

686) Этотъ „изычокъ" представляетъ желобъ, длина котораго колеблется между 4 и 8 верш. Съ одного конца желобъ имѣетъ вершковый цилиндръ, стесанный въ усѣченный конусъ и по длинѣ просверленный насквозь: этимъ концомъ „изычокъ" вгоняется въ просверленную дыру весенняго дерева. Остальная часть его (онъ же—„лоточокъ"), соструганная до плахи, имѣетъ чистый видъ желоба съ двумя нарѣзками на концѣ, чтобы удерживать „почепку" отъ привѣшанной, на „изычекъ" посудины. Вмѣсто него въ топорный просѣкъ дерева зачастую вгоняется ведерная клепка, или туда же втыкается соломенный пучекъ въ палецъ толщиною: сокъ стекаетъ въ поставленную на землю посудину.—По окончаніи срока, эти желоба зарастаютъ въ деревѣ и отпадаютъ года черезъ три, если не будутъ оторваны случайно (зацѣпомъ, скотомъ, ребятишками). Не говоря о преждевременномъ истощеніи дерева (береза и кленъ), это ведетъ къ ранней дупловатости и порчѣ наиболѣе лучшей красы чернолѣсья...

687) Знакомые съ построеніемъ „дуды" не могутъ забыть, что послѣдняя состоитъ изъ кожаннаго мѣшка (корпусъ „дуды"), куда задѣланы: а) „соска"—тонкій деревянный цилиндръ въ 4 верш. длиною, для введенія воздуха, б) „гуки"—тонкіе цилиндры верш. въ 10, заканчивающіеся въ видѣ курительной трубки, и в) „пираборъ"—опять же тонкій цилиндръ верш. въ 8, съ 6-ю открытыми клапанами. (См. мой очеркъ мѣстныхъ музыкантовъ въ „Этногр. Обозр." 1892 г., кн. XIII—XIV).

688) Есть изрѣдка употребляемый терминъ—„по первому обцугу",—которымъ выражается дѣйствіе первой удачи (стрѣлокъ убиваетъ дичь при первомъ гонѣ, или первымъ, картежникъ—ничтожнымъ козыремъ вѣрную взятку противника въ началѣ игры, косарь ломаетъ косу при первомъ взмахѣ и проч.).

689) Шрубъ, шрубикъ, шрубочикъ и шрубчикъ—имена различныхъ по величинѣ винтовъ. Отсюда сущ. „шрубуванка"—имя винтовки, ружья съ винтовымъ казенникомъ, или же имѣющаго витой стволъ, называемый еще „жируванкой".

690) Цвякъ, цвячокъ и цвючокъ,—сущ.—названіе шляпочнаго гвоздя по преимуществу; имя всякаго небольшого гвоздя.

691, Какъ извѣстно, давніе „гынтали" имѣли продольную шляпочку, или лучше—какъ бы двѣ соединенныя въ головкѣ шляпочки, и были исключительно четырехгранными, а не круглыми, подобно теперешнимъ кровельнымъ гвоздямъ. Что же касается „ухналевъ", то послѣдніе и нынѣ тѣ же, что были раньше.

692) Зилѣзина, ны,—сущ.—всякая желѣзная вещь; кусокъ необработаннаго желѣза. Это сущ. нерѣдко становится собирательнымъ и тогда оно выражаетъ имя сборнаго желѣза въ складищѣ.

693) Смыкъ, ка,—сущ.—имѣетъ множество значеній: имъ называется борона изъ еловыхъ плахъ, гдѣ сучья даютъ готовые зубья,—шерстобитная дужка съ тетивою,—скрипичный смычекъ (чаще—„пысмыкайла"), который за нужду бываетъ тонкою дужкою, и, наконецъ, какъ въ данномъ случаѣ - дугою въ пилѣ. Для лучшаго сбереженія дровяной пилы и возможности работать ею въ одиночку, послѣдняя имѣетъ „смыкъ"—дугу, оба конца которой туго прилажены къ ручкамъ.

694) Гебиль, бля,—сущ.—преимущественное названіе шлифтубеля, хотя нерѣдко тѣмъ же именемъ называется и шерхебель—первоначальный стружокъ, у мѣстныхъ столяровъ извѣстный подъ именемъ рубанка. Плотничій стружокъ (съ 4-мя ручками по сторонамъ колодки) и большой стругъ для спуска досокъ безразлично называются „спусникыми".

695) Суетное, при благопріятной наличности, излишнее, даже алчное желаніе, обыкновенно осуждается приведеннымъ терминомъ, къ которому нерѣдко прибавляется дополненіе „отъ Бога". Тѣмъ же терминомъ осмѣивается и крайнее положеніе лица, вслѣдствіе видимаго распутства, бѣдности по собственной винѣ, если это лицо не скрываетъ надеждъ на чудесную перемѣну обстоятельствъ, въ видѣ манны небесной.

696) Подъ именемъ туроликъ (тиролька) извѣстны красношерстныя коровы крупной породы, издавна разводимыя въ помѣщичьихъ хозяйствахъ. Онѣ, какъ и другія крупныя породы, между прочимъ, страшатъ деревенцевъ своею бойкостью, подвижностью и съ этой стороны совершенно не похожи на мирныхъ, повидимому, приниженныхъ, коровъ мѣстнаго происхожденія.

697) Хотя съ именемъ „шленскій" и соединено понятіе о длинношерстности, даже продолговатости овечьяго корпуса, овцы съ такимъ названіемъ представляются чѣмъ то необычнымъ,—и что онѣ на самомъ дѣлѣ, того никто не можетъ объяснить.

698) Дубецъ, бца,—сущ.—тонкій, гибкій прутъ, у пастуховъ замѣняющій кнутъ. „Дубцомъ" чаще всего бываетъ лозовый прутъ. То же имя принадлежитъ и вѣниковому прутику, который обыкновенно, на скорую руку, служитъ бичующимъ предметомъ для дѣтей.

699) Повелит. форма отъ глаг. „вытныць, выцыць“ – стремительно ударить гибкимъ предметомъ (хворостиною, кнутомъ), это слово сдѣлалось сущ. („выцинь, тня; множ. число—вытни“), въ каковомъ значеніи оно употреблено здѣсь.

„Кляпышъ, или коромысилъ“ - короткое, верш. 8, полѣно, отрубокъ оглобли, перевязанный на срединѣ веревкою, которая арканомъ надѣвается на шею свиньи. При движеніи послѣдней, полѣно бьется о колѣна свиньи, – что замедляетъ ходъ, а при попыткѣ пробраться сквозь изгородь, задерживаетъ ее по сю сторону. Выгодное для обузданія „шкодливыхъ“ свиней приспособленіе это изнуряетъ послѣднихъ, а нерѣдко ведетъ къ вывиху и перелому ногъ.

700) Главными и существенными причинами скотскихъ незадачъ признаются: а) „статыкъ не по хлѣву“, и наоборотъ, подъ чѣмъ разумѣется неподходящій лѣсъ, какъ и стройка скотнаго помѣщенія, и б) размолвка „хлившика“ со скотомъ, съ хозяевами, или нерасположеніе его къ хлѣву.

701) Певный,—прил.—вѣрный, надежный, извѣстный. Сущ.—певнысь, сци; пар.—певни—(въ видѣ предположенія) вѣрно, должно быть, нужно полагать.

702) Хотя подсосомъ слѣдуетъ называть сосущаго жеребенка, это имя прежде всего принадлежитъ матери, которая есть „кобыла-подсосъ“.

703) Судьба „позняковъ“, между которыми попадаются иногда добротныя особи, довольна печальна: они задешево продаются кожевникамъ или уничтожаются дома.—На осеннюю ярмарку 1872 г. въ м. Волынцы, Дрис. у., приведено было до 60 „позняковъ“, которые продавались по 30, 20 коп. или— кто сколько дастъ; оставшіеся нераспроданными, въ количествѣ 30 штукъ были брошены владѣльцами на произволъ и на горе мѣстечковыхъ зрителей...

704) Лянэй, линая, ляноя,—прил.—лѣнивый.

705) „Натурливый или съ затономъ“ конь есть извѣстный упрямецъ, который нерѣдко привередничаетъ отъ неуловимыхъ неисправностей въ упряжи, отъ неумѣстнаго подергиванья возжами, удара кнутомъ и проч.,—что достаточно извѣстно обращающимся съ лошадьми, какъ извѣстны и тѣ муки, которыя приходится переносить владѣльцамъ, пока не будутъ изучены, уловлены „натурливость и затонъ“ данной лошади. Тѣснѣйшимъ образомъ „затонъ“ состоитъ изъ внезапной остановки лошади, по которому она „а ни зъ мѣста“, тогда какъ „натурливая“ лошадь лягается, становится дыбомъ, кусается, мечется въ сторону, падаетъ на землю и проч.

706) Такъ называется иноходъ—любительская лошадка, какъ извѣстно, при побѣжкѣ перемѣщающая разомъ обѣ ноги той или другой стороны.

На практическій взглядъ простолюдина иноходъ хорошъ тѣмъ, что „не засѣкаетъ“ ногъ, т. е. подковою или копытомъ задней ноги не задѣваетъ переднеи.

707) Лапликый,—отъ глаг. лапиць—накладывать, пришивать заплату. Такъ полунасмѣшливо называется пѣгая лошадь, покровъ которой представляется составленнымъ изъ разноцвѣтныхъ кусковъ матеріи.

708) Имя „кнора, кнороза“ переходитъ и на мясо такого быка (кнорина, кнорозина), въ отличіе отъ остальнаго говяжьяго мяса, называемаго „яловиччиный“.

709) Т. е. за изгородь бросаютъ. Въ выбрасываньи за изгородь можно уличить лишь тогда, когда такое животное пало, и въ таковомъ пріемѣ сказывается не пословичное требованіе, а только обычное житейское правило, по которому мертвое животное не переносится по слѣдамъ и пути живыхъ.

710) Половоха имѣющая пепельный цвѣтъ шерсти; имя „половэй“ всецѣло принадлежитъ одной только коровѣ этой масти.

711) Подъ именемъ „звяздони, звяздоньки“ извѣстна кличка многихъ коровъ, имѣющихъ на лбу небольшое бѣлое пятно.

712) Всѣ эти имена происходятъ отъ призывныхъ и отгонныхъ возгласовъ: „шкырь! кызъ! аюсъ! трусь! кыць“!

713) Клиба и клибина,—сущ.—гибкій, тонкій шестъ, имѣющій примѣненіе въ частяхъ экипажа: имъ соединяются санныя головки одна съ другою и съ копыльями, связываются копылья, передокъ и задокъ телѣжной поверху накладки и проч. Въ подходящихъ случаяхъ „клибина“ отправляетъ надъ крупными животными то же, что кнутъ и „дубецъ“.

714) Миркувацъ,—глаг. (паст. вр.—мярькую)—обдумывать, соображать и чрезъ то приготовляться къ дѣлу, безъ предварительнаго соглашенія, совѣта.—Раицъ, раицца,—глаг.—ту же думу, соображеніе подвергать на сторонній судъ; совѣтоваться.

716) Хряпы и охряпы—обычное названіе овощныхъ черенковъ въ листьяхъ и названіе капустныхъ кочерыжекъ: изъ послѣднихъ, какъ и листьевъ брюквы, ненужныхъ для „капусты“ листьевъ свеклы, заготовляется значительный запасъ свиного корма на первое время зимы.

716) Кожанатый,—въ знач. прил.—захудалый, у котораго шерсть всклокоченная, раздувшаяся въ стороны. Послѣ мытья въ щелокѣ, или табачномъ настоѣ, „кожанатый порсючокъ“ выкидывается на дворъ чрезъ окно... (Стасево, Вит. у., въ 1865 г.).

717) Кримяный,—прил. отъ кремень—крѣпкій тѣлесно; живой, подвижной, совершенно противоположный „кожанатому“.—Глаг.—кримяницъ—противополагается глаг.—кожанацицъ.

718) Нельзя умолчать о томъ, что „килбасники“ откармливаются на убой неодинаково: если ходятъ получить крѣпко-волокнистое мясо и сало, его кормятъ исключительно ржанымъ хлѣбомъ; менѣе волокнистое—ячменнымъ, совершенно „крохкое“—въ кормъ помѣщается гороховая и бобозая мука. Но есть и нежелательные случаи „крохкосци“ свиного мяса, когда оно при варкѣ обращается „въ крупки“, и это происходитъ (по увѣренію въ Махировѣ, Пол. у., въ 1876 г.) отъ того, что „килбасникъ“ жралъ змѣ лѣтомъ...

719) Сколоцины, нъ,—сущ.—при сбоѣ масла, молочные остатки—„посмецинна“, въ данномъ случаѣ—солома, слегка смѣшанная съ сѣномъ, чтобы скотъ охотнѣе ѣлъ таковую.

720) Подобные крюки во множествѣ вколочены въ стѣны различныхъ помѣщеній: въ хаткѣ на такомъ крюкѣ держится неподвижный свѣточъ · висятъ ручники, укладки, одежда, въ сѣняхъ—сбруя, менѣе цѣнныя укладки, въ клѣти—ленъ, пенька въ сыромъ и обработанномъ видѣ, на току—цѣпы, въ банѣ—одежда моющихся, въ пунѣ—„крошни“, грабли и проч. Эти, не дорого стоющіе крюки всегда подъ руками, и дѣлаются они изъ еловой плахи съ сукомъ, изъ старой „ельчины“, по преимуществу.

721) Паренчина, ны,—сущ.-отдѣльная балясина; паренцы, цывъ—рѣшетчатая изъ балясинъ изгородь (на крыльцѣ, неподвижной лѣстницѣ).

722) Биремо, ма,—сущ.—охапка, сколько можно понести въ рукахъ передъ собою: такъ наскоро переносится скотній кормъ при пажити и сѣнокосѣ.

723) Пихцерь, (въ Город. у.—пихцель) весьма часто имѣетъ насмѣшливо-укоризненный смыслъ и означаетъ угробистаго, малоподвижнаго человѣка, который движется, „якъ пукъ“ (туго перевязанный куль соломы).

724) Непрочныя, т. наз. „гнилыя зимы“ достаточно извѣстны на мѣстѣ, и существованіе ихъ, какъ непутной весны, осени, создало насмѣшливое завѣреніе, что въ Вит. Бѣлор. возможны: „среди зимы—лѣто, а среди лѣта—зима“... (Ловожь, Пол. у., зима 1868—69 г.). Въ отношеніи къ бытописуемому это сотый разъ подтверждаетъ, что и зимою требуется иногда внезапное пользованіе телѣгою, какъ позднею весною (23 апр. 1862 г.) и ранней осенью (13 сент. 1867 г.) пользованіе санями. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что перевозка ульевъ съ пчелами во всякое время года дѣлается исключительно на саняхъ.

725) Какъ и при многихъ другихъ подѣлкахъ, мастера обходятъ такія крѣпкодревесинныя деревья, какъ дубъ, ясень, кленъ, потому что обработка ихъ указанными инструментами трудна.

72б) Чаще (въ юго-вост. окраинѣ) всего эти накладки извѣстны подъ именемъ „крюковъ“ и бываютъ то круглыми (наибольшій діаметръ 2 верш.), то брусчатыми.

727) При сдавливаньи воза гнетомъ, крюки рѣшительно необходимы для зацѣпа возовой веревки, которая привязывается къ одному изъ нихъ концомъ и, перекинутая черезъ гнетъ, цѣпляется за другой крюкъ, чтобы удержать за гнетомъ достигнутое сдавленіе воза.

728) Наилучшею почитается такая „тройня“, у которой послѣ изгиба есть два равномѣрные сука, не круто расходящіеся въ стороны. Тогда „тройня“ задѣлывается между подушкою и осью двумя концами.

729) Если „шворинъ“ деревянный, а такимъ онъ бываетъ у большинства телѣгъ, то онъ сдѣланъ изъ дуба, для чего выбирается подходящее по толщинѣ молодое дерево съ сучкомъ-двумя при комлѣ, чтобы задерживать „шворинъ“ сверху. Снизу, подъ осью онъ не имѣетъ никакой поперечной задвижки, отчего, при подъемѣ на крутизну и подскокѣ передка, иногда отдѣлившись отъ послѣдняго, „одеръ“, падаетъ на землю, или опрокидывается назадъ. То же возможно и при желѣзномъ шворнѣ, часто не подогнанномъ къ высотѣ оси и подушки и еще чаще—не заклиненномъ поперечкою.

730) Наклистка, ки,—сущ.—имя соединительной вязки, вообще, которою бываетъ согнутый, нѣсколько стесанный стволъ тонкаго гибкаго дерева; такъ соединяются въ копыльяхъ стороны саней, какъ и противолежащія части того и другого экипажа. Но то же имя дается деревяннымъ дощечкамъ, небольшимъ брусчатымъ планкамъ, когда тѣ, какъ въ данномъ случаѣ, замѣняютъ вязки.

731) Путешественники не могли не замѣтить, что въ числѣ находимыхъ по дорогамъ предметовъ, больше всего попадаются выпавшія изъ телѣгъ чеки, а потомъ—дощечки, составляющія часть кузова. Послѣднія подбираются относительно рѣже первыхъ, кои тутъ же и втыкаются въ ось вмѣсто ненадежныхъ собственныхъ.—Слѣдуетъ отмѣтить, что житейская порядочность обязываетъ бросить свою ненадежную чеку въ сторону отъ дороги, дабы не трудить понапрасну того, кто вздумалъ бы воспользоваться лежащею на дорогѣ чекою (изъ наблюденій въ Коптевичахъ, Казановкѣ и Слободкѣ, Леп. у., іюнѣ 1861 г.).

732) Если вмѣсто „одра“ подъ заднюю часть перевозимаго бревна подходится запасный передокъ, то, при обратномъ слѣдованіи, возница ѣдетъ на двухъ передкахъ, изъ коихъ задній, безъ отосъ, привязывается концами оглоблей къ оси передняго,—что даетъ возможность размѣститься нѣсколько привольнѣе.

733) Такія колеса употребительны въ разныхъ мѣстахъ Гродн. губ., гдѣ они имѣютъ обязательную оковку.

731) См. объ этомъ въ VI гл. предыдущаго отдѣла и примѣч. 552. Самое имя „колоницы“ какъ-то неустойчиво: такъ имъ называется дегтярная (ведро) посудина, деготь въ ней и перегорѣвшій, сгустившійся деготь.

735) Польское названіе аиста („буцянъ, род. буцяна, бусилъ, род. бусла“).

736) Слишкомъ рѣдкій обычай „палицъ злыдни“, пріуроченный къ Купальскому вечеру, достаточно описанъ мною въ отдѣльномъ сборникѣ. На сей разъ достаточно помнить про служебное значеніе негодныхъ, повидимому, колесъ.

737) Насколько позволяетъ мастерское умѣнье, задъ кузова и, особенно рамочная накладка украшаются рѣзьбою, которая состоитъ изъ кое-какихъ кружковъ, равномѣрныхъ нарѣзокъ, косыхъ вырѣзокъ, квадратиковъ, ромбовъ, треугольниковъ, или же сюда вставляются лучевидно мелкія планочки, какъ и въ спинкѣ возка.

738) Помѣстный обычай требуетъ, чтобы новобрачная не становилась ни на ступицу, ни на ободъ, а взбиралась въ телѣгу другими способами, иначе у нея столько лѣтъ не будетъ дѣтей, сколько въ колесѣ спицъ... Это требованіе, съ совершенно другими мотивами, относится и къ кумѣ съ крестницею въ рукахъ.

739) Ѣдущіе съ попутнымъ изъ милости весьма легко могутъ быть отличены отъ другихъ сѣдоковъ: они обыкновенно торчатъ въ экипажномъ задкѣ, затылкомъ къ лошади, свѣсивъ назадъ ноги. Такъ обыкновенно „подвозится“ мастеровая, прогулявшаяся мелкота...

740) Такое имя дается экипажу, когда въ немъ прилажена верхняя накладная рама; оно чисто мѣстное (Пухново, Вел. у.), хотя и встрѣченное въ Придруйкѣ, Дрис. у.

741) Обычное имя чеки, которая есть всегда деревянная. Съ большею заботливостію „загвызка“ прилаживается только къ новому экипажу, въ послѣдующ е время она дѣлается наскоро, при набѣжавшей надобности, въ пути же ею бываетъ случайный прутъ, опять же наскоро выломанный и заткнутый въ ось.

742) Сюда не входятъ чисто барскіе экипажи (дрожки, тарантасъ, карета и проч.), при встрѣчѣ съ которыми мужикъ съ давнихъ поръ привыкъ сторониться.

743) Такъ называютъ себя старообрядцы, а вслѣдъ за ними и окрестное населеніе; всѣхъ крестьянъ, не- москальковъ“ старообрядцы зовутъ „полячками“ (изъ наблюденій въ Ловожской вол., Пол. у., съ 1867 по 1871 г.).

744) Въ 50-хъ годахъ „копанцы" доставлялись въ изобиліи окрестными экипажниками въ м. Ліозно, Мог. губ., и отсюда расходились въ сосѣднія мѣста Вит. губ.—Тогдашняя цѣнность зимнихъ экипажей можетъ почесться, пожалуй, невѣроятною: такъ, „возокъ, какъ запречь" стоилъ ниже рубля; соотвѣтственно сему понижались и остальныя сани дровни стоили 15–20 коп., а дѣтскія „санички" 3 коп.

745) Высота полоза-„копанца" доходитъ до 4 верш., тогда какъ ширина его едва превышаетъ 2 верш. Въ соотвѣтствіе сему высота головокъ, не оканчивающихся загибомъ назадъ и скорѣе торчащихъ впередъ, едва доходила до 1 арш.

746) Когда розвальни идутъ подъ сѣннымъ или соломеннымъ возомъ то для удержанія гнета спереди, къ головкамъ привязывается концами „пирадовка"—прочная веревка въ 5 арш. длиною. Если такая петля велика для угнетаемаго воза, „пирадовка" нѣсколько разъ обматывается при засѣчкѣ гнета.

747) Вонки, нысъ,—сущ. во мн. ч.—внѣшняя сторона возка и вообще экипажа, гдѣ, какъ въ данномъ случаѣ, держится нога ѣздока. Но то же имя носитъ временное, то вольное, то принудительное удаленіе изъ избы въ сѣни и на дворъ (дѣти уходятъ отъ наказанія, а отдѣльные члены семьи, или вся семья, при буйствѣ подгулявшаго домовладыки).

748) Т. е. „за двѣ копейки (везутъ) троихъ сѣдоковъ"—злая насмѣшка Витебскихъ извозчиковъ-лихачей надъ „форфорками", нынѣ появляющимися только съ зимними возками. которые на самомъ дѣлѣ бѣдны такъ же какъ сравнительно недавна были бѣдны и „лѣтнія форфорки".

749) Расписанные возки издавна можно было видѣть у окрестныхъ старообрядцевъ, во множествѣ собирающихся въ м. Сиротино, Пол. у., на зимнія ярмарки (6 дек., 6 и 7 янв. и 2 февр.). Яркіе цвѣты, неменѣе яркіе узоры (кружки, квадратики, ромбы) и кое-гдѣ яркая надписьчей экипажъ и кто работалъ—составляли красу возковъ, которые, какъ и повозки съ тою же окраскою, перенимались и крестьянами. Ровный цвѣтъ экипажной окраски встрѣчался рѣже.

750) Отъ такихъ иртъ нужно отличать ирты болотныя, повидимому, не имѣющія сходства съ снѣговыми. Онѣ состоятъ изъ овальныхъ дубовыхъ „гнуциковъ" (длина овала 10, а ширина 6 верш.), переплетенныхъ вдоль и поперекъ тонкими дубовыми же вязками. Чистый типъ болотныхъ иртъ имѣется въ музеѣ при Вит. ст. ком.

751) Справка съ житейскимъ употребленіемъ приведенныхъ словъ и толкованіемъ въ „Словарѣ" В. И. Даля позволяетъ считать ихъ тождественными, хотя на самомъ дѣлѣ сбруя есть лишь часть упряжи: подъ первою приходится разумѣть упряжные предметы, непосредственно соприкасающіеся съ

тѣломъ упряжнаго животнаго, тогда какъ подъ вторую—всѣ остальные предметы запряжки, со сбруей включительно.

752) Мѣстное осмѣяніе чванливой „голудьбы" (Бононь, Пол. у.) дополняетъ къ таковому же общему („мѣдной посудины—крестъ да пуговица, рогатой скотины—тараканъ въ запечьи" и проч.) и приведенное,—что значительно смягчаетъ насмѣшку.

753) „Теплая копейка" есть быстро набѣгающія, иногда и довольно значительныя деньги (излюбленный терминъ торговцевъ).

754) Помѣстный обычай (кр. Игнатъ изъ дер. Стрыженево, Вит. у., въ 1859 г.) запрещаетъ женщинѣ не только сшивать сбрую заново, но и чинить таковую: наилучшій конь въ такой сбруѣ становится „натурливымъ".

755) Эти лямки (шейные арканы) необходимы при коновязи на ограниченномъ пастбищномъ пространствѣ,—при навязываніи телятъ на гумнѣ, огородныхъ межахъ, какъ и навязываніи жеребятъ „отсосковъ". Впрочемъ, при назрѣвшей необходимости отлучить жеребенка отъ материнскаго молока, „отсоску" надѣвается особый недоуздокъ съ тонкими, заостренными рогатинками на лицевой сторонѣ: не разлучаясь съ дѣтенышемъ, не тоскуя по немъ, мать, однако, не можетъ допустить его къ вымени; тогда уже нѣтъ надобности въ лямкѣ и жеребенокъ не знаетъ таковой до коновязи.

756) Прысидѣльникъ, ка,—сущ.—чрезсѣдельникъ—веревка, или ремень, который проходитъ чрезъ ушки сѣделки и концами привязывается къ серединамъ оглоблей: при помощи его соединенныя съ гужами оглобли позволяютъ приподнимать хомутъ на лошадиной шеѣ.

„Вожжи и лейцы" есть обычное имя вожжей, хотя послѣднее больше употребительно въ Леп. и Дрис. у. Внѣ прямой службы вожжи употребляются при навязываніи козъ, телятъ, жеребятъ и лошадей на ограниченныхъ пастбищахъ. Отсюда получилъ начало терминъ—„навязацъ на вожжи, на лейцы",—имѣющій прямое и переносное значеніе.

757) „Дротованое" витье веревки есть такое, когда скручиваются три витушки, при чемъ, въ домашнемъ витьѣ, это дѣлается такъ: сперва во всю длину свиваются только двѣ витушки, а потомъ веревка перевивается съ третьею,—что значительно видоизмѣняетъ ее и даетъ болѣе прочности.

758) „Ораллельный хомутъ" имѣетъ полный видъ упряжнаго, имѣетъ гужи, къ которымъ обыкновенно только привязываются постромки—недлинныя веревки, идущія отъ оглоблей сохи, или бороны. Тотъ же хомутъ употребляется при волоковой перевозкѣ сѣна, соломы и гороха.

759) Первый представляетъ узкій (4—5 вершк.) и пластомъ набитый мѣшокъ, куда вложена рогожа, или сухіе листья „пуховки", а вторая—сложенную вдвое „дяружину", или же ею бываетъ плотная лыковая, бересто-

вая плетенка, для непроницаемости смазанная дегтемъ (въ юго-вост. окр.).

760) Дышловой запряжки крестьяне не знаютъ, а потому къ ней не имѣется экипажныхъ и упряжныхъ дополненій; но и пристяжная, а тѣмъ болѣе троичная запряжка употребляется рѣдко (свадебные поѣзда, провозъ начальствующихъ). Въ свою очередь, и для парной, пристяжной запряжки нѣтъ специальныхъ приспособленій, при надобности, на верхъ передка прилаживается жердь арш. въ 2, конецъ которой торчитъ въ сторону пристяжки; конецъ привязывается веревкою къ экипажному заду и соединяется съ наскоро прилаженнымъ валькомъ, къ которому и привязываются случайныя постромки—возовыя веревки, вдвое сложенныя вожжи. По минованіи надобности, пристяжное приспособленіе разбирается при распряжкѣ лошадей

761) Такъ обыкновенно называются желѣзныя удила въ пограничныхъ мѣстахъ Пол. и Дрис. у.—Глаг.—зыкилзаць, закелзывыць—выражаетъ дѣйствіе запузданія, при которомъ удила кладутся лошади въ ротъ.

762) Всѣ три слова одинаково относятся къ названію кнута „погонялки" „Пугá, пужка, пужчонка" если и бываетъ ременною, такъ только въ одинъ ремешокъ, а не витою, какъ „бизунъ, бизунѣкъ, бизунчикъ", по большей части, она—веревочная, хотя съ специальнымъ витьемъ (у пастуховъ и нищихъ пуга доходитъ до 3 саж. длины, особенно у послѣднихъ, ради частой обороны отъ собакъ). „Бизунъ"—уже болѣе изящный всадническій кнутъ съ короткою рукоятью, перевитою тонкими ремешками, тщательно сработанный изъ ремешковъ же (о „бизунныхъ чипахъ" мои сообщенія въ XX кн. „Этногр. Обозр", стр 55—58).—Исключительно цыганскій кнутъ, чжупла напоминаетъ нагайку и страшенъ при ударѣ

763) Балаголка, лки, - сущ. — грубый колокольчикъ изъ толстой жести, имѣющій видъ усѣченнаго конуса, съ желѣзнымъ биломъ внутри. По тупому звяканью „балаголки", каждый разъ производимому лошадью при подскокѣ (когда она спутана), узнается мѣстонахожденіе послѣдней

764) Когда дровни преобразуются въ розвальни, т е прилаживается „накладка" (рама), то у задней „наклестки" укладывается дугообразная жердь, лучкою внизъ, къ концамъ которой и прикрѣпляются боковыя жерди, идущія отъ головокъ во всю длину саней.

765) Подобныя дуги служатъ основою „койки"—особаго съемнаго ящика, для возки песка, глины, земли, щебня,—что можно видѣть у городскихъ возчиковъ

766) Слѣдуетъ замѣтить, что эти же ограниченныя пространства весь-

ма часто галопируютъ дѣвушки и молодухи, сидя на лошади по-мужски и управляясь съ ѣздою не хуже „мальцевъ“.

767) Во всѣхъ мѣстахъ ременная сбруя оставляетъ густой специфическій запахъ, ослабѣвающійся развѣ по мѣрѣ обветшанія сбруи. Не зная имущественнаго положенія хозяевъ, не видя сбруи налицо, по сему запаху можно утверждать, что хозяева не изъ бѣдныхъ, потому что имѣютъ ременную сбрую. То же почетное, надежное мѣсто отводится и гостиной сбруѣ.

768) „Послов. рус народа“ В. И. Даля, изд. втор., 1879 г., т. I, стр. 429

769) Въ основаніи перваго требованія кроется вѣра въ счастье того или другого дерева, въ счастливый моментъ рубки, отдѣлки его: несчастливо одно дерево, другое можетъ оказаться удачливымъ. Что же касается второго требованія, слышаннаго лишь въ д. Плиговкахъ, Пол. у., въ 18›8 г., то передатчикъ, крест. Елисей Романовъ, не могъ объяснить причины его

770) Отъ сущ. „дыряво“ необходимо отличать другое—„цырявица“,— что полностію относится къ крупному и ровному дереву на пнѣ

771) Точнѣе „рогачомъ“ называется вся головка сохи съ „колодою“ включительно, а отсюда это имя нерѣдко переносится и на всю соху; въ частности „рогачомъ“ называются только ручки, въ отдѣльныхъ построеніяхъ напоминающія короткіе рога мѣстнаго „бычанка-рогача“. Тогда „колодый“ будетъ называться только брусчатая часть головочной накладки.

772) Подобно предыдущему, сущ. „обжа“ можетъ вести къ сбивчивому пониманію, такъ какъ этимъ именемъ принято называть сошную оглоблю, даже всю соху; на самомъ дѣлѣ оглобли воспринимаютъ имя отъ помин
аемаго брусочка, съ которымъ онѣ прочно и прежде всего соединяются въ сошной головкѣ.

773) Точно также имя „зимлянки“ переносится кое-гдѣ (Корол. вол., Вит. у.) на „пыцяжки“.

774) Петли изъ самаго крѣпкаго дерева не долго выдерживаютъ треніе и вызываютъ частыя смѣны „пыцяжикъ“, въ виду сего всякій порядочный хозяинъ спѣшитъ приспособить сюда желѣзныя петли, заказываемыя мѣстнымъ кузнецамъ, или же надѣваетъ случайныя желѣзныя кольца.

775) Въ компилятивномъ этнографическомъ сборникѣ „Народы Россіи“, изд. г. Ильина, Спб. 1880 г., упоминается о пашенной запряжкѣ въ дышлѣ лошади и коровы, практикуемой въ Бѣлор. Приходится свидѣтельствовать, что въ Вит. Бѣлор. не существовало дышловой пашенной запряжки и, слѣдовательно—комическаго соединенія въ упряжи такихъ несродныхъ животныхъ, хотя въ прибѣдненномъ положеніи бывали кое-гдѣ случаи запряжки одной коровы въ соху и борону.

776) Такія крайнія положенія наблюдались въ юго-вост. окраинѣ Вит.

туб. въ 50-хъ годахъ, а по сказанію „старыхъ граммъ“, бывали весьма нерѣдки въ б. Суражск. у. раньше сего, благодаря скотскимъ падежамъ, конокрадству, истребленію или пораненію звѣрями, крѣпостническому разоренію. Подобное же приходилось слышать про давнія запашки въ чертѣ нынѣшней Мишкович. вол., Пол. у.

777) Къ сожалѣнію, приходится свидѣтельствовать, что еще въ то отдаленное время хозяева каждый разъ уносили сохи съ полей на ночь, чтобы уберечь „лимяши“ и наполокъ отъ тогдашнихъ алчниковъ (изъ воспомин. въ юго-вост. окраинѣ).

778) Лунка, нки, — сущ. - круглая, небольшая прорубь во льду, та же прорубь („пролубка“ то жъ) для рыболовныхъ надобностей называется „лунычкый, луничкый“.

779) Первымъ посѣвомъ на такой новинѣ обыкновенно бываетъ ленъ, который здѣсь бываетъ чистъ и почти всегда рослъ, хотя, по мѣстному увѣренію (Бѣлое и Старо-Замшаны, Пол. у.), и не имѣетъ крѣпости пашеннаго льна, выросшаго на унавоженномъ мѣстѣ.—Послѣ перегноя дерна, удобренія навозомъ и глубокой вспашки,—что дѣлается черезъ годъ,—тутъ засѣвается озимый хлѣбъ — и бывшая новина преобразуется въ пашню.

780) Описанныя доселѣ желѣзныя насадки (лемехи, наполки, заступы, лопаты) издавна пріобрѣтались въ желѣзныхъ лавкахъ и на ярмаркахъ; но кто желалъ болѣе прочныхъ издѣлій, тотъ обыкновенно обращался къ мѣстнымъ кузнецамъ — и послѣдніе дѣйствительно выпускали прочныя, хотя и грузныя, аляповатыя издѣлія.

781) Всѣ три слова есть безразличныя имена одного и того же орудія, о которомъ идетъ рѣчь ниже.

782) Цицива, цицявы,—сущ.—названіе стебля и корня корнеплодниковъ; но стебель хлѣбныхъ растеній называется „калівый“ („калівка“— брюква, въ Вит. у).

783) Во все время „копачка“ бываетъ дѣтскимъ игрушечнымъ орудіемъ, изображая „зилязникъ и рыдиль“, и только на скорую руку она употребляется для размѣшиванья опаренной, грязной свиной мѣшани.

784) Даже у незапасливыхъ хозяевъ имѣется кое какая заготовка такихъ плахъ, которыя грудами лежатъ то въ лѣсу, то дома, рѣдко—подъ навѣсомъ.

785) Сущ. „скорода“, какъ и глаг. „скыродиць“, имѣютъ переносное значеніе и выражаютъ понятіе упрямства, нравственной расшатанности, или же этимъ понятіемъ обозначается движеніе хмельнаго человѣка.

786) Клецъ, ца,—сущ. - вставной бороній зубъ, имѣющій единственное мѣсто только въ упоминаемой боронѣ.

787) Когда вода замерзаетъ при спокойной погодѣ и даетъ ровный ледъ, такими „куками“ обыкновенно глушатъ береговую рыбу, видимую чрезъ тонкій ледъ.

788) Изъ давней уніатской жизни пока что остаются памятными „билевыши“ (юбилей—въ полонизированномъ произношеніи)—доселѣ отличаемыя, но недавно еще чтимыя мѣста, гдѣ когда-то, въ точные сроки, произносились общественныя проповѣди. Между прочимъ, въ содержаніе проповѣдей входили предсказанія о грядущихъ бѣдахъ отъ желѣза: „пройдиць ланцугъ (землемѣрная цѣпь), забѣгыиць по зямли и воды зилѣзный конь, рызоткець зилѣзный павукъ (паукъ) зилѣзную пывучинину (здѣсь слѣдуютъ библейскія указанія на кончину міра)—и тоды найдиць конецъ свѣту“... По свидѣтельству „старой живой граммы“, личнаго свидѣтеля „билевышивъ“, собранный народъ уходилъ съ мѣста проповѣди съ удручающими думами и впечатлѣніями, кои передавались потомъ, какъ пророчество, грядущему поколѣнію. Въ бытописуемое время „билевыши“ отличены были высокими крестами, и память о нихъ, какъ и рѣчахъ, была сильна, жива, и можно съ нѣкоторою вѣроятностью утверждать, что простолюдинъ сторонился, боялся желѣза...

789) Въ чудной и, кстати, возможно полной волочебной пѣснѣ изъ дер. Загорья, Дисненск. у., Виленск. г. („Бѣлор. пѣсни“ П. В. Шейна, 1874 г., стр. 86—92), на эти сроки указывается слѣдующими словами:

„Шипилинка у кузню идець,
У кузню идець, сярпы зубиць“...

Какъ извѣстно изъ содержанія волочебныхъ пѣсенъ, „уси святки, уси празьнички“ призываются къ сельско-хозяйственной помощи поздравляемому дому. Между прочимъ, на половину празднуемая „Шипилинка“ (пятница передъ Ильинымъ днемъ, въ Дрис. у., и Богородичные праздники 2 и 8 іюля повсемѣстно) призывается, т. е. отдается зазубриванью серповъ, за исключеніемъ развѣ мѣстностей, гдѣ въ эти дни есть храмовыя празднества („Пяцинка“—въ Леминцахъ и Жеребычахъ, Вит. у., 2 іюля въ м. Сиротинѣ, Пол. у.).

790) Такое затрудненіе съ особенною силою выразилось лѣтами 1861—1864 г., пока отношенія крестьянъ и помѣщиковъ не уложились въ новыя формы, самымъ же безпримѣрно-затруднительнымъ можно считать лѣто 1863 г., когда хлѣбъ остался неспятымъ на зиму (им. Манулки и окрестныя, Вит. у.).

791) Послѣднимъ именемъ „кошелочка“ обязана тому положенію, которое занимаютъ при косьбѣ косовинная пятка и конецъ косовья: здѣсь всегда имѣется осадокъ травяной жидкости, при спѣшномъ движеніи косы да-

ющей зеленоватую пѣну, оттираемую каждый разъ горстью травы, когда необходимо „лопацицъ косу“.

792) Лупа, пы,—сущ.—задеръ и выщербъ въ желѣзномъ предметѣ. Изъ косы „лупы выгоняютца“ тщательнымъ расплескиваньемъ поврежденнаго лезвія.—Съ этимъ именемъ связывается имя св. ап. Луппа (23 авг.), когда не дѣлается посѣва, иначе хлѣбъ выростетъ „лупами“ (плѣшинами), и не производится работъ желѣзными орудіями (д. Синяки и Острѣйково, Вит. у.), на которыхъ появляются „лупы“.

793) Хлѣбъ скашивается только въ крайнемъ случаѣ, когда онъ рѣдокъ, и когда слѣдовательно „ня можно няць“ серпомъ. Кромѣ гречихи, гороха и „сочивки“, всякій, даже малорослый, но густой хлѣбъ обязательно сжинается.

794) Крохкій,—прил.—разсыпчатый (когда идетъ рѣчь о хлѣбѣ и нѣкоторыхъ густыхъ кушаньяхъ), хрупкій, какъ въ данномъ случаѣ,—что цѣликомъ зависитъ отъ свойства еловой, или сосновой жердочки, за ровность и легкость предпочитаемой всѣмъ остальнымъ, также и отъ времени рубки: одно и то же дерево, срубленное въ молодикъ, въ полнолуніе и на исходѣ луны будетъ имѣть различную крѣпость.

795) По общему увѣренію, самую прочную „путцу“ даетъ угревая кожа, снятая съ живого угря; но она не выдерживаетъ соприкосновенія съ горохомъ и рвется при первыхъ шагахъ гороховой молотьбы.—Слабымъ источникомъ такого повѣрья служитъ увѣреніе (Вымнѣ и Котовѣ, Вит. у.), что въ росистыя ночи угри пробираются на ближайшія гороховыя нивы, чтобы полакомиться горохомъ и, въ разсчетѣ на опозданіе, оставляютъ по пути слизистый слѣдъ, по которому потомъ и возвращаются. Кто замѣтилъ такой слѣдъ да пересыпалъ его пескомъ, тотъ можетъ поймать живого угря на сушѣ.. Что любилъ угорь, то разрушаетъ его кожу“.—Нѣчто сродное имеетъ увѣреніе, что свѣжій медъ, какъ и свѣжій гусиный пометъ, разрушаетъ обработанную кожу и обувь (?)...

796) „Гонаць добро, или збожжа“—обычный терминъ, которымъ выражается дѣйствіе надъ хлѣбомъ въ промежуткѣ, когда цѣпъ окончилъ работу, до наступленія вѣянья: тутъ главнымъ образомъ работаютъ вилы и грабли; остатнюю же „гонку добра“ справляютъ грабли и метла послѣ вѣянья.

797) Эти „вершники“ въ одно и то же время называются „топтунами“.

798) До проведенія дв.-вит. ж. д., когда мѣстный ленъ и пенька (послѣдняя въ ограниченномъ количествѣ) отправлялись сплавнымъ путемъ въ Ригу, густыя партіи „трипачиковъ“, съ пожитками въ „торбахъ“ и двумя „трипачками“ (меньшая—за поясомъ, большая—подъ мышкою) появлялись въ Витебскѣ около Р. Хр. и, размѣстившись по тогдашнимъ склади-

цамъ (пристаннымъ амбарамъ), обрабатывали ленъ вплоть до нагрузки его на барки и лайбы весною. Все это еще памятно Витебскимъ старожиламъ, какъ памятно и то, что послѣ тяжелой, грязной и продолжительной работы, почти всѣ „трепачики возвращались домой съ тѣмъ, съ чѣмъ пришли въ городъ“..

799) Пересадка состоитъ въ томъ, что прежніе „ниты“ разматываются, при чемъ они освобождаются отъ „пухлика“, и если „ниты“ не перетерлись, они опять вяжутся на трепалкѣ, какъ новые: трепалка здѣсь то же, что дощечка при вязаньи сѣтей.

800) Заурядъ съ курами и другою мелкотой, имя „зъѣди“ принадлежитъ и дѣтямъ, пока тѣ, за малолѣтствомъ, не приставлены къ надлежащей работѣ.

801) Имя „птаха“ принадлежитъ собственно дикой птицѣ; но если гдѣ принято называть имъ отдѣльную домашнюю птицу, то, для отличенія ея отъ дикой, къ имени послѣдней прибавляются слова: „набесны, вольны, лисовэй, выдянэй, пылявэй“ и проч.

802) Шурпа, пы, - сущ.—курица и гусь, имѣющіе взъерошенныя перья. Какъ извѣстно, такія куры оголяются лѣтомъ и тогда имѣютъ непривычный мѣдно-красный цвѣтъ тѣла,—что въ значительной мѣрѣ не располагаетъ къ нимъ деревлянъ, привыкшихъ ставить бѣлизну куринаго мяса въ примѣръ (сравненіе—„бѣло, якъ курячча цѣло“).

803) „Крапивница“, усердно держащаяся своего потайного гнѣзда, выгодна тѣмъ, что больше другихъ куръ заботится о цѣлости и добротности яицъ (они со здоровыми зародышами). Если такая курица выводитъ „крапивниковъ“ (самосѣйки—тожъ), то, не говоря о хозяйственномъ сюрпризѣ, получается гнѣздо болѣе здоровыхъ выводковъ; но если это произошло въ концѣ лѣта, получились „позняки“, то куриный сюрпризъ составляетъ хозяйственную кару.

804) Вдоль нѣкоторыхъ мѣстныхъ рѣчекъ, въ видѣ небольшихъ, часто глубокихъ прудковъ, идутъ „отоки“—несомнѣнно, давнія русла, въ половодье сообщающіяся одна съ другою и съ рѣкою. Вмѣстѣ съ матерью утиные выводки относятся въ „отоки“, и дальнѣйшая судьба ихъ стоитъ внѣ всякихъ хозяйственныхъ заботъ: насѣдка выводитъ здѣсь второе и третье гнѣздо, а благодаря густому тростнику, камышамъ, мелкорыбицѣ и улиткамъ, всѣ выводки ютятся и прокармливаются до заморозковъ и ихъ приходится вылавливать (Борковичскія „отоки“).

805) Индюкъ и цесарка почитаются „кволыми“ птицами; кромѣ того выкрики ихъ какъ-то жалобны, непривычны среди бойкихъ выкриковъ куръ, гусей и утокъ.

806) Лѣсовушка, шки,—сущ.—названіе дикой яблони и груши (онѣ же—„дички"), выросшей въ лѣсу. Та же „дичка" на открытомъ мѣстѣ называется „полевушкой"; плоды того и другого дерева безразлично называются „полявками".

807) Прищепъ, па и (по ж. р.) прищепа, пы,—сущ.—черенокъ, или почка культивированнаго фруктоваго дерева, употребленные на прививку; дѣйствіе прививки.—Въ воспоминаемое время и въ воспоминаемыхъ мѣстахъ (юго-вост. окр.) практиковалась лишь черенковая прививка, хотя въ то же время извѣстно было и „почкованння" (прививка фруктовыхъ почекъ); большинство говорило о немъ какъ о чемъ-то несбыточномъ.

808) Три(е)потынъ, на,—сущ.—(не терпентинъ-ли?)—садовничья мастика для замазки пораненнаго мѣста въ деревѣ, въ данномъ случаѣ - гдѣ приставленъ черенокъ или почка.—Общеупотребительная садовничья мастика состоитъ изъ растительныхъ маслъ съ примѣсью къ нимъ воска, смолы, муки, извести, золы и кирпича, въ размѣренныхъ дозахъ; но мѣстный „трипотынъ" есть кое-какая самодѣльная замазка изъ воска, смолы и постнаго масла, предварительно переваренная и накладываемая на тряпочку, какъ пластырь.

809) Наивное и чисто дѣтское завѣщаніе дѣда не покажется таковымъ, если, приведя въ памяти послѣдніе завѣты различныхъ выдающихся православно-русскихъ отшельниковъ отъ сей жизни, читатель не откажется припомнить тѣснаго міра простолюдина, которому на смертномъ одрѣ естественно вспомнить и о своемъ питомцѣ. (См. мои сообщенія объ умирающемъ простолюдинѣ въ „Матеріалахъ", г. Шейна, т. I, ч. 2-я, Спб. 1890 г., стр. 510).

810) По мѣстному, между черной смородиной и остальными разновидностями ея существуетъ слѣдующее различіе: первая называется „смородами" (смрадъ-запахъ), а вторая, красная и бѣлая—„порѣчками", примѣнительно къ большему и преимущественному мѣстонахожденію ихъ вдоль ручьевъ, рѣчекъ и въ оврагахъ. Перемѣщенныя въ садъ, но оставленныя здѣсь безъ всякой культуры, „смороды и порѣчки" даютъ тѣ же мелкія кислыя ягоды, какъ на родинѣ, и пригодны развѣ для лакомства ребятишкамъ, а всѣ кустарники—для увеличенія садовой зелени да рѣдкаго употребленія на практическія надобности (листъ черной смородины служитъ приправою при солкѣ огурцовъ; этими листьями вытирается внутренность улья передъ посадкою пчелъ; при „коликахъ"—колотье въ груди и бокахъ—крыжевный стебель, совмѣстно съ другими колючими растеніями, даетъ лѣкарственный отваръ и проч.).

811) Колокалушина, или калуша—имя черемуховаго дерева въ порѣ, когда оно даетъ ягоды—„колокалуху, калушу". При чисткѣ порослей, такія

деревья обыкновенно щадятъ ради лѣкарственныхъ ягодъ (отъ поноса).

812) Ядловицъ, вца и ялиницъ, нца,—сущ.—обычное имя можжевельника, ягоды котораго, въ свою очередь, почитаются лѣкарственными.

813) Дубовикъ, ка, - сущ.—общее названіе особенно твердаго яблока, по мѣстному увѣренію, плода сдѣланной когда-то прививки дуба. Подобная прививка дѣлалась и къ другимъ лиственнымъ деревьямъ, отчего получались „брезовики, ольшаники, осиновики, лозовики", своимъ вкусомъ отчасти напоминающіе мезгу, древесину и даже цвѣтъ березы, ольхи, осины, лозы.

814) Садкій,—прил.—терпкій, т. е. имѣющій суровую, вяжущую кислоту, напоминающую дубовую.

815) Всѣ „полявки", собранныя въ собственномъ саду, съ прибавленіемъ къ нимъ лѣсныхъ, полевыхъ и луговыхъ, а также мелкія, но съ грубою мякотью культурныя яблоки, запрятываются на зиму въ сѣно, солому, или же въ мякину и „вотрину", тогда какъ крупныя яблоки помѣщаются въ зерновомъ хлѣбѣ. Тамъ и здѣсь яблоки промерзаютъ и, оттаянныя, значительно видоизмѣняютъ прежній вкусъ. Дѣти и нетерпѣливые лакомки обыкновенно грызутъ и мерзлые яблоки.—Часто случается, что каждый малолѣтній членъ семьи имѣетъ свое отдѣльное складище „полявокъ".

816) Сохраняя уменьшительное имя, такая „лисовушка" въ порѣ красы имѣетъ высоту двухъ избъ, толщину въ добрый обхватъ и подходитъ подъ столѣтнюю зрѣлость...

817) Чапыжникъ, ка,—сущ.—весьма неопредѣленное имя (при-изгородныхъ и при-усадебныхъ высоко поднимающихся растеній (крапива, чертополохъ, чернобыльникъ, хмель, бѣлена и проч.); гораздо опредѣленнѣе имя „дядовника" съ лопухообразными листьями, который бываетъ: „колкій, глухой и гладкій"; головки двухъ послѣднихъ крѣпко цѣпляются за платье крючковатыми иглами.

818) Этимъ именемъ называются странныя часто прихоти беременной. Слѣдуетъ отмѣтить, что деревляне чтутъ эти прихоти настолько, что хозяева не рѣшаются, напр., укорить садовой, огородной, или гороховой хищницы, даже тогда, когда она поймана на мѣстѣ, и не отнимутъ похищеннаго.

819) Изъ наблюденій во второмъ десятилѣтіи бытописуемаго періода по Вит., Пол., Дрис. и Леп. у. остаются памятными садовыя хищенія, учиняемыя цѣлою шайкою, повидимому, мирныхъ лицъ: свои хищническіе походы они устраивали ночью, вооруженные кольями...

820) Заботливыми указаніями подлежащаго начальства и, отчасти, по личному побужденію сельчанъ, эти мѣста „вѣчнаго упокоенія" обводятся

рвами и изгородью. Но, гдѣ не исполнено начальственное указаніе да нѣтъ должной заботливости потомковъ, тамъ жутко дѣлается за покоящагося въ последнемъ земномъ пріютѣ, когда видишь, какъ безсловесныя твари, страшившіяся прежде его голоса и движенія, теперь спокойно топчутъ могильный холмъ, чешутся о памятникъ и чинятъ иныя безобразія надъ головой и грудью бывшаго владыки...

821) „Бабскіе розбрыки"—исключительно праздникъ огородницъ, пріуроченный къ вечеру вторника, четверга, субботы; празднество совершается семьей, или коллективно сосѣдками, управившимися съ огородною запашкою, —совершается вдали отъ дома, на сухомъ пригоркѣ, и состоитъ въ выраженіи радости по случаю запашки: участницы пьютъ водку, поютъ, бѣгаютъ, борются, катаются по землѣ, словомъ—„дяцинютца". Если тутъ и появляются близкіе мужчины, такъ они не выходятъ изъ роли скромныхъ гостей и зрителей „бабскихъ розбрыковъ" (изъ наблюденій въ окрестностяхъ Вит. въ 1874—76 г.).

822) Неправильное пониманіе растительнаго дѣла корнеплодниковъ и преимущественно, скудные остатки сѣменниковъ, приводятъ къ тому, что лукъ и картофель при посадкѣ разрѣзываются пополамъ, при чемъ первый рѣжется горизонтально ростку и „усикамъ" (старымъ корешкамъ). Это даетъ сравнительно, мелкіе плоды, а часто перемѣняетъ даже и сортъ ихъ: слащавый лукъ становится остро-горькимъ, а разсыпчатый картофель перерождается въ бѣлый водянистый.

823) Если не ошибаюсь, такъ мѣсто для лука удобряется куринымъ пометомъ, выгребеннымъ изъ подпечья, или гусинымъ—изъ гусятника, мѣсто для капусты—золою, а мѣсто для бураковъ, моркови и рѣдьки съ рѣпою—„шумеццимъ" изъ избы. На остальныя огородныя мѣста идетъ, по преимуществу, надворный навозъ, сгребаемый въ кучи во время оттепелей и весною.

824) Подъ именемъ „цукруванаго" (сахарнаго) извѣстенъ бѣлый горохъ, дающій болѣе крупныя зерна и стручья безъ внутренней твердой шелухи, которая поѣдается сырьемъ вмѣстѣ съ горохомъ. Сахаристость такого гороха ничѣмъ не разнится отъ обычной слащавости простого полевого гороха.—Подобно гороху, есть и „цукруваный" бобъ, отличающійся отъ простого лишь величиною стручьевъ и зеренъ.

„Высадки"—перезимые корне плодники, за исключеніемъ картофеля—составляютъ необходимое дополненіе огородныхъ посѣвовъ: они даютъ подлежащія овощныя сѣмена для будущаго засѣва. Рѣже другихъ можно встрѣтить капустные брюквенные „высадки", тутъ или покупаются готовыя сѣмена, засѣваемыя потомъ въ разсадникахъ, или же покупается разсада, т. е. выращенная до пересадки на гряды капуста и брюква, обильно сбываемая бывало въ Витебскѣ въ два дня—„на Антониго" (31 іюня) и въ „Дивятникъ"

(четвергъ 9-й нед. по Пасхѣ), въ каковые дни стекалась масса богомольцевъ —они же покупатели рассады.

825) Ерзыкымъ,—нар.—выражаетъ состояніе движущагося сидня. Такъ перемѣщаются ползающія дѣти и нѣкоторые „безножники".

826) Рѣденье и холощенье растеній составляютъ два различные пріема: въ первомъ случаѣ излишняя густая поросль или рассаживается на свободныя мѣста, или совершенно извлекается, какъ сорная трава, а во второмъ—обрываются пустоцвѣты, стволистые побѣги (у лука), или же наземные усики.

827) Всѣми тремя именами обозначаются названія стеблей и листьевъ поминаемыхъ корнеплодниковъ.

828) Жовкнуць,—гл.—желтѣть, когда говорится о листьяхъ растеній.

829) Хозяйственная осторожность въ отношеніи огурцовъ возбраняетъ обычное названіе —„огурцы цвѣтутъ"—и требуетъ замѣна его приведеннымъ выраженіемъ, иначе огуречникъ не дастъ обильнаго, плодотворнаго цвѣтенія. Подобныя иносказанія употребляются при всѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ объ оплодотвореніи („жито красуитца" и проч.).

830) Грустное, невѣжественное средство унимать безпокойныхъ поеныщей, несомнѣнно, погубившее не мало дѣтей, къ сожалѣнію, незримо для матерей, переносится наемными изъ деревень лѣнивыми нянями и на успокоеніе городскихъ дѣтей, къ коимъ такая няня приставлена. Въ семъ случаѣ авторъ опирается на достовѣрные случаи недавняго времени.

831) Именемъ „красокъ" повсемѣстно называются цвѣты всѣхъ видовъ и мѣстонахожденій, хотя комнатные цвѣты чаще другихъ называются „квятами".

832) Употребленіе слова „пщелы", какъ и слово „горщокъ", вмѣсто обычныхъ, является спорадичнымъ и скорѣе можетъ быть вызвано щеголеватостью говоруна.

833) Необходимость ютить пчелъ вблизи жилья вызывалась опасеніемъ медвѣжьихъ нашествій; благодаря густымъ вокругъ лѣсамъ, эти лакомки опасны были уже за деревенской околицей. Хищеніе пчелинаго имущества людьми непосредственно изъ ульевъ неизвѣстно было въ то простое время.

834) Смотря по тому, на какое дерево предполагалось установить „стоячекъ", послѣдній обвивался со всѣхъ сторонъ корою соотвѣтственнаго дерева: такъ, если онъ долженъ стоять на ели—еловою корой, на березѣ—берестою, на липѣ—липовымъ лубомъ.

Согласно установившемуся съ незапамятныхъ поръ обычаю, завѣдомо чужой рой, по пятамъ прослѣженный хозяевами отъ дома до „стоячка", ос-

тается за ними пока не вобрался внутрь, и съ этого времени можетъ быть возвращенъ, какъ даръ, или на платныхъ условіяхъ. Предвидя несговорчивость новаго владѣльца роя, прежній хозяинъ его вымазываетъ улейные входы саломъ — и рой немедленно покидаетъ „стоячекъ" (Веляшковичи, Вит. у. въ 1859 г.).

835) „Высыпка, митусення (метанье), осадка, загребъ и посадка"— розничныя, хотя и постепенныя дѣйствія роя и надъ нимъ отъ выхода его изъ улья до окончательнаго водворенія въ новомъ.

836) Пильнувацъ, — гл. — старательно оберегать, караулить кого или что. Сущ. — пильнысь, сци — стараніе, прилежаніе; прил. — пильный и нар. пильно употребляются въ томъ же значеніи, но сущ. „пильновка" есть обычная сторожба, карауленье.

837) Пчеловоды удостовѣряютъ, что если въ составѣ отходящаго роя есть старыя пчелы, въ свою очередь, когда-то подкарауленныя и пойманныя, то онѣ помогаютъ рою обойти бдительность караульщика; въ разсчетѣ на его уходъ къ обѣду и по другимъ надобностямъ, пчелы убавляютъ суматоху и жужжанье, и часто случается, что довѣрившійся сему караульщикъ не застаетъ роя послѣ отлучки минутъ на 10.

838) Привитанка, или привитанне, — сущ. — привѣтствіе сторонняго тѣмъ или другимъ добрымъ, ласковымъ словомъ. Каждое отдѣльное занятіе вызываетъ и отдѣльную „привитанку".

839) Слова: „сѣла-пала!" есть призывный кличъ, обращенный къ курицѣ, которую желательно поймать — и глупенькая „курка" пріучается понимать кличъ и припадаетъ къ землѣ... Въ отношеніи роя тотъ же кличъ служитъ привѣтствіемъ и благожеланіемъ помищикамъ. — Колесомъ дорога! — недоброжелательный кличъ, которымъ напутствуютъ отправляющагося въ въ путь непріятеля (противоположное напутствіе — путемъ, скатертью дорога!) и съ которымъ безпутные пастухи обращаются къ вереницѣ перелетающихъ подъ осень и весною птицъ, которыя, по повѣрью, теряютъ принятое направленіе и начинаютъ колесить... Въ отношеніи роя послѣдствія клича являются желательными и выгодными для скорѣйшей поимки.

840) Лѣтомъ 1875 г. пришлось видѣть поражающей толщины (около 2 арш. въ діам. дубовые ульи въ им. Малашенкахъ, Вит. у., принадлежавшемъ тогда Н. Е. Стрѣльцову; по завѣренію владѣльца, ульи добыты изъ Велиж. у. и, числомъ пять, выдѣланы изъ одного ствола.

841) Сухолина, ни, — сущ. — усохшее и простоявшее на пнѣ года два дерево. Если дерево подходящее, его дѣлаютъ „сухолиннымъ" искусственно, т. е. внизу снимаютъ кору вокругъ ствола — и дерево усыхаетъ. Такая „сухолина" дряблѣетъ медленнѣе поступаетъ въ обработку года черезъ три-четыре.

842) Какъ достигается выдалбливанье судна, т. е. какъ вводятся внутрь, чрезъ узкій проходъ, долбежные инструменты (топоръ, долото, тесла, скребка)—стороннему не удается уловить, потому что вся работа производится въ уединенныхъ усадебныхъ мѣстахъ и въ растяжимые сроки.

843) Для лучшей цѣлостности судна весьма желательно, чтобы „тварьки" сработаны были изъ одного ствола съ ульемъ, ради чего вмѣстѣ съ распиленными колодами хранится и верхушечный отпилокъ того же ствола (Оболь-Онуфр., Пол. у., въ 1869 г.).

844) Эти подпорные колья необходимы при „стоякѣ" во всѣхъ случаяхъ, даже и тогда, когда онъ приставленъ къ строенію, или дереву. Впрочемъ, послѣдней, какъ и вообще низкой установки, приходится избѣгать изъ-за мышей, ползучихъ насѣкомыхъ и земляной сырости.

845) Эти „крясцы" (кресты, крестовики) состоятъ изъ тонкой (въ палецъ) жердочки, въ которую крестообразно вправлены гладкія, верш. въ 3—4 длиною палочки (маслобойное колесо).

846) „Летка"—условной длины легкая, неширокая дощечка—существенно необходима при суднѣ ради присѣста грузныхъ отъ добычи пчелъ. Пчеловоды ставятъ „летку" круче, иначе по ней взбираются „короватыя" (земляныя) лягушки и вылавливаютъ пчелъ...

847) Слова изъ нищенской пѣсни, по заказу хозяевъ, распѣваемой при моленіи о благополучномъ пчеловодствѣ. Тѣ же слова почти цѣликомъ входили въ поздравительную волочебную пѣсню, пѣтую въ пасхальные дни.

848) При не совсѣмъ понятныхъ обстоятельствахъ пчеловодъ самолично убиваетъ собственныхъ пчелъ (дымомъ багуна, бѣленою и др. ядовитыми растеніями), хотя нѣкоторыя изъ нихъ и могли бы перенести зиму.

849) Старательное погребеніе и, въ особенности, постановка креста на могилѣ составляетъ единственный примѣръ чествованія животныхъ, еще весною 1852 г. видѣнный въ дер. Синякахъ, Вит. у., въ саду пчеловода-кр. Сумона-лысаго...

850) Въ концѣ 50-хъ годовъ въ окрестностяхъ Веляшковичъ и Замшина, Вит. у., пчелиные лиходѣи изводили чужихъ пчелъ „ливандрекомъ" (густая отварная смѣсь изъ лютика, чесноку, сала, воску и мн. др. предметовъ), кусочекъ котораго, введенный въ улей, заставлялъ пчелъ стремительно покидать послѣдній.

851) „Имѣть чорта у храпахъ, у чмыхахъ" (въ носу)—быть такимъ выдающимся чаровникомъ, который можетъ узнавать о присутствіи нечистой силы обоняніемъ;—наводить чародѣйную порчу чиханьемъ, дыханьемъ чрезъ носъ (изъ повѣрій въ юго-вост. окр.).

852) Т. е. мѣломъ (объ этомъ сказано раньше).

853) Въ юго-вост. окраинѣ многіе пчеловоды собирали Крещенскую воду изъ семи іорданей и, соединивъ въ одно, зимою окропляли ульи снаружи, а при весеннемъ осмотрѣ ульевъ — и внутри (б. пчеловодъ, слѣпецъ-Богопилъ (Осипъ), кр. дер. Шванскъ, Вит. у.).

854) Чуствувацъ (отъ — честь), — гл. — честить, угощать. — Угощеніе медомъ, хотя бы и въ ограниченно-скромныхъ размѣрахъ (одна ложка) непремѣнно должно быть сдѣлано пчеловодомъ, иначе гость, какъ и сами хозяева, почтутъ угощеніе неполнымъ...

855) При такомъ, или иномъ осмотрѣ пчелъ, а при вырѣзываніи сотовъ преимущественно крайне нежелательными являются потайные зрители, высматривающіе изъ-за изгороди и дерева: тогда пчелы начинаютъ ожесточенно жалить своего хозяина, безбоязненно и безъ ситка приходившаго къ нимъ раньше. Въ этомъ случаѣ пчеловодъ или укоризненно, но громко зоветъ къ себѣ тайнаго зрителя, или разсылаетъ посыльныхъ искать и удалять его (повсемѣстное повѣрье).

856) Тождественныя признанія приходилось слышать въ Полтевѣ и Милашенкахъ, Вит. у., а также въ Махировѣ, Пол. у., и въ Борковичахъ, Дрис. у.

857) Даже такой убогій сосѣдъ, какъ пограничный житель изъ Порѣч. у. Смол. г., называетъ Вит. бѣлорусса „мякинникомъ", а на спросъ послѣдняго, „хто вы такіи будиця"? отвѣчаетъ: „мы—пшанитники"!.. (М. Колышки, 14 сент. 1868 г.).

858) „Коневникомъ" называется собственно любитель лошадей, лошадиный барышникъ и, какъ въ приведенномъ присловьи—конокрадъ. Въ послѣднемъ значеніи слово принимаетъ то укоризненный, то бранный смыслъ.

859) Встрѣчавшіяся раньше и упоминаемыя въ настоящей главѣ — „расцяробы и подцяробы" - одинаково указываютъ на лѣсосѣкъ; но подъ первыми разумѣется сплошная рубка лѣса для поселка, образованія дороги и на продажу, а подъ вторыми – лишь вырубка мелколѣсья среди рослаго лѣса (въ рощахъ), или на опушкѣ, въ сосѣдствѣ съ пашнею и лугами, какъ и подчистка (плинтовка) на послѣднемъ кустарниковъ, молодыхъ порослей.

860) Гарь и выгаръ—въ данномъ случаѣ совершенно тождественныя понятія, хотя первое тутъ же, какъ и въ другихъ случаяхъ, есть запахъ горѣнья.—Отъ сущ. „выгаръ" нужно отличать „выгарки" (употр. во мн. ч.) —выгорѣвшія торфяныя болота и луговинныя мѣста; они не идутъ подъ засѣвы, но и долгіе годы не даютъ травы.

861) Правильнаго корчеванья, которое сразу касалось бы цѣлой площади, въ бытописуемое время не встрѣчалось въ крестьянскомъ хозяйствѣ: выкорчевывались только отдѣльные, подгнившіе пни и корневища. Чтобы

первые скорѣе разрушались, на нихъ клали дерни, или мелкія травянистыя корневища, выбороненныя здѣсь же.

862) Мѣстному „землепаху" извѣстно лишь трехпольное хозяйство и сѣвооборотъ. Если приходится иногда видѣть яровые посѣвы среди озимыхъ и наоборотъ, или одиночные посѣвы на „паринѣ", то на это нужно смотрѣть, какъ на подоспѣвшую когда-то хозяйственную неисправность и недостатки: не стало яровыхъ сѣмянъ, приѣдены они къ веснѣ—и приготовленная нива поступаетъ подъ незаурядный засѣвъ.

863) Погурокъ, рка, - сущ.—пашенный и луговой холмикъ. - Суходолина и суходолинка—названіе безводнаго лога; плоскій конецъ лога, неограниченный высотою, а скорѣе примыкающій къ водному, или болотистому спуску, извѣстенъ подъ именемъ „подлоги" (сущ. ж. р. на а).

864) При густотѣ озимыхъ всходовъ („рунь"), въ морозные осенніе дни скотъ выгоняется на озими, для рѣденія послѣднихъ; то же намѣренно дѣлается и въ весенніе утренники, или тогда же скашиваются мѣста, гдѣ озими гуще. Скашиваются и яровые всходы, но... „лабы переродить хлѣбъ" (?).

865) Завѣшаць и завѣшиць,—гл. - поставить запретныя вѣхи, которыми бываютъ воткнутыя въ землю хворостины, или небольшія деревца, вершины которыхъ перевиты кольцеобразно.

866) Есть рѣдкостное положеніе пашенной площади, при которомъ она имѣетъ нѣчто похожее на террасы; слишкомъ косой, невозможный для сохи, спускъ съ верхней площади на низменную даетъ „обузмежикъ". Узкая, незасѣваемая полоса между пашнею и близъ лежащею дорогою, считая здѣсь канаву, или промывной ровикъ, даетъ „узмежикъ".

867) Хмызникъ, ка,—сущ. названіе густыхъ, невысокихъ зарослей на лугу, болотѣ, вдоль рѣкъ и при озерныхъ лукахъ, которыми въ мокрыхъ мѣстахъ бываетъ лознякъ, а на нѣсколько возвышенныхъ—ольшаникъ и кустарникъ волчьихъ ягодъ („крушинникъ").

868) Это мѣстное названіе навоза имѣетъ бранное значеніе, когда прилагается къ человѣку (въ отношеніи женщины „гноявка").

869) Обычными при оральбѣ выкриками служатъ слѣдующіе, „вылизь"! (когда пашущее животное идетъ по бороздѣ), „ближи"! (когда оно не идетъ по окраинѣ, надъ бороздою, а отдаляется отъ нея), „правѣй! ливѣй"! (при уклоняющихся въ сторону шагахъ), „назадъ! отсади! наддай"! (при заворотахъ, или перехватѣ сохою по поверхности). Понятливое животное спѣшитъ поправить свою оплошность и то выступаетъ изъ борозды, то приближается къ ней, то пятится назадъ. Что же касается болѣе внушительныхъ выкриковъ—„нэ! вовки цибе залупи! вовчиноя ты мясо, скура"! и проч., а ими такъ богатъ бранный словарь, то послушное животное узна-

етъ остроту ихъ и грозное значеніе по выраженію голоса „оральбита“, да соединенной съ симъ „подцебкой“...

870) Теперь, когда у крестьянина такъ велика погоня за каждою пядью земли, почти совершенно исчезли межпашенныя и луговыя дорожки, неизбѣжныя бывало во всякомъ полѣ; вмѣстѣ съ ними исчезли и тѣ просторныя межи, на которыхъ проходящій не рисковалъ оступиться и ясно видѣлъ границы нивъ. Нынѣ это можно видѣть лишь по розни смежныхъ хлѣбовъ...

871) Ганны, — сущ. во мн. ч.—чтимый простонародьемъ день св. Анны, 25 іюля.

872) Кусочекъ артоса, или освященная въ Благовѣщенье просфора впервые привязываются къ „сивалцы“ при весеннемъ, яровомъ посѣвѣ, при чемъ они остаются здѣсь до озимаго посѣва, если хозяева не боятся уничтоженія ихъ мышами, кошками; въ противномъ случаѣ тѣ же освященные предметы отвязываются и, сбереженные въ божницѣ, укромномъ складищѣ, вторично привязываются въ поминаемое время.

873) Устрашающимъ на сей случай повѣрьемъ служитъ то, что „шаловливые черти могутъ собрать ночью и унести незабороненныя сѣмена“... Кромѣ обычныхъ опасеній (ненастная погода, отсрочка), не менѣе законными, но всегда маскируемыми опасеніями нужно считать: спускъ на пашню перелетныхъ птицъ (подъ осень), или стайное перемѣщеніе крысъ, мышей, во всякую пору. Несомнѣнно, тѣ и другія могутъ уничтожить оголенныя зерна.

874) Всѣми такими примѣтами предугадывается будущій урожай. „Красованния жита“ (цвѣтеніе), при спокойной погодѣ, и „ядрипый (сочный, матерой) наливъ“ колоса, при дождливой, почитаются наиболѣе желательными.

875) Въ 1870 г. св. Пасха была 12 апр.; въ тотъ же день она приходилась и въ 1859 и 1881 простые годы.

876) „Комары макъ товкуць“ —первыя по веснѣ ройныя метанья комаровъ надъ тѣмъ и другимъ мѣстомъ на дворѣ. Высота метанья, какъ высота ройнаго столба, или ширина его густота скопившихся комаровъ принимаются въ соображеніе при яровой запашкѣ. Между прочимъ, изъ-подъ первыхъ комаровъ берется горсть мусору, часть котораго помѣщается въ гнѣздо куриной насѣдки, а остальной расходуется на огородѣ и пашнѣ.

877) Есть случаи, когда для изученія засѣвнаго дѣла отдѣльныя лица практикуются на засѣвѣ песку, каковая работа производится тайкомъ, чтобы не вызывать насмѣшекъ. Большинство „сивбитовъ“ пріобрѣтаетъ, однако, такое умѣнье съ дѣтства, благодаря играмъ въ землепашество.—При засѣвѣ иныхъ хлѣбовъ выпускаемая горсть зеренъ у нѣкоторыхъ мастеровъ этого дѣла ударяется лѣвымъ хвостомъ о стѣнку „сивалки“ и незримо, но

совершенно правильно пополняетъ недочеты между правою и лѣвою разсыпью.

878) Иржище, ща, —сущ.—мѣнвии ржаныхъ и яровыхъ стеблей, при чемъ площадь тѣхъ и другихъ различается названіями - „оржаная, яровая иржища“.

879) Происходя отъ сущ. ж. р. („жанець, ица“), это слово во мн. ч. является собират. и обозначаетъ скопъ жней исключительно

880) Женскія имена Евгеніи, Ксеніи, Ирины.—Съ нѣкоторою гордостью произносимое родителями слово „шиснаццовка“ можетъ быть приравнено къ словамъ: „она—ужъ невѣста“! Въ послѣдующіе годы невѣстиной жизни къ 17—20 прибавляется окончаніе—„цщатовка“. Но послѣ 20 л. родители и сама „цщатовка“, по общему обычаю, прикрываютъ численное состояніе лѣтъ, удостовѣряя, что ей перевалило за 20, или что она „якъ есь княгиня“ (невѣста).

881) Т. е. адскими мученіями. Такъ обыкновенно называются невыносимыя страданія, созданныя извнѣ, но которыя необходимо переносить (дурное супружество, сожительство со свекровью, снохами, мачихою).

882) Послѣдній видъ покрышки „бабки“ имѣютъ у „москальковъ“ въ Левожской вол., Пол. у.) и служатъ показаною розныю смежныхъ полей (полячковъ“.

883) По сравнительно точному измѣренію, діаметръ площади, занятой ржаною „бабкою“, равенъ 1½ арш., а яровою—1 арш. Изрѣдка встрѣчается „бабка“ ржи въ 12 и даже 15 сноповъ, но она занимаетъ почти тотъ же діаметръ.

884) Посконная конопля, или посконь, есть пыльниковая конопля, служащая къ оплодотворенію остальной. Не давая сѣмянъ и увядая вскорѣ послѣ цвѣтенія, посконь имѣетъ болѣе крѣпкое волокно, а цвѣтомъ ея пользуются на предметъ лишенія плодородія млекопитающихъ (?).

885) Вдоль Вит. Бѣлор. гречиха обыкновенно родится густою и высокою, что и вызываетъ скашиванье ея; но при плохомъ урожаѣ и незаурядной малорослости, она выдергивается, какъ ленъ, конопля и бобъ. Тогда гречиха связывается въ небольшіе, подобно овсянымъ, снопики, связываемые собственными стеблями.

886) При наступающемъ ненастьѣ, горохъ складывается въ копны, подобно сѣну, а отсюда накладывается на возъ, или снова раскидывается по пашнѣ для сушки.

887) Ходячіе термины: „оббиць обмежикъ, узмежикъ, выцырць лисинку, поцерцца въ кустахъ“, слишкомъ понятные въ простонародномъ быту, указываютъ на область мелкихъ сѣнокосныхъ работъ, которымъ, однако,

предшествуетъ сѣнокосная уборка гумна, такъ необходимаго при дальнѣйшей сушкѣ сѣна дома и подъ руками.

888) Островинка—небольшой лужокъ среди лѣса, или заростающей мелколѣсьемъ болотины; небольшая кнея, или рощица среди лѣсной Зпожни.

889) Гл. цяць, какъ и сложные— уцяць, нацяць и др.—выражаетъ дѣйствіе быстрой получки; но гл. выцяць обозначаетъ стремительный однократный ударъ по живому тѣлу.

890) Копешка и визеня, визенька—названіе небольшой копны и полувоза, исключительно сѣна.

891) Если сюда взяты дѣти, то они въ изобиліи поставляютъ ягоды, грибы и даже рыбу. За неимѣніемъ настоящихъ горшковъ, грибы и рыба часто „готуютца" въ опорожненныхъ молочныхъ крынкахъ, въ которыхъ, какъ и „кубличкахъ", перевозится „страва".

892) Во всѣ времена можно бывало натолкнуться на такую или иную, месть обидчику; но она касалась послѣдняго лично и не заходила далеко когда относилась къ неповиннымъ тварямъ. Посему весьма возможными бывали „дѣлежи хохловъ и мѣренье кольями" двухъ враговъ, послѣ того, какъ одинъ изъ нихъ выгналъ прутикомъ вражеское животное изъ стравежа. Аналогичное отношеніе врага къ кормовымъ складищамъ для скота дѣлало послѣднія неприкосновенными, даже при острой злобѣ къ обидчику, владѣльцу таковыхъ.

893) Если трясина не даетъ „просова", то косарь и носильщикъ травы бродятъ по колѣно въ выступающей подъ ногами водѣ; въ противномъ случаѣ дѣлу помогаютъ „болотныя кроты", о которыхъ упомянуто въ 750 примѣч.

894) Бичомъ „лядовой" сѣножати являются ничѣмъ неумолимые искатели ягодъ, обыкновенно во множествѣ появляющіеся здѣсь, и это тѣмъ несноснѣе, что одно и то же „лядо" можетъ давать землянику, чернику и малину, послѣдовательное созрѣваніе которыхъ приходится передъ сѣнокосомъ, въ красную пору травы.

895) Купина, ны и купа. пы,—сущ.—обычное имя отдѣльной кочки.

896) Какъ извѣстно, ленъ выдергивается при уборкѣ съ корнемъ,—что въ свою очередь рыхлитъ почву и тѣмъ позволяетъ скоту выдергивать жалкіе остатки корневища.

897) Довольно частымъ бываетъ сѣнокосъ „съ полу, съ третьей, даже четвертой копны", т. е. „дольщикъ" получаетъ отплату за трудъ натурою, согласно уговору съ владѣльцемъ сѣножати.

898) Засина, ны,—сущ.—тѣнистое мѣсто.

899) Впрочемъ, деревенскіе лѣкари и лѣкарки въ воспоминаемое время пользовались сѣнною трухой, какъ лѣкарственнымъ средствомъ при ревматическихъ страданіяхъ (ванны) и при хроническомъ кашлѣ (отваръ), а лошадиные цѣлители дѣлали изъ нея ножную припарку и пойло для опоенныхъ лошадей.

900) Дер. Рытено находится въ раіонѣ Бѣляшков. вол., Вит. у., и въ бытописуемое время была одною изъ глухихъ деревень, несмотря на близость ея къ просвѣщеннымъ пунктамъ.

901) Пцѣль и папцилъ,—сущ. - полусгнившій дрованой и строительный матеріалъ, только тлѣющій при горѣньи. Въ такомъ значеніи понимаются: прил.—пцѣлый и глаг.—пцѣць.

902) Примѣтною характерностью именъ древесныхъ и кустарныхъ особей служитъ окончаніе на „нина“: бирезинина, липинина, сосинина, ольшинина“ и проч. То же типичное окончаніе принадлежитъ и именамъ ягодныхъ особей: „суничинина, чарничинина, брусничинина, колокалушинина“.

903) Будничные термины „быть на рюму, оставить рюмъ“ (въ отдѣльн. произношеніи—румъ)—достаточно извѣстны въ мѣстномъ лѣсопромышленномъ (сплавномъ) дѣлѣ.

904) Въ торговомъ мірѣ подъ именемъ „коруна, коруннаго“ разумѣется первосортный, годный въ продажу, но необработанный (сырой) товаръ

905) Еще сравнительно недавно можно было видѣть угловой домъ противъ Ильинской ц. въ Вит., принадлежавшій г. Кабану, и сложенный изъ „сувярточныхъ“ бревенъ, которыя послѣ долголѣтней службы совершенно цѣлыми скрыты у новаго владѣльца подъ обшивкою.

906) Если толстыя „сухолины“ идутъ на ульи, даже „шулы“ отхожихъ пуньь, то тамъ и здѣсь нѣтъ мѣста подобному опасенію—запахъ пчелинаго яда уничтожитъ червей, а сѣно не боится древоточцевъ.

907) „Стоярусовое дерево“—мистическое дерево, способное ко всевозможнымъ превращеніямъ, даже въ некрещенаго человѣка (въ юго-вост. окр.). По смутному объясненію на мѣстѣ, это дерево есть что-то въ родѣ „муны и вовы“ (бука—несуществующее страшилище для дѣтей), но только для взрастныхъ...

908) Среди всѣхъ такихъ боровиковъ попадаются особи съ незаурядною окраскою шляпочки, съ плѣсенною плевою внизу. Они не обходятся искателями грибовъ и извѣстны подъ именемъ „глухихъ боровиковъ“; но это - скорѣе больныя, поврежденныя особи, безъ обычнаго запаха и вкуса.— Заслуживаетъ упоминанія, что рѣдкіе, отдѣльные любители собираютъ крупныхъ улитокъ съ боровиковъ, даже черныхъ грибовъ, и, подъ именемъ

„смовшовъ“ (ед. ч.—смовша—по ж. р.), ѣдятъ ихъ свѣжезапеченными на угольках...

909) Во многихъ мѣстахъ практикуется слѣдующій пріемъ при грибномъ (боровичномъ) сборѣ: искатель приходитъ на грибное мѣсто до разсвѣта и скромно покоится на сторожѣ до восхода солнца, когда только и совершается боровичный ростъ—всѣ окрестные боровики будутъ его... Въ листопадное время тотъ же искатель отправляется въ лѣсъ съ граблями.

910) Простонародная кухня весьма часто не брезгаетъ и червивыми матеріалами (грибы, мясо, сало, творогъ) совершенно справедливо напоминая для семейнаго успокоенія, что „тѣ не черви, которыхъ мы ѣдимъ, а вотъ тѣ черви, что насъ будутъ ѣсть“!..

911) При первомъ отвѣдываніи новогодней зелени, овощей, грибовъ и ягодъ вкушающій обыкновенно шутливо произноситъ, „новая повина, комариная ѣда, мидвѣжая сила кабъ у ротъ носило“!.

912) Подъ именемъ „моченыхъ“ грузди вывозятся на осенніе базары,—что достаточно извѣстно витеблянамъ

913) Благодаря сему, лисички можно считать единственными грибами, идущими на столъ мѣстнаго еврейства, крайне разборчиваго въ пищевыхъ продуктахъ.

914) „Говорушки“ поступаютъ на свѣжее лишь кушанье, пока не появятся иные грибы; въ остальное время онѣ обходятся грибниками и тлѣютъ да высыхаютъ на мѣстѣ родины.

915) Въ будничномъ различеніи есть три срока малиннаго урожая, соотвѣтствующіе тремъ ржанымъ—раннему, среднему, позднему: чистота ягодъ, величина ихъ и обиліе пророчатъ то же и во ржи.

916) Водовмѣстилище съ послѣднимъ построеніемъ принимаетъ имя „бодни“, хотя такъ называется собственно кадка внѣ настоящаго употребленія.

917) Пить „набгомъ“—пить прислонивъ голову къ неподвижно стоящей посудинѣ съ водою, или припавъ къ водовмѣстилищу; но пить „нагбомъ“—пить только изъ посудины, которую необходимо наклонить, и въ семъ случаѣ имѣется въ виду посудина больше питейной—ведро, кадка, горшокъ, кринка и проч

918) Зимнія „лунки“ (проруби) въ этихъ и другихъ водовмѣстилищахъ бываютъ закрыты соломенными плетенками; чаще всего тутъ отслуживаетъ послѣднюю службу старое колесо: его спицы, густо переплетенныя соломою, даютъ соломенный кружокъ, а болѣе длинный конецъ ступицы съ воткнутымъ сюда коломъ—удобную рукоять. Послѣ зимы эти колеса такъ

и остаются на мѣстѣ, пока текучая вода не унесетъ ихъ, а стоячая не скроетъ на дно...

919) Если „мочула" круглая, то діаметръ самой большей будетъ около 15 саж. „Мочула" съ болѣе длинными концами переходитъ уже въ „болоцца, омшару, или кичовникъ".

920) Водяной „рябинникъ" имѣетъ дов. смутное сходство съ деревомъ и ягодами того же имени; это—легко-розоватая водоросль на „отмеляхъ" съ крѣпкимъ, каменистымъ и песчанымъ дномъ; къ серединѣ лѣта „рябинникъ" увѣнчивается розовыми цвѣточными головками, покоящимися на водной поверхности. Въ то время, когда „рябинникъ", камышъ и тростникъ даютъ указаніе на крѣпкое дно, лопухи, аиръ и хвощъ указываютъ на „бузяное" (илистое).

921) „По лѣсу—грибъ, по водѣ—рыбина",—говоритъ присловье... Въ „руччавинахъ" водится своя отдѣльная мелкорыбица—„курмяли" (гольцы), наибольшая величина которыхъ не превышаетъ 2½ верш. „Курмяли" нѣжны, жирны и даютъ лакомое рыбное блюдо, для образованія котораго, однако, много нужно потрудиться ребятишкамъ—единственнымъ, терпѣливымъ ловцамъ этой мелкорыбицы, успѣшно укрывающейся въ береговые „хлуды"—подмытый берегъ и корни при-рѣчнаго ольшаника.

922) Умыванье лица надъ водою не дѣлается и по другимъ причинамъ: „водяникъ" можетъ подмѣтить отразившееся въ водѣ лицо, и если по почему-либо понравилось ему, то станетъ потомъ искать и преслѣдовать намѣченную жертву... Это общее предупрежденіе въ частности относится къ дѣтямъ и красивымъ дѣвушкамъ (Ловожь, Пол. у.).

923) Послѣ „Сороковъ" (память 40 мучен. 9 мар.) всякій свѣжій снѣжокъ называется „новымъ". Онъ собирается съ болѣе чистыхъ мѣстъ въ новую посудину, таетъ здѣсь; полученная вода предупреждаетъ загаръ, веснушки и даже прыщи... За такимъ снѣгомъ и водою обыкновенно гоняются тѣ, кто хочетъ сберечь, или придать своему лицу бѣлизну, нѣжность и вообще моложавость.

924) Такъ, напр., извѣстное близъ ст. Боровухи (дв.-вит. ж. д.) озеро Окунецъ имѣетъ исключительно окуней и щукъ; эти рыбы пожираютъ здѣсь своихъ выводковъ и другъ друга.

925) Эта рыба достаточно знакома базарнымъ покупателямъ, какъ и то, что она цѣнится ниже другой, сродной рыбы. Въ семъ отношеніи красивая по внѣшности рыба изъ при-усвятскихъ озеръ, Велиж. у., считается хуже рыбы сосѣднихъ озеръ.

926) Слова въ скобкахъ обозначаютъ мѣстныя имена той же рыбы. Что же касается надлежащихъ свѣдѣній о той или другой рыбѣ, таковыя даютъ два почтенныя изслѣдованія: „Жизнь рыбъ", П. Терлецкаго, Спб., 1879 г.,

и „Западная Двина“, А. П. Сапунова, Вит., 1893 г. Оба изслѣдованія одинаково касаются рыбъ Витеб. губ.

927) Спѣшу оговориться, что простонародные разсказы богаты преданіями о нѣкоторыхъ выдававшихся мѣстныхъ рыболовахъ: такъ, они видѣли озеро и рѣку насквозь, знали гдѣ, когда и какую рыбу можно ловить, такъ что могли давать даже заочныя указанія на предметъ рыболовли, и проч. Воскрешая же память о такихъ рыболовахъ, эти разсказы не приравнивали къ давнимъ рыболовамъ современныхъ, считая послѣднихъ „негодящимися имъ даже въ подметки“... Несомнѣнно, что хваленые рыболовы обстоятельно знали рыбьи ходы, становища, какъ и жизнь отдѣльныхъ рыбъ; къ сожалѣнію, ихъ многоцѣнныя знанія для промысла и даже науки утрачивались со смертію, и тѣмъ болѣе, что обычная въ семъ случаѣ сдержанность возбраняла передавать секретъ самымъ близкимъ лицамъ.—Заслуживаетъ вниманія и то, что „рыболовныя познанія даются свыше, какъ особый даръ Творца, а не пріобрѣтаются связями съ нечистою силой, какъ у стрѣлковъ, пчеловодовъ, скотоводовъ“ и проч., несмотря на то, что угрюмый, несообщительный рыболовъ, повидимому, долженъ быть въ подобномъ подозрѣніи (изъ сообщеній въ Губинѣ, Леп. у., въ 1861 г.).

928) Въ дальнѣйшемъ авторъ отчасти пользуется личными сообщеніями изъ „Западн. Двины“, А. П. Сапунова (стр. 243—262),—что, не умаляя достоинствъ почтеннаго труда, существенно для настоящей главы.

929) Какъ извѣстно, берестовые поплавки состоятъ изъ туго свернутой берестовой полоски. Это достигается варкою бересты, по преимуществу, въ соленой водѣ.—Грузящія сѣть „котэлки“ приготовляются рыболовами лично изъ глины съ пескомъ и обрабатываются гончарными пріемами.

930) Маховая сажень, вошедшая въ простонародную обиходность—дов. неточная мѣра: если имѣть въ виду разстояніе между растянутыми въ стороны руками возрастнаго человѣка, по концы пальцевъ, то сажень едва будетъ доходить до $2^1/_2$ арш.

931) „Лѣтная вода“—дов. неопредѣленное понятіе, которымъ обозначается внѣшняя вода, доступная для купанья комнатная вода („вода злѣцилася“) банная жаркая слегка разбавленная холодною (около 20°).

932) Послѣднее бываетъ рѣдко, развѣ между родственными рыболовами, такъ какъ здѣсь невольно можно выдать рыболовныя тайны, а это далеко не входитъ въ планы несообщительныхъ, даже коварныхъ рыболововъ, кстати, недолюбливающихъ другъ друга больше, чѣмъ другіе охотники.

933) При неумѣломъ забросѣ, когда низъ снаряда ложится на тугія водоросли, сѣть быстро скручивается,—что или совершенно, или на половину губитъ тоню и заставляетъ потомъ потратить немало времени для разверта „вирцыля“.

934) „Язовый“,—прил.—относящійся къ язу, который есть плетневая перегородка черезъ рѣку, съ отверстіемъ посрединѣ, для установки норота. Чтобы рыба не проходила сквозь плетневыя дырья, перегородка уставляется еловыми вѣтками со стороны теченія.—Такими язами, въ иныхъ мѣстахъ замѣняющими кладки перегорожено множество небольшихъ рѣчекъ. Кромѣ плетневыхъ есть язы закольные (изъ кольевъ), бревенчатые и каменные. Послѣдніе хорошо сохранившіеся отъ давнихъ дней можно видѣть на р. Ушачѣ, при с. Бонони, Пол. у.

935) Подъ именемъ омилушекъ извѣстны перелетныя птицы изъ семейства дроздовыхъ, которыя позднею осенью изрѣдка появляются здѣсь большими стаями и истребляютъ рябину. Для приманки этихъ птицъ въ нороты внутрь послѣднихъ обыкновенно кладутся пучки рябины; для приманки же куропатокъ достаточно бываетъ овсяной мякины.

936) Выборка рыбы изъ „норота и прутни“ одинаково извѣстна подъ терминами: тресь (трясти), или колоцицъ норотъ, прутяю, хотя изъ перваго приходится лишь выбирать рыбу рукою.

937) Особенно прибыльною бываетъ такая рыболовля въ болотистыхъ рѣчкахъ Будовѣсти и Черницѣ, притокахъ р. Оболи, Пол. у.

938) Подъ терминомъ „ѣздить съ острогою“ этотъ видъ рыболовли обстоятельно и художественно описанъ С. Т. Аксаковымъ.—При мѣстномъ лученьи рыбы освѣтительнымъ матеріаломъ служитъ лучина и „смоляки“ —небольшія полѣнья, обильно насыщенныя смолою, которыя нарочно отбираются при лѣсосѣкѣ, или дровосѣкѣ.

939) Въ удильно-рыболовномъ пониманіи струя есть главная ложбина, русло рѣки, весьма часто не различаемое на поверхности. Опытные, старые удильщики знаютъ эти струи, нерѣдко перемѣняющіяся, и устраиваютъ на нихъ „захвы“, или останавливаются на якорѣ.

940) „Жизнь рыбъ“ и „Западная Двина“,—о которыхъ упомянуто въ 927 примѣчаніи.

941) Зубецъ—двойной крючокъ съ расходящимися въ стороны головками и соединенными пятками—достаточно извѣстенъ городскимъ удильщикамъ; у деревенскихъ рыболововъ онъ безъ зазубринъ, самодѣльный.

942) Здѣсь умѣстно упомянуть, что женская рыболовля ведется только бреднемъ, „кригой и изрѣдка—топтуномъ“. Что же касается деревенскихъ удильщицъ, то онѣ такъ же странны, какъ странно и необычно появленіе женщины-пахаря, косца, дроворуба, скрипача, дударя и всадника, сидящаго по-мужски.

943) Имена насѣкомыхъ—кузнечика, летающей стрекозы и бабочки. Первый служитъ прекрасною насадкою для плотвы.

944) Шицикъ, ка,—сущ.—водяной червячекъ, ютящійся въ корѣ сгнившаго прутика, въ трубочкѣ листка, къ коимъ онъ прибавляетъ то мелкія растительныя частички, то песчинки. Въ своемъ всегда цилиндрическомъ убѣжищѣ, замаскированномъ прилипами, „шицикъ" недоступенъ для рыбы, которая знакомится съ нимъ лишь на крючкѣ удильщика.

945) Если преступный рыболовъ превысилъ дозу прибавляемаго сюда табаку, то отравляющаяся рыба будетъ метаться у дна и на поверхность всплываетъ развѣ мертвою; но такой рыбы не берутъ отравители, извлекая лишь полуживую, которую они немедленно же и потрошатъ.

946) Сказаніе о рыбномъ царѣ достаточно описанное мною въ другомъ мѣстѣ и по основной мысли заслуживающее вниманія, пришлось слышать отъ рѣдкаго рыболова-любителя (топтуномъ), кр. Домны, изъ дер. Пузырей, Город. у., хорошо извѣстной на мѣстѣ (старухѣ около 80 л).

947) При видимомъ оскудѣніи рыбы, еще и нынѣ, какъ и въ воспоминаемое время, пріобрѣли извѣстность: а) Ивановскіе (Нев. у.) лещи, б) Себежская, Бѣльская (Пол. у) селява, в) Залосемскіе, Себежскіе, Боронскіе (соедин. съ Себеж. оз.) и Дубокрайскіе ерши, г) окуни изъ озеръ—Окунца, Селья (Пол. у.), Завѣсна (Гор. у.) и р. Ловати,—д) Придруйскіе налимы и др.

948) Кромѣ топора, кое-какого лома, пешни, шворня, весьма частыхъ сотоварищей путника и конопаса, тѣ же лица и пастухи нашивали „дубинины" съ желѣзными копьевидными насадками, или же одинъ конецъ палки истончался на огнѣ до возможной остроты тогда какъ противоположный конецъ ея имѣлъ видъ „болдовни".

949) Первымъ именемъ обыкновенно называлась дикая коза а вторымъ—дикая свинья.—Легкій ушибъ козы или козла останавливалъ нѣжное животное которое жалобно верезжало „дрыгыло" ногой, трясло головою и въ такомъ положеніи скоро становилось добычею. Съ „дикомъ" нѣсколько иначе: онъ раненый зашибленный, онъ яростно бросается и на многолюдныхъ противниковъ. Тѣмъ не менѣе отдѣльные смѣльчаки уносили даже поросятъ „дика" изъ берлоги (д. Паршино и Выгарки Пол. у.. въ 1868 г.)

950) То же бывало съ зайцемъ когда, онъ попадалъ въ недозрѣвающій ленъ: чѣмъ быстрѣе его движенія здѣсь, тѣмъ вѣрнѣе онъ запутывался въ льнищѣ.

951) Повѣсть о семъ приходилось слышать отъ почтеннаго о. Н. Доронина, лично видѣвшаго это въ Ст.-Слободѣ, Люц. у., въ концѣ 50-хъ годовъ.

952) Вникая въ житейское значеніе этого слова, трудно рѣшить: происходитъ ли оно отъ слова „палицъ“ (жечь. въ данномъ случаѣ порохъ), или же отъ сущ. „поле“ какъ мѣста охоты?

953) Обычное и повсюдное имя бѣлой куропатки какъ извѣстно, издающей (въ пору токованья) подобіе звуковъ хохочущаго человѣка — что, нераздѣльно съ звуками выпи, бекаса и другихъ болотныхъ и неболотныхъ птицъ, въ свое время создавало пространныя повѣсти о „водяникахъ и болотникахъ“.

954) Именемъ „слонки, сломки“ обыкновенно называется вальдшнепъ —крупнѣйшій бекасъ (боровой куликъ), составляющій весьма цѣнный предметъ весенней охоты у городскихъ охотниковъ и остающійся безъ вниманія у деревенскихъ.

955) Не взирая на точное житейское предписаніе—„николи ни пызычай (никогда не одолжай) другому ни ружжа, ни женки, ни кыня“,—ружье какъ-то долго бродитъ по чужимъ рукамъ и часто возвращается владѣльцу въ жалкомъ видѣ

956) Припрятывать стволъ и добротное ружье приходилось потому именно, что на нихъ всегда вдоволь бывало посягателей, начиная отъ пана и кончая послѣднимъ дворовымъ прислужникомъ, которые завладѣвали ружьемъ, по праву крѣпостныхъ владыкъ совершенно безвозмездно. Во время мятежа 1863 г. и въ первые за симъ годы огнестрѣльное оружіе припрятывалось по недоразумѣнію: мужикъ страшился предъявлять подлежащимъ властямъ ружье и пистолетъ, чтобы внести ихъ въ списки и приложить печать. Отъ этихъ прятокъ погибало много весьма доброкачественныхъ ружей и пистолетовъ.

957) Любопытно было видѣть, какъ на самодѣльной ружейной ложѣ торчитъ иногда пистолетный стволъ, нынѣ чуть пригодный для дѣтскаго игрушечнаго ружья. Шаговъ на 15—20 охотникъ стрѣливалъ изъ такого ружья въ утку, тетерева и рябчика...

958) Опасеніе за разсыпной выстрѣлъ приводило къ тому, что ружейные стволы никогда не смазывались внутри подлежащимъ жиромъ. Что же касается выстрѣла „кулій“, то это происходило отъ тугого прибоя верхняго пыжа, благодаря чему дробь вдавливалась въ мягкую паклю.

959) Зарядная мѣрочка дѣлалась такъ: по ширинѣ отверстія ствола выстругивался деревянный, или роговой цилиндръ, глубиною котораго служилъ діаметръ стволового отверстія. Ясно, что недоброкачественный порохъ даетъ слабый выстрѣлъ, не доноситъ, какъ говорятъ охотники, тогда-какъ сильный порохъ вызоветъ ружейный толчокъ въ плечо и щеку.

960) Въ концѣ 50-хъ годовъ авторъ видѣлъ четкую, но безграмотную запись „охотничьихъ средствъ“ въ Веляшковичахъ, Вит. у. Гораздо позже,

въ 1862 г., въ его распоряженіи была старопечатная книга съ такими средствами: по ней передаются здѣсь наставленія подъ пунктами а—е.

961) Въ заключительномъ словѣ охотничьихъ средствъ сказано: „въ семъ состоятъ тайны, которыя открылъ намъ г. Дебель, и сего довольно для понятія о томъ, какою лющею суевѣріе въ старину занималось, даже между охотниками...“

962) Къ мѣсту тока охотникъ отправляется въ полночь, при чемъ, для лучшей маскировки, одѣваетъ вывороченную шубу и баранью шапку (обловуху). Лишь только раздастся голосъ тетерева, или глухаря, онъ спѣшно идетъ къ мѣсту и внимательно улавливаетъ предконечные звуки токующаго; когда же они прекращаются, охотникъ останавливается иногда на одной ногѣ пока тѣ же звуки токующаго не возобновятся опять. Подходъ къ рябчику не вызываетъ подобныхъ предосторожностей.

963) Весьма часто и успѣшно охотникъ прячется за лошадь, которую ведетъ вдоль берега, или, одѣвшись въ вывороченную шубу и шапку, подходитъ на четверенькахъ.

964) Сидѣць, стоаць на цѣлику —охотничій терминъ, которымъ опредѣляется положеніе дичи, когда на нее наведено ружье и готовится выстрѣлъ. Упоминая объ этомъ моментѣ, самый захудалий стрѣлокъ горделиво говоритъ, что не возьму ста рублей за спускъ дичи съ цѣлика (Д. М. Бѣловъ и Т. И. Коношонокъ въ Ловжѣ, Пол. у., въ 1870 г.).

965) Такія полати устраиваются исключительно на медвѣдей, приманиваемыхъ „стервятиной“, или вблизи овса, куда звѣрь повадился ходить.

966) Охота съ загономъ (тетеревей исключительно) производится въ „паросникахъ и наспычкахъ“ послѣ листопада. Тутъ охотливыми загонщиками являются дѣти: растянувшись въ линію, они движутся по направленію къ охотничьей будкѣ и немилосердно хлопаютъ надѣтыми на руки рукавицами.

967) Тутъ нелишне повторить, что охотникъ стрѣлялъ тогда лишь, когда предстоялъ вѣрный надежный выстрѣлъ. Прицѣливаясь подолгу, свѣряя нѣсколько разъ положеніе направленнаго ружья, будучи увѣреннымъ въ спокойномъ положеніи дичи, наиболѣе набожный стрѣлокъ вершалъ прицѣливанье крестнымъ знаменіемъ и себя, и дичи, прочитывалъ подходящую молитву и со словомъ „аминь“! нажималъ ружейную собачку... При такой осмотрительности, охотникъ рѣдко пуделилъ, подстрѣливалъ дичь.

968) До конца 50-хъ годовъ охотники вѣдались только съ кремневыми ружьями, которыя съ 1860 гг. спѣшно стали передѣлываться въ пистонныя. Эти ружья могли быть легко отличены по замку, гдѣ оставались праздными двѣ винтовыя дырочки, и по приложенному наскоро „каменку“, который дов. часто вырывался изъ ствола.

969) „Дранкульки“ рѣдко отливались, подобно пулямъ, еще рѣже покупались готовыми: на образованіе ихъ разсѣкалась обыкновенная пуля на 4—6 частей, которыя потомъ нѣсколько округлялись на камнѣ, при помощи молотка. Подобнымъ образомъ приготовлялась „сячонка“ взамѣнъ дроби; но она округлялась въ тряпочкѣ треніемъ, изрѣдка—молоточными ударами.

970) Удавленная силкомъ дичь не шла на домашнія нужды, а болѣе честный охотникъ не сбывалъ ея въ стороннія руки: загубленное животное бросалось на произволъ

971) Про такой дикій способъ охоты приходилось слышать въ Ловжѣ, Пол. у., гдѣ она устраивалась на пространныхъ разливахъ р. Будовѣсти.

972) Авторъ приглашаетъ припомнить чудную иллюстрацію этого дѣла, какъ будто скопированную съ жизни простолюдина Витебск. Бѣлор., въ путевомъ очеркѣ „Жизнь въ Борисовскомъ уѣздѣ“ (см. № 24 „Минскихъ Губ. Вѣд.“ за 1866 г.).

973) Повѣсть о семъ приходилось слышать въ д. Попкахъ и Качоринѣ, Вит. у., еще въ 1861 г., гдѣ поименно указывали на такихъ благодѣтелей, какъ умершихъ, такъ и живыхъ.

974) Слово: „вѣдьмедь и облама“ слышатся гораздо чаще обычныхъ именъ медвѣдя и облавы, —что значительно ближе къ древнему употребленію тѣхъ словъ и къ практическому положенію охоты на медвѣдя.

975) Въ воспоминаемое время (до 1863 г.) практиковалась стрѣльба въ нѣкоторыхъ церквахъ изъ холостыхъ ружей и пистолетовъ при первомъ произнесеніи словъ: „Христосъ воскресе“. Подлежащіе стрѣлки обыкновенно помѣщались на хорахъ, надъ притворомъ, и стрѣляли залпомъ на четыре стороны—востокъ, западъ, сѣверъ и югъ. Если гдѣ имѣлась „мажжера“ (ручная пушка, иногда съ деревяннымъ дуломъ), то изъ нея тогда же стрѣляли на западъ...

976) Слѣдуетъ вспомнить, что кромѣ водяныхъ, а также приводимыхъ въ движеніе волами, лошадьми, при помѣщичьихъ усадьбахъ устраивались и вѣтряныя мельницы. Эти послѣднія какъ-то изводились въ описываемое время, и только сравнительно недавно онѣ начали воскресать, но уже въ крестьянскихъ хозяйствахъ... Паровыхъ мельницъ простолюдинъ пока-что сторонится и по-сейчасъ, увѣряя, что здѣсь мука какъ-то перегораетъ.

977) Стула, стульца (по ж. р.)—прямое и ласкат. имя стула. Въ надежномъ употребленіи обоихъ именъ замѣчается неустойчивость, благодаря которой они являются то съ мужскимъ, то съ женскимъ склоненіемъ.

978) По поводу сужденія о вредѣ курной хатки и лучиннаго дыма приходилось слышать (въ 1861 г., въ с. Стрѣлкахъ, Дрис. у.) простонародное оправданіе того и другого дыма, который значительно дезинфецируетъ одежду и предметы хатки, убиваетъ эпидемическіе заносы (?)..

979) Посѣтители выставки въ г. Городкѣ, кажется, лѣтомъ 1892 г., не откажутся припомнить, что здѣсь находилось не мало такихъ школьныхъ издѣлій. Въ свою очередь, посѣтители музея при Вит. стат. ком. не могли не замѣтить весьма изящныхъ, тонкихъ моделей, сработанныхъ дѣтьми, питомцами различныхъ школъ.

980) Уже съ половины 60-хъ годовъ давнія „колесы" устраивались съ „крутымъ покатомъ" въ сравнительно же недавнее время, послѣ обильнаго прилива латышей въ губернію, въ крестьянскомъ обиходѣ стали мелькать легкія, плотныя и на самомъ дѣлѣ весьма изящныя телѣжки латышскаго образца, съ окованными ободами, съ желѣзными осями и необходимыми упорками. Пока-что такіе экипажи, короткіе, выкрашенные темною краскою служатъ лишь выѣздными.

981) Беру единичный, правда хотя и замѣчательный случай: въ концѣ 70-хъ годовъ дов. состоятельный кр. Бѣльской вол., Пол. у., Гер. Авер. пріобрѣлъ молотилку и въ первую же работу на ней раздробилъ кисть руки; послѣднюю пришлось ампутировать .. Личная небрежность, неумѣлое отношеніе къ скромному и полезному орудію остались не при чемъ, а виновною на окрестный взглядъ оказалась выписная молотилка, которой одинаково страшились хозяинъ и сосѣди долгіе годы...

982) Здѣсь кстати повторить, что и при сѣнокосѣ остаются неизмѣнными давніе пріемы и орудія; но теперь, при экономичномъ отношеніи къ каждому клочку сѣна, уже не встрѣчаются сѣнные „вирцяли", образуемые бывало волоковою доставкою копенъ при метаніи стоговъ, благодаря чему такъ непроизводительно погибало не мало сѣна.

983) „Кичовники", т. е. мѣста, покрытыя кочками и одинаково встрѣчающіяся подъ болотными зарослями и на открытыхъ, сѣнокосныхъ луговинахъ, въ послѣднее время дѣятельно плинтуются и такимъ образомъ изъ неудобной раньше земли преобразуются въ удобную—пашенную, или сѣнокосную. Это особенно замѣтно по Город. уѣзду.

984) На такихъ лещей-великановъ указываетъ личный очевидецъ ихъ г. П. Терлецкій („Жизнь рыбъ"), и эти лещи ловились въ оз. Вировлѣ, Город. у.

985) Гладкоствольныя ружья извѣстны были подъ именемъ „тулокъ, утулокъ", хотя многія изъ нихъ и не выходили изъ тульскихъ заводовъ; ружья съ витыми, узорными стволами назывались „жированками" и цѣнились выше первыхъ. При улучшившемся производствѣ, стали появляться дешевыя „тулки" съ весьма красивыми, мелкими узорами снаружи и внутри ствола.

986) Насколько дешевы стали ружья въ концѣ 80-хъ год. можно судить изъ того, что новая, напр., „тулка-двоярулька" (двустволка) покупалась за 5 руб., а „одноруль̇ка" —за 2 рубля, при чемъ иное задачливое ружье стрѣливало среднею дробью шаговъ на 50.

987) Благомыслящая часть общества давно и не разъ выражала свою горечь по поводу ослабленія власти и авторитета старшихъ въ простонародной семьѣ. Наличное положеніе этого дѣла, между прочимъ, таково: отецъ и его 15-тилѣт. сынъ сосутъ одну и ту же трубку, папиросу, отецъ хлопочетъ о сыновнемъ чиджакѣ, ботахъ со скрипами, о гармоникѣ, тросточкѣ и проч. Соотвѣтственно сему шло послабленіе старшихъ и къ ружейно-охотничьимъ движеніямъ сынковъ...

988) Въ числѣ насмѣшливыхъ сужденій о ружьѣ даннаго охотника-хвастуна почти всегда можно бывало услышать не единичное слово сторонныхъ лицъ: „а добрыи-бъ лимяшй были"!.. или: „нирякуй-ка ты яго (ружейный стволъ) ны лимяшн"!... По отношенію къ теперешнему положенію охотничьихъ ружей у деревлянъ эти насмѣшливыя слова оказываются чуть-ли не пророчественными...

989) Суражскій уѣздъ упраздненъ, 31 окт. 1866 г. и вслѣдъ засимъ онъ распредѣленъ между тремя сосѣдними уѣздами — Вит. Гор. и Велижскимъ.

990) Съ сѣв.-зап. къ юго-вост., на 205 вер. 250 саж., по Вит. гу протянулось С.-Пет.-Кіев. шоссе, зажившее полною жизнью еще съ 1850 г., а съ 1854 г. юго-вост. окраину губерніи прорѣзало Смолен. шоссе на протяженіи 28 вер. 100 саж. Слѣдуетъ признать, что при ожидаемомъ просвѣтительномъ воздѣйствіи на жизнь и бытъ придорожнаго простонародья, обѣ „каменки" не провели этого воздѣйствія на сосѣдливое, окрестное простонародье, — что значительно разнится отъ просвѣтительнаго воздѣйствія „чугунки". — Какъ извѣстно, движеніе по б. Двин.-Вит. ж. д. открыто въ два срока: отъ Двинска до Пол. 25 мая, а съ Пол. до Вит. — 5 окт. 1866 г.; чрезъ два года, а именно - 10 окт. 1868 г. открыто движеніе по первому участку (отъ Вит. до Смолен.), Орлов.-Вит. ж. д. Уже въ первые годы придорожное про-

стонародье замѣтно преобразилось въ послѣдующее же время это не замедлило сказаться и на отдаленныхъ сосѣдяхъ „чугунокъ“.

991) Печатаніе „Очерковъ“ въ фельетонномъ отдѣлѣ „Вит. Губ Вѣд.“ началось 10 марта 1894 г., а закончилось 11 мая 1895 г.

992) Здѣсь считаю умѣстнымъ вспомнить, что еще въ ноябрѣ 1890 г. въ распоряженіе извѣстнаго этнографа собирателя П. В. Шейна мною препровожденъ былъ сродный этнографическій матеріалъ, который можно назвать спѣшно составленнымъ конспектомъ первыхъ двухъ отдѣловъ настоящихъ „Очерковъ“. Думается, что появленіе „конспекта“ въ сборникѣ этнографа собирателя едва-ли будетъ умѣстнымъ послѣ того, что даетъ законченное нынѣ бытописаніе.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

А. Въ текстѣ.

Страница.	Строка сверху.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
7	2	головки	головни
7	9	рубленыя	рубленныя
8	31	какой-нибудѣ	какой-нибудь
20	7	что	чего
20	16	„подсмеецинимъ“	„подсмѣцинимъ“
22	1	животнаго:	животнаго
22	3	аладьи	оладьи
36	18	„выидлиный“	„вяидлиный“
37	18	менешкоаовальной	менешко-овальной
47	7	за то	зато
62	21	свой кусочекъ	своего кусочка
64	6	они	онѣ
66	10	ня диржиць“	ни дяржиць“
66	31	вкуса	кваса
67	8	какъ 5:1	какъ 5 къ 1
68	17	къ исчезновеніе	къ исчезновенію
71	18	и безъ	безъ
72	30	причиты	причеты
113	1	вязать, также какъ и носить	вязать такъ же, какъ и носить
115	7—8		II (гл.). Женская одежда.
116	9	обрывомъ	обрывкомъ
131	8	также, какъ	такъ же, какъ
137	25	привѣшенными	привѣшанными
150	24—25		IX (гл.). Нитка.
155	17	во время	на время
167	13	наслоившійся	наслояющійся
169	6	съуживается	суживается
169	29	приближатся	приблизятся
170	3	часто	чисто
170	14	называемую,	называемую
177	19	въ 8 верш.: (п и п),	въ 8 верш. (п и п),
179	31	„даружиий“	„даружини“
184	31	отмѣчено	отвѣчено
186	1	двухъ верхней одежду	двухъ—верхней одежды
187	18	тканью	тканью—
198	8	опояску какъ	опояску, какъ
212	6	отдаленные	отдѣльные
213	10	хадиць“	ходиць“
214	18	и прямо	и прясло
214	31	и солома	или солома
215	3	съуживается	суживается
216	11	насланіе	наслоеніе
217	9	съ нарами	съ пазами
222	13	по немъ	по нему
224	14	равняются	ровняются

226	2	„мувальныхъ“	„снувальныхъ“
231	22	слой грязи	слой грязи,
237	21	другой	другой;
237	22	достаточи;	достаточно
252	20	съ хаткой	съ хаткою,
254	14	соломенки	соломинки
261	31	дезинфецирують	дезинфекцирують
267	25	чепилъ“	чепиль“
269	18	съуженное	суэившееся
271	9	токовиша	токовища,
271	23	книзу	снизу
276	23	„тынцы-пдясы“	„тынцы-плясы“
280	27	слѣдуетъ	слѣдуютъ:
295	11	мужчинами	мужчинами,
307	1	тѣсною	стѣною
309	7	тковая	таковая
313	18	разсмотрѣны.—	разсмотрѣны
315	21	„игиць“	„иглицъ“
316	2	заклепанныхъ	заклепанными
318	20	гостиниаго	гостинаго
321	12	посрединѣ	на срединѣ
324	20	въ семьѣ родѣ	въ семьѣ и родѣ
326	14	черенки	(черенки
326	20	„исцепки“	исцепки“,
328	20	тратуто	трату—то
338	10	упряжи даже	упряжи, даже
340	28	допустить	допуститъ
347	32	лавик	лавки
349	9	жерновъ	жерновов̂ъ
351	26	коротконогіе	коротконогія
352	8	лужицѣ	лужицы
355	31	съ рукъ, также	съ рукъ такъ же,
361	21	сѣнные	сѣнныя
362	22	мѣшкѣ;	мѣшкѣ,
364	11	которая	которыя
365	10	„шворень“	„шверинъ“
366	1	дребежжать	дребезжатъ
366	25	запасалась	запасалось
369	10	покупаются	покупается
371	13	легка	слегка
377	3	держатъ	—держать
379	18	разсчеты	расчеты
383	15	въиемногихъ	въ немногихъ
388	2	счесана	стесана
389	27	въ 1 верш.,	въ 1 верш.
396	24	среднiй	средней
411	8	ило	или
411	4	ни	но
412	3	поискахъ	поисковъ
418	1	отдаляетъ	отдалитъ
418	14	пастернакъ	пастернакъ,
420	1	дѣла	дѣла—
422	1	сухомъ	въ сухомъ
423	10	качанъ	кочанъ
423	13	качанъ	кочанъ

427	8	обычнымъ	обычными
427	18	или	если
432	16	деревяшку	деревяжку
433	12	пщелъ“!	пщелъ“,
436	17	какъ ни	какъ не
442	1	досужіе дѣти	досужія дѣти
442	6	въ которой	въ который
447	5	прошлогодніе	прошлогоднія
454	25	попашнѣ	по пашнѣ.
455	12	наноминаютъ ни	напоминаютъ ли
456	19	„капешка“	„копешка“
464	20	Поподобными	подобными
465	6	послѣднимъ	послѣднихъ
471	6	гостинницамъ	гостинцамъ
472	17	„обабки“	„обабки-подугребы“
474	16	междупорочныхъ	между ними порочныхъ
474	21	салнышко	солнышко
476	5	истребленія	исправленія
487	3	сумерочные	сумеречные
488	20	ни могутъ	не могутъ
488	25	неизмѣнныхъ,	неизмѣнныхъ
489	17	ни что иное	ни иное что
490	13	водоросли	водорасли
491	16	водоросли	водорасли
493	22	подкаменьщикъ	подкаменщикъ
496	2	окрайнамъ	окраинамъ
502	20	опускать	опускаетъ
502	25	ютившуюся	ютящуюся
503	29	При помашн	При помощи
507	15	длину	длины
513	5	крыльями	„крылами“
516	14—15		XV. (гл.). На охотѣ.
520	9	„вотъ кабы	„вотъ, кабы
5 6	10	стрѣляетъ	и стрѣляетъ
529	4	снарядивъ	зарядивъ
530	21	стами	стаями
531	27	пола	кола
540	21	среди болѣе	у болѣе
540	23	одиночный	одиночной
546	25	развелось	развилось
547	11	стайно и	и стайно

Б. Въ выноскахъ и примѣчаніяхъ.

№№ выносокъ.	Строка выноски.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
3	1	боровъ, вообще	боровъ вообще
11	6	число	числа
56	3	изготовится	готовится
67	2	послѣдніе	послѣднія
77	1	Кленовыя листья	Кленовые листья
277	3	къ нимъ	въ нихъ

318	7	обязательное	обязательное:
338	5	въ собенности	въ особенности
369	1	сущ.	сущ.—
370	1	сущ.	сущ.—
385	1	такимъ	такихъ
399	5	На сколько	Какъ
419	18	стоявшаго	стоявшаго (дома)
448	2	обънеясны	объяснены
549	2	клѣти	клѣти;
565	2	имя	имена
610	1	праздника	праздника;
653	2	изахудалые	и захудалые
656	3	старообряцевъ	старообрядцевъ
657	9	нѣкольку	нѣсколько
658	2	престадѣлыхъ	престарѣлыхъ
672	1	сучь--	сучья
673	2	пачинается	начинается
718	2	ходятъ	хотятъ
718	7	змѣ	змѣй
729	4	осью	осью,
731	9	іюнь	въ іюнѣ
732	1	пододится	подводится
737	1	особенно	особенно,
748	4	недавна	недавно
749	4	надписьчей	надпись: чей
795	9	имеетъ	имѣетъ
824	13	31 іюня	13 іюня
824	7	корне плодники	корнеплодники
827	1	стеблен	стеблей
922	3	но почему-либо	почему-либо
949	5	онъ раненый	раненый,
962	6	ногѣ пока	ногѣ, пока
978	3	дезинфецируетъ	дезинфекцируетъ
980	2	покатомъ"	покатомъ";
981	1	правда хотя	правда, хотя
981	5	не при чемъ	ни при чемъ
990	12	преобразилось	преобразилось;

Цѣна три рубля.